Весь

БРЭДБЕРИ

МАРСИАНСКИЕ ХРОНИКИ

Полное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

Марсианские хроники. Полное издание

Рэй Дуглас Брэдбери

Аннотация
Рэй Брэдбери. Марсианские хроники
Марсианские хроники
  Долгая дорога на Марс. Предисловие 1990 года
  Гринтаун, где-то на Марсе. Марс, где-то в Египте. Предисловие 1997 года
  Хронология
  Январь 2030. Ракетное лето
  Февраль 2030. Илла
  Август 2030. Летняя ночь
  Август 2030. Земляне
  Март 2031. Налогоплательщик
  Июнь 2032. И по-прежнему лучами серебрит простор луна…
  Август 2032. Поселенцы
  Декабрь 2032. Зеленое утро
  Февраль 2033. Саранча
  Август 2033. Ночная встреча
  Октябрь 2033. Берег
  Ноябрь 2033. Огненные шары
  Февраль 2034. Интермедия

Апрель 2034. Музыканты
Май 2034. Пустыня
Июнь 2034. …Высоко в небеса
2035–2036. Новые имена
Апрель 2036. Эшер II
Август 2036. Старые люди
Сентябрь 2036. Марсианин
Ноябрь 2036. «Дорожные товары»
Ноябрь 2036. Мертвый сезон
Ноябрь 2036. Наблюдатели
Декабрь 2036. Безмолвные города
Апрель 2057. Долгие годы
Август 2057. Будет ласковый дождь
Октябрь 2057. Каникулы на Марсе
Как я написал свою книгу. Послесловие
Иные марсианские хроники
Одни
Запрещенные
Тот, кто ждет
Чума
Разгар лета
Призраки Марса
Джемима Трю
Деды были у всех
Земляничное окошко
Другие времена

Колесо
Любовная история
Свадьба
Пришествие
Заброшенный город на Марсе
Празднество
Полный расчет
Мессия
Ночной звонок, возьми трубку
Синяя бутылка
Были они смуглые и золотоглазые
Неканонические хроники
Флейтист
«Некоторые из моих друзей – марсиане»
Акведук
Бетономешалка
Ракета
О скитаньях вечных и о Земле
В путь недолгий
Лети домой

Аннотация

За время своей долгой литературной карьеры Рэй Брэдбери создал ряд ярчайших произведений нашего времени. Но ни одно из них не может показать всю широту и глубину его таланта, кроме, пожалуй, «Марсианских хроник». Визионерский рассказ о попытке колонизации человечеством другой планеты, новом фронтире и атомном апокалипсисе, эта уникальная книга является одновременно научной фантастикой и неотъемлемой частью современной культуры.

В книгу вошли сами «Марсианские хроники», впервые выходящие на русском языке в самом полном составе, включая новеллы и предисловия, изъятые или добавленные автором в разное время, а также «Иные марсианские хроники» и «Неканонические хроники» – два сборника «марсианских рассказов», отобранных самим Брэдбери.

Рэй Брэдбери
Марсианские хроники

© Л. Жданов, наследники, перевод на русский язык, 2019
© В. Серебряков, перевод на русский язык, 2019
© Н. Галь, перевод на русский язык, 2019
© О. Акимова, перевод на русский язык, 2019
© М. Молчанов, перевод на русский язык, 2019
© А. Оганян, перевод на русский язык, 2019
© Т. Покидаева, перевод на русский язык, 2019
© И. Нечаева, перевод на русский язык, 2019
© А. Гришин, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2019

Марсианские хроники

Моей жене Маргарет с искренней любовью. Мэгги, напечатавшей рукопись в далеком 1949 году. И Норману Корвину с Уолтером И. Брэдбери, замечательным друзьям и «повивальным бабкам»!

«Великое дело – способность удивляться, – сказал философ. – Космические полеты снова сделали всех нас детьми».

Долгая дорога на Марс
Предисловие 1990 года

Как я перебрался из Уокигана, штат Иллинойс, на Красную планету, Марс?

Возможно, об этом могли бы рассказать два человека.

Их имена указаны в посвящении юбилейного издания, выпущенного к сорокалетию со дня выхода в свет «Марсианских хроник».

Эти двое — мой друг Норман Корвин, который первым выслушивал мои марсианские истории, и мой будущий редактор Уолтер Брэдбери (не родственник), который сразу же разглядел, что я затеял, хотя сам я об этом еще не подозревал, и убедил меня закончить роман, который я даже не знал, что пишу.

Мое путешествие в тот весенний вечер 1949 года, когда Уолтер Брэдбери заставил меня удивиться себе самому, проходило по неуправляемой траектории многочисленных «а что, если».

А что, если бы я не услышал радиопостановки Нормана Корвина и не влюбился в нее, когда мне было девятнадцать?

А что, если бы я не отправил свой первый сборник рассказов Корвину, который потом стал мне другом на всю жизнь?

А что, если бы я не последовал его совету и не поехал в Нью-Йорк в июне 1949 года?

Ответ простой: возможно, не было бы никаких «Марсианских хроник».

Однако Норман упорно твердил, что мне пора бы уже засветиться в манхэттенских издательствах и что он со своей женой Кэти встретят меня в Нью-Йорке, все покажут, расскажут и будут всячески оберегать. Из-за его уговоров я, оставив беременную жену в Лос-Анджелесе, проехал через всю страну — четверо суток в междугороднем автобусе, четыре долгих дня и ночи, свернувшись, как прокисший чайный гриб, в шарообразный, заплесневелый грибок, с 40 долларами на банковском счету и договоренностью с общежитием Молодежной христианской ассоциации (5 долларов в неделю), ожидавшим меня на Сорок второй улице.

Корвины, выполняя свое обещание, всячески меня опекали и знакомили с редакторами, которые спрашивали:

— Вы привезли роман?

Я признавался, что, будучи спринтером, привез

только пятьдесят коротких рассказов и древнюю, побитую жизнью пишущую машинку. Есть у них надобность в полусотне рассказов, плодов буйного творческого воображения, в основном гениальных? Такой надобности у них не было.

Что приводит к последнему, самому главному «а что, если».

А что, если бы я не пошел ужинать с последним из редакторов, которому я был представлен — Уолтером Брэдбери из Doubleday, и он не задал бы мне все тот же гнетущий вопрос: есть ли у меня готовый роман, и не услышал бы в ответ мой рассказ о забеге на милю за четыре минуты, это когда за завтраком я наступаю на мину-идею, она взрывается, а я собираю куски и осколки и сплавляю их заново, чтобы к обеду они охладились.

Уолтер Брэдбери покачал головой, доел десерт, крепко задумался и сказал:

— Мне кажется, вы уже написали роман.

— Как? — спросил я. — *Когда*?

— А вот эти ваши марсианские рассказы, которые вы публиковали последние четыре года, — сказал он. — Ведь там же есть некая общая нить? Может быть, вы их как-то пришьете друг к другу, вроде как соберете мозаичный гобелен, троюродный брат романа?

— О боже! — воскликнул я.

— Что?

— О боже, — повторил я. — В 1944-м я прочел «Уайнсбург, Огайо» Шервуда Андерсона, и книга настолько меня впечатлила, что я сказал себе: надо бы попытаться написать что-то хотя бы наполовину такое же сильное, а действие перенести на Марс. Я даже составил краткие описания героев и событий на Красной планете, но потом потерял их в своих бумагах!

— Похоже, мы их нашли, — сказал Брэд.

– Правда?

— Даже не сомневайтесь, — сказал Брэд. — Возвращайтесь к себе в общежитие и составьте краткий конспект всех марсианских рассказов. Завтра несите его ко мне. Если мне понравится, сразу подпишем договор, и я дам вам аванс.

Дон Конгдон, мой лучший друг и литературный агент, сидевший напротив, кивнул.

— В полдень буду у вас в редакции! — сказал я Брэду.

Чтобы это отметить, я заказал второй десерт. Брэд и Дон взяли по пиву.

Была типичная для Нью-Йорка жаркая июньская ночь. Кондиционеров тогда еще не придумали. Я просидел за машинкой до трех часов

пополуночи, в одних трусах, обливаясь потом, сводил по весам и центровкам своих марсиан в их странных городах в последние часы до прибытия и отбытия моих космонавтов.

Ровно в полдень, усталый, но довольный, я положил конспект на стол Уолтера Брэдбери.

— Вы это сделали! — сказал он. — Завтра подпишем договор, и сразу получите чек на аванс.

Кажется, я выражал свои чувства чересчур бурно. Слегка успокоившись, я спросил про другие мои рассказы.

— Сейчас, когда мы будем публиковать ваш первый роман, — сказал Брэд, — можно рискнуть и с рассказами, хотя подобные сборники редко когда продаются. Сможете придумать название, которое объединило бы два десятка разрозненных рассказов? Вроде как одело бы их в кожу…

— В кожу? — переспросил я. — Тогда почему бы не «Человек в картинках»? Так называется мой рассказ о цирковом зазывале, чьи татуировки двигались, и оживали, и разыгрывали будущее в живых картинах у него на груди, на руках и ногах.

— Похоже, придется выписывать сразу два чека, на два аванса, — сказал Уолтер Брэдбери.

Через три дня я уехал из Нью-Йорка с двумя

подписанными договорами и двумя чеками на общую сумму 1500 долларов. Достаточно, чтобы платить целый год за съемное жилье по 30 долларов в месяц, поднять ребенка и внести первый взнос за маленький типовой домик вдалеке от Венеции, штат Калифорния, и от моря. К тому времени когда родилась наша первая дочь — осенью 1949 года, — я уже совместил и приладил друг к другу все когда-то потерянные, а теперь вновь обретенные марсианские штуковины. У меня получился не парад чудаковатых персонажей, как в «Уайнсбурге, Огайо», а сплав странных идей, представлений, фантазий и грез, которые виделись мне во сне и грезились наяву, начиная с двенадцати лет.

«Марсианские хроники» вышли на следующий год, в конце весны 1950-го.

Когда я поехал на восток той весной, то еще сам не ведал, что сотворил. Оказавшись в Чикаго, я пошел в Институт искусств, чтобы пообедать с одним из моих друзей. Я увидел толпу на лестнице института и подумал, что это туристы. Но, как только я стал подниматься, эти люди бросились мне навстречу и окружили со всех сторон. Оказалось, что это не поклонники искусства, а читатели, которые уже прочитали мои «Марси-

анские хроники» и пришли, чтобы сказать мне, что именно я написал, сам того не понимая. После той встречи моя жизнь изменилась уже навсегда. После той встречи все стало иначе.

Список этих «а что, если» можно продолжать бесконечно. А что, если бы я не встретил Мэгги, которая согласилась стать моей женой и приняла ради меня обет бедности? Что, если бы в ту же неделю, когда я женился на Маргарет, Дон Конгдон не пожелал бы стать моим литературным агентом, каковым он остается уже сорок три года?

И что, если бы, вскоре после выхода «Хроник», я не зашел бы в тот маленький книжный в Санта-Монике, куда в то же самое время заглянул и Кристофер Ишервуд?

Я быстренько подписал и вручил ему экземпляр моей книги.

Ишервуд принял подарок с выражением встревоженным и тоскливым и тут же сбежал.

Через три дня он позвонил мне домой.

— Знаете, что вы сделали? — спросил он.

— Что?

— Вы написали отличную книгу. Я буквально на днях стал главным книжным обозревателем в журнале «Tomorrow», и ваша книга будет первой,

о которой я напишу.

Спустя пару месяцев Ишервуд позвонил и сказал, что известный английский философ Джеральд Херд хочет со мной познакомиться и для этого приехать ко мне.

— Ко мне нельзя! — крикнул я.

— Почему?

— Потому что мы только что въехали в новый дом и у нас нет мебели!

— Джеральд Херд будет сидеть на полу, — сказал Ишервуд.

Херд приехал и сидел на единственном в доме стуле.

Мы с Мэгги и Ишервудом сидели на полу.

Через пару недель после той встречи Херд и Олдос Хаксли пригласили меня на чай, и оба спросили, вторя эхом друг другу:

— Вы сами-то знаете, кто вы?

— Кто?

— Вы *поэт*, — сказали они в один голос.

— О боже, — ответил я. — Правда?

Так что мы завершаем на том, с чего начали: один друг отправляет меня в дорогу, другой встречает в конце пути. Что, если бы Норман Корвин не уговорил меня уехать в Нью-Йорк, а Уолтер Брэдбери не принял бы меня там?

Возможно, у Марса никогда не появилась бы атмосфера, и марсиане никогда не рождались бы и не жили в своих золотых масках, а их непостроенные города навсегда затерялись бы среди холмов с неразработанными карьерами. Большое спасибо этим двоим за ту поездку в Манхэттен, обернувшуюся путешествием в другой мир — кольцевым рейсом, который существует уже сорок лет.

Р.Б. 6 июля 1990 года

Гринтаун, где-то на Марсе. Марс, где-то в Египте
Предисловие 1997 года

«Не говорите мне, что я делаю, знать этого не хочу».

Это не мои слова. Это сказал мой друг, итальянский режиссер Федерико Феллини. Снимая новый фильм сцену за сценой, он отказывался просматривать уже готовые материалы, которые проявляли в лаборатории по вечерам. Он хотел, чтобы его работа оставалась секретом и продолжала бы его интересовать и манить.

Так же я относился к своим рассказам, пьесам и стихам большую часть жизни. Так случилось и с «Марсианскими хрониками» в годы, предшествовавшие моей женитьбе в 1947 году, а вот в 1949-м, когда я приступил к окончательной работе над текстом, меня ждал сюрприз. Начинались «Хроники» как случайные рассказы о Красной планете, мелкая побочная работа, а в результате же в июле и августе этого года я каждое утро садился за пишущую машинку, мечтая узнать, что же приготовила мне моя муза.

Что же это была за муза? Всегда ли я верил в это мифическое создание? Нет. Вначале, в старших классах и сразу после них, я продавал газеты на улицах и занимался тем же, чем большинство писателей в начале карьеры: подражал старшим товарищам и копировал сверстников, тем самым лишая себя всякой возможности увидеть истину, которая пряталась под моей кожей, у меня в голове.

Хотя я написал несколько очень хороших фантастических и полусказочных рассказов, которые опубликовали, когда мне было двадцать с небольшим, они ничему меня не научили. Я отказывался видеть свои собственные мысли, которые варились у меня в голове и выплескивались на бумагу. Мои истории о чудесном были яркими и живыми. Рассказы о будущем — безжизненными, механическими и недвижными.

Освободил меня сборник Шервуда Андерсона «Уайнсбург, Огайо». Мне было двадцать три года, и меня заворожил десяток героев, которые проводили жизнь на полуосвещенных крылечках и темных чердаках городка, в котором всегда стояла осень. «Господи! — воскликнул я. — Вот бы написать книгу хотя бы вполовину столь хорошую! Только чтобы действие происходило

на Марсе!»

Я нацарапал список городов и народов этого далекого мира, придумал названия, начал и забросил дюжину рассказов, а потом отложил их в сторонку и забыл о них. Или решил, что забыл.

Потому что музы умеют терпеть. Они продолжают жить, даже если не обращать на них внимания. Они ожидают, что вы вернетесь к ним — или они умрут, не сказав ни слова. Я должен был убедить себя, что миф — это не призрак, что это умозрительное вещество должно заговорить, заплясать на кончиках моих пальцев и лечь на бумагу.

За следующие несколько лет я написал множество марсианских «мыслей», шекспировских реплик в зал, рассуждений, ночных видений, предрассветных снов. Французы — например, Сен-Жон Перс — достигли в этом совершенства. Это полупоэтические, полупрозаические отрывки длиной от ста слов до целой страницы, которые могут быть посвящены любой теме и вдохновляются погодой, моментом, красивым зданием, хорошим вином, вкусной едой, видом на море, коротким закатом или длинным рассветом. Наглотавшись всего этого, люди блюют волосяными шарами — ну или бессвязными

внутренними монологами а-ля Гамлет.

Так или иначе, я сложил свои «мысли» в стопку в случайном порядке и рассовал по дюжине других столов.

Потом произошло счастливое событие. Норман Корвин, величайший радиорежиссер и радиописатель в истории, настоятельно пригласил меня в Нью-Йорк, потому что считал, что меня пора «открыть». Я послушно прикатил на Манхэттен на автобусе и, изнывая в Юношеской христианской ассоциации, повстречал Уолтера Брэдбери (не родственник), великолепного редактора из компании «Даблдей», который предположил, что я могу соткать невиданное прежде полотно. Он спросил, не могу ли я как-то соединить все свои марсианские сказки. Сделать из них Марсианские хроники?

— Господи, — прошептал я, — это же «Уйансбург, Огайо».

— Что? — переспросил Уолтер Брэдбери.

На следующее утро я отправил ему план «Хроник» и заодно идею «Человека в картинках». Домой я вернулся на поезде, с чеком на полторы тысячи долларов, который позволил мне заплатить за жилье (тридцать долларов в месяц) за два года вперед и обзавестись первой дочерью.

«Марсианские хроники» были опубликованы поздней весной 1950 года. Их почти не заметили. Разве что Кристофер Ишервуд увенчал меня лавровым венком и познакомил меня с Олдосом Хаксли, который за чаем наклонился ко мне и сказал:

— Вы хоть понимаете, кто вы?

«Не говорите мне, что я делаю, — подумал я, — знать этого не хочу».

— Вы поэт, — заявил Хаксли.

— Проклятье, — отозвался я.

— Да нет, благословение.

Истинное, генетическое благословение.

И именно оно легло в основу этой книги.

Можно ли здесь проследить кровавый след Шервуда Андерсона? Нет. Он уже давно растворился и переварился у меня внутри. «Уайнсбург, Огайо» немного виден в другом моем сборнике рассказов, который притворяется романом, — в «Вине из одуванчиков». Но это вовсе не точная копия. Гротескные фигуры Андерсона похожи на горгулий на городских крышах, я же пишу о колли, старых девах, купающихся в фонтанах, мальчике, который излишне чувствителен по отношению к трамвайным вагонам, утраченных друзьях и полковниках времен Гражданской

войны, утонувших во времени или допившихся до потери памяти. Единственные горгульи на Марсе — это марсиане, замаскировавшиеся под моих родственников из Гринтауна и прячущиеся от наказания.

Шервуд Андерсон, наверное, не знал, как правильно пользоваться огненными фонариками, которые принято запускать на День независимости. Я поджигал и запускал их на Марсе и в Гринтауне, и они тихо и мирно сгорали в обеих книгах, давая совсем немного света — только чтобы читать можно было.

Примерно восемнадцать лет назад «Марсианские хроники» ставили в театре на Уилшир-бульваре. В шести кварталах к западу, в Музее искусств округа Лос-Анджелес, открывали выставку сокровищ Тутанхамона, путешествовавших тогда по миру. Я бегал между Тутанхамоном и театром и удивлялся все сильнее.

— Господи, — говорил я, глядя на золотую маску Тутанхамона, — это же Марс.

— Господи, — говорил я, глядя на своих марсиан на сцене, — это же Египет, населенный призраками Тутанхамона.

Вот так старые мифы в моей голове сделались новыми, а новые мифы были запеленуты в папи-

рус и закрыты сияющими масками.

Сам того не зная, все это время я был потомком Тутанхамона, я писал иероглифы Красной земли и искал будущее в занесенном песками прошлом.

Учитывая все вышесказанное, почему «Марсианские хроники» регулярно называют научной фантастикой? Это же не она. Только один рассказ во всей книге, «Будет ласковый дождь», соблюдает законы физики. Это рассказ об одном из первых «умных домов», которые появились вокруг нас за последние годы. В 1950-м такой дом стоил бы целое состояние. А с пришествием современных компьютеров, интернетов, факсов, магнитофонов, плееров с наушниками и огромных телевизоров его можно стало быстренько обставить за сходную сумму в ближайшем магазине электроники.

Что же такое тогда «Хроники»? Тутанхамон восстал из своей гробницы, когда мне было три, Эдда появилась в моей жизни в шесть, а римские и греческие боги зачаровывали меня в десять. Это просто миф. Если бы это была практичная и технически эффективная научная фантастика, она бы давно заржавела и рассыпалась в прах. Но поскольку это сказка, даже самые здравомыслящие

физики из Калифорнийского технологического готовы дышать кислородом, который я обманом провез на Марс. Наука и машины убивают друг друга или просто сменяют. Мифы, которые мы видим в зеркалах, недостижимы, они остаются. Может, они и не бессмертны, но очень на то похоже.

И наконец.

Не говорите мне, что я делаю, знать этого не хочу.

Так надо жить. Это единственный способ. Ведь, прикидываясь невеждами, мы будим интуицию, которая, обидевшись на показное пренебрежение, поднимет голову и станет мифом у вас в ладонях. Я пишу мифы, и именно поэтому мой Марс может продержаться еще несколько невозможных лет. Немного убеждает меня только одно: меня все еще зовут в Калифорнийский технологический институт.

Р. Б. 1997 год

Моей жене Маргарет с искренней любовью. Мэгги, напечатавшей рукопись в далеком 1949 году.

И Норману Корвину с Уолтером И. Брэдбери, замечательным друзьям и «повивальным бабкам»!

«Великое дело — способность удивляться, — сказал философ. — Космические полеты снова

сделали всех нас детьми».

* * *

Хронология [1]

Январь 2030. Ракетное лето
Февраль 2030. Илла
Август 2030. Летняя ночь
Август 2030. Земляне
Март 2031. Налогоплательщик
Апрель 2031. Третья экспедиция
Июнь 2032. И по-прежнему лучами серебрит простор луна
Август 2032. Поселенцы
Декабрь 2032. Зеленое утро
Февраль 2033. Саранча
Август 2033. Ночная встреча
Октябрь 2033. Берег
Ноябрь 2033. Огненные шары
Февраль 2034. Интермедия
Апрель 2034. Музыканты
Май 2034. Пустыня
Июнь 2034. …Высоко в небеса
2035–2036. Новые имена
Апрель 2036. Эшер II
Август 2036. Старые люди

---

[1] Примечания: 1
Хронология дается по «Полному изданию» 2010 г.

Сентябрь 2036. Марсианин
Ноябрь 2036. «Дорожные товары»
Ноябрь 2036. Мертвый сезон
Ноябрь 2036. Наблюдатели
Декабрь 2036. Безмолвные города
Апрель 2057. Долгие годы
Август 2057. Будет ласковый дождь
Октябрь 2057. Каникулы на Марсе

Январь 2030
Ракетное лето

Только что была огайская зима: двери заперты, окна закрыты, стекла незрячие от изморози, все крыши оторочены сосульками, дети мчатся с горок на лыжах, женщины в шубах черными медведицами бредут по гололедным улицам.

И вдруг могучая волна тепла прокатилась по городку, вал горячего воздуха захлестнул его, будто нечаянно оставили открытой дверь пекарни. Зной омывал дома, кусты, детей. Сосульки срывались с крыш, разбивались и таяли. Двери распахнулись. Окна раскрылись. Дети скинули свитера. Мамаши сбросили медвежье обличье. Снег испарился, и на газонах показалась прошлогодняя жухлая трава.

Ракетное лето. Из уст в уста с ветром из дома в открытый дом — два слова: *Ракетное лето.* Жаркий, как дыхание пустыни, воздух переиначивал морозные узоры на окнах, слизывал хрупкие кружева. Лыжи и санки вдруг стали не нужны. Снег, падавший на городок с холодного неба, превращался в горячий дождь, не долетев до земли.

Ракетное лето. Высунувшись с веранд под дробную капель, люди смотрели вверх на алеющее небо.

Ракета стояла на космодроме, испуская розовые клубы огня и печного жара. В стуже зимнего утра ракета творила лето каждым выдохом своих мощных дюз. Ракета делала погоду, и на короткий миг во всей округе воцарилось лето…

Февраль 2030
Илла

Они жили на планете Марс, в доме с хрустальными колоннами, на берегу высохшего моря, и по утрам можно было видеть, как миссис К ест золотые плоды, растущие из хрустальных стен, или наводит чистоту, рассыпая пригоршнями магнитную пыль, которую горячий ветер уносил вместе с сором. Под вечер, когда древнее море было недвижно и знойно, и винные деревья во дворе стояли в оцепенении, и старинный марсианский городок вдали весь уходил в себя, и никто не выходил на улицу, мистера К можно было видеть в его комнате, где он читал металлическую книгу, перебирая пальцами выпуклые иероглифы, точно струны арфы. И книга пела под его рукой, певучий голос древности повествовал о той поре, когда море алым туманом застилало берега и древние шли на битву, вооруженные роями металлических шершней и электрических пауков.

Мистер и миссис К двадцать лет прожили на берегу мертвого моря, и их отцы и деды тоже жи-

ли в этом доме, который поворачивался, подобно цветку, вслед за солнцем, вот уже десять веков.

Мистер и миссис К были еще совсем не старые. У них была чистая, смуглая кожа настоящих марсиан, глаза желтые, как золотые монеты, тихие, мелодичные голоса. Прежде они любили писать картины химическим пламенем, любили плавать в каналах в то время года, когда винные деревья наполняли их зеленой влагой, а потом до рассвета разговаривать под голубыми светящимися портретами в комнате для бесед.

Теперь они уже не были счастливы.

В то утро миссис К, словно вылепленная из желтого воска, стояла между колоннами, прислушиваясь к зною бесплодных песков, устремленная куда-то вдаль.

Что-то должно было произойти. Она ждала.

Она смотрела на голубое марсианское небо так, словно оно могло вот-вот поднатужиться, сжаться и исторгнуть на песок сверкающее чудо.

Но все оставалось по-прежнему.

Истомившись ожиданием, она стала бродить между туманными колоннами. Из желобков в капителях заструился тихий дождь, охлаждая раскаленный воздух, гладя ее кожу. В жаркие дни это было все равно что войти в ручей. Прохлад-

ные струи посеребрили полы. Слышно было, как муж без устали играет на своей книге; древние напевы не приедались его пальцам.

Она подумала без волнения: он бы мог когда-нибудь подарить и ей, как бывало прежде, столько же времени, обнимая ее, прикасаясь к ней, словно к маленькой арфе, как он прикасается к своим невозможным книгам.

Увы. Она покачала головой, отрешенно пожала плечами, чуть-чуть. Веки мягко прикрыли золотистые глаза. Брак даже молодых людей делает старыми, давно знакомыми…

Она опустилась в кресло, которое тотчас само приняло форму ее фигуры. Она крепко, нервно зажмурилась.

И сон явился.

Смуглые пальцы вздрогнули, метнулись вверх, ловя воздух. Мгновение спустя она испуганно выпрямилась в кресле, прерывисто дыша.

Она быстро обвела комнату взглядом, точно надеясь кого-то увидеть. Разочарование: между колоннами было пусто.

В треугольной двери показался ее супруг.

— Ты звала меня? — раздраженно спросил он.

— Нет! — почти крикнула она.

— Мне почудилось, ты кричала.

— В самом деле? Я задремала и видела сон!

— Днем? Это с тобой не часто бывает.

Глаза ее говорили о том, что она ошеломлена сновидением.

— Странно, очень-очень странно, — пробормотала она. — Этот сон…

— Ну? — Ему не терпелось вернуться к книге.

— Мне снился мужчина.

— Мужчина?

— Высокий мужчина, шесть футов один дюйм.

— Что за нелепость: это же великан, урод.

— Почему-то, — она медленно подбирала слова, — он не казался уродом. Несмотря на высокий рост. И у него — ах, я знаю, тебе это покажется вздором, — у него были *голубые* глаза!

— Голубые глаза! — воскликнул мистер К. — О боги! Что тебе приснится в следующий раз? Ты еще скажешь — *черные* волосы?

— Как ты *угадал?!* — воскликнула она.

— Просто назвал наименее правдоподобный цвет, — сухо ответил он.

— Да, черные волосы! — крикнула она. — И очень белая кожа. *Совершенно* необычайный мужчина! На нем была странная одежда, и он спустился с неба и ласково говорил со мной.

Она улыбалась.

— С неба — какая чушь!

— Он прилетел в металлической машине, которая сверкала на солнце, — вспоминала миссис К. Она закрыла глаза, чтобы воссоздать видение. — Мне снилось небо, и что-то блеснуло, будто подброшенная в воздух монета, потом стало больше, больше и плавно опустилось на землю — это был длинный серебристый корабль, круглый, чужой корабль. Потом сбоку отворилась дверь и вышел этот высокий мужчина.

— Работала бы побольше, тебе не снились бы такие дурацкие сны.

— А мне он понравился, — ответила она, откидываясь в кресле. — Никогда не подозревала, что у меня такое воображение. Черные волосы, голубые глаза, белая кожа! Какой странный мужчина — и, однако, очень красивый.

— Самовнушение.

— Ты недобрый. Я вовсе не придумала его намеренно, он сам явился мне, когда я задремала. Даже не похоже на сон. Так неожиданно, необычно… Он посмотрел на меня и сказал: «Я прилетел на этом корабле с третьей планеты. Меня зовут Натаниел Йорк…»

— Нелепое имя, — возразил супруг. — Таких вообще не бывает.

— Конечно нелепое, ведь это был сон, — покорно согласилась она. — Еще он сказал: «Это первый полет через космос. Нас всего двое в корабле — я и мой друг Берт».

– *Еще одно* нелепое имя.

— Он сказал: «Мы из города на *Земле,* так называется наша планета», — продолжала миссис К. — Это его слова. Так и сказал — Земля. И говорил он не на нашем языке. Но я каким-то образом понимала его. В уме. Телепатия, очевидно.

Мистер К отвернулся. Ее голос остановил его.

— Илл! — тихо позвала она. — Ты никогда не задумывался… ну… *есть ли* люди на третьей планете?

— На третьей планете жизнь невозможна, — терпеливо разъяснил супруг. — Наши ученые установили, что в тамошней атмосфере слишком много кислорода.

— А как было бы чудесно, если бы там *жили* люди! И умели путешествовать через космос на каких-нибудь особенных кораблях.

— Вот что, Илла, ты отлично знаешь, я ненавижу эту сентиментальную болтовню. Займемся лучше делом.

Близился вечер, когда она, ступая между колоннами, источающими дождь, запела. Один и тот

же мотив, снова и снова.

— Что это за песня? — рявкнул в конце концов супруг, проходя к огненному столу.

— Не знаю.

Она подняла на него глаза, удивляясь сама себе. Озадаченно поднесла ко рту руку. Солнце садилось, и, по мере того как дневной свет угасал, дом закрывался, будто огромный цветок. Между колоннами подул ветерок, на огненном столе жарко бурлило озерко серебристой лавы. Ветер перебирал кирпичные волосы миссис К, тихонько шепча ей на ухо. Она молча стояла, устремив затуманившийся взор золотистых глаз вдаль, на бледно-желтую гладь морского дна, словно вспоминая что-то.

Глазами тост произнеси,
И я отвечу взглядом, —

запела она тихо, медленно, нежно.

Иль край бокала поцелуй —
И мне вина не надо [2].

Миссис К повторила мелодию, уже без слов, закрыв глаза, и руки ее словно порхали по ветру.

---

[2] Примечания: 2
Стихотворение Бена Джонсона в переводе Я. Берлина.

Наконец она умолкла.

Мелодия была прекрасна.

— Впервые слышу эту песню. Ты сама ее сочинила? — строго спросил он, испытующе глядя на нее.

— Нет. Да. Право, не знаю! — Она была в смятении. — Я даже не понимаю слов, это другой язык!

— Какой язык?

Она машинально бросала куски мяса в кипящую лаву.

— Не знаю. — Через мгновение мясо было готово, она извлекла его из огня и подала мужу на тарелке. — Ах, наверное, я просто придумала весь этот вздор, только и всего. Сама не понимаю почему.

Он ничего не сказал. Смотрел, как она погружает мясо в шипящую огненную лужицу. Солнце скрылось. Медленно-медленно вошла в комнату ночь, темным вином заполнила ее до потолка, поглотив колонны и их двоих. Лишь отблески серебристой лавы озаряли лица.

Она снова стала напевать странную песню.

Он вскочил со стула и гневно прошествовал к двери.

Позднее он доел ужин один.

Встав из-за стола, потянулся, поглядел на нее и, зевая, предложил:

— Съездим на огненных птицах в город, развлечемся?

— Ты *серьезно?* — спросила она. — Ты не заболел?

— А что тут странного?

— Но мы уже полгода нигде не были!

— По-моему, неплохая мысль.

— С чего это вдруг ты так заботлив?

— Ну, хватит, — брюзгливо бросил он. — Поедешь или нет?

Она посмотрела на седую пустыню. Две белые луны вышли из-за горизонта. Прохладная вода гладила пальцы ног. Легкая дрожь пробежала по ее телу. Больше всего ей хотелось остаться здесь, сидеть тихо, беззвучно, неподвижно, пока не свершится то, чего она ждала весь день, то, что не должно было произойти и все же могло, могло случиться… Душа встрепенулась от нежного прикосновения песни.

— Я…

— Для тебя же лучше, — настаивал он. — Поехали.

— Я устала, — ответила она. — Как-нибудь в другой раз.

— Вот твой шарф. — Он подал ей флакон. — Мы уже который месяц никуда не выезжали.

— Если не считать твоих поездок в Кси-Сити два раза в неделю. — Она избегала глядеть на него.

— Дела, — сказал он.

— Дела? — прошептала она.

Из флакона брызнула жидкость, превратилась в голубую мглу и, трепеща, обвилась вокруг ее шеи.

На ровном прохладном песке, светясь, словно раскаленные угли, ожидали огненные птицы. Надуваемый ночным ветром, в воздухе плескался белый балдахин, множеством зеленых лент привязанный к птицам.

Илла легла под балдахин, и по приказу ее мужа пылающие птицы взметнулись к темному небу. Ленты натянулись, балдахин взмыл в воздух. Взвизгнув, ушли вниз пески; мимо, мимо потянулись голубые холмы, оттеснив назад их дом, колонны, источающие дождь, цветы в клетках, поющие книги, тихие ручейки на полу. Она не глядела на мужа. Ей было слышно, как он покрикивал на птиц, а те взвивались все выше, летя, словно тысячи каленых искр, словно багрово-желтый фейерверк, все дальше в небо, увлекая за собой сквозь ветер балдахин — трепещущий

белый лепесток.

Она не смотрела на мелькающие внизу древние мертвые города, на дома — словно вырезанные из кости шахматы, не смотрела на древние каналы, наполненные пустотой и грезами. Над высохшими реками и сухими озерами пролетали они, будто лунный блик, будто горящий факел.

Она глядела только на небо.

Муж что-то сказал.

Она глядела на небо.

— Ты слышала, что я сказал?

— Что?

Он шумно выдохнул:

— Могла бы быть повнимательнее.

— Я задумалась.

— Никогда не знал, что ты такая любительница природы. Сегодня ты просто не отрываешь глаз от неба, — сказал он.

— Оно очень красиво.

— Я вот о чем подумал, — медленно продолжал супруг. — Не позвонить ли сегодня Халлу? Договориться, что мы приедем — на недельку, не больше! — к ним в Голубые горы. Чем не идея?..

— Голубые горы! — Она схватилась одной рукой за край балдахина и резко повернулась к нему.

— Я ведь только предлагаю.

— И когда ты думаешь ехать? — нервно спросила она.

— Да можно отправиться хоть завтра утром, — подчеркнуто небрежно бросил он. — Сама знаешь: раньше начнешь, скорее…

— Но мы еще *никогда* не уезжали так рано!

— Ну, в этом году в виде исключения… — Он улыбнулся. — Нам полезно переменить обстановку. Пожить в тиши, в покое. Словом, сама понимаешь. У тебя ведь нет *других* планов? Поедем, решено?

Она вздохнула, помедлила, потом ответила:

— Нет.

— Что? — Его возглас испугал птиц. Балдахин дернулся.

— Нет, — твердо сказала она. — Я не поеду.

Он посмотрел на нее. Разговор был окончен. Она отвернулась.

Птицы летели дальше — десять тысяч гонимых ветром угольков.

На рассвете солнце, пронизав лучами хрустальные колонны, растворило туман, на котором покоилась спящая Илла. Всю ночь она парила над полом, как бы плавая на мягком ложе из тумана, который пролился из стен, едва Илла прилегла. Всю ночь она проспала на этой недвижной реке,

точно челн среди немого потока. Теперь туман улетучивался, и наконец река спала, оставив Иллу на берегу пробуждения.

Она открыла глаза.

Над ней стоял муж. Было похоже, что он стоит тут, наблюдая, уже не один час. Почему-то Илла не могла смотреть ему в глаза.

— Тебе опять снился этот сон! — сказал он. — Ты разговаривала, не давала мне уснуть. Тебе *непременно* надо показаться врачу.

— Ничего со мной не случится.

— Ты много говорила во сне!

— Да? — Она поспешно села.

В комнате было холодно. Серый утренний свет проявил черты Иллы.

— Что тебе снилось?

Она молчала, вспоминая.

— Корабль. Он снова спустился с неба, и из него вышел высокий человек и заговорил со мной. Он шутил, смеялся, и мне было хорошо.

Мистер К коснулся рукой колонны. Окутанные паром струйки теплой воды вытеснили холодок из комнаты. Лицо мистера К было бесстрастно.

— А потом, — продолжала она, — этот мужчина, у которого такое странное имя — Натаниел Йорк, сказал, что я прекрасна, и… и поцеловал меня.

— Ха! — крикнул муж и отвернулся, играя желваками.

— Но это всего лишь сон. — Ей стало весело.

— Ну и помалкивай про свои нелепые женские сны!

— Ты ведешь себя как ребенок.

Она откинулась на последние клочья химического тумана. Мгновение спустя тихо рассмеялась.

— Я еще *что-то* вспомнила, — призналась она.

— Ну *что*, говори, что?! — вскричал муж.

— Илл, ты такой раздражительный!

— Говори! — потребовал он. — У тебя не должно быть секретов от меня!

На нее смотрело сверху его мрачное, суровое лицо.

— Я никогда не видела тебя таким, — ответила Илла; ей было и страшно, и забавно. — Ничего такого не было, просто этот Натаниел Йорк сказал… словом, он сказал мне, что увезет меня на своем корабле, увезет на небеса, возьмет меня с собой на свою планету. Конечно, чепуха.

— Вот именно, чепуха! — Он едва не сорвал голос. — Ты бы послушала себя со стороны: заигрывать с ним, разговаривать с ним, петь с ним,

и так всю ночь напролет, о боги! *Послушала* бы себя!

— Илл!

— Когда он сядет? Где он опустится на своем проклятом корабле?

— Илл, не повышай голос.

— К черту мой голос! — Он в гневе наклонился над ней. — В этом твоем *сне*... — он стиснул ее запястье, — корабль сел в Зеленой долине, *да?* Отвечай!

— Ну, в долине...

— Сел сегодня, под вечер, да? — не унимался он.

— Да, да, кажется, так. Но это же только сон!

— Ладно. — Он сердито отбросил ее руку. — Хорошо, что ты не лжешь! Я слышал все, что ты говорила во сне, каждое слово. Ты сама назвала и долину, и время.

Тяжело дыша, он побрел между колоннами, будто ослепленный молнией. Постепенно его дыхание успокоилось. Она не отрывала от него глаз — уж не сошел ли он с ума?.. Наконец встала и подошла к нему.

— Илл, — прошептала она.

— Ничего, ничего...

— Ты болен.

— Нет. — Он устало, через силу улыбнулся. — Ребячество, только и всего. Прости меня, дорогая. — Он грубовато погладил ее. — Заработался. Извини. Я, пожалуй, пойду прилягу…

— Ты так вспылил.

— Теперь все прошло. Прошло. — Он перевел дух. — Забудем об этом. Да, я вчера слышал анекдот про Уэла, хотел тебе рассказать. Ты приготовишь завтрак, я расскажу анекдот, а об этом больше не будем говорить, ладно?

— Это был только сон.

— Разумеется. — Он машинально поцеловал ее в щеку. — Только сон.

В полдень солнце палило, и очертания гор струились в его лучах.

— Ты не поедешь в город? — спросила Илла.

— В город? — Его брови чуть поднялись.

— Ты *всегда* уезжаешь в этот день. — Она поправила цветочную клетку на подставке. Цветы зашевелились и раскрыли голодные желтые рты.

Он захлопнул книгу.

— Нет. Слишком жарко. И поздно.

— Вот как. — Она закончила свое дело и пошла к двери. — Я скоро вернусь.

— Постой! Ты куда?

Она была уже в дверях.

— К Пао. Она пригласила меня!

— Сегодня?

— Я ее сто лет не видела. Это же недалеко.

— В Зеленой долине, если не ошибаюсь?

— Ну да, тут рукой подать, и я решила…

Она очень торопилась.

— Извини меня, — сказал он, догоняя ее с видом крайней озабоченности. — Я совершенно забыл: я же пригласил к нам сегодня доктора Нлле!

— Доктора Нлле! — Она подалась к двери.

Он поймал ее за локоть и решительно втащил в комнату.

— Да.

— А как же Пао…

— Пао подождет, Илла. Мы должны принять Нлле.

— Я на несколько минут…

— Нет, Илла.

— Нет?

Он отрицательно качнул головой.

— Нет. К тому же до них очень далеко идти. Через всю Зеленую долину, за большой канал, потом вниз… И сегодня очень, очень жарко, и доктору Нлле будет приятно увидеть тебя. Хорошо?

Она не ответила. Ей хотелось вырваться и убе-

жать. Хотелось кричать. Но она только сидела в кресле, словно пойманная в западню, и с окаменевшим лицом разглядывала свои пальцы, медленно шевеля ими.

— Илла, — буркнул он, — ты *останешься* дома, ясно?

— Да, — сказала она после долгого молчания. — Останусь.

— Весь день?

Ее голос звучал глухо.

— Весь день.

Шли часы, а доктор Нлле все не появлялся. Казалось, муж Иллы не очень-то удивлен этим. Уже под вечер он, пробормотав что-то, подошел к стенному шкафу и достал зловещее оружие — длинную желтоватую трубку с гармошкой мехов и спусковым крючком на конце. Он обернулся — на его лице была лишенная всякого выражения маска, вычеканенная из серебристого металла, маска, которую он всегда надевал, когда хотел скрыть свои чувства; маска, выпуклости и впадины которой в точности отвечали его худым щекам, подбородку, лбу. Поблескивая маской, он держал в руках свое грозное оружие и разглядывал его. Оно непрерывно жужжало — оружие, способное с визгом извергнуть полчища золотых

пчел. Страшных золотых пчел, которые жалят, убивают своим ядом и падают замертво, будто семена на песок.

— Куда ты собрался? — спросила она.

— Что? — Он прислушивался к мехам, к зловещему жужжанию. — Раз доктор Нлле запаздывает, черта с два стану я его ждать. Пойду поохочусь. Скоро вернусь. А ты останешься здесь — и никуда отсюда, ясно? — Серебристая маска сверкнула.

— Да.

— И скажи доктору Нлле, что я приду. Только поохочусь.

Треугольная дверь затворилась. Его шаги удалились вниз по откосу.

Она смотрела, как муж уходит в солнечную даль, пока он не исчез. Потом вернулась к своим делам: наводить чистоту магнитной пылью, собирать свежие плоды с хрустальных стен. Она работала усердно и расторопно, но порой ею овладевала какая-то истома, и она ловила себя на том, что напевает эту странную, не идущую из ума песню и поглядывает на небо из-за хрустальных колонн.

Она затаила дыхание и замерла в ожидании.

Приближается…

Вот-вот это произойдет.

Бывают такие дни, когда слышишь приближение грозы, а кругом напряженная тишина, и вдруг едва ощутимо меняется давление — это дыхание непогоды, летящей над планетой, ее тень, порыв, марево. Воздух давит на уши, и ты натянут как струна в ожидании надвигающейся бури. Тебя охватывает дрожь. Небо в пятнах, небо цветное, тучи сгущаются, горы отливают металлом. Цветы в клетках тихонько вздыхают, предупреждая. Волосы чуть шевелятся на голове. Где-то в доме поют часы: «Время, время, время, время…» Тихо так, нежно, будто капающая на бархат вода.

И вдруг — гроза! Электрическая вспышка, и сверху непроницаемым заслоном рушатся всепоглощающие волны черного прибоя и громовой черноты.

Так было и теперь. Близилась буря, хотя небо было ясным. Назревала молния, хотя не было туч.

Илла бродила по комнатам притихшего летнего дома. В любой миг с неба может пасть молния, и будет раскат грома, клуб дыма, безмолвие, шаги на дорожке, стук в хрустальную дверь — и она *стрелой* метнется навстречу…

«Сумасшедшая Илла! — мысленно усмехнулась

она. — Что за мысли будоражат твой праздный ум?»

И тут — свершилось.

Порыв жаркого воздуха, точно мимо пронеслось могучее пламя. Вихревой стремительный звук. В небе блеск, сверкание металла.

У Иллы вырвался крик.

Она побежала между колоннами, распахнула дверь. Она уставилась на горы. Но там уже ничего…

Хотела ринуться вниз по откосу, но спохватилась. Она обязана быть здесь, никуда не уходить. Доктор должен прийти с минуты на минуту, и муж рассердится, если она убежит.

Она остановилась в дверях, часто дыша, протянув вперед одну руку.

Попыталась рассмотреть что-нибудь там, где простерлась Зеленая долина, но ничего не увидела.

«Сумасшедшая! — Она вернулась в комнату. — Это все твоя фантазия. Ничего не было. Просто птица, листок, ветер или рыба в канале. Сядь. Приди в себя».

Она села.

Выстрел.

Ясный, отчетливый, зловещий звук.

Она содрогнулась.

Выстрел донесся издалека. Один. Далекое жужжание быстрых пчел. Один выстрел. А за ним второй, четкий, холодный, отдаленный.

Она опять вздрогнула и почему-то вскочила на ноги, крича, крича и не желая оборвать этот крик. Стремительно пробежала по комнатам к двери и снова распахнула ее.

Эхо стихало, уходя вдаль, вдаль…

Смолкло.

Несколько минут она простояла во дворе, бледная.

Наконец, медленно ступая, опустив голову, она побрела сквозь обрамленные колоннами покои, из одного в другой, руки ее машинально трогали вещи, губы дрожали; в сгущающемся мраке винной комнаты ей захотелось посидеть одной. Она ждала. Потом взяла янтарный бокал и стала тереть его уголком шарфа.

И вот издалека послышались шаги, хруст мелких камешков под ногами.

Она поднялась, встала в центре тихой комнаты. Бокал выпал из рук, разбился вдребезги.

Шаги нерешительно замедлились перед домом.

Заговорить? Воскликнуть: «Входи, входи же!»?

Она подалась вперед.

Вот шаги уже на крыльце. Рука повернула щеколду.

Она улыбнулась двери.

Дверь отворилась. Улыбка сбежала с ее лица.

Это был ее муж. Серебристая маска тускло поблескивала.

Он вошел и лишь на мгновение задержал на ней взгляд. Резким движением открыл мехи своего оружия, вытряхнул двух мертвых пчел, услышал, как они шлепнулись о пол, раздавил их ногой и поставил разряженное оружие в угол комнаты, а Илла, наклонившись, безуспешно пыталась собрать осколки разбитого бокала.

— Что ты делал? — спросила она.

— Ничего, — ответил он, стоя спиной к ней. Он снял маску.

— Ружье… я слышала, как ты стрелял. Два раза.

— Охотился, только и всего. Потянет иногда на охоту… Доктор Нлле пришел?

— Нет.

— Постой-ка. — Он противно щелкнул пальцами. — Ну конечно, *теперь* я вспомнил. Мы же условились с ним на *завтра*. Я все перепутал.

Они сели за стол. Она глядела на свою тарелку, но руки ее не прикасались к еде.

— В чем дело? — спросил он, не поднимая глаз, бросая куски мяса в бурлящую лаву.

— Не знаю. Не хочется есть, — сказала она.

— Почему?

— Не знаю, просто не хочется.

В небе родился ветер; солнце садилось. Комната вдруг стала маленькой и холодной.

— Я пытаюсь вспомнить, — произнесла она в тиши комнаты, глянув в золотые глаза своего холодного, безупречно подтянутого мужа.

— Что вспомнить? — Он потягивал вино.

— Песню. Эту красивую, чудесную песню. — Она закрыла глаза и стала напевать, но песня не получилась. — Забыла. А мне почему-то не хочется ее забывать. Хочется помнить ее всегда. — Она плавно повела руками, точно ритм движений мог ей помочь. Потом откинулась в кресле. — Не могу вспомнить.

Она заплакала.

— Почему ты плачешь? — спросил он.

— Не знаю, не знаю, я ничего не могу с собой поделать. Мне грустно, и я, не знаю почему, плачу — не знаю почему, но плачу.

Ее ладони стиснули виски, плечи вздрагивали.

— До завтра все пройдет, — сказал он.

Она не глядела на него, глядела только на на-

гую пустыню и на яркие-яркие звезды, которые высыпали на черном небе, а издали доносился крепнущий голос ветра и холодный плеск воды в длинных каналах. Она закрыла глаза, дрожа всем телом.

— Да, — повторила она, — до завтра все пройдет.

Август 2030
Летняя ночь

Люди стояли кучками в каменных галереях, растворяясь в тени между голубыми холмами. Звезды и лучезарные марсианские луны струили на них мягкий вечерний свет. Позади мраморного амфитеатра, скрытые мраком и далью, раскинулись городки и виллы, серебром отливали недвижные пруды, от горизонта до горизонта блестели каналы. Летний вечер на Марсе, планете безмятежности и умеренности. По зеленой влаге каналов скользили лодки, изящные, как бронзовые цветки. В нескончаемо длинных рядах жилищ, извивающихся по склонам, подобно оцепеневшим змеям, в прохладных ночных постелях лениво перешептывались возлюбленные. Под факелами на аллеях, держа в руках извергающих тончайшую паутину золотых пауков, еще бегали заигравшиеся дети. Тут и там на столах, булькающих серебристой лавой, готовился поздний ужин. В амфитеатрах сотен городов на ночной стороне Марса смуглые марсиане с глазами цвета червонного золота собирались на досуге вокруг

эстрад, откуда покорные музыкантам тихие мелодии, подобно аромату цветов, плыли в притихшем воздухе.

На одной эстраде пела женщина.

По рядам слушателей пробежал шелест.

Пение оборвалось. Певица поднесла руку к горлу. Потом кивнула музыкантам, они начали сначала.

Музыканты заиграли, она снова запела; на этот раз публика ахнула, подалась вперед, кто-то вскочил на ноги — на амфитеатр словно пахнуло зимней стужей. Потому что песня, которую пела женщина, была странная, страшная, необычная. Она пыталась остановить слова, срывающиеся с ее губ, но они продолжали звучать:

Идет, блистая красотой
Тысячезвездной ясной ночи,
В соревнованье света с тьмой
Изваяны чело и очи [3].

Руки певицы метнулись ко рту. Она оцепенела, растерянная.

— Что это за слова? — недоумевали музыканты.

---

[3] Примечания: 3
Стихотворение Джорджа Гордона Байрона.

— Что за песня?

— Чей язык?

Когда же они опять принялись дуть в свои золотые трубы, снова родилась эта странная музыка и медленно поплыла над публикой, которая теперь громко разговаривала, поднимаясь со своих мест.

— Что с тобой? — спрашивали друг друга музыканты.

— Что за мелодию ты играл?

— А *ты* сам что играл?

Женщина расплакалась и убежала с эстрады. Публика покинула амфитеатр. Повсюду, во всех смятенных марсианских городах, происходило одно и то же. Холод объял их, точно с неба пал белый снег.

В темных аллеях под факелами дети пели:

…Пришла, а шкаф уже пустой,

Остался песик с носом!

— Дети! — раздавались голоса. — Что это за песенка? Где вы ее выучили?

— Она просто *пришла нам* в голову, ни с того ни с сего. Какие-то непонятные слова!

Захлопали двери. Улицы опустели. Над голубыми холмами взошла зеленая звезда.

На всей ночной стороне Марса мужчины просыпались оттого, что лежавшие рядом возлюбленные напевали во мраке.

— Что это за мелодия?

В тысячах жилищ среди ночи женщины просыпались, обливаясь слезами, и приходилось их утешать:

— Ну успокойся, успокойся же. Спи. Ну, что случилось? Дурной сон?

— Завтра произойдет что-то ужасное.

— Ничего не может произойти, у нас все в порядке.

Судорожное всхлипывание.

— Я чувствую, *это* надвигается все ближе, ближе, *ближе!..*

— С нами ничего не может случиться. Полно! Спи. Спи…

Тихо на предутреннем Марсе, тихо, как в черном студеном колодце, и свет звезд на воде каналов, и в каждой комнате дыхание свернувшихся калачиком детей с зажатыми в кулачках золотыми пауками, и возлюбленные спят рука в руке, луны закатились, погашены факелы, и безлюдны каменные амфитеатры.

И лишь один-единственный звук, перед самым рассветом: где-то в дальнем конце пустынной

улицы одиноко шагал во тьме ночной сторож, напевая странную, незнакомую песенку…

Август 2030
Земляне

Вот привязались — стучат и стучат!

Миссис Ттт сердито распахнула дверь.

— Ну, в чем дело?

— Вы говорите *по-английски?* — Человек, стоявший у входа, опешил.

— Говорю, как умею, — ответила она.

— Чистейший английский язык!

Человек был одет в какую-то форму. За ним стояли еще трое; все они были заметно взволнованы — сияющие, измазанные с головы до ног.

— Что вам угодно? — резко спросила миссис Ттт.

— Вы — *марсианка!* — Человек улыбался. — Это слово вам, конечно, незнакомо. Так говорят у нас, на Земле. — Он кивнул на своих спутников. — Мы с Земли. Я — капитан Уильямс. Мы всего час назад сели на Марсе. Вот прибыли. *Вторая* экспедиция! До нас была Первая экспедиция, но ее судьба нам неизвестна. Так или иначе, мы прилетели. И вы — первый житель Марса, которого мы встретили!

— Марсианка? — Брови ее взметнулись.

— Я хочу сказать, что вы живете на четвертой от Солнца планете. Точно?

— Элементарная истина, — фыркнула она, меряя их взглядом.

— А мы, — он прижал к груди свою пухлую розовую руку, — мы с Земли. Верно, ребята?

— Так точно, капитан! — откликнулся хор.

— Это планета Тирр, — сказала она, — если вам угодно знать ее настоящее имя.

— Тирр, Тирр. — Капитан устало рассмеялся. — Чудесное название! Но скажите же, добрая женщина, как объяснить, что вы так великолепно говорите по-английски?

— Я не говорю, — ответила она, — я думаю. Телепатия. Всего хорошего!

И она хлопнула дверью.

Мгновение спустя этот ужасный человек уже снова стучал.

Она распахнула дверь.

— Ну, что еще? — спросила она.

Он стоял на том же месте и силился улыбнуться, но уже без прежней уверенности. Он протянул к ней руки.

— Мне кажется, вы не совсем поняли…

— Чего? — отрезала она.

Его глаза округлились от изумления.

— Мы прилетели с *Земли!*

— Мне некогда, — сказала она. — У меня сегодня куча дел — обед, уборка, шитье, всякая всячина... Вам, вероятно, нужен мистер Ттт, так он наверху, в своем кабинете.

— Да, да, — озадаченно произнес человек с Земли, моргая. — Ради бога, позовите мистера Ттт.

— Он занят. — И она снова захлопнула дверь.

На сей раз стук был уж совсем неприличным.

— Знаете что! — вскричал человек, едва дверь распахнулась. Он ворвался в прихожую, словно решил взять неожиданностью. — Так не принимают гостей!

— Мой чистый пол! — возмутилась она. — Грязь! Убирайтесь прочь! Если хотите войти в мой дом, сперва почистите обувь.

Человек испуганно посмотрел на свои грязные башмаки.

— Сейчас не время придираться к пустякам, — решительно заявил он. — Такое событие! Его нужно отпраздновать!

Он упорно глядел на нее, словно это могло заставить ее понять, чего они хотят.

— Если мои хрустальные булочки перестояли в духовке, — закричала она, — то я вас поленом!..

И она поспешила к маленькой, пышущей

жаром печке. Потом вернулась — раскрасневшаяся, потная. Ярко-желтые глаза, смуглая кожа, худенькая и юркая, как насекомое… Резкий, металлический голос.

— Обождите здесь. Я пойду посмотрю, может быть, и позволю вам на минутку зайти к мистеру Ттт. Какое там у вас дело к нему?

Человек выругался так, словно она ударила его молотком по пальцу.

— Скажите ему, что мы прилетели с Земли, что это впервые!

— Что впервые? — Она подняла вверх смуглую руку. — Ладно, это не важно. Я сейчас.

Звуки ее шагов прошелестели по переходам каменного дома.

А снаружи было невероятно синее, жаркое марсианское небо — недвижное, будто глубокое теплое море. Над марсианской пустыней, словно над огромным кипящим котлом, струилось марево. На вершине пригорка неподалеку стоял, покосившись, небольшой космический корабль. От него к двери каменного дома протянулась цепочка крупных следов.

Сверху, со второго этажа, донеслись возбужденные голоса. Люди у двери поглядывали друг на друга, переминались с ноги на ногу, поправляли

пояса. Наверху что-то прорычал мужской голос.

Женский голос ответил. Через четверть часа земляне от нечего делать стали слоняться взад-вперед по кухне.

— Закурим? — сказал один из них.

Другой достал сигареты, они закурили. Они выдыхали неторопливые бледные струйки дыма. Разгладили складки курток, поправили воротнички. Голоса наверху продолжали гудеть и журчать. Командир глянул на свои часы.

— Двадцать пять минут, — заметил он. — Что у них там происходит?

Он подошел к окну и выглянул наружу.

— Жаркий денек, — сказал один из космонавтов.

— Да уж, — лениво протянул другой, разморенный полуденным зноем.

Гул голосов наверху сменился глухим бормотанием, потом и вовсе стих. Во всем доме — ни звука. Только собственное дыхание слышно.

Целый час прошел в безмолвии.

— Уж не случилось ли из-за нас какой беды? — произнес командир, подходя к двери гостиной и заглядывая туда.

Миссис Ттт стояла посреди комнаты, поливая цветы.

— А я все думаю, что я такое забыла… — сказала она, заметив капитана. Она вышла на кухню. — Извините. — Она протянула ему клочок бумаги. — Мистер Ттт слишком занят. — Она повернулась к своим кастрюлям. — Да и все равно вам нужен не он, а мистер Ааа. Пойдите с этой запиской на соседнюю усадьбу возле голубого канала, там мистер Ааа расскажет вам все, что вы хотите знать.

— Нам ничего не надо узнавать, — возразил командир, надув толстые губы. — Мы и так уже *знаем*.

— Вы получили записку, что еще вам надо? — резко спросила она.

Больше они ничего не могли от нее добиться.

— Ладно, — сказал командир. Ему все еще не хотелось уходить. Он стоял с таким видом, будто чего-то ждал. Точно ребенок, глядящий на голую рождественскую елку. — Ладно, — повторил он. — Пошли, ребята.

И все четверо вышли из дома в душное безмолвие летнего дня.

Полчаса спустя мистер Ааа, который восседал в своей библиотеке, прихлебывая электрическое пламя из металлической чаши, услышал голоса снаружи, на мощеной дорожке. Он высунулся из

окна и уставился на четверку одетых в одинаковую форму людей, которые, щурясь, глядели на него.

— Вы мистер Ааа? — справились они.

— Я.

— Нас послал к вам мистер Ттт! — крикнул командир.

— Что за причина? — спросил мистер Ааа.

— Он был занят!

— Ну, знаете, это… — презрительно произнес мистер Ааа. — Уж не думает ли он, что мне больше нечего делать, как развлекать людей, которыми ему некогда заниматься?

— Сейчас это несущественно, сэр! — крикнул командир.

— Для меня — существенно. У меня накопилась куча книг, их нужно прочесть. Мистер Ттт совсем не считается с другими. Он не впервые ведет себя так бесцеремонно по отношению ко мне. И прошу не размахивать руками, дайте мне кончить. Вам следует быть повнимательнее. Я привык к тому, что люди слушают, когда я говорю. И потрудитесь выслушать меня с должным почтением, иначе я вообще не стану с вами разговаривать.

Четверо людей внизу растерянно топтались, разинув рты. У капитана на лбу вздулись жилы и

даже блеснули слезы на глазах.

— Ну так вот, — продолжал поучать мистер Ааа, — как по-вашему, хорошо ли со стороны мистера Ттт вести себя так неучтиво?

Четверка недоуменно смотрела на него сквозь дымку знойного дня. Капитан не стерпел:

— Мы прилетели с Земли!

— По-моему, он ведет себя просто не по-джентльменски, — брюзжал мистер Ааа.

— Космический корабль. Мы прилетели на *ракете*. Вот она!

— И ведь он не в первый раз позволяет себе такое безобразие.

— Понимаете — с Земли!

— Он у меня дождется, я позвоню и отчитаю его, да-да.

— Мы четверо — я и вот эти трое — экипаж моего корабля.

— Вот возьму и позвоню сейчас же!

— Земля. Ракета. Люди. Полет. Космос.

— Позвоню и всыплю ему как следует! — крикнул мистер Ааа и пропал из окна, точно кукла в театре.

Было слышно, как по какому-то неведомому аппарату завязалась перебранка. Капитан и его команда стояли во дворе, тоскливо поглядывая

на свою красавицу ракету — такую изящную, стройную и родную.

Мистер Ааа вынырнул в окошке, торжествуя:

— Я его на дуэль вызвал, клянусь честью! Слышите — дуэль!

— Мистер Ааа, — терпеливо начал капитан.

— Застрелю его насмерть, так и знайте!

— Мистер Ааа, прошу вас, выслушайте меня. Мы пролетели шестьдесят миллионов миль.

Мистер Ааа впервые обратил внимание на капитана:

— Постойте, как вы сказали — откуда вы?

Лицо капитана осветилось белозубой улыбкой. Он шепнул своим:

— Наконец-то *теперь* все в порядке! — И громко мистеру Ааа: — Шестьдесят миллионов миль, с планеты Земля!

Мистер Ааа зевнул.

— В это время года — от силы пятьдесят миллионов, не больше. — Он взял в руки какое-то угрожающего вида оружие. — Ну, мне пора. Заберите свою дурацкую записку, хотя я не понимаю, какой вам от нее прок, и ступайте через вон тот бугор в городок, он называется Иопр, там изложите все мистеру Иии. Он именно тот человек, который вам нужен. А не мистер Ттт,

этот кретин, — уж я позабочусь о том, чтобы его прикончить. И не я — это не по моей линии.

— Линии, линии! — передразнил его командир. — При чем тут линия, когда надо принять людей с Земли?

— Не говорите глупостей, *это* всем известно! — Мистер Ааа сбежал по лестнице. — Всего хорошего!

И он помчался по дорожке, точно взбесившийся кронциркуль.

Космонавты были совершенно ошарашены. Наконец капитан сказал:

— Нет, мы все-таки найдем кого-нибудь, кто нас выслушает.

— Что, если уйти, а потом вернуться? — уныло произнес один из его товарищей. — Взлететь и снова сесть. Чтобы дать им время очухаться и подготовить встречу.

— Может быть, так и сделаем, — буркнул измученный капитан.

Городок бурлил. Марсиане входили и выходили из домов, они приветствовали друг друга, на них были маски — золотые, голубые, розовые, ради приятного разнообразия маски с серебряными губами и бронзовыми бровями, маски улыбающиеся и маски хмурящиеся, сообразно нраву

владельца.

Земляне, все в испарине после долгого перехода, остановились и спросили маленькую девочку, где живет мистер Иии.

— Вон там, — кивком указала девочка.

Капитан нетерпеливо, осторожно опустился на одно колено и заглянул в ее милое детское личико.

— Послушай, девочка, что я тебе расскажу.

Он посадил ее себе на колено и ласково сжал своими широкими ладонями ее смуглые ручонки, словно приготовился рассказать ей сказку на ночь, сказку, которую складывают в уме не торопясь, со множеством обстоятельных и счастливых подробностей.

— Понимаешь, малютка, с полгода тому назад на Марс прилетала другая ракета. В ней был человек по имени Йорк со своим помощником. Мы не знаем, что с ними случилось. Быть может, они разбились. Они прилетели на ракете. И мы, мы тоже прилетели на ракете. Вот бы ты на нее посмотрела! Большая-пребольшая ракета! Так что мы — *Вторая* экспедиция, а перед нами была Первая. Мы долго летели, с самой Земли…

Девочка бездумно высвободила одну руку и опустила на лицо золотую маску, выражающую

безразличие. Потом достала игрушечного золотого паука и уронила его на землю, а капитан все твердил свое. Игрушечный паук послушно вскарабкался ей на колени, она же безучастно наблюдала за ним сквозь щелочки равнодушной маски: капитан ласково встряхнул ее и продолжал втолковывать ей свою историю.

— Мы — земляне, — говорил он. — Ты мне веришь?

— Да. — Девчурка искоса глядела, что чертят в пыли пальчики ее ног.

— Ну вот и умница. — Командир наполовину добродушно, наполовину злобно ущипнул ее за руку, чтобы заставить девочку глядеть на него. — Мы построили себе ракету. Ты *веришь?*

Девочка сунула в нос палец.

— Ага.

— И… нет-нет, дружок, вынь пальчик из носа… и я, командир космического корабля, и…

— Еще никогда в истории никто не выходил в космос на такой большой ракете, — продекламировала крошка, зажмурив глазки.

— Восхитительно! Как ты угадала?

— Телепатия.

Она небрежно вытерла пальчик о коленку.

— Ну? Неужели это тебе ничуть не интерес-

но? — вскричал командир. — Разве ты *не* рада?

— Вы бы лучше пошли поскорее к мистеру Иии. — Она уронила игрушку на землю. — Он охотно поговорит с вами.

И она убежала, сопровождаемая по пятам игрушечным пауком.

Командир сидел на корточках, протянув руку к девочке и глядя ей вслед. Он почувствовал, как на глаза навертываются слезы. Посмотрел на свои пустые руки, беспомощно открыв рот. Товарищи стояли рядом, глядя на собственные тени. Они сплюнули на камни мостовой…

Мистер Иии сам отворил дверь. Он торопился на лекцию, но готов был уделить им минуту, если они побыстрее войдут и скажут, что им надо…

— Немного внимания, — сказал капитан, устало поднимая опухшие веки. — Мы — с Земли, у нас тут ракета, нас четверо — три космонавта и командир, мы совершенно вымотались, хотим есть, нам бы найти где поспать. И пусть кто-нибудь вручит нам ключи от города или что-нибудь в этом роде, пусть нам пожмут руки, крикнут «ура», скажут: «Поздравляем, старики!» Вот, пожалуй, и все.

Мистер Иии был долговязый ипохондрик, желтоватые глаза спрятаны за толстыми синими

кристаллами очков. Наклонившись над письменным столом, он задумчиво перелистывал какие-то бумаги, то и дело пронизывая своих гостей пытливым взглядом.

— Боюсь, у меня нет здесь бланков. — Он перерыл все ящики стола. — Куда я их задевал? — Он нахмурился. — Где-то… где-то здесь… А, вот они! Прошу вас! — Он решительно протянул капитану бумаги. — Вам придется это подписать.

— Читать всю эту белиберду?

Толстые стекла очков воззрились на капитана.

— Но вы ведь сами сказали, что вы с Земли? В таком случае вам остается только подписать.

Капитан поставил свою подпись.

— Команда тоже должна подписаться?

Мистер Иии поглядел на него, поглядел на трех остальных и разразился издевательским смехом.

– *Им* — тоже подписаться?! Ха-ха-ха! Это великолепно! Они… они… — У него катились слезы по щекам. Он хлопнул себя рукой по колену и согнулся, давясь смехом, рвущимся из широко разинутого рта. Он уцепился за стол. — *Им* — подписаться!..

Космонавты нахмурились.

— Что тут смешного?

— Им подписаться! — выдохнул мистер Иии,

обессиленный хохотом. — Еще бы не смешно! Я обязательно расскажу об этом мистеру Ыыы! — Он поглядел на подписанные бланки, продолжая смеяться. — Как будто все в порядке. — Он кивнул. — Даже согласие на эвтаназию, если в конечном счете это окажется необходимым. — Он рассыпался мелким смешком.

— Согласие на *что?*

— Ладно, хватит. У меня для вас кое-что есть. Вот. Возьмите этот ключ.

Капитан вспыхнул:

— О, это великая честь!

— Это не от города, болван! — рявкнул мистер Иии. — Ключ от Дома. Ступайте по коридору, отоприте большую дверь, войдите и хорошенько захлопните за собой. Можете там переночевать. А утром я пришлю к вам мистера Ыыы.

Капитан нерешительно взял ключ. Он стоял понурившись. Его товарищи не двигались с места. Казалось, из них выкачали всю их кровь, всю ракетную лихорадку. Они совершенно выдохлись.

— Ну, что еще? В чем дело? — спросил мистер Иии. — Чего вы ждете? Чего хотите? — Он подошел вплотную к капитану и, наклонив голову, снизу заглянул ему в лицо. — Выкладывайте!

— Боюсь, вы даже не в состоянии... — начал

капитан. — То есть я хочу сказать… попытаться подумать о том… — Он замялся. — Мы немало потрудились, такой путь проделали, может быть, стоит, ну, что ли, пожать нам руки и сказать… ну хотя бы: «Молодцы!». — Он смолк.

Мистер Иии небрежно сунул ему руку.

— Поздравляю! — Его губы растянулись в холодной улыбке. — Поздравляю. — Он отвернулся. — А теперь мне пора. Не забудьте про ключ.

И, не обращая на них больше никакого внимания, словно они растаяли, мистер Иии заходил по комнате, набивая какими-то бумагами маленький портфель. Это длилось не меньше пяти минут, и все это время он ни разу больше не обратился к четверке угрюмых людей, которые стояли на подкашивающихся от усталости ногах, понурив головы, с потухшими глазами.

Выходя, мистер Иии сосредоточенно разглядывал свои ногти…

В тусклом предвечернем свете они побрели по коридору. Они оказались перед большой, блестящей серебристой дверью и отперли ее серебряным ключом. Вошли, захлопнули дверь и осмотрелись кругом.

Они были в просторном, залитом солнцем зале. Мужчины и женщины сидели за столами, стояли

кучками, разговаривали. Щелчок замка заставил их обернуться, и все воззрились на четверых людей, одетых в форму.

Один марсианин подошел к ним и поклонился.

— Я мистер Ууу, — представился он.

— А я — капитан Джонатан Уильямс из Нью-Йорка, с Земли, — ответил капитан без всякого энтузиазма.

Мгновенно зал точно взорвался!

Потолок задрожал от криков и возгласов. Марсиане, размахивая руками, восторженно крича, опрокидывая столы, толкая друг друга, со всех концов зала кинулись к землянам, стиснули их в объятиях, подняли всю четверку на руки. Шесть раз они пронесли их на плечах вокруг всего зала, шесть раз бегом совершили ликующий круг почета, прыгая, приплясывая, громко распевая.

Земляне до того опешили, что целую минуту молча ехали верхом на качающихся плечах, прежде чем начали смеяться и кричать друг другу:

— Вот это да! Совсем *другое* дело!

— Здорово! Сразу бы так! Э-гей! Ух ты! Э-э-э-эх!

Они торжествующе подмигивали друг другу, они вскинули руки, хлопая в ладоши.

— Э-гей!!!

— Ура! — вопила толпа.

Марсиане поставили землян на стол. Крики смолкли.

Капитан чуть не разрыдался:

— Спасибо вам, большое спасибо. Это замечательно…

— Расскажите о себе, — предложил мистер Ууу.

Капитан откашлялся.

Слушатели восторженно охали и ахали. Капитан представил своих товарищей, каждый из них произнес коротенькую речь, смущенно принимая громовые овации.

Мистер Ууу похлопал капитана по плечу:

— Приятно встретить здесь земляка! Я ведь тоже с Земли.

— То есть как это?

— А вот так. Нас тут много с Земли.

— Вы? С Земли? — Капитан вытаращил глаза. — Не может этого быть! Вы что, тоже прилетели на ракете? В каком же веке начались космические полеты? — В его голосе было разочарование. — Да вы откуда, из какой страны?

— Туиэреол. Я перенесся сюда силой духа много лет назад.

— Туиэреол… — медленно выговорил капи-

тан. — Не знаю такой страны. И что это за сила духа…

— Вот мисс Ррр, она тоже с Земли. *Верно*, мисс Ррр?

Мисс Ррр кивнула и как-то странно усмехнулась.

— И мистер Ююю, и мистер Щщщ, и мистер Ввв!

— А я с Юпитера, — представился один мужчина, приосанившись.

— А я с Сатурна, — ввернул другой, хитро поблескивая глазами.

— Юпитер, Сатурн… — бормотал капитан, моргая.

Стало очень тихо. Марсиане толпились вокруг космонавтов, сидели за столами, но столы были пустые, банкетом тут и не пахло. Желтые глаза горели, ниже скул залегли глубокие тени. Только тут капитан заметил, что в зале нет окон, свет словно проникал через стены. И только одна дверь. Капитан нахмурился.

— Чепуха какая-то. Где находится Туиэреол? Далеко от Америки?

— Что такое — Америка?

— Вы не слышали про Америку?! Говорите, что сами с Земли, а не знаете Америки!

Мистер Ууу сердито вздернул голову:

— Земля — сплошные моря, одни моря, больше ничего. Там нет суши. Я сам оттуда, уж я-то знаю.

— Постойте. — Капитан отступил на шаг — Да вы же самый настоящий марсианин! Желтые глаза. Смуглая кожа…

— Земля сплошь покрыта *джунглями,* — гордо произнесла мисс Ррр. — Я из Орри, страны серебряной культуры!

Капитан переводил взгляд с одного лица на другое, с мистера Ууу на мистера Ююю, с мистера Ююю на мистера Ззз, с мистера Ззз на мистера Ннн, мистера Ххх, мистера Ббб. Он видел, как расширяются и сужаются зрачки их желтых глаз, как их взгляд становится то пристальным, то туманным. Его охватила дрожь. Наконец он повернулся к своим подчиненным и мрачно сказал:

— Вы поняли, что это такое?

— Что, капитан?

— Это вовсе не торжественная встреча, — устало произнес он. — И не импровизированный прием. И не банкет. И мы здесь не почетные гости. А они не представители марсианских властей. Посмотрите на их глаза. Прислушайтесь к их речам!

Космонавты затаили дыхание. Поблескивая

белками, они медленно обозревали странный зал.

— Теперь я понимаю. — Голос капитана доносился словно издалека. — Понимаю, почему все давали нам новые адреса и отсылали к кому-нибудь другому, пока мы не встретили мистера Иии… Ну а уж он дал точный адрес и даже ключ, чтобы мы отперли дверь и захлопнули ее. Вот мы и попали…

— Куда мы попали, командир?

Плечи капитана поникли.

— В сумасшедший дом.

Наступила ночь. Тишина царила в просторном зале, озаренном тусклым сиянием светильников, скрытых в прозрачных стенах. Четверо землян сидели вокруг деревянного стола и перешептывались, сдвинув уныло поникшие головы. На полу вперемежку спали мужчины и женщины. В темных углах что-то копошилось, одинокие фигуры странно взмахивали руками. Каждые полчаса кто-нибудь из космонавтов подходил к серебристой двери и возвращался к столу.

— Бесполезно, капитан. Мы заперты надежно.

— Капитан, неужели нас приняли за сумасшедших?

— Конечно. Вот почему наше появление не

вызвало бурных восторгов. Мы для них просто-напросто психически больные, каких здесь много. — Он показал на фигуры спящих. — Это же параноики, все до одного! Но как они нас встретили! Мне даже на минуту показалось, — в его глазах вспыхнул огонек и тут же потух, — что наконец-то мы дождались торжественной встречи. Эти возгласы, пение, речи… Ведь здорово было, а?..

— Сколько нас продержат здесь, командир?

— Пока мы не докажем, что мы не психи.

— Ну, это просто.

– *Надеюсь,* что так…

— Вы, кажется, не очень в этом уверены, капитан?

— М-да… Поглядите вон в тот угол.

Во мраке сидел на корточках мужчина. Из его рта вырвалось голубое пламя, которое приняло форму маленькой нагой женщины. Она плавно парила в воздухе, в дымке кобальтового света, что-то шепча и вздыхая.

Капитан мотнул головой в другую сторону. Там стояла женщина, с которой происходили удивительные превращения. Сперва она оказалась заключенной внутри хрустальной колонны, потом стала золотой статуей, потом — кедровым

посохом и, наконец, обрела свой первоначальный вид.

Повсюду в полуночном зале мужчины и женщины манипулировали тонкими языками фиолетового пламени, непрерывно превращаясь и изменяясь, ибо ночь — пора тоски и метаморфоз.

— Колдовство, черная магия, — прошептал один из землян.

— Нет, галлюцинации. Они передают нам свой бред, так что мы видим их галлюцинации. Телепатия. Самовнушение и телепатия.

— Это вас и тревожит, капитан?

— Да. Если галлюцинации кажутся нам — и не только нам всем — такими реальными, если галлюцинации так убедительны и правдоподобны, неудивительно, что нас приняли за психопатов. Тот мужчина может делать маленьких женщин из голубого пламени, а вон эта женщина способна превращаться в статую; вполне естественно для нормального марсианина решить, что ракетный корабль — плод *нашей* больной фантазии.

Из темноты донесся вздох отчаяния.

Кругом, то вспыхивая, то исчезая, плясали голубые огоньки. Изо рта спящих мужчин вылетали чертики из красного песка. Женщины превращались в лоснящихся змей. Пахло зверьем и

рептилиями.

Когда настало утро, все казались нормальными, веселыми и здоровыми. Никаких бесов, никакого пламени. Капитан со своей командой стоял у серебристой двери в надежде, что она откроется.

Мистер Ыыы появился часа через четыре. Они подозревали, что он не меньше трех часов простоял за дверью, изучая их, прежде чем войти, подозвать их к себе и провести в свой маленький кабинет.

Это был добродушный улыбающийся мужчина, если верить его маске, на которой была изображена не одна, а три разные улыбки. Впрочем, голос, звучавший из-под маски, явно принадлежал не столь уж улыбчивому психиатру.

— Ну, что вас беспокоит?

— Вы считаете нас сумасшедшими, но это не так, — сказал капитан.

— Напротив, я вовсе не считаю всех вас сумасшедшими. — Психиатр направил на капитана маленькую указку. — Только вас, уважаемый. Все остальные — вторичные галлюцинации.

Капитан хлопнул себя по колену.

— Так *вот* в чем дело! Вот почему мистер Иии расхохотался, когда я спросил, надо ли моим товарищам тоже подписать бланки!

— Да, мистер Иии рассказал мне об этом. — Психиатр хохотнул сквозь извилистую прорезь рта в маске. — Отличная шутка. Так о чем я говорил? Да, вторичные галлюцинации. Ко мне приходят женщины, у которых из ушей лезут змеи. После моего лечения змеи исчезают.

— Мы с радостью подвергнемся лечению. Приступайте.

Мистер Ыыы был озадачен.

— Поразительно. Мало кто соглашается на лечение. Дело в том, что оно весьма радикально.

— Ничего, валяйте, лечите! Вы сами убедитесь, что мы все здоровы.

— Разрешите сперва посмотреть ваши бумаги, все ли оформлено для лечения. — Он полистал папку. — Так… Видите ли, случаи, подобные вашему, требуют особых методов. У тех, кого вы видели в Доме, более легкая форма… Но когда дело заходит так далеко, как у вас, — с первичными, вторичными, слуховыми, обонятельными и вкусовыми галлюцинациями в сочетании с мнимыми осязательными и оптическими восприятиями, — то, будем говорить начистоту, дело обстоит плохо. Мы вынуждены прибегнуть к эвтаназии.

Капитан с ревом вскочил на ноги:

— Ну вот что, хватит нам голову морочить! Начинайте — обследуйте нас, стучите молотком по колену, выслушайте сердце, заставьте приседать, задавайте вопросы!

— Говорите на здоровье.

Капитан говорил с жаром целый час. Психиатр слушал.

— Невероятно, — задумчиво пробормотал он. — В жизни не слыхал такого детализированного фантастического бреда.

— Черт возьми, мы покажем вам наш космический корабль! — взревел капитан.

— С удовольствием посмотрю. Вы можете показать его здесь, в этой комнате?

— Конечно. Он — в вашей картотеке, на букву «К».

Мистер Ыыы внимательно посмотрел картотеку, разочарованно щелкнул языком и неторопливо закрыл ящик.

— Зачем вам понадобилось сбивать меня с толку? Тут нет никакого космического корабля.

— Разумеется, нет, кретин! Я пошутил. А теперь скажите: сумасшедшие острят?

— Иногда встречаются довольно необычные проявления юмора. Ладно, ведите меня к своей ракете. Я хочу посмотреть на нее.

…Был жаркий полдень, когда они пришли к ракете.

— Та-ак. — Психиатр подошел к кораблю и постучал по корпусу. Звон был мягкий, густой. — Можно войти внутрь? — спросил он с хитрецой.

— Входите.

Мистер Ыыы вошел в корабль — и застрял там.

— Всякое бывало в моей грешной жизни, но такого… — Капитан ждал, жуя сигару. — Больше всего на свете мне хочется улететь домой и сказать там, чтобы больше не связывались с этим Марсом. Более подозрительных пентюхов…

— Сдается мне, командир, здесь вообще каждый второй — ненормальный. Немудрено, что они такие недоверчивые.

— Все равно, мне это осточертело!

Полчаса психиатр копался, щупал, выстукивал, слушал, нюхал, пробовал на вкус, наконец он вышел из корабля.

— Ну, *теперь-то* вы убедились! — крикнул капитан словно глухой.

Психиатр закрыл глаза и почесал нос.

— Это самый поразительный пример мнимого восприятия и гипнотического внушения, с каким я когда-либо сталкивался. Я осмотрел вашу так называемую «ракету». — Он постучал пальцем по

корпусу. — Я ее слышу — слуховая иллюзия. — Он втянул носом воздух. — Я ее обоняю. Обонятельная галлюцинация, наведенная телепатической передачей чувств. — Он поцеловал обшивку ракеты. — Я ощущаю ее вкус: вкусовая иллюзия!

Он пожал руку капитана:

— Разрешите поздравить вас! Вы — психопатический гений! Это… это просто верх совершенства! Ваша способность телепатическим путем проецировать свои психопатические фантазии на сознание других субъектов при полной сохранности силы восприятий поразительна, невероятна. Остальные наши пациенты обычно концентрируются на зрительных галлюцинациях, в лучшем случае в сочетании со слуховыми. Вы же справляетесь со всем комплексом! Ваше безумие совершенно до изумления!

— Мое безумие… — Капитан побледнел.

— Да, да, великолепное безумие! Металл, резина, гравиаторы, пища, одежда, горючее, оружие, трапы, гайки, болты, ложки — я проверил множество предметов. В жизни не видел такой сложной картины. Даже тени под койками — подо всем! Такая концентрация воли! И все-все, сколько я ни проверял, можно пощупать, понюхать, послушать, попробовать на вкус! Позвольте мне

вас обнять!

Наконец он оторвался от капитана.

— Я напишу об этом монографию; она будет лучшей моей работой! В следующем месяце прочту доклад в Марсианской Академии наук! Одна ваша *внешность* чего стоит! Вы ухитрились изменить даже цвет глаз — вместо желтого голубой, и кожа у вас не смуглая, а розовая! А этот костюм, и пять пальцев на руках вместо шести! Подумать только — полная биологическая метаморфоза под влиянием отклонений в психике! Да еще ваши три приятеля…

Он достал маленький пистолет.

— Вы, конечно, неизлечимы. Несчастный вы, удивительный человек! Только смерть принесет вам избавление. Хотите сказать что-нибудь напоследок?

— Стойте, бога ради! Не стреляйте!

— Бедняга! Я исцелю вас от страданий, которые заставили вас вообразить эту ракету и этих троих людей. Захватывающее будет зрелище: я убиваю вас, и мгновенно исчезают и ваши друзья, и ваша ракета. Ах, какую статеечку я напишу по сегодняшним наблюдениям — «Распад невротических иллюзий»!

— Я с Земли! Меня зовут Джонатан Уильямс,

а эти…

— Знаю, знаю, — ласково сказал мистер Ыыы и выстрелил.

Капитан упал с пулей в сердце. Его товарищи закричали.

Мистер Ыыы вытаращил глаза.

— Вы продолжаете существовать? Это бесподобно! Галлюцинации с персистенцией во времени и пространстве! — Он направил на них пистолет. — Ничего, я вас заставлю исчезнуть.

— Нет! — крикнули космонавты.

— Слуховая иллюзия даже после смерти больного, — деловито отметил мистер Ыыы, убивая одного за другим всех троих.

Они неподвижно лежали на песке, нисколько не изменившись.

Он толкнул их ногой. Потом постучал по корпусу ракеты.

– *Она* не пропала! *Они* не исчезли!

Он снова и снова стрелял в безжизненные тела. Потом отступил назад. Маска с застывшей улыбкой упала ему под ноги.

Выражение лица психиатра медленно изменялось. Нижняя челюсть отвисла. Пистолет выпал из ослабевшей руки. Взгляд его стал пустым, отсутствующим. Он вскинул руки вверх и повер-

нулся кругом точно слепой. Он щупал мертвые тела, то и дело сглатывая слюну.

— Галлюцинации, — лихорадочно бормотал он. — Вкус. Зрительные образы. Запах. Звук. Ощущение.

Он махал руками, выпучив глаза. На губах выступила пена.

— Сгиньте! — завопил мистер Ыыы, обращаясь к убитым. — Сгинь! — крикнул он ракете.

Он посмотрел на свои дрожащие руки.

— Заразился, — прошептал он в отчаянии. — Перешло ко *мне*. Телепатия. Гипноз. Теперь и я безумен. Все виды мнимых восприятий. — На секунду он замер, потом стал непослушными пальцами искать пистолет. — Осталось только одно средство. Единственный способ заставить их сгинуть, исчезнуть.

Раздался выстрел. Мистер Ыыы упал.

Под лучами солнца лежали четыре тела. Тут же, рядом, лежал мистер Ыыы.

Ракета стояла, покосившись, на залитом солнцем пригорке, никуда не исчезая.

Когда на закате горожане нашли ракету, они долго ломали себе голову, что это такое. Никто не отгадал. Ракету продали старьевщику, который увез ее и разобрал на утиль.

Всю ночь напролет шел дождь. На следующий день было ясно и тепло.

Март 2031
Налогоплательщик

Он хотел улететь с ракетой на Марс. Рано утром он пришел к космодрому и стал кричать через проволочное ограждение людям в мундирах, что хочет на Марс. Он исправно платит налоги, его фамилия Причард, и он имеет полное право лететь на Марс. Разве он родился не здесь, не в Огайо? Разве он плохой гражданин? Так в чем же дело, почему ему нельзя лететь на Марс? Потрясая кулаками, он крикнул им, что не хочет оставаться на Земле: любой здравомыслящий человек мечтает унести ноги с Земли. Не позже чем через два года на Земле разразится атомная мировая война, и он вовсе не намерен дожидаться, когда это произойдет. Он и тысячи других, у кого есть голова на плечах, хотят на Марс. Спросите их сами! Подальше от войн и цензуры, от бюрократии и воинской повинности, от правительства, которое не дает шагу шагнуть без разрешения, подмяло под себя и науку и искусство! Можете оставаться на Земле, если хотите! Он готов отдать свою правую руку, сердце, голову, только бы улететь

на Марс! Что надо сделать, где расписаться, с кем знакомство завести, чтобы попасть на ракету?

Они только смеялись в ответ из-за проволочного забора. И вовсе ему не хочется на Марс, говорили они. Разве он не знает, что Первая и Вторая экспедиции пропали, канули в небытие, что их участники, вернее всего, погибли?

Но это еще надо доказать, никто не знает этого *точно,* кричал он, вцепившись в проволоку. А может быть, там молочные реки и кисельные берега, может быть, капитан Йорк и капитан Уильямс просто не желают возвращаться. Ну так как — откроют ему ворота, пустят в ракету Третьей экспедиции или ему придется вламываться силой?

Они посоветовали ему заткнуться.

Он увидел, как космонавты идут к ракете.

— Подождите меня! — закричал он. — Не оставляйте меня в этом ужасном мире, я хочу улететь отсюда, скоро начнется атомная война! Не оставляйте меня на Земле!

Они силой оттащили его от ограды. Они захлопнули дверцу полицейской машины и увезли его в этот утренний час, а он прильнул к заднему окошку и за мгновение перед тем, как в облаке сиренного воя машина перемахнула через бугор,

увидел багровое пламя, и услышал могучий гул, и ощутил мощное сотрясение — это серебристая ракета взмыла ввысь, оставив его на ничем не примечательной планете Земля в это ничем не примечательное утро заурядного понедельника.

Апрель 2031

Третья экспедиция

Корабль пришел из космоса. Позади остались звезды, умопомрачительные скорости, сверкающее движение и немые космические бездны. Корабль был новый; в нем жило пламя, в его металлических ячейках сидели люди; в строгом беззвучии летел он, дыша теплом, извергая огонь. Семнадцать человек было в его отсеках, включая командира. Толпа на космодроме в Огайо кричала, махала руками, подняв их к солнцу, и ракета расцвела гигантскими лепестками многокрасочного пламени и устремилась в космос — началась *Третья* экспедиция на Марс!

Теперь корабль с железной точностью тормозил в верхних слоях марсианской атмосферы. Он был по-прежнему воплощением красоты и мощи. Сквозь черные пучины космоса он скользил, подобно призрачному морскому чудовищу; он промчался мимо старушки Луны и ринулся в пустоты, пронзая их одну за другой. Людей в

его чреве бросало, швыряло, колотило, все они по очереди переболели. Один из них умер, зато теперь оставшиеся шестнадцать, прильнув к толстым стеклам иллюминаторов, расширенными глазами глядели, как внизу под ними стремительно вращается и вырастает Марс.

— Марс! — воскликнул штурман Люстиг.

— Старина Марс! — сказал Сэмюэль Хинкстон, археолог.

— Добро, — произнес капитан Джон Блэк.

Ракета села на зеленой полянке. Чуть поодаль на той же полянке стоял олень, отлитый из чугуна. Еще дальше дремал на солнце высокий коричневый дом в викторианском стиле, со множеством всевозможных завитушек, с голубыми, розовыми, желтыми, зелеными стеклами в окнах. На террасе росла косматая герань и висели на крючках, покачиваясь взад-вперед, взад-вперед от легкого ветерка, старые качели. Башенка с ромбическими хрустальными стеклами и конической крышей венчала дом. Через широкое окно в первом этаже можно было разглядеть пюпитр с нотами под заглавием: «Прекрасный Огайо».

Вокруг ракеты на все стороны раскинулся городок, зеленый и недвижный в сиянии марсианской весны. Стояли дома, белые и из красного кирпи-

ча, стояли, клонясь от ветра, высокие клены, и могучие вязы, и каштаны. Стояли колокольни с безмолвными золотистыми колоколами.

Все это космонавты увидели в иллюминаторы. Потом они посмотрели друг на друга. И снова выглянули в иллюминаторы. И каждый ухватился за локоть соседа с таким видом, точно им вдруг стало трудно дышать. Лица их побледнели.

— Черт меня побери! — прошептал Люстиг, потирая лицо онемевшими пальцами. — Чтоб мне провалиться!

— Этого просто не может быть, — сказал Сэмюэль Хинкстон.

— Господи! — произнес командир Джон Блэк.

Химик доложил из своей рубки:

— Капитан, атмосфера разреженная. Но кислорода достаточно. Опасности никакой.

— Значит, выходим? — спросил Люстиг.

— Отставить, — сказал капитан Джон Блэк. — Надо еще разобраться, что это такое.

— Это? Маленький городок, капитан, воздух хоть и разреженный, но дышать можно.

— Маленький городок, похожий на земные города, — добавил археолог Хинкстон. — Невообразимо. Этого просто не может быть, и все же вот он, перед нами…

Капитан Джон Блэк рассеянно глянул на него:

— Как по-вашему, Хинкстон, может цивилизация на двух различных планетах развиваться одинаковыми темпами и в одном направлении?

— По-моему, это маловероятно, капитан.

Капитан Блэк стоял возле иллюминатора.

— Посмотрите вон на те герани. Совершенно новый вид. Он выведен на Земле всего лет пятьдесят тому назад. А теперь вспомните, сколько тысячелетий требуется для эволюции того или иного растения. И заодно скажите мне, логично ли это, чтобы у марсиан были: во-первых, именно такие оконные рамы, во-вторых, башенки, в-третьих, качели на террасе, в-четвертых, инструмент, который похож на пианино и скорее всего и есть не что иное, как пианино, в-пятых — поглядитека внимательно в телескоп, вот так, — логично ли, чтобы марсианский композитор назвал свое произведение не как-нибудь иначе, а именно «Прекрасный Огайо»? Ведь это может означать только одно: на Марсе есть река Огайо!

— Капитан Уильямс, ну конечно же! — вскричал Хинкстон.

— Что?

— Капитан Уильямс и его тройка! Или Натаниел Йорк со своим напарником. Это все объясняет!

— Это не объясняет ничего. Насколько нам удалось установить, ракета Йорка взорвалась, едва они сели на Марсе, и оба космонавта погибли. Что до Уильямса и его тройки, то их корабль взорвался на второй день после прибытия. Во всяком случае, именно в это время прекратили работу передатчики. Будь они живы, они попытались бы связаться с нами. Не говоря уже о том, что со времени экспедиции Йорка прошел всего один год, а экипаж капитана Уильямса прилетел сюда в августе. Допустим даже, что они живы, — возможно ли, хотя бы с помощью самых искусных марсиан, за такое короткое время выстроить целый город и чтобы он выглядел таким старым? Вы посмотрите как следует, ведь этому городу самое малое семьдесят лет. Взгляните на перильные тумбы крыльца, взгляните на деревья — вековые клены! Нет, ни Йорк, ни Уильямс тут ни при чем. Тут что-то другое. Не по душе мне это. И пока я не узнаю, в чем дело, не выйду из корабля.

— Да к тому же, — добавил Люстиг, — Уильямс и его люди и Йорк садились на той стороне Марса. Мы ведь сознательно выбрали *эту* сторону.

— Вот именно. На тот случай, если Йорка и Уильямса убило враждебное марсианское племя, нам было приказано сесть в другом полушарии.

Чтобы катастрофа не повторилась. Так что мы находимся в краю, которого, насколько нам известно, ни Уильямс, ни Йорк и в глаза не видали.

— Черт возьми, — сказал Хинкстон, — я все-таки пойду в этот город с вашего разрешения, капитан. Ведь может оказаться, что на всех планетах нашей Солнечной системы мышление и цивилизация развивались сходными путями. Кто знает, возможно, мы стоим на пороге величайшего психологического и философского открытия нашей эпохи!

— Я предпочел бы обождать немного, — сказал капитан Джон Блэк.

— Командир, может быть, перед нами явление, которое впервые докажет существование Бога!

— Верующих достаточно и без таких доказательств, мистер Хинкстон…

— Да, и я отношусь к ним, капитан. Но совершенно ясно — такой город просто не мог появиться без вмешательства Божественного провидения. Все эти мелочи, *детали*… Во мне сейчас такая борьба чувств, не знаю, смеяться мне или плакать.

— Тогда воздержитесь и от того и от другого, пока мы не выясним, с чем столкнулись.

— С чем столкнулись? — вмешался Люстиг. —

Да ни с чем. Обыкновенный, славный, тихий, зеленый городок, и очень похож на тот стародавний уголок, в котором я родился. Мне он просто нравится.

— Когда вы родились, Люстиг?

— В тысяча девятьсот пятидесятом, сэр.

— А вы, Хинкстон?

— В тысяча девятьсот пятьдесят пятом, капитан. Гриннелл, штат Айова. Вот гляжу сейчас, и кажется, будто я на родину вернулся.

— Хинкстон, Люстиг, я мог бы быть вашим отцом, мне ровно восемьдесят. Родился я в тысяча девятьсот двадцатом, в Иллинойсе, но благодаря Божьей милости и науке, которая за последние пятьдесят лет научилась делать *некоторых* стариков молодыми, я прилетел с вами на Марс. Устал я не больше вас, а вот недоверчивости у меня во много раз больше. У этого городка такой мирный, такой приветливый вид — и он так похож на мой Грин-Блафф в Иллинойсе, что мне даже страшно. Он *слишком* похож на Грин-Блафф. — Командир повернулся к радисту. — Свяжитесь с Землей. Передайте, что мы сели. Больше ничего. Скажите, что полный доклад будет передан завтра.

— Есть, капитан.

Капитан Блэк выглянул в иллюминатор; глядя

на его лицо, никто не дал бы ему восьмидесяти лет — от силы сорок.

— Теперь слушайте, Люстиг. Вы, я и Хинкстон пойдем и осмотрим город. Остальным ждать в ракете. Если что случится, они успеют унести ноги. Лучше потерять троих, чем погубить весь корабль. В случае несчастья наш экипаж сумеет оповестить следующую ракету. Ее поведет капитан Уайлдер в конце декабря, если не ошибаюсь. Если на Марсе есть какие-то враждебные силы, новая экспедиция должна быть хорошо вооружена.

— Но ведь и мы вооружены. Целый арсенал с собой.

— Ладно, передайте людям — привести оружие в готовность. Пошли, Люстиг, пошли, Хинкстон.

И три космонавта спустились через отсеки корабля вниз.

Был чудесный весенний день. На цветущей яблоне щебетала неутомимая малиновка. Облака белых лепестков сыпались вниз, когда ветер касался зеленых ветвей, далеко вокруг разносилось нежное благоухание. Где-то в городке кто-то играл на пианино, и музыка плыла в воздухе — громче, тише, громче, тише, нежная, баюкающая. Играли «Прекрасного мечтателя». А в другой

стороне граммофон сипло, невнятно гнусавил «Странствие в сумерках» в исполнении Гарри Лодера.

Трое космонавтов стояли подле ракеты. Они жадно хватали ртом сильно разреженный воздух, потом медленно пошли, сберегая силы.

Теперь звучала другая пластинка.

Мне бы июньскую ночь,

Лунную ночь – и тебя…

У Люстига задрожали колени, у Сэмюэля Хинкстона тоже.

Небо было прозрачное и спокойное, где-то на дне оврага, под прохладным навесом листвы, журчал ручей. Цокали конские копыта, громыхала, подпрыгивая, телега.

— Капитан, — сказал Сэмюэль Хинкстон, — как хотите, но похоже — нет, *иначе* просто быть *не может*, — полеты на Марс начались еще до Первой мировой войны!

— Нет.

— Но как еще объясните вы эти дома, этого чугунного оленя, пианино, музыку? — Хинкстон настойчиво стиснул локоть капитана, посмотрел ему в лицо. — Представьте себе, что были, ну, скажем, в тысяча девятьсот пятом году люди,

которые ненавидели войну, и они тайно сговорились с учеными, построили ракету и перебрались сюда, на Марс…

— Невозможно, Хинкстон.

— Почему? В тысяча девятьсот пятом году мир был совсем иной, тогда было гораздо легче сохранить это в секрете.

— Только не такую сложную штуку, как ракета! Нет, нет…

— Они прилетели сюда насовсем и, естественно, построили такие же дома, как на Земле, ведь они привезли с собой земную культуру.

— И все эти годы жили здесь? — спросил командир.

— Вот именно, тихо и мирно жили. Возможно, они еще не раз слетали на Землю, привезли сюда людей, сколько нужно, скажем, чтобы заселить вот такой городок, а потом прекратили полеты, чтобы их не обнаружили. Поэтому и город такой старомодный. Лично мне пока не попался на глаза ни один предмет, сделанный позже тысяча девятьсот двадцать седьмого года. А вам, капитан? Впрочем, может, космические путешествия вообще начались гораздо раньше, чем мы полагаем? Еще сотни лет назад, в каком-нибудь отдаленном уголке Земли? Что, если люди давно

уже прилетели на Марс и никто об этом не знал? А сами они изредка наведывались на Землю.

— У вас это звучит почти правдоподобно.

— Не почти, а вполне! Доказательство перед нами. Остается только найти здесь людей, и наше предположение подтвердится.

Густая зеленая трава поглощала звуки их шагов. Пахло свежескошенным сеном. Капитан Джон Блэк ощутил, как вопреки его воле им овладевает чувство блаженного покоя. Лет тридцать прошло с тех пор, как он последний раз побывал вот в таком маленьком городке; жужжание весенних пчел умиротворяло и убаюкивало его, а свежесть возрожденной природы исцеляла душу.

Они ступили на террасу, направляясь к затянутой сеткой двери, и глухое эхо отзывалось из-под половиц на каждый шаг. Сквозь сетку они видели перегородившую коридор бисерную портьеру, хрустальную люстру и картину кисти Максфилда Пэрриша на стене над глубоким креслом. В доме бесконечно уютно пахло стариной, чердаком, еще чем-то. Слышно было, как тихо звякал лед в кувшине с лимонадом. На кухне в другом конце дома по случаю жаркого дня кто-то готовил холодный ленч. Высокий женский голос тихо и нежно напевал что-то.

Капитан Джон Блэк потянул за ручку звонка.

Вдоль коридора прошелестели легкие шаги, и за сеткой появилась женщина лет сорока, с приветливым лицом, одетая так, как, наверно, одевались в году эдак тысяча девятьсот девятом.

— Чем могу быть полезна? — спросила она.

— Прошу прощения, — нерешительно начал капитан Блэк, — но мы ищем… то есть, может, вы…

Он запнулся. Она глядела на него темными недоумевающими глазами.

— Если вы что-нибудь продаете… — заговорила женщина.

— Нет, нет, постойте! — вскричал он. — Какой это город?

Она смерила его взглядом:

— Что вы хотите этим сказать: какой город? Как это можно быть в городе и не знать его названия?

У капитана было такое лицо, словно ему больше всего хотелось пойти и сесть под тенистой яблоней.

— Мы не здешние. Нам надо знать, как здесь очутился этот город и как вы сюда попали.

— Вы из бюро переписи населения?

— Нет.

— Каждому известно, — продолжала она, — что

город построен в тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году. Постойте, может быть, вы меня разыгрываете?

— Что вы, ничего подобного! — поспешно воскликнул капитан. — Мы с Земли.

— Вы хотите сказать, *из-под* земли? — удивилась она.

— Да нет же, мы вылетели с третьей планеты, Земли, на космическом корабле. И прилетели сюда, на четвертую планету, на Марс…

— Вы находитесь, — объяснила женщина тоном, каким говорят с ребенком, — в Грин-Блаффе, штат Иллинойс, на материке, который называется Америка и омывается двумя океанами — Атлантическим и Тихим, в мире, именуемом также Землей. Теперь ступайте. До свидания.

И она засеменила по коридору, на ходу раздвигая бисерную портьеру.

Три товарища переглянулись.

— Высадим дверь, — предложил Люстиг.

— Нельзя. Частная собственность. О господи!

Они спустились с крыльца и сели на нижней ступеньке.

— Вам не приходило в голову, Хинкстон, что мы каким-то образом сбились с пути и просто-напросто прилетели обратно, вернулись на Землю?

— Это как же так?

— Не знаю, не знаю. Господи, дайте собраться с мыслями.

— Ведь мы контролировали каждую милю пути, — продолжал Хинкстон. — Наши хронометры точно отсчитывали, сколько пройдено. Мы миновали Луну, вышли в Большой космос и прилетели сюда. У меня нет *ни малейшего сомнения,* что мы на Марсе.

Вмешался Люстиг:

— А может быть, что-то случилось с пространством, с временем? Представьте себе, что мы заблудились в четырех измерениях и вернулись на Землю лет тридцать или сорок тому назад?

— Да бросьте вы, Люстиг!

Люстиг подошел к двери, дернул звонок и крикнул в сумрачную прохладу комнат:

— Какой сейчас год?

— Тысяча девятьсот двадцать шестой, какой же еще, — ответила женщина, сидя в качалке и потягивая свой лимонад.

— Ну, слышали? — Люстиг круто обернулся. — Тысяча девятьсот двадцать шестой! Мы улетели в *прошлое!* Это Земля!

Люстиг сел. Они уже не сопротивлялись ужасной, ошеломляющей мысли, которая пронизала

их. Лежащие на коленях руки судорожно дергались.

— Разве я за этим летел? — заговорил капитан. — Мне страшно, понимаете, страшно! Неужели такое возможно в действительности? Эйнштейна сюда бы сейчас…

— Кто в этом городе поверит нам? — отозвался Хинкстон. — Ох, в опасную игру мы ввязались!.. Это же *время*, четвертое измерение. Не лучше ли нам вернуться на ракету и лететь домой, а?

— Нет. Сначала заглянем хотя бы еще в один дом.

Они миновали три дома и остановились перед маленьким белым коттеджем, который приютился под могучим дубом.

— Я привык во всем добираться до смысла, — сказал командир. — А пока что, сдается мне, мы еще не раскусили орешек. Допустим, Хинкстон, верно ваше предположение, что космические путешествия начались давным-давно. И через много лет прилетевшие сюда земляне стали тосковать по Земле. Сперва эта тоска не выходила за рамки легкого невроза, потом развился настоящий психоз, который грозил перейти в безумие. Что вы как психиатр предложили бы в таком случае?

Хинкстон задумался:

— Что ж, наверно, я бы стал понемногу перестраивать марсианскую цивилизацию так, чтобы она с каждым днем все больше напоминала земную. Если бы существовал способ воссоздать земные растения, дороги, озера, даже океан, я бы это сделал. Затем средствами массового гипноза я внушил бы всему населению вот такого городка, будто здесь и в самом деле *Земля*, а никакой не Марс.

— Отлично, Хинкстон. Мне кажется, мы напали на верный след. Женщина, которую мы видели в том доме, просто думает, что живет на Земле, вот и все. Это сохраняет ей рассудок. Она и все прочие жители этого города — объекты величайшего миграционного и гипнотического эксперимента, какой вам когда-либо придется наблюдать.

— В самую точку, капитан! — воскликнул Люстиг.

— Без промаха! — добавил Хинкстон.

— Добро. — Капитан вздохнул. — Дело как будто прояснилось, и на душе легче. Хоть какая-то логика появилась. А то от всей этой болтовни о путешествиях взад и вперед во времени меня только мутит. Если же мое предположение *правильно*... — Он улыбнулся. — Что же, тогда нас,

похоже, ожидает немалая популярность среди местных жителей!

— Вы уверены? — сказал Люстиг. — Как-никак, эти люди своего рода пилигримы, они намеренно покинули Землю. Может, они вовсе не будут нам рады. Может, даже попытаются изгнать нас, а то и убить.

— Наше оружие получше. Ну пошли, зайдем в следующий дом.

Но не успели они пересечь газон, как Люстиг вдруг замер на месте, устремив взгляд в дальний конец тихой дремлющей улицы.

— Капитан, — произнес он.

— В чем дело, Люстиг?

– *Капитан*... Нет, вы только... *Что я вижу!*

По щекам Люстига катились слезы. Растопыренные пальцы поднятых рук дрожали, лицо выражало удивление, радость, сомнение. Казалось, еще немного, и он потеряет разум от счастья. Продолжая глядеть в ту же точку, он вдруг сорвался с места и побежал, споткнулся, упал, поднялся на ноги и опять побежал, крича:

— Эй, послушайте!

— Остановите его! — Капитан пустился вдогонку.

Люстиг бежал изо всех сил, крича на бегу. До-

стигнув середины тенистой улицы, он свернул во двор и одним прыжком очутился на террасе большого зеленого дома, крышу которого венчал железный петух. Когда Хинкстон и капитан догнали Люстига, он барабанил в дверь, продолжая громко кричать. Все трое дышали тяжело, со свистом, обессиленные бешеной гонкой в разреженной марсианской атмосфере.

— Бабушка, дедушка! — звал Люстиг.

Двое стариков появились на пороге.

— Дэвид! — ахнули старческие голоса. И они бросились к нему и засуетились вокруг него, обнимая, хлопая по спине. — Дэвид, о Дэвид, сколько лет прошло!.. Как же ты вырос, мальчуган, какой большой стал! Дэвид, мальчик, как ты поживаешь?

— Бабушка, дедушка! — всхлипывал Дэвид Люстиг. — Вы чудесно, чудесно выглядите!

Он разглядывал своих стариков, отодвинув от себя, вертел их кругом, целовал, обнимал, плакал и снова разглядывал, смахивая слезы с глаз. Солнце сияло в небе, дул ветерок, зеленела трава, дверь была отворена настежь.

— Входи же, входи, мальчуган. Тебя ждет чай со льдом, свежий, пей вволю!

— Я с друзьями. — Люстиг обернулся и, смеясь,

нетерпеливым жестом подозвал капитана и Хинкстона. — Капитан, идите же.

— Здравствуйте, — приветствовали их старики. — Пожалуйста, входите. Друзья Дэвида — наши друзья. Не стесняйтесь!

В гостиной старого дома было прохладно; в одном углу размеренно тикали, поблескивая бронзой, высокие стоячие часы. Мягкие подушки на широких кушетках, книги вдоль стен, толстый ковер с пышным цветочным узором, а в руках — запотевшие стаканы ледяного чая, от которого такой приятный холодок на пересохшем языке.

— Пейте на здоровье. — Бабушкин стакан звякнул о ее фарфоровые зубы.

— И давно вы здесь живете, бабушка? — спросил Люстиг.

— С тех пор как умерли, — с ехидцей ответила она.

— С тех пор как… что? — Капитан Блэк поставил свой стакан.

— Ну да, — кивнул Люстиг. — Они уже тридцать лет как умерли.

— А вы сидите как ни в чем не бывало! — воскликнул капитан.

— Полно! — Старушка лукаво подмигнула. — Кто вы такой, чтобы судить о таких делах? Мы

здесь, и все тут. Что такое жизнь, коли на то пошло? Кому нужны эти «почему» и «зачем»? Мы снова живы, вот и все, что нам известно, и никаких вопросов мы не задаем. Если хотите, это вторая попытка. — Она, ковыляя, подошла к капитану и протянула ему свою тонкую, сухую руку. — Потрогайте.

Капитан потрогал.

— Ну как, настоящая?

Он кивнул.

— Так чего же вам еще надо? — торжествующе произнесла она. — К чему вопросы?

— Понимаете, — ответил капитан, — мы просто не представляли себе, что обнаружим на Марсе такое.

— А теперь обнаружили. Смею думать, на каждой планете найдется немало такого, что покажет вам, сколь неисповедимы пути Господни.

— Так что же, здесь — Царство небесное? — спросил Хинкстон.

— Вздор, ничего подобного. Здесь такой же мир, и нам предоставлена вторая попытка. Почему? Об этом нам никто не сказал. Но ведь и на Земле никто не объяснил нам, почему мы там очутились. На той Земле. С которой прилетели вы. И откуда нам знать, что *до* нее не было *еще одной?*

— Хороший вопрос, — сказал капитан.

С лица Люстига не сходила радостная улыбка.

— Черт возьми, до чего же приятно вас видеть, я так рад!

Капитан поднялся со стула и небрежно хлопнул себя ладонью по бедру.

— Ну, нам пора идти. Спасибо за угощение.

— Но вы ведь еще придете? — всполошились старики. — Мы ждем вас к ужину.

— Большое спасибо, постараемся прийти. У нас столько дел. Мои люди ждут меня в ракете и…

Он смолк, ошеломленно глядя на открытую дверь.

Откуда-то издали, из пронизанного солнцем простора, доносились голоса, крики, дружные приветственные возгласы.

— Что это? — спросил Хинкстон.

— Сейчас узнаем. — И капитан Джон Блэк мигом выскочил за дверь и побежал через зеленый газон на улицу марсианского городка.

Он застыл, глядя на ракету. Все люки были открыты, и экипаж торопливо спускался на землю, приветственно махая руками. Кругом собралась огромная толпа, и космонавты влились в нее, смешались с ней, проталкивались через нее, разговаривая, смеясь, пожимая руки. Толпа при-

плясывала от радости, возбужденно теснилась вокруг землян. Ракета стояла покинутая, пустая.

В солнечных лучах взорвался блеском духовой оркестр, из высоко поднятых басов и труб брызнули ликующие звуки. Бухали барабаны, пронзительно свистели флейты. Золотоволосые девочки прыгали от восторга. Мальчуганы кричали: «Ура!» Толстые мужчины угощали знакомых и незнакомых десятицентовыми сигарами. Мэр города произнес речь. А затем всех членов экипажа одного за другим подхватили под руки — мать с одной стороны, отец или сестра с другой — и увлекли вдоль по улице в маленькие коттеджи и в большие особняки.

— Стой! — закричал капитан Блэк.

Одна за другой наглухо захлопнулись двери.

Зной струился вверх к прозрачному весеннему небу, тишина нависла над городком. Трубы и барабаны исчезли за углом. Покинутая ракета одиноко сверкала и переливалась солнечными бликами.

— Дезертиры! — воскликнул командир. — Они самовольно оставили корабль! Клянусь, им это так не пройдет! У них был приказ!..

— Капитан, — сказал Люстиг, — не будьте излишне строги. Когда вас встречают родные и

близкие…

— Это не оправдание!

— Но вы представьте себе их чувства, когда они увидели возле корабля знакомые лица!

— У них был приказ, черт возьми!

— А как бы вы поступили, капитан?

— Я бы выполнял прика… — Он так и замер с открытым ртом.

По тротуару в лучах марсианского солнца шел, приближаясь к ним, высокий, улыбающийся молодой человек лет двадцати шести с удивительно яркими голубыми глазами.

— Джон! — крикнул он и бросился к ним.

— Что? — Капитан Блэк попятился.

— Джон, старый плут!

Подбежав, мужчина стиснул руку капитана и хлопнул его по спине.

— Ты?.. — пролепетал Блэк.

— Конечно я, *кто* же еще!

— Эдвард! — Капитан повернулся к Люстигу и Хинкстону, не выпуская руки незнакомца. — Это мой брат, Эдвард. Эд, познакомься с моими товарищами: Люстиг, Хинкстон! Мой брат!

Они тянули, теребили друг друга за руки, потом обнялись.

— Эд!

— Джон, бездельник!

— Ты великолепно выглядишь, Эд! Но постой, *как* же так? Ты ничуть не изменился за все эти годы. Ведь тебе… тебе же было двадцать шесть, когда ты умер, а мне девятнадцать. Бог ты мой, столько лет, столько лет — и вдруг ты здесь. Да что ж это такое?

— Мама ждет, — сказал Эдвард Блэк, улыбаясь.

— Мама?

— И отец тоже.

— Отец? — Капитан пошатнулся, точно от сильного удара, и сделал шаг-другой негнущимися, непослушными ногами. — Мать и отец живы? Где они?

— В нашем старом доме, на Дубовой улице.

— В старом доме… — Глаза капитана светились восторгом и изумлением. — Вы слышали, Люстиг, Хинкстон?

Но Хинкстона уже не было рядом с ними. Он приметил в дальнем конце улицы свой собственный дом и поспешил туда. Люстиг рассмеялся:

— Теперь вы поняли, капитан, что было с нашими людьми? Их никак нельзя винить.

— Да… Да… — Капитан зажмурился. — Сейчас я открою глаза, и тебя не будет. — Он моргнул. — Ты здесь! Господи! Эд, ты *великолепно* выглядишь!

— Идем, ленч ждет. Я предупредил маму.

— Капитан, — сказал Люстиг, — если я понадоблюсь, я — у своих стариков.

— Что? А, ну конечно, Люстиг. Пока.

Эдвард потянул брата за руку, увлекая его за собой.

— Вот и наш дом. Вспоминаешь?

— Еще бы! Спорим, я первый добегу до крыльца!

Они побежали взапуски. Шумели деревья над головой капитана Блэка, гудела земля под его ногами. В этом поразительном сне наяву он видел, как его обгоняет Эдвард Блэк, видел, как стремительно приближается его родной дом и широко распахивается дверь.

— Я — первый! — крикнул Эдвард.

— Еще бы, — еле выдохнул капитан, — я старик, а ты вон какой молодец. Да ты ведь меня *всегда* обгонял! Думаешь, я забыл?

В дверях была мама — полная, розовая, сияющая. За ней, с заметной проседью в волосах, стоял папа, держа в руке свою трубку.

— Мама, отец!

Он ринулся к ним вверх по ступенькам, точно ребенок.

День был чудесный и долгий. После ленча они

перешли в гостиную, и он рассказал им все про свою ракету, а они кивали и улыбались ему, и мама была совсем такая, как прежде, и отец откусывал кончик сигары и задумчиво прикуривал ее — совсем как в былые времена. Вечером был обед, умопомрачительная индейка, и время летело незаметно. И когда хрупкие косточки были начисто обсосаны и грудой лежали на тарелках, капитан откинулся на спинку стула и шумно выдохнул воздух в знак своего глубочайшего удовлетворения. Вечер упокоил листву деревьев и окрасил небо, и лампы в милом старом доме засветились ореолами розового света. Из других домов вдоль всей улицы доносились музыка, звуки пианино, хлопанье дверей.

Мама поставила пластинку на виктролу и закружилась в танце с капитаном Джоном Блэком. От нее пахло теми же духами, он их запомнил еще с того лета, когда она и папа погибли при крушении поезда. Но сейчас они легко скользили в танце, и его руки обнимали реальную, живую маму…

— Не каждый день человеку предоставляется вторая попытка, — сказала мама.

— Завтра утром проснусь, — сказал капитан, — и окажется, что я в своей ракете, в космосе, и

ничего этого нет.

— К чему такие мысли! — воскликнула она ласково. — Не допытывайся. Бог милостив к нам. Будем же счастливы!

— Прости, мама.

Пластинка кончилась и вертелась, шипя.

— Ты устал, сынок. — Отец указал мундштуком трубки: — Твоя спальня ждет тебя, и старая кровать с латунными шарами — все как было.

— Но мне надо собрать моих людей.

— Зачем?

— Зачем? Гм… не знаю. Пожалуй, и впрямь незачем. Конечно, незачем. Они ужинают либо уже спят. Пусть выспятся, отдых им не повредит.

— Доброй ночи, сынок. — Мама поцеловала его в щеку. — Как славно, что ты дома опять!

— Да, *дома* хорошо…

Покинув мир сигарного дыма, духов, книг, мягкого света, он поднялся по лестнице и все говорил, говорил с Эдвардом. Эдвард толкнул дверь, и Джон Блэк увидел свою желтую латунную кровать, знакомые вымпелы колледжа и сильно потертую енотовую шубу, которую погладил с затаенной нежностью.

— Слишком много сразу, — промолвил капитан. — Я обессилел от усталости. Столько событий

в один день! Как будто меня двое суток держали под ливнем без зонта и без плаща. Я насквозь, до костей, пропитан впечатлениями…

Широкими взмахами рук Эдвард расстелил большие белоснежные простыни и взбил подушки. Потом растворил окно, впуская в комнату ночное благоухание жасмина. Светила луна, издали доносились звуки танцевальной музыки и тихих голосов.

— Так вот он какой, Марс, — сказал капитан, раздеваясь.

— Да, вот такой. — Эдвард раздевался медленно, не торопясь стянул через голову рубаху, обнажая золотистый загар плеч и крепкой, мускулистой шеи.

Свет погас, и вот они рядом в кровати, как бывало — сколько десятилетий тому назад? Капитан приподнялся на локте, вдыхая напоенный ароматом жасмина воздух, потоки которого раздували в темноте легкие тюлевые занавески. На газоне среди деревьев кто-то завел патефон — он тихо наигрывал «Всегда».

Блэку вспомнилась Мерилин.

— Мерилин тоже здесь?

Брат лежал на спине в квадрате лунного света из окна. Он ответил не сразу.

— Да. — Помешкал и добавил: — Ее сейчас нет в городе, она будет завтра утром.

Капитан закрыл глаза:

— Мне бы очень хотелось увидеть Мерилин.

В тишине просторной комнаты слышалось только их дыхание.

— Спокойной ночи, Эд.

Пауза.

— Спокойной ночи, Джон.

Капитан блаженно вытянулся на постели, дав волю мыслям. Только теперь схлынуло с него напряжение этого дня, и он наконец-то мог рассуждать логично. Все-все были сплошные эмоции. Громогласный оркестр, знакомые лица родни… Зато теперь…

«Каким образом? — дивился он. — Как все это было сделано? И зачем? Для чего? Что это — неизреченная благостность Божественного провидения? Неужто Бог и впрямь так печется о своих детях? Как, почему, для чего?»

Он взвесил теории, которые предложили Хинкстон и Люстиг еще днем, под влиянием первых впечатлений. Потом стал перебирать всякие новые предположения, лениво, как камешки в воду, роняя их в глубину своего разума, поворачивая их и так и сяк, и тусклыми проблесками вспыхивало

в нем озарение. Мама. Отец. Эдвард. Марс. Земля. Марс. Марсиане.

А тысячу лет назад кто жил на Марсе? Марсиане? Или всегда было как сегодня?

Марсиане. Он медленно повторял про себя это слово.

И вдруг чуть не рассмеялся почти вслух. Внезапно пришла в голову совершенно нелепая теория. По спине пробежал холодок. Да нет, вздор, конечно. Слишком невероятно. Ерунда. Выкинуть из головы. Смешно.

И все-таки… Если *предположить*. Да, только предположить, что на Марсе живут именно марсиане, что они увидели, как приближается наш корабль, и увидели нас внутри этого корабля. И что они нас возненавидели. И еще допустим — просто так, курьеза ради, — что они решили нас уничтожить, как захватчиков, незваных гостей, и притом сделать это хитроумно, ловко, усыпив нашу бдительность. Так вот, какие же средства может марсианин пустить в ход против землян, оснащенных атомным оружием?

Ответ получался любопытный. Телепатию, гипноз, воспоминания, воображение.

Предположим, что эти дома вовсе не настоящие, кровать не настоящая, что все это продукты

моего собственного воображения, материализованные с помощью марсианской телепатии и гипноза, размышлял капитан Джон Блэк. На самом деле дома совсем *иные*, построенные на марсианский лад, но марсиане, подлаживаясь под мои мечты и желания, ухитрились сделать так, что я будто бы вижу свой родной город, свой дом. Если хочешь усыпить подозрения человека и заманить его в ловушку, можно ли придумать лучшую приманку, чем его родные отец и мать?

Этот городок, такой старый, все как в тысяча девятьсот двадцать шестом году, когда никого из моего экипажа еще не было на свете! Когда мне было шесть лет, когда *действительно* были в моде пластинки с песенками Гарри Лодера и *еще висели* в домах картины Максфилда Пэрриша, когда были бисерные портьеры, и песенка «Прекрасный Огайо», и архитектура начала двадцатого века. А что, если марсиане извлекли все представления о городе только из *моего сознания?* Ведь говорят же, что воспоминания детства самые яркие. И, создав город по *моим* воспоминаниям, они населили его родными и близкими, живущими в памяти всех членов экипажа ракеты!

И допустим, что двое спящих в соседней ком-

нате вовсе не мои отец и мать, а марсиане с необычайно высокоразвитым интеллектом, которым ничего не стоит все время держать меня под гипнозом?..

А этот духовой оркестр? Какой потрясающий, изумительный план! Сперва заморочить голову Люстигу, за ним Хинкстону, потом согнать толпу; а когда космонавты увидели матерей, отцов, теток, невест, умерших десять, двадцать лет назад, — разве удивительно, что они забыли обо всем на свете, забыли про приказ, выскочили из корабля и бросили его? Что может быть естественнее? Какие тут могут быть подозрения? Проще некуда: кто станет допытываться, задавать вопросы, увидев перед собой воскресшую мать, — да тут от счастья вообще онемеешь. И вот вам результат: все мы разошлись по разным домам, лежим в кроватях, и нет у нас оружия, защищаться нечем, и ракета стоит в лунном свете, покинутая. Как ужасающе страшно будет, если окажется, что все это попросту часть дьявольски хитроумного плана, который марсиане задумали, чтобы разделить нас и одолеть, перебить всех до одного. Может быть, среди ночи мой брат, что лежит тут, рядом со мной, вдруг преобразится, изменит свой облик, свое существо и станет

чем-то другим, жутким, враждебным — станет марсианином? Ему ничего не стоит повернуться в постели и вонзить мне нож в сердце. И во всех остальных домах еще полтора десятка братьев или отцов вдруг преобразятся, схватят ножи и проделают то же с ничего не подозревающими спящими землянами…

Руки Джона Блэка затряслись под одеялом. Он похолодел. Внезапно это перестало быть теорией. Внезапно им овладел неодолимый страх.

Он сел и прислушался. Ночь была беззвучна. Музыка смолкла. Ветер стих. Брат лежал рядом с ним, погруженный в сон.

Он осторожно откинул одеяло, соскользнул на пол и уже тихонько шел к двери, когда раздался голос брата:

— Ты куда?

— Что?

Голос брата стал ледяным.

— Я спрашиваю, далеко ли ты собрался?

— За водой.

— Ты не хочешь пить.

— Хочу, правда же хочу.

— Нет, не хочешь.

Капитан Джон Блэк рванулся и побежал. Он вскрикнул. Он вскрикнул дважды.

Он не добежал до двери.

Наутро духовой оркестр играл заунывный траурный марш. По всей улице из каждого дома выходили, неся длинные ящики, маленькие скорбные процессии; по залитой солнцем мостовой выступали, утирая слезы, бабки, матери, сестры, братья, дядья, отцы. Они направлялись на кладбище, где уже ждали свежевырытые могилы и новенькие надгробные плиты. Шестнадцать могил, шестнадцать надгробных плит.

Мэр произнес краткую заупокойную речь, и лицо его менялось, не понять — то ли мэр, то ли кто-то другой.

Мать и отец Джона Блэка пришли на кладбище, и брат Эдвард пришел. Они плакали, убивались, а лица их постепенно преображались, теряя знакомые черты.

Дедушка и бабушка Люстига тоже были тут и рыдали, и лица их таяли точно воск, расплывались, как все расплывается в жаркий день.

Гробы опустили в могилы. Кто-то пробормотал насчет «внезапной и безвременной кончины шестнадцати отличных людей, которых смерть унесла в одну ночь…».

Комья земли застучали по гробовым крышкам.

Духовой оркестр, играя «Колумбия, жемчужина

океана», прошагал в такт громыхающей меди в город, и в этот день все отдыхали.

Июнь 2032
И по-прежнему лучами серебрит простор луна…

Когда они вышли из ракеты в ночной мрак, было так холодно, что Спендер сразу принялся собирать марсианский хворост для костра. Насчет того, чтобы отпраздновать прилет на Марс, он и слова не сказал, просто набрал хворосту, подпалил его и стал смотреть, как он горит.

Потом в зареве, окрасившем разреженный воздух над высохшим марсианским морем, оглянулся через плечо на ракету, которая пронесла их всех — капитана Уайлдера, Чероки, Хетэуэя, Сэма Паркхилла, его самого — через немые черные звездные просторы и доставила в безжизненный, грезящий мир.

Джефф Спендер ждал, когда начнется содом. Он глядел на своих товарищей и ждал: сейчас запрыгают, закричат… Вот только пройдет оцепенение от потрясающей мысли, что они «первые» люди на Марсе. Никто об этом вслух не говорил, но в глубине души многие, видимо, надеялись, что их предшественники не долетели и пальма

первенства будет принадлежать *этой*, Четвертой, экспедиции. Нет, они никому не желали зла, просто им очень хотелось быть первыми и они мечтали о славе и почете, пока их легкие привыкали к разреженной атмосфере Марса, из-за которой голова становилась словно хмельная, если двигаться слишком быстро.

Гиббс подошел к разгорающемуся костру и спросил:

— Зачем хворост, ведь в ракете есть химическое горючее?

— Не важно, — ответил Спендер, не поднимая головы.

Немыслимо, просто непристойно в первую же ночь на Марсе устраивать шум и гам и тащить из ракеты неуместную здесь штуковину — печку, сверкающую идиотским блеском. Это же будет надругательство какое-то. Еще успеется, еще будет время швырять банки из-под сгущенного молока в гордые марсианские каналы, еще поползут, лениво закувыркаются по седому пустынному дну марсианских морей шуршащие листы «Нью-Йорк таймс», придет время банановой кожуре и замасленной бумаге валяться среди изящно очерченных развалин древних марсианских городов. Все впереди, все будет. Его

даже передернуло от этой мысли.

Спендер подкармливал пламя из рук с таким чувством, словно приносил жертву мертвому исполину. Планета, на которую они сели, — гигантская гробница. Здесь погибла целая цивилизация. Элементарная вежливость требует хотя бы в первую ночь вести себя здесь пристойно.

— Нет, так не пойдет! Посадку надо отпраздновать! — Гиббс повернулся к капитану Уайлдеру. — Начальник, а неплохо бы вскрыть несколько банок с джином и мясом и малость кутнуть.

Капитан Уайлдер смотрел на мертвый город, который раскинулся в миле от них.

— Мы все устали, — произнес он рассеянно, точно целиком ушел в созерцание города и забыл про своих людей. — Лучше завтра вечером. Сегодня хватит с нас того, что мы добрались сюда через эту чертову пустоту, и все живы, и в оболочке нет дыры от метеорита.

Космонавты топтались вокруг костра. Их было двадцать, кто положил руку на плечо товарища, кто поправлял пояс. Спендер пристально разглядывал их. Они были недовольны. Они рисковали жизнью ради великого дела. Теперь им хотелось напиться до чертиков, горланить песни, поднять такую пальбу, чтобы сразу было видно, какие они

лихие парни, — пробуравили космос и пригнали ракету на Марс. На Марс!

Но пока все помалкивали.

Капитан негромко отдал приказ. Один из космонавтов сбегал в ракету и принес консервы, которые открыли и раздали без особого шума. Мало-помалу люди разговорились. Капитан сел и сделал краткий обзор полета. Они все знали сами, но было приятно слушать и сознавать, что все это уже позади, дело благополучно завершено. Про обратный путь говорить не хотелось. Кто-то было заикнулся об этом, но его заставили замолчать. В двойном лунном свете быстро мелькали ложки; еда казалась очень вкусной, вино — еще вкуснее.

В небе чиркнуло пламя, и мгновение спустя за их стоянкой села вспомогательная ракета. Спендер смотрел, как открылся маленький люк и оттуда вышел Хетэуэй, врач и геолог, — у каждого участника экспедиции были две специальности, для экономии места в ракете. Хетэуэй, не торопясь, подошел к капитану.

— Ну, что там? — спросил капитан Уайлдер.

Хетэуэй глядел на далекие города, мерцающие в звездном свете. Потом проглотил ком в горле и перевел взгляд на Уайлдера:

— Вон тот город мертв, капитан, мертв уж много тысяч лет. Как и три города в горах. Но пятый город, в двухстах милях отсюда…

— Ну?

— Еще на прошлой неделе там жили.

Спендер встал.

— Марсиане, — добавил Хетэуэй.

— А где они теперь?

— Умерли, — сказал Хетэуэй. — Я зашел в один дом, думал, что он, как и другие дома в остальных городах, заброшен много веков назад. Силы небесные, сколько там трупов! Словно груды осенних листьев! Будто сухие стебли и клочки горелой бумаги — все, что от них осталось. Причем умерли *совсем* недавно, самое большее дней десять назад.

— А в других городах? Хоть *что-нибудь* живое вы видели?

— Ничего. Я потом еще не один проверил. Из пяти городов четыре заброшены много тысяч лет. Совершенно не представляю себе, куда подевались их обитатели. Зато в каждом пятом городе — одно и то же. Тела. Тысячи тел.

— От чего они умерли? — Спендер подошел ближе.

— Вы не поверите.

— Что их убило?

— Ветрянка, — коротко ответил Хетэуэй.

— Не может быть!

— Точно. Я сделал анализы. Ветряная оспа. Ее действие на марсиан совсем не такое, как на землян. Видимо, все дело в обмене веществ. Они почернели как головешки и высохли, превратились в ломкие хлопья. Но это ветрянка, никакого сомнения. Выходит, что и Йорк, и капитан Уильямс, и капитан Блэк — все три экспедиции добрались до Марса. Что с ними стало потом, одному богу известно. Но мы совершенно точно знаем, что они, сами того не ведая, *сделали* с марсианами.

— И нигде никаких признаков жизни?

— Возможно, конечно, что несколько марсиан вовремя сообразили и ушли в горы. Но даже если так, бьюсь об заклад, что проблемы туземцев здесь нет, их слишком мало. Песенка марсиан спета.

Спендер повернулся и снова сел у костра, уставившись в огонь. Ветрянка, господи, подумать только, ветрянка! Население планеты миллионы лет развивается, совершенствует свою культуру, строит вот такие города, всячески старается утвердить свои идеалы и представления о кра-

соте и — погибает. Часть умерла еще до нашей эры — пришел их срок, и они скончались тихо, с достоинством встретили смерть. Но остальные! Может быть, остальные марсиане погибли от болезни с изысканным, или грозным, или возвышенным названием? Ничего подобного, черт возьми, их доконала ветрянка, детская болезнь, болезнь, которая на Земле не убивает *даже детей!* Это неправильно, несправедливо. Это все равно что сказать про древних греков, что они погибли от свинки, а гордых римлян на их прекрасных холмах скосил грибок! Хоть бы дали мы марсианам время приготовить свой погребальный убор, принять надлежащую позу и измыслить какую-нибудь *иную* причину смерти. Так нет же — какая-то паршивая, дурацкая ветрянка! Нет, не может быть, это несовместимо с величием их архитектуры, со всем их миром!

— Ладно, Хетэуэй, теперь перекусите.

— Спасибо, капитан.

И все! Уже забыто. Уже говорят совсем о другом.

Спендер не отрываясь следил за своими спутниками. Он не прикоснулся к своей порции, лежавшей в тарелке у него на коленях. Стало еще холоднее. Звезды придвинулись ближе, вспых-

нули ярче.

Если кто-нибудь начинал говорить чересчур громко, капитан отвечал вполголоса, и они невольно понижали голос, стараясь подражать ему.

Какой здесь чистый, необычный воздух! Спендер долго сидел и просто дышал, наслаждаясь его ароматом. В нем слилась бездна запахов, он не мог угадать каких: цветы, химические вещества, пыль, ветер…

— Или взять хоть тот раз в Нью-Йорке, когда я подцепил эту блондиночку, — черт, забыл, как ее звали… Гинни! — орал Биггс. — Девчонка была что надо!

Спендер весь сжался. У него задрожали руки. Глаза беспокойно дергались под тонкими, прозрачными веками.

— Вот Гинни и говорит мне… — продолжал Биггс.

Раздался дружный хохот.

— Ну я ей и вмазал! — выкрикнул Биггс, не выпуская из рук бутылки.

Спендер отставил свою тарелку в сторону. Прислушался к шепоту прохладного ветерка. Полюбовался белыми марсианскими зданиями — точно холодные льдины на дне высохшего

моря…

— Какая девчонка, блеск! — Биггс опрокинул бутылку в свою широкую пасть. — Сколько их было — такой не попадалось!

В воздухе стоял резкий запах потного тела Биггса. Спендер дал костру потухнуть.

— Эй, Спендер, уснул, что ли, подкинь дров! — крикнул Биггс и снова присосался к бутылке. — Ну так вот, однажды ночью мы с Гинни…

Один из космонавтов, по фамилии Шенке, принес свой аккордеон и стал отбивать чечетку, так что пыль столбом поднялась.

— Э-эх! — вопил он. — Живем!

— О-го-го! — горланили остальные, отбросив пустые тарелки.

Трое стали в ряд и задрыгали ногами, наподобие девиц из бурлеска, выкрикивая соленые шуточки. Другие хлопали в ладоши, требуя отколоть что-нибудь еще. Чероки сбросил рубаху и закружился, сверкая потным торсом. Лунное сияние серебрило его ежик и гладко выбритые молодые щеки.

Ветер гнал легкий туман над дном пересохшего моря, огромные каменные изваяния глядели с гор на серебристую ракету и крохотный костер.

Шум и гомон становились сильнее, число тан-

цоров росло, кто-то играл на губной гармонике, другой дул в гребешок, обернутый папиросной бумагой. Еще два десятка бутылок откупорено и выпито. Биггс пьяно топтался вокруг и пытался дирижировать пляской, размахивая руками.

— Командир, присоединяйтесь! — крикнул Чероки капитану и затянул песню.

Пришлось и капитану плясать. Он делал это без всякой охоты. Лицо его было сумрачно. Спендер смотрел на него и думал: «Бедняга! Что за ночь! Не ведают они, что творят. Им перед вылетом надо бы инструктаж устроить, объяснить, что надо вести себя на Марсе прилично, хотя бы первые дни».

— Хватит. — Капитан вышел из круга и сел, сославшись на усталость.

Спендер взглянул на капитана. Не сказать, чтобы его грудь вздымалась чаще обычного. И лицо ничуть не вспотело.

Аккордеон, гармоника, вино, крики, пляска, вопли, возня, лязг посуды, хохот.

Биггс, шатаясь, побрел на берег марсианского канала. Он захватил с собой шесть пустых бутылок и одну за другой стал бросать их в глубокую голубую воду. Погружаясь, они издавали гулкий, задыхающийся звук.

— Я нарекаю тебя, нарекаю тебя, нарекаю тебя… — заплетающимся языком бормотал Биггс. — Нарекаю тебя именем Биггс, Биггс, канал Биггса…

Прежде чем кто-нибудь успел шевельнуться, Спендер вскочил на ноги, прыгнул через костер и подбежал к Биггсу. Он ударил Биггса сперва по зубам, потом в ухо. Биггс покачнулся и упал прямо в воду. Всплеск. Спендер молча ждал, когда Биггс выкарабкается обратно. Но к этому времени остальные уже схватили Спендера за руки.

— Эй, Спендер, что это на тебя нашло? Ты что? — допытывались они.

Биггс выбрался на берег и встал на ноги, вода струилась с него на каменные плиты. Он сразу приметил, что Спендера держат.

— Так, — сказал он и шагнул вперед.

— Прекратить! — рявкнул капитан Уайлдер.

Спендера выпустили. Биггс замер, глядя на капитана.

— Ладно, Биггс, переоденьтесь. Вы, ребята, можете продолжать веселиться! Спендер, пойдемте со мной!

Веселье возобновилось. Уайлдер отошел в сторону и обернулся к Спендеру.

— Может быть, вы объясните, в чем дело? —

сказал он.

Спендер смотрел на канал.

— Не знаю. Мне стало стыдно. За Биггса, за всех нас, за этот содом. Господи, какое безобразие!

— Путешествие было долгое. Надо же им отвести душу.

— Но где их уважение, командир? Где чувство пристойности?

— Вы устали, Спендер, и смотрите на вещи иначе, чем они. Уплатите штраф пятьдесят долларов.

— Слушаюсь, командир. Но уж очень неприятно, когда подумаешь, что Они видят, как мы дураков корчим.

— Кто это «Они»?

— Марсиане, будь то живые или мертвые, все равно.

— Безусловно, мертвые, — ответил капитан. — Вы думаете, Они знают, что мы здесь?

— Разве старое не знает всегда о появлении нового?

— Пожалуй. Можно подумать, что вы верите в духов.

— Я верю в вещи, сделанные трудом, а все вокруг показывает, сколько здесь сделано. Здесь есть улицы, и дома, и книги, наверно, есть, и

широкие каналы, башни с часами, стойла — ну, пусть не для лошадей, но все-таки для каких-то домашних животных, скажем, даже с двенадцатью ногами, почем мы можем знать? Куда ни глянешь, всюду вещи и сооружения, которыми пользовались. К ним прикасались, их употребляли много столетий. Спросите меня, верю ли я в душу вещей, вложенную в них теми, кто ими пользовался, — я скажу да. А они здесь, вокруг нас, — вещи, у которых было свое назначение. Горы, у которых были свои названия. Пользуясь этими вещами, мы всегда неизбежно будем чувствовать себя неловко. И названия гор будут звучать для нас как-то не так — мы их окрестим, а старые-то названия никуда не делись, существуют где-то во времени, для кого-то здешние горы, представления о них были связаны именно с теми названиями. Названия, которые мы дадим каналам, городам, вершинам, скатятся с них как с гуся вода. Мы можем сколько угодно соприкасаться с Марсом — настоящего общения никогда не будет. В конце концов это доведет нас до бешенства, и знаете, что мы сделаем с Марсом? Мы его распотрошим, снимем с него шкуру и перекроим ее по своему вкусу.

— Мы не разрушим Марс, — сказал капитан. —

Он слишком велик и великолепен.

— Вы уверены? У нас, землян, есть дар разрушать великое и прекрасное. Если мы не открыли сосисочную в Египте, среди развалин Карнакского храма, то лишь потому, что они лежат на отшибе и там не развернешь коммерции. Но Египет всего лишь клочок нашей планеты. А здесь — здесь все древность, все непохожее, и мы где-нибудь тут обоснуемся и начнем опоганивать этот мир. Вот этот канал назовем в честь Рокфеллера, эту гору назовем горой короля Георга, и море будет морем Дюпона, там вон будут города Рузвельт, Линкольн и Кулидж, но это все будет неправильно, потому что у каждого места уже есть свое *собственное* имя.

— Это уж ваше дело, археологов, раскапывать старые названия, а мы что ж, мы согласны ими пользоваться.

— Кучка людей вроде нас — против всех дельцов и трестов? — Спендер поглядел на отливающие металлом горы. — Они *знают*, что мы сегодня появились здесь, будем пакостить им; они должны нас ненавидеть.

Капитан покачал головой.

— Здесь нет ненависти. — Он прислушался к ветру. — Судя по их городам, это были добрые,

красивые, мудрые люди. Они принимали свою судьбу как должное. Очевидно, смирились с тем, что им вымирать, и не затеяли с отчаяния никакой опустошительной войны напоследок, не стали уничтожать своих городов. Все города, которые мы до сих пор видели, сохранились в полной неприкосновенности. Сдается мне, мы им мешаем не больше, чем помешали бы дети, играющие на газоне, — велик ли спрос с ребенка? И кто знает, быть может, в конечном счете все это изменит нас к лучшему. Вы обратили внимание, Спендер, на необычно тихое поведение наших людей, пока Биггс не навязал им это веселье? Как смирно, даже робко они держались! Еще бы, лицом к лицу со всем этим сразу сообразишь, что мы не так уж сильны. Мы просто дети в коротких штанишках, шумные и непоседливые дети, которые носятся со своими ракетными и атомными игрушками. Но ведь когда-нибудь Земля станет такой, каков Марс теперь. Так что Марс нас отрезвит. Наглядное пособие по истории цивилизации. Полезный урок. А теперь — выше голову! Пойдем играть в веселье. Да, штраф остается в силе.

Но веселье не ладилось. С мертвого моря упорно дул ветер. Он вился вокруг космонавтов, вокруг капитана и Джеффа Спендера, когда те

шли обратно к остальным. Ветер ворошил пыль и обтекал сверкающую ракету, теребил аккордеон, и пыль покрыла исцелованную губную гармонику. Она засоряла им глаза, и от ветра в воздухе звучала высокая певучая нота. Вдруг он стих так же неожиданно, как начался.

Но и веселье тоже стихло.

Люди застыли неподвижно под равнодушным черным небом.

— А ну, ребята, давай! — Биггс в чистой, сухой одежде выскочил из ракеты, стараясь не глядеть на Спендера. Звук его голоса погас, будто в пустом зале. Будто никого вокруг нет. — Давайте все сюда!

Никто не тронулся с места.

— Эй, Уайти, что же твоя гармоника?

Уайти выдул какую-то трель. Она прозвучала фальшиво и нелепо. Уайти вытряхнул из инструмента влагу и убрал его в карман.

— Вы что, *на поминках,* что ли? — не унимался Биггс.

Кто-то сжал в объятиях аккордеон. Он издал звук, похожий на предсмертный стон животного. И все.

— Ладно, тогда мы с бутылочкой повеселимся вдвоем. — Биггс уселся, прислонившись к ракете,

и поднес ко рту карманную фляжку.

Спендер не сводил с него глаз. Долго стоял неподвижно. Потом его пальцы тихонько, медленно поползли вверх по дрожащему бедру, нащупали пистолет и стали поглаживать кожаную кобуру.

— Кто хочет, может пойти со мной в город, — объявил капитан. — Поставим охрану у ракеты и захватим с собой оружие — на всякий случай.

Желающие построились и рассчитались по порядку. Их оказалось четырнадцать, включая Биггса, который стал в строй, гогоча и размахивая бутылкой. Шесть человек решили остаться.

— Ну, потопали! — заорал Биггс.

Отряд молча зашагал по долине, залитой лунным светом. Они пришли на окраину дремлющего мертвого города, озаренного светом двух догоняющих друг друга лун. Тени, протянувшиеся от их ног, были двойными.

Несколько минут космонавты стояли, затаив дыхание. Ждали: вот сейчас что-нибудь шевельнется в этом безжизненном городе, возникнет какой-нибудь туманный силуэт, промчится галопом по бесплодному морскому дну этакий призрак седой старины верхом на закованном в латы древнем коне немыслимых кровей, с невиданной родословной.

Воображение Спендера оживляло пустынные городские улицы. Голубыми светящимися призраками шли люди по проспектам, замощенным камнем, слышалось невнятное бормотание, странные животные стремительно бежали по серовато-красному песку. В каждом окне кто-то стоял и, перегнувшись через подоконник, медленно поводил руками, точно утонувший в водах вечности, махая каким-то силуэтам, движущимся в бездонном пространстве у подножия посеребренных луной башен. Внутренний слух улавливал музыку, и Спендер попытался представить себе, как могут выглядеть инструменты, которые так звучат… Город был полон видениями.

— Э-гей! — крикнул Биггс, выпрямившись и сложив ладони рупором. — Эй, кто тут есть в городе, отзовись!

— Биггс! — сказал капитан.

Биггс умолк.

Они ступили на улицу, вымощенную плитами. Теперь они говорили только шепотом, потому что у них было такое чувство, будто они вошли в огромный читальный зал под открытым небом или в усыпальницу, где только ветер да яркие звезды над головой. Капитан заговорил вполго-

лоса. Ему хотелось знать, куда девались жители города, что за люди они были, какие короли ими правили, отчего они умерли. Он тихо вопрошал: как сумели они построить такой долговечный город? Побывали ли они на Земле? Не они ли десятки тысяч лет назад положили начало роду землян? Так же ли любили они и ненавидели, как мы? И были ли их безрассудства такими же, когда они совершали их?

Они замерли. Луны точно околдовали, заморозили их; тихий ветер овевал их.

— Лорд Байрон, — сказал Джефф Спендер.

— Какой лорд? — Капитан повернулся к нему.

— Лорд Байрон, поэт, жил в девятнадцатом веке. Давным-давно он написал стихотворение. Оно удивительно подходит к этому городу и выражает чувства, которые должны были бы испытывать марсиане. Если только здесь осталось кому чувствовать. Такие стихи мог бы написать последний марсианский поэт.

Люди стояли неподвижно, и тени их замерли.

— Что же это за стихотворение? — спросил капитан.

Спендер переступил с ноги на ногу, поднял руку, вспоминая, на мгновение зажмурился, затем его тихий голос стал неторопливо произносить

слова стихотворения, и все слушали его:

Не бродить уж нам ночами,
Хоть душа любви полна.
И по-прежнему лучами
Серебрит простор луна.

Город был пепельно-серый, высокий, безмолвный.

Лица людей обратились к лунам.

Меч сотрет железо ножен,
И душа источит грудь,
Вечный пламень невозможен,
Сердцу нужно отдохнуть.
Пусть влюбленными лучами
Месяц тянется к земле,
Не бродить уж нам ночами
В серебристой лунной мгле [4].

Земляне молча стояли в центре города. Ночь была ясна и безоблачна. Кроме свиста ветра, ни звука кругом. Перед ними расстилалась площадь, и плиточная мозаика изображала древних животных и людей. Они стояли и смотрели.

---

[4] Примечания: 4
Стихотворение Джорджа Гордона Байрона в переводе Ю. Вронского.

Биггс издал рыгающий звук. Глаза его помутнели. Руки метнулись ко рту, он судорожно глотнул, зажмурился, согнулся пополам, густая струя наполнила рот и вырвалась, хлынула с плеском прямо на плиты, заливая изображения. Так повторилось дважды. В прохладном воздухе разнесся кислый винный запах. Никто не шевельнулся помочь Биггсу. Его продолжало тошнить.

Мгновение Спендер смотрел на него, затем повернулся и пошел прочь. В полном одиночестве он шел по озаренным луной улицам города и ни разу не остановился, чтобы оглянуться на своих товарищей.

Они легли спать около четырех утра. Вытянувшись на одеялах, закрыли глаза и вдыхали неподвижный воздух. Капитан Уайлдер сидел возле костра, подбрасывая в него сучья.

Два часа спустя Мак-Клюр открыл глаза:

— Вы не спите, командир?

— Жду Спендера. — Капитан слабо улыбнулся.

Мак-Клюр подумал:

— Знаете, командир, мне кажется, он не придет. Сам не знаю почему, но у меня такое чувство. Не придет он.

Мак-Клюр повернулся на другой бок. Огонь рассыпался трескучими искрами и потух.

Прошла целая неделя, а Спендер не появлялся. Капитан разослал на поиски его несколько отрядов, но они вернулись и доложили, что не понимают, куда он мог деться. Ничего, надоест шляться — сам придет. И вообще, он нытик и брюзга. Ушел, и черт с ним!

Капитан промолчал, но записал все в корабельный журнал…

Однажды утром — это мог быть понедельник, или вторник, или любой иной марсианский день — Биггс сидел на краю канала, подставив лицо солнечным лучам и болтая ногами в прохладной воде.

Вдоль канала шел человек. Его тень упала на Биггса. Биггс открыл глаза.

— Будь я проклят! — воскликнул Биггс.

— Я последний марсианин, — сказал человек, доставая пистолет.

— Что ты сказал? — спросил Биггс.

— Я убью тебя.

— Брось. Что за глупые шутки, Спендер?

— Встань, умри как мужчина.

— Бога ради, убери пистолет!

Спендер нажал курок только один раз. Мгновение Биггс еще сидел на краю канала, потом наклонился вперед и упал в воду. Выстрел был

очень тихим — как шелест, как слабое жужжание. Тело медленно, отрешенно погрузилось в неторопливые струи канала, издавая глухой, булькающий звук, который вскоре прекратился.

Спендер убрал пистолет в кобуру и неслышными шагами пошел дальше. Солнце светило сверху на Марс, его лучи припекали кожу рук, жарко гладили непроницаемое лицо Спендера. Он не стал бежать, шел так, будто с прошлого раза ничего не изменилось, если не считать, что теперь был день. Он подошел к ракете; несколько человек уписывали только что приготовленный завтрак под навесом, который поставил кок.

— А вот и наш Одинокий Волк идет, — сказал кто-то.

— Пришел, Спендер! Давненько не виделись!

Четверо за столом пристально смотрели на человека, который молча глядел на них.

— Дались тебе эти проклятые развалины, — усмехнулся кок, помешивая какое-то черное варево в миске. — Ну чисто голодный пес, который до костей дорвался.

— Возможно, — ответил Спендер. — Мне надо было кое-что выяснить. Что вы скажете, если я вам сообщу, что видел здесь, по соседству, марсианина?

Четверо космонавтов отложили свои вилки.

— Марсианина? Где?

— Это не важно. Позвольте мне задать вам один вопрос. Как бы вы себя чувствовали на месте марсиан, если бы в вашу страну явились люди и стали все громить?

— Я-то знаю, что бы я чувствовал, — сказал Чероки. — В моих жилах есть кровь племени чероков. Мой дед немало мне порассказал из истории Оклахомы. Так что, если тут остались марсиане, я их понимаю.

— А вы? — осторожно спросил Спендер остальных.

Никто не ответил, молчание было достаточно красноречиво. Дескать, грабастай, сколько захватишь, что нашел — все твое, если ближний подставил щеку — вдарь покрепче, и так далее в том же духе.

— Ну так вот, — сказал Спендер. — Я встретил марсианина.

Они недоверчиво смотрели на него.

— Там, в одном из мертвых поселений. Я и не подозревал, что встречу его. Даже не собирался искать. Не знаю, что он там делал. Эту неделю я прожил в маленьком городке, пытался разобрать древние письмена, изучал их старинное

искусство. И вот однажды увидел марсианина. Он только на миг появился и тут же пропал. Потом дня два не показывался. Я сидел над письменами, когда он снова пришел. И так несколько раз, с каждым разом все ближе и ближе. В тот день, когда я наконец освоил марсианский язык — это удивительно просто, и очень помогают пиктограммы, — марсианин появился передо мной и сказал: «Дайте мне ваши башмаки». Я отдал ему башмаки, а он говорит: «Дайте мне ваше обмундирование и все, что на вас надето». Я все отдал, он опять: «Дайте пистолет». Подаю пистолет. Тогда он говорит: «А теперь пойдемте со мной и смотрите, что будет». И марсианин пошел в лагерь, и вот он здесь.

— Не вижу никакого марсианина, — возразил Чероки.

— Очень жаль.

Спендер выхватил из кобуры пистолет. Послышалось слабое жужжание. Первая пуля поразила крайнего слева, вторая и третья — крайнего справа и того, что сидел посредине. Кок испуганно обернулся от костра и был сражен четвертой пулей. Он упал плашмя в огонь и остался лежать, его одежда загорелась.

Ракета стояла, залитая солнцем. Три человека

сидели за столом, и руки их неподвижно лежали возле тарелок, на которых остывал завтрак. Один Чероки, невредимый, с тупым недоумением глядел на Спендера.

— Можешь пойти со мной, — сказал Спендер.

Чероки не ответил.

— Слышишь, я принимаю тебя в свою компанию. — Спендер ждал.

Наконец к Чероки вернулся дар речи.

— Ты их убил, — произнес он и заставил себя взглянуть на сидящих напротив.

— Они это заслужили.

— Ты сошел с ума!

— Возможно. Но ты можешь пойти со мной.

— Пойти с тобой — зачем? — вскричал Чероки, мертвенно-бледный, со слезами на глазах. — Уходи, убирайся прочь!

Лицо Спендера окаменело.

— Я-то думал, хоть *ты* меня поймешь.

— Убирайся!

Рука Чероки потянулась за пистолетом.

Спендер выстрелил в последний раз. Больше Чероки не двигался.

Зато покачнулся Спендер. Он провел ладонью по потному лицу. Он поглядел на ракету, и вдруг его начала бить дрожь. Он едва не упал, настоль-

ко сильна была реакция. Его лицо было лицом человека, который приходит в себя после гипноза, после сновидения. Он сел, чтобы справиться с дрожью.

— Перестать! Сейчас же! — приказал он своему телу.

Каждая клеточка судорожно дрожала.

— Перестань!

Он сжал тело в тисках воли, пока не выдавил из него всю дрожь, до последнего остатка. Теперь руки лежали спокойно на усмиренных коленях.

Он встал и с неторопливой тщательностью закрепил на спине ранец с продуктами. На какую-то крохотную долю секунды его руки опять задрожали, но Спендер очень решительно скомандовал: «Нет!» — и дрожь прошла. И он побрел прочь на негнущихся ногах и затерялся среди раскаленных красных гор. Один.

Полыхающее солнце поднялось выше в небе. Час спустя капитан вылез из ракеты позавтракать. Он уже было открыл рот, чтобы поздороваться с космонавтами, сидящими за столом, но осекся, уловив в воздухе легкий запах пистолетного дыма. Он увидел, что кок лежит на земле, накрыв своим телом костер. Четверо сидели перед остывшим завтраком.

По трапу спустились Паркхилл и еще двое. Капитан стоял, загородив им путь, не в силах отвести глаз от молчаливых людей за столом, от их странных поз.

— Собрать всех людей! — приказал капитан.

Паркхилл побежал вдоль канала.

Капитан тронул рукой Чероки. Чероки медленно согнулся и упал со стула. Солнечные лучи осветили его жесткий ежик и скуластое лицо.

Экипаж собрался.

— Кого недостает?

— Все того же Спендера. Биггса мы нашли в канале.

— Спендер!

Капитан посмотрел на устремленные в дневное небо горы. Солнце высветило его зубы, обнаженные гримасой.

— Черт бы его побрал, — устало произнес капитан. — Почему он не пришел ко мне, я бы поговорил с ним.

— Нет, вот *я* бы с ним поговорил! — крикнул Паркхилл, яростно сверкнув глазами. — Я бы раскроил ему башку и выпустил мозги наружу!

Капитан Уайлдер кивком подозвал двоих.

— Возьмите лопаты, — сказал он.

Копать было жарко. С высохшего моря летел

теплый ветер, он швырял им пыль в лицо, а капитан листал Библию. Но вот он закрыл книгу, и с лопат на завернутые в ткань тела потекли медленные струи песка.

Они вернулись к ракете, щелкнули затворами своих винтовок, подвесили к поясу сзади связки гранат, проверили, легко ли вынимаются из кобуры пистолеты. Каждому был отведен определенный участок гор. Капитан говорил, куда кому идти, не повышая голоса, руки его вяло висели, он ни разу не шевельнул ими.

— Пошли, — сказал он.

Спендер увидел, как в разных концах долины поднимаются облачка пыли, и понял, что преследование началось по всем правилам. Он опустил плоскую серебряную книгу, которую читал, удобно примостившись на большом камне. Страницы книги были из чистейшего, тонкого, как папиросная бумага, листового серебра, разрисованные от руки чернью и золотом. Это был философский трактат десятитысячелетней давности, найденный им в одной из вилл небольшого марсианского селения. Спендеру не хотелось отрываться от книги.

Он даже подумал сперва: «А стоит ли? Буду сидеть и читать, пока не придут и не убьют меня».

Утром, после того как он застрелил шесть человек, Спендер ощутил тупую опустошенность, потом его тошнило, и наконец им овладел странный покой. Но и это чувство было преходящим, потому что при виде пыли, которая обозначала путь преследователей, он снова ощутил ожесточение.

Он глотнул холодной воды из походной фляги. Потом встал, потянулся, зевнул и прислушался к упоительной тишине окружавшей его долины. Эх, если бы он и еще несколько людей оттуда, с Земли, могли вместе поселиться здесь и дожить свою жизнь без шума, без тревог…

Спендер взял в одну руку книгу, а в другую — пистолет. Рядом протекала быстрая речка с дном из белой гальки и большими камнями на берегах. Он разделся на камнях и вошел в воду ополоснуться. Он не спешил и, лишь поплескавшись вволю, оделся и снова взял пистолет.

Первые выстрелы раздались около трех часов дня. К этому времени Спендер ушел высоко в горы. Погоня шла следом. Миновали три горных марсианских городка. Над ними были разбросаны виллы марсиан. Облюбовав себе зеленый лужок и быстрый ручей, древние марсианские семьи выложили из плиток бассейны, построили биб-

лиотеки, разбили сады с журчащими фонтанами. Спендер позволил себе поплавать с полчаса в наполненном дождевой водой бассейне, ожидая, когда приблизится погоня.

Покидая виллу, он услышал выстрелы. Позади него, в каких-нибудь пяти метрах, взорвался осколками кирпич. Спендер побежал, укрываясь за скальными выступами, обернулся и первым же выстрелом уложил наповал одного из преследователей.

Спендер знал, что его возьмут в кольцо и он окажется в ловушке. Окружат со всех сторон, и станут сходиться, и прикончат его. Странно даже, что они еще не пустили в ход гранаты. Капитану Уайлдеру достаточно слово сказать…

«Я слишком тонкое изделие, чтобы превращать меня в крошево, — подумал Спендер. — Вот что сдерживает капитана. Ему хочется, чтобы дело ограничилось одной аккуратной дырочкой. Чудно… Хочется, чтобы я умер благопристойно. Никаких луж крови. Почему? Да потому, что он меня понимает. Вот почему он готов рисковать своими лихими ребятами, лишь бы уложить меня точным выстрелом в голову. Разве не так?»

Девять-десять выстрелов прогремели один за другим, подбрасывая камни вокруг Спендера.

Он методично отстреливался, иногда даже не отрываясь от серебряной книги, которую не выпускал из рук.

Капитан выскочил из-за укрытия под жаркие лучи солнца с винтовкой в руках. Спендер проводил его мушкой пистолета, но стрелять не стал. Вместо этого он выбрал другую цель и сбил пулей верхушку камня, за которым лежал Уайти. Оттуда донесся злобный крик.

Вдруг капитан выпрямился во весь рост, держа белый платок в поднятой руке. Он что-то сказал своим людям и, отложив винтовку в сторону, пошел вверх по склону. Спендер немного выждал, потом и он поднялся на ноги, с пистолетом наготове.

Капитан подошел и сел на горячий камень, избегая смотреть на Спендера.

Рука капитана потянулась к карману куртки. Спендер крепче сжал пистолет.

— Сигарету? — предложил капитан.

— Спасибо. — Спендер взял одну.

— Огоньку?

— Свой есть.

Они затянулись раз-другой в полной тишине.

— Жарко, — сказал капитан.

— Очень.

— Как вы тут, хорошо устроились?

— Отлично.

— И сколько думаете продержаться?

— Столько, сколько нужно, чтобы уложить дюжину человек.

— Почему вы не убили всех нас утром, когда была возможность? Вы вполне могли это сделать.

— Знаю. Духу не хватило. Когда тебе что-нибудь втемяшится в голову, начинаешь лгать самому себе. Говоришь, что все остальные не правы, а ты прав. Но едва я начал убивать этих людей, как сообразил, что они просто глупцы и зря я на них поднял руку. Поздно сообразил. Тогда я не мог заставить себя продолжать, вот и ушел сюда, чтобы еще раз солгать себе и разозлиться, восстановить нужное настроение.

— Восстановили?

— Не совсем. Но вполне достаточно.

Капитан разглядывал свою сигарету.

— Почему вы так поступили?

Спендер спокойно положил пистолет у своих ног.

— Потому что нам можно только мечтать обо всем том, что я увидел у марсиан. Они остановились там, где нам надо было остановиться сто лет назад. Я походил по их городам, узнал этот народ

и был бы счастлив назвать их своими предками.

— Да, там у них чудесный город. — Капитан кивком указал на один из городов.

— Не только в этом дело. Конечно, их города хороши. Марсиане сумели слить искусство со своим бытом. У американцев искусство всегда особая статья, его место — в комнате чудаковатого сына наверху. Остальные принимают его, так сказать, воскресными дозами, кое-кто в смеси с религией. У марсиан есть все — и искусство, и религия, и другое…

— Думаете, они дознались, что к чему?

— Уверен.

— И по этой причине вы стали убивать людей.

— Когда я был маленьким, родители взяли меня с собой в Мехико-Сити. Никогда не забуду, как отец там держался — крикливо, чванно. Что до матери, то ей тамошние люди не понравились тем, что они-де редко умываются и кожа у них темная. Сестра — та вообще избегала с ними разговаривать. Одному мне они пришлись по душе. И я отлично представляю себе, что, попади отец и мать на Марс, они повели бы себя здесь точно так же. Средний американец от всего необычного нос воротит. Если нет чикагского клейма, значит, никуда не годится. Подумать только! Боже мой,

только подумать! А война! Вы ведь слышали речи в конгрессе перед нашим вылетом! Мол, если экспедиция удастся, на Марсе разместят три атомные лаборатории и склады атомных бомб. Выходит, Марсу конец; все эти чудеса погибнут. Ну скажите, что вы почувствовали бы, если бы марсианин облевал полы Белого дома?

Капитан молчал и слушал.

Спендер продолжал:

— А все прочие воротилы? Боссы горной промышленности, бюро путешествий... Помните, что было с Мексикой, когда туда из Испании явился Кортес со своей милой компанией? Какую культуру уничтожили эти алчные праведники-изуверы! История не простит Кортеса.

— Нельзя сказать, что вы сами сегодня вели себя нравственно, — заметил капитан.

— А что мне оставалось делать? Спорить с вами? Ведь я один — один против всей этой подлой, ненасытной шайки там, на Земле. Они же сразу примутся сбрасывать здесь свои мерзкие атомные бомбы, драться за базы для новых войн. Мало того что одну планету разорили, надо и другим все изгадить? Тупые болтуны. Когда я попал сюда, мне показалось, что я избавлен не только от этой их так называемой культуры, но и от их этики, от

их обычаев. Решил, что здесь их правила и устои меня больше не касаются. Оставалось только убить всех вас и зажить на свой лад.

— Но вышло иначе.

— Да. Когда я убил пятого там, у ракеты, я понял, что не сумел обновиться полностью, не стал настоящим марсианином. Не так-то легко оказалось избавиться от всего того, что к тебе прилипло на Земле. Но теперь мои колебания прошли. Я убью вас, всех до одного. Это задержит отправку следующей экспедиции самое малое лет на пять. Наша ракета единственная, других таких сейчас нет. На Земле будут ждать вестей от нас год, а то и два, и, так как они о нас ничего не узнают, им будет страшно снаряжать новую экспедицию. Ракету будут строить вдвое дольше, сделают лишнюю сотню опытных конструкций, чтобы застраховаться от новых неудач.

— Расчет верный.

— Если же вы возвратитесь с хорошими новостями, это ускорит массовое вторжение на Марс. А так, даст бог, доживу до шестидесяти и буду встречать каждую новую экспедицию. За один раз больше одной ракеты не пошлют — и не чаще чем раз в год, — и экипаж не может превышать двадцать человек. Я, конечно, подружусь с ними,

расскажу, что наша ракета неожиданно взорвалась, — я взорву ее на этой же неделе, как только управлюсь с вами, — а потом всех их прикончу. На полвека-то удастся отстоять Марс; земляне, вероятно, скоро прекратят попытки. Помните, как люди остыли к строительству цеппелинов, которые все время загорались и падали?

— Вы все продумали, — признал капитан.

— Вот именно.

— Кроме одного: нас слишком много. Через час кольцо сомкнется. Через час вы будете мертвы.

— Я обнаружил подземные ходы и надежные убежища, которых вам ни за что не найти. Уйду туда, отсижусь несколько недель. Ваша бдительность ослабнет. Тогда я выйду и снова ухлопаю вас одного за другим.

Капитан кивнул.

— Расскажите мне про эту вашу здешнюю цивилизацию, — сказал он, показав рукой в сторону горных селений.

— Они умели жить с природой в согласии, в ладу. Не лезли из кожи вон, чтобы провести грань между человеком и животным. Эту ошибку допустили мы, когда появился Дарвин. Ведь что было у нас: сперва обрадовались, поспешили заключить в свои объятия и его, и Гексли, и Фрейда.

Потом вдруг обнаружили, что Дарвин никак не согласуется с нашей религией. Во всяком случае, нам так показалось. Но ведь это глупо! Захотели немного потеснить Дарвина, Гексли, Фрейда. Они не очень-то поддавались. Тогда мы принялись сокрушать религию. И отлично преуспели. Лишились веры и стали ломать себе голову над смыслом жизни. Если искусство — всего лишь выражение неудовлетворенных страстей, если религия — самообман, то для чего мы живем? Вера на все находила ответ. Но с приходом Дарвина и Фрейда она вылетела в трубу. Как был род человеческий заблудшим, так и остался.

— А марсиане, выходит, *нашли* верный путь? — осведомился капитан.

— Да. Они сумели сочетать науку и веру так, что те не отрицали одна другую, а взаимно помогали, обогащали.

— Прямо идеал какой-то!

— Так оно и было. Мне очень хочется показать вам, как это выглядело на деле.

— Мои люди ждут меня.

— Каких-нибудь полчаса. Предупредите их, сэр.

Капитан помедлил, потом встал и крикнул своему отряду, который залег внизу, чтобы они

не двигались с места.

Спендер повел его в небольшое марсианское селение, сооруженное из безупречного прохладного мрамора. Они увидели большие фризы с изображением великолепных животных, каких-то кошек с белыми лапами, и желтые круги — символы солнца, увидели изваяния животных, напоминавших быков, скульптуры мужчин, женщин и огромных собак с благородными мордами.

— Вот вам ответ, капитан.

— Не вижу.

— Марсиане узнали тайну жизни у животных. Животное не допытывается, в чем смысл бытия. Оно живет. Живет ради жизни. Для него ответ заключен в самой жизни, в ней и радость и наслаждение. Вы посмотрите на эти скульптуры: всюду символические изображения животных.

— Типичное язычество.

— Напротив, это символы Бога, символы жизни. На Марсе тоже была пора, когда в Человеке стало слишком много от человека и слишком мало от животного. Но люди Марса поняли: чтобы выжить, надо перестать допытываться, в чем смысл жизни. Жизнь сама по себе есть ответ. Цель жизни в том, чтобы воспроизводить жизнь

и возможно лучше ее устроить. Марсиане заметили, что вопрос: «Для чего жить?» — родился у них в разгар периода войн и бедствий, когда ответа не могло быть. Но стоило цивилизации обрести равновесие, устойчивость, стоило прекратиться войнам, как этот вопрос опять оказался бессмысленным, уже совсем по-другому. Когда жизнь хороша, спорить о ней незачем.

— Послушать вас, так марсиане были довольно наивными.

— Только там, где наивность себя оправдывала. Они излечились от стремления все разрушать, все развенчивать. Они слили вместе религию, искусство и науку: ведь наука в конечном счете — исследование чуда, коего мы не в силах объяснить, а искусство — толкование этого чуда. Они не позволяли науке сокрушать эстетическое, прекрасное. Это же все вопрос меры. Землянин рассуждает: «В этой картине цвета как такового нет. Наука может доказать, что цвет — это всего-навсего определенное расположение частиц вещества, особым образом отражающих свет. Следовательно, цвет не является действительной принадлежностью предметов, которые попали в поле моего зрения». Марсианин, как более умный, сказал бы так: «Это чудесная картина. Она

создана рукой и мозгом вдохновенного человека. Ее идея и краски даны жизнью. Отличная вещь».

Они помолчали. Сидя в лучах предвечернего солнца, капитан с любопытством разглядывал безмолвный мраморный городок.

— Я бы с удовольствием здесь поселился, — сказал он.

— Вам стоит только захотеть.

— Вы предлагаете это *мне?*

— Кто из ваших людей способен по-настоящему понять все это? Они же закоренелые циники, их уже не исправишь. Ну зачем вам возвращаться на Землю вместе с ними? Чтобы тянуться за Джонсами? Чтобы купить себе точно такой вертолет, как у Смита? Чтобы слушать музыку не душой, а бумажником? Здесь, в одном дворике, я нашел запись марсианской музыки, ей не менее пятидесяти тысяч лет. Она все еще звучит. Такой музыки вы в жизни больше нигде не услышите. Оставайтесь, и будете слушать. Здесь есть книги. Я уже довольно свободно их читаю. И вы могли бы.

— Это все довольно заманчиво.

— И все же вы не останетесь?

— Нет. Но за предложение все-таки спасибо.

— И вы, разумеется, не согласны оставить меня в покое. Мне придется всех вас убить.

— Вы оптимист.

— Мне есть за что сражаться и ради чего жить, поэтому я лучше вас преуспею в убийстве. У меня теперь появилась, так сказать, «своя» религия: я заново учусь дышать, лежать на солнышке, загорать, впитывая солнечные лучи, слушать музыку и читать книги. А что мне может предложить ваша цивилизация?

Капитан переступил с ноги на ногу и покачал головой.

— Мне очень жаль, что так получается. Обидно за все это…

— Мне тоже. А теперь, пожалуй, пора отвести вас обратно, чтобы вы могли начать вашу атаку.

— Пожалуй.

— Капитан, вас я убивать не стану. Когда все будет кончено, вы останетесь живы.

— Что?

— Я с самого начала решил пощадить вас.

— Вот как…

— Я спасу вас от тех, остальных. Когда они будут убиты, вы, может быть, передумаете.

— Нет, — сказал капитан. — В моих жилах слишком много земной крови. Я не смогу дать вам уйти.

— Даже если у вас будет возможность остаться

здесь?

— Да, как ни странно, даже тогда. Не знаю почему. Никогда не задавался таким вопросом. Ну, вот и пришли.

Они вернулись на прежнее место.

— Пойдете со мной добровольно, Спендер? Предлагаю в последний раз.

— Благодарю. Не пойду. — Спендер вытянул вперед одну руку. — И еще одно, напоследок. Если вы победите, сделайте мне услугу. Постарайтесь, насколько это в ваших силах, оттянуть растерзание этой планеты хотя бы лет на пятьдесят, пусть сперва археологи потрудятся как следует. Обещаете?

— Обещаю.

— И еще: если от этого кому-нибудь будет легче, считайте меня безнадежным психопатом, который летним днем окончательно свихнулся да так и не пришел в себя. Может, вам легче будет…

— Я подумаю. Прощайте, Спендер. Счастливо.

— Вы странный человек, — сказал Спендер, когда капитан зашагал вниз по тропе, навстречу теплому ветру.

Капитан наконец вернулся к своим запыленным людям, которые уже не чаяли его дождаться. Он щурился на солнце и тяжело дышал.

— Выпить есть у кого? — спросил капитан.

Он почувствовал, как ему сунули в руку прохладную флягу.

— Спасибо.

Он глотнул. Вытер рот.

— Ну, так, — сказал капитан. — Будьте осторожны. Спешить некуда, времени у нас достаточно. С нашей стороны больше жертв быть не должно. Вам придется убить его. Он отказался пойти со мной добровольно. Постарайтесь уложить его одним выстрелом. Не превращайте в решето. Надо кончать.

— Я раскрою ему его проклятую башку, — буркнул Сэм Паркхилл.

— Нет, только в сердце, — сказал капитан. Он отчетливо видел перед собой суровое, полное решимости лицо Спендера.

— Его проклятую башку, — повторил Паркхилл.

Капитан швырнул ему флягу:

— Вы слышали мой приказ? Только в сердце.

Паркхилл что-то буркнул себе под нос.

— Пошли, — сказал капитан.

Они снова рассыпались, перешли с шага на бег, затем опять на шаг, поднимаясь по жарким склонам, то ныряя в холодные, пахнущие мхом

пещеры, то выскакивая на ярко освещенные открытые площадки, где пахло раскаленным камнем.

«Как противно быть ловким и расторопным, — думал капитан, — когда в глубине души не чувствуешь себя ловким и *не хочешь* им быть. Подбираться тайком, замышлять всякие хитрости и гордиться своим коварством. Ненавижу это чувство правоты, когда в глубине души я не уверен, что прав. Кто мы, если разобраться? Большинство?.. Ведь большинство всегда непогрешимо, разве нет? Всегда — и не может даже на миг ошибиться, разве не так? Не ошибается даже раз в десять миллионов лет?..»

Он думал: «Что представляет собой это большинство и кто в него входит? О чем они думают, и почему они стали именно такими, и неужели никогда не переменятся, и еще — какого черта меня занесло в это треклятое большинство? Мне не по себе. В чем тут причина: клаустрофобия, боязнь толпы или просто здравый смысл? И может ли один человек быть правым, когда весь мир уверен в своей правоте? Не будем об этом думать. Будем ползать на брюхе, подкрадываться, спускать курок! Вот так! И так!»

Его люди перебегали, падали, снова перебе-

гали, приседая в тени, и скалили зубы, хватая ртом воздух, потому что атмосфера была разреженная, бегать в ней тяжело; атмосфера была разреженная, и им приходилось по пяти минут отсиживаться, тяжело дыша, — и черные искры перед глазами, — глотать бедный кислородом воздух, которым никак не насытишься, наконец, стиснув зубы, опять вставать на ноги и поднимать винтовки, чтобы раздирать этот разреженный летний воздух огнем и громом.

Спендер лежал там, где его оставил капитан, изредка стреляя по преследователям.

— Размажу по камням его проклятые мозги! — завопил Паркхилл и побежал вверх по склону.

Капитан прицелился в Сэма Паркхилла. И отложил пистолет, с ужасом глядя на него.

— Что вы затеяли? — спросил он обессилевшую руку и пистолет.

Он едва не выстрелил в спину Паркхиллу.

— Господи, что это я!

Он увидел, как Паркхилл закончил перебежку и упал, найдя укрытие.

Вокруг Спендера медленно стягивалась редкая движущаяся цепочка людей. Он лежал на вершине, за двумя большими камнями, устало кривя рот от нехватки воздуха, под мышками темными

пятнами проступил пот. Капитан отчетливо видел эти камни. Их разделял просвет сантиметров около десяти, оставляя незащищенной грудь Спендера.

— Эй, ты! — крикнул Паркхилл. — У меня тут пуля припасена для твоего черепа!

Капитан Уайлдер ждал. «Ну, Спендер, давай же, — думал он. — Уходи, как у тебя было задумано. Через несколько минут будет поздно. Уходи, потом опять выйдешь. Ну! Ты же сказал, что уйдешь. Уйди в эти катакомбы, которые ты разыскал, заляг там и живи месяц, год, много лет, читай свои замечательные книги, купайся в своих храмовых бассейнах. Давай же, человече, ну, пока не поздно».

Спендер не двигался с места.

«Да что это с ним?» — спросил себя капитан.

Он взял свой пистолет. Понаблюдал, как перебегают от укрытия к укрытию его люди. Поглядел на башни маленького, чистенького марсианского селения — будто резные шахматные фигурки с освещенными солнцем гранями. Перевел взгляд на камни и промежуток между ними, открывающий грудь Спендера.

Паркхилл ринулся вперед, рыча от ярости.

— Нет, Паркхилл, — сказал капитан. — Я не мо-

гу допустить, чтобы это сделали вы. Или кто-либо еще. Нет, никто из вас. Я сам.

Он поднял пистолет и прицелился.

«Будет ли у меня после этого чистая совесть? — спросил себя капитан. — Верно ли я поступаю, что беру это на себя? Да, верно. Я знаю, что и почему делаю, и все правильно, ведь я уверен, что это надлежит сделать мне. Я надеюсь и верю, что всей жизнью оправдаю свое решение».

Он кивнул Спендеру.

— Уходи! — крикнул он шепотом, которого никто, кроме него, не слышал. — Даю тебе еще тридцать секунд. Тридцать секунд!

Часы тикали на его запястье. Капитан смотрел, как бежит стрелка. Его люди бегом продвигались вперед. Спендер не двигался с места. Часы тикали очень долго и очень громко, прямо в ухо капитану.

— Уходи, Спендер, уходи живей! Тридцать секунд истекли.

Пистолет был наведен на цель. Капитан глубоко вздохнул.

— Спендер… — сказал он, выдыхая.

Он спустил курок.

Крохотное облачко каменной пыли заклубилось в солнечных лучах — вот и все, что произо-

шло. Раскатилось и заглохло эхо выстрела.

Капитан встал и крикнул своим людям:

— Он мертв.

Они не поверили. С их позиций не было видно просвета между камнями. Они увидели, как капитан один взбегает вверх по склону, и решили, что он либо очень храбрый, либо сумасшедший.

Прошло несколько минут, прежде чем они последовали за ним.

Они собрались вокруг тела, и кто-то спросил:

— В грудь?

Капитан опустил взгляд.

— В грудь, — сказал он. Он заметил, как изменился цвет камней под телом Спендера. — Хотел бы я знать, почему он ждал. Хотел бы я знать, почему он не ушел, как задумал. Хотел бы я знать, почему он дожидался, пока его убьют.

— Кто ведает? — произнес кто-то.

А Спендер лежал перед ними, и одна его рука сжимала пистолет, а другая — серебряную книгу, которая ярко блестела на солнце.

«Может, все это из-за меня? — думал капитан. — Потому что я отказался присоединиться к нему? Может быть, у Спендера не поднялась рука убить меня? Возможно, я чем-нибудь отличаюсь от них? Может, в этом все дело? Он, наверно,

считал, что на меня можно положиться. Или есть другой ответ?»

Другого ответа не было. Он присел на корточки возле безжизненного тела.

«Я должен оправдать это своей жизнью, — думал он. — Теперь я не могу его обмануть. Если он считал, что я в чем-то схож с ним, и потому не убил меня, то я обязан многое свершить! Да-да, конечно, так и есть. Я — тот же Спендер, он остался жить во мне, только я думаю, прежде чем стрелять. Я вообще не стреляю, не убиваю. Я направляю людей. Он потому не мог меня убить, что видел во мне самого себя, только в иных условиях».

Капитан почувствовал, как солнце припекает его затылок. Он услышал собственный голос:

— Эх, если бы он поговорил со мной, прежде чем стрелять, мы бы что-нибудь придумали.

— Что придумали? — буркнул Паркхилл. — Что общего у нас с *такими*, как он?

Равнина, скалы, голубое небо дышало зноем, от которого звенело в ушах.

— Пожалуй, вы правы, — сказал капитан. — Мы никогда не смогли бы поладить. Спендер и я — еще куда ни шло. Но Спендер и вы и вам подобные — нет, никогда. Для него лучше так,

как вышло. Дайте-ка глотнуть из фляги.

Предложение схоронить Спендера в пустом саркофаге исходило от капитана. Саркофаг был на древнем марсианском кладбище, которое они обнаружили. И Спендера положили в серебряную гробницу, скрестив ему руки на груди, и туда же положили свечи и вина, изготовленные десять тысяч лет назад. И последним, что они увидели, закрывая саркофаг, было его умиротворенное лицо.

Они постояли в древнем склепе.

— Думаю, вам полезно будет время от времени вспоминать Спендера, — сказал капитан.

Они вышли из склепа и плотно затворили мраморную дверь.

На следующий день Паркхилл затеял стрельбу по мишеням в одном из мертвых городов — он стрелял по хрустальным окнам и сшибал макушки изящных башен. Капитан поймал Паркхилла и выбил ему зубы.

Август 2032
Поселенцы

Земляне прилетали на Марс.

Прилетали, потому что чего-то боялись и ничего не боялись, потому что были счастливы и несчастливы, чувствовали себя паломниками и не чувствовали себя паломниками. У каждого была своя причина. Оставляли опостылевших жен, или опостылевшую работу, или опостылевшие города; прилетали, чтобы найти что-то, или избавиться от чего-то, или добыть что-то, откопать что-то, или зарыть что-то, или предать что-то забвению. Прилетали с большими ожиданиями, с маленькими ожиданиями, совсем без ожиданий. Но во множестве городов на четырехцветных плакатах повелительно указывал начальственный палец: ДЛЯ ТЕБЯ ЕСТЬ РАБОТА НА НЕБЕ — ПОБЫВАЙ НА МАРСЕ! И люди собирались в путь; правда, сперва их было немного, какие-нибудь десятки, — большинству еще до того, как ракета выстреливала в космос, становилось худо. Болезнь называлась Одиночество. Потому что стоило только представить себе, как

твой родной город уменьшается там, внизу, — сначала он с кулак размером, затем — с лимон, с булавочную головку, наконец вовсе пропал в пламенной реактивной струе, — и у тебя такое чувство, словно ты никогда не рождался на свет, и города никакого нет, и ты нигде, лишь космос кругом, ничего знакомого, только чужие люди. А когда твой штат — Иллинойс или Айова, Миссури или Монтана — тонул в пелене облаков, да что там, все Соединенные Штаты сжимались в мглистый островок, вся планета Земля превращалась в грязновато-серый мячик, летящий куда-то прочь, — тогда уж ты оказывался совсем один, одинокий скиталец в просторах космоса, и невозможно представить себе, что тебя ждет.

Ничего удивительного, что первых было совсем немного. Число переселенцев росло пропорционально количеству землян, которые уже перебрались на Марс: одному страшно, а на людях — не так. Но первым, Одиноким, приходилось полагаться только на себя…

Декабрь 2032
Зеленое утро

Когда солнце зашло, он присел возле тропы и приготовил нехитрый ужин; потом, отправляя в рот кусок за куском и задумчиво жуя, слушал, как потрескивает огонь. Миновал еще день, похожий на тридцать других: с утра пораньше вырыть много аккуратных ямок, потом посадить в них семена, натаскать воды из прозрачных каналов. Сейчас, скованный свинцовой усталостью, он лежал, глядя на небо, в котором один оттенок темноты сменялся другим.

Его звали Бенджамен Дрисколл, ему был тридцать один год. Он хотел одного — чтобы весь Марс зазеленел, покрылся высокими деревьями с густой листвой, рождающей воздух, больше воздуха; пусть растут во все времена года, освежают города в душное лето, не пускают зимние ветры. Дерево — чего-чего только оно не может… Оно дарит краски природе, простирает тень, усыпает землю плодами. Или становится царством детских игр — целый поднебесный мир, где можно лазить, играть, висеть на руках… Великолепное

сооружение, несущее пищу и радость, — вот что такое дерево. Но прежде всего деревья — это источник живительного, прохладного воздуха для легких и ласкового шелеста, который нежит твой слух и убаюкивает тебя ночью, когда ты лежишь в снежно-белой постели.

Он лежал и слушал, как темная почва собирается с силами, ожидая солнца, ожидая дождей, которых все нет и нет… Приложив ухо к земле, он слышал поступь грядущих годов и видел — видел, как посаженные сегодня семена прорываются зелеными побегами и тянутся ввысь, к небу, раскидывая ветку за веткой, и весь Марс превращается в солнечный лес, светлый сад.

Рано утром, едва маленькое бледное солнце всплывет над складками холмов, он встанет, живо проглотит завтрак с дымком, затопчет головешки, нагрузит на себя рюкзак — и снова выбирать места, копать, сажать семена или саженцы, осторожно уминать землю, поливать и шагать дальше, насвистывая и поглядывая в ясное небо, а оно к полудню все ярче и жарче…

— Тебе нужен воздух, — сказал он своему костру. Костер — живой румяный товарищ, который шутливо кусает тебе пальцы, а в прохладные ночи, теплый, дремлет рядом, щуря сонные розовые

глаза… — Нам всем нужен воздух. Здесь, на Марсе, воздух разреженный. Чуть что — и устал. Все равно что в Андах, в Южной Америке. Вдохнул — и не чувствуешь. Никак не надышишься.

Он тронул грудную клетку. Как она расширилась за тридцать дней! Да, здесь им нужно развивать легкие, чтобы вдохнуть побольше воздуха. Или сажать побольше деревьев.

— Понял, зачем я здесь? — сказал он. Огонь стрельнул. — В школе нам рассказывали про Джонни Яблочное Семечко. Как он шел по Америке и сажал яблони. А мое дело поважнее. Я сажаю дубы, вязы, и клены, и всякие другие деревья — осины, каштаны и кедры. Я делаю не просто плоды для желудка, а воздух для легких. Только подумать: когда все эти деревья наконец вырастут, сколько от них будет кислорода!

Вспомнился день прилета на Марс. Подобно тысяче других, он всматривался тогда в тихое марсианское утро и думал: «Как-то я здесь освоюсь? Что буду делать? Найдется ли работа по мне?»

И потерял сознание.

Кто-то сунул ему под нос пузырек с нашатырным спиртом, он закашлялся и пришел в себя.

— Ничего, оправитесь, — сказал врач.

— А что со мной было?

— Здесь очень разреженная атмосфера. Некоторые ее не переносят. Вам, вероятно, придется возвратиться на Землю.

— Нет! — Он сел, но в тот же миг в глазах у него потемнело, и Марс сделал под ним не меньше двух оборотов. Ноздри расширились, он принудил легкие жадно пить ничто. — Я свыкнусь. Я останусь здесь!

Его оставили в покое; он лежал, дыша, словно рыба на песке, и думал: «Воздух, воздух, воздух… Они хотят меня отправить отсюда из-за воздуха». И он повернул голову, чтобы поглядеть на холмы и равнины Марса. Присмотрелся — и первое, что увидел: куда ни глянь, сколько ни смотри, — ни одного дерева, ни единого. Этот край словно сам себя покарал: черный перегной стлался во все стороны, а на нем — ничего, ни одной травинки. «Воздух, — думал он, шумно вдыхая бесцветное нечто. — Воздух, воздух…» И на верхушках холмов, на тенистых склонах, даже возле ручья — тоже ни деревца, ни травинки.

Ну конечно! Ответ родился не в сознании, а в горле, в легких. И эта мысль, словно глоток чистого кислорода, сразу взбодрила. Деревья и трава. Он поглядел на свои руки и повернул их

ладонями вверх. Он будет сажать траву и деревья. Вот его работа: бороться против того самого, что может ему помешать остаться здесь. Он объявит Марсу войну — особую, агробиологическую войну. Древняя марсианская почва… Ее собственные растения прожили столько миллионов тысячелетий, что вконец одряхлели и выродились. А если посадить новые виды? Земные деревья — ветвистые мимозы, плакучие ивы, магнолии, величественные эвкалипты. Что тогда? Можно только гадать, какие минеральные богатства таятся в здешней почве — нетронутые, потому что древние папоротники, цветы, кусты, деревья погибли от изнеможения.

— Я должен встать! — крикнул он. — Мне надо видеть Координатора!

Полдня он и Координатор проговорили о том, что растет в зеленом уборе. Пройдут месяцы, если не годы, прежде чем можно будет начать планомерные посадки. Пока что продовольствие доставляют с Земли замороженным, в летающих сосульках; лишь несколько любителей вырастили сады гидропонным способом.

— Так что пока, — сказал Координатор, — действуйте сами. Добудем семян сколько можно, кое-какое снаряжение. Сейчас в ракетах мало

места. Боюсь, поскольку первые поселения связаны с рудниками, ваш проект зеленых посадок не будет пользоваться успехом…

— Но вы мне разрешите?

Ему разрешили. Выдали мотоцикл, он наполнил багажник семенами и саженцами, выезжал в пустынные долины, оставлял машину и шел пешком, работая.

Это началось тридцать дней назад, и с той поры он ни разу не оглянулся. Оглянуться — значит пасть духом: стояла необычайно сухая погода, и вряд ли хоть одно семечко проросло. Может быть, битва проиграна? Четыре недели труда — впустую? И он смотрел только вперед, шел вперед по широкой солнечной долине, все дальше от Первого Города, и ждал — ждал, когда же пойдет дождь.

…Он натянул одеяло на плечи; над сухими холмами пухли тучи. Марс непостоянен, как время. Пропеченные солнцем холмы прихватывал ночной заморозок, а он думал о богатой черной почве — такой черной и блестящей, что она чуть ли не шевелилась в горсти, о жирной почве, из которой могли бы расти могучие, исполинские стебли фасоли, и спелые стручки роняли бы огромные, невообразимые зерна, сотрясающие землю.

Сонный костер подернулся пеплом. Воздух дрогнул: вдали прокатилась телега. Гром. Неожиданный запах влаги. «Сегодня ночью, — подумал он и вытянул руку проверить, идет ли дождь. — Сегодня ночью».

Что-то тронуло его бровь, и он проснулся.

По носу на губу скатилась влага. Вторая капля ударила в глаз и на миг его затуманила. Третья разбилась о щеку.

Дождь.

Прохладный, ласковый, легкий, он моросил с высокого неба — волшебный эликсир, пахнущий чарами, звездами, воздухом; он нес с собой черную, как перец, пыль, оставляя на языке то же ощущение, что выдержанный старый херес.

Дождь.

Он сел. Одеяло съехало, и по голубой рубашке забегали темные пятна; капли становились крупнее и крупнее. Костер выглядел так, будто по нему, топча огонь, плясал невидимый зверь; и вот остался только сердитый дым. Пошел дождь. Огромный черный небосвод вдруг раскололся на шесть аспидно-голубых осколков и обрушился вниз. Он увидел десятки миллиардов дождевых кристаллов, они замерли в своем падении ровно на столько времени, сколько нужно было, чтобы

их запечатлел электрический фотограф. И снова мрак и вода, вода…

Он промок до костей, но сидел и смеялся, подняв лицо, и капли стучали по векам. Он хлопнул в ладоши, вскочил на ноги и прошелся вокруг своего маленького лагеря; было час ночи.

Дождь лил непрерывно два часа, потом прекратился. Высыпали чисто вымытые звезды, яркие, как никогда.

Бенджамен Дрисколл достал из пластиковой сумки сухую одежду, переоделся, лег и, счастливый, уснул.

Солнце медленно взошло между холмами. Лучи вырвались из-за преграды, тихо скользнули по земле и разбудили Дрисколла.

Он чуть помешкал, прежде чем встать. Целый месяц, долгий жаркий месяц он работал, работал и ждал… Но сегодня, поднявшись, он впервые повернулся в ту сторону, откуда пришел.

Утро было зеленое.

Насколько хватало глаз, к небу поднимались деревья. Не одно, не два, не десяток, а все те тысячи, что он посадил семенами или саженцами. И не мелочь какая-нибудь, нет, не поросль, не хрупкие деревца, а мощные стволы, могучие деревья высотой с дом, зеленые-зеленые, огромные,

округлые, пышные деревья с отливающей серебром листвой, шелестящие на ветру, длинные ряды деревьев на склонах холмов, лимонные деревья и липы, секвойи и мимозы, дубы и вязы, осины, вишни, клены, ясени, яблони, апельсиновые деревья, эвкалипты — подстегнутые буйным дождем, вскормленные чужой волшебной почвой. На его глазах продолжали тянуться вверх новые ветви, лопались новые почки.

— Невероятно! — воскликнул Бенджамен Дрисколл.

Но долина и утро были зеленые.

А воздух!

Отовсюду, словно живой поток, словно горная река, струился свежий воздух, кислород, источаемый зелеными деревьями. Присмотрись — и увидишь, как он переливается в небе хрустальными волнами. Кислород — свежий, чистый, зеленый, прохладный кислород превратил долину в дельту реки. Еще мгновение, и в городе распахнутся двери, люди выбегут навстречу чуду, будут его глотать, вдыхать полной грудью, щеки порозовеют, носы озябнут, легкие заново оживут, сердце забьется чаще, и усталые тела полетят в танце.

Бенджамен Дрисколл глубоко-глубоко вдохнул

влажный зеленый воздух и потерял сознание.

Прежде чем он очнулся, навстречу желтому солнцу поднялось еще пять тысяч деревьев.

Февраль 2033
Саранча

Ракеты жгли сухие луга, обращали камень в лаву, дерево — в уголь, воду — в пар, сплавляли песок и кварц в зеленое стекло; оно лежало везде, словно разбитые зеркала, отражающие в себе ракетное нашествие. Ракеты, ракеты, ракеты, как барабанная дробь в ночи. Ракеты роями саранчи садились в клубах розового дыма. Из ракет высыпали люди с молотками: перековать на привычный лад чужой мир, стесать все необычное, рот ощетинен гвоздями, словно стальнозубая пасть хищника, сплевывает гвозди в мелькающие руки, и те сколачивают каркасные дома, кроют крыши дранкой — чтобы спрятаться от чужих, пугающих звезд, вешают зеленые шторы — чтобы укрыться от ночи. Затем плотники спешили дальше, и являлись женщины с цветочными горшками, пестрыми ситцами, кастрюлями и поднимали кухонный шум, чтобы заглушить тишину Марса, притаившуюся у дверей, у занавешенных окон.

За шесть месяцев на голой планете был заложен десяток городков с великим числом трескучих

неоновых трубок и желтых электрических лампочек. Девяносто с лишним тысяч человек прибыло на Марс, а на Земле уже укладывали чемоданы другие…

Август 2033
Ночная встреча

Прежде чем ехать дальше в голубые горы, Томас Гомес остановился возле уединенной бензоколонки.

— Не одиноко тебе здесь, папаша? — спросил Томас.

Старик протер тряпкой ветровое стекло небольшого грузовика.

— Ничего.

— А как тебе Марс, нравится, старина?

— Здорово. Всегда что-нибудь новое. Когда я в прошлом году попал сюда, то первым делом сказал себе: «Вперед не заглядывай, ничего не требуй, ничему не удивляйся. Землю нам надо забыть, все, что было, забыть. Теперь следует приглядеться, освоиться и понять, что здесь *все* не так, все по-другому». Да тут одна только погода — это же настоящий цирк. Это *марсианская* погода. Днем жарища адская, ночью адский холод. А необычные цветы, необычный дождь — неожиданности на каждом шагу! Я сюда приехал на покой, задумал дожить жизнь в таком месте, где

все иначе. Это очень важно старому человеку — переменить обстановку. Молодежи с ним говорить недосуг, другие старики ему осточертели. Вот я и смекнул, что самое подходящее для меня — найти такое необычное местечко, что только не ленись смотреть, кругом развлечения. Вот, подрядился на эту бензоколонку. Станет чересчур хлопотно, снимусь отсюда и переберусь на какое-нибудь старое шоссе, не такое оживленное; мне бы только заработать на пропитание, да чтобы еще оставалось время примечать, до чего же здесь *все* не так.

— Неплохо ты сообразил, папаша, — сказал Томас; его смуглые руки лежали, отдыхая, на баранке. У него было отличное настроение. Десять дней кряду он работал в одном из новых поселений, теперь получил два выходных и ехал на праздник.

— Уж я больше ничему не удивляюсь, — продолжал старик. — Гляжу, и только. Можно сказать, набираюсь впечатлений. Если тебе Марс, каков он есть, не по вкусу, отправляйся лучше обратно на Землю. Здесь все шиворот-навыворот: почва, воздух, каналы, туземцы (правда, я еще ни одного не видел, но, говорят, они тут где-то бродят), часы. Мои часы — и те чудят. Здесь даже *время*

шиворот-навыворот. Иной раз мне сдается, что я один-одинешенек, на всей этой проклятой планете больше ни души. Пусто. А иногда покажется, что я — восьмилетний мальчишка, сам махонький, а все кругом здоровенное! Видит бог, тут самое подходящее место для старого человека. Тут не задремлешь, я просто счастливый стал. Знаешь, что такое Марс? Он смахивает на вещицу, которую мне подарили на Рождество семьдесят лет назад, — не знаю, держал ли ты в руках такую штуку: их калейдоскопами называют, внутри осколки хрусталя, лоскутки, бусинки, всякая мишура… А поглядишь сквозь нее на солнце — дух захватывает! Сколько узоров! Так вот это и есть Марс. Наслаждайся им и не требуй от него, чтобы он был другим. Господи, да знаешь ли ты, что вот это самое шоссе проложено марсианами шестнадцать веков назад, а в полном порядке! Гони доллар и пятьдесят центов, спасибо и спокойной ночи.

Томас покатил по древнему шоссе, тихонько посмеиваясь.

Это был долгий путь через горы, сквозь тьму, и он держал руль, иногда опуская руку в корзинку с едой и доставая оттуда леденец. Прошло уже больше часа непрерывной езды, и ни одной

встречной машины, ни одного огонька, только лента дороги, гул и рокот мотора, и Марс кругом, тихий, безмолвный. Марс, всегда тихий, в эту ночь был тише, чем когда-либо. Мимо Томаса скользили пустыни, и высохшие моря, и вершины среди звезд.

Нынче ночью в воздухе пахло Временем. Он улыбнулся, мысленно оценивая свою выдумку. Неплохая мысль. А в самом деле: чем пахнет Время? Пылью, часами, человеком. А если задуматься, какое оно — Время то есть — на слух? Оно вроде воды, струящейся в темной пещере, вроде зовущих голосов, вроде шороха земли, что сыплется на крышку пустого ящика, вроде дождя. Пойдем еще дальше, спросим: как *выглядит* Время? Оно точно снег, бесшумно летящий в черный колодец, или старинный немой фильм, в котором сто миллиардов лиц, как новогодние шары, падают вниз, падают в ничто. Вот чем пахнет Время, и вот какое оно на вид и на слух. А нынче ночью — Томас высунул руку в боковое окошко, — нынче так и кажется, что его можно даже *пощупать*.

Он вел грузовик в горах Времени. Что-то кольнуло шею, и Томас выпрямился, внимательно глядя вперед.

Он въехал в маленький мертвый марсианский городок, выключил мотор и окунулся в окружающее его безмолвие. Затаив дыхание, он смотрел из кабины на залитые луной белые здания, в которых уже много веков никто не жил. Великолепные, безупречные здания, пусть разрушенные, но все равно великолепные.

Включив мотор, Томас проехал еще милю-другую, потом снова остановился, вылез, захватив свою корзинку, и прошел на бугор, откуда можно было окинуть взглядом занесенный пылью город. Открыл термос и налил себе чашку кофе. Мимо пролетела ночная птица. На душе у него было удивительно хорошо, спокойно.

Минут пять спустя Томас услышал какой-то звук. Вверху, там, где древнее шоссе терялось за поворотом, он приметил какое-то движение, тусклый свет, затем донесся слабый рокот. Томас повернулся, держа чашку в руке. С гор спускалось нечто необычайное.

Это была машина, похожая на желто-зеленое насекомое, на богомола, она плавно рассекала холодный воздух, мерцая бесчисленными зелеными бриллиантами, сверкая фасеточными рубиновыми глазами. Шесть ног машины ступали по древнему шоссе с легкостью моросящего

дождя, а со спины машины на Томаса глазами цвета расплавленного золота глядел марсианин, глядел, будто в колодец.

Томас поднял руку и мысленно уже крикнул: «Привет!» — но губы его не шевельнулись. Потому что это был *марсианин*. Но Томас плавал на Земле в голубых реках, вдоль которых шли незнакомые люди, вместе с чужими людьми ел в чужих домах, и всегда его лучшим оружием была улыбка. Он не носил с собой пистолета. И сейчас Томас не чувствовал в нем нужды, хотя где-то под сердцем притаился страх.

У марсианина тоже ничего не было в руках. Секунду они смотрели друг на друга сквозь прохладный воздух.

Первым решился Томас.

— Привет! — сказал он.

— Привет! — сказал марсианин на своем языке.

Они не поняли друг друга.

— Вы сказали «здравствуйте»? — спросили оба одновременно.

— Что вы сказали? — продолжали они, каждый на своем языке.

Оба нахмурились.

— Вы кто? — спросил Томас по-английски.

— Что вы здесь делаете? — произнесли губы чужака по-марсиански.

— Куда вы едете? — спросили оба с озадаченным видом.

— Меня зовут Томас Гомес.

— Меня зовут Мью Ка.

Ни один из них не понял другого, но каждый постучал пальцем по своей груди, и смысл стал обоим ясен.

Вдруг марсианин рассмеялся:

— Подождите!

Томас ощутил, как что-то коснулось его головы, хотя никто его не трогал.

— Вот так! — сказал марсианин по-английски. — Теперь дело пойдет лучше!

— Вы так быстро выучили мой язык?

— Ну что вы!

Оба, не зная, что говорить, посмотрели на чашку с горячим кофе в руке Томаса.

— Что-нибудь новое? — спросил марсианин, разглядывая его и чашку и подразумевая, по-видимому, и то и другое.

— Выпьете чашечку? — предложил Томас.

— Большое спасибо.

Марсианин соскользнул со своей машины.

Вторая чашка наполнилась горячим кофе. То-

мас подал ее марсианину.

Их руки встретились и, точно сквозь туман, прошли одна сквозь другую.

— Господи Иисусе! — воскликнул Томас и выронил чашку.

— Силы небесные! — сказал марсианин на своем языке.

— Видели, что произошло? — прошептали они.

Оба похолодели от испуга.

Марсианин нагнулся за чашкой, но никак не мог ее взять.

— Господи! — ахнул Томас.

— Ну и ну! — Марсианин пытался снова и снова ухватить чашку, ничего не получалось. Он выпрямился, подумал, затем отстегнул от пояса нож.

— Эй! — крикнул Томас.

— Вы не поняли, ловите! — сказал марсианин и бросил нож.

Томас подставил сложенные вместе ладони. Нож упал сквозь руки на землю. Томас хотел его поднять, но не мог ухватить и, вздрогнув, отпрянул.

Он глядел на марсианина, стоящего на фоне неба.

— Звезды! — сказал Томас.

— Звезды! — отозвался марсианин, глядя на

Томаса.

Сквозь тело марсианина, яркие, белые, светили звезды, его плоть была расшита ими, словно тонкая, переливающаяся искрами оболочка студенистой медузы. Звезды мерцали, точно фиолетовые глаза, в груди и в животе марсианина, блистали драгоценностями на его запястьях.

— Я вижу сквозь вас! — сказал Томас.

— И я сквозь вас! — отвечал марсианин, отступая на шаг.

Томас пощупал себя, ощутил живое тепло собственного тела и успокоился. «Все в порядке, — подумал он, — я существую».

Марсианин коснулся рукой своего носа, губ.

— Я не бесплотный, — негромко сказал он. — *Живой!*

Томас озадаченно глядел на него.

— Но если я существую, значит, *вы* — мертвый.

— Нет, вы!

— Привидение!

— Призрак!

Они показывали пальцами друг на друга, и звездный свет в их конечностях сверкал и переливался, как острие кинжала, как ледяные сосульки, как светлячки. Они снова проверили свои ощущения, и каждый убедился, что он жив-

здоров и охвачен волнением, трепетом, жаром, недоумением, а вот тот, другой, — ну конечно же, тот нереален, тот — призрачная призма, ловящая и излучающая свет далеких миров…

«Я пьян, — сказал себе Томас. — Завтра никому не расскажу про это, ни слова!»

Они стояли на древнем шоссе, и оба не шевелились.

— Откуда вы? — спросил наконец марсианин.

— С Земли.

— Что это такое?

— Там. — Томас кивком указал на небо.

— Давно?

— Мы прилетели с год назад, вы разве не помните?

— Нет.

— А вы все к тому времени вымерли, почти все. Вас очень мало осталось — разве вы этого *не знаете?*

— Это неправда.

— Я вам говорю, вымерли. Я сам видел трупы. Почерневшие тела в комнатах, во всех домах, и все мертвые. Тысячи тел.

— Что за вздор, *мы живы!*

— Мистер, всех ваших скосила эпидемия. Странно, что вам это неизвестно. Вы каким-то образом

спаслись.

— Я не спасся, не от чего мне было спасаться. О чем это вы говорите? Я еду на праздник у канала возле Эниальских гор. И прошлую ночь был там. Вы разве не видите город? — Марсианин вытянул руку, показывая.

Томас посмотрел и увидел развалины.

— Но ведь этот город мертв уже много тысяч лет!

Марсианин рассмеялся:

— Мертв? Я ночевал там вчера!

— А я его проезжал на той неделе, и на позапрошлой неделе, и вот только что, там одни развалины! Видите разбитые колонны?

— Разбитые? Я их отлично вижу в свете луны. Прямые, стройные колонны.

— На улицах ничего, кроме пыли, — сказал Томас.

— Улицы чистые!

— Каналы давно высохли, они пусты.

— Каналы полны лавандового вина!

— Город мертв.

— Город жив! — возразил марсианин, смеясь еще громче. — Вы решительно ошибаетесь. Видите, сколько там карнавальных огней? Там прекрасные челны, изящные, как женщины,

там прекрасные женщины, изящные, как челны, женщины с кожей песочного цвета, женщины с огненными цветками в руках. Я их вижу, вижу, как они бегают вон там, по улицам, такие маленькие отсюда. И я туда еду, на праздник, мы будем всю ночь кататься по каналу, будем петь, пить, любить. Неужели вы *не видите?*

— Мистер, этот город мертв, как сушеная ящерица. Спросите любого из наших. Что до меня, то я еду в Грин-Сити — новое поселение на Иллинойсском шоссе, мы его совсем недавно заложили. А вы что-то напутали. Мы доставили сюда миллион квадратных футов досок лучшего орегонского леса, несколько десятков тонн добрых стальных гвоздей и отгрохали два поселка — глаз не оторвешь. Как раз сегодня спрыскиваем один из них. С Земли прилетают две ракеты с нашими женами и невестами. Будут народные танцы, виски…

Марсианин встрепенулся:

— Вы говорите — в *той* стороне?

— Да, там, где ракеты. — Томас подвел его к краю бугра и показал вниз. — Видите?

— Нет.

— Да вон же, *вон*, черт возьми! Такие длинные серебристые штуки.

— Не вижу.

Теперь рассмеялся Томас:

— Да вы ослепли!

— У меня отличное зрение. Это вы не видите.

— Ну хорошо, а новый *поселок* вы видите? Или тоже нет?

— Ничего не вижу, кроме океана, — и как раз сейчас отлив.

— Уважаемый, этот океан испарился сорок веков тому назад.

— Ну знаете, это уж чересчур.

— Но это правда, уверяю вас!

Лицо марсианина стало очень серьезным.

— Постойте. Вы в самом деле не видите города, как я его вам описал? Белые-белые колонны, изящные лодки, праздничные огни — я их так отчетливо вижу! Вслушайтесь! Я даже слышу, как там поют. Не такое уж большое расстояние.

Томас прислушался и покачал головой:

— Нет.

— А я, — продолжал марсианин, — не вижу того, что описываете вы. Как же так?..

Они снова зябко вздрогнули, точно их плоть пронизало ледяными иглами.

— А может быть?..

— Что?

— Вы сказали «с неба»?

— С Земли.

— Земля — название, пустой звук… — произнес марсианин. — Но… час назад, когда я ехал через перевал… — Он коснулся своей шеи сзади. — Я ощутил…

— Холод?

— Да.

— И теперь тоже?

— Да, снова холод. Что-то было со светом, с горами, с дорогой — что-то необычное. И свет, и дорога словно не те, и у меня на мгновение появилось такое чувство, будто я последний из живущих во Вселенной…

— И со мной так было! — воскликнул Томас взволнованно; он как будто беседовал с добрым старым другом, доверяя ему что-то сокровенное.

Марсианин закрыл глаза и снова открыл их.

— Тут может быть только одно объяснение. Все дело во Времени. Да-да. Вы — создание Прошлого!

— Нет, это вы из Прошлого, — сказал землянин, поразмыслив.

— Как вы уверены! Вы можете доказать, кто из Прошлого, а кто из Будущего? Какой сейчас год?

— Две тысячи тридцать третий!

— Что это говорит мне?

Томас подумал и пожал плечами:

— Ничего.

— Все равно что я бы вам сказал, что сейчас 4 462 853 год по нашему летосчислению. Слова — ничто, меньше, чем ничто! Где часы, по которым мы бы определили положение звезд?

— Но развалины — доказательство! Они доказывают, что *я* — Будущее. Я жив, а *вы* мертвы!

— Все мое существо отвергает такую возможность. Мое сердце бьется, желудок требует пищи, рот жаждет воды. Нет, никто из нас ни жив, ни мертв. Впрочем, скорее жив, чем мертв. А еще вернее — мы с вами посередине. Вот: два странника, которые встретились ночью в пути. Два незнакомца, у каждого своя дорога. Вы говорите, развалины?

— Да. Вам страшно?

– *Кому* хочется увидеть Будущее? И кто его когда-либо увидит? Человек может лицезреть Прошлое, но чтобы… Вы говорите, колонны рухнули? И море высохло, каналы пусты, девушки умерли, цветы завяли? — Марсианин смолк, но затем снова посмотрел на город. — Но вон же они! Я их *вижу*. И мне этого достаточно. Они ждут меня, что бы вы ни говорили.

Точно так же вдали ждали Томаса ракеты, и

поселок, и женщины с Земли.

— Мы никогда не согласимся друг с другом, — сказал он.

— Согласимся не соглашаться, — предложил марсианин. — Прошлое, Будущее — не все ли равно, лишь бы мы оба жили, ведь то, что придет вслед за нами, все равно придет — завтра или через десять тысяч лет. Откуда вы знаете, что эти храмы — не обломки вашей цивилизации через сто веков? Не знаете. Ну так и не спрашивайте. Однако ночь коротка. Вон рассыпался в небе праздничный фейерверк, взлетели птицы.

Томас протянул руку. Марсианин повторил его жест.

Их руки не соприкоснулись — они растворились одна в другой.

— Мы еще встретимся?

— Кто знает? Возможно, когда-нибудь.

— Хотелось бы мне побывать с вами на вашем празднике.

— А мне — попасть в ваш новый поселок, увидеть корабль, о котором вы говорили, увидеть людей, услышать обо всем, что случилось.

— До свидания, — сказал Томас.

— Доброй ночи.

Марсианин бесшумно укатил в горы на своем

зеленом металлическом экипаже, землянин развернул свой грузовик и молча повел его в противоположную сторону.

— Господи, что за сон! — вздохнул Томас, держа руки на баранке и думая о ракетах, о женщинах, о крепком виски, о вирджинских плясках, о предстоящем веселье.

«Какое странное видение!» — мысленно произнес марсианин, прибавляя скорость и думая о празднике, каналах, лодках, золотоглазых женщинах, песнях…

Ночь была темна. Луны зашли. Лишь звезды мерцали над пустым шоссе. Ни звука, ни машины, ни единого живого существа, ничего. И так было до конца этой прохладной темной ночи.

Октябрь 2033
Берег

Марс был словно дальний берег океана, люди волнами растекались по нему. Каждая волна не похожа на предыдущую, одна мощнее другой. Первая принесла людей, привычных к просторам, холодам, одиночеству, худых, сухощавых старателей и пастухов, лица у них иссушены годами и непогодами, глаза как шляпки гвоздей, руки, одубевшие, как старые перчатки, готовы взяться за что угодно. Марс был им нипочем, они выросли на равнинах и в прериях, таких же безбрежных, как марсианские поля. Они обживали голое место, так что другим было уже легче решиться. Остекляли пустые рамы, зажигали в домах огни.

Они были первыми мужчинами на Марсе.

Каковы будут первые женщины — знали все.

Со второй волной надо было бы доставить людей иных стран, со своей речью, своими идеями. Но ракеты были американские, и прилетели на них американцы, а Европа и Азия, Южная Америка, Австралия и Океания только смотрели,

как исчезают в выси «римские свечи». Мир был поглощен войной или мыслями о войне.

Так что вторыми тоже были американцы. Покинув мир многоярусных клетушек и вагонов подземки, они отдыхали душой и телом в обществе скупых на слова мужчин из степных штатов, знающих цену молчанию, которое помогало обрести душевный покой после долгих лет толкотни в каморках, коробках, туннелях Нью-Йорка.

И были среди вторых такие, которым, судя по их глазам, чудилось, будто они возносятся к Господу Богу…

Ноябрь 2033
Огненные шары [5]

Пламя расплескалось над сонными лужайками. Искры озарили лица дядюшек и тетушек. Опадали шутихи в сияющих карих глазах двоюродных братьев, и отгоревшие угли сыпались где-то вдалеке на сухую траву.

Преподобный отец Джозеф Дэниель Перегрин открыл глаза. Какой сон: он, и его родные, и огневая потеха над старинным дедушкиным домом в Огайо — так давно!

Он лежал, вслушиваясь в гулкую соборную тишину. В соседних кельях покоятся его товарищи — не мнится ли и им перед стартом звездолета «Распятие», что настало Четвертое июля? Да. Точно на заре Дня независимости ты, задыхаясь, ждешь первого фейерверка и с охапками громовых чудес выбегаешь на росистую мостовую.

Так и они, епископальные священники, затаили дыхание, прежде чем ринуться к Марсу, оставляя в бархатном соборе пространства ла-

---

[5] Примечания: 5

Рассказ «Огненные шары» был добавлен в состав «Марсианских хроник» в 1951 году.

данный след.

— Стоило ли нам лететь? — прошептал отец Перегрин. — Не на Земле ли нам должно искупать свои грехи? Не от своих ли судеб мы бежим?

Он поднялся; тело его двигалось медленно, вспоминая о клубнике, молоке и бифштексах.

— Или это простая леность? — размышлял он. — Или меня страшит мой путь?

Он шагнул под острые иглы душа.

— Но я отволоку тебя на Марс, тело мое, — говорил он себе. — Старые грехи оставим позади. А на Марсе — найдем новые?

Мысль почти восхитительная. Грехи, дотоле невообразимые. Не он ли сам написал статью «Проблемы греха в иных мирах», пусть ее и отвергали как недостаточно серьезную братья по вере?

Всего лишь прошлым вечером, за последней сигарой, они с отцом Стоуном обсуждали ее.

— На Марсе, — говорил сияющий отец Перегрин, — грех может оказаться добродетелью. И нам должно остерегаться добрых дел, ибо каждое из них может оказаться грешным! Потрясающе! Уже много веков миссионеров не ожидало столько приключений!

— Грех, — сухо ответил отец Стоун, — я распо-

знаю и на Марсе.

— О, мы, священники, как лакмусовая бумажка, краснеем в присутствии греха, — отпарировал отец Перегрин. — Но что, если марсианская химия не позволит нам менять цвет? Если на Марсе есть иные чувства, то должны быть и незнакомые грехи.

— Без злого умысла нет ни греха, ни кары — так говорил Господь, — ответил отец Стоун.

— На Земле — согласен. Но что, если на Марсе грех оставляет свое зло в подсознании, сохраняя мысли и разум человека в беззлобном неведении? Что тогда?

— Да что можно еще придумать из новых грехов?

Отец Перегрин подался вперед:

— Одинокий Адам был безгрешен. Добавьте Еву, и вы добавите искушение. Добавьте еще одного мужчину, и станет возможным прелюбодеяние. Прибавьте иной пол, новых людей, и грехи умножатся. Безрукие не способны душить. Они не способны к убийству подобным способом. Дайте им руки, и вы дадите возможность нового насилия. Амебы не грешат — они размножаются делением. Они не желают жены ближнего своего, не убивают. Дайте им пол, руки, ноги — и вот вам

убийство и прелюбодеяние. Добавляя или убирая руки, ноги, людей, вы добавляете или убираете грехи из списка возможных. Что, если на Марсе пять новых органов чувств, незримых частей тела, какие мы себе и вообразить не можем, — не найдем ли мы там и пять новых *грехов?*

— Похоже, вам нравятся подобные рассуждения, — выдавил отец Стоун, хватая воздух ртом.

— Поддерживаю остроту ума, святой отец, только и всего.

— Все мыслями жонглируете, как факелами и тарелками?

— Да. Потому что наша Церковь порой походит на живую пирамиду в балагане, когда поднимается занавес и замирают присыпанные белым тальком и цинковой пудрой фигуры, тщась изобразить Красоту. Выглядит чудесно. Но я надеюсь, что для меня всегда останется место побегать среди этих статуй. А вы, отец Стоун?

Тот поднялся:

— Думаю, нам лучше лечь. Через несколько часов мы двинемся на поиски ваших новых грехов, отец Перегрин.

Ракета была готова к старту.

Морозным утром шли, закончив молитвы, избранные проповедники Нью-Йорка, и Чикаго, и

Лос-Анджелеса — Церковь посылала лучших из сынов своих, — шли через город к заиндевевшему космодрому.

«Отец Перегрин, — вспоминал по пути святой отец слова епископа, — вы станете главой миссии, а отец Стоун — вашим помощником. Причины, побудившие меня избрать вас на столь ответственный пост, к прискорбию моему, оказались ясны не для всех. Но ваш памфлет о межзвездном грехе не остался непрочитанным. Вы гибкий человек. А Марс похож на старый чулан, на тысячи лет забытый, и грехи громоздятся там, точно рухлядь. Марс вдвое старше Земли; там вдвое больше было субботних вечеров, разгульного пьянства и подглядывания за женщинами, обнаженными, как белые выдры. И если мы откроем этот чулан, нас завалит мусором. Нам нужен человек с быстрым, гибким умом, чтобы лавина не погребла его. Тот, в ком слишком много догматизма, сломается. Я предчувствую, что вы устоите. Святой отец, этот пост — ваш».

Епископ, а за ним и все остальные преклонили колена.

Прозвучали благословения, окропили ракету брызги святой воды. И, вставая, епископ еще раз обратился к отлетающим:

— Идите же с Богом, дабы подготовить марсиан к принятию истины Господней. Желаю вам набраться мудрости в пути.

Двадцать человек прошли мимо епископа, шурша рясами, по очереди влагая свои руки в его добрые ладони, прежде чем скрыться в благословенном снаряде.

— Может быть, — пробормотал в последнюю секунду отец Перегрин, — Марс — это ад? И он только ждет нас, чтобы взорваться огнем и серой?

— Помоги нам Боже, — отозвался отец Стоун.

Ракета взлетела.

Они покидали космос, как покидают прекраснейший из соборов. И шаг на Марс походил на первый шаг по мостовой через пять минут после того, как в церкви ты воистину ощутил любовь Господню.

Священники осторожно сошли по дымящемуся трапу и преклонили колена на марсианском песке, пока отец Перегрин возносил благодарственную молитву.

— Благодарим тебя, Господи, за путь сквозь пространства твои. Достигли мы новой земли, Господи, так дай нам и глаза новые. Новые звуки будут слышны нам, так дай же новые уши.

И будут нам грехи новые, потому молим тебя — укрепи и очисть сердца наши. Аминь.

Они встали.

Словно подводная лодка, ищущая следы жизни в океанских глубинах, шли они по Марсу. То была земля неизведанного греха. Как осторожно придется им взвешивать легчайшие перышки дел — потому что сами шаги их могут оказаться грешными, или дыхание, или даже пост!

Мэр Первого города приветствовал их с распростертыми объятиями:

— Чем могу помочь вам, отец Перегрин?

— Мы хотели бы разузнать о марсианах. Только зная, каковы они, мы сможем разумно построить для них церковь. Если они десяти футов роста, мы сделаем высокие двери. Если их кожа синего, или зеленого, или красного цвета, мы по-новому раскрасим витражи. Если они тяжелы, мы сделаем скамьи покрепче.

— Не думаю, святой отец, — ответил мэр, — что вам стоит беспокоиться за марсиан. Их два вида. Одна раса почти вымерла, а те, кто остался, таятся от нас. А вторая — они не совсем люди.

— Да? — Сердце отца Перегрина забилось чаще.

— Это сияющие огненные шары, святой отец.

Они живут в тех холмах. Люди ли они, звери — кто скажет? Но я слыхал, что действуют они разумно. — Мэр пожал плечами. — Конечно, они не люди, так что вряд ли вам…

— Наоборот, — быстро перебил его отец Перегрин. — Вы ведь сказали «разумно»?

— Так говорят, — ответил мэр. — Один старатель сломал в этих холмах ногу. Он бы там и умер, но налетели синие огненные шары. Очнулся он на шоссе, а как попал туда — не помнит.

— Пьян был, — предположил отец Стоун.

— Так говорят, — повторил мэр. — Отец Перегрин, марсиане все вымерли, остались только эти синие шары. Я, честно говоря, думаю, что вам лучше отправиться в Первый город. Марс оживает. Теперь это целина, как прежде на Земле — Дикий Запад и Аляска. Люди рвутся сюда. В Первом городе пара тысяч ирландских механиков, горняков и поденщиков, чьи души срочно пора спасать — слишком уж много с ними падших женщин, слишком много они пьют десятивекового вина…

Отец Перегрин смотрел в сторону пологих голубых холмов.

Отец Стоун прокашлялся.

— Да, отец?

Отец Перегрин не слышал.

— Шары синего огня?

— Да, святой отец.

— Ох, — выдохнул отец Перегрин.

— Синие шарики. — Отец Стоун покачал головой. — Цирк какой-то!

В запястьях отца Перегрина забились жилы. Он видел пограничный городок с его грехами — свеженькими, только что собранными, и видел холмы, древние самым древним и все же новым для него грехом.

— Мэр, смогут ли ваши ирландцы пожариться в аду еще денек?

— Ради вас я их переверну, чтобы не подгорели, отец.

— Тогда мы отправимся туда. — Отец Перегрин кивнул в сторону холмов.

Священники зароптали.

— Слишком просто будет отправиться в город, — объяснил отец Перегрин. — Я предпочитаю думать, что, если бы Спасителю сказали: «Вот торная тропа», он ответил бы: «Покажите мне траву сорную; я проторю тропу иную».

— Но…

— Отец Стоун, подумайте, какой груз мы возьмем на душу, если пройдем мимо грешников, не протянув им руки.

— Но огненные шары!..

— Полагаю, человек тоже казался смешным всем прочим тварям, когда был сотворен. Но, несмотря на обыденный облик, он наделен душой. Предположим же, что и эти пламенные шары обладают душами, пока мы не докажем обратного.

— Хорошо, — согласился мэр, — но вы еще вернетесь в город.

— Посмотрим. Для начала позавтракаем. А потом мы с вами, отец Стоун, отправимся в холмы. Я не хочу пугать этих огненных марсиан машинами или толпами. Приступим к трапезе?

Ели святые отцы в молчании.

К закату отец Перегрин и отец Стоун далеко углубились в холмы. Они сели на камень, расслабились и ждали. Марсиане так и не появились перед ними, и оба чувствовали себя немного разочарованными.

— Интересно… — Отец Перегрин утер лицо. — Если сказать им: «Привет!» — они ответят?

— Отец Перегрин, вы когда-нибудь бываете серьезны?

— И не буду, пока Господь не станет серьезен. И не надо так возмущаться, прошу вас. Господь никак уж не серьезен. Мы ведь знаем о нем точ-

но лишь одно — что он есть любовь. А любовь неотделима от чувства юмора, не так ли? Нельзя любить человека, которого вы не терпите, верно? А чтобы терпеть кого-то рядом, надо хоть изредка над ним посмеиваться. Вы согласны? Все мы — смешные зверюшки, вывозившиеся в миске сгущенки, и, потешаясь над нами, тем больше Господь нас любит.

— Никогда не думал, что Господу присуще чувство юмора, — заметил отец Стоун.

— Сотворившему утконоса, верблюда, страуса и человека? Да бросьте! — Отец Перегрин расхохотался.

И в тот же миг из-за сумеречных склонов, будто шеренга голубых маяков, показались марсиане.

Первым заметил их отец Стоун.

— Глядите!

Отец Перегрин обернулся, и смех застыл у него на устах.

Среди далеких звезд парили, чуть подрагивая, шары синего пламени.

— Что за твари! — Отец Стоун вскочил, но отец Перегрин остановил его:

— Подождите!

— Надо было нам идти в город!

— Послушайте, прошу вас! — умолял отец Пе-

регрин.

— Я боюсь!

— Не бойтесь. Это Божьи создания!

— Скорее дьявольские!

— Нет, нет, успокойтесь!

Отец Перегрин усадил его, и они сидели вдвоем, пока приближающиеся огненные сферы озаряли их лица нежным голубым сиянием.

И снова вечер Дня независимости, подумал, дрожа, отец Перегрин. Снова вернулось детство, и ночь Четвертого июля, когда небо рассыпается в звездную пыль и пылающий грохот, и стекла в рамах звенят от взрывов, точно лед в тысяче бокалов. Дядюшки, тетушки, двоюродные братья, вздыхающие: «Ах!» — как по команде небесного доктора. Краски летнего неба. И «огненные шары», щедро зажигаемые уверенными, ласковыми дядюшкиными руками. О, как запомнились они — мягко сияющие «огненные шары», надувающиеся теплом, как крылья бабочки; лежащие в коробках сухими осами и расправляемые наконец вечером бурного, буйного дня, красные, белые, синие, точно флаги, — Огненные Шары! Неясные тени дорогих и близких, давно умерших и спящих подо мхом, следили, как дедушка зажигает свечку, и дыхание тепла наполняет

шар, округлый, мерцающий, и руки не желают отпускать это светящееся чудо, потому что стоит ему улететь, как уйдет из жизни еще один год, еще одно Четвертое июля, еще один кусочек Красоты. И тогда все выше и выше, к жарким летним звездам, устремятся огненные шары, и будут в тишине следить за ними красно-бело-синие глаза из всех окон. И поплывут огненные шары далеко-далеко, в Иллинойс, над темными реками и спящими домами, и растают навсегда…

На глаза его навернулись слезы. Над ним парили марсиане, не один огненный шар — тысячи. И вот-вот встанет рядом давно умерший дед, взирая вместе с ним на великую Красоту.

Но то был отец Стоун.

— Пойдемте, отче, прошу вас!

— Я должен поговорить с ними.

Отец Перегрин подался вперед, не зная, что сказать, потому что в прежние времена лишь одно говорил он в своих мыслях огненным шарам: «Вы прекрасны, вы так прекрасны!» — а теперь этого не хватало. Он только воздел неподъемные руки и крикнул в небеса, как мечтал с детства: «Привет!»

Но пламенные шары лишь полыхали отражениями в невидимом зеркале: застывшие,

расплывчатые, чудесные, вечные.

— Мы пришли в Господе, — сказал небу отец Перегрин.

— Глупо, глупо, глупо. — Отец Стоун грыз костяшки пальцев. — Именем Божьим заклинаю, отец Перегрин, остановитесь!

Но мерцающие сферы сдуло ввысь. Мгновением позже они исчезли вдали.

Отец Перегрин воззвал снова — и эхо его последнего крика сотрясло горы. Обернувшись, он увидал, как стряхнула с себя пыль лавина, помедлила и с грохотом, точно каменная телега, ринулась на них по склону.

— Глядите, что вы натворили! — воскликнул отец Стоун.

Отец Перегрин замер — вначале потрясенный, потом испуганный. Он отвернулся, зная, что и пары шагов не успеет сделать, как камни сотрут его в прах. Он успел лишь вымолвить: «О Господи!» — и лавина накрыла его!

— Отче!

Словно плевелы от зерен, отделило их от земли. Засверкали синие шары, дрогнули ледяные звезды, грянуло, и вот они стоят на утесе, в двух сотнях футов от того места, где покоились бы под тоннами камней их тела.

Синий свет померк.

Священники стояли, вцепившись друг в друга.

— Что случилось?

— Синие огни подняли нас!

— Да нет, мы убежали!

— Нет, нас спасли шары.

— Невозможно!

— Так и было.

Небо опустело — словно смолк великий колокол, и отзвуки его еще гудели в костях и зубах.

— Пойдемте отсюда. Вы нас обоих угробите.

— Я уже много лет не боюсь смерти, отец Стоун.

— Мы ничего не доказали. Эти синие шары улетают при первом же окрике. Бесполезно.

— Нет. — Отца Перегрина переполняло упорное ощущение чуда. — Они спасли нас. Это доказывает, что у них есть души.

— Это доказывает только, что у них была такая возможность. Мы ведь могли спастись и сами, я не помню, как все случилось.

— Они не звери, отец Стоун. Звери не спасают чужаков. Они наделены милосердием и состраданием. Возможно, завтра мы узнаем больше.

— Узнаем? Что? Как? — Отец Стоун смертельно устал; чопорное лицо его отражало все пережи-

тые им мучения духа и тела. — Следуя за ними на вертолетах и зачитывая Библию вслух? Они не люди. У них нет ни глаз, ни ушей, ни тел как у нас.

— Но я чувствую в них нечто, — ответил отец Перегрин. — Грядет откровение, я знаю это. Они спасли нас. Они мыслят. У них был выбор: дать нам жить или погибнуть. В этом их свободная воля!

Отец Стоун принялся разводить костер, мрачно озирая каждую ветку и давясь серым дымом.

— А я открою приют для гусят и монастырь для святых свиней и построю собор под микроскопом, чтобы инфузории посещали службы и перебирали четки жгутиками.

— Ох, отец Стоун…

— Простите. — Отец Стоун моргнул покрасневшими глазами. — Но вы и крокодила готовы благословить, прежде чем он вас сожрет. Вы ставите под угрозу всю нашу миссию. Наше место в Первом городе: смывать духи с рук, а вкус спиртного — из глоток.

— Неужели вы не можете признать человеческое в нечеловеческом?

— Я предпочитаю находить бесчеловечное в человеке.

— Но если я докажу, что эти существа грешат, знают грех, ведут жизнь духовную, наделены свободной волей и разумом, — что тогда?

— Меня вам придется убеждать долго.

Быстро холодало; ужиная печеньем и ягодами, священники глядели в огонь, видя в нем отражения самых странных своих желаний. Потом они улеглись спать под звездный благовест. Прежде чем в последний раз повернуться с боку на бок, отец Стоун, уже несколько минут пытавшийся найти, чем поддеть своего товарища, пробормотал, глядя в розовеющие угли:

— Не было на Марсе ни Адама, ни Евы, ни первородного греха. Может быть, марсиане и не отпадали от благодати Божьей. Тогда мы сможем вернуться в город и прийти к людям.

Отец Перегрин напомнил себе помолиться за отца Стоуна, за избавление его от гневливости, а теперь и от мстительности — помоги ему Бог!

— Но ведь марсиане убили несколько наших поселенцев, отец Стоун. А это грех. Были здесь и грех первородный, и марсианские Адам с Евой. Мы еще найдем их. Люди, к сожалению, остаются людьми, как бы ни выглядели, и одинаково склонны к греху.

Отец Стоун притворился спящим.

Отец Перегрин не сомкнул глаз.

Конечно, они не могут позволить марсианам отправиться в ад, не так ли? Как они могут, пойдя на сделку с совестью, вернуться в новые колонии, в города, полные притонов греха и яркоглазых, белотелых женщин, кувыркающихся в кроватях с холостыми рабочими? Но не там ли место духовников? Не каприз ли этот приход в холмы? О Церкви ли Господней он думал или утолял жажду ненасытного любопытства? Но эти пламенно-синие шары — каким лихорадочным огнем пылают они в его душе! Что за вызов воображению — найти человека под маской, под нечеловеческой личиной! Сможет ли он гордиться — хотя бы в душе, — что обратил в веру истинную полный огненных шаров бильярдный стол? Что за гордыня! Но в ней не стыдно покаяться — ведь гордыня часто рождается из любви, а он так любил Господа, так счастлив был той любовью, что желал этого счастья всем на свете.

Уже засыпая, он вновь увидел синие шары — они парили над ним, как огненные ангелы, беззвучно баюкая его беспокойный сон.

Когда отец Перегрин проснулся ранним утром, его синие мечты все еще парили в небе.

Отец Стоун спал, свернувшись калачиком. А

отец Перегрин наблюдал, как парят и наблюдают за ним марсиане. Они тоже люди — он чувствовал это сердцем. Но он должен доказать это, или он предстанет пред епископом, чтобы тот без злобы и сожаления отстранил его от миссии.

Но как доказать это, если они таятся под сводами небес? Как призвать их и дать ответы на тысячи вопросов?

«Они спасли нас от лавины».

Отец Перегрин поднялся и, пробираясь между скал, начал карабкаться по склону ближайшего холма, пока не оказался над двухсотфутовым обрывом. От восхождения и мороза у него перехватило горло; он постоял немного, переводя дыхание.

«Если я упаду отсюда, то непременно разобьюсь».

Он столкнул в пропасть камешек. Через несколько секунд донесся стук.

«Господь никогда не простит меня».

Он скинул еще камешек.

«Но ведь если я делаю это из любви к нему, это ведь не будет самоубийством, так?..»

Он поднял глаза на синие шары.

«Но сперва — еще одна попытка». И он позвал их:

— Эй! Здравствуйте!..

Отзвуки обрушились лавиной, но синие шары не шелохнулись, не мигнули.

Пять минут кряду он говорил с ними. Замолчав, отец Перегрин глянул вниз — отец Стоун все еще упрямо дремал у костра.

«Я должен доказать. — Отец Перегрин шагнул к краю обрыва. — Я старик. И нет во мне страха. Он ведь поймет, что я делаю это ради него?»

Он глубоко вздохнул. Вся жизнь промелькнула перед его глазами, и подумалось ему: «Я сейчас умру? Я боялся, что слишком люблю жизнь. Но есть тот, кого я люблю больше».

И с этой мыслью он шагнул с утеса.

И упал.

— Глупец! — вскричал он, кружась в воздухе. — Ты ошибся! — Камни метнулись к нему, и он увидел на них себя — разбившимся, мертвым. — Зачем я сделал это?

Но он уже знал ответ. Мгновением позже спокойствие снизошло на него. Ветер ревел в ушах, и скалы мчались навстречу.

А потом дрогнули звезды, вспыхнуло голубое пламя, и отца Перегрина окружило синее безмолвие. Секундой позже его бережно опустили на камни. Он сидел там почти минуту, ощупывая

себя и взирая на отлетевшие ввысь синие огни.

— Вы спасли меня! — прошептал он. — Вы не дали мне умереть. Вы знали, что это грех.

Он кинулся к безмятежно спящему отцу Стоуну.

— Проснитесь, проснитесь, отец! — тряс он его, пока не разбудил. — Отец, они спасли меня!

— Кто спас? — Отец Стоун, моргая, сел.

Отец Перегрин пересказал, что с ним случилось.

— Сон. Кошмар. Ложитесь лучше спать, — раздраженно ответил отец Стоун. — Вместе со своими цирковыми шариками.

— Но я не спал!

— Ну полно, отец, успокойтесь, хватит.

— Вы мне не верите? У вас есть пистолет? Да вот он, дайте сюда.

— Что вы делаете? — Отец Стоун подал ему пистолетик, захваченный для защиты от змей и прочих злобных гадов.

Отец Перегрин вцепился в рукоять:

— Я докажу вам!

Он прицелился себе в ладонь и выстрелил.

— Стойте!

Блеснул свет, и на их глазах пуля замерла в полете, остановившись в дюйме от раскрытой

ладони. Мгновение она висела в голубом ореоле, потом с шипением упала в пыль.

Трижды стрелял отец Перегрин — в руку, в ногу, в туловище. Три пули замерли, поблескивая, и мертвыми осами упали к его ногам.

— Видите? — проговорил отец Перегрин, опуская руку, и выронил пистолет. — Они знают. Они не животные. Они мыслят, судят, им ведома мораль. Какой зверь стал бы спасать меня от меня самого? На это способен лишь человек, отец Стоун. Ну теперь-то вы мне верите?

Отец Стоун глядел на синие огни в небе. Потом опустился на колени, молча подобрал еще теплые пули и крепко сжал в кулаке.

За их спинами разгорался рассвет.

— Мне думается, пора вернуться к остальным, рассказать им все и привести их сюда, — сказал отец Перегрин.

Когда солнце встало, они преодолели почти полпути до ракеты.

Отец Перегрин начертил на аспидной доске круг.

— Се Христос, сын Отца небесного.

Он притворился, что не слышит изумленных вздохов слушателей.

— Се Христос, во славе его, — продолжил он.

— Больше похоже на задачу по геометрии, — заметил отец Стоун.

— Удачное сравнение. Мы здесь имеем дело с символами. Будучи изображен кругом или квадратом, Христос не перестает быть Христом. Столетиями крест изображал его любовь и страдание. Этот круг станет Христом марсианским. Таким принесем мы его в этот мир.

Святые отцы беспокойно зашевелились, переглядываясь.

— Вы, отец Маттиас, изобразите в стекле подобие этого круга, сферу, наполненную огнем. Пусть стоит она на алтаре.

— Дешевый фокус, — пробормотал отец Стоун.

— Наоборот, — терпеливо ответил отец Перегрин. — Мы дадим им понятный образ Господа. Если бы Христос явился на Землю в облике осьминога, так ли легко приняли бы мы его? — Он развел руками. — Разве дешевым фокусом со стороны Создателя было привести к нам Христа в теле Иисуса? После того как мы благословим церковь, построенную нами, освятим алтарь и этот символ, разве откажется Христос обрести тот облик, что мы видим перед собой? Вы сердцем своим чувствуете — не откажется.

— Но в теле бездушного зверя! — воскликнул

брат Маттиас.

— Мы уже говорили об этом много раз, брат Маттиас, с тех пор как вернулись. Эти существа спасли нас от обвала. Они знали, что самоуничтожение суть грех, и раз за разом предотвращали его. А потому мы должны построить церковь в холмах, жить с марсианами, найти их грехи и пути, которыми идут они, и помочь им найти Господа.

Святых отцов такая перспектива не радовала.

— Потому ли, что их вид странен? — спросил отец Перегрин. — Но что нам плоть? Лишь сосуд, куда Господь вмещает наш дух. Если завтра я обнаружу, что морские львы внезапно приобрели свободную волю и интеллект, познали, что есть грех, что есть жизнь, научились смягчать справедливость милосердием и жизнь — любовью, то я построю собор под водой. И если чудом Господним воробьи будут наделены бессмертными душами, то я наполню гелием церковь и взлечу за ними вслед, ибо все души, в любом облике, если наделены они свободной волей и знанием греха, станут гореть в аду, если не будут причащены истинной верой. И марсианскому шару я не позволю гореть в аду, потому что лишь в моих глазах это просто шар. Я закрою глаза — и

передо мною стоят разум, любовь, душа, и я не могу отвергнуть их.

— Но вы хотите поставить этот шарик на алтарь! — запротестовал отец Стоун.

— Вспомните китайцев, — невозмутимо ответил отец Перегрин. — Какого Христа почитают китайские христиане? Восточного, само собой. Все вы видели изображенное китайцами житие Христа. Во что он одет? В восточные одежды. Где ходит он? По китайским пейзажам, среди бамбука, туманных гор и корявых сосен. Его глаза узки, а скулы — высоки. Каждая страна, каждый народ добавляют по капле к облику нашего Спасителя. Я вспоминаю Святую Деву Гваделупскую, которой поклоняется с любовью вся Мексика. Обращали ли вы внимание, что на всех портретах ее кожа смугла, как и у ее почитателей? И разве это богохульство? Ничуть. Неразумно ждать, что человек примет Бога, пусть истинного, с кожей иного цвета. Меня часто поражает, почему наши миссионеры так успешно трудятся в Африке, неся снежно-белого Христа. Наверное, потому, что альбиносы и белый цвет вообще для многих африканских племен священны. Но со временем не потемнеет ли там кожа Христова? Форма не имеет значения — только содержание. Не стоит

ждать, что марсиане примут чуждый им облик Господа. Мы должны дать им Христа в их собственном обличье.

— В ваших рассуждениях есть пробел, отец, — проговорил отец Стоун. — Не заподозрят ли марсиане нас в лицемерии? Они поймут, что мы поклоняемся не шарообразному Христу, но человеку с руками и ногами. Как мы объясним им разницу?

— Показав, что ее нет. Христос заполнит любой сосуд, который мы предложим. Тела или шары — он везде, и каждый почитает его под разным обличьем. Больше того, мы должны верить в тот шар, что даем марсианам. Мы должны верить в шар, бессмысленный для нас видом. Эта сфера станет для нас Христом. Нам нельзя забыть: для марсиан и мы, и облик земного Христа будут смешны и бессмысленны, как расточительство плоти.

Отец Перегрин отложил мел.

— Теперь отправимся же в холмы и построим наш храм.

Святые отцы принялись собираться.

Церковь была не зданием, но расчищенной от камней, выровненной площадкой на вершине холма. Там возвели алтарь, и брат Маттиас уста-

новил на нем созданный им пламенеющий шар.

После шести дней трудов «церковь» была готова.

— А что мы будем делать с этим? — Отец Стоун постучал по привезенному с земли железному колоколу. — Что им колокола?

— Я полагаю, что принес его ради собственного успокоения, — признался отец Перегрин. — Нам нужно что-то знакомое. Эта церковь не слишком похожа на храм. Мы здесь чувствуем себя немного нелепо — даже я. Непривычно обращать в истинную веру создания иного мира. Порой я кажусь себе клоуном. И тогда я молю Господа дать мне сил.

— Многие отцы невеселы. Кое-кто смеется над всей затеей, отец Перегрин.

— Я знаю. Вот для них и установим колокол в башенке.

— А орган?

— Сыграем на нем на первой службе, завтра.

— Но марсиане…

— Знаю. Но вновь — для нашего душевного спокойствия — пусть и музыка будет нашей. Их гимны мы откроем потом.

Воскресным утром они встали очень рано; бледными призраками двигались они в ледяном

холоде, звеня колокольчиками осевшего на одеждах инея, стряхивая струйки серебряной воды.

— Интересно, а воскресенье ли сегодня на Марсе? — задумчиво пробормотал отец Перегрин, но, заметив гримасу отца Стоуна, заторопился: — Может быть, вторник или четверг — кто знает? Не важно. Глупости. Для нас сегодня воскресенье. Пойдем.

Дрожа, посиневшие отцы вышли на просторную площадку «церкви» и преклонили колена.

Отец Перегрин произнес короткую молитву и возложил холодные пальцы на клавиши органа. Музыка взлетела, как стая прекрасных птиц. Он касался клавиш, словно трав заросшего сада, и красота взмывала над холмами.

Музыка усмирила ветры. В воздухе разлился сладкий запах утра. Музыка уплывала в горы, и каменная пыль опадала дождем.

Священники ждали.

— Ну, отец Перегрин, — отец Стоун глянул в пустое небо, туда, где вставало доменно-алое солнце, — я не вижу наших друзей.

— Я попробую еще раз. — Отец Перегрин исходил потом.

Камень за камнем он строил храм Баха, собор столь огромный, что притворы его громоздились

в Ниневии, купола — под дланью Святого Петра. Музыка звучала, и, когда орган замолк, собор не рухнул — он взмыл к снежным облакам, и они унесли его в дальнюю даль.

Небо оставалось пустым.

— Они придут! — Но в груди отца Перегрина зародилось крохотное, растущее зерно паники. — Помолимся. Упросим их прийти. Они читают мысли, они поймут.

С шелестом риз, с ропотом преклонили колени святые отцы. И завели молитву.

И с востока, с ледяных гор, явились пламенеющие шары. На Марсе было семь часов утра в воскресенье, или в четверг, или в понедельник.

Они парили и кувыркались, заполняя воздух вокруг дрожащих священников.

— Спасибо, Господи, спасибо тебе!

Отец Перегрин зажмурился и заиграл вновь. А когда музыка умолкла — обернулся и посмотрел на свою удивительную паству.

И голос послышался ему и сказал:

— Мы пришли ненадолго.

— Вы можете остаться, — ответил отец Перегрин.

— Лишь на краткий миг, — тихо ответил голос. — Мы пришли, лишь чтобы сообщить вам то,

что должны были сказать с самого начала. Но мы надеялись, что без наших понуканий вы пойдете своей дорогой.

Отец Перегрин открыл было рот, но голос прервал его.

— Мы Древние, — сказал он, и словно синее газовое пламя полыхнуло в мозгу священника. — Мы первые марсиане, те, что оставили мраморные города и ушли в горы, отбросив плоть. Очень, очень давно мы стали такими, какими ты видишь нас. Некогда мы были людьми; как и вы, имели тела, руки, ноги. Легенда гласит, что один из нас нашел способ освободить душу и разум человека, избавить его от телесных мук и печалей, от смерти и уродства, от скорби и старости; и так мы приняли облик синих огней, и вечно живем с тех пор в ветрах небесных над холмами, без гордыни и надменности, без нищеты и бедности, без страстей и душевного хлада. Мы ушли от тех, кто остался, от других обитателей этого мира, и так вышло, что о нас позабыли и процесс перехода был утерян. Но мы не умрем, и годы не причинят нам вреда. Мы отбросили грех и живем в благодати Господней. Мы не желаем имущества ближнего своего, ибо ничем не владеем. Мы не крадем и не убиваем, мы лишены похоти и нена-

висти. Мы счастливы. Мы не размножаемся, не едим, не пьем и не воюем. Вся чувственность, все грехи, все детство тела спало с нас вместе с телами. Мы оставили грех позади, отец Перегрин, и он сгорел, как осенние листья, он растаял, как грязный снег скверной зимы, увял, как ало-золотые цветы весенней страсти, утрачен, как душные ночи раскаленного лета, и наш климат умерен, а времена — богаты мыслью.

Отец Перегрин поднялся на ноги, потому что теперь голос гремел, едва не отнимая чувства, омывая его благим огнем.

— Мы хотели сказать вам, что благодарны за то, что вы построили для нас это место. Но мы не нуждаемся в нем, ибо каждый из нас — сам себе храм, и не нужны нам места очищения. Простите, что не пришли к вам раньше, но мы живем в одиночестве; уже десять тысяч лет мы не разговаривали ни с кем и не вмешивались в дела мира. Тебе кажется, что мы как птицы небесные: не пашем и не жнем. Ты прав. А потому возьмите храм, что построили вы для нас, отнесите его в новые свои города и благословляйте там свой народ. И будьте уверены — мы живем в счастье и мире.

Отцы преклонили колена перед могучим синим огнем, и отец Перегрин — вместе с ними. Они

плакали, вовсе не жалея, что тратят свое время, потому что оно не было потрачено зря.

Синие шары, перешептываясь, начали вновь подниматься в холодную высь.

— Могу я… — воскликнул отец Перегрин, зажмурившись, едва осмеливаясь спросить, — могу я когда-нибудь вернуться, чтобы учиться у вас?

Полыхнули синие огни. Дрогнул воздух.

Да. Когда-нибудь он может прийти снова. Когда-нибудь.

А потом ветер сдул Огненные Шары и унес, и отец Перегрин пал на колени, рыдая и всхлипывая: «Вернитесь! Вернитесь!» — словно вот-вот возьмет его на руки дедушка и отнесет по скрипучей лестнице в спальню старого дома в давно сгинувшем городке в Огайо…

На закате они отправились в город. Оглядываясь, отец Перегрин видел, как полыхают синие шары. «Нет, — подумал он, — нам не построить для вас собора. Вы — сама Красота. Какой собор может сравниться с фейерверком чистых душ?»

Отец Стоун молча шел рядом.

— Мне кажется, — проговорил он наконец, — что для каждой планеты есть своя истина. И каждая — часть большой Истины. Когда-нибудь они сложатся вместе, как кусочки мозаики. То,

что случилось, потрясло меня. Во мне нет больше сомнений, отец Перегрин. Здешняя истина так же верна, как и земная, они стоят бок о бок. А мы пойдем к другим мирам, собирая истину по кусочкам, пока в один прекрасный день перед нами не предстанет Целое, как заря нового дня.

— Для вас это серьезное признание, отец Стоун.

— Мне почти жаль, что мы спускаемся с гор к своему роду. Эти синие огни, когда они опустились вокруг нас, и этот голос… — Отец Стоун вздрогнул.

Отец Перегрин взял его за руку. Дальше они пошли бок о бок.

— И знаете, — сказал отец Стоун, точно подводя черту и не сводя глаз с брата Маттиаса, идущего впереди и бережно сжимающего в руках стеклянный шар, наполненный вечным сиянием негасимого голубого огня, — знаете, отец Перегрин, этот шар…

— Да?

— Это Он. Все-таки это Он.

Отец Перегрин улыбнулся, и они вместе спустились с холмов в новый город.

Февраль 2034
Интермедия

Они привезли с собой пятнадцать тысяч погонных футов орегонской сосны для строительства Десятого города и семьдесят девять тысяч футов калифорнийской секвойи и отгрохали чистенький, аккуратный городок возле каменных каналов. Воскресными вечерами красно-зелено-голубые матовые стекла церковных окон вспыхивали светом и слышались голоса, поющие нумерованные церковные гимны. «А теперь споем 79. А теперь споем 94». В некоторых домах усердно стучали пишущие машинки — это работали писатели; или скрипели перья — там творили поэты; или царила тишина — там жили бывшие бродяги. Все это и многое другое создавало впечатление, будто могучее землетрясение расшатало фундаменты и подвалы провинциального американского городка, а затем смерч сказочной мощи мгновенно перенес весь городок на Марс и осторожно поставил его здесь, даже не тряхнув…

Апрель 2034
Музыканты

В какие только уголки Марса не забирались мальчишки! Они прихватывали с собой из дома вкусно пахнущие пакеты и по пути время от времени засовывали в них носы — вдохнуть сытный дух ветчины и пикулей с майонезом, прислушаться к влажному бульканью апельсиновой воды в теплых бутылках. Размахивая сумками с сочным прозрачно-зеленым луком, пахучей ливерной колбасой, красным кетчупом и белым хлебом, они подбивали друг друга переступить запреты строгих родительниц. Они бегали взапуски.

— Кто первый добежит, дает остальным щелчка!

Они ходили в дальние прогулки летом, осенью, зимой. Осенью — лучше всего: можно вообразить, будто ты, как на Земле, бегаешь по опавшей листве.

Горстью звучных камешков высыпали мальчишки — кирпичные щеки, голубые бусины глаз — на мраморные набережные каналов и, запыхавшись, подбадривали друг друга возгла-

сами, благоухающими луком. Потому что здесь, у стен запретного мертвого города, никто уже не кричал: «Последний будет девчонкой!» или «Первый будет Музыкантом!». Вот он, безжизненный город, и все двери открыты… И кажется, будто что-то шуршит в домах, как осенние листья. Они крадутся дальше, все вместе, плечом к плечу, и в руках стиснуты палки, а в голове — родительский наказ: «Только не туда! В старые города ни в коем случае! Если посмеешь — отец всыплет так, что век будешь помнить!.. Мы по ботинкам узнаем!»

И вот они в мертвом городе, мальчишья стая, половина дорожной снеди уже проглочена, и они подзадоривают друг друга свистящим шепотом:

— Ну давай!

Внезапно один срывается с места, вбегает в ближайший дом, летит через столовую в спальню, и ну скакать без оглядки, приплясывать, и взлетают в воздух черные листья, тонкие, хрупкие, будто плоть полуночного неба. За первым вбегают еще двое, трое, все шестеро, но Музыкантом будет первый, только он будет играть на белом ксилофоне костей, обтянутых черными хлопьями. Снежным комом выкатывается огромный череп — мальчишки кричат! Ребра — паучьи ноги, ребра — гулкие струны арфы,

и черной вьюгой кружатся смертные хлопья, а мальчишки затеяли возню, прыгают, толкают друг друга, падают прямо на эти листья, на чуму, обратившую мертвых в хлопья и прах, в игрушку для мальчишек, в животах которых булькала апельсиновая вода.

Отсюда — в следующий дом и еще в семнадцать домов; надо спешить — ведь из города в город, начисто выжигая все ужасы, идут Пожарники, дезинфекторы с лопатами и корзинами, сгребают, выгребают эбеновые лохмотья и белые палочки-кости, медленно, но верно отделяя страшное от обыденного… Играйте, мальчишки, не мешкайте: скоро придут Пожарные!

И вот, светясь капельками пота, впиваются зубами в последний бутерброд. Затем — еще раз наподдать ногой напоследок, еще раз выбить дробь из маримбы, по-осеннему нырнуть в кучу листьев и — в путь, домой.

Матери проверяли ботинки, нет ли черных чешуек. Найдут — получай обжигающую ванну и отеческое внушение ремнем.

К концу года Пожарные выгребли все осенние листья и белые ксилофоны — потехе пришел конец.

Май 2034
Пустыня [6]

«Итак, настал желанный час…» Уже смеркалось, но Джейнис и Леонора во флигеле неутомимо укладывали вещи, что-то напевали, почти ничего не ели и, когда становилось невтерпеж, подбадривали друг друга. Только в окно они не смотрели — за окном сгущалась тьма, высыпали холодные яркие звезды.

— Слышишь? — сказала Джейнис.

Звук такой, словно по реке идет пароход, но это взмыла в небо ракета. И еще что-то — играют на банджо? Нет, это, как положено по вечерам, поют свою песенку сверчки в лето от Рождества Христова две тысячи тридцать четвертое. Несчетные голоса звучат в воздухе, голоса природы и города. И Джейнис, склонив голову, слушает. Давным-давно, в 1849-м, здесь, на этой самой улице, раздавались голоса чревовещателей, проповедников, гадалок, глупцов, школяров, авантюристов — все они собрались тогда в этом

---

[6] Примечания: 6

Рассказ «Пустыня» был добавлен в состав «Марсианских хроник» в 1953 году.

городке Индипенденс, штат Миссури. Они ждали, чтоб подсохла почва после дождей и весенних разливов и поднялись густые травы, плотный ковер, что выдержит их тележки и фургоны, их пестрые судьбы и мечты.

Итак, настал желанный час —
И мы летим, летим на Марс!
Пять тысяч женщин в небесах
Творить сумеют чудеса!

— Такую песенку пели когда-то в Вайоминге, — сказала Леонора. — Чуточку изменить слова — и вполне подходит для две тысячи тридцать четвертого года.

Джейнис взяла маленькую, не больше спичечной, коробочку с питательными пилюлями и мысленно прикинула, сколько всего везли в тех старых фургонах на огромных колесах. На каждого человека — тонны груза, подумать страшно! Окорока, грудинка, сахар, соль, мука, сушеные фрукты, галеты, лимонная кислота, вода, имбирь, перец — длиннейший, нескончаемый список! А теперь захвати в дорогу пилюли не крупнее наручных часиков — и будешь сыт, странствуя не просто от Форта Ларами до Хангтауна, а через всю звездную пустыню.

Джейнис распахнула дверь чулана и чуть не вскрикнула. На нее в упор смотрели тьма, и ночь, и межзвездные бездны.

Много лет назад было в ее жизни два таких случая: сестра заперла ее в чулане, а она визжала и отбивалась, а в другой раз в гостях, когда играли в прятки, она через кухню выбежала в длинный темный коридор. Но это оказался не коридор. Это была неосвещенная лестница, глубокий черный колодец. Она выбежала в пустоту. Опора ушла из-под ног, Джейнис закричала и свалилась. Вниз, в непроглядную черноту. В погреб. Она падала долго — успело гулко ударить сердце. И долго-долго она задыхалась в том чулане — ни один луч света не пробивался к ней, ни одной подружки не было рядом, никто не слыхал ее криков. Совсем одна, взаперти, во тьме. Падаешь во тьму. И кричишь!

Два воспоминания.

И вот сейчас распахнулась дверь чулана, и тьма повисла бархатным пологом, таким плотным, что можно потрогать его дрожащей рукой; точно черная пантера, дышала тьма, глядя в лицо тусклым взором, — и те давние воспоминания вдруг нахлынули на Джейнис. Бездна и падение. Бездна и одиночество, когда тебя заперли, и кричишь, и никто не слышит. Они с Леонорой укладывались,

работали без передышки и при этом старались не смотреть в окно, на пугающий Млечный Путь, в бескрайнюю, беспредельную пустоту, и только старый привычный чулан, где затаился свой, отдельный клочок ночи, напомнил им наконец о том, что их ждет.

Вот так и будешь скользить в пустоту, к звездам, во тьме, в огромном, чудовищном черном чулане, и станешь кричать и звать, и никто не услышит. Вечно падать сквозь тучи метеоритов, среди безбожных комет. В бездонную лестничную клетку. Через немыслимую, как в кошмарном сне, угольную шахту — в ничто.

Она закричала. Ни звука не сорвалось с ее губ. Вопль метался в груди, в висках. Она кричала. С маху захлопнула дверь чулана! Навалилась на нее всем телом. Чувствовала, как по ту сторону дышит и скулит тьма, и изо всей силы держала дверь, и слезы выступили у нее на глазах. Она долго стояла так и смотрела, как Леонора укладывает вещи, и наконец дрожь унялась. Истерика, которой не дали волю, понемногу отступила. И стало слышно, как трезво, рассудительно тикают на руке часы.

— Шестьдесят миллионов миль! — Она подошла наконец к окну, точно ступила на край

глубокого колодца. — Просто не могу поверить, что вот сейчас на Марсе наши мужчины строят города и ждут нас.

— Верить надо только в завтрашнюю ракету — не опоздать бы на нее!

Джейнис подняла обеими руками белое платье, в полутемной комнате оно казалось призраком.

— Странно это… выйти замуж на другой планете.

— Пойдем-ка спать.

— Нет! В полночь вызовет Марс. Я все равно не усну, буду думать, как мне сказать Уиллу, что я решила лететь. Ты только представь, мой голос полетит к нему по светофону за шестьдесят миллионов миль! Я боюсь — а вдруг передумаю, со мной ведь это бывало!

— Наша последняя ночь на Земле…

Теперь они знали, что так оно и есть, и примирились с этим; уже не укрыться было от этой мысли. Они улетают — и, быть может, никогда не вернутся. Они покидают город Индипенденс в штате Миссури на североамериканском континенте, который омывают два океана — с одной стороны Атлантический, с другой — Тихий, — и ничего этого не захватишь с собой в чемодане. Все время они страшились посмотреть в лицо

этой суровой истине. А теперь она стала перед ними во весь рост. И они оцепенели.

— Наши дети уже не будут американцами, они даже не будут людьми с Земли. Теперь мы на всю жизнь — марсиане.

— Я не хочу! — вдруг крикнула Джейнис.

Ужас сковал ее.

— Я боюсь! Бездна, тьма, ракета, метеориты… И все, все останется позади! Ну зачем мне лететь?!

Леонора обхватила ее за плечи, прижала к себе и стала укачивать, как маленькую.

— Там новый мир. Так бывало и в старину. Мужчины идут вперед, женщины — за ними.

— Нет, ты скажи, зачем, ну зачем это мне?

— Затем, — спокойно сказала Леонора и усадила ее на край кровати. — Затем, что там Уилл.

Отрадно было услышать его имя. Джейнис притихла.

— Это из-за мужчин нам так трудно, — сказала Леонора. — Когда-то, бывало, если женщина одолеет ради мужчины двести миль, это уже событие. Потом они стали уезжать за тысячу миль. А теперь улетают на другой край Вселенной. Но все равно это нас не остановит, правда?

— Боюсь, в ракете я буду дура дурой.

— Ну и я буду дурой, — сказала Леонора и под-

нялась. — Пойдем-ка погуляем на прощанье.

Джейнис выглянула из окна:

— Завтра все в городе пойдет по-прежнему, а нас тут уже не будет. Люди проснутся, позавтракают, займутся делами, лягут спать, на следующее утро опять проснутся, а мы уже ничего этого не узнаем, и никто про нас не вспомнит.

Они слепо кружили по комнате, словно не могли найти выхода.

— Пойдем.

Отворили наконец дверь, погасили свет, вышли и закрыли за собой дверь.

В небе царило небывалое оживление. То ли распускались огромные цветы, то ли свистела, кружила, завивалась невиданная метель. Медлительными снежными хлопьями опускались вертолеты. Еще и еще прибывали женщины — с востока и запада, с юга и севера. Все огромное ночное небо снежило вертолетами. Гостиницы были переполнены, радушно распахивались двери частных домов, в окрестных полях и лугах поднимались целые палаточные городки, точно странные, уродливые цветы, — и весь город и его окрестности согреты были не одной только летней ночью. Тепло излучали запрокинутые к небу разрумянившиеся лица женщин и загоре-

лые лица юношей. За грядой холмов готовились к старту ракеты, казалось, кто-то разом нажимает все клавиши гигантского органа, и от могучих аккордов ответно трепетали все стекла в каждом окне и каждая косточка в теле. Дрожь отдавалась в зубах, в руках и ногах до самых кончиков пальцев.

Леонора и Джейнис сидели в аптеке среди незнакомых женщин.

— Вы премило выглядите, красавицы, только что-то вы нынче невеселые? — сказал им продавец за стойкой.

— Два стакана шоколада на солоде, — попросила Леонора и улыбнулась за двоих, потому что Джейнис не вымолвила ни слова.

И обе уставились на свои стаканы, точно на редкостную картину в музее. Не скоро, очень не скоро на Марсе можно будет побаловаться солодовым напитком.

Джейнис порылась в сумочке, нерешительно вытащила конверт и положила на мраморную стойку.

— От Уилла. Пришло с почтовой ракетой два дня назад. Из-за этого я и решилась лететь. Я тебе сразу не сказала. Посмотри. Возьми, возьми, прочти записку.

Леонора вытряхнула из конверта листок бумаги и прочитала вслух:

Милая Джейнис. Это наш дом, если, конечно, ты решишь приехать.

Уилл

Леонора еще постучала по конверту, и из него выпала на стойку блестящая цветная фотография. На фотографии был дом — старый, замшелый, золотисто-коричневый, как леденец, уютный дом, а вокруг алели цветы, прохладно зеленел папоротник, и веранда заросла косматым плющом.

— Но позволь, Джейнис!

— Да?

— Это же твой дом здесь, на Земле, на улице Вязов!

— Нет. Смотри получше.

Обе всмотрелись — по сторонам уютного коричневого дома и за ним открывался вид, какого не найдешь на Земле. Почва была странного лилового цвета, трава чуть отливала красным, небо сверкало, как серый алмаз, а сбоку причудливо изогнулось дерево, похожее на старуху, в чьих седых волосах запутались блестящие льдинки.

— Этот дом Уилл построил там для меня, — сказала Джейнис. — Как посмотрю, легче на душе. Вчера, когда я оставалась на минутку одна и

меня одолевал страх, я каждый раз вынимала эту карточку и смотрела.

Они не сводили глаз с фотографии, разглядывали уютный дом, что ждал за шестьдесят миллионов миль отсюда, — знакомый и все же незнакомый, старый и совсем новый, и справа теплый желтый прямоугольник — это светится окно гостиной.

— Молодчина Уилл. — Леонора одобрительно кивнула. — Он знает, что делает.

Они допили коктейль. А по улице все бродили оживленные толпы приезжих, и падал, падал с летнего неба нетающий снег.

Они накупили в дорогу уйму всякого вздора: пакетики лимонных леденцов, журналы мод на глянцевитой бумаге, тонкие духи; потом взяли напрокат две гравизащитные куртки — наряд, в котором стоит коснуться едва заметной кнопки на поясе — и порхаешь, как мотылек, бросая вызов земному притяжению, — и, словно подхваченные ветром цветочные лепестки, понеслись над городом.

— Все равно куда, — сказала Леонора. — Куда глаза глядят.

Они отдались на волю ветра, и он понес их сквозь летнюю ночь, полную яблоневого цве-

та и оживленных приготовлений, над милым городом, над домами их детства и юности, над школами и улицами, над ручьями, лугами и фермами, такими родными, что каждое зерно пшеницы было дороже золота. Они трепетали, точно листья под жарким дуновением ветра, что предвещает грозу, когда в горах уже сверкают летние молнии. Под ними в полях белели пыльные дороги — еще так недавно они по спирали спускались здесь на блестящих под луной стрекочущих вертолетах и дышали ночной прохладой на берегу реки, и с ними были их любимые, которые теперь так далеко…

Они парили над городом, уже отдаленным, хоть они пока не так высоко поднялись над землей; город уходил вниз, словно черная река, и вдруг, точно гребень волны, вздымался свет живых и ярких огней… и все же город был уже недосягаем, уже только видение, затянутое дымкой отчужденности; он еще не скрылся навсегда из глаз, а память уже в тоске и страхе оплакивала утрату.

Покачиваясь и кружа в воздухе, они украдкой заглядывали на прощанье в сотни родных и милых лиц, которые проплывали мимо в рамах освещенных окон, будто уносимые ветром; но это само Время подхватило их обеих и несло своим

дыханием. Они всматривались в каждое дерево — ведь кора хранила вырезанные на ней когда-то признания; скользили взглядом по каждому тротуару. Впервые они увидели, как прекрасен их город, прекрасны и одинокие огоньки, и потемневшие от старости кирпичные стены, — они смотрели расширенными глазами и упивались этой красотой. Город кружил под ними, точно праздничная карусель; порой всплеснет музыка, забормочут, перекликнутся голоса в домах, мелькнут призрачные отсветы телевизионных экранов.

Две женщины скользили в воздухе, точно иглы, и за ними от дерева к дереву тонкой нитью тянулся аромат духов. Глаза, кажется, уже не вмещали виденного, а они все откладывали впрок каждую мелочь, каждую тень, каждый одинокий дуб и вяз, каждую машину, пробегающую там, внизу, по извилистой улочке, — и вот уже полны слез глаза, полны с краями и голова и сердце…

«Точно я мертвая, — думала Джейнис, — точно лежу в могиле, а надо мной весенняя ночь, и все живет и движется, а я — нет, все готово жить дальше без меня. Так бывало в пятнадцать, в шестнадцать лет: весной я не могла спокойно пройти мимо кладбища, всегда плакала, думала:

ночь такая чудесная, и я живу, а они все лежат мертвые, и это несправедливо, несправедливо. Мне стыдно было, что я живу. А вот сейчас, сегодня меня будто вытащили из могилы и сказали: один только раз, последний, посмотри, какой он, город, и люди, и что это значит — жить, а потом за тобой опять захлопнется черная дверь».

Тихо-тихо, качаясь на ночном ветру, словно два белых китайских фонарика, проплывали они над своей жизнью, над прошлым, над лугами, где в свете множества огней раскинулись палаточные городки, над большими дорогами, где до рассвета будут второпях тесниться грузовики с припасами для дальнего пути. Долго смотрели они сверху на все это и не могли оторваться.

Часы на здании суда гулко пробили три четверти двенадцатого, когда две женщины, словно две паутинки, слетевшие со звезд, опустились на залитую луной мостовую перед домом Джейнис. Город уже спал, дом Джейнис им тоже сулил покой и сон, но обеим было не до сна.

— Неужели это мы? — сказала Джейнис. — Мы — Джейнис Смит и Леонора Холмс, и на дворе год две тысячи тридцать четвертый.

— Да.

Джейнис провела языком по пересохшим губам

и выпрямилась.

— Хотела бы я, чтоб это был какой-нибудь другой год.

— Тысяча четыреста девяносто второй? Тысяча шестьсот двенадцатый? — Леонора вздохнула, и заодно с нею вздохнул, пролетая, ветер в листве деревьев. — Всегда было не одно, так другое: отплытие Колумба, высадка в Плимут-Роке. И хоть убей, не знаю, как тут быть нам, женщинам.

— Оставаться старыми девами.

— Или сниматься с якоря, как мы сейчас.

Они открыли дверь, дом дохнул им навстречу теплом и ночной тишиной, шум города медленно отступал. Они закрыли за собой дверь, и тут в доме раздался звонок.

— Вызов! — крикнула на бегу Джейнис.

Леонора вошла в спальню за нею по пятам, но Джейнис уже схватила трубку и повторяет: «Алло, алло!» В большом далеком городе техник готовится включить огромный аппарат, который соединит сейчас два мира, и две женщины ждут — одна, вся побелев, сидит с трубкой в руках, другая склонилась над нею, и в лице ее тоже ни кровинки.

Настало долгое затишье, и в нем — только звезды и время — нескончаемое ожидание, каким

были для них и все последние три года. И вот настал час, пришла очередь Джейнис позвать через миллионы миль, через бездну, где мчатся метеоры и кометы, убегая от рыжего солнца, которое вот-вот опалит и расплавит ее слова и выжжет из них всякий смысл. Но голос ее все пронизал серебряной иглой, прошил стежками слов бескрайнюю ночь, отразился от лун Марса. И нашел того, кто ждал в далекой-далекой комнате, в городе на другой планете, до которой радиоволнам лететь пять минут. Вот что она сказала:

— Здравствуй, Уилл! Это я, Джейнис!

Она сглотнула комок, застрявший в горле.

— Дают так мало времени. Только одну минуту.

Она закрыла глаза.

— Я хочу говорить медленно, а велят побыстрее. Так вот… я решила. Я приеду. Я вылетаю завтрашней ракетой. Я все-таки прилечу к тебе. И я тебя люблю. Надеюсь, ты меня слышишь. Я тебя люблю. Я так соскучилась…

Голос ее полетел к далекому, невидимому миру. Теперь, когда все было уже сказано, ей захотелось вернуть свои слова, сказать не так, по-другому, лучше объяснить, что у нее на душе. Но слова ее уже неслись среди планет, и если б какое-нибудь

чудо космической радиации заставило их вспыхнуть и засветиться, подумала Джейнис, ее любовь озарила бы десятки миров и на той стороне земного шара, где сейчас ночь, люди изумились бы неурочной заре. Теперь ее слова принадлежат уже не ей, но межпланетному пространству, они ничьи, пока не долетят до цели, к которой они мчатся со скоростью сто восемьдесят шесть тысяч миль в секунду.

«Что он мне ответит? — думала она. — Что скажет он в ту короткую минуту, которая отведена ему?» Она беспокойно вертела и теребила часы на руке, а в трубке светофона потрескивало — само пространство говорило с Джейнис, она слышала неистовую пляску электрических разрядов и голос магнитных бурь.

— Он уже ответил? — шепнула Леонора.

— Ш-ш! — Джейнис пригнулась к самым коленям, точно ей стало дурно.

И тогда из бездны долетел голос Уилла.

— Я его слышу! — вскрикнула Джейнис.

— Что он говорит?

Голос звучал с Марса, он летел через пустоту, где не бывает ни рассвета, ни заката, лишь вечная ночь, и во мраке — пылающее солнце. И где-то на полпути между Марсом и Землей голос

потерялся — быть может, слова захватил силою тяготения и увлек за собой пронесшийся мимо наэлектризованный метеорит, быть может, на них обрушился серебряный дождь метеоритной пыли… как знать. Но только все мелкие, незначительные слова будто смыло. И когда голос долетел до Джейнис, она услышала одно лишь слово:

— …люблю…

И опять воцарилась бескрайняя ночь, и слышно было, как вращаются звезды и что-то нашептывают солнца, и голос еще одного мира, затерянного в пространстве, отдавался у нее в ушах — гром ее собственного сердца.

— Ты его слышала? — спросила Леонора.

У Джейнис едва хватило сил кивнуть.

— Что же он говорил, что он говорил? — допытывалась Леонора.

Но этого Джейнис не сказала бы никому на свете, эта радость слишком дорогая, чтобы ею можно было поделиться. Она сидела и вслушивалась — в памяти опять и опять звучало то единственное слово. Она сидела и вслушивалась, и даже не заметила, как Леонора взяла у нее из рук трубку и положила на рычаг.

И вот они лежат в постелях, свет погашен, в комнатах веет ночной ветер, а в нем — дыхание

долгих странствий среди мрака и звезд; и они говорят о завтрашнем дне и о днях, которые настанут после: то будут не дни и не ночи, но неведомое время без границ и пределов; а потом голоса смолкают, заглушенные то ли сном, то ли бессонными мыслями, и Джейнис остается в постели одна.

«Так вот как бывало столетие с лишним назад? — думается ей. — В маленьких городках на востоке страны женщины в последнюю ночь, в ночь кануна, ложились спать, и не могли уснуть, и слышали в ночи, как фыркают и переступают лошади и скрипят огромные фургоны, снаряженные в дорогу, и под деревьями шумно дышат волы, и плачут дети, до срока узнав одиночество. Равнины и лесные чащи полнились извечным шумом прибытий и отъездов, и кузнецы за полночь гремели молотами в багровом аду подле своих горнов. И пахло грудинкой и окороками, что коптились на дорогу, и, словно корабли, тяжело раскачивались фургоны, до отказа нагруженные припасами для перехода через прерии; в деревянных бочонках плескалась вода, ошалело кудахтали куры в корзинах, подвешенных снизу к осям, собаки убегали вперед и в страхе прибегали обратно, и в глазах у них отражалась

пустыня. Значит, вот как было в те давние времена? На краю бездны, на грани звездной пропасти. Тогда был запах буйволов, в наши дни — запах ракеты. Значит, вот как это было?»

Дремотные мысли путались, и, уже погружаясь в сон, она окончательно поняла — да, конечно, неизбежно и неотвратимо, — так было от века и так будет во веки веков.

Июнь 2034
…Высоко в небеса [7]

— Слыхал?

— Что?

— Негры-то, черномазые!

— Что такое?

— Уезжают, сматываются, драпают — неужели не слыхал?

— То есть как это сматываются? Да как они могут!

— Могут. Уже…

— Какая-нибудь парочка?

— Все до одного! Все негры южных штатов!

— Не-е…

— Точно!

— Не поверю, пока сам не увижу. И куда же они? В Африку?

Пауза.

— На Марс.

— То есть — на *планету* Марс?

---

[7] Примечания: 7

Рассказ «…Высоко в небеса» в 1997 году был изъят из состава «Марсианских хроник», а в 2010 году перенесен в «Иные марсианские хроники».

— Именно.

Они стояли под раскаленным навесом на веранде скобяной лавки. Один бросил раскуривать трубку. Другой сплюнул в горячую полуденную пыль.

— Не могут они уехать, ни в жизнь.

— А вот уже уезжают.

— Да откуда ты взял?

— Везде говорят, и по радио только что передавали.

Они зашевелились — казалось, оживают запыленные статуи. Сэмюэль Тис, хозяин скобяной лавки, натянуто рассмеялся:

— А я-то не возьму в толк, что стряслось с Силли. Час назад дал ему свой велосипед и послал к миссис Бордмен. До сих пор не вернулся. Уж не махнул ли прямиком на Марс, дурень черномазый?

Мужчины фыркнули.

— А только пусть лучше вернет велосипед, вот что. Клянусь, воровства я не потерплю ни от кого!

— Слушайте!

Они повернулись, раздраженно толкая друг друга.

В дальнем конце улицы словно прорвалась пло-

тина. Жаркие черные струи хлынули, затопляя город. Между ослепительно-белыми берегами городских лавок, среди безмолвных деревьев, нарастал черный прилив. Будто черная патока ползла, набухая, по светло-коричневой пыли дороги. Медленно, медленно нарастала лавина — мужчины и женщины, лошади и лающие псы, и дети, мальчики и девочки. А речь людей — частиц могучего потока — звучала как шум реки, которая летним днем куда-то несет свои воды, рокочущая, неотвратимая. В этом медленном темном потоке, рассекшем ослепительное сияние дня, блестками живой белизны сверкали глаза. Они смотрели вперед, влево, вправо, а река, длинная, нескончаемая река уже прокладывала себе новое русло. Бесчисленные притоки, речушки, ручейки слились в единый материнский поток, объединили свое движение, свои краски и устремились дальше. Окаймляя вздувшуюся стремнину, плыли голосистые дедовские будильники, гулко тикающие стенные часы, кудахчущие куры в клетках, плачущие малютки; беспорядочное течение увлекало за собой мулов, кошек, тут и там всплывали вдруг матрасные пружины, растрепанная волосяная набивка, коробки, корзинки, портреты темнокожих предков

в дубовых рамах. Река катилась и катилась, а люди на террасе скобяной лавки сидели, подобно ощетинившимся псам, и не знали, что предпринять: чинить плотину было поздно.

Сэмюэль Тис все еще не мог поверить.

— Да кто им даст транспорт, черт возьми? Как они думают *попасть* на Марс?

— Ракеты, — сказал дед Квортермейн.

— У этих болванов и остолопов? Откуда они их взяли, ракеты-то?

— Скопили денег и построили.

— Первый раз слышу.

— Видно, черномазые держали все в секрете. Построили ракеты сами, а где — не знаю. Может, в Африке.

— Как же так? — не унимался Сэмюэль Тис, мечась по веранде. — А законы на что?

— Они как будто войны никому не объявляли, — мирно ответил дед.

— Откуда же они полетят, черт бы их побрал со всеми их секретами и заговорами? — крикнул Тис.

— По расписанию все негры этого города собираются возле Лун-Лейк. В час туда прилетят ракеты и заберут их на Марс.

— Надо звонить губернатору, вызвать поли-

цию! — бесновался Тис. — Они обязаны были предупредить заранее!

— Твоя благоверная идет, Тис.

Мужчины повернулись.

По раскаленной улице в слепящем безветрии шли белые женщины. Одна, вторая, еще и еще, и у всех ошеломленные лица, и все порывисто шуршат юбками. Одни плакали, другие хмурились. Они шли за своими мужьями. Они исчезали за вращающимися дверьми баров. Они входили в тихие бакалейные лавки. Заходили в аптеки и гаражи. Одна из них, миссис Клара Тис, остановилась в пыли возле скобяной лавки, щурясь на своего разгневанного, надутого супруга, а за ее спиной набухал черный поток.

— Отец, пошли домой, я никак не могу уломать Люсинду!

— Чтобы я шел домой из-за какой-то черномазой дряни?!

— Она уходит. Что я буду делать без нее?

— Попробуй сама управляться. Я на коленях перед ней ползать не буду.

— Но она все равно что член семьи, — причитала миссис Тис.

— Не вопи! Не хватало еще, чтобы ты у всех на глазах хныкала из-за всякой…

Всхлипывания жены остановили его. Она утирала глаза.

— Я ей говорю: «Люсинда, останься, — говорю, — я прибавлю тебе жалованье, будешь свободна *два* вечера в неделю, если хочешь», а она словно каменная! Никогда ее такой не видела. «Неужто ты меня не любишь, — говорю, — Люсинда?» — «Люблю, — говорит, — и все равно должна уйти, так уж получилось». Убрала всюду, навела порядок, поставила на стол завтрак и… и пошла. Дошла до дверей, а там уже два узла приготовлены. Стала, у каждой ноги по узлу, пожала мне руку и говорит: «Прощайте, миссис Тис». И ушла. Завтрак на столе, а нам кусок в горло не лезет. И сейчас там стоит, наверно, совсем остыл, как я уходила…

Тис едва не ударил ее.

— К черту, слышишь, марш домой! Нашла место представление устраивать!

— Но, отец…

Сэмюэль исчез в душной тьме лавки. Несколько секунд спустя он появился снова, с серебряным пистолетом в руке.

Его жены уже не было.

Черная река текла между строениями, скрипя, шурша и шаркая. Поток был спокойный, полный

великой решимости: ни смеха, ни бесчинств, только ровное, целеустремленное, нескончаемое течение.

Тис сидел на самом краешке своего тяжелого дубового кресла.

— Клянусь богом, если кто-нибудь из них хотя бы улыбнется, я его прикончу.

Мужчины ждали.

Река мирно катила мимо сквозь дремотный полдень.

— Что, Сэм, — усмехнулся дед Квортермейн, — видать, придется тебе самому черную работу делать.

— Я и по белому не промахнусь. — Тис не глядел на деда.

Дед отвернулся и замолчал.

— Эй, ты, постой-ка! — Сэмюэль Тис спрыгнул с веранды, протиснулся и схватил под уздцы лошадь, на которой сидел высокий негр. — Все, Белтер, слезай, приехали!

— Да, сэр. — Белтер соскользнул на землю.

Тис смерил его взглядом:

— Ну, как же это называется?

— Понимаете, мистер Тис…

— В путь собрался, да? Как в той песне… сейчас вспомню… «Высоко в небеса» — так, что ли?

— Да, сэр.

Негр ждал, что последует дальше.

— А ты не забыл, Белтер, что должен мне пятьдесят долларов?

— Нет, сэр.

— И задумал с ними улизнуть? А хлыста отведать не хочешь?

— Сэр, тут такой переполох, я совсем запамятовал.

— Он запамятовал… — Тис злобно подмигнул своим зрителям на веранде. — Черт возьми, мистер, ты знаешь, что ты будешь делать?

— Нет, сэр.

— Ты останешься здесь и отработаешь мне эти пятьдесят зелененьких, не будь я Сэмюэль В. Тис.

Он повернулся и торжествующе улыбнулся мужчинам под навесом.

Белтер смотрел на поток, до краев заполняющий улицу, на черный поток, неудержимо струящийся между лавками, черный поток на колесах, верхом, в пыльных башмаках, черный поток, из которого его так внезапно вырвали. Он задрожал.

— Отпустите меня, мистер Тис. Я пришлю оттуда ваши деньги, честное слово!

— Послушай-ка, Белтер. — Тис ухватил негра за

подтяжки, потягивая то одну, то другую, словно струны арфы, посмотрел на небо и, пренебрежительно фыркнув, прицелился костистым пальцем в самого Господа Бога. — А ты знаешь, Белтер, что тебя там ждет?

— Знаю то, что мне рассказывали.

— Ему рассказывали! Иисусе Христе! Нет, вы слышали? Ему рассказывали! — Он небрежно так, словно играя, мотал Белтера за подтяжки и тыкал пальцем ему в лицо. — Помяни мое слово, Белтер, вы взлетите вверх, как шутиха в День четвертого июля, и — бам! Готово, один пепел от вас, да и тот разнесется по всему космосу. Эти болваны-ученые не смыслят ни черта, они вас всех укокошат!

— Мне все равно.

— И очень хорошо! Потому что там, на этом вашем Марсе, знаешь, что вас поджидает? Чудовища кровожадные, глазища — во! Как мухоморы! Небось видал картинки в журналах про будущее, в закусочной у нас продают по десять центов штука? Ну так вот, как налетят они на вас — весь мозг из костей высосут!

— Мне все равно, все равно, все равно. — Белтер не отрываясь смотрел на скользящий мимо поток. На темном лбу выступил пот. Казалось, он

вот-вот потеряет сознание.

— А холодина там! И воздуха нет, упадешь там и задрыгаешься, как рыба. Разинешь пасть и помрешь. Покорчишься, задохнешься и помрешь! Как это — по душе тебе?

— Мало ли что мне не по душе, сэр… Пожалуйста, сэр, отпустите меня. Я опоздаю.

— Отпущу, *когда* захочу. Мы будем мило толковать с тобой здесь, пока я не позволю тебе уйти, и ты это отлично знаешь. Значит, путешествовать собрался? Ну так вот что, мистер «Высоко в небеса», возвращайся домой, черт подери, и отрабатывай пятьдесят зелененьких! Срок тебе — два месяца.

— Но, сэр, если я останусь отрабатывать, я опоздаю на ракету!

— Ах, горе-то какое! — Тис попытался изобразить печаль.

— Возьмите мою лошадь, сэр.

— Лошадь не может быть признана законным платежным средством. Ты не двинешься с места, пока я не получу свои деньги.

Тис ликовал. Настроение у него было чудесное.

У лавки собралась небольшая толпа темнокожих людей. Они стояли и слушали. Белтер дрожал всем телом, понурив голову.

Вдруг от толпы отделился старик.

— Мистер?

Тис глянул на него.

— Ну?

— Сколько должен вам этот человек, мистер?

— Не твое собачье дело!

Старик повернулся к Белтеру.

— Сколько, сынок?

— Пятьдесят долларов.

Старик протянул черные руки к окружавшим его людям.

— Нас двадцать пять. Каждый дает по два доллара, и быстрее, сейчас не время спорить.

— Это еще что такое? — крикнул Тис, величественно выпрямляясь во весь рост.

Появились деньги. Старик собрал их в шляпу и подал ее Белтеру.

— Сынок, — сказал он, — ты не опоздаешь на ракету.

Белтер взглянул в шляпу и улыбнулся:

— Не опоздаю, сэр, теперь не опоздаю!

Тис заорал:

— Сейчас же верни им деньги!

Белтер почтительно поклонился и протянул ему долг, но Тис не взял денег; тогда негр положил их на пыльную землю у его ног.

— Вот ваши деньги, сэр, — сказал он. — Большое спасибо.

Улыбаясь, Белтер вскочил в седло и хлестнул лошадь. Он благодарил старика; они ехали рядом и вместе скрылись из виду.

— Сукин сын! — шептал Тис, глядя на солнце невидящими глазами. — Сукин сын…

— Подними деньги, Сэмюэль, — сказал кто-то с веранды.

То же самое происходило вдоль всего пути. Примчались босоногие белые мальчишки и затараторили:

— У кого есть, помогают тем, у кого нет! И *все* получают свободу! Один богач дал бедняку двести зелененьких, чтобы тот рассчитался! Еще один дал другому десять зелененьких, пять, шестнадцать — и так повсюду, все так делают!

Белые сидели с кислыми минами. Они щурились и жмурились, словно в лицо им хлестали обжигающий ветер и пыль.

Ярость душила Сэмюэля Тиса. Взбежав на веранду, он сверлил глазами катившие мимо толпы. Он размахивал своим пистолетом. Его распирало, злоба искала выхода, и он стал орать, обращаясь ко всем, к любому негру, который оглядывался на него.

— Бам! Еще ракета взлетела! — вопил он во всю глотку. — Бам! Боже мой!

Черные головы смотрели вперед, никто не показывал вида, что слушает, только белки скользнут по нему и снова спрячутся.

— Тр-р-рах! Все ракеты вдребезги! Крики, ужас, смерть! Бам! Боже милосердный! Мне-то что, я остаюсь здесь, на матушке-Земле. Старушка не подведет! Ха-ха!

Постукивали копыта, взбивая пыль. Дребезжали фургоны на разбитых рессорах.

— Бам! — Голос Тиса одиноко звучал в жарком воздухе, силясь нагнать страх на пыль и ослепительное небо. — Бах! Черномазых раскидало по всему космосу! Как даст метеором по ракете и разметало вас, точно малявок! В космосе полно метеоров! А вы не знали? Точно! Как картечь, даже гуще! И посыплются ваши жестяные ракеты, как рябчики, как глиняные трубки! Ржавые банки, набитые черной треской! Пошли хлопать, как хлопушки: бам! бам! бам! Десять тысяч убитых, еще десять тысяч. Летают вокруг Земли в космосе, вечно летают, холодненькие, окоченевшие, высоко-высоко, Владыка небесный! Слышите, эй вы там! Слышите?!

Молчание. Широко, нескончаемо течет река.

Начисто вылизав все лачуги, смыв их содержимое, она несет часы и стиральные доски, шелковые отрезы и гардинные карнизы, несет куда-то в далекое черное море.

Два часа дня. Прилив схлынул, поток мелеет. А затем река и вовсе высохла, в городе воцарилась тишина, пыль мягким ковром легла на строения, на сидящих мужчин, на высокие, изнывающие от духоты деревья.

Тишина.

Мужчины на веранде прислушались.

Ничего. Тогда их воображение, их мысли полетели дальше, в окрестные луга. Спозаранку весь край оглашало привычное сочетание звуков. Верные заведенному порядку, тут и там пели голоса; под мимозами смеялись влюбленные; где-то журчал смех негритят, плескавшихся в ручье; на полях мелькали спины и руки; из лачуг, оплетенных зеленью плюща, доносились шутки и радостные возгласы.

Сейчас над краем будто пронесся ураган и смел все звуки. Ничего. Гробовая тишина. На кожаных петлях повисли грубо сколоченные двери. В безмолвном воздухе застыли брошенные качели из старых покрышек. Опустели плоские камни на берегу — излюбленное место прачек. На за-

брошенных бахчах одиноко дозревают арбузы, тая под толстой коркой освежающий сок. Пауки плетут новую паутину в покинутых хижинах; сквозь дырявые крыши вместе с золотистыми лучами солнца проникает пыль. Кое-где теплится забытый в спешке костер, и пламя, внезапно набравшись сил, принимается пожирать сухой остов соломенной лачуги. И тогда тишину нарушает довольное урчание изголодавшегося огня.

Мужчины, словно окаменев, сидели на веранде скобяной лавки.

— Не возьму в толк, с чего это им вдруг загорелось уезжать именно сейчас? Вроде все шло на лад. Что ни день, новые права получали. Чего им еще надо? Избирательный налог отменили, один штат за другим принимает законы, чтобы не линчевать, кругом равноправие! Мало им этого? Зарабатывают почти что не хуже любого белого — и вот тебе на, сорвались с места.

В дальнем конце опустевшей улицы показался велосипедист.

— Разрази меня гром, Тис, это твой Силли едет.

Велосипед остановился возле крыльца, на нем сидел цветной, парнишка лет семнадцати, угловатый, нескладный — длинные руки и ноги, круглая как арбуз голова. Он взглянул на Сэмюэля

Тиса и улыбнулся.

— Что, совесть заговорила, вернулся! — сказал Тис.

— Нет, хозяин, я просто привез велосипед.

— Это почему же — в ракету не влазит?

— Да нет, хозяин, не в том дело…

— Можешь не объяснять, в чем дело! Слазь, я не позволю тебе красть мое имущество! — Он толкнул парня. Велосипед упал. — Пошел в лавку, медяшки чистить!

— Что вы сказали, хозяин? — Глаза парня расширились.

— То, что слышал! Надо ружья распаковать и ящик вскрыть — гвозди пришли из Натчеза…

— Мистер Тис…

— Наладить ларь для молотков…

— Мистер Тис, хозяин!

— Ты еще стоишь здесь?! — Тис свирепо сверкнул глазами.

— Мистер Тис, можно я сегодня возьму выходной? — спросил парень извиняющимся голосом.

— И завтра тоже, и послезавтра, и послепослезавтра? — сказал Тис.

— Боюсь, что так, хозяин.

— Бояться тебе надо, это верно. Пойди-ка сюда. — Он потащил парня в лавку и достал из

конторки бумагу.

— Помнишь эту штуку?

— Что это, хозяин?

— Твой трудовой контракт. Ты подписал его, вот твой крестик, видишь? Отвечай.

— Я не подписывал, мистер Тис. — Парень весь трясся. — Кто угодно может поставить крестик.

— Слушай, Силли. Контракт: «Я обязуюсь работать на мистера Сэмюэля Тиса два года, начиная с пятнадцатого июля две тысячи тридцать второго года, а если захочу уволиться, то заявлю об этом за четыре недели и буду продолжать работать, пока не будет подыскана замена». Вот. — Тис стукнул ладонью по бумаге, его глаза блестели. — А будешь артачиться, пойдем в суд.

— Я не могу! — вскричал парень; по его щекам покатились слезы. — Если я не уеду сегодня, я не уеду никогда.

— Я отлично тебя понимаю, Силли, да-да, и сочувствую тебе. Но ничего, мы будем хорошо обращаться с тобой, парень, хорошо кормить. А теперь ступай и берись за работу, и выкинь из головы всю эту блажь, понял? Вот так, Силли. — Тис мрачно ухмыльнулся и потрепал его по плечу.

Парень повернулся к старикам, сидящим на веранде. Слезы застилали ему глаза.

— Может… может, кто из этих джентльменов…

Мужчины под навесом, истомленные зноем, подняли головы, посмотрели на Силли, потом на Тиса.

— Это как же понимать: ты хочешь, чтобы твое место занял *белый?* — холодно спросил Тис.

Дед Квортермейн поднял с колен красные руки. Он задумчиво поглядел вдаль и сказал:

— Слышь, Тис, а как насчет меня?

— Что?

— Я берусь работать вместо Силли.

Остальные притихли.

Тис покачивался на носках.

— Дед… — произнес он предостерегающе.

— Отпусти парня, я почищу что надо.

— Вы… в самом деле, взаправду? — Силли подбежал к деду. Он смеялся и плакал одновременно, не веря своим ушам.

— Конечно.

— Дед, — сказал Тис, — не суй свой паршивый нос в это дело!

— Не держи мальца, Тис.

Тис подошел к Силли и схватил его за руку.

— Он мой. Я запру его в задней комнате до ночи.

— Не надо, мистер Тис!

Парень зарыдал. Горький плач громко отдавался под навесом. Темные веки Силли набухли. На дороге вдали появился старенький дребезжащий «Форд», увозивший последних цветных.

— Это мои, мистер Тис. О, пожалуйста, прошу вас, ради бога!

— Тис, — сказал один из мужчин, вставая, — пусть уходит.

Второй поднялся:

— Я тоже за это.

— И я, — вступил третий.

— К чему это? — Теперь заговорили все. — Кончай, Тис.

— Отпусти его.

Тис нащупал в кармане пистолет. Он увидел лица мужчин. Он вынул руку из кармана и сказал:

— Вот, значит, как?

— Да, вот так, — отозвался кто-то.

Тис отпустил парня.

— Ладно. Катись! — Он ткнул рукой в сторону лавки. — Надеюсь, ты не собираешься оставлять свое грязное барахло?

— Нет, хозяин!

— Убери все до последней тряпки из своего закутка и сожги!

Силли покачал головой:

— Я возьму с собой.

— Так они и позволят тебе тащить в ракету всякую дрянь!

— Я возьму с собой, — мягко настаивал парнишка.

Он побежал через лавку в пристройку. Слышно было, как он подметает и наводит чистоту. Миг — и Силли появился снова, неся волчки, шарики, старых воздушных змеев и другое барахло, скопленное за несколько лет. Как раз в этот миг подъехал «Форд»; Силли сел в машину, хлопнула дверца.

Тис стоял на веранде, горько улыбаясь.

— И что же ты собираешься делать *там?*

— Открою *свое* дело, — ответил Силли. — Хочу завести скобяную лавку.

— Ах ты, дрянь, так вот ты зачем ко мне нанимался, задумал набить руку, а потом улизнуть и использовать науку!

— Нет, хозяин, я никогда не думал, что *так* получится. А оно получилось. Разве я виноват, что научился, мистер Тис?

— Вы небось придумали имена вашим ракетам?

Цветные смотрели на свои единственные часы — на приборной доске «Форда».

— Да, хозяин.

— Небось «Илия» и «Колесница», «Большое колесо» и «Малое колесо», «Вера», «Надежда», «Милосердие»?

— Мы придумали имена для кораблей, мистер Тис.

— «Бог Сын» и «Святой Дух», да? Скажи, малый, а одну ракету назвали в честь баптистской церкви?

— Нам пора ехать, мистер Тис.

Тис хохотал:

— Неужели ни одну не назвали «Летай пониже» или «Благолепная колесница»?

Машина тронулась.

— Прощайте, мистер Тис!

— А есть у вас ракета «Рассыпьтесь, мои косточки»?

— Прощайте, мистер!

— А «Через Иордань»? Ха! Ладно, парень, катись, отваливай на своей ракете, давай лети, пусть взрывается, я плакать не буду!

Машина покатила прочь в облаке пыли. Силли привстал, приставил ладони ко рту и крикнул напоследок Тису:

— Мистер Тис, мистер Тис, а что вы теперь будете делать *по ночам?* Что будете делать *ночью,*

хозяин?

Тишина. Машина растаяла вдали. Дорога опустела.

— Что он хотел сказать, черт возьми? — недоумевал Тис. — Что я буду делать по ночам?..

Он смотрел, как оседает пыль, и вдруг до него дошло.

Он вспомнил ночи, когда возле его дома останавливались автомашины, а в них — темные силуэты, торчат колени, еще выше торчат дула ружей, будто полный кузов журавлей под черной листвой спящих деревьев. И злые глаза… Гудок, еще гудок, он хлопает дверцей, сжимая в руке ружье, посмеиваясь про себя, и сердце колотится как у мальчишки, и бешеная гонка по ночной летней дороге, круг толстой веревки на полу машины, коробки новеньких патронов оттопыривают карманы пальто. Сколько было таких ночей за все годы — встречный ветер, треплющий космы волос над недобрыми глазами, торжествующие вопли при виде хорошего дерева, надежного, крепкого дерева, и стук в дверь лачуги!

— Так *вот* он про что, сукин сын! — Тис выскочил из тени на дорогу. — Назад, ублюдок! Что я буду делать ночами?! Ах ты, гад, подлюга…

Вопрос Силли попал в самую точку. Тис почув-

ствовал себя больным, опустошенным. «В самом деле. Что мы будем делать *по ночам?* — думал он. — Теперь, когда *все* уехали…» На душе было пусто, мысли оцепенели.

Он выхватил из кармана пистолет, пересчитал патроны.

— Ты что это задумал, Сэм? — спросил кто-то.

— Убью эту сволочь.

— Не распаляйся так, — сказал дед.

Но Сэмюэль Тис уже исчез за лавкой. Секундой позже он выехал в своей открытой машине.

— Кто со мной?

— Я прокачусь, пожалуй, — отозвался дед, вставая.

— Еще кто?

Молчание.

Дед сел в машину и захлопнул дверцу. Сэмюэль Тис, вздымая пыль, вырулил на дорогу, и они рванулись вперед под ослепительным небом. Оба молчали. Над сухими нивами по сторонам струилось жаркое марево.

Развилок. Стоп.

— Куда они поехали, дед?

Дед Квортермейн прищурился:

— Прямо, сдается мне.

Они продолжали путь. Одиноко ворчал мотор

под летними деревьями. Дорога была пуста, но вот они стали примечать что-то необычное. Наконец Тис сбавил ход и перегнулся через дверцу, свирепо сверкая желтыми глазами.

— Черт подери, дед! Ты видишь, что придумали эти ублюдки?

— Что? — спросил дед, присматриваясь.

Вдоль дороги непрерывной цепочкой, аккуратными кучками лежали старые роликовые коньки, пестрые узелки с безделушками, рваные башмаки, колеса от телеги, поношенные брюки и пальто, драные шляпы, побрякушки из хрусталя, когда-то нежно звеневшие на ветру, жестяные банки с розовой геранью, восковые фрукты, коробки с деньгами времен конфедерации, тазы, стиральные доски, веревки для белья, мыло, чей-то трехколесный велосипед, чьи-то садовые ножницы, кукольная коляска, чертик в коробочке, пестрое окно из негритянской баптистской церкви, набор тормозных прокладок, автомобильные камеры, матрасы, кушетки, качалки, баночки с кремом, зеркала. И все это не было брошено кое-как, наспех, а положено бережно, с чувством, со вкусом вдоль пыльных обочин, словно целый город шел здесь, нагруженный до отказа, и вдруг раздался великий трубный глас,

люди сложили свои пожитки в пыль и вознеслись прямиком на голубые небеса.

— «Не хотим жечь», как же! — злобно крикнул Тис. — Я им говорю: сожгите, так нет, тащили всю дорогу и сложили здесь — напоследок еще раз посмотреть на свое барахло, вот оно, полюбуйтесь! Эти черномазые невесть что о себе воображают.

Он гнал машину дальше, километр за километром, наезжая на кучи, кроша шкатулки и зеркала, ломая стулья, рассыпая бумаги.

— Так! Черт подери… Еще! Так!

Передняя шина жалобно запищала. Машина вильнула и врезалась в канаву. Тис стукнулся лбом о ветровое стекло.

— А, сукины дети! — Сэмюэль Тис стряхнул с себя пыль и вышел из машины, чуть не плача от ярости.

Он посмотрел на пустынную безмолвную дорогу.

— Теперь уж мы никогда их не догоним, никогда.

Насколько хватал глаз, он видел только аккуратно сложенные узлы и кучи, и еще узлы, словно покинутые святыни под жарким ветром, в свете угасающего дня.

Час спустя Тис и дед, усталые, подошли к ско-

бяной лавке. Мужчины все еще сидели там, прислушиваясь и глядя на небо. В тот самый миг, когда Тис присел и стал снимать тесные ботинки, кто-то воскликнул:

— Смотрите!

— К черту! — прорычал Тис.

Но остальные смотрели, привстав. И они увидели далеко-далеко уходящие ввысь золотые веретена. Оставляя за собой хвосты пламени, они исчезли.

На хлопковых полях ветер лениво трепал белоснежные комочки. На бахчах лежали нетронутые арбузы, полосатые, как тигровые кошки, греющиеся на солнце.

Мужчины на веранде сели, поглядели друг на друга, поглядели на желтые веревки, аккуратно сложенные на полках, на сверкающие гильзы патронов в коробках, на серебряные пистолеты и длинные вороненые стволы винтовок, мирно висящих в тени под потолком. Кто-то сунул в рот травинку. Кто-то начертил в пыли человечка.

Сэмюэль Тис торжествующе поднял ботинок, перевернул его, заглянул внутрь и сказал:

— А вы заметили? Он до самого конца говорил мне «хозяин», ей-богу!

2035–2036
Новые имена

Они пришли и заняли удивительные голубые земли и всему дали свои имена. Появились ручей Хинкстон-Крик и поляна Люстиг-Корнерс, река Блэк-Ривер и лес Дрисколл-Форест, гора Перегрин-Маунтин и город Уайлдертаун — все в честь людей и того, что совершили люди. Там, где марсиане убили первых землян, появился Редтаун — название, связанное с кровью. А вот здесь погибла Вторая экспедиция — отсюда название: Вторая Попытка; и всюду, где космонавты при посадке опалили землю своими огненными снарядами, остались имена — словно кучи шлака; не обошлось, разумеется, без горы Спендер-Хилл и города с длинным названием Натаниел-Йорк…

Старые марсианские названия были названия воды, воздуха, гор. Названия снегов, которые, тая на юге, стекали в каменные русла каналов, питающих высохшие моря. Имена чародеев, чей прах покоился в склепах, названия башен и обелисков. И ракеты, подобно молотам, обрушились на эти имена, разбивая вдребезги мрамор, кроша

фаянсовые тумбы с названиями старых городов, и над грудами обломков выросли огромные пилоны с новыми указателями: АЙРОНТАУН, СТИЛТАУН, АЛЮМИНИУМ-СИТИ, ЭЛЕКТРИК-ВИЛЛЕДЖ, КОРНТАУН, ГРЭЙН-ВИЛЛА, ДЕТРОЙТ II — знакомые механические, металлические названия с Земли.

А когда построили и окрестили города, появились кладбища, они тоже получили имена: Зеленый Уголок, Белые Мхи, Тихий Пригорок, Отдохни Малость — и первые покойники легли в свои могилы…

Когда же все было наколото на булавочки, чинно, аккуратно разложено по полочкам, когда все стало на свои места, города прочно утвердились и уединение стало почти невозможным — тогда-то с Земли стали прибывать искушенные и всезнающие. Они приезжали в гости и в отпуск, приезжали купить сувениры и сфотографироваться — «подышать марсианским воздухом»; они приезжали вести исследования и проводить в жизнь социологические законы; они привозили с собой свои звезды, кокарды, правила и уставы, не забыли прихватить и семена бюрократии, которая въедливым сорняком оплела Землю, и насадили их на Марсе всюду, где они только мог-

ли укорениться. Они стали законодателями быта и нравов; принялись направлять, наставлять и подталкивать на путь истинный тех самых людей, кто перебрался на Марс, чтобы избавиться от наставлений и назиданий.

И нет ничего удивительного в том, что кое-кто из подталкиваемых стал отбиваться…

Апрель 2036
Эшер II [8]

«Весь этот день — тусклый, темный, беззвучный осенний день — я ехал верхом в полном одиночестве по необычайно пустынной местности, над которой низко нависали свинцовые тучи, и наконец, когда вечерние тени легли на землю, очутился перед унылой усадьбой Эшера…»

Мистер Уильям Стендаль перестал читать. Вот она перед ним, на невысоком черном пригорке, — Усадьба, и на угловом камне начертано: 2036 год.

Мистер Бигелоу, архитектор, сказал:

— Дом готов. Примите ключ, мистер Стендаль.

Они помолчали, стоя рядом, в тишине осеннего дня. На черной как вороново крыло траве у их ног шуршали чертежи.

— Дом Эшеров, — удовлетворенно произнес мистер Стендаль. — Спроектирован, выстроен, куплен, оплачен. Думаю, мистер По был бы *в восторге!*

Мистер Бигелоу прищурился:

---

[8] Примечания: 8

Рассказ «Эшер II» был изъят из состава «Марсианских хроник» в 1951 году, но был возвращен автором в 1963 году.

— Все отвечает вашим пожеланиям, сэр?

— Да!

— Колорит такой, какой нужен? Картина *тоскливая* и *ужасная?*

– *Чрезвычайно* ужасная, *чрезвычайно* тоскливая!

— Стены — *угрюмые?*

— Поразительно!

— Пруд достаточно «черный и мрачный»?

— Невообразимо черный и мрачный.

— А осока — она окрашена, как вам известно, — в меру чахлая и седая?

— До отвращения!

Мистер Бигелоу сверился с архитектурным проектом. Он процитировал задание:

— Весь ансамбль внушает «леденящую, ноющую, сосущую боль сердца, безотрадную пустоту в мыслях»? Дом, пруд, усадьба?..

— Вы поработали на славу, мистер Бигелоу! Клянусь, это изумительно!

— Благодарю. Я ведь совершенно не понимал, что от меня требуется. Слава богу, что у вас есть свои ракеты, иначе нам никогда не позволили бы перебросить сюда необходимое оборудование. Обратите внимание, здесь постоянные сумерки, в этом уголке всегда октябрь, всегда пустынно,

безжизненно, мертво. Это стоило нам немалых трудов. Десять тысяч тонн ДДТ. Мы все убили. Ни змеи, ни лягушки, ни одной марсианской мухи не осталось! Вечные сумерки, мистер Стендаль, это моя гордость. Скрытые машины глушат солнечный свет. Здесь всегда «безотрадно».

Стендаль упивался безотрадностью, свинцовой тяжестью, удушливыми испарениями, всей «атмосферой», задуманной и созданной с таким искусством. А сам Дом! Угрюмая обветшалость, зловещий пруд, плесень, призраки всеобщего тления! Синтетические материалы или еще что-нибудь? Поди угадай.

Он взглянул на осеннее небо. Где-то вверху, вдали, далеко-далеко — солнце. Где-то на планете — марсианский апрель, золотой апрель, голубое небо. Где-то вверху прожигают себе путь ракеты, призванные цивилизовать прекрасную безжизненную планету. Визг и вой их стремительного полета глохнул в этом тусклом звуконепроницаемом мире, в этом мире дремучей осени.

— Теперь, когда задание выполнено, — смущенно заговорил мистер Бигелоу, — могу я спросить, что вы собираетесь делать со всем этим?

— С усадьбой Эшер? Вы не догадались?

— Нет.

— Название «Эшер» вам ничего не говорит?

— Ничего.

— Ну а *такое* имя: Эдгар Аллан По?

Мистер Бигелоу отрицательно покачал головой.

— Разумеется. — Стендаль сдержанно фыркнул, выражая печаль и презрение. — Откуда вам знать блаженной памяти мистера По? Он умер очень давно, раньше Линкольна. Все его книги были сожжены на Великом Костре. Тридцать лет назад, в тысяча девятьсот семьдесят пятом.

— А, — понимающе кивнул мистер Бигелоу. — Один из *этих!*

— Вот именно, Бигелоу, один из этих. Его и Лавкрафта, Готорна и Амброуза Бирса, все повести об ужасах и страхах, все фантазии, да что там, все повести о будущем сожгли. Безжалостно. Закон провели. Началось с малого, с песчинки, еще в пятидесятых и шестидесятых годах. Сперва ограничили выпуск книжек с карикатурами, потом детективных романов, фильмов, разумеется. Кидались то в одну крайность, то в другую, брали верх различные группы, разные клики, политические предубеждения, религиозные предрассудки. Всегда было меньшинство, которое чего-то боялось, и подавляющее большинство, ко-

торое боялось непонятного, будущего, прошлого, настоящего, боялось самого себя и собственной тени.

— Понятно.

— Устрашаемые словом «политика» (которое в конце концов в наиболее реакционных кругах стало синонимом «коммунизма», да-да, и за одно только употребление этого слова можно было поплатиться жизнью!), понукаемые со всех сторон — здесь подтянут гайку, там закрутят болт, оттуда ткнут, отсюда пырнут, — искусство и литература вскоре стали похожи на огромную тянучку, которую выкручивали, жали, мяли, завязывали в узел, швыряли туда-сюда до тех пор, пока она не утратила всякую упругость и всякий вкус. А потом осеклись кинокамеры, погрузились в мрак театры, и могучая Ниагара печатной продукции превратилась в выхолощенную струйку «чистого» материала. Поверьте мне, понятие «уход от действительности» тоже попало в разряд крамольных!

— Неужели?

— Да-да! Всякий человек, говорили они, обязан смотреть в лицо действительности. Видеть только сиюминутное! Все, что *не* попадало в эту категорию, — прочь. Прекрасные литературные

вымыслы, полет фантазии — бей влет. И вот воскресным утром, тридцать лет назад, в тысяча девятьсот семьдесят пятом году их поставили к библиотечной стенке: Санта-Клауса, и Всадника без головы, Белоснежку, и Домового, и Матушку-Гусыню — все в голос рыдали! — и расстреляли их, потом сожгли бумажные замки и царевен-лягушек, старых королей и всех, кто «с тех пор зажил счастливо» (в самом деле, о *ком* можно сказать, что он с тех пор зажил счастливо!), и Некогда превратилось в Никогда! И они развеяли по ветру прах Заколдованного Рикши вместе с черепками Страны Оз, изрубили Глинду Добрую и Озму, разложили Многоцветку в спектроскопе, а Джека Тыквенную Голову подали к столу на Балу Биологов! Гороховый Стручок зачах в бюрократических зарослях! Спящая Красавица была разбужена поцелуем научного работника и испустила дух, когда он вонзил в нее медицинский шприц. Алису они заставили выпить из бутылки нечто такое, от чего она стала такой крохотной, что уже не могла больше кричать: «Чем дальше, тем любопытственнее!» Волшебное Зеркало они одним ударом молота разбили вдребезги, и пропали все Красные Короли и Устрицы!

Он сжал кулаки. Господи, как все это близко,

точно случилось вот сейчас! Лицо его побагровело, он задыхался.

Столь бурное извержение ошеломило мистера Бигелоу. Он моргнул раз, другой и наконец сказал:

— Извините. Не понимаю, о чем вы. Эти имена ничего мне не говорят. Судя по тому, что вы сейчас говорили, Костер был только на пользу.

— Вон отсюда! — вскричал Стендаль. — Ваша работа завершена, теперь убирайтесь, болван!

Мистер Бигелоу кликнул своих плотников и ушел. Мистер Стендаль остался один перед Домом.

— Слушайте, вы! — обратился он к незримым ракетам. — Я перебрался на Марс, спасаясь от вас, а вас здесь, что ни день, все больше и больше, вы слетаетесь, словно мухи на падаль. Так я вам тут кое-что покажу. Я проучу вас за то, что вы сделали на Земле с мистером По. Отныне берегитесь! Дом Эшера начинает свою деятельность!

Он погрозил небу кулаком.

Ракета села. Из нее важно вышел человек. Он посмотрел на Дом, и серые глаза его выразили неудовольствие и досаду. Он перешагнул ров, за которым его ждал щуплый мужчина.

— Ваша фамилия Стендаль?

— Да.

— Гаррет, инспектор из Управления Нравственного Климата.

— Ага, вы таки добрались до Марса, блюстители Нравственного Климата? Я уже прикидывал, когда же вы тут появитесь…

— Мы прибыли на прошлой неделе. Скоро здесь будет полный порядок, как на Земле. — Он раздраженно помахал своим удостоверением в сторону Дома. — Расскажите-ка мне, что это такое, Стендаль?

— Это замок с привидениями, если вам угодно.

— Не угодно, Стендаль, *никак* не угодно. «С привидениями» — не годится.

— Очень просто. В нынешнем, две тысячи пятом, году Господа Бога нашего я построил механическое святилище. В нем медные летучие мыши летают вдоль электронных лучей, латунные крысы снуют в пластмассовых подвалах, пляшут автоматические скелеты, здесь обитают автоматические вампиры, шуты, волки и белые призраки, порождение химии и изобретательности.

— Именно этого я опасался, — сказал Гаррет с улыбочкой. — Боюсь, придется снести ваш домик.

— Я знал, что вы явитесь, едва проведаете.

— Я бы раньше прилетел, но мы хотели удостовериться в ваших намерениях, прежде чем вмешиваться. Демонтажники и Огневая Команда могут прибыть к вечеру. К полуночи все будет разрушено до основания, мистер Стендаль. По моему разумению, сэр, вы, я бы сказал, сглупили. Выбрасывать на ветер деньги, заработанные упорным трудом. Да вам это миллиона три стало…

— Четыре миллиона! Но учтите, мистер Гаррет, я был еще совсем молод, когда получил наследство, — двадцать пять миллионов. Могу позволить себе быть мотом. А вообще-то, это досадно: только закончил строительство, как вы уже здесь со своими Демонтажниками. Может, позволите мне потешиться моей Игрушкой, ну хотя бы двадцать четыре часа?

— Вам известен Закон. Как положено: никаких книг, никаких домов, ничего, что было бы сопряжено с привидениями, вампирами, феями или иными творениями фантазии.

— Вы скоро начнете жечь мистеров Бэббитов!

— Вы уже причинили нам достаточно хлопот, мистер Стендаль. Сохранились протоколы. Двадцать лет назад. На Земле. Вы и ваша библиотека.

— О да, я и моя библиотека. И еще несколько таких же, как я. Конечно, По был уже давно забыт тогда, забыты Оз и другие создания. Но я устроил небольшой тайник. У нас были свои библиотеки — у меня и еще у нескольких частных лиц, — пока вы не прислали своих людей с факелами и мусоросжигателями. Изорвали в клочья мои пятьдесят тысяч книг и сожгли их. Вы так же расправились и со всеми чудотворцами; и вы еще приказали вашим кинопродюсерам, если они вообще хотят что-нибудь делать, пусть снимают и переснимают Эрнеста Хемингуэя. Боже мой, сколько раз я видел «По ком звонит колокол»! Тридцать различных постановок. Все реалистичные. О реализм! Ох уж этот реализм! Чтоб его!..

— Рекомендовал бы воздержаться от сарказма!

— Мистер Гаррет, вы ведь обязаны представить полный отчет?

— Да.

— В таком случае, любопытства ради, вошли бы посмотрели. Всего одну минуту.

— Хорошо. Показывайте. И никаких фокусов. У меня есть пистолет.

Дверь Дома Эшеров со скрипом распахнулась. Повеяло сыростью. Послышались могучие вздохи и стоны, точно в заброшенных катакомбах дыша-

ли незримые мехи.

По каменному полу метнулась крыса. Гаррет гикнул и наподдал ее ногой. Крыса перекувырнулась, и из ее нейлонового меха высыпали полчища металлических блох.

— Поразительно! — Гаррет нагнулся, чтобы лучше видеть.

В нише, тряся восковыми руками над оранжево-голубыми картами, сидела старая ведьма. Она вздернула голову и зашипела беззубым ртом на Гаррета, постукивая пальцем по засаленным картам.

— Смерть! — крикнула она.

— Вот именно *такие* вещи я и подразумевал… — сказал Гаррет. — Весьма предосудительно!

— Я разрешу вам лично сжечь ее.

— В самом деле? — Гаррет просиял. Но тут же нахмурился. — Вы так легко об этом говорите.

— Для меня достаточно было устроить все это. Чтобы я мог сказать, что добился своего. В современном скептическом мире воссоздал средневековую атмосферу.

— Я и сам, сэр, так сказать, невольно восхищен вашим гением.

Гаррет смотрел — мимо него проплывало в воздухе, шелестя и шепча, легкое облачко, ко-

торое приняло облик прекрасной призрачной женщины. В дальнем конце сырого коридора гудела какая-то машина. Как сахарная вата из центрифуги, оттуда ползла и расплывалась по безмолвным залам бормочущая мгла.

Невесть откуда возникла обезьяна.

— Кыш! — крикнул Гаррет.

— Не бойтесь. — Стендаль похлопал животное по черной груди. — Это робот. Медный скелет и так далее, как и ведьма. Вот!

Он взъерошил мех обезьяны, блеснул металлический корпус.

— Вижу. — Гаррет протянул робкую руку, потрепал робота. — Но к чему это, мистер Стендаль, в чем смысл всего *этого?* Что вас довело?..

— Бюрократия, мистер Гаррет. Но мне некогда объяснять. Властям и без того скоро все будет ясно. — Он кивнул обезьяне. — Пора. *Давай.*

Обезьяна убила мистера Гаррета.

— Почти готово, Пайкс?

Пайкс оторвал взгляд от стола.

— Да, сэр.

— Отличная работа.

— Даром хлеб не едим, мистер Стендаль, — тихо ответил Пайкс; приподняв упругое веко робота, он вставил стеклянное глазное яблоко и ловко

прикрепил к нему каучуковые мышцы. — Так…

— Вылитый мистер Гаррет.

— А с ним что делать, сэр? — Пайкс кивком указал на каменную плиту, где лежал настоящий мертвый Гаррет.

— Лучше всего сжечь, Пайкс. На что нам два мистера Гаррета, верно?

Пайкс подтащил Гаррета к кирпичному мусоросжигателю.

— Всего хорошего.

Он втолкнул мистера Гаррета внутрь и захлопнул дверку.

Стендаль обратился к роботу Гаррету:

— Вам ясно ваше задание, Гаррет?

— Да, сэр. — Робот приподнялся и сел. — Я должен вернуться в Управление Нравственного Климата. Представить дополнительный доклад. Оттянуть операцию самое малое на сорок восемь часов. Сказать, что мне нужно провести более обстоятельное расследование.

— Правильно, Гаррет. Желаю успеха.

Робот поспешно прошел к ракете Гаррета, поднялся в нее и улетел.

Стендаль повернулся:

— Ну, Пайкс, теперь разошлем оставшиеся приглашения на сегодняшний вечер. Полагаю, будет

весело. Как вы думаете?

— Учитывая, что мы ждали двадцать лет, — даже очень весело!

Они подмигнули друг другу.

Ровно семь. Стендаль взглянул на часы. Теперь уж недолго. Он сидел в кресле и вертел в руке рюмку с хересом. Над ним, меж дубовых балок, попискивали, сверкая глазками, летучие мыши — тонкие медные скелетики, обтянутые резиновой плотью. Он поднял рюмку, приветствуя их:

— За наш успех.

Откинулся назад, сомкнул веки и мысленно проверил все с начала. Уж отведет он душу на старости лет… Отомстит этому антисептическому правительству за расправу с литературой, за костры. Годами копился гнев, копилась ненависть… И в оцепенелой душе исподволь, медленно зрел замысел. Так было до того дня три года назад, когда он встретил Пайкса.

Именно Пайкса. Пайкса, ожесточенная душа которого была как обугленный черный колодец, наполненный едкой кислотой. Кто такой Пайкс? Величайший из них всех, только и всего! Пайкс — человек с тысячами личин, фурия, дым, голубой туман, седой дождь, летучая мышь, горгона, чудовище — вот кто Пайкс! «Лучше, чем Лон

Чени, патриарх?» — спросил себя Стендаль. Чени, которого он смотрел в древних фильмах, много вечеров подряд смотрел… Да, лучше, чем Чени. Лучше того, другого, старинного актера — как его, Карлофф, кажется? Гораздо лучше! А Лугоси? Никакого сравнения! Пайкс — единственный, неподражаемый. И что же: его ограбили, отняли право на выдумку, и некуда податься, не перед кем лицедействовать. Запретили играть даже перед зеркалом для самого себя!

Бедняга Пайкс — невероятный, обезоруженный Пайкс! Что ты чувствовал в тот вечер, когда они конфисковали твои фильмы, вырывали, вытягивали, подобно внутренностям, кольца пленки из кинокамеры, из твоего чрева, хватали, комкали, бросали в печь, сжигали? Было ли это так же больно, как потерять, ничего не получив взамен, пятьдесят тысяч книг? Да. Да. Стендаль почувствовал, как руки его холодеют от каменной ярости. И вот однажды — что может быть естественнее — они встретились и заговорили, и разговоры их растянулись на бессчетные ночи, как не было счета и чашкам кофе, и из потока слов и горького настоя родился Дом Эшера.

Гулкий звон церковного колокола. Начался съезд гостей.

Улыбаясь, он пошел встретить их.

Роботы ждали — взрослые, без воспоминаний детства. Ждали роботы в зеленых шелках цвета лесных озер, в шелках цвета лягушки и папоротника. Ждали роботы с желтыми волосами цвета песка и солнца. Роботы лежали, смазанные, с трубчатыми костями из бронзы в желатине. В гробах для неживых и немертвых, в дощатых ящиках маятники ждали, когда их толкнут. Стоял запах смазки и латунной стружки. Стояла гробовая тишина. Роботы — обоего пола, но бесполые. С лицами, не безликие, заимствовавшие у человека все, кроме человечности, роботы смотрели в упор на прошитые гвоздями крышки ящиков с надписью «Франкоборт», пребывая в небытии, которое смертью не назовешь, потому что ему не предшествовала жизнь… Но вот громко взвизгнули гвозди. Одна за другой поднимаются крышки. По ящикам мечутся тени, стиснутая рукой масленка брызжет машинным маслом. Тихонько затикал один механизм, пущенный в ход. Еще один, еще, и вот уже застрекотало все кругом, как в огромном часовом магазине. Каменные глаза раздвинули резиновые веки. Затрепетали ноздри. Встали на ноги роботы, покрытые обезьяньей шерстью и мехом белого

кролика. Близнецы Твидлдам и Твидлди, Телячья Голова, Соня, бледные утопленники — соль и зыбкие водоросли вместо плоти, посиневшие висельники с закатившимися глазами цвета устриц, создания из льда и сверкающей мишуры, глиняные карлики и коричневые эльфы, Тик-так, Страшила, Санта-Клаус в облаке искусственной метели, Синяя Борода — бакенбарды словно пламя ацетиленовой горелки. Поплыли клубы серного дыма с языками зеленого огня, и, будто изваянный из глыбы чешуйчатого змеевика, дракон с пылающей жаровней в брюхе протиснулся через дверь: вой, стук, рев, тишина, рывок, поворот… Тысячи крышек снова захлопнулись. Часовой магазин двинулся на Дом Эшера. Ночь колдовства началась.

На усадьбу повеяло теплом. Прожигая небо, превращая осень в весну, прибывали ракеты гостей.

Из ракет выходили мужчины в вечерних костюмах, за ними следовали женщины с замысловатейшими прическами.

— Вот он *какой,* Эшер!

— А где же дверь?

И тут появился Стендаль. Женщины смеялись и болтали. Мистер Стендаль поднял руку, прося

тишины. Потом повернулся, обратил взгляд к окну высоко в стене замка и крикнул:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз.

Прекрасная девушка выглянула в окно навстречу ночному ветерку и спустила вниз золотые косы. И косы, сплетаясь, развеваясь, стали лестницей, по которой смеющиеся гости могли подняться в Дом.

Самые видные социологи! Самые проницательные психологи! Самые что ни на есть выдающиеся политики, бактериологи, психоневрологи! Вот они все тут, между серых стен.

— Добро пожаловать!

Мистер Трайон, мистер Оуэн, мистер Данн, мистер Лэнг, мистер Стеффенс, мистер Флетчер и еще две дюжины знаменитостей.

— Входите, входите!

Мисс Гиббс, мисс Поуп, мисс Черчилль, мисс Блант, мисс Драммонд и еще два десятка блестящих женщин.

Все без исключения видные, виднейшие лица, члены Общества борьбы с фантазиями, поборники запрета старых праздников — Хеллоуина и Гая Фокса, убийцы летучих мышей, истребители

книг, факельщики; все без исключения добропорядочные, незапятнанные граждане, которые предоставили людям попроще, погрубее первыми прилететь на Марс, похоронить марсиан, очистить от заразы поселения, построить города, отремонтировать дороги и вообще устранить всякие непорядки. А уж потом, когда прочно утвердилась Безопасность, эти Душители Радости, эти субъекты с формалином вместо крови и с глазами цвета йодной настойки явились насаждать свой Нравственный Климат и милостиво наделять всех добродетелями. И все они — его друзья! Да-да, в прошлом году, на Земле, он неназойливо, осторожно с каждым из них познакомился, каждому выказал свое расположение.

— Добро пожаловать в безбрежные покои Смерти! — крикнул он.

— Послушайте, Стендаль, что все это *значит?*

— Увидите. Всем переодеться! Вон там есть кабины. Примерьте костюмы, которые там приготовлены. Мужчины — в эту сторону, женщины — в ту.

Гости стояли в некотором замешательстве.

— Не знаю, прилично ли нам оставаться, — сказала мисс Поуп. — Не нравится мне здесь. Это… это похоже на кощунство.

— Чепуха, *костюмированный* бал!

— Боюсь, это все противозаконно. — Мистер Стеффенс настороженно шмыгал носом.

— Полно! — рассмеялся Стендаль. — Повеселитесь хоть раз. Завтра тут будут одни развалины. По кабинам!

Дом сверкал жизнью и красками, шуты звенели бубенчиками, белые мыши танцевали миниатюрную кадриль под музыку карликов, которые щекотали крохотные скрипки крошечными смычками, флажки трепетали под закоптелыми балками, и стаи летучих мышей кружили у разверстых пастей горгулий, извергавших холодное, хмельное, пенное вино. Через все семь залов костюмированного бала бежал ручеек. Гости приложились к нему и обнаружили, что это херес! Гости высыпали из кабин, сбросив годы с плеч, скрывшись под маскарадными домино, и уже то, что они надели маски, лишало их права осуждать фантазии и ужасы. Кружились смеющиеся женщины в красных одеждах. Мужчины увивались за ними. По стенам скользили тени, отброшенные неведомо кем, тут и там висели зеркала, в которых ничто не отражалось.

— Да мы все упыри! — рассмеялся мистер Флетчер. — Мертвецы!

Семь залов, каждый иного цвета: один голубой, один пурпурный, один зеленый, один оранжевый, еще один белый, шестой фиолетовый, седьмой затянут черным бархатом. В черном зале эбеновые куранты гулко отбивали часы. Из зала в зал, между фантастическими роботами, между Сонями и Сумасшедшими Шляпниками, Троллями и Великанами, Черными Котами и Белыми Королевами носились опьяневшие гости, и под их пляшущими ногами пол пульсировал тяжело и глухо, точно сокрытое под ним сердце не могло сдержать своего волнения.

— Мистер Стендаль!

Шепотом…

— Мистер Стендаль!

Рядом с ним стояло чудовище в маске Смерти. Это был Пайкс.

— Нам нужно поговорить наедине.

— В чем дело?

— Вот. — Пайкс протянул ему костлявую руку. В ней была горсть оплавленных, почерневших колесиков, гайки, винты, болты.

Стендаль долго смотрел на них. Затем увлек Пайкса в коридор.

— Гаррет? — спросил он шепотом.

Пайкс кивнул:

— Он прислал робота вместо себя. Я нашел это только что, когда чистил мусоросжигатель.

Оба глядели на зловещие винты.

— Это значит, что в любой момент может нагрянуть полиция, — сказал Пайкс. — Наши планы рухнут.

— Это еще неизвестно. — Стендаль взглянул на кружащихся желтых, синих, оранжевых людей. Музыка волнами неслась сквозь туманные просторы залов. — Я должен был догадаться, что Гаррет не настолько глуп, чтобы явиться лично. Но погодите-ка!

— Что случилось?

— Ничего. Ничего серьезного. Гаррет прислал к нам робота. Но ведь мы ответили тем же. Если он не будет очень уж приглядываться, то просто не заметит подмены.

— Конечно!

— Следующий раз он явится *сам*. Теперь он уверен, что ему ничто не грозит. Ждите его с минуты на минуту *собственной* персоной! Еще вина, Пайкс!

Зазвонил большой колокол.

— Бьюсь об заклад, это он. Идите, впустите мистера Гаррета.

Рапунцель спустила вниз свои золотые воло-

сы.

— Мистер Стендаль?

— Мистер Гаррет, *подлинный* Гаррет?

— Он самый. — Гаррет окинул пристальным взглядом сырые стены и кружащихся людей. — Решил, лучше самому посмотреть. На роботов нельзя положиться. Тем более на чужих роботов. Заодно я предусмотрительно вызвал Демонтажников. Через час они прибудут, чтобы обрушить стены этого мерзостного логова.

Стендаль поклонился.

— Спасибо за предупреждение. — Он сделал жест рукой. — А пока приглашаю вас развлечься. Немного вина?

— Нет-нет, благодарю. Что тут происходит? Где предел падения человека?

— Убедитесь сами, мистер Гаррет.

— Разврат, — сказал Гаррет.

— Самый гнусный, — подтвердил Стендаль.

Где-то завизжала женщина. Подбежала мисс Поуп, бледная, как сыр.

— Что сейчас случилось, какой ужас! На моих глазах обезьяна задушила мисс Блант и затолкала ее в дымоход!

Они заглянули в трубу и увидели свисающие вниз длинные желтые волосы. Гаррет вскрик-

нул.

— Ужасно! — причитала мисс Поуп. Вдруг она осеклась. Захлопала глазами и повернулась: — Мисс Блант!

— Да. — Мисс Блант стояла рядом с ней.

— Но я только что видела вас в каминной трубе!

— Нет, — рассмеялась мисс Блант. — Это был робот, моя копия. Искусная репродукция!

— Но, но…

— Утрите слезы, милочка. Я жива-здорова. Разрешите мне взглянуть на себя. Так вот *где* я! Да, в дымоходе, как вы и сказали. Потешно, не правда ли?

Мисс Блант удалилась, смеясь.

— Хотите выпить, Гаррет?

— Пожалуй, выпью. Немного расстроился. Боже мой, что за место! Оно *вполне* заслуживает разрушения. На мгновение мне…

Гаррет выпил вина.

Новый крик. Четыре белых кролика несли на спине мистера Стеффенса вниз по лестнице, которая вдруг чудом открылась в полу. Мистера Стеффенса утащили в яму и оставили там, связанного по рукам и ногам, глядеть, как сверху все ниже, ниже, ближе и ближе к его простертому те-

лу опускалось, качаясь, острое как бритва лезвие огромного маятника.

— Это я там, внизу? — спросил мистер Стеффенс, появившись рядом с Гарретом. Он наклонился над колодцем. — Очень, очень странно наблюдать собственную гибель.

Маятник качнулся в последний раз.

— До чего реалистично, — сказал мистер Стеффенс, отворачиваясь.

— Еще вина, мистер Гаррет?

— Да, пожалуйста.

— Теперь уже недолго. Скоро прибудут Демонтажники.

— Слава богу!

И опять, в третий раз — крик.

— Ну что еще? — нервно спросил Гаррет.

— Теперь моя очередь, — сказала мисс Драммонд. — Глядите.

Вторую мисс Драммонд, сколько она ни кричала, заколотили в гроб и бросили в сырую землю под полом.

— Постойте, я же помню *это!* — ахнул инспектор Нравственного Климата. — Это же из старых, запрещенных книг… «Преждевременное погребение». Да и остальное: колодец, маятник, обезьяна, дымоход… «Убийство на улице Морг». Я сам сжег

эту книгу, ну конечно же!

— Еще вина, Гаррет. Так, держите рюмку крепче.

— Господи, *какое* у вас воображение!

На их глазах погибли еще пятеро: один в пасти дракона, другие были сброшены в черный пруд, пошли ко дну и сгинули.

— Хотите взглянуть, что мы приготовили для вас? — спросил Стендаль.

— Разумеется, — ответил Гаррет. — Какая разница? Все равно мы взорвем эту скверну. Вы отвратительны.

— Тогда пошли. Сюда.

И он повел Гаррета вниз, в подполье, по многочисленным переходам, опять вниз по винтовой лестнице под землю, в катакомбы.

— Что вы хотите мне здесь показать? — спросил Гаррет.

— Вас, убитого.

— Моего двойника?

— Да. И еще кое-что.

— Что же?

— Амонтильядо, — сказал Стендаль, шагая впереди с поднятым в руке фонарем.

Кругом, наполовину высунувшись из гробов, торчали недвижные скелеты. Гаррет прикрыл

нос ладонью, лицо его выражало отвращение.

— Что-что?

— Вы никогда не слыхали про амонтильядо?

— Нет!

— И не узнаёте вот это? — Стендаль указал на нишу.

— Откуда мне знать?

— Это тоже? — Стендаль, улыбаясь, извлек из складок своего балахона мастерок каменщика.

— Что это такое?

— Пошли, — сказал Стендаль.

Они ступили в нишу. Во тьме Стендаль заковал полупьяного инспектора в кандалы.

— Боже мой, что вы делаете? — вскричал Гаррет, гремя цепями.

— Я, так сказать, кую железо, пока горячо. Не перебивайте человека, который кует железо, пока оно горячо, это неучтиво. Вот так!

— Вы заковали меня в цепи!

— Совершенно верно.

— Что вы собираетесь сделать?

— Оставить вас здесь.

— Вы шутите!

— Весьма удачная шутка.

— Где мой двойник? Разве мы не увидим, как его убьют?

— Никакого двойника нет.

— Но как же *остальные?!*

— Остальные мертвы. Вы видели, как убивали живых людей. А двойники, роботы, стояли рядом и смотрели.

Гаррет молчал.

— Теперь вы обязаны воскликнуть: «Ради всего святого, Монтрезор!» — сказал Стендаль. — А я отвечу: «Да, ради всего святого». Ну, что же вы? Давайте. *Говорите.*

— Болван!

— Что, я вас упрашивать должен? Говорите. Говорите: «Ради всего святого, Монтрезор!»

— Не скажу, идиот. Выпустите меня отсюда. — Он уже протрезвел.

— Вот. Наденьте. — Стендаль сунул ему что-то, позванивающее бубенчиками.

— Что это?

— Колпак с бубенчиками. Наденьте его, и я, быть может, выпущу вас.

— Стендаль!

— Надевайте, говорят вам!

Гаррет послушался. Бубенчики тренькали.

— У вас нет такого чувства, что все это уже когда-то происходило? — справился Стендаль, берясь за лопатку, раствор, кирпичи.

— Что вы делаете?

— Замуровываю вас. Один ряд выложен. А вот и второй.

— Вы сошли с ума!

— Не стану спорить.

— Вас привлекут к ответственности за это!

Стендаль, напевая, постучал по кирпичу и положил его на влажный раствор.

Из тонущей во мраке ниши неслись стук, лязг, крики. Стена росла.

— Лязгайте как следует, прошу вас, — сказал Стендаль. — Чтобы было сыграно на славу!

— Выпустите, выпустите меня!

Осталось уложить один, последний, кирпич. Вопли не прекращались.

— Гаррет? — тихо позвал Стендаль.

Гаррет смолк.

— Гаррет, — продолжал Стендаль, — знаете, почему я так поступил с вами? Потому что вы сожгли книги мистера По, даже не прочитав их как следует. Положились на слова других людей, что надо их сжечь. Иначе вы сразу, как только мы пришли сюда, догадались бы, что я задумал. Неведение пагубно, мистер Гаррет.

Гаррет молчал.

— Все должно быть в точности, — сказал Стен-

даль, поднимая фонарь так, чтобы луч света проник в нишу и упал на поникшую фигуру. — Позвоните тихонько бубенчиками.

Бубенчики звякнули.

— А теперь, если вы изволите сказать: «Ради всего святого, Монтрезор!» — я, возможно, освобожу вас.

В луче света появилось лицо инспектора. Минута колебания, и вот прозвучали нелепые слова:

— Ради всего святого, Монтрезор!

Стендаль удовлетворенно вздохнул, закрыв глаза. Вложил последний кирпич и плотно заделал его.

– *Requiescat in pace* [9], дорогой друг.

Он быстро покинул катакомбы.

В полночь, с первым ударом часов, в семи залах дома все смолкло.

Появилась Красная Смерть.

Стендаль на миг задержался в дверях, еще раз все оглядел. Выбежал из Дома и поспешил через ров туда, где ждал вертолет.

— Готово, Пайкс?

— Готово.

Улыбаясь, они смотрели на величавое здание.

---

[9] Примечания: 9
Покойся с миром (*лат.*).

Дом начал раскалываться посередине, точно от землетрясения, и, любуясь изумительной картиной, Стендаль услышал, как позади него Пайкс тихо и напевно декламирует:

— «…на моих глазах мощные стены распались и рухнули. Раздался протяжный гул, точно от тысячи водопадов, и глубокий черный пруд безмолвно и угрюмо сомкнулся над развалинами дома Эшеров».

Вертолет взлетел над бурлящим озером, взяв курс на запад.

Август 2036
Старые люди

И наконец — как и следовало ожидать — на Марс стали прибывать старые люди; они отправились по следу, проложенному громогласными пионерами, утонченными скептиками, профессиональными скитальцами, романтическими проповедниками, искавшими свежей поживы.

Люди немощные и дряхлые, люди, которые только и делали, что слушали собственное сердце, щупали собственный пульс, беспрестанно глотали микстуру перекошенными ртами, люди, которые прежде в ноябре отправлялись в общем вагоне в Калифорнию, а в апреле на третьеклассном пароходе в Италию, эти живые мощи, эти сморчки тоже наконец появились на Марсе…

Сентябрь 2036
Марсианин

Устремленные вверх голубые пики терялись в завесе дождя, дождь поливал длинные каналы, и старик Лафарж вышел с женой из дома посмотреть.

— Первый дождь сезона, — заметил Лафарж.

— Чудесно… — вздохнула жена.

— Благодать!

Они затворили дверь. Вернувшись в комнаты, стали греть руки над углями в камине. Они зябко дрожали. Сквозь окно они видели вдали влажный блеск дождя на корпусе ракеты, которая доставила их сюда с Земли.

— Вот одно только… — произнес Лафарж, глядя на свои руки.

— Ты о чем? — спросила жена.

— Если бы мы могли взять с собой Тома…

— Лаф, ты опять!

— Нет, нет, прости меня, я не буду.

— Мы прилетели сюда, чтобы тихо, без тревог прожить свою старость, а не думать о Томе. Сколько лет прошло, как он умер, надо постараться

забыть его и все, что было на Земле.

— Верно, верно, — сказал он и снова потянулся к теплу. Его глаза смотрели на огонь. — Я больше не заговорю об этом. Просто, ну… очень уж недостает мне наших поездок в Грин-Лон-Парк по воскресеньям, когда мы клали цветы на его могилу. Ведь мы больше никуда не выезжали…

Голубой дождь ласковыми струями поливал дом.

В девять часов они легли спать; молча, рука в руке, лежали они, ему — пятьдесят пять, ей — шестьдесят, во мраке, наполненном шумом дождя.

— Энн, — тихо позвал он.

— Да? — откликнулась она.

— Ты ничего не слышала?

Они вместе прислушались к шуму ветра и дождя.

— Ничего, — сказала она.

— Кто-то свистел, — объяснил он.

— Нет, я не слышала.

— Пойду посмотрю на всякий случай.

Он надел халат и прошел через весь дом к наружной двери. Помедлив в нерешительности, толчком отворил ее, и холодные капли дождя ударили по его лицу. Дул ветер.

У крыльца стояла маленькая фигура.

Молния распорола небо, и мазок белого света выхватил из мрака лицо. Оно глядело на стоящего в дверях Лафаржа.

— Кто там? — крикнул старик, дрожа.

Молчание.

— Кто это? Что вам надо?

По-прежнему ни слова.

Он почувствовал страшную усталость, слабость, изнеможение.

— Кто ты такой? — крикнул Лафарж снова.

Жена подошла к нему сзади и взяла его за руку.

— Чего ты так кричишь?

— Какой-то мальчик стоит у крыльца и не хочет мне отвечать, — сказал старик, дрожа. — Он похож на Тома!

— Пойдем спать, тебе почудилось.

— Он и сейчас стоит, взгляни сама.

Лафарж отворил дверь шире, чтобы жене было видно. Холодный ветер, редкий дождь — и фигурка, глядящая на них задумчивыми глазами. Старая женщина прислонилась к притолоке.

— Уходи! — сказала она, отмахиваясь рукой. — Уходи!

— Скажешь, не похож на Тома? — спросил

старик.

Фигурка не двигалась.

— Мне страшно, — произнесла женщина. — Запри дверь, и пойдем спать. Не хочу, не хочу!..

И она ушла в спальню, причитая себе под нос.

Старик стоял на ветру, и руки его стыли от студеной влаги.

— Том, — тихо сказал он. — Том, на тот случай, если это ты, если это каким-то чудом ты, — я не стану запирать дверь. Если ты озяб и захочешь войти погреться, входи и ложись подле камина, там есть меховой коврик.

И он прикрыл дверь, не заперев ее.

Жена услышала, как он ложится, и зябко поежилась.

— Ужасная ночь. Я чувствую себя такой старой. — Она всхлипнула.

— Ладно, ладно, — ласково успокаивал он ее, обнимая. — Спи.

Наконец она уснула.

И тут его настороженный слух тотчас уловил: наружная дверь медленно-медленно отворилась, впуская дождь и ветер, потом затворилась. Лафарж услышал легкие шаги возле камина и слабое дыхание. «Том», — сказал он сам себе.

Молния полыхнула в небе и расколола мрак

на части.

Утром светило жаркое-жаркое солнце.

Лафарж распахнул дверь в гостиную и обвел ее быстрым взглядом.

На коврике никого не было. Лафарж вздохнул.

— Стар становлюсь, — сказал он.

И он пошел к двери, чтобы спуститься к каналу за ведром прозрачной воды для умывания. На пороге он чуть не сбил с ног юного Тома, который шел уже с полным до краев ведром.

— Доброе утро, отец!

— Доброе утро, Том.

Старик посторонился. Подросток пробежал босиком через комнату, поставил ведро и обернулся, улыбаясь.

— Чудесный день сегодня!

— Да, хороший, — настороженно отозвался старик.

Мальчик держался как ни в чем не бывало. Он стал умываться принесенной водой.

Старик шагнул вперед.

— Том, как ты сюда попал? Ты жив?

— А почему мне не быть живым? — Мальчик поднял глаза на отца.

— Но, Том… Грин-Лон-Парк, каждое воскресенье… цветы… и… — Лафарж вынужден был сесть.

Сын подошел к нему, остановился и взял его руку. Старик ощутил пальцы — крепкие, теплые.

— Ты в самом деле здесь, это не сон?

— Разве вы *не хотите,* чтобы я был здесь? — Мальчик встревожился.

— Что ты, Том, конечно, хотим!

— Тогда зачем спрашивать? Пришел, и все тут.

— Но твоя мать, такая неожиданность…

— Не беспокойся, все будет хорошо. Ночью я пел вам обоим, это поможет вам принять меня, особенно ей. Я знаю, как действует неожиданность. Погоди, она войдет, и убедишься сам.

И он рассмеялся, тряхнув шапкой кудрявых медно-рыжих волос. У него были очень голубые и ясные глаза.

— Доброе утро, Лаф и Том. — Мать вышла из дверей спальни, собирая волосы в пучок. — Правда, чудесный день?

Том повернулся к отцу, улыбаясь:

— Что я говорил?

Вместе, втроем, они замечательно позавтракали в тени за домом. Миссис Лафарж достала припрятанную впрок старую бутылку подсолнухового вина, и все немножко выпили. Никогда еще Лафарж не видел свою жену такой веселой. Если у нее и было какое-то сомнение насчет Тома,

то вслух она его не высказывала. Для нее все было в порядке вещей. И чем дальше, тем больше сам Лафарж проникался этим чувством.

Пока мать мыла посуду, он наклонился к сыну и тихонько спросил:

— Сколько же тебе лет теперь, сынок?

— Разве ты не знаешь, папа? Четырнадцать, конечно.

— А кто ты такой *на самом деле?* Ты не можешь быть Томом, но *кем-то* ты должен быть! Кто ты?

— Не надо. — Парнишка испуганно прикрыл лицо руками.

— Мне ты можешь сказать, — настаивал старик, — я пойму. Ты марсианин, наверно? Я тут слыхал разные басни про марсиан, правда, толком никто ничего не знает. Вроде бы их совсем мало осталось, а когда они появляются среди нас, то в облике землян. Вот и ты, если приглядеться: будто бы и Том, и не Том…

— Зачем, зачем это?! Чем я вам не хорош? — закричал мальчик, спрятав лицо в ладонях. — Пожалуйста, ну пожалуйста, не надо сомневаться во мне!

Он вскочил на ноги и ринулся прочь от стола.

— Том, вернись!

Но мальчик продолжал бежать вдоль канала

к городу.

— Куда это он? — спросила Энн; она пришла за остальными тарелками.

Она посмотрела в лицо мужу.

— Ты что-нибудь сказал, напугал его?

— Энн, — заговорил он, беря ее за руку, — Энн, ты помнишь Грин-Лон-Парк, помнишь ярмарку и как Том заболел воспалением легких?

— Что ты *такое* говоришь? — Она рассмеялась.

— Так, ничего, — тихо ответил он.

Вдали, у канала, медленно оседала пыль, поднятая ногами бегущего Тома.

В пять часов вечера, на закате, Том возвратился. Он настороженно поглядел на отца.

— Ты опять начнешь меня расспрашивать?

— Никаких вопросов, — сказал Лафарж.

Блеснула белозубая улыбка.

— Вот это здорово.

— Где ты был?

— Возле города. Чуть не остался там. Меня чуть… — Он замялся, подбирая нужное слово. — Я чуть не попал в западню.

— Что ты хочешь этим сказать — «в западню»?

— Там, возле канала, есть маленький железный дом, и когда я шел мимо него, то меня чуть было не заставили… после этого я не смог бы вер-

нуться сюда, к вам. Не знаю, как вам объяснить, нет таких слов, я не умею рассказать, я и сам не понимаю, это так странно, мне не хочется об этом говорить.

— И не надо. Иди-ка лучше умойся. Ужинать пора.

Мальчик побежал умываться.

А минут через десять на безмятежной глади канала показалась лодка, подгоняемая плавными толчками длинного шеста, который держал в руках долговязый худой человек с черными волосами.

— Добрый вечер, брат Лафарж, — сказал он, придерживая лодку.

— Добрый вечер, Саул, что слышно?

— Всякое. Ты ведь знаешь Номленда — того, что живет в жестяном сарайчике на канале?

Лафарж оцепенел:

— Знаю, ну и что?

— А какой он негодяй был, тоже знаешь?

— Говорили, будто он потому Землю покинул, что человека убил.

Саул оперся о влажный шест, внимательно глядя на Лафаржа.

— А помнишь фамилию человека, которого он убил?

— Гиллингс, кажется?

— Точно, Гиллингс. Ну так вот, часа этак два тому назад этот Номленд прибежал в город с криком, что видел Гиллингса — живьем, здесь, на Марсе, сегодня, только что! Просился в тюрьму, чтобы его спрятали туда от Гиллингса. Но в тюрьму его не пустили. Тогда Номленд пошел домой и двадцать минут назад — люди мне рассказали — пустил себе пулю в лоб. Я как раз оттуда.

— Ну и ну! — сказал Лафарж.

— Вот какие дела-то бывают! — подхватил Саул. — Ладно, Лафарж, пока, спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Лодка заскользила дальше по тихой глади канала.

— Ужин на столе! — крикнула миссис Лафарж.

Мистер Лафарж сел на свое место и, взяв нож, поглядел через стол на Тома.

— Том, — сказал он, — ты что делал сегодня вечером?

— Ничего, — ответил Том с полным ртом. — А что?

— Да нет, я так просто. — Старик засунул уголок салфетки за ворот сорочки.

В семь часов вечера миссис Лафарж собралась в город.

— Уж который месяц не была там, — сказала она.

Том отказался идти.

— Я боюсь города, — объявил он. — Боюсь людей. Мне не хочется.

— Большой парень — и такие разговоры! — настаивала Энн. — Слушать не хочу. Пойдешь с нами. Я так решила.

— Но, Энн, если мальчику не хочется… — вступился старик.

Однако миссис Лафарж была неумолима. Она чуть не силой втащила их в лодку, и все вместе отправились в путь по каналу под вечерними звездами. Том лежал на спине, закрыв глаза, и никто не сказал бы, спит он или нет. Старик пристально глядел на него, размышляя. «Кто же это, — думал он, — что за создание, жаждущее любви не меньше нас? Кто он и что он — пришел, спасаясь от одиночества, в круг чуждых ему существ, приняв голос и облик людей, которые жили только в нашей памяти, чтобы остаться среди нас и обрести наконец свое счастье в нашем признании? С какой он горы, из какой пещеры, отпрыск какого народа, еще населявшего этот мир, когда прилетели ракеты с Земли?» Лафарж покачал головой. Этого не узнать. А так с какой

стороны ни посмотри — он Том, и все тут.

Старик перевел взгляд на приближающийся город и почувствовал неприязнь к нему. Но затем он опять стал думать о Томе и Энн и сказал себе: «Может быть, и неправильно это — оставить у себя Тома, хоть ненадолго, если все равно не выйдет ничего, кроме беды и горя… Но как отказаться от того, о чем мы так мечтали, пусть это всего на один день, и он потом исчезнет, и пустота станет еще невыносимей, темные ночи — еще темней, дождливые ночи — еще сырей… Лишать нас этого — все равно что попытаться вырвать у нас кусок изо рта…»

И он поглядел на парнишку, который так безмятежно дремал на дне лодки. Тот всхлипнул; верно, что-то приснилось.

— Люди, — бормотал Том во сне. — Меняюсь и меняюсь… Капкан…

— Полно, полно, парень.

Лафарж погладил его мягкие кудри, и Том успокоился.

Лафарж помог жене и сыну выйти из лодки на берег.

— Ну вот и приехали! — Энн улыбнулась ярким огням, слушая музыку из таверн, звуки пианино и патефонов, любуясь парочками, которые гуля-

ли под руку по оживленным улицам.

— Лучше бы я остался дома, — сказал Том.

— Прежде ты так не говорил, — возразила мать. — Тебе всегда нравилось в субботу вечером поехать в город.

— Держитесь ко мне поближе, — прошептал Том. — Я не хочу, чтоб меня поймали.

Энн услышала эти слова.

— Что ты там болтаешь, пошли!

Лафарж заметил, что пальцы мальчика льнут к его ладони, и крепко стиснул их.

— Я с тобой, Томми. — Он поглядел на снующую мимо толпу, и ему тоже стало не по себе. — Мы не будем задерживаться долго.

— Вздор! — вмешалась Энн. — Мы на весь вечер приехали.

Переходя улицу, они наткнулись на тройку пьяных. Их затолкали, закрутили, оторвали друг от друга; оглядевшись, Лафарж окаменел.

Тома не было.

— Где он? — сердито спросила Энн. — Что за манера — чуть что, куда-то удирать от родителей! Том!!

Мистер Лафарж бегал кругом, расталкивая прохожих, но Тома нигде не было.

— Вернется, вот увидишь, будет ждать возле

лодки, когда мы поедем домой, — уверенно произнесла Энн, увлекая мужа по направлению к кинотеатру.

Вдруг в толпе произошло какое-то замешательство, и мимо Лафаржа пробежали двое — мужчина и женщина. Он узнал их: Джо Сполдинг с женой. Они исчезли прежде, чем Лафарж успел заговорить с ними.

Встревоженно озираясь, он купил билеты и безропотно потащился за женой в постылую темноту кинозала.

В одиннадцать часов Тома у причала не было.

— Ничего, мать, — сказал Лафарж, — ты только не волнуйся. Я найду его. Подожди здесь.

— Поскорее возвращайтесь.

Ее голос утонул в плеске воды.

Он шел по ночным улицам, сунув руки в карманы. Один за другим гасли огни. Кое-где из окон еще высовывались люди — ночь была теплая, хотя в небе все еще плыли среди звезд обрывки грозовых туч. Лафарж вспомнил, как мальчик постоянно твердил что-то насчет западни, как он боялся толпы, городов. «Что за нелепость, — устало подумал старик. — Наверно, парень ушел навсегда. А может, его и вовсе не было…» Лафарж свернул в переулок, скользя взглядом по номерам

домов.

— Это ты, Лафарж?

На крыльце, куря трубку, сидел мужчина.

— Привет, Майк.

— Что, повздорил с хозяйкой? Вышел проветриться, нервы успокоить?

— Да нет, просто гуляю.

— У тебя такой вид, словно ты что-то ищешь. Да, к слову о находках. Ведь сегодня вечером кое-кто нашелся. Джо Сполдинга знаешь? Помнишь его дочь, Лавинию?

— Помню. — Лафарж похолодел. Это было как сон, который снится во второй раз. Он в точности знал, что будет сказано дальше.

— Лавиния вернулась домой сегодня вечером, — сказал Майк, выпуская дым. — Помнишь, она с месяц назад заблудилась на дне мертвого моря? Потом нашли тело, вроде бы ее, да очень уж изуродовано было… С тех пор Сполдинги были словно не в себе. Джо ходил и все твердил, что она жива, не ее это тело. И вот, выходит, он был прав. Сегодня Лавиния объявилась.

— Где? — Лафаржу стало трудно дышать, сердце отчаянно заколотилось.

— На Главной улице. Сполдинги как раз покупали билеты в кино. Вдруг видят в толпе Лавинию.

Вот сцена была, воображаю! Сперва-то она их не узнала. Они квартала три шли за ней, все говорили, говорили. Наконец она вспомнила.

— И ты ее видел?

— Нет, но я слышал ее голос. Помнишь, она любила петь «Чудный брег Ломондского озера»? Ну так вот, я только что слышал, как она эту песню отцу пела, вон их дом. Так она пела — заслушаешься! Славная девочка. Я как узнал, что она погибла, — вот ведь беда, подумал, вот несчастье. А теперь вернулась, и так на душе хорошо. Э, да тебе вроде нездоровится. Зайди-ка, глотни виски!

— Спасибо, Майк, не хочу.

Старик побрел прочь.

Он слышал, как Майк пожелал ему доброй ночи, но не ответил, а устремил взгляд на двухэтажный дом, высокую хрустальную крышу которого устилали пышные кисти алых марсианских цветов. Над садом навис балкон с витой железной решеткой, в окнах второго этажа горел свет. Было очень поздно, но он все-таки подумал: «Что будет с Энн, если я не приведу Тома? Новый удар — снова смерть, — как она это перенесет? Вспомнит первую смерть?.. И весь этот сон наяву? И это внезапное исчезновение? Господи, я должен

найти Тома, ради Энн! Бедняжка Энн, она ждет его на пристани…»

Он поднял голову. Где-то наверху голоса желали доброй ночи другим ласковым голосам, хлопали двери, гас свет, и все время слышалась негромкая песня. Мгновение спустя на балкон вышла прехорошенькая девушка лет восемнадцати.

Лафарж окликнул ее, преодолевая голосом сильный ветер.

Девушка обернулась, глянула вниз.

— Кто там? — крикнула она.

— Это я, — сказал старик и, сообразив, как странно, нелепо ответил ей, осекся, только губы продолжали беззвучно шевелиться.

Крикнуть: «Том, сынок, это твой отец»? Как заговорить с ней? Она ведь примет его за сумасшедшего и позовет родителей.

Девушка перегнулась через перила в холодном, неверном свете.

— Я вас знаю, — мягко ответила она. — Пожалуйста, уходите, вы тут ничего не можете поделать.

— Ты должен вернуться! — Слова сами вырвались у Лафаржа, прежде чем он смог их удержать.

Освещенная луной фигурка наверху отступила

в тень и пропала, только голос остался.

— Теперь я больше не твой сын, — сказал голос. — Зачем только мы поехали в город…

— Энн ждет на пристани!

— Простите меня, — ответил тихий голос. — Но что я могу поделать? Я счастлива здесь, меня любят — как любили вы. Я то, что я есть, беру то, что дается. Поздно: они взяли меня в плен.

— Но подумай об Энн, какой это будет удар для нее…

— Мысли в этом доме чересчур сильны, я словно в заточении. Я не могу перемениться сама.

— Но ведь ты же Том, это *ты* была Томом, верно? Или ты издеваешься над стариком — может быть, на самом деле ты Лавиния Сполдинг?

— Я ни то ни другое, я — только я. Но везде, куда я попадаю, я еще и нечто другое, и сейчас вы не в силах изменить этого нечто.

— Тебе опасно оставаться в городе. У нас на канале лучше, там никто тебя не обидит, — умолял старик.

— Верно… — Голос звучал нерешительно. — Но теперь я обязана считаться с этими людьми. Что будет с ними, если утром окажется, что я снова исчезла — уже навсегда? Правда, мама-то знает, кто я, — догадалась, как и вы. Мне кажется, они

все догадались, только не хотят спрашивать. Провидению не задают вопросов. Если действительность недоступна, чем плоха тогда мечта? Пусть я не та, которую они потеряли, для них я даже нечто лучшее — идеал, созданный их мечтой. Передо мной теперь стоит выбор: либо причинить боль им, либо вашей жене.

— У них большая семья, их пятеро. Им легче перенести утрату!

— Прошу вас, — голос дрогнул, — я устала.

Голос старика стал тверже.

— Ты должен пойти со мной. Я не могу снова подвергать Энн такому испытанию. Ты наш сын. Ты мой сын, ты принадлежишь нам.

— Не надо, пожалуйста! — Тень на балконе трепетала.

— Тебя ничто не связывает с этим домом и его обитателями!

— О, что вы делаете со мной!

— Том, Том, сынок, послушай меня. Вернись к нам скорей, ну, спустись по этим лианам. Пошли, Энн ждет, у тебя будет настоящий дом, все, чего ты захочешь.

Лафарж не отрывал пристального взгляда от балкона, желая, желая, чтобы свершилось…

Тени колыхались, шелестели лианы.

Наконец тихий голос произнес:

— Хорошо, отец.

— Том!

В свете луны вниз по лианам скользнула юркая мальчишеская фигурка. Лафарж поднял руки — принять ее.

В окнах вверху вспыхнуло электричество.

Чей-то голос вырвался из-за узорной решетки:

— Кто там?

— Живей, парень!

Еще свет, еще голоса.

— Стой, я буду стрелять! Винни, ты цела?

Топот спешащих ног…

Старик и мальчик пустились бежать через сад. Раздался выстрел. Пуля ударила в стену возле самой калитки.

— Том, ты — в ту сторону! Я побегу сюда, запутаю их. Беги к каналу, через десять минут встретимся там! Давай!

Они побежали в разные стороны.

Луна скрылась за тучей. Старик бежал в полной темноте.

— Энн, я здесь!

Она, дрожа, помогла ему спуститься в лодку.

— Где Том?

— Сейчас прибежит.

Они смотрели на тесные улочки и спящий город. Еще появлялись запоздалые прохожие: полицейский, ночной сторож, пилот ракеты, одинокие мужчины, идущие домой после ночного свидания, четверо мужчин и женщин, которые, смеясь, вышли из бара… Где-то приглушенно звучала музыка.

— Почему его нет? — спросила мать.

— Сейчас, сейчас.

Но Лафарж уже не был уверен. Что, если парнишку опять перехватили — где-то, каким-то образом, — пока он спешил к пристани, бежал полуночными улицами между темных домов? Конечно, бежать было далеко, даже для мальчика, но все-таки Том должен был поспеть раньше его…

Вдруг вдали, на залитой лунным светом улице, показалась бегущая фигурка.

Лафарж вскрикнул, но тотчас заставил себя замолчать: оттуда же, издали, доносились другие голоса, топот других ног. В окнах, словно по цепочке, вспыхнули огни. Одинокая фигурка вырвалась на широкую площадь перед причалом. Это был не Том, а просто бегущее существо с серебристым лицом, которое блестело, переливалось, освещенное многочисленными шарами

фонарей. Но чем ближе подбегало оно, тем все более знакомым становилось, и, когда фигурка достигла причала, это был уже Том! Энн всплеснула руками, Лафарж поспешно отчалил. Но было уже поздно.

Потому что из улицы на безмолвную площадь выбежал мужчина… еще один… женщина, еще двое мужчин, мистер Сполдинг. Они остановились в замешательстве. Они озирались по сторонам, и им хотелось вернуться домой: ведь это… это был явный кошмар, безумие какое-то, ну конечно! И, однако же, они продолжали погоню, поминутно останавливаясь в нерешительности и вновь припускаясь бежать.

Да, было уже поздно. Пришел конец этому необычайному вечеру, необычайному событию. Лафарж крутил в руках чалку. Ему было очень холодно и одиноко. В лунном свете было видно, как бежали, спешили люди, выпучив глаза, торопливо вскидывая ноги, и вот уже все они, вся десятка, стоят у причала. Они яростно уставились на лодку. Они кричали.

— Ни с места, Лафарж! — Сполдинг держал в руке пистолет.

Теперь было ясно, что произошло… Том один, обгоняя прохожих, мчится по освещенным луной

улицам. Полицейский замечает промелькнувшую фигуру. Круто обернувшись, всматривается в лицо, кричит какое-то имя, бросается вдогонку. «Эй, стой!» Он увидел известного преступника. И так всю дорогу, кто бы ни встретился. Мужчина ли, женщина, ночной сторож или пилот ракеты — для каждого бегущая фигура была кем угодно. В ней воплощались для них любой знакомый, любой образ, любое имя… Сколько разных имен было произнесено за последние пять минут!.. Сколько лиц угадано в лице Тома — и все ложно!

Вдоль всего пути — преследуемый и преследователи, мечта и мечтатели, дичь и псы. Вдоль всего пути: нежданное открытие, блеск знакомых глаз, выкрик полузабытого имени, воспоминания о давних временах — и растет, растет толпа, бегущая по его следам. Каждый срывался с места и спешил вдогонку, едва проносилось мимо — словно лик, отраженный десятком тысяч зеркал, десятком тысяч глаз, — бегущее видение, лицо, одно для тех, кто впереди, иное для тех, кто позади, и другое, новое, для тех, кто еще попадется ему на пути, кто еще не видел.

«И вот они все здесь, у лодки, и каждый хочет один завладеть мечтой — как мы хотим, чтобы это был только Том, ни Лавиния, ни Роджер, ни

кто-либо еще, — подумал Лафарж. — Но теперь этому не бывать. Слишком далеко все зашло».

— Выходите из лодки, ну! — скомандовал Сполдинг.

Том поднялся на пристань. Сполдинг схватил его за руку.

— Ты пойдешь к нам домой. Я *все* знаю.

— Стой, — вмешался полицейский, — он арестован! Его фамилия Декстер, разыскивается за убийство.

— Нет, нет! — всхлипнула женщина. — Это мой муж! Что уж, я своего мужа не знаю?!

Другие голоса твердили свое. Толпа напирала. Миссис Лафарж заслонила собой Тома.

— Это мой сын, у вас нет никакого права обвинять его в чем-либо! Нам надо ехать домой!

А Тома безостановочно била дрожь. Он выглядел тяжелобольным. Толпа все напирала, протягивая нетерпеливые руки, ловя его, хватая.

Том закричал.

Он менялся на глазах у всех. Это был Том, и Джеймс, и человек по фамилии Свичмен, и другой, по фамилии Баттерфилд; это был мэр города, и девушка по имени Юдифь, и муж Уильям, и жена Кларисса. Он был словно мягкий воск, послушный их воображению. Они орали, насту-

пали, взывали к нему. Он тоже кричал, простирая к ним руки, и каждый призыв заставлял его лицо преображаться.

— Том! — звал Лафарж.

— Алиса! — звучал новый зов.

— Уильям!

Они хватали его за руки, тянули к себе, пока он не упал, испустив последний крик ужаса.

Он лежал на камнях — застывал расплавленный воск, и его лицо было как все лица, один глаз голубой, другой золотистый, волосы каштановые, рыжие, русые, черные, одна бровь косматая, другая тонкая, одна рука большая, другая маленькая.

Они стояли над ним, прижав палец к губам. Они наклонились.

— Он умер, — сказал кто-то наконец.

Пошел дождь.

Капли падали на людей, и люди посмотрели на небо.

Они отвернулись и сперва медленно, потом все быстрее пошли прочь, а потом бросились бежать в разные стороны. Только мистер и миссис Лафарж, объятые ужасом, стояли на месте, держась за руки, и глядели на него.

Дождь поливал обращенное вверх лицо, в кото-

ром не осталось ни одной знакомой черты.

Энн молча начала плакать.

— Поехали домой, Энн, тут уж ничего не поделаешь, — сказал старик.

Они спустились в лодку и заскользили во мраке по каналу. Они вошли в свой дом, и развели огонь в камине, и согрели над ним руки. Они пошли спать и лежали вместе, продрогшие, изможденные, слушая, как снова стучит по крыше дождь.

— Тсс, — вдруг произнес Лафарж среди ночи. — Ты ничего не слышала?

— Нет, ничего…

— Я все-таки погляжу.

Он пересек на ощупь темную комнату и долго стоял возле наружной двери, прежде чем отворить.

Наконец распахнул ее настежь и выглянул наружу.

Дождь с черного неба поливал пустой двор, поливал канал, поливал склоны синих гор.

Он подождал минут пять, потом мокрыми руками медленно затворил дверь и задвинул засов.

Ноябрь 2036
«Дорожные товары»

Уж очень далекой она показалась, эта новость, которую владелец магазина дорожных товаров услышал вечером по радио, когда модулированный световой луч принес последние известия с Земли. Просто непостижимо.

На Земле назревала война.

Он вышел и посмотрел на небо.

Вот она, Земля, на вечернем небосводе, догоняет закатившееся за горы солнце. Эта зеленая звезда и есть то, о чем говорило радио.

— Не могу поверить, — сказал лавочник.

— Это потому, что вы не там, — заметил отец Перегрин, он подошел поздороваться.

— Как это понять, святой отец?

— Вот так же было, когда я был мальчишкой, — сказал отец Перегрин. — Мы слышали о войнах в Китае. Но нам не верилось. Это было слишком далеко. И слишком много людей там погибало. Невозможно себе представить. Даже когда мы смотрели фильмы оттуда, нам не верилось. Так и теперь. Земля — тот же Китай. Слишком далеко,

вот и не верится. Это не здесь, не у нас. Не то что пощупать, даже разглядеть нельзя. Зеленый огонек — вот все, что мы видим. И на этом зеленом огоньке живет два миллиарда людей? Невероятно! Война? Но мы не слышим взрывов.

— Услышим, — сказал лавочник. — Я вот все думаю о тех людях, которые должны прилететь сюда на этой неделе. Как там передавали про них? В течение ближайшего месяца на Марс прибудет около ста тысяч человек — так, кажется. Что с *ними* будет, если начнется война?

— Повернут назад, наверно.

— Н-да, — сказал лавочник. — Ладно, пойду-ка я сотру пыль с чемоданов. Того и гляди покупатели нагрянут.

— Думаете, если это *та* Большая война, которой мы ждали много лет, все захотят вернуться на Землю?

— Вот именно, святой отец: как это ни странно, я думаю, мы *все* захотим вернуться. Конечно, мы прилетели сюда, спасаясь от политики, от атомной бомбы, войны, влиятельных клик, предрассудков, законов. Все это мне известно. Но родина-то все-таки там. Вот увидите. Как только на Америку упадет первая бомба, здешний народ призадумается. Слишком мало они тут прожили

— каких-нибудь два года. Если бы лет сорок, тогда другое дело, а сейчас ведь у них на Земле родня, города, в которых они выросли. Я-то, можно сказать, в Землю даже не верю, для меня она будто бы и не существует. Но я старик, от меня все равно никакого проку. Я могу и тут остаться.

— Вряд ли.

— Пожалуй, что вы правы.

Они стояли на террасе, глядя на звезды. Потом отец Перегрин достал из кармана деньги и подал их хозяину магазина.

— Кстати, подберите-ка мне чемодан. А то мой старый очень уж истрепался…

Ноябрь 2036
Мертвый сезон

Сэм Паркхилл лихо махал метлой, выметая голубой марсианский песок.

— Вот и все! — сказал он. — Прошу, сэр, полюбуйтесь! — Он показал рукой. — Взгляните на вывеску: «ГОРЯЧИЕ СОСИСКИ СЭМА»! Красота — правда, Эльма?

— Правда, Сэм, — подтвердила его супруга.

— Во куда я махнул! Увидели бы меня теперь ребята из Четвертой экспедиции. Слава богу, свое дело завел, а они все еще солдатскую лямку тянут. Мы будем тысячи загребать, Эльма, тысячи!

Жена смотрела на него и молчала.

— Куда девался капитан Уайлдер? — спросила она наконец. — Твой командир, который убил этого типа, ну, что задумал всех землян перебить, — как его фамилия?..

— Этого психа-то? Спендер. Чистоплюй проклятый! Да, насчет капитана Уайлдера… На Юпитер полетел, говорят. С повышением, так сказать. Сдается мне, Марс и ему тоже в голову ударил. Раздражительный больно стал, не дай бог. Лет

через двадцать вернется с Юпитера и Плутона, если повезет. Будет знать, как трепать языком. Вот так-то — он там от мороза сдыхает, а я тут смотри что наворочал! Местечко-то какое!

Два заброшенных шоссе встречались здесь и вновь расходились, исчезая во мраке. У самого перекрестка Сэм Паркхилл воздвиг из вздувшегося заклепками алюминия сооружение, залитое ослепительным белым светом и дрожащее от рева автомата-радиолы.

Он нагнулся, чтобы поправить окаймляющий дорожку бордюр из битого стекла. Стекло он выломал в старинных марсианских зданиях в горах.

— Лучшие горячие сосиски на двух планетах! Первый торговец сосисками на Марсе! Лук, перец, горчица — все лучшего качества! Что-что, а растяпой меня не назовешь! Вот вам две магистрали, вон мертвый город, а вон там рудники. Грузовики из Сто первого сеттльмента будут идти мимо нас двадцать четыре часа в сутки. Скажешь, плохое я место выбрал?

Жена разглядывала свои ногти.

— Ты думаешь, эти десять тысяч новых ракет с рабочими прилетят на Марс? — сказала она наконец.

— Не пройдет и месяца, — уверенно ответил он. — Чего ты кривишься?

— Не очень-то я полагаюсь на эту публику там, на Земле, — ответила она. — Вот когда сама увижу десять тысяч ракет и сто тысяч мексиканцев и китайцев, тогда и поверю.

— Покупателей. — Он посмаковал это слово. — Сто тысяч голодных клиентов!

— Только бы не было атомной войны, — медленно произнесла жена, глядя на небо. — Эти атомные бомбы мне покою не дают. Их уже столько накопилось на Земле, всякое может случиться.

Сэм только фыркнул в ответ и продолжал подметать.

Уголком глаза он уловил голубое мерцание. Что-то бесшумно парило в воздухе за его спиной. Он услышал голос жены:

— Сэм, тут к тебе приятель явился.

Сэм повернулся и увидел качающуюся на ветру маску.

— Опять пришел! — Сэм взял метлу наперевес.

Маска кивнула. Она была сделана из голубоватого стекла и венчала тонкую шею, ниже которой развевалось одеяние из тончайшего желтого шелка. Из шелка торчали две серебряные руки,

прозрачные, как сетка. На месте рта у маски была узкая прорезь, из нее вырывались мелодичные звуки, а руки, маска, одежда то всплывали вверх, то опускались.

— Мистер Паркхилл, я опять пришел поговорить с вами, — произнес голос из-под маски.

— Тебе же сказано, чтобы духу твоего здесь не было! — гаркнул Сэм. — Убирайся, не то Болезнь напущу!

— У меня уже была Болезнь, — ответил голос. — Я один из немногих, кто выжил. Я очень долго болел.

— Убирайся в свои горы и сиди там, где тебе положено. Чего ты сюда ходишь, пристаешь ко мне? Ни с того ни с сего. Да еще по два раза на день.

— Мы не причиним вам зла.

— Зато я вам причиню! — сказал Сэм, пятясь. — Я иностранцев не люблю. И марсиан не люблю. До сих пор ни одного не видел. Вообще чертовщина какая-то! Столько лет сидели где-то, прятались, и вдруг, на тебе, я им понадобился. Оставьте меня в покое.

— У нас к вам важное дело, — сказала голубая маска.

— Если это насчет участка, то он мой. Я построил сосисочную собственными руками.

— В известном смысле *да*, по поводу участка.

— Ну вот что, послушай-ка меня, — ответил Сэм. — Я сам из Нью-Йорка. Это огромный город; там еще десять миллионов таких, как я. А вас, марсиан, всего дюжина-другая осталась. Городов у вас нет, бродите по горам, ни властей, ни законов, и ты еще начинаешь мне про участок толковать. Заруби себе на носу: старое должно уступать место новому. Лучше разойдемся полюбовно. При мне пистолет, вот он. Нынче утром, как ты ушел, я сразу его достал и зарядил.

— Мы, марсиане, — телепаты, — сказала бесстрастная голубая маска. — У нас есть связь с одним из ваших городов по ту сторону мертвого моря. Вы сегодня слушали радио?

— Мой приемник скис.

— Значит, вам ничего не известно. Очень важные новости. Это касается Земли.

Серебряная рука сделала движение, и в ней появилась бронзовая трубка.

— Позвольте показать вам вот это.

— Пистолет! — вскричал Сэм Паркхилл.

Выхватив из кобуры свой пистолет, он открыл огонь по туманному силуэту, по одеждам, по голубой маске.

Маска на миг застыла в воздухе. Потом шелк

зашуршал и мягко, складка за складкой, опал, будто крохотный цирковой шатер, у которого выбили стойки, серебряные руки тренькнули о мощеную дорожку, и маска накрыла безгласную маленькую кучку белых костей и ткани.

У Сэма перехватило дыхание.

Его жена, пошатываясь, стояла над останками марсианина.

— Это не оружие, — сказала она, нагибаясь и поднимая бронзовую трубку. — Это, видно, письмо. Он его хотел показать тебе. Оно написано какой-то змеиной азбукой, видишь — все одни голубые змеи. Не умею читать эти знаки. А ты?

— Нет. Что в них проку-то было, в этих марсианских пиктограммах? Брось ее! — Он воровато оглянулся по сторонам. — Ну как другие еще нагрянут! Надо убрать его с глаз долой. Неси-ка лопату!

— Что ты собираешься делать?

— Закопать его, что же еще?

— Не надо было убивать его.

— Ну, ошибся, подумаешь. Пошевеливайся!

Она молча принесла ему лопату.

К восьми часам Сэм Паркхилл вернулся и принялся виновато мести площадку перед сосисочной. Жена стояла в залитых светом дверях,

сложив руки на груди.

— Жаль, конечно, что так получилось, — сказал он. Поглядел на жену, отвел глаза в сторону. — Сама видела, это случайно вышло, стечение обстоятельств.

— Да, — сказала жена.

— Меня такое зло взяло, когда он достал оружие.

— Какое оружие?

— Ну, мне показалось, что оружие! Я сожалею, сожалею! Сколько раз еще надо повторять!

— Тсс, — произнесла Эльма, поднося палец к губам. — Тсс.

— А мне наплевать, — сказал он. — Я не один — вся компания «Сеттльменты землян, Инкорпорейтед» вступится, если что! — Он презрительно фыркнул: — Да эти марсиане и не посмеют…

— Смотри, — перебила его Эльма.

Сэм поглядел в сторону сухого моря. Он выронил из рук метлу, потом поднял ее; рот его был разинут, и крохотная капелька слюны сорвалась с губы и улетела по ветру. Его вдруг кинуло в дрожь.

— Эльма, Эльма, Эльма! — вырвалось у него.

— Вот они и пришли, — сказала Эльма.

По дну древнего моря, словно голубые призра-

ки, голубые дымки, скользили десять-двенадцать высоких марсианских песчаных кораблей под голубыми парусами.

— Песчаные корабли! Но ведь их уже нет, Эльма, их не осталось.

— И все-таки это, похоже, их корабли, — сказала она.

— Как же так? Власти же их конфисковали! И все разломали, только несколько штук продали с аукциона! Во всей нашей округе я один купил эту посудину и знаю, как ее водить!

— Не осталось... — повторила она, кивая в сторону моря.

— Живо, нам надо убраться отсюда!

— Почему? — протяжно спросила она, завороженно глядя на марсианские корабли.

— Они убьют меня! В машину, скорей!

Эльма не двигалась с места.

Ему пришлось силой увести ее за сосисочную. Здесь стояли две машины: грузовик, на котором он постоянно разъезжал до недавнего времени, и старый марсианский песчаный корабль, который он потехи ради выторговал на аукционе. Последние три недели он возил на нем всякие грузы из-за моря, по гладкому дну. Только взглянув на грузовик, он вспомнил. Мотор лежал на земле

— он уже два дня возился с его ремонтом.

— Грузовик вроде не на ходу, — заметила Эльма.

— Песчаный корабль! Садись скорей!

— Чтобы ты вез меня на этом корабле? О нет.

— Садись! Я умею!

Он втолкнул ее, вскочил следом и дернул руль, подставляя кобальтовый парус вечернему бризу.

Под яркими звездами голубые марсианские корабли стремительно скользили по шуршащим пескам. Корабль Сэма не двигался с места, пока он не вспомнил про якорь и не рванул его.

— Есть!

И сильный ветер помчал песчаный корабль по дну мертвого моря, над поглощенными песком глыбами хрусталя, мимо поваленных колонн, мимо заброшенных пристаней из мрамора и меди, мимо белых шахматных фигурок мертвых городов, мимо пурпурных предгорий и дальше, дальше… Очертания марсианских кораблей становились все меньше.

— Лихо я им нос утер! — крикнул Сэм. — А сейчас я заявлю в «Ракетную компанию», и мне дадут охрану. Скажи, что у меня не варит котелок!

— Они могли задержать тебя, если бы захотели, — устало ответила Эльма. — Просто им это не

очень нужно.

Он засмеялся:

— Брось! С чего это им отпускать меня? Не догнали, вот и все!

— Не догнали? — Эльма кивком указала за его спину.

Сэм не обернулся. Его обдало холодом. Он боялся оглянуться. Он ощутил нечто там, на сиденье, за своей спиной, нечто эфемерное, как дыхание человека студеным утром, и голубое, словно плывущий в сумерках дым над горячими чурками гикори, нечто, подобное старинным белым кружевам и летучему снегу, напоминающее иней на хрупком камыше.

Послышался звук, будто разбилось тонкое стекло: смех. И снова молчание. Он обернулся.

На корме, близ руля, спокойно сидела молодая женщина. Кисти рук тонкие, как сосульки, глаза яркие и большие, как луны, светлые, спокойные. Ветер овевал ее, и она колыхалась, совсем как отражение на воде, и складки шелка, как струи голубого дождя, порхали вокруг ее хрупкого тела.

— Поверните назад, — сказала она.

— Нет. — Сэма трясло мелкой трусливой дрожью, он дрожал, словно шершень, висящий в воздухе, он колебался на грани между страхом и

злобой. — Прочь с моего корабля!

— Это не ваш корабль, — ответило видение. — Он такой же древний, как наш мир. Он ходил по пескам еще десять тысяч лет назад, когда моря улетучились и пристани опустели, а вы, пришельцы, похитили его, забрали себе. Но поверните же и возвратитесь к перекрестку. Нам нужно поговорить с вами. Произошло нечто очень важное.

— Прочь с моего корабля! — сказал Сэм. Кожаная кобура скрипнула, когда он вытащил пистолет. Он тщательно прицелился. — Прыгай, считаю до трех…

— Не надо! — вскричала девушка. — Я вам ничего дурного не сделаю. И другие тоже. Мы пришли с миром!

— Раз, — молвил Сэм.

— Сэм, — сказала Эльма.

— Выслушайте меня, — просила девушка.

— Два, — жестко произнес Сэм, взводя курок.

— Сэм! — крикнула Эльма.

— Три, — сказал Сэм.

— Мы только… — начала девушка.

Пистолет выстрелил.

В лучах солнца тает снег, кристаллики превращаются в пар, в ничто. В пламени очага пляшут

и пропадают химеры. В кратере вулкана распадается, исчезает все хрупкое и непрочное. От выстрела, от огня, от удара девушка распалась, как легкий газовый шарф, растаяла, будто ледяная статуэтка. А все, что от нее осталось — льдинки, снежинки, дым, — унесло ветром. Кормовое сиденье опустело.

Сэм убрал пистолет в кобуру, избегая глядеть на жену.

Целую минуту слышен был лишь шелестящий бег корабля по песчаному морю, залитому лунным сиянием.

— Сэм, — сказала она наконец, — останови корабль.

Он обратил к ней бледное лицо.

— Нет, не бывать этому. После стольких лет ты меня не бросишь.

Она посмотрела на его руку, лежащую на рукоятке пистолета.

— Что ж, я верю, ты способен, — сказала она. — От тебя этого можно ждать.

Он замотал головой, сжимая пальцами руль.

— Эльма, не дури. Сейчас мы приедем в город и будем в безопасности!

— Да-да, — ответила его жена, безучастно откинувшись на спину.

— Эльма, выслушай меня.

— Тебе нечего сказать, Сэм.

— Эльма!

Они проносились мимо белого шахматного городка, и, одержимый бессильной яростью, Сэм выпустил одну за другой шесть пуль по хрустальным башням. Под грохот выстрелов город рассыпался ливнем старинного стекла и обломков кварца. Разбился вдребезги, растворился, будто он был вырезан из мыла. Города не стало. Сэм рассмеялся и выстрелил еще раз. Последняя башня, последняя шахматная фигурка загорелась, вспыхнула и взлетела голубыми черепками к звездам.

— Я им покажу! Я всем покажу!

— Давай, давай, Сэм, показывай.

Глухая тень скрывала ее лицо.

— А вот еще город! — Сэм снова зарядил пистолет. — Погляди, как я с ним расправлюсь!

А сзади стремительно надвигались, неумолимо вырастали контуры голубых кораблей-призраков. Сначала он даже не увидел их, только услышал свист и завывающую высокую ноту, будто сталь скрипела по песку: это бритвенно-острые носы песчаных кораблей резали поверхность морского дна. На голубых кораблях под красными

и голубыми вымпелами стояли синие фигуры, люди в масках, люди с серебристыми лицами, с голубыми звездами вместо глаз, с лепными ушами из золота, отливающими металлом щеками и рубиновыми губами. Они стояли, скрестив руки на груди. Это были марсиане, и они преследовали его.

Раз, два, три… Сэм считал. Марсианские корабли подошли вплотную к нему.

— Эльма, Эльма, я не отобьюсь от всех!

Эльма не ответила, даже не пошевелилась.

Сэм выстрелил восемь раз. Один песчаный корабль развалился на части, распались паруса, изумрудный корпус, его бронзовая оковка, лунно-белый руль и остальные образы. Люди в масках, все до одного, упали с корабля, зарылись в песок, и над каждым из них вспыхнуло пламя, сначала оранжевое, потом подернутое копотью.

Но остальные корабли продолжали приближаться.

— Их слишком много, Эльма! — вскричал он. — Они меня убьют!

Он выбросил якорь. Без толку. Парус порхнул вниз, ложась в складки, вздыхая. Корабль, ветер, движение — все остановилось. Казалось, весь Марс замер, когда величественные суда марсиан,

окружив Сэма, вздыбились над ним.

— Землянин! — воззвал голос откуда-то с высоты. Одна из серебристых масок шевелилась, рубиновые губы поблескивали в такт словам.

— Я ничего не сделал! — Сэм смотрел на окружавшие его лица — их было не меньше ста.

На Марсе осталось очень мало марсиан — всего не больше ста — ста пятидесяти. И почти все они были здесь, на дне мертвого моря, на своих воскрешенных кораблях, возле вымерших шахматных городов, один из которых только что рассыпался осколками, как хрупкая ваза, пораженная камнем. Сверкали серебряные маски.

— Все это недоразумение! — взмолился он, привстав над бортом; жена его по-прежнему лежала замертво, свернувшись комочком, на дне корабля. — Я прилетел на Марс как честный, предприимчивый бизнесмен, таких здесь много. Выстроил себе ларек из обломков разбившейся ракеты, ларек, сами видели, — загляденье, на самом перекрестке, вы это местечко знаете. Сработано чисто, правда ведь? — Сэм захихикал, переводя взгляд с одного лица на другое. — А тут, значит, появляется этот марсианин, я знаю — он ваш приятель. Я его нечаянно убил, уверяю вас, это несчастный случай. Мне ничего не на-

до, я только хотел завести сосисочную, первую, единственную на Марсе, центральную, можно сказать. Понимаете? Подавать лучшие на всей планете горячие сосиски, черт возьми, с перцем и луком, и апельсиновый сок.

Серебряные маски неподвижно блестели в лунном свете. Светились устремленные на Сэма желтые глаза. Желудок его сжался в комок, в камень. Он швырнул пистолет на песок.

— Сдаюсь.

— Поднимите свой пистолет, — хором сказали марсиане.

— Что?

— Ваш пистолет. — Над носом голубого корабля взлетела ажурная рука. — Возьмите его. Уберите.

Он, все еще не веря, подобрал пистолет.

— А теперь, — продолжал голос, — разверните корабль и возвращайтесь к своему ларьку.

— Сейчас же?

— Сейчас же, — сказал голос. — Мы вам ничего дурного не сделаем. Вы обратились в бегство, прежде чем мы успели вам объяснить. Следуйте за нами.

Огромные корабли развернулись легко, как лунные пушинки. Крылья-паруса тихо заплескались в воздухе, будто кто-то бил в ладони. Маски

сверкали, поворачиваясь, холодным пламенем выжигали тени.

— Эльма! — Сэм неуклюже взобрался на корабль. — Поднимайся, Эльма. Мы возвращаемся. — Он был так потрясен нежданным избавлением, что лепета его почти нельзя было понять. — Они мне ничего не сделают, не убьют меня, Эльма. Поднимайся, голубушка, вставай.

— Что… Что? — Эльма растерянно озиралась, и, пока их корабль разворачивался под ветер, она медленно, будто во сне, поднялась и тяжело, словно мешок с камнями, опустилась на сиденье, не сказав больше ни слова.

Песок под кораблем убегал назад. Через полчаса они снова были у перекрестка, корабли ошвартовались, и все сошли с кораблей.

Перед Сэмом и Эльмой остановился Глава марсиан: маска вычеканена из полированной бронзы, глаза — бездонные черно-синие провалы, рот — прорезь, из которой плыли по ветру слова.

— Снаряжайте вашу лавку, — сказал голос. В воздухе мелькнула рука в алмазной перчатке. — Готовьте яства, готовьте угощение, готовьте чужеземные вина, ибо нынешняя ночь — поистине великая ночь!

— Стало быть, — заговорил Сэм, — вы разреши-

те мне остаться здесь?

— Да.

— Вы на меня не сердитесь?

Маска была сурова и жестка, бесстрастна и слепа.

— Готовьте свое кормилище, — тихо сказал голос. — И возьмите вот это.

— Что это?

Сэм уставился на врученный ему свиток из тонкого серебряного листа, по поверхности которого извивались змейки иероглифов.

— Это дарственная на все земли от серебряных гор до голубых холмов, от мертвого моря до далеких долин, где лунный камень и изумруды, — сказал Глава.

— Все м-мое? — пробормотал Сэм, не веря своим ушам.

— Ваше.

— Сто тысяч квадратных миль?

— Ваши.

— Ты слышала, Эльма?

Эльма сидела на земле, прислонившись спиной к алюминиевой стене сосисочной; глаза ее были закрыты.

— Но почему, с какой стати вы мне дарите все это? — спросил Сэм, пытаясь заглянуть в метал-

лические прорези глаз.

— Это не все. Вот.

Еще шесть свитков. Вслух перечисляются названия, обозначения других земель.

— Но это же половина Марса! Я хозяин половины Марса! — Сэм стиснул гремучие свитки, тряс ими перед Эльмой, захлебываясь безумным смехом. — Эльма, ты слышала?

— Слышала, — ответила Эльма, глядя на небо.

Казалось, она что-то разыскивает. Апатия мало-помалу оставляла ее.

— Спасибо, большое спасибо, — сказал Сэм бронзовой маске.

— Это произойдет сегодня ночью, — ответила маска. — Приготовьтесь.

— Ладно. А что это будет — неожиданность какая-нибудь? Ракеты с Земли прилетят раньше объявленного, за месяц до срока? Все десять тысяч ракет с поселенцами, с рудокопами, с рабочими и их женами, сто тысяч человек, как говорили? Вот здорово было бы, правда, Эльма? Видишь, я тебе говорил, говорил, что в этом поселке одной тысячей жителей дело не ограничится. Сюда прилетят еще пятьдесят тысяч, через месяц — еще сто тысяч, а всего к концу года — пять миллионов с Земли! И на самой оживленной магистрали, на

пути к рудникам, — единственная сосисочная, моя сосисочная!

Маска парила на ветру.

— Мы покидаем вас. Приготовьтесь. Весь этот край остается вам.

В летучем лунном свете древние корабли — металлические лепестки ископаемого цветка, голубые султаны, огромные и бесшумные кобальтовые бабочки — повернули и заскользили по зыбким пескам, и маски все лучились и сияли, пока последний отсвет, последний голубой блик не затерялся среди холмов.

— Эльма, почему они так поступили? Почему не убили меня? Неужто они ничего не знают? Что с ними стряслось? Эльма, ты что-нибудь понимаешь? — Он потряс ее за плечо. — Половина Марса — моя!

Она глядела на небо и ожидала чего-то.

— Пошли, — сказал он. — Надо все приготовить. Кипятить сосиски, подогревать булочки, перечный соус варить, чистить и резать лук, приправы расставить, салфетки разложить в кольцах, и чтобы чистота была — ни единого пятнышка! Эге-гей! — Он отбил коленце какого-то необузданного танца, высоко вскидывая пятки. — Я счастлив, парень, счастлив, сэр, — запел он, фаль-

шивя. — Сегодня мой счастливый день!

Он работал как одержимый: бросил в кипяток сосиски, разрезал булки вдоль, накрошил лук.

— Ты слышала, что сказал тот марсианин, — неожиданность, говорит! Тут только одно может быть, Эльма. Эти сто тысяч человек прилетают раньше срока, сегодня ночью прилетают! Представляешь, какой у нас будет наплыв! До поздней ночи будем работать, каждый день, а там ведь еще туристы нахлынут, Эльма! Деньги-то, деньги какие!

Он вышел наружу и посмотрел на небо. Ничего не увидел.

— С минуты на минуту, — произнес он, радостно вдохнув прохладный воздух, потянулся, ударил себя в грудь. — А-ах!

Эльма молчала. Она чистила картофель для жарки и не сводила глаз с неба.

Прошло полчаса.

— Сэм, — сказала она. — Вон она. Гляди.

Он поглядел и увидел: Земля.

Яркая, зеленая, будто камень лучшей огранки, над холмами взошла Земля.

— Старушка Земля! — с нежностью прошептал он. — Дорогая старушка Земля! Шли сюда, ко мне, своих голодных и изнуренных. Э-э… как там в

стихе говорится? Шли ко мне своих голодных, Земля-старушка. Сэм Паркхилл тут как тут, горячие сосиски готовы, соус варится, все блестит. Давай, Земля, присылай ракеты!

Он отошел в сторонку полюбоваться своим детищем. Вот она, сосисочная, как свеженькое яичко на дне мертвого моря, единственный на сотни миль бесплодной пустыни очаг света и тепла. Точно сердце, одиноко бьющееся в исполинском черном теле.

Он даже растрогался, и глаза увлажнились от гордости.

— Тут поневоле смирением проникнешься, — произнес он, вдыхая запах кипящих сосисок, горячих булочек, сливочного масла. — Подходите, — обратился он к звездам, — покупайте. Кто первый?

— Сэм, — сказала Эльма.

Земля в черном небе вдруг преобразилась.

Она воспламенилась.

Часть ее диска вдруг распалась на миллионы частиц — будто рассыпалась огромная мозаика. С минуту Земля пылала жутким рваным пламенем, увеличившись в размерах раза в три, потом съежилась.

— Что это было? — Сэм глядел на зеленый огонь

в небесах.

— Земля, — ответила Эльма, прижав руки к груди.

— Какая же это Земля, это не может быть Земля! Нет-нет, не Земля! Не может быть.

— Ты хочешь сказать: не могла быть? — сказала Эльма, смотря на него. — Теперь это уже не Земля, да, это больше не Земля — ты это хотел сказать?

— Не Земля, нет-нет, это была не она, — выл он.

Он стоял неподвижно, руки повисли как плети, рот открыт, тупо вытаращены глаза.

— Сэм, — позвала она. Впервые за много дней ее глаза оживились. — Сэм!

Он смотрел вверх, на небо.

— Что ж, — сказала она. С минуту молча переводила взгляд с одного предмета на другой, потом решительно перекинула через руку влажное полотенце. — Включай свет, больше света, заводи радиолу, раскрывай двери настежь! Жди новую партию посетителей — примерно через миллион лет. Да-да, сэр, чтобы все было готово.

Сэм не двигался.

— Ах, какое бесподобное место для сосисочной! — Она достала из стакана зубочистку и воткнула себе между передними зубами. — Ска-

жу тебе по секрету, Сэм, — прошептала она, наклоняясь к нему. — Похоже, начинается мертвый сезон…

Ноябрь 2036
Наблюдатели

В тот вечер все вышли из своих домов и уставились на небо. Бросили ужин, посуду, сборы в кино, вышли на свои теперь уже не такие новешенькие веранды и стали смотреть в упор на зеленую звезду Земли. Это было совсем непроизвольно; они поступили так, пытаясь осмыслить новость, которую только что принесло радио. Вон она — Земля, где назревает война, и там сотни тысяч матерей, бабушек, отцов, братьев, тетушек, дядюшек, двоюродных сестер. Они стояли на верандах и заставляли себя поверить в существование Земли; это было почти так же трудно, как некогда поверить в существование Марса: прямо противоположная задача. В общем-то, Земля была для них все равно что мертвой. Они расстались с ней три или четыре года назад. Расстояние обезболивало душу, семьдесят миллионов миль глушили чувства, усыпляли память, делали Землю безлюдной, стирали прошлое и позволяли этим людям трудиться здесь, ни о чем не думая. Но сегодня вечером умершие восстали, Земля вновь стала

обитаемой, память пробудилась, и они называли множество имен. Что делает сейчас такой-то, такая-то? Как там имярек? Люди стояли на своих верандах и поглядывали друг на друга.

В девять часов Земля как будто взорвалась и вспыхнула.

Люди на верандах вскинули вверх руки, точно хотели загасить пламя.

Они ждали.

К полуночи пожар потух. Земля осталась на своем месте. И по верандам осенним ветерком пронесся вздох.

— Давненько мы ничего не слышали от Гарри.

— А что ему сделается.

— Надо бы послать весточку маме.

— Она жива-здорова.

— Ты *уверен?*

— Ладно, ты только не тревожься.

— Думаешь, с ней ничего не приключилось?

— Конечно же, пошли-ка спать.

Но никто не уходил. На ночные газоны вынесли остывший ужин, накрыли складные столы, и люди вяло ковыряли пищу вилками до двух часов ночи, когда с Земли долетело послание светового радио. Словно далекие светлячки, мерцали мощные вспышки морзянки, и они читали:

АВСТРАЛИЙСКИЙ МАТЕРИК ОБРАЩЕН В ПЫЛЬ НЕПРЕДВИДЕННЫМ ВЗРЫВОМ АТОМНОГО СКЛАДА.

ЛОС-АНДЖЕЛЕС, ЛОНДОН ПОДВЕРГНУТЫ БОМБАРДИРОВКЕ.

ВОЙНА. ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДОМОЙ, ДОМОЙ, ДОМОЙ.

Они поднялись из-за столов.

ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДОМОЙ, ДОМОЙ, ДОМОЙ.

— Ты в этом году получал что-нибудь от своего брата Теда?

— Будто не знаешь: послать письмо с Земли стоит пять монет. Не очень-то распишешься.

ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДОМОЙ.

— Меня что-то Джейн беспокоит — помнишь Джейн, мою младшую сестричку?

ДОМОЙ.

В три часа, когда занималось зябкое утро, владелец магазина «Дорожные товары» вскинул голову. По улице шла целая толпа людей.

— А я специально не закрывал. Что возьмете, мистер?

К рассвету все полки магазина опустели.

Декабрь 2036
Безмолвные города

На краю мертвого марсианского моря раскинулся безмолвный белый городок. Он был пуст. Ни малейшего движения на улицах. Днем и ночью в универмагах одиноко горели огни. Двери лавок открыты настежь, точно люди обратились в бегство, позабыв о ключах. На проволочных рейках у входов в немые закусочные, нечитанные, порыжевшие от солнца, шелестели журналы, доставленные месяц назад серебристой ракетой с Земли.

Городок был мертв. Постели в нем пусты и холодны. Единственный звук — жужжание тока в электропроводах и динамо-машинах, которые все еще жили сами по себе. Вода переполняла забытые ванны, текла в жилые комнаты, на веранды, в маленькие сады, питая заброшенные цветы. В темных зрительных залах затвердела прилепленная снизу к многочисленным сиденьям жевательная резинка, еще хранящая отпечатки зубов.

За городом был космодром. Едкий паленый

запах до сих пор стоял там, откуда взлетела курсом на Землю последняя ракета. Если опустить монетку в телескоп и навести его на Землю, можно, пожалуй, увидеть бушующую там большую войну. Увидеть, скажем, как взрывается Нью-Йорк. А то и рассмотреть Лондон, окутанный туманом нового рода. И может быть, тогда станет понятным, почему покинут этот марсианский городок. Быстро ли проходила эвакуация? Войдите в любой магазин, нажмите на клавиши кассы. И ящичек выскочит, сверкая и бренча монетами. Да, должно быть, плохо дело на Земле…

По пустынным улицам городка, негромко посвистывая, сосредоточенно гоня перед собой ногами пустую банку, шел высокий худой человек. Угрюмый, спокойный взгляд его глаз отражал всю степень его одиночества. Он сунул костистые руки в карманы, где бренчали новенькие монеты. Нечаянно уронил монетку на асфальт, усмехнулся и пошел дальше, кропя улицы блестящими монетами…

Его звали Уолтер Грипп. У него был золотой прииск и уединенная лачуга далеко в голубых марсианских горах, и раз в две недели он отправлялся в город поискать себе в жены спокойную, разумную женщину. Так было не первый год, и

всякий раз он возвращался в свою лачугу разочарованный и по-прежнему одинокий. А неделю назад, придя в город, застал вот такую картину!

Он был настолько ошеломлен в тот день, что заскочил в первую попавшуюся закусочную и заказал себе тройной сэндвич с мясом.

— Будет сделано! — крикнул он.

Он расставил на стойке закуски и испеченный накануне хлеб, смахнул пыль со стола, предложил самому себе сесть и ел, пока не ощутил потребность отыскать сатуратор и заказать содовой. Владелец, некто Уолтер Грипп, оказался на диво учтивым и мигом налил ему шипучий напиток!

Он набил карманы джинсов деньгами, какие только ему подворачивались. Нагрузил тележку десятидолларовыми бумажками и побежал, обуреваемый вожделениями, по городу. Уже на окраине он внезапно уразумел, до чего постыдно и глупо себя ведет. На что ему деньги? Он отвез десятидолларовые бумажки туда, где взял их, вынул из собственного бумажника один доллар, опустил его в кассу закусочной за сэндвичи и добавил четвертак на чай.

Вечером он насладился жаркой турецкой баней, сочным филе и изысканным грибным соусом,

импортным сухим хересом и клубникой в вине. Подобрал себе новый синий фланелевый костюм и роскошную серую шляпу, которая потешно болталась на макушке его длинной головы. Он сунул монетку в автомат-радиолу, которая заиграла «Нашу старую шайку». Насовал пятаков в двадцать автоматов по всему городу. Печальные звуки «Нашей старой шайки» заполнили ночь и пустынные улицы, а он шел все дальше, высокий, худой, одинокий, мягко ступая новыми ботинками, грея в карманах озябшие руки.

С тех пор прошла неделя. Он спал в отличном доме на Марс-авеню, утром вставал в девять, принимал ванну и лениво брел в город позавтракать яйцами с ветчиной. Что ни утро, он заряжал очередной холодильник тонной мяса, овощей, пирогов с лимонным кремом, запасая себе продукты лет на десять, пока не вернутся с Земли ракеты. Если они вообще вернутся.

А сегодня вечером он слонялся взад-вперед, рассматривая восковых женщин в красочных витринах — розовых, красивых. И впервые ощутил, до чего же мертв город. Выпил кружку пива и тихонько заскулил.

— Черт возьми, — сказал он. — Я же совсем *один*.

Он зашел в кинотеатр «Элит», хотел показать себе фильм, чтобы отвлечься от мыслей об одиночестве. В зале было пусто и глухо, как в склепе, по огромному экрану ползли серые и черные призраки. Его бросило в дрожь, и он ринулся прочь из этого логова нечистой силы.

Решив вернуться домой, он быстро шел, почти бежал по мостовой тихого переулка, когда услышал телефонный звонок.

Он прислушался.

«Где-то звонит телефон».

Он продолжал идти вперед.

«Сейчас кто-нибудь возьмет трубку», — лениво подумалось ему.

Он сел на край тротуара и принялся не спеша вытряхивать камешек из ботинка.

И вдруг крикнул, вскакивая на ноги:

— Кто-нибудь! Силы небесные, да что это я!

Он лихорадочно озирался. В каком доме? Вон в том!

Ринулся через газон, вверх по ступенькам, в дом, в темный холл.

Сорвал с рычага трубку.

— Алло! — крикнул он.

Зззззззззззз.

— Алло, алло! — Уже повесили.

— Алло! — заорал он и стукнул по аппарату. — Идиот проклятый! — выругал он себя. — Рассиживал себе на тротуаре, дубина! Чертов болван, тупица! — Он стиснул руками телефонный аппарат. — Ну, позвони еще раз. *Ну же!*

До сих пор ему и в голову не приходило, что на Марсе мог остаться кто-то еще, кроме него. За всю прошедшую неделю он не видел ни одного человека. Он решил, что все остальные города так же безлюдны, как этот.

Теперь он, дрожа от волнения, глядел на несносный черный ящичек. Автоматическая телефонная сеть соединяет между собой все города Марса. Их тридцать — из которого звонили?

Он не знал.

Он ждал. Прошел на чужую кухню, оттаял замороженную клубнику, уныло съел ее.

— Да там никого и не было, — пробурчал он. — Наверно, ветер где-то повалил телефонный столб и нечаянно получился контакт.

Но ведь он слышал щелчок, точно кто-то на том конце повесил трубку.

Всю ночь Уолтер Гримп провел в холле.

— И вовсе не из-за телефона, — уверял он себя. — Просто мне больше нечего делать.

Он прислушался к тиканью своих часов.

— Она не позвонит больше, — сказал он. — *Ни за что* не станет снова набирать номер, который не ответил. Наверно, в эту самую минуту обзванивает другие дома в городе! А я сижу здесь... Постой! — Он усмехнулся. — Почему я говорю «она»?

Он растерянно заморгал:

— С таким же успехом это мог быть и «он», верно?

Сердце угомонилось. Холодно и пусто, очень пусто.

Ему так хотелось, чтобы это была «она».

Он вышел из дому и остановился посреди улицы, лежавшей в тусклом свете раннего утра.

Прислушался. Ни звука. Ни одной птицы. Ни одной автомашины. Только сердца стук. Толчок — перерыв — толчок. Мышцы лица свело от напряжения. А ветер, такой нежный, такой ласковый, тихонько трепал полы его пиджака.

— Тсс, — прошептал он. — *Слушай!*

Он медленно поворачивался, переводя взгляд с одного безмолвного дома на другой.

Она будет набирать номер за номером, думал он. Это должна быть женщина. Почему? Только женщина станет перебирать все номера. Мужчина не станет. Мужчина самостоятельнее. Разве я

звонил кому-нибудь? Нет! Даже в голову не приходило. Это должна быть женщина. *Непременно* должна, видит бог!

Слушай.

Вдалеке, где-то под звездами, зазвонил телефон.

Он побежал. Остановился послушать. Тихий звон. Еще несколько шагов. Громче. Он свернул и помчался вдоль аллеи. Еще громче! Миновал шесть домов, еще шесть! Совсем громко! Вот этот? Дверь была заперта.

Внутри звонил телефон.

— А, черт! — Он дергал дверную ручку.

Телефон надрывался.

Он схватил на веранде кресло, обрушил его на окно гостиной и прыгнул в пролом.

Прежде чем он успел взяться за трубку, телефон смолк.

Он пошел из комнаты в комнату, бил зеркала, срывал портьеры, сшиб ногой кухонную плиту.

Вконец обессилев, он подобрал с пола тонкую телефонную книгу, в которой значились все абоненты на Марсе. Пятьдесят тысяч фамилий.

Начал с первой фамилии.

Амелия Амз. Нью-Чикаго, за сто миль, по ту сторону мертвого моря. Он набрал ее номер.

Нет ответа.

Второй абонент жил в Нью-Йорке, за голубыми горами, пять тысяч миль.

Нет ответа.

Третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой; дрожащие пальцы с трудом удерживали трубку.

Женский голос ответил:

— Алло?

Уолтер закричал в ответ:

— Алло, господи, алло!

— Это запись, — декламировал женский голос. — Мисс Элен Аразумян нет дома. Скажите, что вам нужно, будет записано на проволоку, чтобы она могла позвонить вам, когда вернется. Алло? Это запись. Мисс Аразумян нет дома. Скажите, что вам нужно…

Он повесил трубку.

Его губы дергались.

Подумав, он набрал номер снова.

— Когда мисс Элен Аразумян вернется домой, — сказал он, — передайте ей, чтобы катилась к черту.

Он позвонил на Центральный коммутатор Марса, на телефонные станции Нью-Бостона, Аркадии и Рузвельт-Сити, рассудив, что там,

скорее всего, можно застать людей, пытающихся куда-нибудь дозвониться, потом вызвал ратуши и другие официальные учреждения в каждом городе. Обзвонил лучшие отели. Какая женщина устоит против искушения пожить в роскоши!

Вдруг он громко хлопнул в ладоши и рассмеялся. Ну конечно же! Сверился с телефонной книгой и набрал через междугородную номер крупнейшего косметического салона в Нью-Техас-Сити. Где же еще искать женщину, если не в обитом бархатом, роскошном косметическом салоне, где она может метаться от зеркала к зеркалу, лепить на лицо всякие мази, сидеть под электросушилкой!

Долгий гудок. Кто-то на том конце провода взял трубку.

Женский голос сказал:

— Алло?

— Если это запись, — отчеканил Уолтер Грипп, — я приеду и взорву к чертям ваше заведение.

— Это не запись, — ответил женский голос. — Алло! Алло, неужели тут *есть* живой человек! *Где* вы?

Она радостно взвизгнула.

Уолтер чуть не упал со стула.

— Алло!.. — Он вскочил на ноги, сверкая глазами. — Боже мой, какое счастье, как вас звать?

— Женевьева Селзор! — Она плакала в трубку. — О господи, я так рада, что слышу ваш голос, кто бы вы ни были!

— Я Уолтер Грипп!

— Уолтер, здравствуйте, Уолтер!

— Здравствуйте, Женевьева!

— Уолтер. Какое чудесное имя! Уолтер, Уолтер!

— Спасибо.

— Но *где же* вы, Уолтер?

Какой милый, ласковый, нежный голос… Он прижал трубку поплотнее к уху, чтобы она могла шептать ласковые слова. У него подкашивались ноги. Горели щеки.

— Я в Мерлин-Вилледж, — сказал он. — Я…

Зззз.

— Алло? — оторопел он.

Зззз.

Он постучал по рычагу. Ничего. Где-то ветер свалил столб. Женевьева Селзор пропала так же внезапно, как появилась. Он набрал номер, но аппарат был нем.

— Ничего, теперь я знаю, где она.

Он выбежал из дома. В лучах восходящего солнца он задним ходом вывел из чужого гаража

спортивную машину, загрузил заднее сиденье взятыми в доме продуктами и со скоростью восемьдесят миль в час помчался по шоссе в Нью-Техас-Сити.

«Тысяча миль, — подумал он. — Терпи, Женевьева Селзор, я не заставлю тебя долго ждать!»

Выезжая из города, он лихо сигналил на каждом углу.

На закате, после дня немыслимой гонки, он свернул к обочине, сбросил тесные ботинки, вытянулся на сиденье и надвинул свою роскошную шляпу на утомленные глаза. Его дыхание стало медленным, ровным. В сумраке над ним летел ветер, ласково сияли звезды. Кругом высились древние-древние марсианские горы. Свет звезд мерцал на шпилях марсианского городка, который шахматными фигурками прилепился к голубым склонам.

Он лежал, витая где-то между сном и явью. Он шептал: «Женевьева». Потом тихо запел: «О Женевьева, дорогая, — пускай бежит за годом год. Но, дорогая Женевьева...» На душе было тепло. В ушах звучал ее тихий, нежный, ровный голос: «Алло, о, алло, Уолтер? Это не запись. Где ты, Уолтер, где ты?»

Он вздохнул, протянул руку навстречу лунно-

му свету — прикоснуться к ней. Ветер развевал длинные черные волосы, чудные волосы. А губы — как красные мятные лепешки. И щеки, как только что срезанные влажные розы. И тело, будто легкий светлый туман, а мягкий, ровный, нежный голос напевает ему слова старинной печальной песенки:

«О Женевьева, дорогая, — пускай бежит за годом год…»

Он уснул.

Он добрался до Нью-Техас-Сити в полночь.

Остановил машину перед косметическим салоном «Делюкс» и лихо гикнул.

Вот сейчас она выбежит в облаке духов, вся лучась смехом.

Ничего подобного не произошло.

— Уснула. — Он пошел к двери. — Я уже тут! — крикнул он. — Алло, Женевьева!

Безмолвный город был озарен двоящимся светом лун. Где-то ветер хлопал брезентовым навесом.

Он распахнул стеклянную дверь и вошел.

— Эгей! — Он смущенно рассмеялся. — Не прячься! Я знаю, что ты здесь!

Он обыскал все кабинки.

Нашел на полу крохотный платок. Запах был

такой дивный, что его зашатало.

— Женевьева… — произнес он.

Он погнал машину по пустым улицам, но никого не увидел.

— Если ты вздумала подшутить…

Он сбавил ход.

— Постой-ка, нас же разъединили. Может, *она* поехала в Мерлин-Вилледж, пока я ехал сюда?! Свернула, наверно, на древнюю Морскую дорогу, и мы разминулись днем. Откуда ей было знать, что я приеду сюда? Я же ей *не сказал*. Когда телефон замолчал, она так перепугалась, что бросилась в Мерлин-Вилледж искать меня! А я здесь торчу, силы небесные, какой же *я* идиот!

Он нажал клаксон и пулей вылетел из города.

Он гнал всю ночь. И думал: «Что, если я не застану ее в Мерлин-Вилледж?»

Вон из головы эту мысль! Она *должна* быть там. Он подбежит к ней и обнимет ее, может быть, даже поцелует — один раз — в губы.

«Женевьева, дорогая», — насвистывал он, выжимая педалью сто миль в час.

В Мерлин-Вилледж было по-утреннему тихо. В магазинах еще горели желтые огни; автомат, который играл сто часов без перерыва, наконец щелкнул электрическим контактом и смолк; без-

молвие стало полным. Солнце начало согревать улицы и холодное безучастное небо.

Уолтер свернул на Мейн-стрит, не выключая фар, усиленно гудя клаксоном, по шесть раз на каждом углу. Глаза впивались в вывески магазинов. Лицо было бледное, усталое, руки скользили по мокрой от пота баранке.

— Женевьева! — взывал он к пустынной улице.

Отворилась дверь косметического салона.

— Женевьева! — Он остановил машину и побежал через улицу.

Женевьева Селзор стояла в дверях салона. В руках у нее была раскрытая коробка шоколадных конфет. Коробку стискивали пухлые белые пальцы. Лицо — он увидел его, войдя в полосу света, — было круглое и толстое, глаза — два огромных яйца, воткнутых в бесформенный ком теста. Ноги — толстые, как колоды, походка тяжелая, шаркающая. Волосы — неопределенного бурого оттенка, тщательно уложенные в виде птичьего гнезда. Губ не было вовсе, их заменял нарисованный через трафарет жирный красный рот, который то восхищенно раскрывался, то испуганно захлопывался. Брови она выщипала, оставив две тонкие ниточки.

Уолтер замер. Улыбка сошла с его лица. Он стоял и глядел.

Она уронила конфеты на тротуар.

— Вы Женевьева Селзор? — У него звенело в ушах.

— Вы Уолтер Грифф? — спросила она.

— Грипп.

— Грипп, — поправилась она.

— Здравствуйте, — выдавил он из себя.

— Здравствуйте. — Она пожала его руку.

Ее пальцы были липкими от шоколада.

— Ну, — сказал Уолтер Грипп.

— Что? — спросила Женевьева Селзор.

— Я только сказал «ну», — объяснил Уолтер.

— А-а.

Девять часов вечера. Днем они ездили за город, а на ужин он приготовил филе-миньон, но Женевьева нашла, что оно недожарено, тогда Уолтер решил дожарить его и то ли пережарил, то ли пережег, то ли еще что. Он рассмеялся и сказал:

— Пошли в кино!

Она сказала «ладно» и взяла его под руку липкими шоколадными пальцами. Но ее запросы ограничились фильмом полувековой давности с Кларком Гейблом.

— Вот ведь умора, да? — хихикала она. — *Ох,*

умора!

Фильм кончился.

— Крути еще раз! — велела она.

— Снова? — спросил он.

— Снова, — ответила она.

Когда он вернулся, она прижалась к нему и облапила его.

— Ты не совсем то, что я ожидала, но все же ничего, — призналась она.

— Спасибо, — сказал он, чуть не подавившись.

— Ах, этот Гейбл! — Она ущипнула его за ногу.

— Ой! — сказал он.

После кино они пошли по безмолвным улицам «за покупками». Она разбила витрину и напялила самое яркое платье, какое только смогла найти. Потом опрокинула на голову флакон духов и стала похожа на мокрую овчарку.

— Сколько тебе лет? — поинтересовался он.

— Угадай. — Она вела его по улице, капая на асфальт духами.

— Около тридцати? — сказал он.

— Вот еще, — сухо ответила она. — Мне всего двадцать семь, чтоб ты знал! Ой, вот еще кондитерская! Честное слово, с тех пор как началась эта заваруха, я живу как миллионерша. Никогда не любила свою родню, так, болваны какие-то. Уле-

тели на Землю два месяца назад. Я тоже должна была улететь с последней ракетой, но осталась. Знаешь почему?

— Почему?

— Потому что все меня дразнили. Вот я и осталась здесь — лей на себя духи сколько хочешь, пей пиво сколько влезет, ешь конфеты, и некому тебе твердить: «Слишком много калорий!» Потому я *тут!*

— Ты тут. — Уолтер зажмурился.

— Уже поздно, — сказала она, поглядывая на него.

— Да.

— Я устала, — сказала она.

— Странно. У меня ни в одном глазу.

— О, — сказала она.

— Могу всю ночь не ложиться, — продолжал он. — Знаешь, в баре Майка есть хорошая пластинка. Пошли, я тебе ее заведу.

— Я устала. — Она стрельнула в него хитрыми блестящими глазами.

— А я — как огурчик, — ответил он. — Просто удивительно.

— Пойдем в косметический салон, — сказала она. — Я тебе кое-что покажу.

Она втащила его в стеклянную дверь и подвела

к огромной белой коробке.

— Когда я уезжала из Техас-Сити, — объяснила она, — захватила с собой вот это. — Она развязала розовую ленточку. — Подумала: ведь я единственная дама на Марсе, а он единственный мужчина, так что…

Она подняла крышку и откинула хрусткие слои шелестящей розовой гофрированной бумаги. Она погладила содержимое коробки.

— Вот.

Уолтер Грипп вытаращил глаза.

— Что это? — спросил он, преодолевая дрожь.

— Будто не знаешь, дурачок? Гляди-ка, сплошь кружева, и все такое белое, шикарное…

— Ей-богу, не знаю, что это.

— Свадебное платье, глупенький!

— Свадебное? — Он охрип.

Он закрыл глаза. Ее голос звучал все так же мягко, спокойно, нежно, как тогда в телефоне. Но если открыть глаза и посмотреть на нее…

Он попятился.

— Очень красиво, — сказал он.

— Правда?

— Женевьева. — Он покосился на дверь.

— Да?

— Женевьева, мне нужно тебе кое-что сказать.

— Да?

Она подалась к нему, ее круглое белое лицо приторно благоухало духами.

— Хочу сказать тебе… — продолжал он.

— Ну?

— До свидания!

Прежде чем она успела вскрикнуть, он уже выскочил из салона и вскочил в машину.

Она выбежала и застыла на краю тротуара, глядя, как он разворачивает машину.

— Уолтер Грифф, вернись! — прорыдала она, вскинув руки.

— Грипп, — поправил он.

— Грипп! — крикнула она.

Машина умчалась по безмолвной улице, невзирая на ее топот и вопли. Струя выхлопа колыхнула белое платье, которое она мяла в своих пухлых руках, а в небе сияли яркие звезды, и машина канула в пустыню, утонула во мраке.

Он гнал день и ночь, трое суток подряд. Один раз ему показалось, что сзади едет машина, его бросило в дрожь, прошиб пот, и он свернул на другое шоссе, рассекающее пустынные марсианские просторы, бегущее мимо безлюдных городков. Он гнал и гнал — целую неделю и еще один день, пока не оказался за десять тысяч миль

от Мерлин-Вилледж. Тогда он заехал в поселок под названием Холтвиль-Спрингс, с маленькими лавками, где он мог вечером зажигать свет в витринах, и с ресторанами, где мог посидеть, заказывая блюда. С тех пор он так и живет там; у него две морозильные камеры, набитые продуктами лет на сто, запас сигарет на десять тысяч дней и отличная кровать с мягким матрасом.

Текут долгие годы, и если в кои-то веки у него зазвонит телефон — он не отвечает.

Апрель 2057
Долгие годы

Так уж повелось: когда с неба налетал ветер, он и его небольшая семья отсиживались в своей каменной лачуге и грели руки над пылающими дровами. Ветер вспахивал гладь каналов, чуть не срывал звезды с неба, а мистер Хетэуэй сидел, наслаждаясь уютом, и говорил что-то жене, и жена отвечала ему, и он рассказывал о былых временах на Земле двум дочерям и сыну, и они вставляли слово к месту.

Шел двадцатый год после Большой войны. Марс представлял собой огромный могильник. А Земля? Что с ней? В долгие марсианские ночи Хетэуэй и его семья часто размышляли об этом.

В эту ночь неистовая марсианская пылевая буря пронеслась над приземистыми могилами марсианских кладбищ, завывая на улицах древних городов и снося совсем еще новые пластиковые стены уходящего в песок, заброшенного американского города.

Но вот буря утихла, прояснилось, и Хетэуэй вышел посмотреть на Землю — зеленый огонек

в ветреных небесах. Он поднял руку вверх, точно хотел получше ввернуть тускло горящую лампочку под потолком сумрачной комнаты. Поглядел вдаль, над дном мертвого моря. «На всей планете ни души, — подумал он. — Один я. И *они*». Он оглянулся на дверь каменной лачуги.

Что сейчас происходит на Земле? Сколько он ни смотрел в свой тридцатидюймовый телескоп, до сих пор никаких изменений не приметил. «Что ж, если я буду беречь себя, — подумал он, — еще лет двадцать проживу». Глядишь, кто-нибудь явится. Либо из-за мертвых морей, либо из космоса на ракете, привязанной к ниточке красного пламени.

— Я пойду погуляю! — крикнул он в дверь.

— Хорошо, — отозвалась жена.

Он не спеша пошел вниз между рядами развалин.

— «Сделано в Нью-Йорке», — прочитал он на куске металла. — Древние марсианские города намного переживут все эти предметы с Земли…

И посмотрел туда, где между голубых гор вот уже пятьдесят веков стояло марсианское селение.

Он пришел на уединенное марсианское кладбище: небольшие каменные шестигранники выстроились в ряд на бугре, овеваемом пустын-

ными ветрами.

Склонив голову, он смотрел на четыре могилы, четыре грубых деревянных креста, и на каждом имя. Слез не было в его глазах. Слезы давно высохли.

— Ты простишь меня за то, что я сделал? — спросил он один из крестов. — Я был очень, очень одинок. Ведь ты понимаешь?

Он возвратился к каменной лачуге и перед тем, как войти, снова внимательно оглядел небо из-под ладони.

— Все ждешь, и ждешь, и смотришь, — пробормотал он, — и, может быть, однажды ночью…

В небе горел красный огонек.

Он шагнул в сторону, чтобы не мешал свет из двери.

— Смотришь *еще раз*… — прошептал он.

Красный огонек горел в том же месте.

— Вчера вечером его не было, — прошептал он.

Споткнулся, упал, поднялся на ноги, побежал за лачугу, развернул телескоп и навел его на небо.

Через минуту — после долгого исступленного взгляда на небо — он появился в низкой двери своего дома. Жена, обе дочери и сын повернулись к нему. Он не сразу смог заговорить.

— У меня добрые новости, — сказал он. — Я

смотрел на небо. Сюда летит ракета, она заберет нас всех домой. Рано утром будет здесь.

Он положил руки на стол, опустил голову на ладони и тихо заплакал.

В три часа утра он сжег все, что осталось от Нью-Нью-Йорка.

Взял факел, пошел в этот город из пластика и стал трогать пламенем стены повсюду, где проходил. Город расцвел могучими вихрями света и жара. Он превратился в костер размером в квадратную милю — такой можно заметить из космоса. Этот маяк приведет ракету к мистеру Хетэуэю и его семье.

Он вернулся в дом; сердце билось болезненно и часто.

— Видите? — Он держал в поднятой руке запыленную бутылку. — Я приберег вино специально для этой ночи. Я знал, что придет срок и кто-нибудь найдет нас! Выпьем же и порадуемся!

Он наполнил пять бокалов.

— Да, немало времени прошло… — заговорил он опять, сосредоточенно глядя в свой бокал. — Помните день, когда разразилась война? Двадцать лет и семь месяцев назад. Все ракеты вызвали с Марса домой. А ты, я и дети — мы были в это время в горах, занимались археологией, изучали

древнюю хирургию марсиан. Помнишь, как мы чуть до смерти не загнали наших коней? И все равно опоздали на целую неделю. Город был уже покинут. Америка была разрушена, и все до одной ракеты ушли, не дожидаясь отставших, — помнишь, помнишь? А потом оказалось, что отстали-то *только мы,* помнишь? Боже мой, сколько лет минуло! Без вас я бы не выдержал. Без вас я бы покончил с собой. С вами ожидание было не таким тяжким. Выпьем же за нас! — Он поднял бокал. — И за наше долгое совместное ожидание.

Он выпил вино.

Жена, обе дочери и сын поднесли к губам свои бокалы. И у всех четверых вино побежало струйками по подбородкам.

К рассвету все, что осталось от города, ветер разметал по морскому дну большими, мягкими, черными хлопьями. Пожар унялся, но цель была достигнута: красное пятнышко на небе стало расти.

Из каменной лачуги струился вкусный запах поджаристого имбирного пряника. Когда Хетэуэй вошел, его жена ставила на стол горячие противни со свежим хлебом. Дочери прилежно мели голый каменный пол жесткими вениками, а сын

чистил столовое серебро.

— Мы приготовим им роскошный завтрак. — Хетэуэй радостно рассмеялся. — Надевайте свои лучшие наряды!

Он торопливо прошел через свой участок к огромному металлическому сараю. Здесь стояли холодильная установка и небольшая электростанция, которые он за эти годы починил и наладил своими искусными, тонкими, нервными пальцами так же умело, как чинил часы, телефоны, магнитофоны в часы своего досуга. В сарае скопилось множество созданных им вещей, в том числе и совершенно непонятных механизмов, назначение которых он теперь сам не мог разгадать.

Он извлек из морозильника седые от инея коробки с бобами и клубникой двадцатилетней давности. «Вылезай, несчастный!» — и достал холодного цыпленка.

Когда ракета села, воздух был напоен всяческими кулинарными ароматами.

Словно мальчишка, Хетэуэй побежал вниз по склону. Внезапная острая боль в груди заставила его остановиться. Он посидел на камне, отдышался и побежал дальше, уже без передышки.

Он остановился в жарком мареве, источаемом

раскаленной ракетой. Открылся люк. Оттуда выглянул человек.

Хетэуэй долго смотрел из-под ладони, наконец сказал:

— Капитан Уайлдер!

— Кто это? — спросил капитан Уайлдер. Он спрыгнул вниз и замер, глядя на старика. Потом протянул руку. — Господи, да это же Хетэуэй!

— Совершенно верно, это я.

— Хетэуэй из моего первого экипажа, из Четвертой экспедиции.

Они внимательно оглядели друг друга.

— Давненько мы расстались, капитан.

— Очень давно. Я рад вас видеть.

— Я постарел, — сказал Хетэуэй без обиняков.

— Я и сам уже не молод. Двадцать лет мотался: Юпитер, Сатурн, Нептун.

— Как же, слыхал я, вас повысили, так сказать, чтобы вы не мешали колонизации Марса. — Старик огляделся. — Вы столько путешествовали, наверно, не знаете даже, что произошло…

— Догадываюсь, — ответил Уайлдер. — Мы дважды обошли вокруг Марса. Кроме вас, нашли еще только одного человека по имени Уолтер Гримп, в десяти тысячах милях отсюда. Хотели захватить его с собой, но он отказался. Когда мы улетали,

он сидел на качалке посреди шоссе, курил трубку и махал нам вслед. Марс вымер, начисто вымер, даже марсиан не осталось. А как Земля?

— Я знаю не больше вас. Изредка удается поймать земное радио, еле-еле слышно. Но всякий раз на каком-нибудь чужом языке. А я из иностранных языков знаю, увы, один латинский. Отдельные слова удается разобрать. Судя по всему, на большей части Земли все перебиты, а война все идет. Вы летите туда, командир?

— Да. Сами понимаете, хочется своими глазами убедиться. У нас ведь не было радиосвязи, слишком большое расстояние. Что бы там ни было, мы летим на Землю.

— Вы возьмете нас с собой?

Капитан на миг опешил.

— Ах да, разумеется, у вас тут жена, помню, помню. Мы виделись, кажется, двадцать пять лет назад, верно? Когда построили Первый Город, вы оставили службу и забрали ее с Земли. У вас были и дети…

— Сын, две дочери…

— Да-да, припоминаю. Они здесь?

— В нашей лачуге, вон там, на горке. Мы приготовили вам всем отличный завтрак. Придете?

— Сочтем за честь, мистер Хетэуэй. — Капи-

тан Уайлдер повернулся к ракете. — Оставить корабль!

Они шли вверх по откосу — Хетэуэй и капитан Уайлдер, за ними еще двадцать человек, экипаж корабля, глубоко вдыхая прохладный разреженный утренний воздух. Показалось солнце, день выдался ясный.

— Помните Спендера, капитан?

— Никогда не забывал…

— Раз в год мне случается проходить мимо его могилы. А ведь в конечном счете вышло вроде, как он хотел. Он был против того, чтобы мы здесь селились. Теперь, наверно, счастлив, что все отсюда убрались.

— А этот… как его? Паркхилл, Сэм Паркхилл, что с ним стало?

— Открыл сосисочную.

– *Похоже* на него.

— А через неделю — война, и он вернулся на Землю. — Хетэуэй вдруг сел на камень, схватившись за сердце. — Простите. Переволновался. После стольких лет — и вдруг встреча с вами. Отдохну немного.

Он чувствовал, как колотится сердце. Проверил пульс. Скверно…

— У нас есть врач, — сказал Уайлдер. — Не

обижайтесь, Хетэуэй, я знаю, вы сами врач, но все-таки посоветуемся с нашим…

Позвали доктора.

— Сейчас пройдет, — твердил Хетэуэй. — Это все ожидание, волнение.

Он задыхался. Губы посинели.

— Понимаете, — сказал он, когда врач приставил к его груди стетоскоп, — ведь я все эти годы жил как будто ради сегодняшнего дня. А теперь, когда вы здесь, прилетели забрать меня на Землю, мне вроде ничего больше не надо, и я могу лечь и отдать концы.

— Вот. — Доктор подал ему желтую таблетку. — Вам бы лучше тут отдохнуть подольше.

— Ерунда. Еще чуточку посижу, и все. До чего я рад видеть вас всех! Рад слышать новые голоса.

— Таблетка действует?

— Отлично. Пошли!

Они поднялись на горку.

— Алиса, погляди, кого я привел! — Хетэуэй нахмурился и просунул голову в дверь. — Алиса, ты слышишь?

Появилась его жена. Следом вышли обе дочери, высокие, стройные, за ними еще более рослый сын.

— Алиса, помнишь капитана Уайлдера?

Она замялась, посмотрела на Хетэуэя, точно ожидая указаний, потом улыбнулась.

— Ну конечно, капитан Уайлдер!

— Помнится, миссис Хетэуэй, мы вместе с вами обедали накануне моего вылета на Юпитер.

Она горячо пожала его руку:

— Мои дочери, Маргарет и Сьюзен. Мой сын Джон. Дети, вы, конечно, помните капитана?

Рукопожатия, смех, оживленная речь. Капитан Уайлдер потянул носом.

— Неужели *имбирные пряники?*

— Хотите?

Все пришли в движение. Мигом были установлены складные столы, извлечены из печей горячие блюда, появились тарелки, столовое серебро, камчатные салфетки. Капитан Уайлдер долго глядел на миссис Хетэуэй, потом перевел взгляд на ее сына и бесшумно двигающихся высоких дочерей. Рассматривал мелькающие лица, ловил каждое движение молодых рук, каждое выражение гладких, без единой морщинки лиц. Он сел на стул, который принес сын миссис Хетэуэй.

— Сколько вам лет, Джон?

— Двадцать три, — ответил тот.

Уайлдер растерянно вертел в руках вилку и нож. Он вдруг побледнел. Сидевший рядом кос-

монавт шепнул ему:

— Капитан Уайлдер, тут что-то не так.

Сын пошел за стульями.

— Что вы хотите сказать, Уильямсон?

— Мне сорок три года, капитан. Двадцать лет назад я учился вместе с молодым Хетэуэем. Он говорит, что ему теперь всего двадцать три, но это одна *видимость*. Это все неправильно. Ему должно быть сорок два самое малое. Что все это значит, сэр?

— Не знаю.

— На вас лица нет, сэр.

— Мне нездоровится. И дочери тоже — я их видел лет двадцать назад, а они не изменились, ни одной морщинки. Можно попросить вас об одолжении, Уильямсон? Я хочу дать вам одно поручение. Объясню, куда пойти и что проверить. К концу завтрака незаметно скройтесь. Вам всего десять минут понадобится. Это недалеко отсюда. Я видел с ракеты, когда мы садились.

— Прошу! О чем это вы так серьезно разговариваете? — Миссис Хетэуэй проворно налила супу в их миски. — Улыбнитесь же! Мы все вместе опять, путешествие завершено, вы почти дома!

— Да-да, конечно. — Капитан Уайлдер засмеялся. — Вы так чудесно, молодо выглядите, миссис

Хетэуэй!

— Ах, эти мужчины!

Он смотрел, как она плавной походкой двинулась дальше, внимательно смотрел на ее разрумянившееся лицо, гладкое и свежее, точно наливное яблоко. Она звонко смеялась шуткам, усердно подкладывала салат на тарелки, не давая себе передышки. Долговязый сын и стройные дочери состязались с отцом в блестящем остроумии, рассказывая про долгие годы своей уединенной жизни, и гордый отец кивал, слушая речь детей.

Уильямсон сбежал вниз по склону.

— Куда это он? — спросил Хетэуэй.

— Проверить ракету, — ответил Уайлдер. — Так вот, Хетэуэй, на Юпитере ничего нет, человеку там делать нечего. На Сатурне и Плутоне — тоже…

Уайлдер говорил машинально, не слушая собственного голоса; он думал только об одном: сейчас Уильямсон бежит вниз, скоро он вернется, поднимется на горку и принесет ответ…

— Спасибо.

Маргарет Хетэуэй налила ему воды в стакан. Движимый внезапным побуждением, капитан коснулся ее плеча. Она отнеслась к этому совершенно спокойно. У нее было теплое, нежное

тело.

Сидевший против капитана Хетэуэй то и дело замолкал и с искаженным болью лицом касался пальцами груди, затем вновь продолжал слушать негромкий разговор и случайные звонкие возгласы, поминутно бросая озабоченные взгляды на Уайлдера, который жевал свой пряник без видимого удовольствия.

Вернулся Уильямсон. Он молча ковырял вилкой еду, пока капитан не шепнул через плечо:

— Ну?

— Я нашел это место, сэр.

— Ну, ну?

Уильямсон был бледен как полотно. Он не сводил глаз с веселой компании. Дочери сдержанно улыбались, сын рассказывал какой-то анекдот.

Уильямсон сказал:

— Я прошел на кладбище.

— Видели четыре креста?

— Видел четыре креста, сэр. И имена сохранились. Я записал их, чтобы не ошибиться. — Он стал читать по белой бумажке. — Алиса, Маргарет, Сьюзен и Джон Хетэуэй. Умерли от неизвестного вируса. Июль две тысячи тридцать восьмого года.

— Спасибо, Уильямсон. — Уайлдер закрыл

глаза.

— Девятнадцать лет назад, сэр. — Рука Уильямсона дрожала.

— Да.

— Но кто же *эти?*

— Не знаю.

— Что вы собираетесь предпринять?

— Тоже не знаю.

— Расскажем остальным?

— Попозже. Продолжайте есть как ни в чем не бывало.

— Мне что-то больше не хочется, сэр.

Завтрак завершало вино, принесенное с ракеты. Хетэуэй встал.

— За ваше здоровье! Я так рад снова быть вместе с друзьями! И еще за мою жену и детей — без них, в одиночестве, я бы не выжил здесь. Только благодаря их добрым заботам я находил в себе силы жить и ждать вашего прилета.

Он повернулся, держа бокал, в сторону своих домочадцев; они ответили ему смущенными взглядами, а когда все стали пить, и совсем опустили глаза.

Хетэуэй выпил до дна. Не успев даже крикнуть, он упал ничком на стол и сполз на землю. Несколько человек подбежали и положили его

поудобнее. Врач наклонился, послушал сердце. Уайлдер тронул врача за плечо. Тот поднял на него взгляд и покачал головой. Уайлдер опустился на колени и взял руку старика.

— Уайлдер? — Голос у Хетэуэя был едва слышен. — Я испортил вам завтрак.

— Чепуха.

— Попрощайтесь за меня с Алисой и детьми.

— Сейчас я их позову.

— Нет-нет, не надо! — задыхаясь, прошептал Хетэуэй. — Они не поймут. И я не хочу, чтобы они понимали! Не надо!

Уайлдер повиновался.

Хетэуэй умер.

Уайлдер долго не отходил от него. Наконец поднялся и пошел прочь от потрясенных людей, окруживших Хетэуэя. Он подошел к Алисе Хетэуэй, глянул ей в лицо и сказал:

— Вы знаете, что случилось?

— Что-нибудь с моим мужем?

— Он только что скончался: сердце.

Уайлдер следил за выражением ее лица.

— Очень жаль, — сказала она.

— Вам не больно? — спросил он.

— Он не хотел, чтобы мы огорчались. Он предупредил нас, что это когда-нибудь произойдет, и

велел нам не плакать. Знаете, он даже не научил нас плакать, не хотел, чтобы мы умели. Говорил, что хуже всего для человека познать одиночество, познать тоску и плакать. Поэтому мы не должны знать, что такое слезы и печаль.

Уайлдер поглядел на ее руки, мягкие, теплые руки, на красивые наманикюренные ногти, тонкие запястья.

Посмотрел на ее длинную, нежную, белую шею и умные глаза. Наконец сказал:

— Мистер Хетэуэй великолепно сделал вас и детей.

— Ваши слова обрадовали бы его. Он очень гордился нами. А потом даже забыл, что сам нас сделал. Полюбил нас, принимал за настоящих жену и детей. В известном смысле так оно и есть.

— С вами ему было легче.

— Да, из года в год мы все сидели и разговаривали. Он любил разговаривать. Любил нашу каменную лачугу и камин. Можно было поселиться в настоящем доме в городе, но ему больше нравилось здесь, где он мог по своему выбору жить то примитивно, то на современный лад. Он рассказывал мне про свою лабораторию и про всякие вещи, что он там делал. Весь этот заброшенный американский город внизу он оплел

громкоговорителями. Нажмет кнопку — всюду загораются огни и город начинает шуметь, точно в нем десять тысяч людей. Слышится гул самолетов, автомашин, людской говор. Он, бывало, сидит, курит сигару и разговаривает с нами, а снизу доносится шум города. Иногда звонит телефон, и записанный на пленку голос спрашивает у мистера Хетэуэя совета по разным научным и хирургическим вопросам, и он отвечает. Телефонные звонки, и мы тут, и городской шум, и сигара — и мистер Хетэуэй был вполне счастлив. Только одного он не сумел сделать — чтобы мы старились. Сам старился с каждым днем, а мы оставались все такими же. Но мне кажется, это его не очень-то беспокоило. Полагаю даже, он сам того хотел.

— Мы похороним его внизу, на кладбище, где стоят четыре креста. Думаю, это отвечает его желанию.

Она легко коснулась рукой его запястья:

— Я уверена в этом.

Капитан распорядился. Маленькая процессия тронулась к подножию холма; семья следовала за ней. Двое несли Хетэуэя на накрытых носилках. Они прошли мимо каменной лачуги, потом мимо сарая, где Хетэуэй много лет назад начал

свою работу. Уайлдер помешкал возле двери этой мастерской.

«Каково это, — спрашивал он себя, — жить на планете с женой и тремя детьми — и вдруг они умирают, оставляя тебя наедине с ветром и безмолвием? Как поступит в таком положении человек? Он похоронит умерших на кладбище, поставит кресты, потом придет в мастерскую и, призвав на помощь силу ума и памяти, сноровку рук и изобретательность, соберет, частица за частицей, то, что стало затем его женой, сыном, дочерьми. Когда под горой есть американский город, где можно найти все необходимое, незаурядный человек, пожалуй, может создать все что угодно».

Звук их шагов потонул в песке. На кладбище, когда они пришли, два человека уже копали могилу.

Они вернулись к ракете под вечер.

Уильямсон кивком указал на каменную лачугу.

— Что будем делать с *ними?*

— Не знаю, — сказал капитан.

— Может, вы их выключите?

— Выключить? — Капитан несколько удивился. — Мне это не приходило в голову.

— Но вы же не повезете их с собой?

— Нет, это ни к чему.

— Неужели вы хотите оставить их здесь, вот *таких,* какие они есть?

Капитан протянул Уильямсону пистолет.

— Если вы можете что-нибудь сделать, вы сильнее меня.

Пять минут спустя Уильямсон вернулся от лачуги, весь в испарине.

— Вот, возьмите свой пистолет. Теперь я вас понимаю. Я вошел к ним с пистолетом в руке. Одна из дочерей улыбнулась мне. И остальные. Жена предложила мне чашку чая. Боже мой, это было бы просто убийство!

Уайлдер кивнул:

— Такого совершенства человек больше никогда не создаст. Они созданы для долголетия — десять, пятьдесят, двести лет. Так-то… У них ничуть не меньше прав на… на жизнь, чем у вас, меня, любого из нас. — Он выбил пепел из трубки. — Ладно, поднимайтесь на борт. Полетим дальше. Этот город все равно погиб, нам он не годится.

День угасал. Подул холодный ветер. Весь экипаж уже был на борту. Капитан медлил. Уильямсон спросил:

— Уж не собираетесь ли вы сходить э-э… попрощаться с ними?

Капитан холодно посмотрел на Уильямсона.

— Не ваше дело.

Уайлдер зашагал в гору, навстречу сумрачному ветру. Космонавты увидели, как его силуэт замер в дверях лачуги. Они увидели силуэт женщины. Они увидели, как их командир пожал ей руку.

Спустя минуту он бегом вернулся к ракете.

По ночам, когда ветер свистит над ложем мертвого моря, над шестигранниками на кладбище, над четырьмя старыми крестами и одним новым, по ночам в низкой каменной лачуге горит свет; ревет ветер, вихрится пыль, сверкают холодные звезды, а в той лачуге четыре фигуры — женщина, две дочери и сын — не дают погаснуть огню в камине, сами не зная зачем, и разговаривают, и смеются.

Из года в год, из года в год, каждую ночь, сама не зная зачем, женщина выходит из лачуги и, вскинув руки, долго смотрит на небо, на зеленое пламя Земли, не понимая, зачем она это делает; потом возвращается в дом и подкидывает щепку в огонь, а ветер крепчает, и мертвое море продолжает оставаться мертвым.

Август 2057
Будет ласковый дождь

В гостиной говорящие часы настойчиво пели: *тик-так, семь часов, семь утра, вставать пора!* — словно боясь, что их никто не послушает. Объятый утренней тишиной дом был пуст. Часы продолжали тикать и твердили, твердили свое в пустоту: *девять минут восьмого, к завтраку все готово, девять минут восьмого!*

На кухне печь сипло вздохнула и исторгла из своего жаркого чрева восемь безупречно поджаренных тостов, четыре глазуньи, шестнадцать ломтиков бекона, две чашки кофе и два стакана холодного молока.

— Сегодня в городе Эллендейле, штат Калифорния, четвертое августа две тысячи пятьдесят седьмого года, — произнес другой голос, с потолка кухни. Он повторил число трижды, чтобы получше запомнили. — Сегодня день рождения мистера Фезерстоуна. Годовщина свадьбы Тилиты. Подошел срок страхового взноса, пора платить за воду, газ, свет.

Где-то в стенах щелкали реле, перед электриче-

скими глазами скользили ленты-памятки.

Восемь одна, тик-так, восемь одна, в школу пора, на работу пора, живо, живо, восемь одна! Но не хлопали двери, и не слышалось мягкой поступи резиновых каблуков по коврам.

На улице шел дождь. Метеокоробка на наружной двери тихо пела: «Дождик, дождик целый день, плащ, галоши ты надень...» Дождь гулко барабанил по крыше пустого дома.

Во дворе зазвонил гараж, поднимая дверь, за которой стояла готовая к выезду автомашина... Минута, другая — дверь опустилась на место.

В восемь тридцать яичница сморщилась, а тосты стали каменными. Алюминиевая лопаточка сбросила их в раковину, оттуда струя горячей воды увлекла их в металлическую горловину, которая все растворяла и отправляла через канализацию в далекое море. Грязные тарелки нырнули в горячую мойку и вынырнули из нее, сверкая сухим блеском.

Девять пятнадцать, — пропели часы, — *пора уборкой заняться.*

Из нор в стене высыпали крохотные роботы-мыши. Во всех помещениях кишели маленькие суетливые уборщики из металла и резины. Они стукались о кресла, вертели своими щетини-

стыми роликами, ерошили ковровый ворс, тихо высасывая скрытые пылинки. Затем исчезли, словно неведомые пришельцы, юркнули в свои убежища. Их розовые электрические глазки потухли. Дом был чист.

Десять часов. Выглянуло солнце, тесня завесу дождя. Дом стоял одиноко среди развалин и пепла. Во всем городе он один уцелел. Ночами разрушенный город излучал радиоактивное сияние, видное на много миль вокруг.

Десять пятнадцать. Распылители в саду извергли золотистые фонтаны, наполнив ласковый утренний воздух волнами сверкающих водяных бусинок. Вода струилась по оконным стеклам, стекала по обугленной западной стене, на которой белая краска начисто выгорела. Вся западная стена была черной, кроме пяти небольших клочков. Вот краска обозначила фигуру мужчины, катящего травяную косилку. А вот, точно на фотографии, женщина нагнулась за цветком. Дальше — еще силуэты, выжженные на дереве в одно титаническое мгновение… Мальчишка вскинул вверх руки, над ним застыл контур подброшенного мяча; напротив мальчишки — девочка, ее руки подняты, ловят мяч, который так и не опустился.

Только пять пятен краски — мужчина, жен-

щина, дети, мяч. Все остальное — тонкий слой древесного угля.

Тихий дождь из распылителя наполнил сад падающими искрами света…

Как надежно оберегал дом свой покой вплоть до этого дня! Как бдительно он спрашивал: «Кто там? Пароль?» И, не получая нужного ответа от одиноких лис и жалобно мяукающих котов, затворял окна и опускал шторы с одержимостью старой девы. Самосохранение, граничащее с психозом, — если у механизмов может быть паранойя.

Этот дом вздрагивал от каждого звука. Стоило воробью задеть окно крылом, как тотчас громко щелкала штора и перепуганная птица летела прочь. Никто — даже воробей — не смел прикасаться к дому!

Дом был алтарем с десятью тысячами священнослужителей и прислужников, больших и маленьких, они служили, и прислуживали, и хором пели славу. Но боги исчезли, и ритуал продолжался без смысла и без толку.

Двенадцать.

У парадного крыльца заскулил продрогший пес.

Дверь сразу узнала собачий голос и отворилась.

Пес, некогда здоровенный, сытый, а теперь кожа да кости, весь в парше, вбежал в дом, печатая грязные следы. За ним суетились сердитые мыши — сердитые, что их потревожили, что надо снова убирать!

Ведь стоило малейшей пылинке проникнуть внутрь сквозь щель под дверью, как стенные панели мигом приподнимались, и оттуда выскакивали металлические уборщики. Дерзновенный клочок бумаги, пылинка или волосок исчезали в стенах, пойманные крохотными стальными челюстями. Оттуда по трубам мусор спускался в подвал, в гудящее чрево мусоросжигателя, который злобным Ваалом притаился в темном углу.

Пес побежал наверх, истерически лая перед каждой дверью, пока не понял — как это уже давно понял дом, — что никого нет, есть только мертвая тишина.

Он принюхался и поскреб кухонную дверь, потом лег возле нее, продолжая нюхать. Там, за дверью, плита пекла блины, от которых по всему дому шли сытный дух и заманчивый запах кленовой патоки.

Собачья пасть наполнилась пеной, в глазах вспыхнуло пламя. Пес вскочил, заметался, кусая себя за хвост, бешено завертелся и сдох. Почти

час пролежал он в гостиной.

Два часа, — пропел голос.

Учуяв наконец едва приметный запах разложения, из нор с жужжанием выпорхнули полчища мышей, легко и стремительно, словно сухие листья, гонимые электрическим веером.

Два пятнадцать.

Пес исчез.

Мусорная печь в подвале внезапно засветилась пламенем, и через дымоход вихрем промчался сноп искр.

Два тридцать пять.

Из стен внутреннего дворика выскочили карточные столы. Игральные карты, мелькая очками, разлетелись по местам. На дубовом прилавке появились коктейли и сэндвичи с яйцом. Заиграла музыка.

Но столы хранили молчание, и никто не брал карт.

В четыре часа столы сложились, словно огромные бабочки, и вновь ушли в стены.

Половина пятого.

Стены детской комнаты засветились. На них возникли животные: желтые жирафы, голубые львы, розовые антилопы, лиловые пантеры прыгали в хрустальной толще. Стены были

стеклянные, восприимчивые к краскам и игре воображения. Скрытые киноленты заскользили по зубцам с бобины на бобину, и стены ожили. Пол детской колыхался, напоминая волнуемое ветром поле, и по нему бегали алюминиевые тараканы и железные сверчки, а в жарком неподвижном воздухе, в остром запахе звериных следов, порхали бабочки из тончайшей розовой ткани! Слышался звук как от огромного, копошащегося в черной пустоте кузнечных мехов роя пчел, — ленивое урчание сытого льва. Слышался цокот копыт окапи и шум освежающего лесного дождя, шуршащего по хрупким стеблям жухлой травы. Вот стены растаяли, растворились в необозримых просторах опаленных солнцем лугов и бездонного жаркого неба. Животные рассеялись по колючим зарослям и водоемам.

Время детской передачи.

Пять часов. Ванна наполнилась прозрачной горячей водой.

Шесть, семь, восемь часов. Блюда с обедом проделали удивительные фокусы, потом что-то щелкнуло в кабинете, и на металлическом штативе возле камина, в котором разгорелось уютное пламя, вдруг возникла курящаяся сигара с шапочкой мягкого серого пепла.

Девять часов. Невидимые провода согрели простыни — здесь было холодно по ночам.

Девять ноль пять. В кабинете с потолка донесся голос:

— Миссис Маклеллан, какое стихотворение хотели бы вы услышать сегодня?

Дом молчал.

Наконец голос сказал:

— Поскольку вы не выразили никакого желания, я выберу что-нибудь наудачу.

Зазвучал тихий музыкальный аккомпанемент.

— Сара Тисдейл. Ваше любимое, если не ошибаюсь…

Будет ласковый дождь, будет запах земли,
Щебет юрких стрижей от зари до зари,
И ночные рулады лягушек в прудах.
И цветение слив в белопенных садах.
Огнегрудый комочек слетит на забор,
И малиновки трель выткет звонкий узор,
И никто, и никто не вспомянет войну:
Пережито-забыто, ворошить ни к чему.

И ни птица, ни ива слезы не прольет,

Если сгинет с Земли человеческий род.

И весна... и весна встретит новый рассвет,

Не заметив, что нас уже нет.

В камине трепетало, угасая, пламя, сигара осыпалась кучкой немого пепла. Между безмолвных стен стояли одно против другого пустые кресла, играла музыка.

В десять часов наступила агония.

Подул ветер. Сломанный сук, падая с дерева, высадил кухонное окно. Бутылка пятновыводителя разбилась вдребезги о плиту. Миг — и вся кухня охвачена огнем!

— Пожар! — послышался крик. Лампы замигали, с потолков, нагнетаемые насосами, хлынули струи воды. Но горючая жидкость растекалась по линолеуму, она просочилась, нырнула под дверь, и уже целый хор подхватил:

— Пожар! Пожар! Пожар!

Дом старался выстоять. Двери плотно затворились, но оконные стекла полопались от жара, и ветер раздувал огонь.

Под натиском огня, десятков миллиардов сердитых искр, которые с яростной бесцеремонностью

летели из комнаты в комнату и неслись вверх по лестнице, дом начал отступать.

Еще из стен, семеня, выбегали суетливые водяные крысы, выпаливали струи воды и возвращались за новым запасом. И стенные распылители извергали каскады механического дождя. Поздно. Где-то с тяжелым вздохом, передернув плечами, замер насос. Прекратился дождь-огнеборец. Иссякла вода в запасном баке, который много-много дней питал ванны и посудомойки.

Огонь потрескивал, пожирая ступеньку за ступенькой. В верхних комнатах он, словно гурман, смаковал картины Пикассо и Матисса, слизывая маслянистую корочку и бережно скручивая холсты черной стружкой.

Он добрался до кроватей, вот уже скачет по подоконникам, перекрашивает портьеры!

Но тут появилось подкрепление.

Из чердачных люков вниз уставились незрячие лица роботов, изрыгая ртами-форсунками зеленые химикалии.

Огонь попятился: даже слон пятится при виде мертвой змеи. А тут по полу хлестало двадцать змей, умерщвляя огонь холодным, чистым ядом зеленой пены.

Но огонь был хитер: он послал языки пламени

по наружной стене вверх, на чердак, где стояли насосы. Взрыв! Электронный мозг, управлявший насосами, бронзовой шрапнелью вонзился в балки.

Потом огонь метнулся назад и обошел все чуланы, щупая висящую там одежду.

Дом содрогнулся, стуча дубовыми костями, его оголенный скелет корчился от жара, сеть проводов — его нервы — обнажилась, словно некий хирург содрал с него кожу, чтобы красные вены и капилляры трепетали в раскаленном воздухе. Караул, караул! Пожар! Бегите, спасайтесь! Огонь крошил зеркала, как хрупкий зимний лед. А голоса причитали: «Пожар, пожар, бегите, спасайтесь!» Словно печальная детская песенка, которую в двенадцать голосов, кто громче, кто тише, пели умирающие дети, брошенные в глухом лесу. Но голоса умолкали один за другим по мере того, как лопалась, подобно жареным каштанам, изоляция на проводах. Два, три, четыре, пять голосов заглохли.

В детской комнате пламя объяло джунгли. Рычали голубые львы, скакали пурпурные жирафы. Пантеры метались по кругу, поминутно меняя окраску; десять миллионов животных, спасаясь от огня, бежали к кипящей реке вдали…

Еще десять голосов умерли. В последний миг сквозь гул огневой лавины можно было различить хор других, сбитых с толку голосов, еще объявлялось время, играла музыка, метались по газону телеуправляемые косилки, обезумевший зонт прыгал взад-вперед через порог наружной двери, которая непрерывно то затворялась, то отворялась, — одновременно происходила тысяча вещей, как в часовой мастерской, когда множество часов вразнобой лихорадочно отбивают время: то был безумный хаос, спаянный в некое единство; песни, крики, и последние мыши-мусорщики храбро выскакивали из нор — расчистить, убрать этот ужасный, отвратительный пепел! А один голос с полнейшим пренебрежением к происходящему декламировал стихи в пылающем кабинете, пока не сгорели все пленки, не расплавились провода, не рассыпались все схемы.

И наконец пламя взорвало дом, и он рухнул пластом, разметав каскады дыма и искр.

На кухне, за мгновение до того, как посыпались головни и горящие балки, плита с сумасшедшей скоростью готовила завтраки: десять десятков яиц, шесть батонов тостов, двести ломтей бекона — и все, все пожирал огонь, понуждая задыхаю-

щуюся печь истерически стряпать еще и еще!

Грохот. Чердак провалился в кухню и в гостиную, гостиная — в цокольный этаж, цокольный этаж — в подвал. Холодильники, кресла, ролики с фильмами, кровати, электрические приборы — все рухнуло вниз обугленными скелетами.

Дым и тишина. Огромные клубы дыма.

На востоке медленно занимался рассвет. Только одна стена осталась стоять среди развалин. Из этой стены говорил последний одинокий голос, солнце уже осветило дымящиеся обломки, а он все твердил:

— Сегодня пятое августа две тысячи пятьдесят седьмого года, сегодня пятое августа две тысячи пятьдесят седьмого года, сегодня…

Октябрь 2057
Каникулы на Марсе

Эту мысль почему-то высказала мама: а не отправиться ли всей семьей на рыбалку? На самом деле слова были не мамины, Тимоти отлично это знал. Слова были папины, но почему-то их за него сказала мама.

Папа, переминаясь с ноги на ногу на шуршащей марсианской гальке, согласился. Тотчас поднялся шум и гам, в мгновение ока лагерь был свернут, все уложено в капсулы и контейнеры, мама надела дорожный комбинезон и куртку, отец, не отрывая глаз от марсианского неба, набил трубку дрожащими руками, и трое мальчиков с радостными воплями кинулись к моторной лодке — из всех троих один Тимоти все время посматривал на папу и маму.

Отец нажал кнопку. К небу взмыл гудящий звук. Вода за кормой ринулась назад, а лодка помчалась вперед под дружные крики «ура!».

Тимоти сидел на корме вместе с отцом, положив свои тонкие пальцы на его волосатую руку. Вот за изгибом канала скрылась изрытая

площадка, где они сели на своей маленькой семейной ракете после долгого полета с Земли. Ему вспомнилась ночь накануне вылета, спешка и суматоха, ракета, которую отец каким-то образом где-то раздобыл, разговоры о том, что они летят на Марс отдыхать. Далековато, конечно, для каникулярной поездки, но Тимоти промолчал, потому что тут были младшие братишки. Они благополучно добрались до Марса и вот с места в карьер отправились — во всяком случае, так было сказано — на рыбалку.

Лодка неслась по каналу… Странные глаза у папы сегодня. Тимоти никак не мог понять, в чем дело. Они ярко светились, и в них было облегчение, что ли. И от этого глубокие морщины смеялись, а не хмурились и не скорбели.

Новый поворот канала — и вот уже скрылась из глаз остывшая ракета.

— А мы далеко едем?

Роберт шлепал рукой по воде — будто маленький краб прыгал по фиолетовой глади. Отец вздохнул:

— За миллион лет.

— Ух ты! — удивился Роберт.

— Поглядите, дети. — Мама подняла длинную гибкую руку. — Мертвый город.

Завороженные, они уставились на вымерший город, а он безжизненно простерся на берегу для них одних и дремал в жарком безмолвии лета, дарованном Марсу искусством марсианских метеорологов.

У папы было такое лицо, словно он радовался тому, что город мертв.

Город — хаотическое нагромождение розовых глыб, уснувших на песчаном косогоре, несколько поваленных колонн, заброшенное святилище, а дальше — опять песок, песок, миля за милей… Белая пустыня вокруг канала, голубая пустыня над ним.

Внезапно с берега взлетела птица. Точно брошенный кем-то камень пронесся над голубым прудом, врезался в толщу воды и исчез.

Папа даже изменился в лице от испуга:

— Мне почудилось, что это ракета.

Тимоти смотрел в пучину неба, пытаясь увидеть Землю, и войну, и разрушенные города, и людей, которые убивали друг друга, сколько он себя помнил. Но ничего не увидел. Война была такой же далекой и абстрактной, как две мухи, сражающиеся насмерть под сводами огромного безмолвного собора. И такой же нелепой.

Уильям Томас отер пот со лба и взволнованно

ощутил на своей руке прикосновение пальцев сына, легких, как паучьи лапки.

Он улыбнулся сыну:

— Ну, как оно, Тимми?

— Отлично, папа.

Тимоти никак не мог до конца разобраться, что происходит в этом огромном взрослом механизме рядом с ним. В этом человеке с большим, шелушащимся от загара орлиным носом, с ярко-голубыми глазами вроде каменных шариков, которыми он играл летом дома, на Земле, с длинными, могучими, как колонны, ногами в широких бриджах.

— Что ты так высматриваешь, пап?

— Я искал земную логику, здравый смысл, разумное правление, мир и ответственность.

— И как — увидел?

— Нет. Не нашел. Их больше нет на Земле. И пожалуй, не будет никогда. Возможно, мы только сами себя обманывали, а их вообще и не было.

— Это как же?

— Смотри, смотри, вон рыба, — показал отец.

Трое мальчиков звонко вскрикнули, и лодка накренилась: так дружно они изогнули свои тонкие шейки, торопясь увидеть. Ух ты, вот это да! Мимо проплыла серебристая рыба-кольцо, извиваясь и мгновенно сжимаясь, точно зрачок, едва

только внутрь попадали съедобные крупинки.

— В точности как война, — глухо произнес отец. — Война плывет, видит пищу, сжимается. Миг — и Земли нет.

— Уильям, — сказала мама.

— Извини.

Они примолкли, а мимо стремительно неслась студеная, стеклянная вода канала. Ни звука кругом, только гул мотора, шелест воды, струи распаренного солнцем воздуха.

— А когда мы увидим марсиан? — воскликнул Майкл.

— Скоро, — заверил его отец. — Может быть, вечером.

— Но ведь марсиане все вымерли, — сказала мама.

— Нет, не вымерли, — не сразу ответил папа. — Я покажу вам марсиан, точно.

Тимоти нахмурился, но ничего не сказал. Все было как-то не так. И каникулы, и рыбалка, и эти взгляды, которыми обменивались взрослые.

А его братья уже уставились из-под ладошек на двухметровую каменную стенку канала, высматривая марсиан.

— Какие они? — допытывался Майкл.

— Узнаешь, когда увидишь.

Отец вроде усмехнулся, и Тимоти приметил, как у него подергивается щека.

Мама была хрупкая и нежная, золотая коса лежала тиарой на голове, а глаза были такого же темного цвета, как глубокая студеная вода канала в тени. Можно было видеть, как плавают мысли в ее глазах, — словно рыбы, одни светлые, другие темные, одни быстрые, стремительные, другие медленные, неторопливые, а иногда — скажем, если она глядела на небо, туда, где Земля, — в глазах ничего не было, один только цвет… Мама сидела на носу лодки, одну руку она положила на борт, вторую на заглаженную складку своих брюк, и полоска мягкой загорелой шеи обрывалась там, где, подобно белому цветку, открывался воротник.

Она все время глядела вперед, что-то высматривая, но не могла разглядеть и обернулась к мужу; в его глазах она увидела отражение того, что впереди, а он к этому отражению добавил что-то от самого себя, свою твердую решимость, и напряжение спало с ее лица, она снова повернулась вперед, теперь уже спокойно, зная, что ей искать.

Тимоти тоже смотрел. Но он видел лишь прямую черту фиолетового канала посреди широкой

ровной долины, обрамленной низкими, размытыми холмами. Черта уходила за край неба, и канал тянулся все дальше, дальше, сквозь города, которые — встряхни их — загремели бы, словно жуки в высохшем черепе. Сто, двести городов, видящих летние сны — жаркие днем и прохладные ночью…

Они пролетели миллионы миль ради этого пикника, ради рыбалки. А в ракете было оружие. Называется, поехали на каникулы! А для чего все эти продукты — хватит с лихвой не на один год, — которые они спрятали по соседству с ракетой? Каникулы! Но за этими каникулами скрывалась не радостная улыбка, а что-то жестокое, твердое, даже страшное. Тимоти никак не мог раскусить этот орешек, а братьям не до того — что может занимать мальчишек в десять и восемь лет?

— Ну где же марсиане? Дураки какие-то!

Роберт положил клинышек подбородка на ладони и уставился в канал.

У папы на запястье было атомное радио, сделанное по старинке: прижми его к голове, возле уха, и радио начнет вибрировать, напевая или говоря что-нибудь. Как раз сейчас папа слушал, и лицо его было похоже на один из этих погибших марсианских городов — угрюмое, изможденное,

безжизненное.

Потом он дал послушать маме. Ее губы раскрылись.

— Что… — начал Тимоти свой вопрос, но не договорил.

Потому что в этот миг их встряхнули и ошеломили два громоздящихся друг на друга исполинских взрыва, за которыми последовало несколько толчков послабее.

Отец вскинул голову и тотчас прибавил ходу. Лодка рванулась и понеслась, прыгая и громко шлепая по воде. Роберт мигом оправился от страха, а Майкл испуганно и восторженно взвизгнул и прижался к маминым ногам, глядя, как мимо самого его носа летят быстрые струи.

Сбавив скорость, отец круто развернул лодку, и они скользнули в узкий отводной канал, к древнему полуразрушенному каменному причалу, от которого пахло крабами. Лодка ткнулась носом в причал так сильно, что всех швырнуло вперед, но никто не ушибся, а отец уже смотрел, обернувшись, не осталось ли на воде борозды, которая может выдать, где они укрылись. По глади канала разбегались длинные волны; облизав камень, они отступали, перехватывая набегающие сзади, все смешалось в игре солнечных бликов, потом

рябь исчезла.

Папа прислушался. Они все прислушались.

Дыхание отца гулко отдавалось под навесом, будто удары кулака о холодные, влажные камни причала. Мамины кошачьи глаза глядели в полутьме на папу, допытываясь, что теперь будет.

Отец глубоко, с облегчением, вздохнул и рассмеялся сам над собой:

— Это же наша ракета! Что-то я становлюсь пугливым. Конечно, ракета.

— А что это было, пап, — спросил Майкл, — что это было?

— Просто мы взорвали нашу ракету, вот и все. — Тимоти старался говорить буднично. — Что ли не слыхал, как ракеты взрывают? Вот и нашу тоже…

— А зачем мы нашу ракету взорвали? — не унимался Майкл. — Зачем, пап?

— Так полагается по игре, дурачок! — ответил Тимоти.

— По игре?! — Майкл и Роберт очень любили это слово.

— Папа сделал так, чтобы она взорвалась и никто не узнал, где мы сели и куда подевались! Если кто захочет нас искать, понятно?

— Ух ты, тайна!

— Собственной ракеты испугался, — признался отец маме. — Нервы! Смешно даже подумать, будто здесь могут появиться другие ракеты. Разве что еще одна прилетит, если Эдвардс с женой сумеют добраться.

Он снова поднес к уху маленький приемник. Через две минуты рука его упала, словно тряпичная.

— Все, конец, — сказал он маме. — Только что прекратила работу станция на атомном луче. Другие станции Земли давно молчат. В последние годы их всего-то было две-три. Теперь в эфире мертвая тишина. Видно, надолго.

— На сколько? — спросил Роберт.

— Может быть... может быть, ваши правнуки снова услышат радио, — ответил отец. Он сидел понурившись, и детям передалось то, что он чувствовал: смирение, отчаяние, покорность.

Потом он опять вывел лодку на главный канал, и они продолжали путь.

Вечерело. Солнце уже склонилось к горизонту; впереди простирались чередой мертвые города.

Отец говорил с сыновьями ласковым, ровным голосом. Прежде он часто бывал сух, замкнут, неприступен, теперь же — они это чувствовали — папа будто гладил их по голове своими словами.

— Майкл, выбирай город.

— Что, папа?

— Выбирай город, сынок. Любой город, какой тут нам подвернется.

— Ладно, — сказал Майкл. — А как выбирать?

— Какой тебе больше нравится. И ты, Роберт, и Тим тоже. Выбирайте себе город по вкусу.

— Я хочу такой город, чтобы в нем были марсиане, — сказал Майкл.

— Будут марсиане, — ответил отец. — Обещаю. — Его губы обращались к сыновьям, но глаза смотрели на маму.

За двадцать минут они миновали шесть городов. Отец больше не поминал про взрывы; теперь для него как будто важнее всего на свете было веселить сыновей, чтобы им стало радостно.

Майклу понравился первый же город, но его отвергли, решив, что поспешные решения — не самые лучшие. Второй город никому не приглянулся. Его построили земляне, и деревянные стены домов уже превратились в труху. Третий город пришелся по душе Тимоти тем, что он был большой. Четвертый и пятый всем показались слишком маленькими, зато шестой у всех, даже у мамы, вызвал восторженные крики: «Ух ты!», «Блеск!», «Вот это да!».

Тут сохранилось в целости около полусотни огромных зданий, улицы были хоть и пыльные, но мощеные. Два-три старинных центробежных фонтана еще пульсировали влагой на площадях, и прерывистые струи, освещенные лучами заходящего солнца, были единственным проявлением жизни во всем городе.

— Здесь, — дружно сказали все.

Отец подвел лодку к пристани и выскочил на берег.

— Что ж, приехали. Все это — наше. Теперь будем жить здесь!

— Будем жить? — Майкл опешил. Он поднялся на ноги, глядя на город, потом повернулся лицом в ту сторону, где они оставили ракету. — А как же ракета? Как Миннесота?

— Вот, — сказал папа. Он прижал маленький радиоприемник к русой головенке Майкла. — Слушай.

Майкл прислушался.

— Ничего, — сказал он.

— Верно. Ничего. Ничего не осталось. Никакого Миннеаполиса, никаких ракет, никакой Земли.

Майкл поразмыслил немного над этим страшным откровением и тихонько захныкал.

— Погоди, Майкл, — поспешно сказал папа. — Я

дам тебе взамен гораздо больше!

— Что? — Любопытство задержало слезы, но Майкл был готов сейчас же дать им волю, если дальнейшие откровения отца окажутся такими же печальными, как первое.

— Я дарю тебе этот город, Майкл. Он твой.

— Мой?

— Твой, Роберта и Тимоти, ваш собственный город, на троих.

Тимоти выпрыгнул из лодки:

— Глядите, ребята, все наше! Все-все!

Он играл наравне с отцом, играл великолепно, всю душу вкладывал. После, когда все уляжется и устроится, он, возможно, уйдет куда-нибудь минут на десять и поплачет наедине. Но сейчас идет игра «семья на каникулах», и братишки должны играть.

Майкл и Роберт выскочили на берег. Они помогли выйти на пристань маме.

— Берегите сестренку, — сказал папа; лишь много позднее они поняли, что он подразумевал.

И они быстро-быстро пошли в большой розовокаменный город, разговаривая шепотом — в мертвых городах почему-то хочется говорить шепотом, хочется смотреть на закат.

— Дней через пять, — тихо сказал отец, — я

вернусь туда, где была наша ракета, и заберу продукты, которые мы спрятали в развалинах. Заодно поищу Берта Эдвардса с женой и дочерьми.

— Дочерьми? — повторил Тимоти. — Сколько их?

— Четыре.

— Как бы потом из-за этого неприятностей не было. — Мама медленно покачала головой.

— Девчонки! — Майкл скроил рожу, напоминающую каменные физиономии марсианских истуканов. — Девчонки!

— Они тоже на ракете прилетят?

— Да. Если им удастся. Семейные ракеты рассчитаны для полета на Луну, не на Марс. Нам просто повезло, что мы добрались.

— А откуда ты взял ракету? — шепотом спросил Тимоти; двое других мальчуганов уже убежали вперед.

— Я ее прятал. Двадцать лет прятал, Тим. Убрал и надеялся, что никогда не понадобится. Наверное, надо было сдать ее государству, когда началась война, но я все время думал о Марсе…

— И о пикнике!..

— Вот-вот! Но это только между нами. Когда я увидел, что Земле приходит конец — я ждал до последней минуты! — то стал собираться в путь.

Берт Эдвардс тоже припрятал корабль, но мы решили, что вернее всего стартовать порознь на случай, если кто-нибудь попытается нас сбить.

— А зачем ты ее взорвал, папа?

— Чтобы мы не могли вернуться, никогда. И чтобы эти недобрые люди, если они когда-нибудь окажутся на Марсе, не узнали, что мы тут.

— Ты поэтому все время на небо глядишь?

— Конечно, глупо. Никто не будет нас преследовать. Не на чем. Я чересчур осторожен, в этом все дело.

Прибежал обратно Майкл.

— Пап, это вправду наш город?

— Вся планета с ее окрестностями принадлежит нам, ребята. Целиком и полностью.

Они стояли — Король Холмов и Пригорков, Первейший из Главных, Правитель Всего Обозримого Пространства, Непогрешимые Монархи и Президенты, — пытаясь осмыслить, что это значит — владеть целым миром и как это много — целый мир!

В разреженной марсианской атмосфере быстро темнело. Оставив семью на площади возле пульсирующего фонтана, отец сходил к лодке и вернулся, неся в больших руках целую охапку бумаги.

На заброшенном дворе он сложил книги в кучу и поджег. Они присели на корточки возле костра погреться и смеялись, а Тимоти смотрел, как буковки прыгали, точно испуганные зверьки, когда огонь хватал их и пожирал. Бумага морщилась, словно стариковская кожа, пламя окружало и теснило легионы слов.

«Государственные облигации»; «Коммерческая статистика 1999 года»; «Религиозные предрассудки: Эссе»; «Наука о военном снабжении»; «Проблемы панамериканского единства»; «Биржевой вестник за 3 июля 1998 года»; «Военный сборник»…

Отец нарочно захватил все эти книги именно для этой цели. И вот, присев у костра, он с наслаждением бросал их в огонь, одну за другой, и объяснял своим детям, в чем дело.

— Пора вам кое-что растолковать. Наверно, я был не прав, когда ограждал вас от всего. Не знаю, много ли вы поймете, но я все равно должен высказаться, даже если до вас дойдет только малая часть.

Он уронил в огонь лист бумаги.

— Я сжигаю образ жизни — тот самый образ жизни, который сейчас выжигают с лица Земли. Простите меня, если я говорю как политик, но

ведь я бывший губернатор штата. Я был честным человеком, и меня за это ненавидели. Жизнь на Земле никак не могла устояться, чтобы хоть что-то сделать как следует, основательно. Наука слишком стремительно и слишком далеко вырвалась вперед, и люди заблудились в машинных дебрях, они словно дети чрезмерно увлеклись занятными вещицами, хитроумными механизмами, вертолетами, ракетами. Не тем занимались: без конца придумывали все новые и новые машины, вместо того чтобы учиться управлять ими. Войны становились все более разрушительными и в конце концов погубили Землю. Вот что означает молчание радио. Вот от чего мы бежали. Нам посчастливилось. Больше ракет не осталось. Пора вам узнать, что мы прилетели вовсе не рыбу ловить. Я все откладывал, не говорил… Земля погибла. Пройдут века, прежде чем возобновятся межпланетные сообщения, — если они вообще возобновятся. Тот образ жизни доказал свою непригодность и сам себя задушил. Вы только начинаете жить. Я буду вам повторять все это каждый день, пока вы не усвоите…

Он остановился, чтобы подбросить в костер еще бумаги.

— Теперь мы одни. Мы и еще горстка людей,

которые прилетят сюда через день-два. Достаточно, чтобы начать сначала. Достаточно, чтобы поставить крест на всем, что было на Земле, и идти по новому пути…

Пламя вспыхнуло ярче, будто подчеркивая его слова. Уже все бумаги сгорели, кроме одной. Все законы и верования Земли превратились в крупицы горячего пепла, который скоро развеет ветром.

Тимоти посмотрел на последний лист, что папа бросил в костер. Карта мира… Она корчилась, корежилась от жара, порх — и улетела горячей черной ночной бабочкой. Тимоти отвернулся.

— А теперь я покажу вам марсиан, — сказал отец. — Пойдем, вставайте. Ты тоже, Алиса.

Он взял ее за руку.

Майкл расплакался, папа поднял его и понес. Мимо развалин они пошли вниз к каналу.

Канал. Сюда завтра или послезавтра приедут на лодке их будущие жены, пока — смешливые девчонки, со своими папой и мамой.

Ночь окружила их, высыпали звезды. Но Земли Тимоти не мог найти. Уже зашла. Как тут не призадуматься…

Среди развалин кричала ночная птица. Снова заговорил отец:

— Мать и я попытаемся быть вашими учителями. Надеюсь, что мы сумеем… Нам довелось немало пережить и узнать. Это путешествие мы задумали много лет назад, когда вас еще не было. Не будь войны, мы, наверно, все равно улетели бы на Марс, чтобы жить здесь по-своему, создать свой образ жизни. Земной цивилизации понадобилось бы лет сто, чтобы еще и Марс отравить. Теперь-то, конечно…

Они дошли до канала. Он был длинный, прямой, холодный, в его влажном зеркале отражалась ночь.

— Мне всегда так хотелось увидеть марсианина, — сказал Майкл. — Где же они, папа? Ты ведь обещал.

— Вот они, смотри, — ответил отец. Он посадил Майкла на плечо и указал прямо вниз.

Марсиане!.. Тимоти охватила дрожь.

Марсиане. В канале. Отраженные его гладью Тимоти, Майкл, Роберт, и мама, и папа.

Долго, долго из журчащей воды на них безмолвно смотрели марсиане…

Как я написал свою книгу
Послесловие

В 1944 году я читал Синклера Льюиса, Хемингуэя, Стейнбека, Уиллу Кэсер, Шервуда Андерсона и Джона Дос Пассоса. Меня тогда интересовало, можно ли отправить на Марс тех же самых интересных людей. Например, что бы случилось с героем Стейнбека или с героиней Кэсер, или с суровым персонажем Хемингуэя, если бы они вдруг оказались наедине с пятьюдесятью миллионами миль космоса, со всепоглощающим одиночеством, какого еще не знало человечество, и с необходимостью обеспечивать еду, приют и питательные вещества своим товарищам. Я решил, что стоит попробовать. Осенью 1944 года я взялся за эту идею.

Поначалу я решил, что между вторжением на Марс и вторжением на Дикий Запад во второй половине девятнадцатого века должно быть определенное сходство. Отец и дед часто рассказывали мне о приключениях на Западе, даже в 1908 году, когда там было пусто, тихо и одиноко. Наверняка именно о Марсе думал стейнбеков-

ский Билли Бак, стоя на берегу Тихого океана, когда эпоха освоения Запада уже миновала и авантюристам ничего не осталось.

Мысль о завоевании других планет потрясает. Для нее нет границ, она идет все дальше и дальше. Ничто не ограничивает мечты человека о космосе. Это не один Запад, а целый миллиард западов, миллиард точек на карте, где сильный человек, настоящий мужчина или даже поэт и писатель сможет применить свои мускулы и мозги и заодно узнать, что такое тишина и одиночество. Человек всегда хочет двигаться вперед и отвечать за собственную судьбу, и космос дает ему такую возможность. Если цивилизация подберется слишком близко, всегда можно побросать свои пожитки в рюкзак и стартовать на другую планету или звезду.

Я решил, что космос может дать людям все. Что Марс будет тихой гаванью для стариков, символом богатства — для юнцов, красоты — для философов, приключения — для авантюристов. Что верующий сможет там заново осмыслить Бога. Что он станет счастьем для антропологов, радостью для минералогов, экспериментальной площадкой для психологов и курортом для мистера и миссис Джо Смит из Аштабулы.

Я подумал, что Марс — это хрустальный шар, в котором путешественники увидят свое будущее. Зеркало, в котором отразится землянин — в два раза выше, чем он есть, во всем своем блеске, красоте и ничтожестве, со своей мелочной политикой, жадностью и примитивной верой. На Марсе он не найдет ничего, чего бы уже не было в его карманах и в сердце. А значит, завоеватели Марса обречены на разочарование. Знаю я этого землянина. Как бы быстро он ни двигался, скорость света он превзойти может, а вот скорость своих идиотских политических решений, своей атомной бомбы и своего прошлого — нет. Если человечество решит покинуть Землю, чтобы не отвечать за то, что оно здесь натворило, оно только измучается чувством вины и вскоре обнаружит, что те же самые проблемы поджидают его и на Марсе, как нежеланные дети.

Я не ученый и верю в ту интерпретацию теории Эйнштейна, которая говорит, что пространство искривлено. Некоторые писатели доводят эту мысль до того, что герой, улетающий от Земли на двадцать триллионов миль, оказывается в своем собственном доме, в клетках цветка подсолнуха. Эл Джолсон отлично спел об этом еще много лет назад в песне «Вернуться на задний двор».

Отправляйтесь хоть на Марс, хоть на Венеру, но если с вами будут люди, ничего, кроме человеческих проблем, вы не дождетесь.

Разрешив эту важную философскую дилемму и осознав, что космические путешествия сами по себе не омоют человека божественным светом и не превратят его в маленькую Еву из «Хижины дяди Тома», я начал потихоньку придумывать отдельные эпизоды и сцены той истории, которая через пять лет стала «Марсианскими хрониками».

Первое, что я понял, — то, что я должен всячески заботиться о качестве этой книги. Я знал, что мне стоит торопиться, что рано или поздно она напишет себя сама, и пусть на это уйдет от трех до пяти лет. Каждая из историй о людях, попавших на Марс, должна отличаться от остальных и при этом быть цельной и самостоятельной, как отдельный рассказ, чтобы я мог посылать их в разные журналы и сводить концы с концами, пока заканчиваю книгу. Но при этом каждая история должна быть частью целого, чтобы, когда придет время объединять их в книгу и увязывать сюжетные линии, я бы сделал это без всякого труда. В результате для каждого рассказа у меня есть от пяти до восьми черновиков, и на каждый ушло

около двух лет. Другими словами, я занимался рассказом неделю, а потом откладывал его месяцев на шесть, доставал, перечитывал свежим взглядом и переписывал. Этот цикл повторялся, пока рассказ не начинал меня устраивать — года через два, — и тогда я отсылал его издателям. Ну а пока тянулись эти шесть месяцев, я работал над другими рассказами, а потом откладывал и их.

Теперь я хочу упомянуть, что, по моему мнению, автор несет двойную ответственность — перед своей работой и перед собой. Я верю, что каждому тексту нужно отдохнуть и что ни один автор не заслуживает тоски и апатии. Если целую неделю писать рассказ и сделать вполне удовлетворительный первый черновик, то более чем справедливо в следующий понедельник начать что-нибудь новое, а предыдущий текст послать куда подальше. Это не имеет ничего общего с конвейером — это просто разумное поведение мыслящего писателя. Скука, усталость и предубеждения портят хорошо знакомый рассказ, над которым ты трудился много дней. Лучше дать ему отлежаться и как следует обдумать его — подсознательно — месяцев шесть. Писатель заслуживает развлечений не меньше, чем его читатели. И единственный способ это обеспе-

чить — каждый понедельник начинать с текста, которого ты не видел пару месяцев, или вообще с чистого листа.

Эта система работает не для всех. Есть люди, которые психологически не способны отложить свой рассказ на несколько месяцев. Они продолжают о нем думать и злиться. Таким людям лучше немедленно написать еще четыре черновика и закончить с этим текстом. И это прекрасно. Но если человек чувствует, что у него нет сил больше смотреть на рассказ, мой метод покажется ему освобождением.

Конечно, эта система требует примерно года отладки — чтобы наработать определенный материал, забыть о нем и вернуться к нему освеженным и счастливым. Просто нужно начинать в молодости. Мне повезло, я начал писать в семнадцать, и сейчас у меня есть огромный запас вторых, третьих и четвертых черновиков рассказов, которые мне нравятся, не нравятся или мне вообще на них плевать, но у них вполне есть шанс когда-нибудь превратиться в хорошие тексты.

Самое главное в этой системе, если она вообще заслуживает такого названия, — оригинальность, которую она разрешает автору. У вас будет куча времени, чтобы обдумать текст и снабдить

его деталями, которые отличают просто рассказ от вашего рассказа.

Если система все еще кажется излишне механической и неловкой, учтите, что она позволила мне писать в среднем по три рассказа в год пять лет подряд. Не очень много, конечно, но зато я мог уделить достаточно времени и сил каждому из них. И одновременно, работая над каждым рассказом то же количество времени, я писал каждый год примерно по четырнадцать рассказов, которые меня кормили — на них я тратил не меньше усилий и никогда не пытался приспособить их к требованиям рынка.

Тут я снова отступлю от темы и поговорю об этом самом рынке. Я верю, что писатель должен иметь дело с известным ему материалом. Его не должны интересовать другие рассказы в журналах или шаблоны, по которым якобы пишутся книги. Все свои усилия он должен обратить на описание своего отношения к ситуации. Если же он начнет писать так, как хотят издатели — по его мнению, — он умрет, еще не родившись. Другие писатели могут плясать под дудку редакторов и писать то, что положено, о человеке, пытающемся завоевать звезды, но великую вещь на эту тему сможет создать только тот, кто спросит: «Что же

я на самом деле думаю и чувствую? Чего лично я, Смит, буду бояться и надеяться, если мне вечером придется улететь на Марс?»

И я сам последовал этой формуле. Я задумался, что же станет делать Рэй Брэдбери, если его бесцеремонно оторвут от дел и увезут за пятьдесят миллионов миль от безопасной и понятной жизни. Я понимал, что буду бояться одиночества, времени, даже самого существования. Что опасаться стоит не только за землян, но и за марсиан, потому что марсиане — близкие родственники индейцев, а я хорошо помнил, что мы сделали с индейцами. Нужно было учесть интересы обеих сторон, а еще просчитать, как можно будет увезти на Марс религию, и обдумать расовую проблему, и представить, что будут делать социологи, которые знают все и обо всем и захотят составлять всякие графики и диаграммы. Я осознал, что подозрительно отношусь к науке и так называемому развитию цивилизации. Я обнаружил в себе немного старомодной романтики и вообразил, что, когда человек выйдет в космос, ему стоит немного замедлиться и попытаться получить от жизни удовольствие. Но ведь нынешний землянин на это не способен! Он обязательно возьмет с собой свои ларьки с сосисками, телевизор,

атомную бомбу, и его попытки «вести себя как обычно» в конце концов все испортят.

Короче говоря, я пытался писать о людях. Если рассказы о будущем (я отказываюсь от термина «научная фантастика») не посвящены человеческим отношениями в нечеловеческой ситуации (технология развивается быстро, а человек — медленно), то их вообще нет смысла читать и писать. Мистер Рэймонд Чандлер, автор детективов, хотел вернуть тайну и ее разгадку простым людям. Ну я хочу и всегда буду хотеть писать рассказы о будущем для всех, а не для маленьких групп читателей, даже если они ученые.

Честно говоря, в наши дни научная фантастика осталась единственным жанром, в котором может работать человек, имеющий идеи. Можно сколько угодно рассуждать о материализме, коммерции, телевидении и фашизме, пока ты развлекаешь читателей. Только нельзя писать примитивные агитки, история должна нестись вперед, дышать вместе с героем, у вас не должно быть времени остановиться и прочитать лекцию. История должна рассказать себя, развлечь, отвлечь и посеять семена мысли, которые вы удобрите позже. Если вас беспокоит, что люди перестали ходить пешком, напишите рассказ

о будущем. Если вы не понимаете, благо ли машины или зло, вот ваше поле боя. Если ваше воображение равно по силе вашему негодованию, как выразился мистер Кристофер Ишервуд, вы в безопасности. Но если воображение вас подводит и вы просто хотите высказать свое возмущение состоянием общества, то вы похожи на одинокого подстрекателя на Юньон-сквер на закате — одинокого вполне заслуженно.

А кроме того, в этом жанре можно писать, не опасаясь, что вас назовут коммунистом. Это последнее пристанище для людей, которые хотят думать в наше время, когда сторонники маккартизма полагают само наличие мыслей опасным. Меня все еще ни разу не обвинили в коммунизме, хотя я возражал в своих текстах против сжигания книг, излишней механизации, контроля над мыслями и фашизма. Думаю, это потому, что действие моих историй происходит в будущем.

Таким образом я избегаю славы психа. Если кто-то пишет о людях, которые родятся через пятьдесят лет, он же не может иметь в виду нас? Разумеется, это ошибка. Именно нас-то я имею в виду. Вас, вашего соседа и еще вон того человека, который стоит у вас за спиной. В нашем будущем еще будет много Мак Карти, Гитлеров, Сталинов

и Франко. Я хочу заключить их в пластиковый куб и протянуть вам, чтобы вы разглядели их со всех сторон. Вот в чем смысл моих рассказов. Я беру за шкирку убийц и мелких склочников и выставляю их на всеобщее обозрение. Я не хочу, чтобы меня подвергали цензуре и рассказывали, что я должен видеть, делать, думать, о чем мечтать и что чувствовать, будь то Общество защиты животных, Дочери американской революции или вообще Лига американских покупательниц. Я писатель и уважаю печатное слово, но при этом я человек и хочу, чтобы меня оставили в покое и всех остальных тоже оставили. Я не хочу, чтобы сжигали книги, не хочу, чтобы существовали черные списки, клевета и фаворитизм. И чтобы это предотвратить, я могу только писать рассказы о будущем. Брать современных людей и современные проблемы и преувеличивать их. А если я слишком увлекусь проповедями, можете выгнать меня с моего места — пусть его займет тот, кто умеет рассказывать истории и развлекать. В конце концов, именно развлечение читателя — главная цель футуристических рассказов. Ну а если они заставляют людей думать, тем лучше.

Мне кажется, что современные реалистические романы никуда не годятся, потому что на самом

деле они лишены реализма. Они демонстрируют нам не лицо реальности, а только обтрепанную фигуру, плохо выбритые щеки, грязные уши, отвисшую грудь, мутные глаза. По-моему, проблема реализма в том, что авторы не знают своих героев. Если бы они их знали, то поняли бы, а поняв, написали бы такой полный и достоверный портрет, что герои стали бы симпатичными и вызывали бы сочувствие. А вместо этого они вульгарны, отвратительны и ничтожны. Даже если кому-то очень надо писать о жестоких убийцах и полуграмотных проститутках, они должны быть описаны так выпукло и подробно, чтобы читатель в конце книги воскликнул: «Господи, упаси от такого», а не «Какая гадость!». Человечек с крысиной мордашкой, стоящий в темном дверном проеме и вкалывающий себе героин в руку при помощи английской булавки не мог бы стать героем Шекспира, но, если изучить его как следует, можно было бы хотя бы написать, что с ним случилось и как он в это превратился. Многие писатели не способны осознать и описать, что в раннем возрасте человек обладает определенным достоинством, но постепенно теряет его. Именно поэтому многие люди не любят реализма. Чтобы в историю поверили, писать о

падении нужно, не забывая о старой доброй чистоте, преданности, гордости и мужестве, чтобы трагедия [неразборчиво] ...утрату добродетели, сколь угодно незначительной, но все же имеющейся в каждом.

Р.Б. 17 октября 1950 года. Опубликовано в 2009 году.

Иные марсианские хроники

Одни

Шесть раз они ужинали на открытом воздухе, болтая о всякой всячине у небольшого костерка. Отсветы играли высоко на боку серебристой ракеты, доставившей их сюда через космос. Если посмотреть издалека, с голубых холмов, их костер можно было бы принять за звезду, опустившуюся близ протяженных марсианских каналов под прозрачным, безветренным марсианским небом.

На шестой вечер двое мужчин, сидевшие у костра, напряженно смотрели по сторонам.

— Холодно? — спросил Дрю, когда его напарник поежился.

— Что? — Смит взглянул на свои руки. — Нет.

Дрю посмотрел на лоб Смита, покрытый каплями пота.

— Жарко?

— Нет, и не жарко.

— Одиноко?

— Может быть. — Резко дернув рукой, он бросил в огонь еще одно полешко.

— Перекинемся в картишки?

— Не могу сосредоточиться.

Дрю прислушался к частому неглубокому ды-

ханию Смита.

— Информацию мы собрали. Каждый день фотографировали и брали пробы руд. Практически загрузились. Почему бы нам сегодня же не отправиться домой?

Смит рассмеялся:

— Тебе не *настолько* одиноко, да?

— Брось.

Они елозили ботинками по холодному песку. Воздух был неподвижен. Огонь, подпитываемый струйкой из кислородного баллона, взятого с корабля, горел ровно, пламя поднималось вертикально вверх. Лица людей закрывали прозрачные маски, под которыми пульсировал тонкий слой кислорода, поступавшего из кислородных жилетов, надетых под куртки. Дрю проверил манометр на запястье. Кислорода в жилете хватит на шесть часов. Отлично.

Он поднял укулеле и принялся небрежно брящать по струнам, откинувшись назад и глядя на звезды из-под полуприкрытых век.

Девушка моей мечты лучше всех девчат О, всех знакомых мне девчат… Всех милашек-одноклассниц, так пылающий закат Радугу с небес сгоняет. Ее синие глаза, золотые локоны…

Звуки укулеле Дрю ощущал только руками, они

не попадали в наушники. Смит тоже не мог слышать инструмент, только пение Дрю. Слишком разреженной была атмосфера.

В нее влюблен весь «Сигма-Чи»…

— Эй, заткнись! — выкрикнул Смит.

— Какая муха тебя укусила?

— Я сказал: заткнись, вот и все! — Смит распрямил спину и яростно уставился на напарника.

— Ладно, ладно, не заводись.

Дрю отложил укулеле, растянулся на спине и задумался. Он знал, какая муха укусила его спутника. С ним происходило то же самое. Холодное одиночество, полуночное одиночество, одиночество расстояния, и времени, и пространства, звезд, странствий, месяцев и дней.

В его память накрепко впечаталось лицо Анны, смотревшей на него через поле космопорта за минуту перед взлетом ракеты. Словно яркая четко вырезанная голубая камея — голубое круглое стекло и ее очаровательное лицо, поднятая рука, машущая ему, улыбающиеся губы, сияющие глаза. Она приложила ладонь к губам, посылая ему воздушный поцелуй. А потом исчезла.

Он праздно взглянул на Смита. Тот сидел с закрытыми глазами, погруженный в свои собственные мысли. Конечно же, думает о Маргерит.

Прекрасной Маргерит с карими глазами и мягкими каштановыми волосами. Находящейся за шесть миллионов миль отсюда, в каком-то немыслимом мире, откуда они родом.

— Интересно, что они могут делать сегодня вечером? — сказал Дрю.

Смит открыл глаза, посмотрел через костер и ответил, даже не поинтересовавшись, что мог иметь в виду Дрю:

— Смотреть телевизионный концерт, плавать, играть в бадминтон… да что угодно.

Дрю кивнул. Он снова ушел в себя и почувствовал, как на его ладонях и лице проступает пот. Его бросило в дрожь, и в самой глубине своего существа он ощутил резкую, пронизывающую эмоцию. Он хотел не спать этой ночью. Если уснуть, она окажется точно такой же, как и все остальные ночи. Из ничего — губы, тепло и видение. А потом, сразу же, пустое утро и возвращение к кошмару реальности.

Он резко вскочил.

Смит дернулся и уставился на него.

— Может, пройтись, хоть чем-нибудь заняться? — с чувством предложил он.

— Ну что ж.

Они шли по розовым пескам дна высохшего

моря, шли себе и шли, не говоря друг другу ни слова. Дрю чувствовал, как понемногу спадало напряжение. Он кашлянул, прочищая горло.

— Представь себе, — сказал он, — нет, просто представь, что ты встретил марсианку. Сегодня. Сейчас.

Смит фыркнул:

— Не валяй дурака. Их нет.

— Ну а если представить.

— Не знаю, — ответил Смит, глядя вперед. Потом опустил голову и потер ладонью тонкую теплую стеклянную маску, закрывавшую лицо. — Меня в Нью-Йорке ждет Маргерит.

— А меня — Анна. Но давай рассуждать практически. Вот мы с тобой, два человека, двое мужчин, год назад покинувшие Землю, замерзшие, одни, оторванные от всего и вся, позарез нуждающиеся в сочувствии и ласковой руке. Неудивительно, что в мыслях у нас женщины, которых мы оставили дома.

— Дурацкие мысли, и нужно от них избавляться. А здесь, черт возьми, нет никаких женщин!

Они прошли еще немного.

— Как бы там ни было, — продолжил, подумав, Смит, — если бы мы нашли здесь женщину, уверен, что Маргерит первой оценила бы ситуацию

и простила бы меня.

— Уверен?

— Целиком и полностью!

— Или ты пытаешься выдать желаемое за действительное?

— Нет!

— В таком случае позволь показать тебе кое-что. Оглянись. Вот сюда. — Дрю взял Смита за руку и отвел назад и немного в сторону на полсотни шагов. — Я ведь почему завел весь этот разговор? — Он указал пальцем.

Смит ахнул.

По песку, словно крохотная ложбина, тянулся след.

Двое мужчин, присев на корточки, взволнованно трогали следы пальцами. Шумно сопели. Глаза Смита загорелись.

Они надолго уставились в глаза друг другу.

— Следы женские! — воскликнул Смит.

— Ты совершенно прав, — важно кивнул Дрю. — Уж я-то знаю. Мне когда-то довелось работать в обувном магазине. След женской ноги я узнаю где угодно. Отлично, отлично!

Оба сглотнули тяжелые комки, подступившие к пересохшим горлам. Сердца отчаянно заколотились.

Смит раскрыл ладони и стиснул их в кулаки.

— Небо, до чего маленькая ножка! Посмотри на мыски! Да она же совсем крохотная!

Он выпрямился и, прищурившись, посмотрел вперед. А потом бросился бежать с криком:

— А вот еще и еще. Они ведут туда!

— Успокойся. — Дрю догнал напарника и взял его за руку. — Куда, по-твоему, они могут вести?

— Какая разница? Идем! — Смит махнул рукой вперед. — Во всяком случае, я иду.

— А как же Маргерит?

— У нас будет до черта времени поговорить о ней. Хватит тянуть время, а то ведь врежу!

Дрю задумчиво опустил руки:

— Ладно. Пошли.

Они побежали…

Свежий след с четко очерченными глубокими отпечатками, отпечатавшимися то чаще, то реже, уходящими в стороны, петляющими по дну пересохшего моря. Взглянуть на часы. Пять минут. Бегом. Быстрее. Дрю тяжело дышал и смеялся. Действительно смешно. И глупо. Двое мужиков бегут сломя голову. Право, не будь все это так серьезно, не происходи это в совершенно безлюдном месте, он сел бы и смеялся до слез. Двое интеллигентных вроде бы мужчин, двое

Робинзонов Крузо гонятся за невидимым пока еще Пятницей женского пола! Ха!

— Что смешного? — крикнул Смит, вырвавшийся далеко вперед.

— Ничего. Посматривай на время. Кислород, знаешь ли, расходуется.

— У нас его полно.

— Все равно проверяй!

Понимала ли она, проходя здесь, — умиленно думал Дрю, — и аккуратно оставляя следы в почве, что своим поступком, невинными отпечатками маленьких ножек, она внесет сумятицу в отношения между мужчинами? Нет. Даже и подумать не могла.

Как бы там ни было, нужно бежать дальше и не слишком отставать от обезумевшего Смита. Глупость, глупость. И все же — не такая уж глупость.

Дрю бежал, и в мыслях у него становилось теплее. В конце концов, это же будет здорово — сидеть у костра рядом с красивой женщиной, держать ее за руку, целовать ее, прикасаться к ней.

— А что, если она голубая?

Смит обернулся на бегу.

— Что?

— Что, если кожа у нее голубая? Как эти холмы. Что тогда?

— Тьфу на тебя, Дрю!

— Ха! — Дрю выкрикнул смешок, и они помчались дальше, вдоль старого речного русла, а потом канала, пересохших в незапамятные времена и не знавших с тех пор смены сезонов.

Отпечатки ног плавно поднимались в гору. Преследователям пришлось остановиться у начала подъема.

— Чур-чура, — сказал Дрю, окинув напарника острым взглядом пожелтевших глаз.

— Что?

— Я сказал: «чур-чура». Это значит, что я первым заговорю с нею. Помнишь, в детстве? Мы кричали: «Чур-чура», что значило: я первый. Ну вот. Я говорю: «Чур, я первый». Можно считать официальной заявкой.

Смит не улыбался.

— Что не так, Смит? Боишься соперничества? — продолжал Дрю.

Смит молчал.

— У меня роскошный профиль, — заметил Дрю. — К тому же я на четыре дюйма выше.

Смит холодно смотрел на него неподвижным взглядом.

— Да, сэр, соперничества, — не унимался Дрю. — Знаешь что, Смит, если у нее есть парень, я не буду возражать против вашей дружбы.

— Заткнись, — сказал Смит, прожигая его взглядом.

Дрю перестал улыбаться и отступил на шаг.

— Послушай, Смит, ты бы вел себя поосторожнее. Что-то ты слишком разволновался. Ты мне таким совсем не нравишься. До сих пор все было отлично.

— Я буду вести себя как захочу. А ты не суйся в мои дела. В конце концов, это *я* нашел следы!

— Что ты говоришь!

— Ладно, пусть ты их нашел, но именно я решил пойти по ним!

— Неужели? — протянул Дрю.

— Ты сам знаешь, что да.

— Я знаю?

— Святой Петр свидетель: год в космосе, никого и ничего, а тут, когда что-то происходит, когда человек…

— Женщина.

Смит стиснул кулаки. Дрю заметил, увернулся и хлопнул Смита по щеке.

— Очнись! — заорал он в окаменевшее лицо и, схватив Смита за грудки, потряс его, как ре-

бенка. — Послушай же меня, дурак! Может быть, она — чья-то женщина. Подумай. Там, где есть марсианка, должен быть и марсианин, пойми ты это, дубина.

— Отвяжись от меня!

— Ты только подумай об этом, идиот, больше я ничего от тебя не хочу. — Дрю оттолкнул Смита. Тот попятился, чуть не упал, потянулся было к кобуре с пистолетом, но тут же отдернул руку.

Но Дрю успел заметить движение и взглянул на Смита.

— Значит, вот до чего дошло, да? Совсем сдурел? Добрый старый пещерный человек собственной персоной!

— Заткнись! — Смит повернулся и принялся карабкаться по крутому склону. — Ты ничего не понимаешь.

— Где уж мне, ведь я нигде не был. Ночевал только дома, с Анной. Сидел в тепле и уюте в Нью-Йорке. А с Земли на Марс летело одно только твое маленькое жалкое «я»! — Дрю яростно фыркнул и добавил: — Ты всего лишь ничтожный эгоцентрик!

Они карабкались по песчаному холму, одному среди множества таких же холмов, куда вели следы. Они нашли кострище с обгоревшими

поленьями и рядом жестянку, в которой, судя по всему, прежде был кислород для поддержания огня. Все совершенно новое.

— Она не могла уйти далеко. — Смит с трудом держался на ногах, но все же побежал дальше. Он спотыкался и тяжело дышал.

Интересно, как же она выглядит, думал Дрю, на удивление легко переключаясь с мысли на мысль. Высокая и стройная или маленькая и очень тощая? Какого цвета ее глаза и какого — волосы? Какой у нее голос? Нежный и высокий? Или мелодичный и очень низкий?

Я много о чем думал. И Смит — тоже. Смит теперь тоже начал задумываться. Я прямо слышал его мысли, когда он бежал, хрипло дыша, и думал, думал. В этих мыслях было ничего хорошего. Я сразу понял, что это до добра не доведет. Почему же мы ломимся вперед? Дурацкий вопрос? Мы ломимся вперед, конечно же, потому что мы люди, не больше и не меньше.

Надеюсь хотя бы на то, думал он, что у нее не змеи вместо волос.

— Пещера!

Они оказались у крутого склона небольшой горы, в которой темнее окружающей темноты чернело отверстие пещеры. Там и исчезала це-

почка следов.

Смит выхватил электрический фонарь, направил луч внутрь и поводил им по сторонам, скалясь от предвкушения. И осторожно двинулся вперед; его хриплое дыхание гулко отдавалось в наушниках.

— Уже наверняка недалеко, — сказал Дрю.

Смит не оглянулся в его сторону.

Они шли рядом, толкаясь локтями. Стоило Дрю вырваться хоть чуть-чуть вперед, как Смит тут же прибавлял шагу; его лицо раскраснелось от гнева.

Туннель изгибался, но луч фонаря неизменно находил те же следы.

Внезапно они оказались в просторной пещере. В глубине ее, у погасшего костра, лежала фигура.

— Вот она! — заорал Смит. — Вот она!

— Чур-чура, — еле слышно прошептал Дрю.

Смит обернулся; в его руке был пистолет.

— Проваливай! — приказал он.

— Что? — Дрю, не веря своим глазам, уставился на пистолет.

— Ты слышал, что я сказал: проваливай!

— Эй, погоди…

— Убирайся на корабль и жди меня там!

— Если ты думаешь, что…

— Считаю до десяти, и если ты еще будешь торчать здесь, уложу на месте.

— Ты сошел с ума!

— Раз, два, три, лучше пошевеливайся.

— Смит, послушай, ради всего святого!..

— Четыре, пять, шесть, я предупреждал тебя… ах!

Пистолет выстрелил.

Пуля ударила Дрю в бедро, и он упал ничком, чуть не разбив лицо и крича от боли. Он лежал в темноте.

— Дрю, я не хотел, не хотел! — кричал Смит. — Это случайно, палец дрогнул, это все нервы; я не хотел! — Он склонился над освещенным ярким пляшущим светом напарником, перевернул его. — Я сейчас перевяжу. Прости меня. Я позову ее на помощь. Потерпи минутку!

Дрю лежал, стиснув зубы от боли в боку, и смотрел, как луч фонаря повернулся, как Смит, громко топая, побежал через длинную пещеру к спящей фигуре у погасшего костра. Он слышал, как Смит крикнул раз, другой, приблизился к лежавшей, наклонился, прикоснулся.

Дрю казалось, что время остановилось.

Смит перевернул фигуру.

И Дрю услышал издалека его слова:

— Она мертва.

— Что? — переспросил Дрю, вынимая трясущимися руками походную аптечку. Прежде всего он открыл флакон с белыми порошком и высыпал его себе в рот. Боль в боку сразу же утихла. После этого он принялся бинтовать рану. Рана была скверная, но не самая скверная. Он видел, как в глубине пещеры Смит выпрямился и, держа фонарь в безвольно упавшей руке, смотрел на останки женщины.

Потом Смит вернулся, сел рядом и уставился в пространство.

— Она… она мертва уже очень, очень давно.

— А следы? Как же они?

— Этот мир… конечно же, все дело в нем. Мы не остановились подумать. Мы просто бросились бежать. Я бросился бежать. Как дурак. Этот мир… мне только что в голову пришло. А теперь я понял.

— И что же?

— Здесь нет ни ветра, ни вообще ничего. Ни времен года, ни дождей, ни ураганов — ничего. Десять тысяч лет назад в умирающем мире эта женщина шла в одиночестве по пескам. Может быть, последняя остававшаяся в живых. Имея при себе несколько жестянок с кислородом. Что-то

случилось с планетой. Атмосфера стремительно уходила в космос. Ни ветра, ни кислорода, ни времен года. И она шла в одиночестве. — Смит зрительно представил себе все это, прежде чем негромко пересказать увиденное Дрю, не поднимая на него взгляда. — И она пришла в эту пещеру, легла и умерла.

— Десять тысяч лет назад?

— Да, десять тысяч лет. И с тех пор она здесь. Лежит и ждет, когда же мы явимся и выставим себя дураками. Шутка космического размаха. О да! Просто помереть со смеху.

— Но следы?

— Здесь нет ветра. Нет дождей. Естественно, следы выглядят точно так же, как в тот день, когда она прошла здесь. Все кажется новым и свежим. Даже она сама. Если не считать чего-то такого в ней. Стоит взглянуть на нее, и ясно, что она умерла давным-давно. Я не знаю, что это такое.

Последние слова он произнес почти беззвучно.

И тут он вспомнил о Дрю:

— Мой пистолет… ты… Чем тебе помочь?

— Я уже перевязал. Это была случайность. Пусть так и остается.

— Сильно болит?

— Нет.

— Ты же не убьешь меня в отместку?

— Ну надо же такое выдумать! У тебя палец соскользнул.

— Да, честное слово, так оно и было. Прости…

— Да знаю я, что так и было. Прекрати. — Дрю закрепил повязку. — А теперь давай мне руку, и вернемся на корабль. — Смит помог ему подняться, и он выпрямился, чуть покачиваясь. — Только сначала проводи меня к мисс Марс, родившейся за десять тысяч лет до Рождества Христова. Должен же я хоть разок взглянуть на нее после пробежки и такой нервотрепки.

Опираясь на Смита, он проковылял через пещеру и остановился над простертым телом.

— Посмотри, кажется, будто она просто спит, — сказал Смит. — Но она мертва, безнадежно мертва. Разве она не прекрасна?

Она точь-в-точь похожа на Анну, потрясенно понял Дрю. Анна спит на песке и сейчас проснется, откроет глаза, улыбнется и поздоровается с ним.

— Вылитая Маргерит, — сказал Смит.

Дрю скривил губы.

— Маргерит? — Он замялся, не зная, что сказать. — Д-да. Да. Пожалуй, что похожа. — Он покачал головой. — Все дело в том, как посмот-

реть. Я вот подумал…

— Что?

— Неважно. Пусть лежит себе. Оставим ее здесь. Нам нужно поторапливаться обратно на корабль.

— Я все гадаю: кем она была?

— Этого мы никогда не узнаем. Возможно, принцессой. Или стенографисткой в каком-то древнем городе, или танцовщицей. Пойдем, Смит.

Они шли медленно, Дрю кое-как брел, превозмогая боль, но все же добрались до ракеты за полчаса.

— Ну не дураки ли мы? Перворазрядные дураки!

Громыхнув, захлопнулась дверь ракеты.

Ракета выбросила фонтаны алого и голубого пламени.

Под нею бушевал вихрем и разлетался во все стороны обожженный песок. Взбудораженный воздух впервые за десять тысяч лет потревожил цепочку следов. Когда огненный ветер улегся, следов уже не было.

1949 г.

Запрещенные

Очи их горели, из ртов вырывались языки пламени. Ведьмы, склонившись над котлом, проверяли варево то палками, то костлявыми пальцами.

Когда сойдемся мы втроем —
Дождь будет, молния иль гром? [10]

Пьяно кружась по берегу высохшего моря, они сотрясали воздух жуткими проклятиями и пронзали темноту злобным блеском кошачьих зрачков.

Вкруг котла начнем плясать,
Злую тварь в него бросать…
Жарься, зелье! Вар, варись!
Пламя, вей! Котел, мутись! [11]

Они замерли и огляделись.

– Шар хрустальный принесли?

---

[10] Примечания: 10
Шекспир У. Макбет: акт I, сцена 1 (*пер. А. Радловой*).

[11] Примечания: 11
Шекспир У. Макбет: акт IV, сцена 1 (*пер. А. Радловой*).

Иглы взяли?

– Взяли!

– Да!

– Воск пчелиный загустел?

– Все готово!

– Ну тогда

Лей его скорее в форму!

Куклу слепим мы сейчас!

Из месива, похожего на патоку, они зелеными пальцами стали ваять человеческую фигурку.

Сердце ты иглой пронзи!

Шар хрустальный принеси!

Он в мешочке, где колода.

Сдуйте пыль, давайте взглянем!..

Ведьмы склонились над шаром; их лица подсветило белым.

— Взглянем, взглянем, да, да, да…

Ракета летела с Земли на Марс. Члены экипажа умирали один за другим.

Капитан устало поднял голову:

— Придется дать ему морфий.

— Но, сэр…

— Сам видишь, в каком он состоянии.

Капитан откинул шерстяное одеяло. Человек под насквозь пропотевшей простыней заворочался и застонал. Резко пахнуло серой.

— Я видел… видел ее.

Человек открыл глаза и уставился в иллюминатор, за которым в черной пустоте сияли звездные росчерки, виднелась далекая Земля и вырастал красный шар Марса.

— Я видел ее — летучую мышь, огромную, с человечьим лицом, распластавшуюся на переднем иллюминаторе. Эти крылья… Они бьют, бьют, бьют!..

— Пульс? — спросил капитан.

— Сто тридцать, — рапортовал медбрат.

— Долго он так не протянет. Коли морфий. Смит, за мной!

Они ушли. Внезапно на полу вместо плитки возникли кости и белые вопящие черепа. Капитан не стал опускать глаза.

— Перси здесь? — спросил он, перекрикивая вопли, и указал на шлюз.

Над телом склонился хирург в кипенно-белом халате.

— Ничего не понимаю.

— От чего он умер?

— Не могу сказать, сэр. Не сердце, не мозг и не

шок. Перси просто упал и умер.

Капитан взял врача за запястье. Рука превратилась в змею, зашипела и укусила его. Капитан даже бровью не повел.

— Берегите себя. У вас тоже пульс зашкаливает.

Хирург кивнул:

— Перед смертью Перси жаловался на боль, будто ему в руки и ноги всаживают иголки. Говорил, что тает как воск. А потом упал. Я помог ему подняться. Он закричал, как дитя. Сказал, что ему в сердце вонзили серебряную иглу. И умер. Вот он лежит. Если надо, можем повторить вскрытие. С организмом все в полном порядке.

— Но так не бывает! От чего-то же он умер!

Капитан отошел к иллюминатору. Он пах ментолом, йодом, бактерицидным мылом. Ногти подпилены и отполированы. Зубы отбелены до блеска. Уши и щеки выбриты до красноты. Форма у него цвета свежей соли, черные ботинки сияют, как зеркала. Волосы подстрижены на военный манер, от них резко пахнет спиртом. Даже дыхание — резкое, чистое, новое. И сам он — новенький, чистенький инструмент, готовый к работе, прямиком из стерилизатора.

И окружали его исключительно люди того же

склада. Казалось, стоит им повернуться, а из спины у них торчат большие заводные ключи. Все они были механизмами — дорогими, точными, послушными и эффективными.

Капитан смотрел, как планета Марс заполняет собой иллюминатор.

— Через час мы совершим посадку в этом проклятом месте. Смит, тебе видятся летучие мыши и прочие кошмары?

— Да, сэр. Начались за месяц до отлета из Нью-Йорка. Белые крысы пили кровь у меня из шеи. Лучше умолчать об этом, подумал я. Испугался, что вы не возьмете меня в полет.

— Ничего страшного. — Капитан вздохнул. — У меня тоже были кошмары. Пятьдесят лет живу, не видел ни одного сна, а вот за неделю до отлета — на тебе. Каждую ночь мне снилось, будто я белый волк, меня загоняют на заснеженный холм, убивают серебряной пулей, вгоняют в сердце кол и закапывают. — Он повернулся к Марсу. — Как думаешь, Смит, там знают, что мы летим?

— Мы даже не знаем, есть ли там кто-нибудь, сэр.

— Неужели? Они стращают нас уже восемь недель, с того самого дня, как мы начали готовить этот полет. Рейнольдс и Перси погибли. Вчера

ослеп Гренвилль. Почему? Непонятно. Все эти летучие мыши, иглы, кошмары, беспричинные смерти… Живи мы в другое время, я бы списал это на колдовство. Однако на дворе две тысячи сто двадцатый год, Смит! Мы рациональные люди. Колдовства не бывает… Но оно есть! Кто бы ни ждал нас на Марсе, летучие мыши и иглы — это их оружие, и они не остановятся, пока не прикончат нас всех до единого. — Капитан развернулся. — Смит, принеси книги из моего шкафчика. Они понадобятся, когда будем садиться.

Вскоре на столе возникла куча из пары сотен книг.

— Спасибо, Смит. Теперь взгляни. Думаешь, я спятил? Возможно. Но меня посетила безумная догадка. Я вытребовал эти книги из Исторического музея в последнюю минуту перед стартом. Все из-за кошмаров. Двадцать ночей меня резали, рвали на части и препарировали, как лягушку, затем бросали в гроб и опускали под землю гнить. Ужасные, жуткие сны. Всему экипажу чудились ведьмы и оборотни, вампиры и привидения, а ведь про них никто не должен ничего знать. Почему, спросишь? Потому что сто лет назад поступил приказ уничтожить все книги о чудовищах. Само обладание такими произведениями

приравнивалось к преступлению. Перед тобой самые-самые последние экземпляры, которые пощадили и спрятали в музейных хранилищах как историческую ценность.

Смит склонился над затертыми переплетами:

— Эдгар Аллан По, «Таинственные рассказы». Брэм Стокер, «Дракула». Мэри Шелли, «Франкенштейн, или Современный Прометей». Генри Джеймс, «Поворот винта». Вашингтон Ирвинг, «Легенда о Сонной лощине». Натаниэль Готорн, «Дочь Рапачини». Амброз Бирс, «Случай на мосту через Совиный ручей». Льюис Кэрролл, «Алиса в Стране чудес». Элджернон Блэквуд, «Ивы». Лаймэн Фрэнк Баум, «Волшебник страны Оз». Говард Филлипс Лавкрафт, «Тень над Иннсмутом»... Кого тут только нет! И де ла Мар, и Уэйкфилд, и Харви, и Уэллс, и Асквит, и Хаксли — все запрещенные писатели, чьи книги сожгли в тот год, когда Хеллоуин объявили вне закона, а Рождество запретили!.. Сэр, для чего все они здесь, на нашей ракете?

— Не знаю, — со вздохом ответил капитан. — Пока не знаю.

Три карги подняли шар. Изображение капитана задрожало.

— Не знаю, — со вздохом ответил капитан. —

Пока не знаю.

Ведьмы с горящими глазами переглянулись.

— Времени мало, — сказала одна.

— Надо идти в Город и предупредить остальных.

— Нужно сказать им о книгах. Плохо дело. Дурак капитан!

— Они приземлятся уже через час.

Ведьмы вздрогнули и оглянулись на Изумрудный город, возвышавшийся на границе высохшего марсианского моря. У окна самой высокой башни стоял человек, придерживая рукой кроваво-алую портьеру. Он смотрел на пустыню, в которой три карги лепили куклы из воска и варили ядовитые зелья. Поодаль горели еще десять тысяч голубых костров, над которыми поднимались клубы табачного дыма, курился лавр, корица, хвоя. Хлопья костной золы кружились подобно мотылькам в марсианской ночи. Человек в башне считал колдовские огни. Почувствовав на себе взгляд трех ведьм, он отвернулся. Кровавая портьера упала и скрыла желтое окно, как веко — глаз.

У окна башни стоял Эдгар Аллан По, вокруг него витал легкий запах алкоголя.

— Подруги гекатовы нынче трудятся не покла-

дая рук, — отметил он, глядя на ведьм далеко внизу.

Кто-то у него за спиной сказал:

— Немногим ранее я видел на берегу Уилла Шекспира. Он один сегодня привел многотысячное воинство: троицу ведьм, Оберона, тень отца Гамлета, Пака и многих, многих других! Господи, вот уж воистину целое море народа.

— Молодчина Уильям!

По отпустил кроваво-алую портьеру и обернулся, оглядывая скромную обстановку: каменные стены и пол, стол черного дерева, свеча на нем, рядом — кресло, в котором вальяжно раскинулся его собеседник. Амброз Бирс зажигал спички одну за другой и смотрел, как они сгорают, тихонько что-то насвистывая и время от времени чему-то посмеиваясь.

— Нам нужен Диккенс, — сказал По. — Дальше тянуть нельзя. Счет идет на часы. Вы пойдете со мной, Бирс?

Бирс посмотрел на него весело:

— А я вот задумался: что нас ждет?

— Если нам не удастся убить всех людей на ракете или заставить их повернуть, тогда, конечно, придется бежать. Отправимся на Юпитер. Если они прилетят на Юпитер, отправимся на Сатурн,

оттуда — на Уран, на Нептун, потом на Плутон…

— А оттуда куда?

На лице По лежала печать усталости. В глазах еще тлели горячие угольки, но в голосе звучала отчаянная безнадежность, жесты были вялые, волосы жалкими сосульками ниспадали на величественный бледный лоб. Он напоминал дьявола из некоего позабытого предания или полководца доисторического войска. Эдгар Аллан По нервно кусал губы, от шелковистых черных усов почти ничего не осталось. Да и сам он будто иссох; казалось, в темной комнате парит один лоб — белый и светящийся.

— На нашей стороне куда более совершенные способы перемещения. К тому же мы не теряем надежды, что у них там случится какая-нибудь ядерная война, государства распадутся и вновь наступят темные века. Века суеверий. Тогда за одну ночь мы все вернемся на Землю. — Насупленный взгляд черных глаз под округлым светящимся лбом устремился к потолку. — Неужели они и эту планету хотят превратить в безжизненные руины? Неужели они просто не могут оставить нас в покое?

— А волчья стая может остановиться, пока не убьет свою жертву и не выест ей внутренности?

Нет, нас ждет большая война. А я встану в стороне и буду вести счет: столько-то землян сварены заживо в масле, столько-то рукописей, найденных в бутылке, сожжены, столько-то землян заколоты иголками, столько-то Красных смертей обращены в бегство батареями шприцев… Красота!

По качнулся от гнева и выпитого вина.

— Чем мы заслужили такое обращение? Во имя Господа, Бирс, вы должны стоять с нами плечом к плечу! Разве нам устроили честный суд перед литературными критиками? Нет. Стерильными хирургическими щипцами они схватили наши книги, поместили в чаны и стали варить, чтобы расправиться с могильными микробами. Будь они прокляты!

— Я нахожу наше положение довольно забавным, — сказал Бирс.

С лестницы вдруг донесся полный отчаяния крик:

— Мистер По! Мистер Бирс!

— Да, да, идем!

У подножия лестницы, опершись на каменную стену, стоял запыхавшийся человек.

— Вы слышали? Слышали? — завопил он, цепляясь за плащи По и Бирса, как обреченный, падающий с обрыва. — Они будут здесь через час!

У них с собой книги — наши книги, последние книги! Так сказали ведьмы. Чем вы занимаетесь в башне в такую минуту? Почему бездействуете?

— Мы делаем все, что в наших силах, Блэквуд, — ответил По. — Для вас это все просто в новинку. Идемте с нами, мы направляемся к Чарльзу Диккенсу…

— …порассуждать о нашей черной участи, — закончил Бирс и подмигнул.

Они шагали по гулким коридорам замка, переходя с одного мрачного зеленого этажа на другой, среди затхлости, разрухи, пауков и призрачной паутины. Путь им, словно лампа, освещал бледный лоб По.

— Не бойтесь, — говорил он. — Сегодня на берег мертвого моря я призвал всех — и своих друзей, и ваших, Блэквуд, и ваших, Бирс. Все там, все. Звери, старухи, высокие мужчины с острыми клыками. Везде расставлены ловушки: ямы и маятники, да, маятники. Красная смерть. — Он тихо засмеялся. — Да, господа, Красная смерть тоже. Я даже представить не мог, что она явится во плоти. Но они сами напросились, и они ее получат!

— Однако хватит ли нам сил выстоять? — спросил Блэквуд.

— Что есть сила? Внезапность на нашей сто-

роне: эти юнцы с ракеты не знают, что мы им противопоставим. У них нет воображения, только антисептические скафандры, шлемы-аквариумы и их новая религия. На шее — золоченые скальпели, на головах — диадемы из микроскопов. В руках — курящиеся урны с благовониями, а на самом деле — обыкновенные печи, которыми убивают микробов и выпаривают суеверия. Имена По, Бирс, Готорн, Блэквуд — ересь для их непорочных губ.

Покинув замок, они вышли на водянистое пространство, то ли озерцо, то ли нет, которое клубилось вязкой дымкой. В воздухе хлопали крылья, что-то жужжало, завывал ветер, и сгущалась тьма. У костров толпились смутные силуэты, перекрикивались голоса. По смотрел, как в огненном свете ведьмы и чародеи плетут боль, страдания и злость, лепят глиняные фигурки и восковых марионеток. От котлов отвратительно несло диким чесноком, кайенским перцем и шафраном.

— Не останавливайтесь! — приказал По. — Я скоро вернусь!

Вдоль всего пустынного берега вздымались и опадали черные силуэты, вырастали и растворялись в небе дымные клубы. В высоких башнях

звонили колокола, и им в такт с крыш слетали стаи воронов, рассыпаясь сажей по небосводу.

Через мрачное болото По с Бирсом устремились в маленькую лощину и вдруг попали на мощеную улочку, пасмурную и промозглую. Здесь было много людей, они приплясывали, чтобы согреться; всюду стоял туман, и свечки на окнах присутствий и лавок казались в нем фонарями. В отдалении группка мальчишек, закутанных в пальто и шарфы, выводила рождественский гимн, выпуская бледные облачка пара, а огромные часы на площади раз за разом гулко отбивали полночь. Детишки выбегали из пекарни и разносили по домам подносы с горячими блюдами под серебряными крышками.

Вот показалась и вывеска «СКРУДЖ, МАРЛИ и ДИККЕНС». По взялся за молоточек в виде лица Марли и постучал. Дверь немного приоткрылась, и гостей окатило музыкальным приливом, от которого ноги сами рвались в пляс. Из-за двери выглянул мужчина с подстриженной бородкой и усами. За ним, хлопая в ладоши, стоял мистер Физзиуиг, а миссис Физзиуиг, расплывшись в добродушной улыбке, танцевала с другими гуляками. Надрывались скрипки, отовсюду гремел смех, как будто порывом ветра качнуло хрусталь-

ную люстру. Стол ломился от заливного, индеек, гусей и прочих яств: мясных пирогов, молочных поросят, колбас, апельсинов и яблок. Тут сидел и Боб Крэтчит, и Крошка Доррит, и Малютка Тим, и мистер Фейгин собственной персоной, а вместе с ними и человек, который сам выглядел как недожеванный ломоть говядины, пятно от горчицы, крошка сыра или кусок недоваренного картофеля — то есть не кто иной, как мистер Марли, с цепями и прочей атрибутикой. Вино лилось рекой, а румяные индейки издавали чудесный аромат.

— Что вам надо? — недовольно спросил Чарльз Диккенс.

— Мы снова к вам с просьбой, дорогой Чарльз, — ответил По. — Нам нужна помощь!

— Помощь? Рассчитываете, что я вместе с вами дам отпор добрым людям, которые летят сюда на ракете? Меня, да будет вам известно, вообще не должно здесь быть. Мои книги сожгли по ошибке. Я не писал о сверхъестественном, об ужасах и кошмарах, как вы, По, или вы, Бирс, или прочие. Попрошу не равнять меня с вашей кликой!

— Но у вас подвешен язык, — обхаживал его По. — Вы можете выйти навстречу людям из ракеты, уболтать их, усыпить их бдительность… а уж мы расправимся с ними.

По сунул руки в складки плаща и достал оттуда черную кошку.

— Это для одного из наших гостей, — пояснил он с улыбкой.

— А для остальных?

По вновь самодовольно улыбнулся:

— Преждевременное погребение.

— Вы жестокий человек, мистер По.

— Я напуган и зол. Я творец, мистер Диккенс, такой же творец, как и вы, как и мы все. И наши творения — подданные, если угодно, — в опасности. Их изгнали, предали сожжению, четвертовали, запретили, уничтожили и выбросили. Созданные нами миры обращены в прах. В такие времена даже творцы должны становиться на путь разрушения!

— Зачем? — нетерпеливо осведомился Диккенс, желая поскорее вернуться к празднику, музыке и угощениям. — Может, все-таки объясните, что мы здесь делаем? Как мы вообще тут оказались?

— Война порождает войну. Разрушение порождает разрушение. Сто лет назад, в две тысячи двадцатом году, земляне объявили наши книги вне закона. Но этого им показалось мало — они решили искоренить наше литературное наследие. Так что нам пришлось восстать… С того света?

Из посмертия? Не люблю абстракций, однако ответа у меня нет. Знаю лишь, что наши творения воззвали к нам и мы попытались спасти их, но единственное, что нам удалось, — это скрыться здесь, на Марсе, и выжидать в надежде, что земляне сами не выдержат груза недоверчивых ученых. Увы, теперь они летят, чтобы вывезти нас и отсюда, вместе с темными порождениями ужаса, алхимиками и ведьмами, вампирами и оборотнями, которые были вынуждены бежать вслед за нами, когда наука проникла в каждый уголок Земли и не оставила им иного выхода. Вот почему вы должны помочь нам. Вы умеете убеждать. Вы нам необходимы!

— Повторяю, я не с вами, и я не одобряю ни вас, ни вам подобных! — гневно воскликнул Диккенс. — Я не имею дела с ведьмами, вампирами и прочей полуночной дрянью.

— А как же «Рождественская песнь»?

— Подлый поклеп! Одна-единственная повесть! Ну, может, написал еще парочку историй с привидениями… Что с того? Мои главные труды никак не связаны с этой чепухой!

— И тем не менее вас приравняли к нам. Уничтожили ваши книги — ваши творения, ваши миры. Неужели вы не желаете отомстить, мистер

Диккенс?

— Да, они весьма невежественны и грубы, этого не отнять, но и только… Всего доброго!

— Отпустите с нами хотя бы мистера Марли!

— Нет!

Дверь захлопнулась. В то же мгновение к дому, скользя по заиндевевшей мостовой, подъехал огромный дилижанс. Кучер наигрывал на трубе веселую мелодийку. Из дилижанса, смеясь и подпевая, вывалились раскрасневшиеся от мороза члены Пиквикского клуба. Они заколотили в дверь и, когда им открыл толстенький мальчуган, осыпали его громогласными и добродушными поздравлениями.

По спешил вдоль полночного берега высохшего моря. Останавливаясь у дымных костров, он выкрикивал приказы, заглядывал в кипящие котлы, проверял готовность ядов и начерченных мелом пентаграмм.

— Хорошо! — говорил он и бежал дальше.

— Отлично! — кричал он и снова убегал.

Постепенно к нему присоединялись другие: Коппард и Мейчен, а также полные ненависти змеи, кипящие злобой демоны, изрыгающие огонь бронзовые драконы, плюющиеся ядом гадюки, трясущиеся ведьмы. Стонущие, бушующие

и сквернословящие, они облепляли По, как репей, как крапива, как шипы, как мусор, выброшенный последним приливом моря воображения на берег отчаяния.

Вдруг Мейчен опустился на холодный песок и по-детски захныкал. Его успокаивали, но он не слушал.

— Я лишь сейчас подумал: а что с нами станет, когда уничтожат последние наши книги?

Воздух начал сгущаться.

— Типун тебе на язык!

— Так что же? — не унимался Мейчен. — Вот надвигается ракета. Это за вами, По, за вами, Коппард, за вами, Бирс! Вы все бледнеете, как дым, расплываетесь, ваши лица тают…

— Смерть! Для всех нас наступит смерть — окончательная и бесповоротная!

— Мы существуем только благодаря страданиям землян. Если они все-таки прикажут уничтожить последние наши труды, то мы сгинем, как задутые свечки.

Коппард склонил голову:

— Так что же я такое? Кто на Земле меня помнит? Какой-нибудь африканский дикарь? Отшельник, читающий мои произведения? Одинокий огонек под натиском времени и науки?

Бледный фонарь, поддерживающий меня в моем воинственном изгнании? Или какой-нибудь мальчишка, случайно и так вовремя нашедший мой томик на заброшенном чердаке? Ох, как вчера ночью я был болен, очень плох, болен до мозга костей. Помимо тела телесного ведь есть еще и тело духовное, и вот мое духовное тело мучилось всеми сияющими членами. Той ночью я чувствовал себя гаснущей свечой. И вдруг я ожил, загорелся вновь! То земной мальчишка забрел на затхлый полутемный чердак и, задыхаясь от пыли, открыл мой пожелтевший томик! Дал мне еще один глоток жизни!

Со стуком распахнулась дверь лачужки на побережье. Оттуда вышел тощий, в складках кожи, невысокий старичок. Не обращая ни на кого внимания, он сел на песок и уставился на сжатые кулаки.

— Вот кого мне воистину жаль, — прошептал Блэквуд. — Посмотрите на беднягу, чахнет день ото дня. Когда-то он был реальнее нас, а ведь мы — люди. Только представьте: придумали костяк, одели в розовую плоть, снежно-белую бороду, обрядили в бархатный костюм и сапоги, добавили оленей, мишуру, еловые ветки. Веками откармливали, пестовали, и что потом? Поиграли и

выбросили в мусорный бак.

Все замолчали.

«Как же они там, на Земле, живут? — думал По. — Без Рождества? Без украшенных деревьев, жареных каштанов, гирлянд, хлопушек и свечей? Один только снег, ветер да скучные реалисты…»

Все посмотрели на тощего старичка с плешивой бородой и в линялом костюме красного бархата.

— Вам известно, как это случилось?

— Могу представить. Психиатр со сверкающими глазами, хитрец-социолог, обиженный на жизнь педагог, что-то доказывающий с пеной у рта, лишенные фантазии родители…

— Печальная ситуация для торговцев рождественскими подарками, — сказал Бирс с улыбкой. — Помнится, они начинали украшать свои лавочки и зазывать посетителей уже накануне Хеллоуина. В этом году, если еще что-то от них осталось, приступили, надо думать, с сентября.

Не закончив мысль, Бирс вздохнул и упал лицом вниз. Распластавшись на земле, он успел лишь сказать:

— Странное ощущение… — и на глазах у остальных плоть его превратилась в голубую пыль, скелет обуглился и черными хлопьями развеялся по ветру.

— Бирс! Бирс!

— Кончено!

— Его последней книги не стало. Кто-то из землян только что ее сжег.

— Упокой, Господи, его душу. Он сгинул насовсем. Мы существуем лишь благодаря книгам. Если их не останется, нас тоже не будет.

Небо расколол грохот.

Писатели в ужасе закричали и воззрились вверх. В небе, окутанная пламенем, возникла ракета! На берегу закачались светильники, послышался вой, забурлили котлы, запахло зельями. В воздух, холодный и прозрачный, взлетели тыквы со свечами. Сжав костлявые кулаки, ведьма кричала сморщенным ртом:

Эй, корабль, развались!

Всех убей и загорись!

Крик, взрыв, гром, месть!

Яд змеи, кошачья шерсть!

— Надо уходить, — пробормотал Блэквуд. — На Юпитер, на Сатурн или уж сразу на Плутон.

— Отступить? — закричал По, перекрикивая ветер. — Ни за что!

— Я стар и устал!

Старик не врал. По взобрался на огромный

валун и обратился к десятитысячному воинству серых теней, зеленоватых огней и желтых глаз.

— Пороха! — крикнул он.

Потянуло жарким и горьким запахом миндаля, цибета, зиры, мари душистой и ирисова корня.

Ракета неумолимо снижалась с воем, похожим на вопль баньши. По преисполнился гнева. Он вскинул сжатые кулаки, и ему вторил оркестр жара, запаха и ненависти! Словно листья, ввысь взметнулись летучие мыши! Горящие сердца, запущенные из катапульты, рассыпались в воздухе кровавым фейерверком. Но ракета продолжала неумолимо снижаться. По яростно подвывал каждый раз, когда корабль разрезал небо у него над головой! Дно высохшего моря казалось котлованом, ловушкой, в которой они, словно застигнутые лавиной, ждали, когда придет ужасная машина, опустится сверкающий топор, занесенный у них над головами!

— Змеи! — заорал По.

К ракете длинными, светящимися тусклой зеленью лентами устремились змеи. Но она все же опустилась, с огнем и шумом, и теперь покоилась на берегу, выдыхая алые всполохи.

— Все туда! — завопил По. — План изменился! Все туда! Бежим! Бежим! Это наш последний

шанс! Завалим их своими телами! Убьем их!

И тут, будто он приказал бушующему морю изменить течение и выйти из первобытных берегов, яростно вспыхнули пламенные смерчи и, сопровождаемые ветром, дождем, яркими молниями, понеслись к пересохшим устьям рек. Шепча и скрипя, свистя и завывая, бурля и сливаясь в единый поток, они стремились к ракете, которая, потухнув, лежала новеньким металлическим факелом в самом отдаленном кратере. Как будто опрокинулся огромный котел с раскаленной лавой и оттуда хлынули обварившиеся люди, клацающие клыками животные.

Во главе потока бежал По и визжал:

— Убить всех!

Люди выпрыгивали из ракеты с оружием на изготовку. Сделали обход территории, навострив уши и принюхиваясь, как гончие. Никого не было. Понемногу земляне успокоились.

Последним вышел капитан. Послышались краткие приказы: собрать дерево, сложить костер, поджечь. Пламя вспыхнуло мгновенно. Капитан скомандовал подчиненным выстроиться в полукруг.

— Это новый мир, — возвестил он, стараясь, чтобы голос звучал по-деловому, хотя сам тре-

вожно оглядывался на высохшее море. — Старый мир остался позади. Мы начинаем с нового листа и в знак этого еще раз подтвердим свою непоколебимую приверженность науке и прогрессу.

Короткий кивок в сторону помощника.

— Смит, книги.

Языки пламени выхватывали из темноты потускневшие тисненые заглавия: «Ивы», «Изгой», «Возвращение», «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», «Страна Оз», «Пеллюсидар», «Земля, позабытая временем», «Сон в летнюю ночь» — и имена авторов: Артур Мейчен, Эдгар Аллан По, Джеймс Кейбелл, лорд Дансени, Элджернон Блэквуд, Льюис Кэрролл и другие древние, запретные имена.

— В знак прибытия в новый мир мы сжигаем то, что осталось от старого.

Капитан брал книги, рвал оттуда листы и один за другим скармливал их огню.

Вопль!

Отряд рассеялся и навел оружие в сторону безжизненного моря.

И снова вопль! Пронзительный и жалостливый, как у умирающего дракона, как предсмертный вздох кита, оказавшегося на суше, когда океан испарился и ушел в песок. Словно воздух с шумом

наполнил пустоту, там, где буквально мгновение назад что-то было!

Капитан выверенным движением избавился от последней книги.

Воздух перестал дрожать.

Тишина!

Все прислушались.

— Капитан, вы слышали?

— Нет.

— Будто прибой, сэр. На дне моря! Мне показалось, я даже что-то увидел. Вон там. Черная волна. Огромная. Несется на нас.

— Тебе показалось.

— Смотрите, сэр!

— Куда?

— Туда! Видите? Вон там! Город — зеленый город на побережье! Он раскалывается на части и падает!

Среди землян началось шевеление, все хотели это увидеть.

Смит, дрожа, запустил пальцы в волосы, как будто собирался выкопать в голове ускользающую мысль.

— Теперь я вспомнил. Давным-давно, в детстве, я читал книгу. Кажется, «Оз» или что-то вроде… да, точно, Оз. Это Изумрудный город Страны Оз…

— Что за город? Ни разу не слышал.

— Поверьте, это он. В точности такой, как в книге. Я видел, как он рушится и падает.

— Смит!

— Да, сэр?

— Завтра же утром к психиатру.

— Слушаюсь, сэр! — Смит вытянулся по струнке и отсалютовал капитану.

— А теперь — вперед, но осторожно.

Отряд, перехватив оружие, вышел из лучей корабельных прожекторов, ступил на дно узкого моря и направился к низким холмам.

— Ну почему так? Почему здесь никого нет? — разочарованно шептал Смит. — Совсем никого…

Ветер, завывая, бросил ему на ботинки горсть песка.

1949 г.

Тот, кто ждет

Я живу в колодце. Я живу в нем подобно туману, подобно пару в каменной глотке. Я не двигаюсь, я ничего не делаю, я лишь жду. Надо мной мерцают холодные звезды ночи, блещет утреннее солнце. Иногда я пою древние песни этого мира, песни его юности. Как мне объяснить, кто я, если я не знаю этого сам? Я и дымка, и лунный свет, и память. И я стар. Очень стар. В прохладной тиши колодца я жду своего часа и уверен, что когда-нибудь он придет…

Сейчас утро. Я слышу нарастающие раскаты грома. Я чую огонь и улавливаю скрежет металла. Мой час близится. Я жду.

Далекие голоса:

— Марс! Наконец-то!

Чужой язык, он незнаком мне. Я прислушиваюсь.

— Пошлите людей на разведку!

Скрип песка. Ближе, ближе.

— Где флаг?

— Здесь, сэр.

— Ладно.

Солнце стоит высоко в голубом небе, его золоти-

стые лучи наполняют колодец, и я парю в них, как цветочная пыльца, невидимый в теплом свете.

— Именем Земли объявляю территорию Марса равно принадлежащей всем нациям!

Что они говорят? Я нежусь в теплом свете солнца, праздный и незримый, золотистый и неутомимый.

— Что там такое?

— Колодец!

— Быть этого не может!

— Точно! Идите сюда.

Я ощущаю приближение теплоты. Над колодцем склоняются три фигуры, и мое холодное дыхание касается их лиц.

— Вот это да-а-а!

— Как ты думаешь, вода хорошая?

— Сейчас проверим.

— Принесите склянку и веревку!

— Сейчас.

Шаги удаляются. Потом приближаются снова. Я жду.

— Опускайте. Полегче, полегче.

Преломленные стеклом блики солнца во мраке колодца. Веревка медленно опускается. Стекло коснулось поверхности, и по воде побежала мелкая рябь. Я медленно плыву вверх.

— Так, готово. Риджент, ты сделаешь анализ?

— Давай.

— Ребята, вы только посмотрите, до чего красиво выложен этот колодец! Интересно, сколько ему лет?

— Кто его знает? Вчера, когда мы приземлились в том городе, Смит уверял, что марсианская цивилизация вымерла добрых десять тысяч лет назад.

— Ну, что там с водой, Риджент?

— Чиста как слеза. Хочешь попробовать? Серебряный звон струи в палящем зное.

— Джонс, что с тобой?

— Не знаю. Ни с того ни с сего голова заболела.

— Может быть, от воды?

— Нет, я ее не пил. Я это почувствовал, как только наклонился над колодцем. Сейчас уже лучше.

Теперь мне известно, кто я. Меня зовут Стивен Леонард Джонс, мне 25 лет, я прилетел с планеты Земля и вместе с моими товарищами Риджентом и Шоу стою возле древнего марсианского колодца.

Я рассматриваю свои загорелые сильные руки. Я смотрю на свои длинные ноги, на свою серебристую форму, на своих товарищей.

— Что с тобой, Джонс? — спрашивают они.

— Все в порядке, — отвечаю я. — Ничего осо-

бенного.

Как приятно есть! Тысячи, десятки тысяч лет я не знал этого чувства. Пища приятно обволакивает язык, а вино, которым я запиваю ее, теплом разливается по телу. Я прислушиваюсь к голосам товарищей. Я произношу незнакомые мне слова и все же как-то их понимаю. Я смакую каждый глоток воздуха.

— В чем дело, Джонс?

— А что такое? — спрашиваю я.

— Ты так дышишь, словно простудился, — говорит один из них.

— Наверное, так оно и есть, — отвечаю я.

— Тогда вечером загляни к врачу.

Я киваю — до чего же приятно кивнуть головой! После перерыва в десять тысяч лет приятно делать все. Приятно вдыхать воздух, приятно чувствовать солнце, прогревающее тебя до самых костей, приятно ощущать теплоту собственной плоти, которой ты был так долго лишен, и слышать все звуки четче и яснее, чем из глубины колодца. В упоении я сижу у колодца.

— Очнись, Джонс! Нам пора идти.

— Да, — говорю я, восторженно ощущая, как слово, соскользнув с языка, медленно тает в воздухе.

Риджент стоит у колодца и глядит вниз. Остальные потянулись назад, к серебряному кораблю.

Я чувствую улыбку на своих губах.

— Он очень глубокий, — говорю я.

— Да?

— В нем ждет нечто, когда-то имевшее свое тело, — говорю я и касаюсь его руки.

Корабль — серебряное пламя в дрожащем мареве. Я подхожу к нему. Песок хрустит под ногами. Я ощущаю запах ракеты, оплывающей в полуденном зное.

— Где Риджент? — спрашивает кто-то.

— Я оставил его у колодца, — отвечаю я.

Один из них бежит к колодцу.

Меня начинает знобить. Слабая дрожь, идущая изнутри, постепенно усиливается. Я впервые слышу голос. Он таится во мне — крошечный, испуганный — и молит: «Выпустите меня! Выпустите!» Словно кто-то, затерявшись в лабиринте, носится по коридору, барабанит в двери, умоляет, плачет.

— Риджент в колодце!

Все бросаются к колодцу. Я бегу с ними, но мне трудно. Я болен. Я весь дрожу.

— Наверное, он свалился туда. Джонс, ведь ты был с ним? Ты что-нибудь видел? Джонс! Ты

слышишь? Джонс! Что с тобой?

Я падаю на колени, мое тело сотрясается как в лихорадке.

— Он болен, — говорит один, подхватывая меня. — Ребята, помогите-ка.

— У него солнечный удар.

— Нет! — шепчу я.

Они держат меня, сотрясаемого судорогами, подобными землетрясению, а голос, глубоко спрятанный во мне, рвется наружу: «Вот Джонс, вот я, это не он, не он, не верьте ему, выпустите меня, выпустите!»

Я смотрю вверх, на склонившиеся надо мной фигуры, и мои веки вздрагивают. Они трогают мое запястье.

Сердце в порядке.

Я закрываю глаза. Крик внутри обрывается, дрожь прекратилась. Я вновь свободен, я поднимаюсь вверх, как из холодной глубины колодца.

— Он умер, — говорит кто-то.

— От чего?

— Похоже на шок.

— Но почему шок? — говорю я. Меня зовут Сешенс, у меня энергичные губы, и я капитан этих людей. Я стою среди них и смотрю на распростертое на песке тело. Я хватаюсь за голову.

— Капитан?!

— Ничего. Сейчас пройдет. Резкая боль в голове. Сейчас. Уже все в порядке.

— Давайте уйдем в тень, сэр.

— Да, — говорю я, не сводя глаз с Джонса. — Нам не стоило прилетать сюда. Марс не хочет этого.

Мы несем тело назад, к ракете, и я чувствую, как где-то во мне новый голос молит выпустить его. Он таится в самой глубине моего тела.

На этот раз дрожь начинается гораздо раньше. Мне очень трудно сдерживать этот голос.

— Спрячьтесь в тени, сэр. Вы плохо выглядите.

— Да, — говорю я. — Помогите!

— Что, сэр?

— Я ничего не сказал.

— Вы сказали «помогите».

— Разве я что-то сказал, Мэтьюз?

У меня трясутся руки. Пересохшие губы жадно хватают воздух. Глаза вылезают из орбит. «Не надо! Не надо! Помогите мне! Помогите! Выпустите меня!»

— Не надо, — говорю я.

— Что, сэр?

— Ничего. Я должен освободиться, — говорю я и зажимаю себе рот руками.

— Что с вами, сэр? — кричит Мэтьюз.

— Немедленно все возвращайтесь назад, на Землю! — кричу я.

Я достаю пистолет.

Выстрел. Крики оборвались. Я со свистом падаю куда-то в пространство.

Как приятно умирать после десяти тысяч лет ожидания! Как приятно чувствовать прохладу и слабость! Как приятно ощущать, что жизнь горячей струей покидает тебя и на смену идет спокойное очарование смерти! Но это не может продолжаться долго.

Выстрел.

— Боже, он покончил с собой! — кричу я и, открывая глаза, вижу капитана, лежащего около ракеты. В его окровавленной голове зияет дыра, а глаза широко раскрыты. Я наклоняюсь и дотрагиваюсь до него.

— Глупец! Зачем он это сделал?

Люди испуганы. Они стоят возле двух трупов, оглядываются на марсианские пески и видневшийся вдали колодец, на дне которого покоится Риджент. Они поворачиваются ко мне. Один из них говорит:

— Теперь ты капитан, Мэтьюз.

— Знаю.

— Нас теперь только шестеро.

— Как быстро это случилось!

— Я не хочу быть здесь! Выпустите меня!

Люди вскакивают. Я уверенно подхожу к ним.

— Послушайте, — говорю я и касаюсь их рук, локтей, плеч.

Мы умолкаем. Теперь мы — одно.

— Нет, нет, нет, нет, нет, нет! — кричат голоса из темниц наших тел.

Мы молча смотрим друг на друга, на наши бледные лица и дрожащие руки. Потом мы все как один поворачиваем голову и обращаем взгляд к колодцу.

— Пора, — говорим мы.

— Нет, нет, нет, — кричат шесть голосов.

Наши ноги шагают по песку, как двенадцать пальцев одной огромной руки.

Мы склоняемся над колодцем. Из прохладной глубины на нас смотрят шесть лиц.

Один за другим мы перегибаемся через край и один за другим несемся навстречу мерцающей глади воды.

Я живу в колодце. Я живу в нем подобно туману, подобно пару в каменной глотке. Я не двигаюсь, я ничего не делаю, я лишь жду. Надо мной мерцают холодные звезды ночи, блещет утреннее солнце. Иногда я пою древние песни этого мира, песни

его юности. Как мне объяснить, кто я, если я не знаю этого сам? Я просто жду.

Солнце садится. На небо выкатываются звезды. Далеко-далеко вспыхивает огонек. Новая ракета приближается к Марсу…

1949 г.

Чума

Посреди ночи марсианин проснулся.

— Я умираю, — подумал он и после скоротечного приступа ужаса сразу же успокоился, не вставая с постели. — Мое имя? Как меня зовут? Я умираю и должен знать, как же меня зовут. Ведь если я не вспомню, то кто же тогда? Запамятовал. Я умер. Уже наполовину омертвел. Ноги. Не могу пошевелить ногами. Левая рука словно одеревенела.

Он повернул голову, чтобы взглянуть на жену. Но она уже умерла. Он это сразу понял, даже не видя ее. Достаточно было прислушаться — ни звука, и он догадался, что она бездыханна и неподвижна. Когда его зрение привыкло к темноте, он увидел, как она, словно мрачная лодочка, покачивается на волнистой мгле опочивальни. На ложе из тумана, на которое они всходили каждую ночь, возлежала его жена, но, боже мой, какого она цвета!

— Она почернела, — думал он. — В жизни не видывал такой черноты. Она так и не догадалась, не поняла. Даже не проснулась. Горячка сожгла ее мгновенно. Она обуглилась, веки завяли, руки

иссохли, как черный воск. О, она стала чернее ночи!

— Как же это случилось, — недоумевал он, а потом его осенило.

— Сон, видение, — подумал он. — Да, именно, видение. Как она их называла? Люди с неба! Йорк. Йорк. Натаниел Йорк. Чужаки. С чуждыми именами. Йорк и компания с небес. Вот они-то и убивают нас в наших же постелях. Проникли ночью, тихой сапой, не постучав, и спалили нас черной порчей и лихорадкой в наших спальнях. Боже! Как неудержимо! Вот уже и правая рука! Все тулово мое словно окаменело!

— Но они же умерли, — произнес он вслух, обращаясь к комнате. — Эти люди со звезд мертвы!

— А зараза пережила их и теперь мстит нам, — подумал он. — Ее развеяло ветром по городам. Так? Значит, сказания, слухи, видения, все эти враки и полунамеки были правдивы. Старушечьи россказни и детская трескотня про падучие звезды и диковинных людей — все правда. Сколько их было на звездных кораблях? Я видел только двоих. Но их было больше. Что там говорила та маленькая девочка в городе? Командир и трое подчиненных. Всего лишь молва да кривотолки в устах людей из каменных домов для умалишен-

ных? Нет. Я знаю разгадку тайны. Лишь я один. Интересно, а остальные догадывались? Сколько таких, как я в городах, пробуждаются с воплями, сознавая, что кошмар случился не во сне, а наяву? Как они забавлялись, высмеивая болтовню про людей со звезд! Сколько месяцев продолжались все эти хиханьки да хаханьки! А я знал и помалкивал. А то они упекли бы меня в клетку и ушли бы восвояси, пожимая плечами и посмеиваясь. Теперь они не смеются.

Он уже почти умер. Он пошевелил губами, чтобы убедиться в том, что может ими шевелить, чтобы доказать себе, что хотя бы какая-то толика его самого еще живет. Он ощущал, как помпа у него внутри накачивает его черными чернилами и жаром, сжигающим лицо. Его зрение затуманилось.

— На том краю нашей вселенной, — думал он, — Ваятели Сновидений, вылепленные из другого теста и роду-племени… А что же они? Неужели не догадывались? Не знали? Люди иной породы — привыкшие давать отпор, деятельные, ничему не верящие, все ставящие под сомнение. Они-то сопротивлялись? Что-нибудь предприняли?

— Да, теперь я припоминаю. — Он смежил веки. — К нам просочились слухи. Ужасно лю-

бопытные слухи. О другом звездолете и о людях, которые высадились из него среди Ваятелей Сновидений. И они нашли городок, сотканный из их же собственных воспоминаний. И были погребены под музыку, речи и возгласы. Шуточка хоть куда! А теперь слишком поздно. Мы все смеемся. До нас дошло, что это была и не шутка вовсе, не какая-то там небывальщина. Хотел бы я в эту ночь заглянуть в тысячу комнат и узреть в них черных, обугленных людей, с черными губами и черной плотью, и сказать им: «Я знал». Я давно знал. То тут, то там многие из нас догадывались, но ничего не говорили. До многих доносились странные песнопения и музыка, и они не могли спать по ночам. Некоторые занимались любовью в уединении. А один из нас взял ружье и вышел навстречу видению, полуправде и выдумке, выстрелил и убил видение, а теперь видение убивает нас. Видение прокрадывается в каждую комнату, душит и окрашивает нас, и мы мрем. Но мы уже давно мертвы в этом мире. Мы десять тысяч лет как умерли. Города опустели. Лишь немногие выжили в нескольких поселениях. Горстка. Тысяч сто, не больше. Семена, развеянные по пескам, в которых десять тысяч лет тому назад мы были могущественны.

Он почувствовал перебои в сердце. Открыл глаза и посмотрел в окно. Вдалеке он увидел несколько песочных кораблей, плывущих в сторону гор.

— Спасаются бегством, — устало подумал он. — Лишь немногие. Да, немногие избегут черного недуга. В горах. Оставив позади мертвые города с черными обугленными мертвецами.

Белые паруса исчезли в песчаных просторах.

— Еще мгновение, — подумал он, — и я умру. Как же меня зовут? Где я?

Он уронил голову и еще раз взглянул на жену.

— Как ее зовут? Кто она?

На последнем издыхании он взглянул на нее, такую далекую, в крохотном море мглы в затемненной комнате. И наконец ее имя всплыло в его памяти, и он выкрикнул его, взывая к ней через море.

— Илла! — воскликнул он. — Илла!

И умер.

1949 г. Опубликовано в 2010 г.

Разгар лета

Настала пора, и заполыхало в небе и на земле. Желтое глянцевое пламя охватило пшеничные нивы и кукурузные поля, жилища поглотил белый огонь, а житницы — красный. Пришло время Солнца — марсианский август, пышущий жаром месяц с разряженным воздухом. Словно тонкая пелена опадала в каналах на ложе раскаленных каменных рек. Оседали на курящиеся, пересыхающие русла челны, как хрупкие листья. Наступила пора пота, что катился градом, моросящего дождика, что обращался в пар, если присмотреться. Пора теплой пряной пыльной взвеси витать в воздухе. Черед запирать двери сельских домов, зашторивать окна. Время змеям уползать с глаз долой. Весь день, словно дети, тени путались под ногами, убегая от нас только на закате.

2010 г.

Призраки Марса

— А я не верю, — сказала мама.

— Тогда сходи убедись сама, — сказал Еем и убежал.

Делать нечего, пришлось ей вперевалочку спускаться во мрак и сырость песчаного подземелья, пройти по одному коридору, свернуть в другой, мимо старых тюремных камер, ведь основанием их дому служила древняя портовая темница. И когда она добралась до конца каменного туннеля, то, схватившись за грудь, исторгла из себя крик:

— А-а-а!

— Вытащи нас отсюда! — завопил Призрак.

— Отопри дверь! — гаркнул второй Призрак, еще бледнее первого.

Мама пулей взлетела по ступенькам, и ее тут же вырвало.

* * *

Какие-то матросы встретили маму на булыжной дороге близ Титха. Она прошагала два часа, проехала на попутной машине, совсем выбилась из сил и пребывала в отчаянии.

— Мой дом захватили… призраки! Они лопочут на странных языках и сидят в камерах под нашим двором!

Матросы переглянулись.

— Денек, видать, выдался жаркий?

Один из них кивнул и подмигнул другому.

— Пойдем с нами, — сказал он.

— Мне нужно к мужу, — застонала она. — Уж он-то с ними разберется.

— Ладно, — ответили они.

* * *

Дети вернулись в песочный дом, собрались у камеры и заглянули внутрь.

— Убирайтесь, подлые воришки! — закричал Призрак.

— Что он говорит? — спросил Еем.

— Не знаю, — ответил Катхм.

— Что он говорит? — прошелестел Призрак.

— Не знаю, — прошептал Фантом.

— Говорят на неизвестном марсианском языке.

— Говорят на языке призраков, — сказал Еем. — Жаль, я ничего не понимаю.

— Жаль, я ничего не понимаю, — сказал Призрак с дикой желтой шевелюрой.

* * *

Депутация из Латхвса спустилась по ступенькам в подземелье, погрузившись в могильный холод. Они молча и чинно прошли по каменному коридору, кивая друг другу, прикасаясь к плесени и железным решеткам, перешептываясь и жестикулируя. Свернули за угол и приблизились к камере.

— Вытаскивайте нас отсюда! — заголосил Черный Призрак.

— Будьте вы прокляты! — заорал Красный Призрак.

Депутация как ошпаренная взлетела вверх по лестнице.

— Привидения, химеры!

На солнцепеке их колотил озноб.

— Привидения, именно, злобные, жуткие химеры!

— Их нужно уничтожить!

— Уничтожить!

Они ухватились друг за друга, чтобы устоять на ногах.

— А кто этим займется? Не ты ли, часом, Ылт?

— Это не входит в мои обязанности. По этой части у нас Ремм.

— Еще чего! Нужно провести судебное разбирательство и судить мать с отцом за колдовство!

— Вы видели, во что превратился Кемм? Он умер, как только Призрак прикоснулся к нему. Почернел и умер.

В застенке один призрак повернулся к другому.

— Видишь, что ты натворил?

— Это я-то? Это мы оба.

— Ты притронулся к нему. Чем ты вообще болен?

— Чем я болен, придурок? Да ничем! Какой-то микроб. Для меня, для тебя, для всех землян он безвредный. А для него — смертельный. Боже, как же он мгновенно обуглился. Ну и влипли же мы. Жди теперь беды.

— Все равно, зря ты его тронул!

* * *

Депутация обрушила на них огонь, после огня залила кислотой. После кислоты изрешетила пулями. После пуль завалила их камнями, грязью и песком, пока узилище не оказалось глубоко погребенным. Затем они снесли дом. По кирпичику. И развеяли по всем четырем сторонам света. Мать и отца, умолявших о пощаде и отрицавших свои

злодейства, порубили на тысячи кусочков и похоронили в тысяче городов. За детьми установили строгое наблюдение и определили их в новую семью, в которой нередко поздними ночами они говорили про призраков.

— Как ты думаешь, мама и папа были ведьмами?

— Наверняка. Страшно подумать.

Спустя год, когда призраки вновь появились на Марсе, то, вполне естественно, вину возложили на детей и безотлагательно умертвили.

* * *

Той ночью ветер взметал песок и заставлял свет звезд осыпаться как снег. В ту ночь окна дребезжали, словно хрустальные косточки, и сердце бурным потоком перегоняло кровь. Все обитатели дома оторвали головы от мятых подушек, протерли глаза и обратились в слух. Ведь внизу, во дворе, воцарился мрак, доносились шепоты, возгласы — призраки вернулись!

— Эй, кто-нибу-у-удь! — завывали призраки. — Эй, кто-нибу-у-удь, — крики удалялись.

— Ш-ш-ш! — дети прильнули друг к дружке, сжав кулачки. Свернулись клубочками в своих постельках.

— Эй, кто-нибу-у-удь! Кто-нибу-у-удь! — заскрипели шаги на хрустальном песке. Раздавался хруст крошащихся алмазов.

— Эй, кто-нибу-у-удь! — Голоса смолкли.

Мама впопыхах вбежала в комнату с синим факелом в руке.

— Дети, у вас все в порядке?

— Да!

Она обняла их.

— Папа захворал. Что-то с сердцем. Опять эти призраки. Просто невыносимо.

В распахнутые окна проникли голоса. В глухой ночи голоса перемешивались с ветром. Дети подняли головы с теплых подушек, чтобы повернуться, прищурить глаза, приложить к ушам сложенные ладошки.

— Сюда, сюда, — произнес голос во дворе.

— Осторожно, — промолвил другой голос в лунном свете.

— Это и есть Марс?

— Да.

— Что-то мне на Землю захотелось!

Дети вцепились друг в друга, чтобы не завизжать от ужаса.

И так продолжалось каждую божью ночь.

— Что говорят голоса? — спросила десятилет-

няя девочка Эйо.

— Они говорят на неведомом нам языке, — ответил мальчик Тиа.

Голоса слышались минут десять или около того, а потом умчались, оседлав раскаленный вихрь. Серебристый снаряд растворился в небесах.

— Призраки, призраки! — стонал папа.

Наутро он не мог ни есть, ни работать в знойный день, а лежал пластом в постели, парализованный встречей с фантомами.

Домашний очаг разваливался на глазах. Всех обуяла паника. Тиа сжал запястья сестренки и сказал, глядя ей в глаза:

— Ночью я поставлю западню, и мы поймаем призраков!

— О-о, Тиа! — вскричала она. — Какой ты храбрый!

Весь день он проработал во дворе с сосредоточенным лицом.

Ночью с дрожащими губами и издерганными от ожидания нервами они думали о призраках, тряслись и холодели в своих постелях, не в силах смежить желтоватые глаза. Ведь они только и слышали про этих призраков от мамы и папы, от тетушек и дядюшек. И вот, как только двойные марсианские луны поднялись над голубыми

марсианскими холмами, они подкрались к окну и выглянули наружу. Ирил, Крр и Вии — все трое, затаив дыхание, ждали и следили за мглистым небом.

2010 г.

Джемима Трю

Джемима Трю прилетела на Марс весной 2160 года, и мужское население города-новостройки опустило ступни с подножки бара на пол, не отрывая глаз, ибо она была обворожительна, притягательна, а они все стояли, глядя ей вслед, хотя она давно исчезла из виду.

Это было шестое по счету здание, сколоченное в городе, снабженное лестничным пролетом, ведущим наверх, и дверью в длинный коридор, сквозь которую можно было поглазеть на женщин с перламутровыми телами, чей смех доносился до самых марсианских каналов. Аромат их духов был слаще домашней пищи для приходивших после работы на жаре парней, которые трудились, чтобы отстроить Марс по образу и подобию Земли. На окраине города, где холмы плавно спускались навстречу искусственному освещению, стоял дом, в котором не смолкал грохот падающих канделябров (опрокинутых бутылок) и топот.

Джемима Трю была молодой женщиной из комнаты № 1, с волосами, подобными вспышке солнечного света, и белоснежной кожей.

Поначалу земляне прибывали не очень охотно, зато потом пошли косяком. Первыми прилетели самые любознательные. Микроскопист со своим инструментом, в боевой готовности и с горящими глазами, вырвался на увядшие просторы Марса в поисках невиданных одноклеточных организмов, инфузорий и амеб. Ученый лихорадочно метался из стороны в сторону, жаждая, подобно Тому Вулфу, проглотить все книги, ко всему прикоснуться, перерыть, осмыслить, переварить уйму новых материалов, и присвоить им названия. А формы жизни! Боже мой, какие там формы жизни! Крошечные существа из пыльцы, твари, обитающие на холмах, создания, сотканные из воздуха!

Они завезли пятнадцать тысяч футов орегонской сосны, семьдесят пять тысяч футов калифорнийской красной древесины и соорудили чистенький, аккуратненький городишко на берегах каменного канала. По воскресным вечерам в красных, синих и зеленых витражах церквей зажигались огни и слышалось пение занумерованных гимнов.

— Теперь споем 79-й. А теперь споем 94-й.

А из некоторых домов доносился стрекот пишущей машинки. Это трудился романист. Из

некоторых домов доносился скрип пера. Это творил поэт. Или ничего не доносилось. Это работал бывший бездельник. Казалось, будто величайшее землетрясение вырвало со всеми потрохами некий городок в Айове, а смерч из Страны Оз перенес его целиком на Марс и поставил на место без малейшего толчка.

Он бежал по улицам с маской в руке. Он нахлобучил ее и завыл: «Буууу!» Он прятался за зелеными вязами. Он хоронился под речными мостами, зажмурив глаза, в одиночестве, зарываясь все глубже и глубже. Ибо настал Хеллоуин, и ветер сдувал ребятишек с залитой лунным светом лужайки из бетона и смолы, сквозь чащи штакетника, а большие, как бледная луна, башенные часы на здании суда отбивали время, торжественно и скорбно, и звезды описывали круг на исполинском чертовом колесе, что раскинулось от горизонта до горизонта.

2010 г.

Деды были у всех

Среда 17 мая 2001 года, планета Марс.

Люди пробираются сквозь жесткие травы с мотками белой бечевки в руках, а за ними следом идут люди со стальными кувалдами и вбивают в землю колышки. Они привязывают к ним бечевку. По всей округе необъятной паутиной гудят веревки.

— Здесь почта, ратуша, там бакалея, тут каталажка, галантерея, мелочная лавка…

Они размахивали руками во все стороны света, поплевывали, придерживали шляпы на ветру.

— Боязно, — прошептал Самсон Вуд, — до чего же боязно.

— Что? — спросил шериф города Нигде на Марсе.

— Представляете, это же первый город, самый первый на всем Марсе, — сказал Самсон Вуд. — На этой земле. Только шпагат гудит. Слышите, как подвывает. Боже мой!

Они прислушались к струнам, намотанным на колышки, к огромной, распростертой на земле арфе, играющей свою мелодию.

— Есть другие, древние города, построенные

марсианами?

— Да, но этот особенный. Этот — наш. Этот город — мы сами, — медленно промолвил Самсон Вуд. — Его глаза сощурились до щелочек и слезились на раннем утреннем холодке. Он высморкал свой крупный нос. — Не каждый день выпадает такое, когда можешь сказать, что присутствовал при закладке первого города, когда натягивали шпагат на колышки, заливали бетон в фундаменты и забивали первый гвоздь. Господи, это все равно что попасть в Эдем, с Адамом, Евой, и все такое прочее.

— Да уж, — сказал шериф.

— Все это знакомо, — задумчиво сказал Самсон Вуд.

— Откуда?

— Фронтир. Взгляните. Взять хотя бы этот участок. Он похож на Вайоминг. Он мог бы вполне оказаться и в Миннесоте, и в Айове. Но больше всего он похож на Дикий Запад. Так и ждешь, что вот-вот, откуда ни возьмись, выскочит походная кухня, и кто-нибудь запустит в меня коврижкой и гаркнет «Кормежка!», и все сорвутся с места. Вам знакомо это гулкое громыхание сапог, когда все бегут? Оно и сейчас у меня в ушах.

— Так вот вы откуда? — спросил шериф.

— Вайоминг? Да, черт возьми. А еще Аризона и Техас. Я немало поездил. Вот поэтому-то я не мог не прилететь сюда. Меня никогда не тянуло путешествовать по Европам-Азиям. Но Марс — совсем другое дело.

Он насытил свой взор необъятными просторами пустошей. Он оглянулся, стоя рядом с шерифом, напряженно, до слез всматриваясь в дальние дали.

— Я здесь для того, чтобы что-то найти. Я не знаю, что именно. Нечто такое, чего у меня не было на Земле. Я даже не знаю, чего хочу или зачем я здесь, но я собираюсь найти это нечто. Как только увижу, сразу пойму.

— Пожалуй, мы все здесь ради этого.

— Особенно я. По ночам в полете меня охватывал страх. Я думал: а что, если я ничего не найду, когда прилечу? А вдруг мне придется возвращаться на Землю с пустыми руками? Такие вот мысли меня посещали.

— Есть такое.

— Мой дед отправился на Запад в 1890 году. Всю свою жизнь я только и слышал про Запад, про освоение, крытые фургоны, про индейцев, бордели, банды и шайку братьев Джеймс. Дед рассказывал мне у костра по ночам и играл на

гитаре. Господи, я и сейчас слышу его пение.

— Да, славное было времечко, — сказал шериф.

— Отменное! Ты мог сказать, не нравится мне Нью-Йорк, и укатить в Иллинойс, а когда Иллинойс надоедал, ты отправлялся в Оклахому. В Техас, на просторы, потом на море. Они долго не выходили на морское побережье, а потом остановились. Это все равно что прекратить кровообращение в руке. Пока еще можно было передвигаться, находить новые места, все складывалось не так уж плохо. Но вот ты добрался до последнего берега последней суши и начинаешь скисать. Когда кровь перестала бежать по жилам Земли, а войны стали заметно оживленнее и увлекательнее, и жареным запахло совсем близко.

— Так оно и есть, — сказал шериф.

— Помню, как дед рассказывал про бар в кактусовом городишке с хрустальной люстрой размером с Млечный Путь, и всякими бутылками с желтыми и красными этикетками, и зеркалом величиной с замерзший пруд, по которому деду, как только он напивался, хотелось покататься на коньках, и про красные кулисы, и отплясывающих девиц с медными волосами, про парней, ставящих ноги на подножку бара, про мешочки

с золотым песком, про бильярдные шары, раскатывающие по зеленым столам, про игроков, натирающих мелом кий, щелкающих картами под светом подвесных ламп, и про тренькающее пианино. Боже! Я запомнил этот бар и витающие в нем запахи так, словно я там был. Дед выложил мне все до последней мелочи, до узоров на древесине, вплоть до окурков в латунной плевательнице, каждый флеш-рояль и каждую розовую подвязку.

— И вот вы на Марсе, — сказал шериф.

— Именно! — Самсон Вуд лихорадочно вычесывал белые волоски из бороды. — Боже! В тот день, когда я прочитал, что первая ракета долетела до Марса, то не мог уснуть всю ночь. Распахнул окна настежь и глазел на звезды. Дозвонился до обсерватории в три ночи, чтобы узнать, какая из всей этой чертовой уймы звезд Марс!

Шериф рассмеялся.

Самсон Вуд тоже.

— Ну, они мне и говорят: красная над западным горизонтом, под утро. Я посмотрел. В самом деле. Так и есть. И я сказал себе: нет ни берега, ни моря, а новый рубеж, новый фронтир — вот он. Целая тыща фронтиров! Веками наносили на карту и строили в небесах. И я подумал, ах, был

бы жив дед!

— И вы прилетели, — сказал шериф.

— Уложил в свой фибровый чемодан серебряные пистолеты, ковбойскую шляпу-ведро и заглянул в кубышку. За сорок лет я скопил тридцать тысяч долларов. Мне шестьдесят пять, сердце пошаливает. А ведь выгляжу неплохо, да? Выложил тысячу долларов за билет в один конец. Боже упаси, если мне здесь не понравится. С моими-то привычками тратить деньги на обратную дорогу может и не хватить. Я хочу завести свое дело. Не знаю какое. Что-то такое, что доставляет мне удовольствие. А то неудовольствия в моей жизни хватало через край. Может, для начала поплотничаю малость. Потом, когда отойду от дел, еще не очень старым, обзаведусь в этой прерии хижиной, гитарой и будут петь своим внукам. Да, я еще собираюсь жениться, ей-богу, я еще буду годен для этого. Потом я расскажу своим детям про первый город, и про рубеж, и про все-все, что тут есть. Господи, шериф, я самый счастливый человек на Марсе!

— Черт побери, это уж точно, — усмехнулся шериф. — Вон, взгляните! Пополнение летит!

Шериф и Самсон Вуд зашагали к неожиданно раскалившейся посадочной площадке. Для

охлаждения летного поля огромные снегометы обрушили лавину льда и снега, чтобы по нему можно было ходить. Словно по волшебству, закружила метель.

Люк первой ракеты откупорился. Люди в серебристых скафандрах сбежали вниз по переносному трапу, а следом за ними, не столь проворно, сошли настороженные пассажиры. Они стояли на земле с таким видом, будто она могла в любой миг разверзнуться у них под сапогами. Они сдвинули свои ковбойские шляпы на затылок, с прищуром уставились на синие холмы, и тонкие морщинки прорезались вокруг их зорких глаз, привыкших жмуриться от солнечного света. Но в утреннем небе далекое солнце сжалось до снежного комка и стало едва ли не таким же холодным. В воздухе повеяло морозцем.

Самсон Вуд аж выронил чемодан.

— Чтоб я сдох! Боб Коу! Неужто ты?

Один из прибывших, мужчина в ладно сидящих джинсах с медными заклепками, забыл про самокрутку во рту да так и замер с ярлычком «Булл Дарема» в зубах и болтающимся кисетом. Он разжал зубы, и табак с папиросной бумагой разлетелись во все стороны.

— Самсон Вуд! Кого я вижу!

Они ринулись навстречу друг другу, закружились в шаркающей пляске, пихая и похлопывая друг дружку.

— Черт возьми, Самсон, что ты тут делаешь?

— А ты?

— Здесь вроде как моя стихия.

— Моя тоже!

— Коротышку Хикса видел?

— И он здесь?

— Не он один. Тут полно наших. Погляди!

По трапу неуклюже спускались еще двое парней с лицами цвета обожженной глины, яркими синими глазами, жилистые, как вяленая говядина.

— Самсон Вуд! — воскликнули они.

Все принялись похлопывать друг друга по спине, смеяться, топать с гиканьем и свистом. А Самсон Вуд поднял свой пистолет и выстрелил шесть раз, переполошив всех на летном поле.

— Уууууаааааа! — возопили все хором.

* * *

Спустя час они сидели в поле гудящих бечевок, уплетая за обе щеки сэндвичи с ветчиной, прикладываясь к общей бутылке и весело переглядываясь.

— Самсон, дай-ка я на тебя посмотрю!

— Смотри!

Они сидели на корточках, раскачиваясь взад-вперед, и давились едой.

— Почему ты не сказал мне, что собираешься лететь?

— Я и сам недавно решил.

— Я тоже.

— Сел в эту треклятую ракету по собственной воле, — объяснял Боб Коу, щурясь. — И кого, ты думаешь, я углядел в заднем ряду? Рыжего Андерсона! А на верхней палубе — Элмер Дриско. А в баре — Бродяга Смит. Где же ему еще быть! И ни один не обмолвился другому, что собирается лететь! Ну и дела!

— Ну и дела! — подхватили все.

— Много еще летит ковбоев? — Самсон почувствовал, как у него заныло, зачастило сердце.

— Сотни!

— За чем же они летят?

— За тем же, за чем ты.

— Ну, мой дед…

— И мой…

— Значит, единогласно. Наши деды…

— Фронтир!

Поднялся всеобщий рев.

— Я гитару прихватил.

— И я.

— Я на своей играть умею.

— Значит, ни один из нас не прикидывается.

Они раскачивались из стороны в сторону.

Они притихли. Самсон Вуд посмотрел на поющие на ветру веревки неподалеку. Он оттянул одну из них и прислушался к ее дрожанию. Он посмотрел на парней, на небо и нащупал деньги в потайном поясе, обернутом вокруг его худой талии. Он дрожащими пальцами прикоснулся к деньгам и залился краской, глаза засияли, и он решил не встревать в разговоры ребят.

— Выращу семьсот голов скота. Скот здесь понадобится.

— А я овец.

— А ты, Самсон?

Самсон ушел глубоко в себя, погрузился в свой колодец, водя зажженной спичкой, продвигаясь в поисках своего пути. Теперь он медленно вернулся в свою компанию.

— Да вот думаю, — сказал он.

— О чем?

Перешептываясь, ребята с неподдельным детским любопытством придвинулись к нему, словно надеялись услышать красивую сказку.

— Я прилетел сюда в поисках чего-то. И сам не знаю чего, — сказал Самсон Вуд. — Я опасался, что не смогу это найти, но теперь оно пришло мне в голову, и я знаю, что я решил здесь совершить.

Все ждали, что же он скажет.

Самсон Вуд изрек:

— Теперь я знаю. Прибудет множество таких, как мы. Внуки своих дедов — все до единого! И будет правильно и отрадно, если к их прибытию они обнаружат здесь определенное заведение, налаженное и работающее на всех парах. Послушайте: если вы, парни, поможете мне с постройкой гвоздями, молотками, пилами, досками и прочим, то я возьму вас в долю. Как только отстроимся, вы сможете купить себе ранчо и еще получите от меня деньги на покупку скота, корма, семян, масла. Ну, так как?

— Что ты задумал?

— Значит, так, — сказал Самсон и, подавшись вперед, тихо улыбаясь, зашептал.

* * *

— Хорошенько обдумайте мое предложение, сэр, — сказал Самсон Вуд.

Мэр Пустого города, Несравненного города, Первого города, Города посреди ничего (как только

его не называли) откинулся на холщовую спинку стула.

— Ограничения, — сказал он.

— Разве их нельзя отменить, сэр?

— Не знаю. Как вы сказали? Женщины?

— Ровным счетом дюжина, господин мэр. Сюда еще не прилетала ни одна женщина, сэр. Мужчины торчат здесь уже четыре месяца. Было бы разумно…

— Мистер Вуд. Вы же знаете, что никто не прибывает на Марс как турист. Ведь и вы прилетели сюда в качестве разнорабочего. Так? Вот видите.

— Разве нельзя зачислить этих женщин в категорию разнорабочих, ваша честь?

Мэр чуть не расхохотался:

— Ваша взяла! Но что я скажу женам на Земле?

— До Земли шестьдесят миллионов миль. К тому же половина парней — холостяки. Таковы условия контракта.

— Ладно, ладно! — вскричал мэр. — Завтра же подам заявку на дюжину разнорабочих!

— Благодарю вас, сэр.

И они пожали руки.

* * *

Стоял оглушительный грохот молотков. Суета. Ободранные колени, отдавленные пальцы. Дома росли как грибы после весеннего дождичка. Отовсюду веяло новизной и свежестью. Все выглядело на удивление чистым, добротным, безупречным.

— Подай мне молоток и гвозди, Боб.

Боб Коу стоял у подножия лестницы, возносившей Самсона Вуда под небеса.

— Отлично, а теперь — вывеску.

Раздался стук медленного, основательного приколачивания. Мистер Самсон Вуд спустился, и они впятером подняли пивные кружки и выпили, не отводя глаз от вывески, которая медленно занимала место в желтом солнечном освещении:

САЛУН «ТЕРТЫЙ КАЛАЧ»

Владелец С. Вуд.

Танцовщицы, развлечения.

Добрая еда и выпивка.

И тут у них над головой сверкнула ракета с «разнорабочими» на борту.

— Местечко что надо, Самсон, — сказал шериф.

Они сидели на высоком балконе, глядя вниз на утопающий в дыму бар. Вдоль сверкающего бара,

бок о бок, выстроились парни, позвякивая правой ступней о латунную подножку. Их мрачноватые лица прояснялись. Из хрустальных зеркал им в ответ поднимали бокалы их же отражения. На их взмокшие спины падали брызги хрустальных отражений с огромной люстры. В углу с кружкой пива в руках, пенящимся у поднятой крышки, некто в зеленом козырьке тыкал заскорузлыми пальцами в пожелтевшие клавиши пианино. За четырьмя столами перекидывались в картишки, играли в кости, скрипели стульями. Голоса то поднимались, то стихали. Из-за красных бархатных кулис «стреляли» голубые эмалевые глазки. Девушки готовились вырваться на сцену в вихре белой плоти и розовых движений, как только заслышат барабанную дробь.

— Весь Техас тут собрался, — сказал шериф. — Мне кажется, будто я персонаж из второсортного фильма, вроде тех, на которые я пробирался «зайцем» в детстве.

— Весь Техас, Оклахома, Вайоминг и Колорадо в придачу, — сказал Самсон Вуд. — Не знаю, на что будут похожи другие города. Какие-то — на Бронкс, какие-то — на Баварию, Швецию, Лондон. Время все расставит по местам. Мы здесь первые. Трудяги, беглые каторжники и сорвиголовы все-

гда приходят первыми.

— Горстка прожженных романтиков, — заметил шериф. — Вот что я понял. Парням, которым всегда хотелось поиграть в ковбоев, наконец выпал такой шанс. Самсон, ты совершил здесь великие дела, утолил большую жажду. Боже, все безупречно, как алмаз. Этот бар переселился к нам прямиком из девятнадцатого века!

— На той неделе прибывают две дюжины платьев из синего бархата, — поведал Самсон, попыхивая длинной тонкой сигарой и приводя в порядок бородку клинышком, поправляя серый лацкан своего безупречно сидящего костюма-тройки. Его серая шляпа лежала на столе, а серебристые локоны были величественно зачесаны за розовые уши.

— Я еще люстры прикупил. Краше, чем эта. Еще дюжина девиц прилетает для верхней комнаты. Я купаюсь в деньгах, шериф, но ощущаю себя бездарным актеришкой. Но это здорово. Этого я и добивался. Я не отступлю. Кому еще в мире выпадал шанс воссоздать историю? А здесь пожалуйста! Уже пошло-поехало: линчевание, скотокрадство, все, что душе угодно! Чувствуешь себя человеком!

— Скоро сюда нагрянут жены с церковниками.

— Да ради бога! У нас еще есть пара часов в запасе. — Самсон Вуд добродушно распространялся. — У меня погребок с винами и ликерами 1876 года. Ранчо из сырцового кирпича за городом. Стадо коров завел. Походную кухню построил. Мои старинные друзья, что работают со мной, даже научились играть на гитаре. Слышал бы ты, как я играю «Беги, собачка». Шериф, у нас отобрали всю романтику. Я вырос в эпоху, когда нельзя было ездить на буферах товарных вагонов, потому что они упразднили буфера. И нельзя было «голосовать» на шоссе, потому что все штаты приняли против этого законы. Тому, кто просто решил убежать, ничего не оставалось делать. Это сидит в каждом человеке: рано или поздно ему захочется попутешествовать налегке. Я слишком долго ждал, прежде чем пуститься в бега, как и остальные. А теперь мы своего добились. Посмотри на них там внизу. Полюбуйся на мое уютное гнездышко!

Шериф всмотрелся в бушующий бедлам и геенну огненную.

Когда он обернулся, Самсон Вуд был мертв.

* * *

На толстой квадратной кедровой доске было тщательно выведено его имя и напутствие. И стояли они, парни с широкополыми шляпами в руках, в сапогах, на мягкой земле, а женщины с меловыми лицами и горящими глазами слушали слова шерифа:

— Самсон Вуд всегда мечтал обрести старинный Дикий Запад. И обрел его. Он хотел участвовать в чем-то новом и особенном. И добился своего по всем статьям. Его будут помнить столько, сколько здесь будут жить люди, ибо сегодня он совершил то, чего никому еще не удавалось.

Шериф кивнул на надгробие:

САМСОН ВУД

Родился в 1935 — умер в 2000

Он хотел быть первым.

Первым гражданским лицом, почившим на Марсе.

Погребенным на Марсе. Оплаканным на Марсе.

Да покоится его прах с миром!

Когда они возвращались с нового кладбища, над ними пролетела огнедышащая ракета. Уж не жены ли это с попами пожаловали, подумали они.

1947 г. Опубликовано в 2010 г.

Земляничное окошко

Ему снилось, что он закрывает парадную дверь с цветными стеклами: тут и земляничные стекла, и лимонные, и совсем белые, как облака, и прозрачные, как родник. Две дюжины разноцветных квадратиков обрамляют большое стекло посредине; одни цветом как вино, как настойка или фруктовое желе, другие — прохладные, как льдинки. Помнится, когда он был совсем еще малыш, отец подхватывал его на руки и говорил:

— Гляди!

И за зеленым стеклом весь мир становился изумрудным, точно мох, точно летняя мята.

— Гляди!

Сиреневое стекло обращало прохожих в гроздья блеклого винограда. И наконец, земляничное окошко в любую пору омывало город теплой розовой волной, окутывало алой рассветной дымкой, а свежескошенная лужайка становилась точь-в-точь ковер с какого-нибудь персидского базара. Земляничное окошко, самое лучшее из всех, покрывало румянцем бледные щеки, и холодный осенний дождь теплел, и февральская метель вспыхивала вихрями веселых огоньков.

— А-ах…

Он проснулся.

Мальчики разбудили его своим негромким разговором, но он еще не совсем очнулся от сна и лежал в темноте, слушал, как печально звучат их голоса… Так бормочет ветер, вздымая белый песок со дна пересохших морей, среди синих холмов… И тогда он вспомнил.

Мы на Марсе.

— Что? — вскрикнула спросонок жена.

А он и не заметил, что сказал это вслух; он старался лежать совсем тихо, боялся шелохнуться. Но уже возвращалось чувство реальности и с ним странное оцепенение; вот жена встала, бродит по комнате точно призрак: то к одному окну подойдет, то к другому — а окна в их сборном металлическом домике маленькие, прорезаны высоко — и подолгу смотрит на ясные, но чужие звезды.

— Кэрри, — прошептал он.

Она не слышала.

— Кэрри, — шепотом повторил он, — мне надо сказать тебе… целый месяц собирался. Завтра… завтра утром у нас будет…

Но жена сидела в голубоватом отсвете звезд точно каменная и даже не смотрела в его сто-

рону.

Он зажмурился.

Вот если бы солнце никогда не заходило, думал он, если бы ночей вовсе не было… ведь днем он сколачивает сборные дома будущего поселка, мальчики в школе, а Кэрри хлопочет по хозяйству — уборка, стряпня, огород… Но после захода солнца уже не надо рыхлить клумбы, заколачивать гвозди или решать задачки, и тогда в темноте, как ночные птицы, ко всем слетаются воспоминания.

Жена пошевелилась, чуть повернула голову.

— Боб, — сказала она наконец, — я хочу домой.

— Кэрри!

— Здесь мы не дома, — сказала она.

В полутьме ее глаза блестели, полные слез.

— Потерпи еще немножко, Кэрри.

— Нет у меня больше никакого терпения!

Двигаясь как во сне, она открывала ящики комода, вынимала стопки носовых платков, белье, рубашки и укладывала на комод сверху — машинально, не глядя. Сколько раз уже так бывало, привычка. Скажет так, достанет вещи из комода и долго стоит молча, а потом уберет все на место и с застывшим лицом, с сухими глазами снова ляжет, будет думать, вспоминать. Ну а

вдруг настанет такая ночь, когда она опустошит все ящики и возьмется за старые чемоданы, что составлены горкой у стены?

— Боб… — В ее голосе не слышно горечи, он тихий, ровный, тусклый, как лунный свет, при котором видно каждое ее движение. — За эти полгода я уж сколько раз по ночам так говорила, просто стыд и срам. У тебя работа тяжелая, ты строишь город. Когда человек так тяжело работает, жена не должна ему плакаться и жилы из него тянуть. Но надо же душу отвести, не могу я молчать. Больше всего я истосковалась по мелочам. По ерунде какой-то, сама не знаю. Помнишь качели у нас на веранде? И плетеную качалку? Дома, в Огайо, летним вечером сидишь и смотришь, кто мимо пройдет или проедет. И наше пианино расстроенное. И какой-никакой хрусталь. И мебель в гостиной… ну да, конечно, она вся старая, громоздкая, неуклюжая, я и сама знаю… И китайская люстра с подвесками, как подует ветер, они и звенят. А в летний вечер сидишь на веранде и можно перемолвиться словечком с соседями. Все это вздор, глупости… все это неважно. Но почему-то, как проснешься в три часа ночи, отбою нет от этих мыслей. Ты меня прости.

— Да разве ты виновата? — сказал он. — Марс

— место чужое. Тут все не как дома — и пахнет чудно, и на глаз непривычно, и на ощупь. Я и сам ночами про это думаю. А на Земле какой славный наш городок!

— Весной и летом весь в зелени, — подхватила жена. — А осенью все желтое да красное. И дом у нас был славный. И какой старый! Господи, лет восемьдесят, а то и все девяносто! По ночам, бывало, я все слушала, он вроде разговаривает, шепчет. Дерево-то сухое — и перила, и веранда, и пороги. Только тронь — и отзовется. Каждая комната на свой лад. А если у тебя весь дом разговаривает, это как семья: собрались ночью вокруг родные и баюкают — спи, мол, усни. Таких домов нынче не строят. Надо, чтобы в доме жило много народу — отцы, деды, внуки, тогда он с годами и обживется, и согреется. А эта наша коробка… да она и не знает, что я тут, ей все едино, жива я или померла. И голос у нее жестяной, а жесть — она холодная. У нее и пор таких нет, чтоб годы впитались. Погреба нет, некуда откладывать припасы на будущий год и еще на потом. И чердака нету, некуда прибрать всякое старье, что осталось с прошлого года и что было еще до твоего рождения. Знаешь, Боб, вот было бы у нас тут хоть немножко старого, привычного,

тогда и со всем новым можно бы сжиться. А когда все-все новое, чужое, каждая малость, так вовек не свыкнешься.

В темноте он кивнул:

— Я и сам так думал.

Она смотрела туда, где на чемоданах, прислоненных к стене, поблескивали лунные блики. И протянула руку.

— Кэрри!

— Что?

Он порывисто сел, спустил ноги на пол:

— Кэрри, я учинил одну несусветную глупость. Все эти месяцы я ночами слушаю, как ты тоскуешь по дому, и мальчики тоже просыпаются и шепчутся, и ветер свистит, и за стеной Марс, моря эти засохшие… и… — Он запнулся, трудно глотнул. — Ты должна понять, что я такое сделал и почему. Месяц назад у нас были в банке деньги, сбережения за десять лет, так вот, я их истратил, все как есть, без остатка.

— Боб!!!

— Я их выбросил, Кэрри, честное слово, пустил на ветер. Думал всех порадовать. А вот сейчас ты так говоришь, и эти распроклятые чемоданы тут стоят, и…

— Как же так, Боб? — Она повернулась к нему. —

Стало быть, мы торчали здесь, на Марсе, терпели здешнюю жизнь и откладывали каждый грош, а ты взял да все сразу и просадил?

— Сам не знаю, может, я просто рехнулся, — сказал он. — Слушай, до утра уже недалеко. Встанем пораньше. Пойдешь со мной и сама увидишь, что я сделал. Ничего не хочу говорить, сама увидишь. А если это все зря — ну что ж, чемоданы — вот они, а ракета на Землю идет четыре раза в неделю.

Кэрри не шевельнулась.

— Боб, Боб… — шептала она.

— Не говори сейчас, не надо, — попросил муж.

— Боб, Боб…

Она медленно покачала головой, ей все не верилось. Он отвернулся, вытянулся на кровати с одного боку, а она села с другого боку и долго не ложилась, все смотрела на комод, где так и остались сверху наготове ровные стопки носовых платков, белье, ее кольца и безделушки. А за стенами ветер, пронизанный лунным светом, вздувал уснувшую пыль и развеивал ее в воздухе.

Наконец Кэрри легла, но не сказала больше ни слова, лежала как неживая и остановившимися глазами смотрела в ночь, в длинный-длинный туннель — когда же там, в конце, забрезжит

рассвет?

Она поднялась чуть свет, но тесный домишко не ожил — стояла гнетущая тишина. Отец, мать и сыновья молча умылись и оделись, молча принялись за поджаренный хлеб, фруктовый сок и кофе, и под конец от этого молчания уже хотелось завопить; никто не смотрел прямо в лицо другому, все следили друг за другом исподтишка, по отражениям в фарфоровых и никелированных боках тостера, чайника, сахарницы, — искривленные, искаженные черты казались в этот ранний час до ужаса чужими. Потом наконец отворили дверь (в дом ворвался ветер, что дует над холодными марсианскими морями, где ходят, опадают и снова встают призрачным прибоем одни лишь голубые пески), и вышли под голое, пристальное, холодное небо, и побрели к городу, который казался только декорацией там, в дальнем конце огромных пустых подмостков.

— Куда мы идем? — спросила Кэрри.

— На космодром, — ответил муж. — Но по дороге я должен вам много чего сказать.

Мальчики замедлили шаг и теперь шли позади родителей и прислушивались. А отец заговорил, глядя прямо перед собой; он говорил долго и ни разу не оглянулся на жену и сыновей, не посмот-

рел, как принимают они его слова.

— Я верю в Марс, — начал он негромко. — Верю, придет время — и он станет по-настоящему нашим. Мы его одолеем. Мы здесь обживемся. Мы не пойдем на попятный. С год назад, когда мы только-только прилетели, я вдруг будто споткнулся. Почему, думаю, нас сюда занесло? А вот потому. Это как с лососем, каждый год та же история. Лосось, он и сам не знает, почему плывет в дальние края, а все равно плывет. Вверх по течению, по каким-то рекам, которых он не знает и не помнит, по быстрине, через водопады перескакивает — и под конец добирается до того места, где мечет икру, а потом помирает, и все начинается сызнова. Родовая память, инстинкт — назови как угодно, но так оно и идет. Вот и мы забрались сюда.

Они шли в утренней тишине, бескрайнее небо неотступно следило за ними, странные голубые и белые, точно клубы пара, пески струились под ногами по недавно проложенному шоссе.

— Вот и мы забрались сюда. А после Марса куда двинемся? На Юпитер, Нептун, Плутон и еще дальше? Верно. Еще дальше. А почему? Когда-нибудь настанет день — и наше Солнце взорвется, как дырявый котел. Бац — и от Земли следа не

останется. А Марс, может быть, и не пострадает, а если и пострадает, так, может, Плутон уцелеет, а если нет, что тогда будет с нами, то бишь с нашими праправнуками?

Он упорно смотрел вверх, в ясное чистое небо цвета спелой сливы.

— Что ж, мы тогда будем, может быть, где-нибудь в неизвестном мире, у которого и названия пока нет, только номер… скажем, шестая планета девяносто седьмой звездной системы или планета номер два системы девяносто девять! И такая это чертова даль, что сейчас ни в страшном сне, ни в бреду не представишь! Мы улетим отсюда, понимаете, уберемся подальше — и уцелеем! И тут я сказал себе: ага! Вот почему мы прилетели на Марс, вот почему люди запускают в небо ракеты!

— Боб…

— Погоди, дай досказать. Это не ради денег, нет. И не ради того, чтобы поглазеть на разные разности. Так многие говорят, но это все вранье, выдумки. Говорят — летим, чтобы разбогатеть, чтобы прославиться. Говорят — для развлечения, скучно, мол, сидеть на одном месте. А на самом деле внутри знай что-то тикает, все равно как у лосося, или у кита, или у самого ничтожного

невидимого микроба. Такие крохотные часики, они тикают в каждой живой твари, и знаешь, что они говорят? Иди дальше, говорят, не засиживайся на месте, не останавливайся, плыви и плыви. Лети к новым мирам, строй новые города, еще и еще, чтоб ничто на свете не могло убить Человека. Понимаешь, Кэрри? Ведь это не просто мы с тобой прилетели на Марс. От того, что мы успеем на своем веку, зависит судьба всех людей, черт подери, судьба всего рода людского. Даже смешно, вон куда махнул, а ведь это так огромно, что страх берет.

Сыновья, не отставая, шли за ним, и Кэрри шла рядом, хотелось поглядеть на нее, прочесть по ее лицу, как она принимает его слова, но он не повернул головы.

— Помню, когда я был мальчишкой, у нас сломалась сеялка, а на починку не было денег, и мы с отцом вышли в поле и кидали семена просто горстью — так вот, сейчас то же самое. Сеять-то надо, иначе потом жать не придется. О господи, Кэрри, ты только вспомни, как писали в газетах, в воскресных приложениях: ЧЕРЕЗ МИЛЛИОН ЛЕТ ЗЕМЛЯ ОБРАТИТСЯ В ЛЕД! Когда-то мальчишкой я ревмя ревел над такими статьями. Мать спрашивает — чего ты? А я отвечаю — мне их

всех жалко, бедняг, которые тогда будут жить на свете. А мать говорит — ты о них не беспокойся. Так вот, Кэрри, я про что говорю: на самом-то деле мы о них беспокоимся. А то бы мы сюда не забрались. Это очень важно, чтобы Человек с большой буквы жил и жил. Для меня Человек с большой буквы — это главное. Понятно, я пристрастен, потому как я и сам того же рода-племени. Но только люди всегда рассуждают насчет бессмертия. Так вот, есть один-единственный способ этого самого бессмертия добиться: надо идти дальше, засеять Вселенную. Тогда, если где-то в одном месте и случится засуха или еще что, все равно будем с урожаем. Даже если на Землю нападут ржа и недород. Зато новые всходы поднимутся на Венере, или где там еще люди поселятся через тысячу лет. Я на этом помешался, Кэрри, право слово, помешался. Как дошел до этой мысли, прямо загорелся, хотел схватить тебя, ребят, каждого встречного и поперечного и всем про это рассказать. А потом подумал: вовсе ни к чему рассказывать. Придет такой день или, может, ночь, и вы сами услышите, как в вас тоже тикают эти часики, и сами все поймете, и не придется ничего объяснять. Я знаю, Кэрри, это громкие слова, и, может, я слишком важно рассуждаю, я

ведь невелика птица, даже ростом не вышел, но только ты мне поверь — это все чистая правда.

Они уже шли по городу и слушали, как гулко отдаются их шаги на пустынных улицах.

— А что же сегодняшнее утро? — спросила Кэрри.

— Сейчас и про это скажу. Понимаешь, какая-то часть меня тоже рвется домой. А другой голос во мне говорит: если мы отступим, все пропало. Вот я и подумал: чего нам больше всего недостает? Каких-то старых вещей, к которым мы привыкли — и мальчики, и ты, и я. Ну, думаю, если без какого-то старья нельзя пустить в ход новое, так, ей-богу, я этим старьем воспользуюсь. Помню, в учебниках истории говорится: тысячу лет назад люди, когда кочевали с места на место, выдалбливали коровий рог, клали внутрь горящие уголья, и весь день их раздували, и вечером на новом месте разжигали огонь от той искорки, что сберегли с утра. Огонь каждый раз новый, но всегда в нем есть что-то от старого. Вот я стал взвешивать и обдумывать. Стоит старое того, чтоб вложить в него все наши деньги, думаю? Нет, не стоит. Только то имеет цену, чего мы достигли с помощью этого старого. Ну ладно, а новое стоит того, чтоб вложить в него все наши

деньги без остатка? Согласен ты сделать ставку на то, что когда-то еще будет? Да, согласен! Если таким манером можно одолеть эту самую тоску, которая того гляди затолкает нас обратно на Землю, так я своими руками полью все наши деньги керосином и чиркну спичкой!

Кэрри и мальчики остановились. Они стояли посреди улицы и смотрели на него так, будто он был не он, а внезапно налетевший смерч, который едва не сбил их с ног и вот теперь утихает.

— Сегодня утром прибыла грузовая ракета, — сказал он негромко. — Она привезла кое-что и для нас. Пойдем получим.

Они медленно поднялись по трем ступеням, прошли через гулкий зал в камеру хранения — двери ее только что открылись.

— Расскажи еще про лосося, — сказал один из мальчиков.

Солнце поднялось уже высоко и пригревало, когда они выехали из города во взятой напрокат грузовой машине; кузов был битком набит корзинами, ящиками, пакетами — длинными, высокими, низенькими, плоскими; все это было пронумеровано, и на каждом ящике и тюке красовалась аккуратная надпись: «Марс, Нью-Толедо, Роберту Прентису».

Машина остановилась перед сборным домиком, мальчики спрыгнули наземь и помогли матери выйти. Боб еще с минуту посидел за рулем, потом медленно вылез, обошел машину кругом и заглянул внутрь.

К полудню все ящики, кроме одного, были распакованы, вещи лежали рядами на дне высохшего моря, и вся семья стояла и оглядывала их.

— Поди сюда, Кэрри…

Он подвел жену к крайнему ряду, тут стояло старое крыльцо.

— Послушай-ка.

Деревянные ступеньки заскрипели, заговорили под ногами.

— Ну-ка, что они говорят, а?

Она стояла на ветхом крылечке, сосредоточенная, задумчивая, и не могла вымолвить ни слова в ответ. Он повел рукой:

— Тут крыльцо, там гостиная, столовая, кухня, три спальни. Часть построим заново, часть привезем. Покуда, конечно, у нас только и есть парадное крыльцо, кой-какая мебель для гостиной да старая кровать.

— Все наши деньги, Боб!

Он с улыбкой обернулся к ней:

— Ты же не сердишься? Ну-ка погляди на меня!

Ясно, не сердишься. Через год ли, через пять мы все перевезем. И хрустальные вазы, и армянский ковер, который нам твоя матушка подарила в девятьсот шестьдесят первом. И пожалуйста, пускай солнце взрывается!

Они обошли другие ящики, читая номера и надписи: качели с веранды, качалка, китайские подвески…

— Я сам буду на них дуть, чтоб звенели!

На крыльцо поставили парадную дверь с разноцветными стеклами, и Кэрри поглядела в земляничное окошко.

— Что ты там видишь?

Но он и сам знал, что она видит, он тоже смотрел в это окошко. Вот он, Марс, холодное небо потеплело, мертвые моря запылали, холмы стали как груды земляничного мороженого, и ветер пересыпает пески, точно тлеющие угольях. Земляничное окошко, земляничное окошко, оно покрыло все вокруг живым нежным румянцем, наполнило глаза и душу светом непреходящей зари. И, наклонясь, глядя сквозь кусочек цветного стекла, Роберт Прентис неожиданно для себя сказал:

— Через год уже и здесь будет город. Будет тенистая улица, будет у тебя веранда, и друзей

заведешь. Тогда тебе все эти вещи станут не так уж и нужны. Но с этого мы сейчас начнем, это самая малость, зато свое, привычное, а там дальше — больше, скоро ты этот Марс и не узнаешь, покажется, будто весь век тут жила.

Он сбежал с крыльца, подошел к последнему, еще не вскрытому ящику, обтянутому парусиной. Перочинным ножом надрезал парусину.

— Угадай, что это? — сказал он.

— Моя кухонная плита? Печка?

— Ничего похожего! — Он тихонько, ласково улыбнулся. — Спой мне песенку, — попросил он.

— Ты совсем с ума сошел, Боб.

— Спой песенку, да такую, чтоб стоила всех денег, которые у нас были, да сплыли, — и наплевать, не жалко!

— Так ведь я одну только и умею — «Дженни, Дженни, голубка моя...».

— Вот и спой.

Но жена никак не могла запеть, только беззвучно шевелила губами.

Он рванул парусину, сунул руку внутрь, молча пошарил там и начал напевать вполголоса; наконец он нащупал то, что искал, и в утренней тишине прозвенел чистый фортепианный аккорд.

— Вот так, — сказал Роберт Прентис. — А теперь споем эту песню с начала и до конца. Все вместе, дружно!

1954 г.

Другие времена

Услышав новость, люди высыпали из ресторанов, кафешек, гостиниц и уставились на небо, прикрывая черными ладонями обращенные вверх белые глаза и удивленно раскрыв рты. Был жаркий полдень, и во всех городках на тысячи миль вокруг люди, такие же черные, как и их тени, стояли и смотрели вверх.

Хэтти Джонсон накрыла кастрюлю с супом, вытерла узкие пальцы о фартук и осторожно вышла на заднее крыльцо.

— Мам, мам, иди сюда! Иди, не то проглядишь!

— Эй, мама!

Три негритенка с криками скакали в дворовой пыли, то и дело беспокойно оглядываясь на дом.

— Иду, иду. — Хэтти открыла дверь-ширму. — Кто вам рассказал?

— Джонсы. Говорят, что к нам летит ракета, впервые за двадцать лет, и что в ней белый человек!

— Как так — белый? Разве такое бывает?

— Увидите, — ответила Хэтти. — Вот именно, увидите.

— Мам, ведь ты же видела. Расскажи, а?

Хэтти наморщила лоб.

— Это было очень давно, в тысяча девятьсот шестьдесят пятом. Я тогда была совсем маленькой.

— Ух ты! Расскажи про белых людей!

Хэтти вышла во двор и посмотрела на ясное марсианское небо, по которому бежали узкие марсианские облака; а на горизонте дрожали в жарком воздухе марсианские холмы.

— Ну, во-первых, у них белые ладони, — сказала она наконец.

Мальчишки расхохотались и захлопали.

— Белые ладони!

— Руки у них тоже белые.

— Белые руки! — загомонили мальчишки.

— И лица.

— И лица? Правда-правда?!

— Прямо белые-белые, да, мама? Вот такие?

Младшенький вымазал лицо пылью и тут же расчихался.

Хэтти было не до смеха.

— Еще белее, — сказала она и снова посмотрела на небо. Взгляд у нее был хмурый, словно она ожидала увидеть надвигающуюся грозу, но ее не было, и это тревожило.

— Дети, идите-ка лучше в дом. Нечего вам тут

делать.

— Ну мам! — расстроенно протянули ребятишки и удивленно уставились на нее. — Мы хотим посмотреть, очень-очень! Что от этого будет?

— Может, и ничего, но у меня плохое предчувствие.

— Мы всего-то хотим посмотреть на ракету. Хотя бы сбегать до космодрома и увидеть белого человека. Какой он из себя, а?

— Не знаю, ничего не знаю, — проговорила Хэтти, тряся головой.

— Расскажи еще! Расскажи!

— Ну, белые люди живут на Земле, откуда и мы все родом. Двадцать лет назад мы просто собрали вещи и перебрались сюда, на Марс. И вот мы тут, у нас города и все остальное. Теперь мы марсиане, а не земляне. И за все эти годы ни один белый человек здесь не появлялся. Вот и весь сказ.

— А почему, мама?

— Причин много. Как только мы переселились сюда, на Земле разразилась ядерная война, и белые люди принялись бомбить друг друга. До нас им дела не было. А когда война закончилась, ракет у них не осталось. Только недавно они смогли построить хотя бы одну. И вот спустя двадцать лет они летят к нам в гости. — Хэтти с тревогой

посмотрела на детей и пошла к калитке. — Так, я к Браунам, что в конце улицы, а вы сидите здесь. Обещаете?

— Обещаем, — неохотно отозвались мальчишки.

— Вот и хорошо.

И она побежала.

Брауны как раз всем семейством садились в машину.

— Привет, Хэтти! Хочешь с нами? Присоединяйся!

Хэтти подбежала к ним и остановилась, тяжело дыша.

— Куда вы?

— Смотреть белого человека!

— Да, — подтвердил мистер Браун, кивая на пассажиров. — Дети ни разу их не видели, да и я, признаться, подзабыл уже, как они выглядят.

— И что вы собираетесь с ним сделать?

— С ним? — переспросили все хором. — Да просто взглянуть на него, вот и все.

— Точно?

— А что еще?

— Не знаю. Боюсь, как бы чего не вышло.

— Ты о чем?

— Ну, например… — промямлила Хэтти, сты-

дясь своих мыслей, — вы ведь не собираетесь устроить расправу?

Все рассмеялись.

— Расправу?! — Мистер Браун запальчиво хлопнул себя по ноге. — Упаси боже, милочка, конечно нет! Мы просто пожмем ему руку. Ведь так?

— Так, так!

К ним подъехал еще один автомобиль.

— Вилли! — воскликнула Хэтти.

— Чего ты здесь забыла? Где дети? — рявкнул на нее муж и гневно посмотрел на остальных. — А вы чего вырядились, как клоуны? Встречаете белого человека?

— Да, так оно и есть, — подтвердил, улыбаясь, мистер Браун.

— Тогда захватите стволы, — сказал Вилли. — Я как раз еду за своими!

— Вилли!

— А ты садись в машину! Живо!

Он открыл дверь и грозно уставился на жену, пока та не подчинилась. Не говоря более ни слова, надавил на газ и помчал по пыльной улице.

— Вилли, помедленнее!

— Что, помедленнее? Ага, как же. — Машина неслась так, что дорога превратилась в сплошную линию. — Как они смеют к нам заявляться?

Почему не оставят нас в покое? Почему не поубивали друг друга к чертям, чтобы больше нас не тревожить?

— Где твое христианское милосердие, Вилли?

— Мне не до христианских добродетелей, — прорычал муж, вцепившись в руль. — Во мне кипит злоба. За все те годы, которые они нас притесняли — моих родителей, твоих родителей… Или ты забыла? Забыла, как они повесили моего отца на холме Ноквуд, а мать застрелили? Забыла? У тебя память что, такая же короткая, как у остальных?

— Нет, не забыла, — ответила Хэтти.

— Может, ты забыла доктора Филипса с мистером Бертоном, их богатые дома и ту лачужку, где жили моя мама-прачка и отец, который батрачил на них до старости? И какова была благодарность? Они его вздернули!.. Но теперь все иначе. Теперь наш черед принимать законы и решать, над кем учинять расправу, кому ездить в конце вагона и кому сидеть на галерке. Да, вот увидишь.

— Вилли, дорогой, ты накличешь беду.

— Я не один такой. Каждый готовился к этому дню, но думал, что он никогда не настанет. Все гадали, что же случится, когда белые люди все-таки прилетят на Марс? Но вот — случилось, и нам

нельзя прятаться.

— Ты не хочешь пускать к нам белых людей?

— Почему? Хочу. — Улыбка Вилли была похожа на оскал, а в глазах горела злоба. — Пускай прилетают, селятся и работают тут, почему нет? Мы многого не просим: пусть лишь согласятся жить в гетто и трущобах, пусть чистят нам обувь, метут мусор и сидят на галерке. Всего-то. А раз в неделю мы будем вешать по парочке.

— В тебе говорит не человек, а зверь. Мне это не нравится.

— Привыкай.

Вилли затормозил перед домом и выскочил из машины.

— Нужно найти оружие и моток веревки. Пусть все будет как надо.

— Вилли, остановись! — умоляла Хэтти, однако он уже взбежал по ступенькам и хлопнул входной дверью.

Хотелось остаться в машине, пока он, сыпля проклятиями, переворачивает чердак, но она все-таки пошла следом. Наконец оружие нашлось. Металл хищно блеснул в темном проеме, но мужа было не разглядеть — черного человека на черном чердаке. Наконец на лестнице показались длинные ноги, припорошенные пылью. Вилли

спустил несколько коробок с патронами, продул стволы и зарядил. Он глядел сурово и напряженно, снедаемый изнутри злостью.

— Оставьте нас в покое! — приговаривал он, грозя кулаком кому-то невидимому. — Ну почему они, черт их дери, не оставят нас в покое?!

— Вилли, Вилли!..

— И ты, ты тоже!..

И он устремил такой же взор на жену; ее обдало жаром ненависти.

А за окном мальчишки лопотали между собой:

— Белый, как молоко. Как молоко, она сказала!

— Белый, как этот засохший цветок! Видишь?

— Белый, как камень — как мелок, которым можно рисовать.

Вилли выскочил во двор.

— Дети, живо внутрь, я вас запру. Никакого вам белого человека. Сидите тут и только попробуйте пикнуть.

— Папа…

— Я сказал: живо!

Вилли затолкнул их в дом, принес банку краски и трафарет, откопал в гараже моток толстой веревки, из которой не глядя сплел висельную петлю. Все это время он не сводил глаз с неба.

Потом усадил жену в машину и, вздымая клубы

пыли, помчался по улицам.

— Вилли, помедленнее.

— Медлить нельзя, — ответил он. — Надо спешить, каждая минута на счету.

По дороге им попадались люди: кто смотрел в небо, кто садился в машину, а кто уже ехал. Из некоторых автомобилей торчали стволы, как телескопы, которые выискивают, какому еще злу во Вселенной положить конец.

— Это ты всех подговорил, — обвиняющим тоном произнесла Хэтти.

— Да, я, — буркнул муж и кивнул, напряженно уставившись на дорогу. — Я заехал в каждый дом и сказал всем, что делать: взять оружие, краску, веревки и ждать сигнала. Теперь мы готовы к встрече. Ключ от города? Как пожелаете, сэр!

Хэтти сложила узкие черные ладони в молитвенном жесте, чтобы отогнать переполнявший ее ужас. Они лавировали между другими автомобилями, водители которых то и дело кричали: «Эй, Вилли, погляди!» — и, широко улыбаясь, демонстрировали веревки и ружья, а затем проносились мимо.

Вилли затормозил посреди пыльного пустыря.

— Приехали, — сказал он, открыл ногой дверь и, волоча оружие за собой, зашагал по космодрому.

— Вилли, ты точно решил?

— Я ждал этого двадцать лет. Мне было шестнадцать, когда я улетел с Земли, и улетел с радостью, — ответил он. — Меня, да и тебя, и кого бы то ни было из нас там ничего не держало. До сих пор я ни разу не пожалел. Здесь мы обрели мир и покой, впервые вздохнули полной грудью… Все, пошли.

Он начал протискиваться сквозь черную толпу, обступавшую его.

— Вилли! Вилли, что дальше? — сыпались вопросы.

— Вот ружье, бери, — отвечал он с резким тычком. — Вот еще одно. Вот пистолет. А вот дробовик.

Народ обступил его так плотно, что казался одним черным туловищем с тысячей рук. Каждый тянулся за оружием с криком: «Вилли, мне! И мне, Вилли!»

Хэтти стояла рядом, прямая и молчаливая, плотно сжав пересохшие губы.

— Принеси краску! — велел он жене.

И она притащила банку желтой краски. На космодром как раз въезжал трамвай, у которого впереди висела свежая табличка: «ДО МЕСТА ПОСАДКИ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА». Внутри было пол-

но людей. Весело переговариваясь, они вышли из трамвая и побежали по пустырю, спотыкаясь, но под ноги не глядя. Женщины несли корзинки с едой, мужчины были в рубашках с закатанными рукавами и соломенных шляпах. Трамвай остался стоять, тихо гудя. Вилли забрался в вагон, поставил краску на пол, открыл, размешал, макнул туда кисточку, взял трафарет и влез на сиденье.

За спиной, гремя монетницей, вырос кондуктор.

— Эй! А ну слезай! Ты чего это удумал?

— Сам не видишь? Расслабься!

И Вилли начал выводить желтой краской по трафарету сначала Б, потом Е, потом Л, с ужасной гордостью поглядывая на свое творение. Когда он закончил, перед кондуктором возникла блестящая свежая надпись: «БЕЛЫЕ ЕДУТ СЗАДИ». Он вчитался еще раз: «БЕЛЫЕ». Моргнул. «ЕДУТ СЗАДИ». Повернувшись к Вилли, кондуктор расплылся в улыбке.

— Ну как, годится? — спросил тот, слезая.

А кондуктор в ответ:

— Еще как годится!

Хэтти наблюдала за всем этим снаружи, прижав руки к груди.

Вилли вернулся к толпе. Она все росла: люди прибывали на машинах с визжащими тормозами и скрипящих трамваях из соседнего городка.

Вилли взобрался на ящик:

— Мне нужны добровольцы. За час вот так вот надо раскрасить все вагоны. Кто хочет?

Взметнулись руки.

— Отлично, идите!

И они пошли.

— У кого есть веревки, пусть идет в театр отгораживать последние два ряда для белых.

И снова лес рук.

— Вперед!

И они тоже побежали.

Вилли огляделся вокруг, весь в поту, запыхавшийся, но гордый от бурлящей внутри энергии. Он опирался на плечо жены, которая, опустив глаза, стояла у его ног.

— Так, что еще? — громогласно продолжил он. — Ах да! Теперь законы. К вечеру запретить смешанные браки!

— Верно! — поддержал его хор голосов.

— С сегодняшнего дня чистильщики обуви могут бросать работу!

— Уже бросаем!

По всему городку народ воодушевленно кидал

тряпки на землю.

— А еще надо установить минимальный заработок, ведь так?

— Так!

— Пускай белые получают не меньше десяти центов в час.

— Верно!

К ним спешил мэр.

— Так это ты, Вилли Джонсон? А ну слезай с ящика!

— Попробуйте заставьте.

— Ты скликаешь толпу!

— Именно так.

— Разве ты ребенком не ненавидел такие толпы? Чем же ты лучше тех белых людей, которым готовишься учинить расправу?

Вилли даже не смотрел на мэра, он видел перед собой только лица собравшихся: кто-то улыбался, кто-то хмурился, кто-то удивленно озирался, а кто-то в страхе и отвращении пытался отстраниться.

— Времена изменились и обстоятельства тоже.

— Ты еще пожалеешь, — пригрозил мэр.

— Тогда мы устроим голосование и выберем нового мэра.

На улицах начали возникать свежие вывески:

«ВХОД НЕ ДЛЯ ВСЕХ. Заведение оставляет за собой право отказать в обслуживании без объяснения причин». Вилли радостно захлопал в ладоши — как здорово-то, господи! Добровольцы тормозили трамваи и красили белым задние сиденья, чтобы сразу было ясно, для кого они. Добровольцы с задорным смехом врывались в театры и отгораживали галерки веревками. Их жены в это время задумчиво толклись на тротуарах, а детей насильно загоняли по домам, чтобы те не видели этого варварства.

— Ну что, все готовы? — крикнул Вилли Джонсон и воздел над головой канат с аккуратно завязанным узлом.

— Готовы! — ответила ему половина толпы. Остальные, перешептываясь, рассосались, как массовка, не желающая принимать участие в кошмарном представлении.

— Вот она! Летит! — раздался мальчишеский голос.

Как марионетки, подвешенные на одну ниточку, все в толпе задрали голову.

По небу, шипя рыжим пламенным хвостом, грациозно плыла ракета. Сделав круг, она пошла на снижение; народ ахнул. Приземлилась. Трава тут и там занялась огнем, но быстро потухла.

Какое-то время ракета стояла тихо, а затем на глазах у застывшей толпы из большого люка на боку со свистом вышел воздух, и дверь отползла в сторону. В проеме показался старик.

— Белый человек, белый человек, белый человек… — прошелестела толпа; это дети шептали друг другу на ушко, толкались локтями и указывали пальцами. Весть волной прокатилась до самых последних рядов, где на ветру и солнце стояли трамваи, от которых пахло свежей краской. Шепоток растворился в воздухе.

Никто не шелохнулся.

Белый человек держался ровно и прямо, но лицо его изрезали глубокие морщины, и оно уже несколько дней не знало бритвы. В помутневших, почти скрытых бельмами глазах застыла вековая скорбь от пережитого за прошедшие двадцать лет. Он был тонок и сух, как осыпавшийся куст. Руки дрожали, и ему пришлось опереться о люк.

Вяло улыбнувшись, он протянул руку навстречу черной толпе. Убрал.

Никто не шелохнулся.

Он всматривался в их лица; должно быть, он видел оружие и веревки, должно быть, чувствовал запах краски, но не придавал этому значения. Все молчали, тогда заговорил он — тихо и медленно,

не думая, что кто-то будет перебивать. Никто и не перебивал. И голос у него был очень усталый, старый и бесцветный.

— Неважно, кто я такой. Мое имя все равно ничего вам не скажет. Ваших имен я тоже не знаю. Может, после. — Он помолчал, прикрыв глаза, и продолжил: — Давно, очень давно, двадцать лет назад вы оставили Землю. Для нас это все равно что двадцать столетий — столько всего случилось. После вашего отлета началась Война, — он многозначительно кивнул. — Да, Война с большой буквы. Третья мировая. Она шла все это время и закончилась только год назад. Мы разбомбили все крупные города мира: Нью-Йорк и Лондон, Москву и Париж, Шанхай, Бомбей и Александрию. От них ничего не осталось. А когда закончились крупные города, мы начали уничтожать и жечь маленькие.

И он стал перечислять города, деревни, улицы. С каждым новым названием среди собравшихся поднимался шепоток.

— Мы стерли с лица Земли Натчез…

Перешептывание.

— …затем Коламбус в Джорджии…

Снова перешептывание.

— …сожгли Новый Орлеан…

Вздох.

— …и Атланту…

Еще один.

— …и от Гринуотера в Алабаме ничего не осталось.

Вилли Джонсон вскинул голову, приоткрыл рот, в глазах у него мелькнул огонек узнавания. От Хэтти это не ускользнуло.

— Ничего не осталось, — медленно повторил старик. — Хлопковые плантации — сгорели.

Толпа выдохнула.

— Хлопкопрядильные фабрики — взорваны.

И снова.

— Фабрики радиоактивны. Все радиоактивно. Дороги, фермы, поля и все остальное.

И он продолжил перечислять города и деревни:

— Тампа.

— Так я ж оттуда, — прошептал кто-то.

— Фултон.

— А я — оттуда, — произнес кто-то еще.

— Мемфис.

— Мемфис?! — воскликнули из толпы. — Его тоже сожгли?!

— Взорвали.

— И даже Четвертую стрит?

— Целиком, — ответил старик.

Народ зашевелился. Проснулись воспоминания двадцатилетней давности. Города и деревни, парки и здания, вывески, церквушки и магазины за углом — все всплыло в памяти собравшихся. Каждое название находило у кого-нибудь отклик, и каждый, кто еще видел все это, вспоминал прошлое. За исключением детей.

— Ларедо.

— Я помню Ларедо.

— Нью-Йорк.

— Я держал магазинчик в Гарлеме.

— Гарлем разбомблен.

Разбомблен — какое страшное слово. Знакомые, памятные места — в руинах. Как такое можно представить?

— Гринуотер в Алабаме, — пробормотал Вилли Джонсон. — Я там родился. Я помню.

Ничего не осталось. Ничего. Так сказал этот человек.

— И вот мы взорвали и уничтожили все. Глупцы тогда — глупцы и теперь, — продолжал тем временем старик. — Миллиарды погибли. На всей Земле сейчас наберется не больше полумиллиона человек всех рас и народов. Из обломков нам удалось наскрести металла всего на одну

ракету — вот она. Именно на ней мы за месяц долетели до Марса просить у вас помощи.

Он замолчал, пытаясь разглядеть какую-то реакцию на лицах собравшихся, но ничего конкретного не увидел.

Хэтти Джонсон почувствовала, как муж напряг руки и сжал в кулаках веревку.

— Мы — глупцы, — тихо проговорил старик. — Мы погубили цивилизацию и вместе с ней Землю. Города не спасти — они еще лет сто будут радиоактивны. Земле конец, окончательно и бесповоротно. Наша эпоха на ней прошла. У вас остались ракеты, на которых вы покинули Землю двадцать лет назад и с тех пор так и не пытались вернуться. Сегодня я прошу вас снова запустить их. Вернитесь на Землю, заберите выживших и перевезите их на Марс. Помогите нам в эти трудные времена. Мы — глупцы. Перед лицом Господа мы признаем, что были полны злобы и глупости. Мы все: и китайцы, и индийцы, и русские, и британцы, и американцы — просим вас о милосердии. Несчетные века никто не возделывал марсианскую почву. Здесь хватит места всем. Это хорошая почва: я видел ваши поля с высоты. Мы будем обрабатывать и убирать их за вас — для вас. Да, мы готовы даже на это. Делайте с нами

что хотите — мы этого заслужили, только прошу, не отрекайтесь от нас. Конечно, я не могу требовать от вас немедленного ответа. Если скажете, чтобы я вернулся в ракету и летел восвояси, то так тому и быть. Больше мы вас не побеспокоим. Но позвольте нам прилететь сюда, и мы будем работать на вас, как вы когда-то: убирать дома, готовить еду, чистить обувь, — и будем вечно молить прощения у Господа за все те беды, которые мы причинили себе, вам и другим.

На этом он закончил.

Повисло вселенское молчание. Такое густое, что его можно было взять в руку; тяжелое, словно грозовые тучи. Черные руки беспомощно повисли, как плети, черные глаза смотрели на старика, а тот не двигался в ожидании чего-то.

Вилли Джонсон перехватил веревку поудобнее. Стоявшие рядом внимательно следили, что будет дальше. Хэтти тоже следила, сжимая мужу локоть.

Она хотела проникнуть в средоточие их ненависти и отыскать слабое место, а затем расшатать тот камешек или кирпичик, на котором все держится, и тогда крепость с грохотом рухнет. Она и так уже шатается. Но где же этот кирпичик и как к нему подобраться? Как достучаться до них

и прекратить эту вражду?

В наступившей тишине она посмотрела на Вилли. Да ведь это он подтолкнул всех к этому, своею жизнью, своей обидой, а значит, он и есть тот самый кирпичик. Стоит его расшатать, тогда остальным не за что будет держаться, и все благополучно разрешится — так просто, оказывается.

Хэтти вышла из толпы навстречу белому человеку.

— Мистер?.. — Она не знала, с чего начать. Сотни глаз уставились на нее; она чувствовала это спиной. — Мистер?..

Белый человек устало улыбнулся.

— Мистер, — сказала она, — вы знаете, что сталось с холмом Ноквуд в Гринуотере?

Старик обратился к кому-то внутри ракеты. Через минуту ему подали распечатанный снимок, который он молча протянул Хэтти.

— Там на вершине еще был раскидистый дуб. Вы знаете, что с ним?

Раскидистый дуб. Под ним застрелили отца Вилли, а затем повесили; наутро все увидели, как он болтается на ветвях.

— Да.

— Он по-прежнему там? — спросила Хэтти.

— Его больше нет, — ответил старик. — Взо-

рван. Ни холма, ни дуба, ничего не осталось. Вот, видите? — Он ткнул в снимок.

Вилли выбежал вперед и вырвал распечатку у него из рук.

— Дайте я взгляну.

У Хэтти заколотилось сердце, и она поспешила обратиться к белому человеку:

— Расскажите про Гринуотер.

— Что вы хотите узнать?

— Доктор Филипс еще жив?

Прошла минута, прежде чем щелкающая машина внутри ракеты нашла нужные сведения…

— Убит на войне.

— У него был сын. Что с ним?

— Погиб.

— А что с их домом?

— Сгорел. Как и все остальные дома.

— А что с тем другим деревом на холме Ноквуд?

— Все сгорели. Не уцелело ни единого деревца.

— И то дерево тоже? Вы уверены? — настаивал Вилли.

— Уверен.

Вилли выдохнул:

— А что с домом мистера Бертона и с ним самим?

— Все дома разрушены, все люди погибли.

— А что случилось с домиком-прачечной, где жила и работала моя мама, миссис Джонсон?

— Его тоже не стало. Ничего не осталось. Вот фотографии, смотрите сами.

Фотографии пошли по рукам, все смотрели на них и вспоминали. В ракете было полно снимков с ответами, о чем ни спроси — какой хочешь город, деревня, дом.

Вилли молча смотрел на веревку.

Он вспоминал Землю — ту самую цветущую Землю и цветущий городок, в котором родился и вырос, и пытался представить, что стало с ним, как он обратился в руины и груду обломков, сгинул в огне вместе с памятниками, вместе с надуманным и настоящим злом, вместе с жестокими людьми, с конюшнями, кузницами, лавками, висельными деревьями, холмами в россыпях гильз, с дорогами, коровами, кустами мимоз; вместе с его лачугой и господскими домами у реки, белыми, словно гробницы, вокруг которых, далекие и недоступные, порхали барышни, похожие на бледных и хрупких мотыльков; где жестокосердные люди качались в креслах, попивая виски, вдыхая осенние ароматы и поглядывая на прислоненные к крыльцу ружья,

размышляя о смерти. Все погибло, все сгинуло безвозвратно. Теперь он не сомневался, что цивилизация уничтожена, обратилась в прах и этот прах теперь у их ног. Ничего, ничего не осталось: ни ненавистных гильз, ни пеньковых веревок, ни висельных деревьев, ни даже холма для расправ. Никого не осталось, только какие-то чужие люди, которые прилетели на ракете, готовые на все, даже чистить им обувь, ездить отдельно в трамваях и сидеть на галерке…

— Нет, все будет по-другому, — сказал Вилли Джонсон.

Хэтти взглянула на его могучие кулаки.

Он их разжал.

Веревка упала к его ногам.

Народ разбежался по городку сдирать наспех сделанные вывески, закрашивать свежие желтые надписи в трамваях, срезать веревки в театрах, расплетать петли и разряжать ружья.

— Начнем заново — все вместе? — спросила Хэтти, пока они ехали домой.

— Да, — ответил наконец Вилли, собравшись с мыслями. — Господь дал нам выжить: кому-то из нас, кому-то из них. А что будет дальше — решать нам. Но мы больше не будем вести себя как глупцы. Мы изменимся, станем умнее. Я понял

это, когда он говорил. Я понял, что теперь белый человек так же одинок, как и мы когда-то, что теперь у него тоже нет дома, как его долгое время не было у нас. Теперь мы в одинаковых условиях и можем начать все с нуля, на равных.

Он затормозил и остался сидеть за рулем, пока Хэтти выпускала детей. Те сразу же бросились к отцу.

— Ну как, видел его? Видел белого человека? — кричали они наперебой.

— Так точно, сэр, — отозвался Вилли, медленно массируя пальцами виски. — Пожалуй, только сегодня я впервые увидел белого человека — таким, какой он на самом деле.

1949 г. Опубликовано в 1951 г.

Колесо

Всю дорогу они пели. Распевали «Иешуа узрел колесо» и «Ступай Моисей» и уйму других гимнов. Увлеклись всевозможными песнопениями и проморгали Марс. Прозевали Марс и вернулись его искать, но опять промахнулись. Стали высматривать Землю и снова — мимо. Наконец, сели на Венеру. А на Венере, оказывается, жаркие джунгли. Достаточно разбросать семена, и через час они прорастают. И жилищ не нужно, хватает и навесов от зноя и дождя. Тут они и поселились, эти чернокожие. Куда они подевались, никто так и не узнал. А им только этого и надо.

2010 г.

Любовная история

В прозрачном воздухе все утро веяло не то свежими злаками, не то зеленой травой, не то цветами — Сио никак не мог определить, не мог распознать этот запах. Выбравшись из укромной пещеры, он решил обойти кругом, спуститься по склону, а уж там поднять свою крупную голову и как следует приглядеться, но сейчас его неотвязно преследовал легкий ветер, который и принес сюда сладковатое дыхание того аромата. Как будто среди осени наступила весна. Он проверил, нет ли поблизости темных цветков, которые по весне пробивались пучками из-под острых камней. Стал высматривать, не проклюнулась ли случайно зелень — с приходом весны трава быстротечной волной набегала на Марс, — но нет, скалистая местность оставалась засушливой, кроваво-красной.

Нахмурясь, Сио вернулся в пещеру. Он смотрел в небо и видел, как вдали, над окраинами растущих городов, идут на посадку окутанные пламенем ракеты землян. Под покровом темноты Сио иногда сплавлялся на челноке по молчаливой глади каналов, потом оставлял челнок в тайном

месте, а сам плыл, стараясь не поднимать брызги, к предместьям молодых городов и там глядел, как люди, без умолку перекликавшиеся между собой, до поздней ночи что-то мастерили, приколачивали, красили, чтобы возвести на его планете свои странные сооружения. Он вслушивался в их диковинные речи, пытаясь хоть что-нибудь разобрать, и не переставал изумляться, когда огненно-хвостатые ракеты землян — непостижимые все-таки существа! — с ревом взмывали к звездам. А потом, целый, невредимый и одинокий, Сио возвращался к себе в пещеру.

Ему случалось отмерять многие мили по горным склонам, чтобы перекинуться парой слов хоть с кем-нибудь из соплеменников, которые теперь вели скрытный образ жизни: мужчин осталось совсем мало, женщин и того меньше; впрочем, он уже привык к одиночеству и обитал вдали от всех, размышляя над плачевной судьбой, постигшей его народ. Землян он не винил: они не по злому умыслу занесли сюда болезнь, которая в одночасье сожгла его отца и мать, а вместе с ними великое множество других отцов и матерей.

Ноздри еще раз втянули воздух. Опять этот неведомый аромат. Сладковатый, летучий, во-

бравший в себя запахи цветов и зеленого мха.

— Что ж это такое? — Прищурив золотистые глаза, Сио посмотрел во все стороны разом.

По-мальчишески долговязый, он еще не вышел из детства, хотя за восемнадцать летних сезонов у него удлинились мышцы рук, а ноги вытянулись от неустанного плавания по каналам: на таких ногах он запросто двигался стремительными перебежками по раскаленному дну пересохшего моря, нырял в укрытие, тут же выскакивал и снова прятался; а бывало, прихватив серебряную клетку, совершал дальние походы за цветами-хищниками да еще умудрялся наловить ящериц им на прокорм. Можно сказать, он только и делал, что плавал да карабкался по горам; юноши отдают этим занятиям весь свой запас пыла и страсти, а в положенный срок является женщина — и без проволочек берет на себя те заботы, что прежде доверялись горам и рекам. Тяга к просторам и перемене мест сохранялась у Сио дольше, чем у его сверстников; он взрослел с запозданием, а потому бегал-прыгал в одиночестве и даже разговаривал сам с собой, а другие в этом возрасте уже ходили к обмелевшему каналу, где каждый пристраивал свою девушку, как статую, поперек утлого челнока, покрепче прижимал к себе и пускался

в плавание. Он вызывал беспокойство у родителей и разочарование у женщин, которые со дня его четырнадцатилетия наблюдали за ладной, быстро растущей тенью, умудренно кивали друг дружке и заглядывали в календарь, отсчитывая еще год, потом — так уж и быть — еще один…

Но с началом вторжения и эпидемии он словно застыл. Его вселенная захлебнулась в смерти. Города, выпиленные, сколоченные и свежеокрашенные, стали разносчиками заразы. Тяжесть множества смертей давила на него даже во сне. Он часто просыпался в слезах и хватал руками ночной воздух. Но родители его умерли, и уже давно подошло время найти себе пару, одну-единственную ласку, одну-единственную любовь.

А ветер все кружил, играя будоражащим ароматом. Сио сделал глубокий вдох и почувствовал прилив тепла.

Потом он услышал какие-то звуки. Будто играл небольшой оркестр. Музыка поднималась по каменистой расселине прямо к его пещере.

Где-то в полумиле ленивый дымок потянулся к небу. Внизу, на краю древнего канала, притулилась небольшая хижина, год назад построенная землянами для экспедиции археологов. Потом ее забросили, и Сио несколько раз украдкой спус-

кался на берег подсматривал в окна, но никогда не входил в опустевшие комнаты, опасаясь подцепить черную хворь.

Из той хижины и неслась музыка.

— Как в такой тесноте помещается целый оркестр? — удивился он и молча припустил вниз по склону в последнем свете дня.

Хотя у хижины по-прежнему был нежилой вид, из открытых окон лилась музыка. Перебегая от одного валуна к другому, Сио подобрался ближе и на полчаса залег ярдах в тридцати от пугающе-шумной постройки. Он лежал ничком, у самой воды. В случае чего можно нырнуть в канал, и течение само понесет его обратно.

Музыка загрохотала еще сильнее, взметнулась над скалой и прогудела в горячем воздухе, пробирая Сио до костей. С дрогнувшей крыши дома летели клубы пыли. Хлопья сухой краски отделялись от деревянных стен и кружились в безмолвном снежном вихре.

Сио вскочил и тут же отпрянул. Никакого оркестра в домике не было. Только цветастые занавески. Только широко распахнутая входная дверь.

Музыка смолкла и тут же зазвучала вновь. Одна и та же мелодия повторилась десять раз подряд.

А запах, который выманил Сио из каменистого убежища, висел здесь густой пеленой и струился по его разгоряченному лицу.

Наконец одной перебежкой он добрался до окна и заглянул в комнату.

На низком столике поблескивал какой-то коричневый аппарат. Серебряная игла опустилась на крутящийся черный диск. Загрохотал оркестр! Сио в изумлении разглядывал эту диковинку.

Музыка прервалась. В тишине, нарушаемой лишь легким шипением, послышались шаги. Сорвавшись с места, он бросился в канал.

Погрузившись в прохладную воду, Сио лег на дно и затаился. Неужели это ловушка? Неужели его заманили сюда, чтобы схватить и убить?

Прошла минута, из ноздрей вырвались пузырьки воздуха. Он пошевелился и стал медленно подниматься к прозрачной границе подводного мира.

Всплывая, Сио смотрел вверх — и вдруг сквозь холодящий зеленый поток увидел *ее*. Там, над водой, застыло белое как мел лицо.

Оцепенев, он затаил дыхание. Потом незаметно скользнул по течению, и поток стал неспешно уносить его дальше и дальше. А она была дивно хороша собою, она была родом с Земли, а сюда

прилетела на ракете, которая раскалила камни и обожгла воздух, но это прекрасное лицо осталось белым как мел.

Течение вынесло его к предгорьям. Он выбрался на сушу, вода текла с него в три ручья.

«До чего же красивая», — подумал он. Рухнув на берег, он судорожно хватал ртом воздух. Грудь сжимало. К лицу прилила кровь. Он оглядел свои руки. Не вселился ли в него черный недуг? Что, если заразиться можно от одного лишь взгляда?

«Надо было вынырнуть, когда она склонилась над водой, — подумал он, — да вцепиться ей в горло. Она убивала нас, убивала!» Он явственно видел ее белую шею, белые плечи. «Какой необычный цвет! — застряло у него в голове. — Нет, так нельзя, — одернул он сам себя, — убивала не она, а эта черная хворь. Разве может такое светлое создание таить в себе столько темного?»

Интересно, она меня заметила?

Он встал, чтобы обсохнуть на солнце. Приложил к груди тонкую коричневую руку. Почувствовал, как бешено колотится сердце.

— Ух ты! — вырвалось у него. — Я видел ее, видел!

Не слишком медленным, но и не быстрым шагом он направился к пещере. Музыка все еще

грохотала в домике внизу, словно развлекая себя.

В пещере он начал молча, решительно и методично собирать свои пожитки. Бросил кусочки светящихся мелков, кое-что из еды и несколько книг на тряпку, туго связал в узелок. И заметил, что руки дрожат. Повернул их ладонями вверх, испуганно оглядел пальцы. Сжимая под мышкой небольшой сверток, Сио поспешил вылезти из пещеры и направился вверх по склону, прочь от музыки и неотвязного запаха.

Он ни разу не оглянулся.

Солнце стало клониться к закату. Он чувствовал, что тень его отстает, тянется туда, где следовало бы остаться ему самому. Не стоило уходить из пещеры, где он обжился еще в детстве. В этой пещере он нашел себе десятки занятий, обнаружил сотню разных пристрастий. Выдолбил в скале печь и приноровился печь лепешки, каждый день свежие, самые разнообразные и превосходные на вкус. Сам растил злаки на горной лужайке. Готовил себе прозрачную шипучку. Научился делать музыкальные инструменты: серебристые флейты из редких марсианских металлов и даже крошечные арфы. Сам сочинял песни. Мастерил низкие скамеечки, ткал мате-

рию, шил одежду. И даже рисовал настенные картины светящимся кобальтом и кармином; эти картины, на удивление яркие и замысловатые, освещали пещеру долгими ночами. Частенько перелистывал сборник стихов, написанных им в пятнадцать лет, — эту книжку его родители с потаенной гордостью читали вслух, но только самым близким.

В общем, неплохо жилось в пещере, всегда было чем заняться.

С последними лучами солнца он дошел до перевала. Музыка сюда не доносилась. Запах — тоже. Вздохнув, он присел, чтобы с новыми силами продолжить путь через горы. Закрыл глаза.

Сквозь зелень воды проступило белое лицо.

Он тронул пальцами свои сомкнутые веки.

Белоснежные руки тянулись к нему, преодолевая стремительную мощь прибоя.

Подхватив узелок с дорогими сердцу вещицами, он было ринулся прочь, но тут ветер переменился.

До слуха долетела музыка, теперь едва-едва уловимая. Сумасшедший металлический рев, приглушенный расстоянием.

Аромат духов, тоже едва уловимый, взбежал к перевалу каменистыми тропами.

На восходе лун Сио повернул в обратный путь, сбегая вниз по тем же каменистым тропам.

Пещера сделалась стылой и чужой. Он сложил костер, а потом подкрепился хлебом и дикими ягодами, добытыми в мшистых горах. Как быстро после его ухода в пещере стало холодно и неуютно. Даже его собственное дыхание странным эхом отскакивало от стен, словно чужое.

Прежде чем улечься спать, он загасил костер. И тут обнаружилось, что на пещерной стене лежит слабый лучик света. Сомнений не было: этот луч пришел из хижины, стоявшей в полумиле внизу, на берегу канала. Сио зажмурился, но свет не исчезал. Он сливался то с музыкой, то с благоуханием цветов. Помимо своей воли Сио поочередно напрягал зрение, слух, обоняние, чтобы вытащить хотя бы одну прядь этого непостижимого переплетения.

В полночь он вышел из пещеры. Хижина в долине пестрела желтыми огнями, как яркая игрушка. А в одном из окон ему привиделась танцующая фигурка женщины.

— Надо ее прикончить, — сказал он себе. — За этим я и вернулся. Убить и закопать!

В полудреме ему померещился затерянный голос: «Кого ты хочешь обмануть?» Но он даже не

стал открывать глаза.

Она жила в одиночестве. Назавтра он увидел ее на прогулке в предгорьях. На третий день она купалась в канале, часами не выходя на берег. На четвертый и пятый день Сио подбирался все ближе и ближе к домику, а на закате шестого дня, с наступлением темноты, очутился под самыми окнами и продолжил слежку.

На столе стояло штук двадцать маленьких, отливающих медью тюбиков с чем-то красным. Похлопывая себя по щекам, женщина размазала по лицу прохладный на вид крем: получилась маска. Через некоторое время маска была стерта бумажными салфетками, которые тут же полетели в корзину. Покончив с этим занятием, она проверила один тюбик: мазнула пухлый рот, несколько раз чмокнула губами, стерла, наложила другой цвет и снова стерла; так она опробовала третий, пятый, девятый цвет, слегка тронула красным щеки, а потом взяла блестящий пинцет и принялась выщипывать брови. Накрутила волосы на какие-то нелепые приспособления и стала полировать ногти, напевая сладостную, незнакомую, инопланетную песню на своем языке — должно быть, очень красивую. Женщина мурлыкала, притопывая высокими каблучками

по дощатому полу. При этом она расхаживала по комнате, прикрытая лишь белизной своего тела, потом улеглась в этой белизне на кровать и запрокинула голову; золотистые волосы свешивались до полу, а сама она то и дело подносила к алым губам какой-то тлеющий цилиндрик, посасывала его, блаженно прикрывая веки, и медленно выпускала из узких ноздрей и ленивого рта струйки дыма, которые поднимались в воздух длинными бестелесными образами. Сио затрепетал. Призраки! У нее изо рта вылетают призраки. Да еще с такой легкостью. Как ни в чем не бывало. А ей и дела нет.

Когда она вставала, ее подошвы шлепнули по деревянным доскам. И снова она запела. Закружилась по комнате. Подняла лицо к потолку. Щелкнула пальцами. Распростерла руки, словно крылья, и под стук каблучков кружилась, кружилась в одиноком танце.

Инопланетная песня. Ну почему он не мог разобрать слов? Почему не умел настраивать разум, как делали прежде многие из его соплеменников, чтобы читать, понимать и мгновенно переводить чужие языки, чужие мысли. Он попробовал. Но нет, ничего не вышло. А она все пела прекрасную, незнакомую песню, из которой он ничего не мог

разобрать:

— «Я тебе не изменю, для тебя любовь храню...»

Его покинули силы при виде земной плоти, земной красоты, рожденной за миллионы миль отсюда, совершенно иной, не такой, как марсианская, у него вспотели ладони, противно задергались веки.

Где-то зазвенел звонок.

Она взялась за диковинный черный аппарат, который, как тут же выяснилось, почти не отличался по своему назначению от устройства, хорошо известного сородичам Сио.

— Алло, это ты, Дженис? Боже, как я рада тебя слышать!

Ее лицо просияло. Она разговаривала с каким-то дальним городом. Волнующие звуки ее голоса не давали ему покоя. Но что означали ее слова?

— Господи, Дженис, за что ты меня сослала в такую дыру? Понимаю, милая, понимаю — отдохнуть. Но это у черта на рогах! Мне остается только раскладывать пасьянсы да плескаться в этом вонючем канале.

Черный аппарат прожужжал что-то в ответ.

— Я здесь копыта отброшу, Дженис. Да знаю, знаю. Всему виной эти святоши. Даже сюда до-

брались, очуметь можно. А как славненько все начиналось! Скажи мне только одно: когда мы снова открываемся?

Дивно, подумал Сио. До чего же красиво звучит. Невероятно. Он стоял в ночи под открытым окном и не мог налюбоваться ее восхитительным лицом и телом. Интересно, о чем у них шел разговор? Об искусстве, литературе или о музыке? Не иначе как о музыке — ведь она пела, все время пела. Непонятная музыка, хотя можно ли надеяться, что поймешь музыку другого мира? А нравы, язык, литературу? Здесь приходится опираться только на чутье. Старые знания не помогут. Нельзя не признать, что ее красота сильно отличается от мягкой, изящной, смуглой красоты вымирающей марсианской расы. У его матери были золотистые глаза и стройные бедра. Но эта одиночка, напевающая в пустыне, оказалась куда крупнее — большие груди, широкие бедра и, конечно же, ноги, обжигающие своей белизной, да еще эта странная манера стучать каблучками и разгуливать нагишом. Но ведь наверняка на Земле все женщины так ходят? Сио кивнул себе в ответ. Надо их понять. Он представлял себе всех женщин того далекого мира обнаженными, златовласыми, пышнотелыми, на цокающих каблучках.

А это волшебство — дым изо рта и ноздрей! А призраки, духи из дымовых узоров, слетающие с губ! Вот поистине волшебное создание, плод огня и воображения! Она лепила образы в воздухе с помощью своего блистающего разума. Кто как не воплощенный разум редкостной чистоты и необъятности способен впускать в себя серо-красный огонек, чтобы затем выдыхать из ноздрей настоящие шедевры архитектуры, завораживающие своим изяществом и совершенством? Гений! Художник! Творец! Как же это делается и сколько лет нужно этому учиться? Как распределить свое время? От одного ее присутствия голова шла кругом. Он чувствовал, что вот-вот крикнет: «Научи меня!» Но боялся. Он ощущал себя ребенком. Видел, как формы, линии, дым, кружась, уносились в никуда. Она приехала сюда, в эту глушь, чтобы побыть наедине с собой, чтобы в полном одиночестве, вдали от посторонних глаз, воплотить свои фантазии. Нельзя тревожить творцов, писателей, художников. Надо отойти в сторону и оставить свои вопросы при себе.

«Непостижимые все-таки существа!» — молча повторял он. Все ли женщины того огненно-зеленого мира похожи на эту? Все ли они — огненные призраки на волнах музыки? Все ли расхаживают

голыми в своих грохочущих домах?

— Имеет смысл еще понаблюдать, — сказал он почти вслух. — Здесь есть чему поучиться.

Помимо своей воли он сцепил руки. Ему захотелось, чтобы она оказалась в этом кольце. Захотелось, чтобы она пела для него одного, создавала узоры в воздухе, учила его и рассказывала о своем далеком мире, о тамошних книгах, о прекрасной музыке…

— Не тяни, Дженис, назови точные сроки. А другие девочки как устроились? А в других городах так же паршиво?

Телефон жужжал в ответ, как насекомое.

— Неужели все до единого закрылись? На всей этой чертовой планете? Наверняка хоть одно местечко да осталось! Срочно найди мне что-нибудь подходящее, а то у меня просто!..

Странно все-таки. Словно он видел женщину впервые в жизни. Манера запрокидывать голову, движения пальцев с ярко-красными ногтями — все было в новинку, в диковинку. Вот она скрестила белоснежные ноги, наклонилась вперед, облокотившись локтем о голое колено, вызывая и выдыхая духов, болтала и косилась в окно, да, именно туда, где в потемках прятался он. Она смотрела прямо сквозь него — ох, что бы она

сделала, если бы заметила?

— Кому?! Это мне-то страшно здесь одной?

Она рассмеялась, а Сио тихонько вторил ей в лунной полутьме. Как же прекрасен ее земной смех, когда голова запрокинута, а из ноздрей вырывается мистический дымок, обретая бестелесные формы. Ему пришлось отвернуться от окна, чтобы глотнуть побольше воздуха — у него перехватило дыхание.

— Еще спрашиваешь! Будь уверена!

Что за чудные, редкостные слова произносит она сейчас? О жизни, о музыке, о поэзии?

— Слушай, Дженис, ну, покажи мне того, кто сегодня боится марсиан! Сколько их осталось — дюжина, две? Веди всех сюда, пусть занимают очередь, договорились? Отлично!

Когда он, не разбирая дороги, завернул за угол домика и споткнулся о пустые бутылки, ее смех настиг его и здесь. Даже с закрытыми глазами он ясно видел ее отливающую белым сиянием кожу, а в памяти прочно засели фантомы, слетающие с ее губ колдовскими заклинаниями, облаками, дождями, ветрами. Ах, если б узнать перевод! Силы небесные, только бы понять! Слушай же! Что это за слово, или это, а вот это? Неужели она окликнула его? Нет, вряд ли. Но разве не его имя

она произнесла?

В пещере он поел, но без всякого аппетита.

А потом сидел битый час на пороге, пока луны не поднялись еще выше, чтобы плыть по остывшему небосводу, тогда он разглядел в воздухе струйки пара от собственного дыхания, похожие на огненно-молчаливых духов, что вились у ее лица, а она все говорила и говорила; он не то слышал, не то вызывал в памяти ее голос, летящий вверх среди скал, чувствовал запах ее дыхания, запах дымящейся надежды, теплоту слов, согретых ее губами.

Наконец он решился:

— Спущусь-ка я к ней и заговорю — тихо, неспешно. Буду говорить с ней каждый вечер — глядишь, она начнет меня понимать, да и я выучу ее язык, а потом она придет со мной сюда, в горы, где нас ждет благодать. Я расскажу ей о своем народе и о своем одиночестве, признаюсь, как наблюдал за ней и слушал ее столько ночей подряд…

Но ведь она… сама Смерть.

Он содрогнулся. Это подозрение, это слово не шло из головы.

Как же он мог забыть?

Достаточно коснуться ее руки, лица — и он за-

чахнет в считаные часы, ну, может быть, протянет неделю. Кожа потемнеет, соберется чернильными складками, начнет отмирать, отслаиваться и в конце концов высохнет, разлетится по ветру…

Всего одно прикосновение и… Смерть.

Но тут в голову пришло совсем другое. Она живет одна, вдали от своих сородичей. Должно быть, ей нравится предаваться размышлениям, раз она поселилась в уединении. Выходит, мы с ней похожи? И потом, раз она бежала из города, может, в ней и не гнездится Смерть?.. Да! Скорее всего, так!

Хорошо бы провести с ней день, неделю, месяц, вместе поплавать по каналам, побродить по горам и снова послушать ту незнакомую песню, а он, в свой черед, достанет старинные ноты, и струны арф будут ей подпевать. Неужели это несбыточно? Да за такое можно отдать все на свете! Ведь от одиночества умирают, верно? Надо бы еще раз приглядеться к этим желтым огонькам в хижине. Целый месяц жить в согласии, находиться рядом с красотой, которой подчиняются даже призраки и духи, слетающие с губ, — разве можно упустить такой подарок судьбы? А уж если придет Смерть… то какая чудесная и необыкновенная!

Он встал. Потянулся. Зажег свечу в нише, где

при свете пламени задрожали изображения его родителей. Снаружи темные цветы ожидали рассвета, чтобы трепетно раскрыться к ее приходу — она их заметит, бережно тронет стебельки, а потом пойдет бродить с ним по горам. Луны уже скрылись. Пришлось настроить особое зрение, чтобы в потемках не сбиться с дороги.

Сио прислушался. Внизу, в ночи, играла музыка. Внизу, во тьме, голос женщины вещал о чудесах, неподвластных времени. Внизу, в мелькании теней, белым жаром горела ее плоть, а вокруг головы танцевали призраки.

Он ускорил шаги.

Ровно без четверти десять ей послышался осторожный стук в дверь.

1948 г. Опубликовано в 1982 г.

Свадьба

На Марсе стояла чудная августовская ночь. Двойные луны разогнали тьму своим свечением, и теплое небо усыпали неисчислимые звезды. Лучшей ночи для свадьбы не придумаешь.

Мистер Самуэль Пейс нарочито долго наводил блеск на свои туфли, прежде чем подойти к окну и посмотреть вниз на открытый двор древнего марсианского особняка. Повсюду были разожжены факелы, горевшие то голубым, то зеленым, то рубиновым огнем. От освещения столы с долгожданным угощением замелькали перед глазами, столовое серебро заплясало, вино заиграло в хрустальных чанах. Смолистая древесина факелов и цветы, срезанные на самых дальних холмах Марса, источали изумительный аромат.

— Который час? — спросил мистер Самуэль Пейс.

— Спрашиваешь третий раз за пять минут. Без пяти восемь.

Томас Квинн, его шафер, улыбнулся ему.

— Где гости?

— Они придут. Не волнуйся.

— Элта готова?

— Да, конечно. Не беспокойся.

— Хочу, чтобы все прошло гладко.

— Все так и будет. Смотри.

Мощный ракетный корабль расцветил небеса огромными лепестками пламени и зашел на посадку поодаль от двора. Из корабля высыпали люди в серебристой униформе Космической службы. Они помахали стоявшему в окне Пейсу и что-то прокричали, но он не расслышал.

— Наконец-то. Явились, — сказал он.

— Ты же знал, что они придут.

— Зачем придут? Поглазеть, как я женюсь на марсианке, на аборигенке? Не знал я ничего.

— Но они же пришли. Да хватит уже переживать.

Он встал перед зеркалом и посмотрелся в него, взглянул на синий мундир с литыми серебряными пуговицами капитана Космической службы, на сияющие черные ботинки и звезду у сердца. Он смахнул с плеча ворсинку и сказал:

— Ладно. Я готов.

— Пойду скажу Элте.

* * *

После свадьбы решили устроить грандиозный фейерверк. Звенья по семь ракет должны были

пролететь, оставляя шлейфы лилового, золотого, алого и голубого пламени, которое стечет, словно потоки горящих чернил сквозь прозрачный стакан воды, расплываясь и окрашивая ночь. Их обращенные ввысь лица озарились бы золотыми сполохами, металлическими бликами, тусклые глаза вспыхнули бы, они ощутили бы не по сезону раскаленные серебряные жаровни, проплывающие над головой.

Потом пришли бы соплеменники Элты со своими танцами и арфами, поющими человеческими голосами про свадьбы десятитысячелетней давности, и с другими инструментами из хрусталя и фольги, наподобие ветра в кронах деревьев, под ритмы которых женщины танцевали бы в масках из синей медной сетки с колокольцами в руках.

Он постучал в ее дверь:

— Это я, Элта.

Дверь стремительно распахнулась, и он обнял ее, сильно напуганную.

— Они не приедут. Они не приедут.

Она расплакалась, и он не знал, что еще он может сделать, кроме того, что обнять и приласкать.

— Напрасно мы это затеяли. Не нужно нам жениться. Никому это не нравится. Ни твоим, ни

моим. И нам потом не понравится.

Он обнял ее еще крепче:

— К черту их всех. Не нужно мне ничьих разрешений. Мы обо всем уже договорились.

— Я знаю, знаю. — Она подняла глаза, посмотрела на него золотистыми очами, и слезы со щек улетучились. — Со мной все в порядке. Просто мне кажется, они не придут.

— Я тоже так думал, но смотри — ракета и наши ребята. А вот и твоя родня.

В самый разгар свадьбы ее близкие обратились в дымку. Это было магическое воздействие. Они не одобряли.

В самый разгар свадьбы на Земле выяснилось, что все гости, хозяин и хозяйка — роботы!

Она тоскует по Марсу.

Он тоскует по Земле.

Он удил рыбу в прозрачном холодном ручье на Марсе, коротая тихие выходные в одиночестве, как ему всегда нравилось — с небом и землей, снастями и стрекотанием спиннинга, и сачком в руке, чтобы вылавливать диковинных существ, считающихся на Марсе рыбой. Потом он поднял глаза, а там — эта женщина смотрит на него. Ее глаза напоминали золотые монеты, вроде тех, что ему в детстве подарил дедушка, которые он

сохранил с тех пор, как золото оказалось вне закона. Он до сих пор носил эти червонцы в кармане, в качестве секрета между ним и покойным дедом, в качестве заговора против правительства. И вот перед ним женщина с глазами — золотыми монетами, ровными розовыми губами в полуулыбке, с прямой осанкой и волосами цвета медной нити, кожей цвета белого молока, опять-таки с оттенком расплавленного золота.

Он стоял с удочкой в руке.

— Привет, — сказал он.

Она ответила:

— Я марсианка Элта.

— Здравствуй, Элта.

— Что ты делаешь?

— Ловлю рыбу.

— Странный способ. Ведь достаточно их позвать, и они сами придут.

Он улыбнулся.

— Ты не веришь, — сказала она.

— Не верю.

— Ладно. — Она их позвала. И рыбы пришли.

И в любой день ты можешь купить билет и полететь на серебристой ракете на Марс. На полпути от зеленой Земли и красного Марса ты найдешь небольшой мирок, раскачивающийся в

черной космической ночи, где половина холмов зеленые, а половина — красные, половина рек — синие, а другая половина — подобна вину. Половина деревьев — вязы, с другой половины деревьев опадает огонь. У половины детей глаза голубые, а у второй половины — как расплавленное золото. И вы увидите дом, наполовину — современный американский и наполовину — из марсианского хрусталя. Из него в полдень доносятся звуки электрического радио и пение арфы. А в окно можно увидеть Самуэля Пейса и его жену Элту, со смехом любующихся, как их дети носятся по марсианской лужайке, утыканной канзасскими подсолнухами.

А ты летишь дальше, на Марс, оставляя их посередине.

2010 г.

Пришествие

Капитан Харт вышел из ракеты.

— И где все? — спросил он.

— А я почем знаю, капитан? — отозвался Мартин, его первый помощник.

— Что это вообще за место?

Капитан закурил сигару и бросил спичку на лужайку, переливающуюся изумрудной зеленью. Трава занялась.

Мартин собрался было затоптать огонь, но Харт остановил его.

— Пусть горит, — сказал капитан. — Может, тогда эти невежи обратят на нас внимание.

Мартин, пожав плечами, остался на месте. Огонь разгорался все сильнее.

Капитан Харт бросил взгляд на часы.

— Мы уже час как приземлились, а хоть кто-нибудь выбежал нас встречать? Никто! Где все, я спрашиваю? Мы тут, понимаешь ли, проделали огромный путь, а уважаемые жители какого-то безвестного городка на какой-то захолустной планетке не желают нас видеть! — Он презрительно фыркнул и постучал по циферблату. — Так, даю им еще пять минут, а потом…

— Что потом, сэр? — со всей вежливостью поинтересовался Мартин, наблюдая, как у капитана двигаются желваки.

— Потом мы снова пролетим над их растреклятым городом, пускай попугаются… Может, они не заметили, как мы приземлились, а? — спросил Харт чуть тише.

— Нет, сэр, они нас видели. Даже смотрели нам вслед.

— Тогда почему не бегут к нам сломя голову? Что, попрятались? Перетрухали?

— Нет, сэр. Возьмите бинокль. Вон они, ходят, работают как ни в чем не бывало. И нисколько не напуганы… Судя по всему, им просто нет до нас дела.

Капитан Харт устало смотрел в бинокль, а Мартин разглядывал его лицо, которое избороздили раздражение, тревога и нервотрепка. В последнее время Харт сделался глубоким стариком: перестал спать, мало ел и все гнал и гнал экипаж куда-то… Он смотрел в бинокль и жевал губами, морщинистыми и изможденными, но резко очерченными.

— Право слово, Мартин, к чему это все? Вот строим ракеты, пересекаем космическое пространство, находим обитаемые миры… А что

взамен? Безразличие. Радуются себе жизни, как идиоты. Они что, не понимают значимость нашего появления? Первое межзвездное судно, совершившее посадку на их захолустной планетке! Такое что, каждый день бывает? Неужели они настолько зажрались?

Ответа у Мартина не было. Капитан Харт устало отдал ему бинокль.

— Ракеты, космос — зачем это все, Мартин? Вечно мы куда-то летим, чего-то ищем. Не ведаем при этом ни сна, ни отдыха.

— Может, мы ищем тишины и покоя? На Земле-то их точно не встретишь.

— Что правда, то правда. — Капитан сделался задумчив; трава тем временем потухла сама собой. — А все из-за Дарвина. Вот что за человек: опроверг все, во что мы верили. Бог, рай и все такое. Может, поэтому нас и тянет к звездам, а, Мартин? На поиски утраченной души? Места, куда мы могли бы сбежать со своей пропащей Земли?

— Не знаю, сэр. Может быть. Но что-то мы определенно ищем.

Капитан Харт вздохнул и выпрямил спину.

— Слушай мой приказ: нам нужен местный градоначальник. Отправляйся туда и сообщи, кто

мы такие. Скажи, что мы — первая межзвездная экспедиция, достигшая планеты номер сорок три в солнечной системе номер три. Передай им, что капитан Харт сердечно их приветствует и желает видеть главного. Бегом марш!

— Слушаюсь, сэр!

Мартин вальяжно зашагал по лужайке.

— Бегом! — рявкнул капитан.

— Слушаюсь, сэр!

Мартин ускорился, но потом снова перешел на шаг, чему-то про себя улыбаясь.

За время отсутствия Мартина капитан выкурил две сигары.

Наконец первый помощник вернулся, подошел к ракете и замер. Ноги у него подкашивались, глаза бессмысленно смотрели куда-то в пустоту.

— Ну же, говори! — приказал Харт. — Что там такое? Они будут нас встречать или нет?

— Нет. — Мартин обессиленно привалился к ракете.

— Это еще почему?

— Неважно. Дайте закурить, пожалуйста.

Не поворачивая головы, он схватил протянутую пачку, а сам, не мигая, все смотрел на виднев-шийся вдалеке золотой город. Достал сигарету, зажег и долго молча затягивался.

— Да говори уже! — не выдержал капитан. — Им что, неинтересна наша ракета?

— Что?.. А, ракета… — Мартин повертел сигарету пальцами. — Нет. То есть да, неинтересна. И вообще мы, похоже, прибыли в неподходящее время.

— Неподходящее?!

— Послушайте, капитан, — сдержанно объяснил Мартин, — вчера в этом городе произошло событие великой важности. Настолько важное, что мы по сравнению с ним — так, вздор… Извините, мне надо присесть.

Пошатнувшись, он тяжело опустился на ступеньки и глубоко вздохнул.

Капитан раздраженно мусолил сигару.

— Ну и что там у них случилось?

Мартин поднял голову, рассеянно отставив сигарету. Ветер сносил дымок в сторону.

— Сэр, вчера к ним в город пришел удивительный человек: добрый, милостивый и бесконечно мудрый!

Капитан гневно буравил помощника взглядом.

— А нам-то какое дело?

— Как бы вам объяснить… Они очень долго ждали этого человека — миллион лет, не меньше. А вчера он взял да и пришел. И поэтому наше

сегодняшнее появление не имеет никакого значения, сэр.

Капитан присел рядом и, побледнев лицом, схватил Мартина за руку.

— И кто же этот человек? Эшли небось? Обставил нас и украл у меня славу, да?

— Нет, сэр. Не Эшли.

— Значит, Бертон! Как я сразу не догадался? Просочился вперед и сорвал мое появление. Эх, никому нельзя верить!

— Нет, сэр. И не Бертон, — тихо сказал Мартин.

— Не может быть! — воскликнул Харт. — Есть всего три ракеты, и мы — первые. Как тому человеку удалось опередить нас? Как его зовут?!

— У него нет имени. Оно ему не нужно. На каждой планете его зовут по-своему, сэр.

Капитан смерил помощника суровым и недоверчивым взглядом:

— И что же такого удивительного он совершил, что всем стало плевать на наш корабль?

— Во-первых, — сдержанно начал Мартин, — он исцелил больных и утешил нищих. Он победил двуличных и нечестных политиков, а потом сел промеж людей и весь день беседовал с ними.

— И все?

— Да, сэр.

— Не понимаю. — Капитан уставился на Мартина. — Ты что, пьян? — с подозрением спросил он. — Просто в голове не укладывается.

Мартин не сводил глаз с города.

— Капитан, если вы не понимаете, то без толку и объяснять.

Харт посмотрел в том же направлении. Отсюда город казался тихим и прекрасным, а еще в нем царил покой. Капитан поднялся и вынул сигару изо рта. Сощурившись, посмотрел сначала на Мартина, затем на золотые купола на горизонте.

— Не хочешь ли ты сказать… Неужели тот человек… Не может быть…

— Именно это я и хочу сказать, сэр, — кивнул Мартин.

Капитан замер. Потом тряхнул головой и промолвил:

— Не верю.

Ровно в полдень капитан Харт в сопровождении первого помощника и подчиненного, нагруженного какими-то приборами, чеканя шаг, вошел в город. Оглядываясь по сторонам, он то и дело громко смеялся либо, уперев руки в бока, качал головой.

Навстречу им вышел градоначальник. Мартин установил штатив, прикрутил к нему ящичек и

включил питание.

— Вы главный? — спросил капитан, тыкая пальцем.

— Да.

Высокотехнологичное устройство, с которым возились Мартин и его напарник, обеспечивало мгновенный перевод на любой язык. Синтезированная речь грубо разрезала мягкую тишину.

— Расскажите про ваше вчерашнее событие, — сказал капитан. — Оно точно было?

— Да.

— У вас есть свидетели?

— Есть.

— Можно с ними поговорить?

— Говорите с кем угодно, — ответил градоначальник. — Мы все — свидетели.

— Ясно, массовая галлюцинация, — бросил Харт вполголоса и вновь обратился к градоначальнику: — И как же выглядел тот человек, ваш пришелец?

— Его непросто описать. — Градоначальник слегка улыбнулся.

— Отчего же?

— Мнения могут разойтись.

— И тем не менее я хотел бы выслушать вас, — сказал Харт и, не оборачиваясь, приказал Марти-

ну: — Записывай.

Мартин включил портативный диктофон.

— Он был очень великодушен и добр, — поведал градоначальник. — Он был мудр и многое знал.

— Да, да, я уже слышал, — отмахнулся капитан. — Все это слишком общо. Мне нужны подробности. Как он выглядел?

— Боюсь, это неважно, — ответил градоначальник.

— Напротив, очень важно, — строго сказал капитан. — Мне нужно составить портрет. Не хотите говорить, хорошо, я спрошу кого-нибудь еще. — Харт обратился к Мартину: — Это Бертон, никаких сомнений. Такие розыгрыши в его стиле.

Мартин не смотрел на него. Он был холоден и молчалив.

Капитан щелкнул пальцами:

— Ладно, попробуем иначе… Исцеления? Были?

— И не одно, — подтвердил градоначальник.

— Можете доказать?

— Конечно. Вот, мой сын. — Градоначальник кивнул, и вперед выступил мальчик. — У него от рождения отсохла рука. А теперь взгляните: он здоров.

Капитан снисходительно засмеялся:

— Ну да, ну да… Это даже на косвенную улику не потянет. Почем мне знать, какая там у него была рука? Я вижу только, что сейчас он здоров. Чем вы докажете, что еще вчера он был инвалидом, а сегодня исцелился?

— Вам придется поверить мне на слово, — пожал плечами градоначальник.

— Я вас умоляю! — воскликнул Харт. — Вы думаете, я удовлетворюсь слухами?! Ну уж нет!

— Ничем не могу помочь, — развел руками градоначальник и посмотрел на капитана со смесью любопытства и жалости.

— У вас есть более раннее изображение мальчика? — спросил Харт.

Принесли большой портрет маслом, на котором был нарисован мальчик с отсохшей рукой.

— Хватит, хватит! — отмахивался капитан. — Картину можно написать как угодно. Художники врут. Принесите снимки.

Снимков не было. На этой планете искусство фотографии еще не освоили.

— Нет, так мы ничего не добьемся, — выдохнул капитан, глаз у него задергался. — Дайте поговорить с другими горожанами. Вот вы. — Он ткнул в сторону женщины. — Да вы. Подойдите, — велел

он, видя ее замешательство. — Расскажите мне об этом «чудесном» человеке, который посетил вас вчера.

Женщина уверенно посмотрела на капитана:

— Он ходил среди нас и был очень добр и милосерден.

— Какого цвета у него глаза?

— Цвета солнца и моря, цвета листьев и гор, цвета ночи.

— Все, довольно! — вскинул руки капитан. — Видишь, Мартин? Все это полный вздор. К ним просто зашел какой-то шарлатан, нашептал в уши всякую благостную дурь, а сам…

— Прекратите, — сказал первый помощник.

Капитан от удивления отпрянул:

— Что такое?

— Я сказал: прекратите. Мне нравятся эти люди, и я им верю. Думайте что хотите, только держите свое мнение при себе, сэр.

— Ты как со мной разговариваешь?! — заорал капитан.

— Хватит с меня вашего тиранства, — ответил Мартин. — Оставьте этих людей в покое. Они пережили нечто доброе и благородное, и вдруг заявляетесь вы, глумитесь, топчете это ногами. Знаете, я ведь тоже разговаривал с ними! Я гулял

по городу, смотрел им в глаза. У них есть то, чего у вас никогда не будет: вера. Просто вера, но с ее помощью можно свернуть горы. А вы сходите с ума от того, что кто-то якобы украл у вас славу, обставил, отодвинул на второй план.

— Вижу, тебе надо выговориться. Хорошо, даю еще пять секунд, — позволил капитан. — Понимаю: стресс, одиночество, тоска по дому. Долгие месяцы в космосе — и сразу вот такое. Понимаю и сочувствую. А посему закрою глаза на этот жалкий акт неповиновения.

— А вот я не стану закрывать глаза на вашу жалкую тиранию, — огрызнулся Мартин. — Я ухожу от вас. Я останусь здесь.

— Ты не можешь так поступить!

— Не могу? И что же вы сделаете?.. Вот за этим я и полетел в космос, сэр. Только сейчас понял. Так что забирайте свою желчь и улетайте отсюда. Отравляйте чужие мечты своим неверием и… научным подходом! — Он посмотрел на лица собравшихся. — Здесь произошло нечто значительное, а до вас никак не дойдет, насколько это важно и что нам несказанно повезло услышать об этом из первых уст. На Земле пришествие этого человека вспоминали на протяжении двадцати веков. Все желали увидеть его, послушать,

но не могли. А мы разминулись с ним всего на несколько часов.

Капитан Харт посмотрел на его раскрасневшиеся щеки:

— Мартин, прекрати сейчас же. Да ты ревешь, как младенец!

— Мне плевать.

— А мне — нет. Нам следует держать лицо перед аборигенами. У тебя срыв. Хотя, повторюсь, я тебя прощаю.

— Да засуньте вы свое прощение…

— Кретин, неужели не видишь, что это все бертоновы уловки? Прилетел, ввел местных в заблуждение и под религиозным соусом застолбил здесь свои рудные и нефтяные предприятия! Ты кретин, полный кретин, Мартин! Неужели ты не знал, на что способны земляне? Да на все: на ересь, ложь, обман, убийство, воровство, — лишь бы добиться своего! На войне все средства хороши — вот как считает истинный прагматик Бертон. — Капитан скривился. — Ты только рассуди спокойно — и сразу поймешь: Бертон! Только эта скользкая бестия способна на такое. Приголубил недалеких провинциалов и стал ковать, пока горячо.

— Нет, — сказал Мартин, подумав.

Капитан положил руки ему на плечи:

— Это Бертон. Он и никто иной. Я везде узнаю его гнусный преступный почерк. Надо отдать должное старому змею. Прилетел весь в клубах пламени и свечении дюз, а потом пошел раздавать добрые слова и нежные касания направо и налево. Тут — медицинская мазь, там — лечащий луч… Бертон это, точно тебе говорю.

— Нет, — сказал Мартин и зажмурился. — Нет, я не верю!

— Ты не хочешь верить, — увещевал его капитан Харт. — Но признай, просто признай: Бертон бы так и поступил. Хватит витать в облаках, Мартин. Проснись! Ты не в колыбели, а в реальном, грешном мире, и все мы здесь реальные и грешные, однако Бертон — больше всех.

Мартин спрятал лицо.

— Ну, ну, будет тебе. — Харт механически похлопал его по спине. — Я все понимаю. Такое потрясение. Прекрасно понимаю. Все это ужасно и мерзко. Бертон просто гиена, но не принимай близко к сердцу. Давай иди, а я тут разберусь.

Мартин понуро поплелся к ракете.

Капитан Харт посмотрел ему вслед, глубоко вздохнул и снова обратился к допрашиваемой:

— Итак, мэм, расскажите мне еще о том челове-

ке. На чем мы остановились?..

Ближе к вечеру вокруг ракеты расставили карточные столы, и офицеры сели ужинать. Капитан излагал полученные данные, а Мартин с опухшими глазами склонился над тарелкой.

— Опросил тридцать человек. У всех точно так же промыты мозги, — говорил Харт. — Бертоновы делишки, как пить дать. Ничего, завтра или через неделю он вернется сюда, чтобы повторить чудеса и застолбить контракты. Вот тут-то я его и подловлю.

Мартин поднял угрюмый взгляд:

— Я убью его.

— Ну, ну, Мартин, полегче!

— Я убью его… с вашей помощью или без.

— Нет, мы лучше вставим ему палки в колеса. Надо отдать ему должное, он умен. Беспринципен, но умен.

— Он мерзок.

— Ладно, допустим. Только никакого насилия, хорошо? — Капитан Харт сверился с записями. — Итого выходит: совершено тридцать чудес исцеления, один слепой прозрел, один прокаженный встал и пошел. Да уж, Бертон молодец. Уважаю.

Зазвучала сирена, и тут же к офицерскому сто-

лику подбежал вахтенный:

— Капитан, докладываю! На подлете корабль Бертона. А следом корабль Эшли, сэр!

— Ага! — Харт хлопнул по столу. — Пожаловали шакалы на добычу! Не могут дождаться начала пира. Ничего, сейчас они у меня по-другому запоют. Я заставлю их взять меня в долю, вот увидишь!

Мартин с отвращением посмотрел на капитана.

— Бизнес есть бизнес, мой мальчик, — сказал Харт.

Все подняли глаза. В небе ревели две ракеты.

При посадке они едва не разбились.

Капитан вскочил:

— Кретины! Да что они творят?

Подчиненные Харта побежали к дымящимся кораблям. Следом подошел и сам капитан. Шлюз бертоновского корабля с хлопком открылся. Оттуда вывалился человек, его тут же подхватили на руки.

— Что такое?! — воскликнул Харт.

Человека уложили на землю. Он был весь в страшных ожогах, форма превратилась в лохмотья, кожа дымилась и слезала лоскутами. Он раскрыл заплывшие глаза, и между разбитых губ

вывалился распухший язык.

— Что случилось? Докладывай! — приказал Харт, опускаясь рядом на колени и тряся человека за руку.

— Сэр, сэр… — прошептал умирающий. — Сорок восемь часов назад в космическом секторе семьдесят девять ГПК, у планеты номер один в этой системе наш корабль вместе с кораблем Эшли попал в космический шторм, сэр. — Из ноздрей у него потекла какая-то сероватая жидкость, изо рта капала кровь. — Он не пощадил никого. Бертон погиб. Эшли скончался час назад. Осталось только трое.

— Слушай меня! — крикнул Харт, склоняясь над раненым. — Вы прежде не посещали эту планету?

Молчание.

— Отвечай же! Ну! — орал Харт.

— Нет. Шторм. Бертон погиб два дня назад, — проговорил умирающий. — Первая посадка за полгода.

— Точно? — допытывался Харт, крепко схватив человека и встряхнув его. — Ты уверен?

— Да… да… уверен… — прошептал умирающий одними губами.

— И Бертон погиб два дня назад? Точно?

— Точно, — прошептал человек. И умер.

Капитан сидел рядом с умершим. Его била нервная дрожь. Остальные члены экипажа стояли поодаль, опустив голову. Мартин молчал.

— Помогите встать, — попросил капитан и, поднявшись, посмотрел на город. — Выходит, что…

— Что выходит? — спросил Мартин.

— Кроме нас, тут никого не было. Значит, тот человек… — прошептал Харт.

— Что тот человек, капитан? — спросил Мартин.

Щека Харта судорожно дергалась. Весь он вдруг резко постарел и помрачнел. Взгляд его остекленел. Он нетвердо зашагал, наклонясь против ветра.

— Идем, Мартин. Идем же! Дай мне опереться на тебя, пожалуйста. Боюсь, один я не дойду. Поспешим же. Нельзя терять времени…

И они, спотыкаясь, путаясь в высокой траве, побежали к городу.

Прошло несколько часов. Они сидели в приемной у градоначальника. Тысяча человек выступали и садились, а капитан все слушал, слушал и слушал. Он был изможден. Лица свидетелей так светились, что он не мог на них смотреть. Он ни разу не изменил позы; двигались только руки:

то сцеплялись перед грудью, то опускались на колени, то хватались за ремень — и дрожали.

Выслушав всех, капитан Харт непонятным взглядом посмотрел на градоначальника.

— Но вы ведь обязаны знать, куда Он отправился.

— Он не сказал, — ответил градоначальник.

— Наверное, на какую-нибудь из соседних планет?

— Не знаю.

— Вы должны знать.

— Вы Его видите среди нас? — Градоначальник обвел рукой собравшихся.

Капитан окинул взглядом толпу:

— Нет.

— Тогда Он, скорее всего, ушел.

— Скорее всего, скорее всего! — вяло проворчал капитан. — Я совершил чудовищную ошибку и теперь желаю увидеть Его. Я только сейчас понял, насколько это уникальное событие: попасть на ту же планету, что и Он, всего на день позже. Вероятность такого один на миллиард! Вы просто обязаны знать, куда он ушел!

— Каждый должен отыскать Его сам, — кротко ответил градоначальник.

— Значит, вы Его прячете.

Лицо капитана исказила злобная гримаса. К нему постепенно возвращалась прежняя жестокость. Он поднялся.

— Нет, — сказал градоначальник.

— Значит, знаете, где Он.

Правой рукой Харт затеребил кожаную кобуру.

— Я не могу сказать вам, где Он, — сказал градоначальник.

— Советую подумать еще раз. — С этими словами капитан достал небольшой пистолет.

— Вы все равно не поймете.

— Врешь!

Градоначальник смотрел на Харта с жалостью.

— Вы проделали тяжелый путь и страшно устали. Ваша цивилизация так долго жила без веры, и теперь вы так отчаянно хотите поверить, что готовы пойти на убийство. Но убийство все только испортит. Оно никогда не приведет вас к Нему.

— Куда Он ушел? Ты знаешь, Он наверняка сказал. Говори! — Капитан взмахнул пистолетом.

Градоначальник молча помотал головой.

— Говори! Говори!

Пистолет грохнул раз, потом еще. Градоначальник упал с простреленной рукой.

Мартин с криком «Капитан!» бросился наперерез.

Дуло нацелилось в Мартина.

— Стоять!

Градоначальник, зажимая раненую руку, поднял голову.

— Опустите оружие. Вам же хуже будет. Вы никогда в жизни не верили и теперь заставляете других страдать, думая, что наконец-то поверили.

— Ты мне не нужен, — сказал Харт, нависая над ним. — Пускай я опоздал на день, я полечу на другую планету. И затем еще, и еще. Когда-нибудь я разминусь с Ним на полдня, потом на четверть, на два часа, на час, полчаса, минуту. Но в конце концов я догоню Его. Слышите вы все?

Последнюю фразу он уже прокричал почти в ухо градоначальнику, потом устало пошатнулся. Пистолет, однако, не убрал.

— Идем, Мартин.

— Нет, — сказал первый помощник. — Я останусь здесь.

— Ну и кретин. Впрочем, оставайся. Я возьму остальных, и мы вместе будем искать Его, пока не найдем.

Градоначальник посмотрел на Мартина.

— Оставь меня. Со мной все будет хорошо. Здесь есть кому обработать мои раны.

— Я вернусь, — пообещал Мартин. — Провожу капитана до ракеты и вернусь.

Они, не оглядываясь, пронеслись через город. Только шагавший рядом Мартин видел, с каким усилием Харт демонстрирует былую сталь и заставляет себя идти вперед. Дойдя до ракеты, он дрожащей рукой похлопал ее по борту. Убрал пистолет в кобуру. Посмотрел на Мартина.

— Ну что, Мартин?

Первый помощник посмотрел на него.

— Ну что, капитан?

Капитан устремил взгляд в небо:

— Не полетишь со мной, да?

— Нет, сэр.

— Грандиозное будет приключение, богом клянусь. Я знаю, я найду Его.

— Вы это твердо решили, сэр? — спросил Мартин.

Харт, поморщившись, прикрыл глаза:

— Да.

— Тогда у меня только один вопрос.

— Какой?

— Когда вы найдете Его, сэр… Если вы Его найдете, о чем вы Его попросите?

— Да как же… — капитан не закончил фразу и открыл глаза. Он сжимал и разжимал кулаки.

Подумав, он странно улыбнулся. — Мне разве много надо? Всего лишь тишины и покоя. — Он погладил ракету. — Я так давно не отдыхал.

— А вы хоть раз пробовали, капитан?

— Не понял вопроса, — сказал Харт.

— Забудьте. Всего доброго, капитан.

— Пока, мистер Мартин.

Экипаж собрался у шлюза. С Хартом отправлялись только трое, остальные семеро приняли сторону Мартина.

Капитан оглядел их и изрек:

— Кретины!

Он коротко отсалютовал и, хрипло рассмеявшись, скрылся в ракете. Шлюз захлопнулся.

Ракета устремилась в небо, оставляя за собой огненный столп.

Мартин смотрел ей вслед.

На краю луга стоял градоначальник; его поддерживали несколько слуг. Он помахал рукой. Мартин подошел.

— Улетел…

— Да, улетел, бедняга, — сказал градоначальник. — Теперь будет скитаться с планеты на планету и искать, искать. И всегда, всегда будет опаздывать на час, на полчаса, на десять минут, на минуту, пока когда-нибудь он опоздает всего

на несколько секунд. А потом, спустя три сотни планет, когда ему будет семьдесят или восемьдесят лет, он опоздает всего на долю секунды, потом на мельчайшую из долей, и так далее, и так далее, но так и не встретит Его. И, может быть, тогда он поймет, что все это время его цель оставалась здесь, на этой планете, в этом городе…

Мартин не сводил глаз с градоначальника. Тот протянул ему руку.

— Неужели ты сомневался? — Он поманил Мартина за собой. — Пойдем, нельзя заставлять Его ждать.

И они пошли в город.

1948 г.

Заброшенный город на Марсе

В космосе плавал огромный глаз. А за ним находился маленький глаз, спрятанный где-то в металле и машинах и принадлежавший человеку, который смотрел и никак не мог насмотреться на множество звезд и на то, как угасает и разгорается свет за миллиарды миллиардов миль от него.

Маленький глаз закрылся от усталости. Капитан Джон Уайлдер застыл на месте, держась за телескоп, обшаривавший пространство, постоял так и пробормотал:

— Так которая же?

— Выбирайте, — отозвался стоявший рядом с ним астроном.

— Если бы это было так просто… — Уайлдер открыл глаза. — Что нам известно об этой звезде?

— Альфа Лебедя II. По размеру и спектральным показателям похоже на Солнце. Возможно наличие планетной системы.

— Возможно. Не наверняка. Если мы ошибемся в выборе, то людям, которых мы отправим в двухсотлетнее путешествие в поисках планеты, которой может вовсе не оказаться, останется

только молиться. Нет, молиться придется мне, потому что окончательный выбор за мною, и мне тоже предстоит участвовать в этом путешествии. И все же, как нам узнать это наверняка?

— Никак. Мы можем только сделать предположение, отправить корабль в полет и уповать на Бога.

— Не очень-то ободряюще звучит. Ну, ладно, хватит. Устал.

Уайлдер тронул выключатель, наглухо закрывший огромный глаз — космическую линзу с ракетным приводом, которая холодно взирала в бездну, много видела, но мало что понимала, а сейчас не понимала вовсе ничего. Ракета-лаборатория вслепую дрейфовала в бескрайней ночи.

— Домой, — сказал капитан. — Поехали домой.

И ослепший побирушка, протянувший руку к звездам, извернулся в огненном вихре и умчался прочь.

Сверху города марсианского пограничья выглядели очаровательно. Снижаясь для посадки, Уайлдер смотрел на неоновые огни среди голубых холмов и думал: «Мы зажжем свет в мирах, отстоящих на миллиарды миль отсюда, и дети людей, живущих под этими огнями сейчас, нашими стараниями обретут бессмертие. Очень просто: если

мы добьемся успеха, они будут жить вечно».

Жить вечно. Ракета приземлилась. Жить вечно.

Ветер, дувший со стороны приграничного города, пропах смазкой. Где-то лязгал алюминиевыми зубами музыкальный автомат. Около ракетодрома ржавел на свалке металлический лом. Посреди просторной асфальтированной площадки одиноко плясала на ветру старая газета.

Уайлдер, замерший на краю лифтовой площадки, вдруг подумал, что хорошо бы не спускаться вниз. Огни неожиданно стали людьми, а не словами, которыми, как бы огромны они ни были, можно было с непринужденным изяществом играть в уме.

Он вздохнул. Слишком уж тяжело бремя людей. Слишком уж далеко до звезд.

— Капитан… — произнес кто-то за его спиной.

Он шагнул вперед. Лифт тронулся. Под негромкий скрип они спускались к самой настоящей почве, по которой ходили самые настоящие люди, ожидавшие от него решения.

В полночь почтовый приемник зажужжал и выплюнул патрон с посланием. Уайлдер, сидевший за столом, загроможденном магнитными лентами и перфокартами, долго не прикасался к

нему. Когда же он наконец извлек послание, то, пробежав его глазами, скомкал листок, но потом развернул и перечитал:

НА СЛЕДУЮЩЕЙ НЕДЕЛЕ ЗАВЕРШИТСЯ ЗАПОЛНЕНИЕ КАНАЛОВ. ПРИГЛАШАЕМ ВАС НА ПРОГУЛКУ НА ЯХТЕ. ИЗБРАННЫЕ ГОСТИ. ЧЕТЫРЕХДНЕВНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ПОИСКАХ ЗАТЕРЯННОГО ГОРОДА. ЗАРАНЕЕ ПРИЗНАТЕЛЕН ЗА УЧАСТИЕ.

И. В. ААРОНСОН

Уайлдер, моргая, посмотрел на записку и тихонько рассмеялся. Потом опять скомкал было листок, но не выбросил его, а поднял телефонную трубку и сказал:

— Телеграмма И. В. Ааронсону, Марс-сити I. Ответ положительный. Без разумных оснований, но все же… положительный.

И положил трубку. А потом долго сидел и смотрел в ночь, поглотившую все шепчущие, тикающие и двигающиеся машины.

Сухой канал ждал.

Он ждал уже двадцать тысяч лет, но не видел ничего, кроме пыли, текущей по нему призрачными приливами и отливами.

Но совсем скоро он зажурчит.

И это журчание перейдет в плеск бьющейся о

набережные воды.

Как будто могучий механический кулак обрушился на скалу где-то вдали, сотряс воздух, и раздался крик: «Чудо!» — по каналам гордо покатилась высокая стена воды, заполнила все давно забывшие о ней закоулки канала и двинулась в сторону древних иссохших до праха пустынь, удивительных старинных верфей, подняла скелеты кораблей, заброшенных за тридцать тысяч лет до того, как вода полностью улетучилась.

Прилив завернул за поворот и поднял кораблик, свежий как само утро, с блестящими новенькими серебряными винтами и медными трубами и сшитым на Земле новым ярким флагом. Борт причаленного к берегу канала кораблика украшала надпись «Ааронсон I».

На палубе кораблика улыбался человек с тем же именем. Мистер Ааронсон сидел и прислушивался к воде, оживавшей под днищем корабля.

Сквозь плеск воды прорезался звук приближавшейся машины на воздушной подушке, приближавшегося мотоцикла, а в воздухе, как будто повинуясь волшебному расписанию, притянутые блеском течения на старом канале, как оводы, появилось несколько приближавшихся людских фигур, которые вынырнули из-за холмов

на реактивных ранцах и повисли в небе, как будто не веря в этот многолюдный сбор, устроенный одним богачом.

Богач с хмурой улыбкой окликал своих новоявленных детишек, приглашал их укрыться от зноя у него в гостях и отведать его еды и питья.

— Капитан Уайлдер! Мистер Паркхилл! Мистер Бомон!

Уайлдер посадил свой «подушечник».

Сэм Паркхилл покинул мотоцикл, потому что увидел яхту и влюбился в нее с первого взгляда.

— Мой Бог! — воскликнул Бомон, актер, составлявший часть небесного фриза, на котором, как яркие пчелы на ветру, танцевали несколько человек. — Я плохо рассчитал время и прибыл слишком рано. Зрителей совсем нет!

— Я сам буду рукоплескать вам! — крикнул старик, подкрепил слова делом и тут же добавил: — Мистер Эйкенс!

— Эйкенс? — повторил Паркхилл. — Охотник на крупную дичь?

— Он самый!

И Эйкенс спикировал к ним, как будто желал сграбастать их проворными когтями. Он походил на коршуна. Он был закален и заострен, как бритва, той стремительной жизнью, которую вел. И

острие этой бритвы сейчас рушилось на людей, которые ничем перед ним не провинились. За мгновение до, казалось бы, неминуемой катастрофы охотник завис в воздухе и, под мягкое верещание реактивного двигателя, легко коснулся мраморного причала. Его тонкую талию охватывал патронташ. Карманы пузырились, как у мальчишки из кондитерской лавки, как будто он набил их сластями-пулями и деликатесами-гранатами. В руках он, словно малолетний хулиган, сжимал ружье, похожее на молнию, вырвавшуюся прямо из руки Зевса, однако на нем имелось клеймо «Сделано в США». На обожженном до африканской черноты, изрезанном морщинами лице выделялась белая фарфоровая улыбка. Глаза же, по удивительному контрасту с дубленой складчатой кожей, были подобны синевато-зеленым, с мятным оттенком кристаллам. Он совершенно неощутимо коснулся земли.

— Лев рыщет по земле иудейской! — заорал кто-то в небесах. — Теперь узрите агнцев, гонимых на закланье!

— Гарри, замолчи, ради Бога, — послышался женский голос.

И еще два воздушных змея приблизились, неся по ветру свои трепещущие души, обретя жуткую

человекоподобность.

Богач просиял:

— Гарри Харпвелл!

— Узри ангела Господня, грядущего с Благой Вестью! — продолжал вещать паривший в небе мужчина, — а Благовещение…

— Опять напился, — сообщила его жена, которая, не оглядываясь, летела впереди.

— Меган Харпвелл, — произнес богач, как антрепренер, представляющий свою труппу.

— Поэт, — добавил Уайлдер.

— И жена поэта, барракуда, — пробормотал Паркхилл.

— Я не пьян, — громко сообщил ветру поэт. — Я всего лишь возвышен.

И тут он закатился таким раскатом хохота, что стоявшим внизу захотелось вскинуть руки, чтобы прикрыться от обвала.

Опускаясь, как раскормленный воздушный змей, поэт, жена которого теперь плотно стиснула губы, звучно стукнулся об яхту. Он опять сделал благословляющий жест и подмигнул Уайлдеру и Паркхиллу.

— Харпвелл, — провозгласил он. — Разве не подходит это имя — родник арфы — великому современному поэту, который страдает в на-

стоящем, живет в прошлом, крадет кости из гробниц старых драматургов, и летает на этом новомодном ветрожуйном миксере, чтобы обрушивать вам на голову сонеты? Мне жаль старых простодушных святых и ангелов, не имевших невидимых крыльев, подобных тем, что даны мне, дабы кружиться в пируэтах стремительной иволгой и биться в экстатических конвульсиях, распевая в воздухе свои псалмы или отправляя души на адские мучения. Жалкие земнородные воробьи с подрезанными крыльями. Лишь гений их способен был к полету. Лишь музе их была ведома прелесть воздушной болезни…

— Гарри, — перебила его жена, стоявшая на земле с закрытыми глазами.

— Охотник! — воззвал поэт. — Эйкенс! Перед вами лучшая в мире дичь — крылатый поэт. Я обнажу грудь. Пустите в полет жало вашей медоносной пчелы! Обрушьте меня, Икара, наземь, коль ваше ружье в себя вобрало сиянье солнца стволом своим, и высвободите лесной пожар единый, что к небесам воздвигнется и обратит жир, харю, фитиль и лиру в жалкое смоляное чучелко. На изготовку, целься, огонь!

Охотник добродушно изобразил прицеливание.

Поэт же, расхохотавшись еще громче, действительно распахнул рубашку, выставив голую грудь.

И в этот миг на берегу канала воцарилась тишина.

Там показалась идущая пешком женщина. За нею шла горничная. Нигде не было видно никакой машины, и можно было подумать, что они преодолели долгий путь от марсианских холмов и наконец дошли до места назначения.

Этот безмолвный выход придал Каре Корелли особое достоинство и привлек к ней всеобщее внимание.

Поэт прервал свой лирический монолог и приземлился.

Все собравшиеся дружно уставились на актрису, а та смотрела на них, словно не видя. На ней был черный — точно такого же оттенка, как ее черные волосы, — облегающий брючный костюм. Она производила впечатление женщины, не имевшей обыкновения много говорить, и сейчас приближалась так, будто высматривала, не решится ли кто-нибудь пошевелиться без приказа. Ветер играл ее волосами, рассыпавшимися по плечам. Лицо ее потрясало бледностью. И на присутствовавших взирали не столько ее глаза,

сколько эта бледность.

А потом, так и не сказав ни слова, с видом человека, твердо знающего свое предназначение, она сошла на яхту и села впереди, как носовая фигура.

Мгновения тишины завершились.

Ааронсон провел пальцем по отпечатанному списку гостей.

— Актер, красавица, она же актриса, охотник, поэт, жена поэта, капитан ракеты, бывший инженер. Все в сборе!

Стоя на кормовой палубе своей внушительной яхты, Ааронсон развернул карты.

— Леди, джентльмены, — произнес он. — Нам предстоит не просто четырехдневная попойка или бесцельная прогулка. Мы отправляемся в Поиск!

Он сделал паузу, выждал, пока лица загорятся интересом, пока глаза увидят карту, и продолжил:

— Мы ищем легендарный затерянный марсианский город, некогда носивший имя Диа-Сао. Еще его называли Городом Рока. С ним связана какая-то ужасная история. Жители бежали оттуда, как от чумы. Город опустел. Пуст он и сейчас, через много веков.

— За последние пятнадцать лет, — вмешался капитан Уайлдер, — мы сфотографировали, нанесли на карты и подробно описали каждый акр поверхности Марса. Судя по вашим словам, это было очень крупное поселение, и его просто невозможно было не заметить.

— Совершенно верно, — ответил Ааронсон. — Вы вели съемку с высоты и с поверхности планеты. Но никто еще *не* искал его с воды! Потому что каналы до этого момента были пусты! Зато теперь, когда заполнился последний канал, мы отправимся по воде в те места, куда ходили корабли в незапамятные времена, и увидим последние из оставшихся досель неведомыми красот Марса. — Он сделал короткую паузу и продолжил: — И где-то на нашем пути — и это так же верно, как дыхание, — мы найдем самый прекрасный, самый фантастический, самый мифический город в истории этого древнего мира. И, пройдясь по этому городу — ведь и такое может быть! — узнаем причину, заставившую марсиан десять тысяч лет назад в ужасе бежать из него, как гласит легенда.

Молчание. Затем:

— Браво! Красота! — Поэт энергично встряхнул руку старика.

— А этот город... — сказал Эйкенс, охотник. — Не может ли там найтись оружие, какого мы никогда еще не видели?

— Вполне возможно, сэр.

— Что ж. — Охотник обнял свое ружье-молнию. — Мне осточертела Земля, я стрелял во всех зверей, какие только там водятся, и по горло сыт этими тварями, а сюда прилетел в поисках новых, более крупных, более опасных людоедов любого размера и формы. Ну а теперь еще и новое оружие! Чего еще можно хотеть? Отлично!

И он швырнул свою серебристо-голубую винтовку через борт. Она пошла ко дну, оставив в прозрачной воде пузырчатый след.

— Так что прочь отсюда.

— Да, — подхватил Ааронсон, — прочь отсюда.

И, нажав кнопку, включил двигатель яхты.

И вода понесла яхту прочь.

И яхта двинулась в ту сторону, куда был обращен бледный лик хранившей безмолвие Кары Корелли — прочь.

И поэт откупорил первую бутылку шампанского. Пробка громко выстрелила. Вздрогнули все, кроме охотника.

Яхта плавно двигалась изо дня в ночь. Они отыскали древние руины и отобедали среди них,

запивая яства отличным вином, доставленным с Земли за сто миллионов миль. И отметили, что путешествие не испортило его вкуса.

Вино явило поэта, а после небольшой дозы поэта сон сошел на пассажиров яхты, которая уверенно двигалась прочь в поисках пока еще не найденного Города.

В три часа ночи так и не сумевший уснуть из-за непривычной, после невесомости, силы тяжести на планете, от которой все тело у него ломило, усталый Уайлдер вышел на кормовую палубу яхты и увидел там актрису.

Она смотрела на воду, скользившую мимо темными откровениями и разбрасывавшую звезды по сторонам.

Он сел рядом с нею и мысленно задал вопрос.

Так же молча Кара Корелли задала этот вопрос самой себе и ответила на него:

— Я оказалась здесь, на Марсе, потому что недавно впервые в жизни услышала правду от мужчины.

Вероятно, она рассчитывала на изумление. Уайлдер ничего не ответил. Судно скользило бесшумно, как струя масла в воде.

— Я красива. Я всю жизнь была красивой. Это значит, что с самого начала люди врали, потому

что всего лишь хотели быть со мною. Я выросла, окруженная ложью мужчин, женщин и детей, опасавшихся вызвать мое неудовольствие. Когда красота хмурит брови, мир сотрясается.

Вам доводилось когда-нибудь видеть красивую женщину в окружении мужчин, видеть, как они всё кивают, кивают? Слышать их смех? Мужчины будут смеяться всему, что скажет красивая женщина. Да, они могут ненавидеть себя за это, но будут смеяться, говорить «нет» вместо «да» и «да» вместо «нет».

Да, именно так проходил каждый день и каждый год моей жизни. Между мною и всем неприятным стояла толпа лжецов. Их слова облачали меня в шелк.

Но совершенно неожиданно, о, каких-то шесть недель назад, мужчина сказал мне правду. Это была какая-то мелочь. Я даже не помню сейчас, о чем шла речь. Но он не смеялся. Он даже не улыбнулся.

И стоило ему вырваться, этому слову, как я поняла, что происходит нечто ужасное.

Я начала стареть.

Яхту чуть заметно качнуло течение.

— О, их будет еще очень много, мужчин, лгущих и улыбающихся всему, что я говорю. Но

мне открылось то будущее, когда Красота уже не сможет вызвать землетрясение, топнув ножкой, и превратить безупречных во всех прочих отношениях мужчин в трусов.

А тот мужчина?.. Он отрекся от этой правды, как только увидел, что она потрясла меня. Но было уже поздно. Я купила билет на Марс, в одну сторону. Когда прибыла сюда, приглашение мистера Ааронсона увлекло меня в новое путешествие, которое закончится… неведомо где.

Уайлдер поймал себя на том что к завершению монолога актрисы он наклонился и взял ее за руку.

— Нет, — сказала она, отстраняясь. — Не надо слов. Не надо прикосновений. Не надо сочувствия. И мне жалеть себя тоже не надо. — Она впервые улыбнулась. — Разве не странно? Я всегда думала, что, наверно, хорошо будет когда-нибудь услышать правду, прекратить этот маскарад. Как же я заблуждалась! В этом нет ничего хорошего.

Она уставилась на черную воду, бесшумно бежавшую под яхтой. Когда же через несколько часов она подняла от нее взгляд, кресло рядом с нею пустовало. Уайлдер ушел.

На второй день, позволив новым водам нести их, куда пожелают, они приблизились к высокой

горной гряде, устроив по пути ленч в древней кумирне и пообедав под вечер в очередных руинах. Затерянный город в разговорах почти не упоминали. Путешественники были уверены, что его не удастся найти.

Но на третий день они без каких-либо подсказок почувствовали приближение некой великой Сущности.

В конце концов поэт облек это чувство в слова.

— Не Бог ли где-то тут, довольный, мурлычет песенку под нос? — произнес он нараспев.

— Какой же ты все-таки гнусный урод, — отозвалась его жена. — Почему ты не можешь говорить по-английски ничего, кроме глупостей?

— Да послушай же, черт побери! — крикнул поэт.

Все прислушались.

— Неужели у вас нет ощущения, будто вы стоите на пороге огромной кухни с очагом подобным домне и где-то там внутри, в приятном тепле, движутся гигантские руки, облепленные мукой, пахнущие чудесными потрохами и восхитительными внутренностями, окровавленные и гордящиеся этой кровью… будто где-то там Бог стряпает к обеду Жизнь? В котле над Солнцем варево для того, чтобы жизнь процветала на

Венере, в другом чане — густой суп из костей и нервного сердца, чтобы запустить животных на планеты, разбросанные на десять миллиардов световых лет. И разве не доволен Бог своей грандиозной работой в великой кухне Вселенной, где Он составил меню из праздников, голода, смертей и возрождений на миллиард миллиардов лет? И если Он доволен, то почему бы Ему не мурлыкать Себе под нос? Прислушайтесь к своим костям. Разве не бурлит в них мозг от этого гудения? И, кстати, Бог не только бубнит без слов, Он поет в элементах. Танцует в молекулах. Мы пребываем в средоточии вековечного празднества. Что-то Грядет. Тсс…

Он прижал пухлый палец к выпяченным губам.

И тогда все умолкли, и бледный лик Кары Корелли озарил потемневшие воды впереди.

Они все почувствовали это. Уайлдер. Паркхилл. Они закурили, чтобы перебить ощущение. Они перестали курить. Они ждали в сгущавшихся сумерках.

А гудение приближалось. И охотник, ощущая его, прошел и присоединился к молчаливой актрисе на носу яхты. И поэт, ощущая его, сел, чтобы записать слова, которые только что произнес.

— Да, — сказал он, когда в небе показались звезды. — Оно уже почти рядом. Оно, — он глубоко вздохнул, — надвигается.

Яхта вошла в туннель.

Туннель уходил в недра горы.

И там оказался Город.

В полой горе находился город, окруженный своими собственными лугами, и над всем этим раскинулось его собственное небо, подсвеченное странным цветом. И он оказался затерянным и оставался затерянным по той простой причине, что люди пытались отыскать его, летая по воздуху, разъезжая по петляющим дорогам, а дело было всего-то навсего в том, что каналы, которые вели сюда, ждали, пока хоть кто-нибудь пройдет по тому пути, где некогда бежали воды.

И теперь яхта, заполненная странными людьми с другой планеты, пришвартовалась к древнему причалу.

И Город вздрогнул.

В старину города жили и умирали в зависимости от того, были там люди или нет. Просто и понятно. Но в поздние эпохи существования жизни на Земле или Марсе города уже не умирали. Они засыпали. И в своих иллюзорных снах, в коловращении видений они вспоминали, какими

были некогда или какими могут когда-нибудь стать опять.

И потому, сходя поодиночке на пирс, путешественники ощущали огромную личность, потаенную, надежно смазанную, укрытую металлом, сверкающую душу огромного города, которая, дрогнув обвалом пока еще безмолвных и невидимых фейерверков, начала возвращаться к бодрствованию.

Вес новоприбывших заставил машину чуть заметно выдохнуть. Люди почувствовали себя на нежнейших весах. Поверхность пирса просела под ними на миллионную долю дюйма.

И Город, гигантская механическая Спящая красавица, достойной ночных кошмаров, почувствовал это прикосновение, этот поцелуй, и проснулся.

И грянул гром.

В стене высотой в сто футов красовались семидесятифутовые ворота. И теперь створки этих ворот раздвигались, утопая в стене.

Ааронсон шагнул вперед.

Уайлдер двинулся было, чтобы остановить его. Ааронсон вздохнул:

— Капитан, прошу вас: не надо советов. И предупреждений. Не нужно вызывать разведчиков,

чтобы они прошли вперед и истребили потенциальных злодеев. Город хочет, чтобы мы вошли. Он приветствует нас. Вы ведь не думаете, что тут мог остаться кто-то живой, правда? Здесь нет никого, кроме роботов. И не воспринимайте его как бомбу с часовым механизмом. Он не видел веселья и радости — сколько? — двадцать веков? Вы понимаете марсианские иероглифы? Вот тут, на цоколе. Город был построен самое меньшее девятнадцать веков назад.

— И заброшен, — добавил Уайлдер.

— Вы говорите так, будто причиной этого была эпидемия.

— Не эпидемия — Уайлдер беспокойно переступил с ноги на ногу, ощущая себя на гигантских весах, подающихся под его весом. — Нечто… нечто такое…

— Так давайте выясним. Вперед!

Поодиночке и парами пришельцы с Земли переступили порог.

Уайлдер шагнул последним.

И Город стал оживать на глазах.

Металлические крыши Города раскрылись, как цветочные лепестки.

Окна растворились, как веки огромных глаз, чтобы взглянуть сверху на пришельцев.

Тротуары нежно журчали и касались их ног, как реки, механизированные ручьи, разбегавшиеся, сверкая, по всему Городу.

Ааронсон с удовольствием глядел на эти металлические потоки.

— Что ж, видит Бог, гора с плеч! Я собирался вывезти всех вас на пикник. Но теперь пусть вас развлекает Город. Встретимся здесь через два часа, чтобы обменяться впечатлениями. Пошли.

С этими словами он вступил на серебристую движущуюся ковровую дорожку, которая быстро понесла его прочь.

Уайлдер в тревоге дернулся было за ним. Но Ааронсон весело крикнул:

— Ныряйте смелее, вода отличная!

И волнующаяся металлическая река унесла его прочь.

Один за другим они выходили вперед, и движущиеся тротуары увлекали их прочь. Паркхилл, охотник, поэт и его жена, актер, красавица и ее горничная. Они плыли, как статуи, загадочным образом рожденные из испарений вулканических потоков, влекущих их неведомо куда — или вовсе никуда.

Уайлдер тоже прыгнул. Река ласково прикоснулась к его ботинкам. Повинуясь ее течению, он

отправился в путь вдоль проспектов, по излучинам парков и через фиорды домов.

И за его спиной остались пустыми причал и ворота. Ничего не напоминало о появлении людей. Как будто их тут и не было вовсе.

Бомон, актер, первым покинул движущийся тротуар. Его внимание привлекло некое здание. И тут же он осознал, что спрыгнул с дорожки и медленно направился к нему, принюхиваясь.

Он улыбался.

Ибо теперь он знал, какого рода здание находится перед ним — по запаху, исходящему от него.

— Средство для чистки бронзы. Видит Бог, это может быть только одно!

Театр.

Бронзовые двери, бронзовые карнизы, бронзовые кольца на бархатных шторах.

Он открыл дверь и вошел. Принюхался и громко рассмеялся. Да. Не нужно ни вывески, ни светящегося портала, достаточно одного только запаха, особой химии металла и пыли, вытряхиваемой из миллионов билетов.

И над всем этим… он прислушался. Тишина.

Тишина, которая ожидает. Единственная в мире тишина ожидания. Такое бывает только в театре. Каждая молекула воздуха пребывает

в возбуждении готовности. Тени устроились поудобнее и затаили дыхание. Что ж… готов ли, нет ли… иду.

Бархат в фойе оказался зеленоватым, цвета морской волны.

А вот и зал: красный бархат, цвет которого лишь с трудом можно было различить в полумраке, открыв двустворчатую дверь. Где-то дальше находилась сцена.

Что-то встрепенулось, как огромный зверь. Его дыхание оживило видение. Воздух из полуоткрытой пасти заставлял находившийся в ста футах занавес мягко колыхаться в темноте, наподобие распростертых крыльев.

Он неуверенно сделал шаг.

Под высоким потолком, где плыл косяк чудесных призматических рыб, начали постепенно зажигаться лампы.

Повсюду играл аквариумный свет. У него захватило дух.

Театр был полон публики.

В обманчивом полумраке неподвижно сидела тысяча человек. Пусть они были маленькими, хрупкими, темнокожими, носили серебряные маски, но это была публика!

Ему не нужно было никого спрашивать, чтобы

понять, что они сидели здесь уже десять тысяч лет.

И все же они не были мертвыми.

Они были… он протянул руку. Постучал пальцем по запястью мужчины, сидевшего в крайнем кресле у прохода.

Рука ответила негромким бряканьем.

Он прикоснулся к плечу женщины. Она издала звон. Как колокол.

Да, они ждали несколько тысяч лет. Но, с другой стороны, способность ждать — это свойство машин.

Он сделал еще шаг и замер.

Потому что над толпой пронесся вздох.

Он был похож на звук, на тот едва уловимый первый звук, который должен издать новорожденный младенец перед тем, как начнет на самом деле сосать, хныкать и потрясенным воплем высказывать свое изумление тем, что он жив.

Тысячу таких вздохов поглотили бархатные портьеры.

Под масками приоткрылась тысяча ртов. Или ему почудилось?

Он подался вперед. Остановился.

В бархатном полумраке широко распахнулись две тысячи глаз.

Он еще раз подался вперед.

Тысяча безмолвных голов повернулись на древних, но хорошо смазанных шарнирах.

Все смотрели на него.

Его охватил неодолимый озноб.

Он повернулся, чтобы убежать.

Но эти глаза не собирались отпускать его.

А из оркестровой ямы послышалась музыка.

Он взглянул туда и увидел множество медленно поднимающихся в гротескно акробатическом движении незнакомых, похожих на странных насекомых музыкальных инструментов. Было слышно, как нечто осторожно подкручивает, продувает, поглаживает, настраивая их.

Зрительный зал в едином порыве повернулся к сцене.

Ярко вспыхнул свет. Оркестр вступил мощным аккордом фанфар.

Красный занавес раздвинулся. Луч прожектора замер посреди авансцены, где на небольшом возвышении стояло пустое кресло.

Бомон ждал.

Актеры не спешили выйти на сцену.

Шевеление в зале. Несколько человек по сторонам прохода подняли руки перед собой. Свели руки вместе. Раздались негромкие аплодисмен-

ты.

Луч прожектора покинул сцену и двинулся по проходу в глубь зала.

Головы зрителей поворачивались, следуя за призрачным световым пятном. Маски тускло поблескивали. Глаза под масками манили теплом.

Бомон попятился.

Но луч продолжил уверенное движение, рисуя на полу овал чистейшей белизны.

И предупредительно остановился возле самых его ног.

Зрители обернулись, аплодисменты стали громче. Театр грохотал, ревел, сотрясался от нарастающего прилива восторга.

Все застывшее в нем потеплело и растаяло. Ему казалось, будто он промок под освежающим водопадом теплого летнего ливня. Буря омыла его признательностью. Его сердце встрепенулось мощными ударами. Кулаки разжались. Тело расслабилось. Он выждал еще несколько мгновений под этим дождем, ласкавшим его расплывшиеся в благодарной улыбке щеки, барабанившим по истосковавшимся векам так, что они трепетали, чуть ли не смыкаясь сами собой, а затем он ощутил себя призраком на крепостной стене, влекомым чарующим светом, склонился, шагнул,

направился, двинулся по полого уходящему вниз проходу, устремившись навстречу прекраснейшей из погибельных участей, он уже не шел, а шествовал, не шествовал, а бежал со всех ног, и маски блестели, глаза сияли восхищением и невероятной приязнью, рукоплескания сотрясали воздух, как крылья огромной голубиной стаи, которая взметнулась в воздух, напуганная ружейным выстрелом. Он почувствовал, как под ногой задрожала ступенька. Аплодисменты разом стихли.

Он сглотнул подступивший к горлу комок. Затем медленно поднялся по ступенькам и встал в ярком свете перед тысячей обращенных к нему масок, перед двумя тысячами прикованных к нему глаз, и опустился в пустое кресло, и свет в зале стал постепенно гаснуть, и мощное дыхание, вырывавшееся из лирнометаллических глоток, стало тише, и был слышен лишь гул механического пчелиного улья, благоухавшего в полумраке машинным мускусом.

Он прижал ладони к коленям. Убрал. И, наконец, заговорил:

— Быть иль не быть…

Воцарилась полная тишина.

Ни кашля. Ни шевеления. Ни хруста бумаги.

Все ждали. Идеал. Идеальная аудитория. Идеал ныне и присно. Идеал. Идеал.

Он медленно бросал слова в этот идеальный пруд и чувствовал, как беззвучные круги расходятся и исчезают вдали.

— …таков вопрос.

Он говорил. Они слушали. Он знал, что теперь они уже не отпустят его. Они до беспамятства оглушат его аплодисментами. Он будет спать беззаботно, как дитя, и просыпаться для того, чтобы снова декламировать. Всего Шекспира, всего Шоу, всего Мольера, каждую строчку, каждую точку, каждую мелочь, каждую интонацию. В *своем* репертуаре!

Монолог он дочитывал стоя.

И, закончив, подумал: «Теперь не стыдно и помереть! Накройте меня крышкой! Закопайте меня поглубже!»

С горы послушно обрушилась лавина.

Кара Корелли нашла зеркальный дворец.

Горничная осталась за дверями.

А Кара Корелли вошла внутрь.

Она шла по лабиринту, и зеркала удаляли с ее лица сначала день, потом неделю, потом месяц, а потом и год, и два прожитой жизни.

Это был дворец замечательной и утешитель-

ной лжи. Это было все равно что снова стать молодой. Она оказалась в окружении множества высоких ярких зеркал-мужчин, которые никогда не скажут правды.

Кара дошла до середины дворца. Остановившись, она во всех высоких ярких ликах зеркал увидела себя двадцатипятилетней.

Она села посреди сияющего лабиринта. Она с радостной улыбкой смотрела по сторонам.

Горничная с час ждала ее у входа. А потом ушла.

В темноте невозможно было разобрать ни очертания, ни размер этого места. Оттуда пахло смазочным маслом, кровью кошмарных ящеров с колесиками и шестеренками вместо зубов, которые безмолвно лежали здесь, простершись в темноте, в ожидании своего часа.

Титаническая дверь медленно откатилась, издав плавный рокот, словно медленно сдвигающийся бронированный хвост, и Паркхилл застыл на обвевавшем его промасленном ветру. Вид у него был такой, будто кто-то наклеил ему на лицо белый цветок. Однако это была всего лишь внезапная улыбка изумления.

Он стоял, уронив пустые руки, и они импульсивно и совершенно независимо от его сознания

потянулись вперед. Они ощупывали воздух. И, неслышно ступая, он позволил увлечь себя в Гараж, Механическую мастерскую, Ремонтный цех — неважно, что именно.

И обуреваемый священным восторгом, и детским благоговением, и нечестивым ликованием обладания, он шел и медленно поворачивался из стороны в сторону.

Ибо все пространство, насколько видел глаз, было заполнено машинами.

Машинами, бегающими по земле. Машинами, летающими по воздуху. Машинами, колеса которых были готовы покатиться куда угодно. Машинами на двух колесах. Машинами на трех, четырех, шести или восьми колесах. Машинами, похожими на бабочек. Машинами, похожими на старинные мотоциклы. Три тысячи машин выстроились здесь в ряды, четыре тысячи машин блистали в полной готовности. Дальше громоздились еще тысячи машин со снятыми колесами, выставленными напоказ внутренностями, ожидая, когда их починят. Еще тысячи, воздетые на подобные паукам высокие ремонтные эстакады, являли взгляду свои восхитительные днища, свои диски, и трубы, и прелестные хитросплетения деталей, которые необходимо было потрогать,

развинтить, перебрать, смонтировать заново, промыть, аккуратно смазать.

У Паркхилла зачесались руки.

Он шел сквозь первозданный запах масляных болот среди мертвых и ожидавших оживления древних, но новых бронированных механических рептилий, и чем больше он смотрел, тем шире улыбался, так что у него заболели скулы.

Город был вполне нормальным городом и, до какой-то степени, самоподдерживающимся. Однако со временем редчайшие бабочки из металлической паутины, газообразного масла и волшебных слов опустились наземь, машины, ремонтировавшие машины, ремонтировавшие машины, состарились, захворали и утратили безошибочность действий. Но имелся в нем Гараж для чудовищ, окутанное сном Слоновье кладбище, куда алюминиевые драконы сползались ржаветь, сохраняя надежду, что появится среди этого жизнеспособного, но мертвого металла хоть одна живая душа и что эта душа все починит. Бог машин, который скажет: «Восстань, Лазарь-лифт! Катер-подушечник, возродись!» И умастит их левиафановым маслом, запустит в них магические гаечные ключи и вернет их к почти вечной жизни и в воздухе, и на ртутных тропинках.

Паркхилл шествовал среди девяти сотен роботов, мужчин и женщин, пораженных вульгарной ржавчиной. С этим он разберется.

Сейчас же. Если начать сейчас же, думал Паркхилл, закатывая рукава и окидывая взглядом череду машин, выстроившихся в ожидании на добрую милю по гаражу с отсеками, домкратами, подъемниками, складами, бочками масла, и разбросанной повсюду шрапнелью сверкающих инструментов, дожидавшихся только прикосновения его руки; если начать сейчас же, он может уложиться в своей работе по ремонту и исправлению последствий несчастных случаев и столкновений в этом гигантском извечном гараже за тридцать лет!

Затянуть миллиард болтов! Отладить миллиард моторов! Сиротой в промасленной одежде полежать под миллиардом железных треножников, одному, одному, одному среди неизменно прекрасного и никогда не высказывающего своих мелких, как колибри, соображений оборудования и фантастических головоломок.

Руки сами подтащили его к инструментам. Он стиснул в кулаке гаечный ключ. Он отыскал четырехколесную самоходную тележку. Он лег на нее. Он со свистом промчался по гаражу.

Паркхилл скрылся под огромным автомобилем старинного вида.

Он был невидим, но слышно было, как он возится в кишках машины. Лежа на спине, он разговаривал с нею. И когда он шлепнул машину, пробуждая к жизни, она ответила ему.

Серебряные дорожки вечно бегут куда-то.

Несколько тысяч последних лет они бежали впустую, перевозя только пыль в точки назначения вдали от высоких дремлющих зданий.

Теперь же движущаяся дорожка, как статую давних времен, несла на себе Ааронсона.

И чем дальше дорога уносила его, чем быстрее Город открывал себя его взору, чем больше домов проплывало по сторонам, чем больше парков появлялось в поле зрения, тем явственнее гасла его улыбка. Его цвет менялся.

— Игрушка, — слышал он свой собственный шепот. Шепот был древним. — Всего-навсего, — и тут его шепот сделался почти неуловимо тихим, — …еще одна Игрушка.

Да, сверх Игрушка. Но в его жизни было полно таких, да и всегда было. Пусть не примитивный игровой автомат с сакраментальной прорезью для монеток, а куда больший по размеру, громадный как слон hi-fi стереодинамик механического

пианино. Всю жизнь он имел дело с наждачной бумагой, и у него сложилось ощущение, будто он стер собственные руки напрочь, до жалких обрубков. Жалкие обрубки пальцев. Нет, и пальцев нет, и кистей, и запястий. Ааронсон-Тюлень!!! Его бессмысленные ласты шлепали, аплодируя городу, который был, по сути, ни больше ни меньше, чем дешевенький музыкальный ящик, пожирающий пришедших под дурацкую песенку. И этот мотив ему знаком! Боже, смилуйся над ним. Он знает этот мотив.

Он лишь единожды моргнул.

Тайное веко ока души упало, как леденящая сталь.

Он повернулся и принялся перебирать серебряные потоки дорожек.

Он нашел движущуюся речку, которая должна была вынести его к Великим воротам.

По пути он встретил горничную Корелли, заблудившуюся в собственных серебряных ручьях.

Что касается поэта и его жены, то их непрерывная перебранка гулким эхом раскатывалась по городу. Они оглушили криками тридцать проспектов, ободрали листья с тридцати разновидностей парковых кустов и деревьев и притихли, только оказавшись возле громоглас-

ной череды фонтанов, вздымавшихся в городское небо, как россыпь ясных фейерверков.

— Все дело в том, — сказала жена, прерывая одну из его особенно грязных реплик, — что ты и сюда-то приперся только для того, чтобы вцепиться в первую подвернувшуюся женщину и обдать ее своим зловонным дыханием и дрянными стишками.

Поэт выругался сквозь зубы.

— Ты хуже актера, — продолжала жена. — Всегда одно и то же. Ты можешь хоть когда-нибудь заткнуться?

— А ты? — крикнул он. — Господи, у меня от нее кровь стынет. Замолчи, женщина, а не то я утоплюсь в фонтане!

— Не утопишься. Ты не моешься годами. Ты самая грязная свинья всей эпохи! В будущем месяце твой портрет украсит собой «Календарь свинопаса»!

— Ну, *хватит*!

Дверь одного из домов громко захлопнулась.

Когда же она спрыгнула с дорожки и принялась ломиться туда, оказалось, что дверь заперта.

— Трус! — завизжала она. — Открой!

Из-за двери приглушенно донеслось грязное ругательство.

— Ах, эта сладостная тишина, — прошептал он, стоя под скорлупой тьмы.

Харпвелл оказался в упоительно просторном чреве здания, над которым простирался навес из чистой безмятежности, пустота без звезд.

Посредине помещения, представлявшего собой двухсотфутовый неправильный круг, стояло устройство; машина. В этой машине имелись циферблаты, реостаты, переключатели, сиденье и рулевое колесо.

— Что же это за штука такая? — прошептал поэт, нерешительно приблизившись и наклоняясь, чтобы потрогать находку. — Ради Христа, сошедшего с креста и несущего милосердие, — чем она пахнет? Кровью и кишками? Нет, она чиста, как платье девственницы. И все же я что-то чую. Насилие. Простейшее разрушение. Я чувствую, что треклятый скелет дрожит, как нервная чистокровная борзая. Она *чем-то* набита. Ну-ка, хлебнем глоточек.

Он сел в машину.

— Так, с чего же начнем? С этого?

Он щелкнул рычажком.

Машина заворчала, как собака Баскервилей, потревоженная во сне.

— Славный зверек. — Он перебросил другой

рычажок. — Как же ты заводишься, зверек? Куда давить, когда проклятая штуковина раскочегарится на полную? У тебя нет колес. Что ж, удиви меня. Рискнем.

Машина дернулась.

Машина тронулась с места.

Машина поехала. Помчалась.

Он крепко вцепился в «баранку».

— Господи Боже! — вырвалось у него.

Поскольку он оказался на шоссе и несся вперед.

Мимо свистел воздух. Небо переливалось стремительно меняющимися цветами.

Спидометр показывал семьдесят, восемьдесят.

Шоссе, извилистой лентой уходившее к горизонту, летело ему навстречу. Невидимые колеса громыхали по быстро ухудшавшемуся покрытию.

Далеко впереди появилась другая машина.

Она стремительно приближалась. И…

— Он едет не по той стороне! Жена, ты видишь? Он прется по встречке.

Тут он осознал, что жены рядом с ним нет.

Он сидел один в автомобиле, мчавшемся — уже девяносто миль — навстречу другой машине, летевшей с той же скоростью.

Он повернул руль.

Его машина ушла влево.

Почти одновременно встречный автомобиль тоже решил исправить положение и перешел на правую полосу.

— Проклятый болван, чем он думает… где здесь тормоз, будь он неладен?

Он зашарил ногой по полу. Тормоза не было вовсе. Право слово, странная машина. Мчится, как ты пожелаешь, но не останавливается до каких пор? Пока горючка не кончится? Тормоза нет. Ничего, кроме нарастания скорости. На полу целая куча круглых кнопок, которые, когда он давил на них, прибавляли оборотов мотору.

Девяносто, сто, сто двадцать миль в час.

— Боже всемогущий! — воскликнул он. — Мы же столкнемся! Девушка, как вам это нравится?

В последний миг перед столкновением он представил себе, что это ей еще как нравится.

Автомобили столкнулись. И взорвались облаком пламени. И разлетелись в куски. И перевернулись. Он почувствовал, как его швыряет и крутит. Он летел в небо, будто изо всех сил подброшенный факел. Его руки и ноги плясали в воздухе безумный ригодон, а он ощущал в обманчивом и мучительном экстазе, как его

кости ломались, словно стебельки мяты. Затем, вцепившись в смерть, как в темную подругу, жестикулируя, он выпал в черное изумление, дрейфуя в дальнейшее ничто.

Он лежал мертвым.

Он долго лежал мертвым.

Потом он открыл один глаз.

Он ощущал под своей душой медленное пламя. Он чувствовал, как бурлящая вода поднималась к вершине его сознания, словно заваривался чай.

— Я мертв, — сказал он, — но жив. Жена, ты видела все это? Мертвый, но живой.

Он обнаружил, что сидит в машине.

Десять минут он сидел так и думал обо всем случившемся.

— Ну, что? — бормотал он. — Разве это не было интересно? Более того, восхитительно. Если не сказать, почти одухотворяюще? Я имею в виду, что оно вытряхнуло из меня напрочь все, что было, выпихнуло душу через ухо, перекрыло мне дыхание и порвало кишки, сломало кости и сотрясло мозги, но, но, но, жена, но, но, но, милая, дорогая Мег, Мегги, Меган, хотел бы я, чтобы ты была здесь, это могло бы вытряхнуть табачную копоть из твоих паршивых легких и раздробить неподъемную замшелую могильную плиту при-

земленности, гнетущую твою сущность. Дай-ка взглянуть, жена, дай разобраться… Харпвелл-мой-муж-поэт…

Он защелкал выключателями.

Он запустил мотор, рычащий, как огромная собака.

— Не предпринять ли нам еще попытку? Еще один пикник на бастионе? Ну-ка, ну-ка…

И он погнал автомобиль вперед.

Почти сразу же машина разогналась до ста, а потом и до ста пятидесяти миль в час.

Почти сразу же впереди появилась встречная машина.

— Смерть, — сказал поэт. — Ты, значит, всегда здесь? Крутишься, так сказать, рядом? Это твои охотничьи угодья? Что ж, проверим твою выносливость!

Автомобиль мчался вперед. Второй — ему навстречу.

Он вывернул на соседнюю полосу.

Второй автомобиль повторил маневр, устремляясь к гибели.

— Вижу… что ж, а если так? — сказал поэт.

Он щелкнул выключателем и нажал еще один дроссель.

За мгновение до удара обе машины преобразо-

вались. Просочившись через иллюзорную вуаль, они сделались реактивными самолетами на взлете. С громким визгом два самолета, извергавшие пламя, разорвали воздух, громыхнули, преодолевая звуковой барьер, а потом раздался еще более мощный грохот — когда две пули столкнулись, сплавились, переплелись, слились кровью, сознанием и вечной чернотой и упали в сеть незнакомой и умиротворяющей полуночи.

«Я мертв», — снова подумал он.

И, слава Богу, это ощущение было приятным.

Придя в себя, он почувствовал, что улыбается.

Он сидел в той же самой машине.

«Дважды умер, — думал он, — и с каждым разом чувствую себя все лучше и лучше. Почему? Разве это не странно? Все страньше и страньше. Чудестраньше и чудестраньше».

Он снова завел мотор.

Что на этот раз?

«Может быть, локомотив? — думал он. — Как насчет поезда с большим черным паровозом из почти доисторических времен?»

И он стал машинистом мчавшегося по рельсам паровоза. Небо переливалось наверху, и на киноэкранах или что там еще имелось, быстро менялись иллюзорные изображения клубов ды-

ма и струйки пара, вырывавшейся из свистка, и огромные колеса грохотали по рельсам, и рельсы впереди, плавно изгибаясь, уходили в холмы, и вдалеке из-за горы показался другой поезд, черный, как стадо буйволов, выбрасывавший сливавшиеся в непрерывную ленту клубы дыма, и несся он по тем же самым рельсам, прямо навстречу роскошному столкновению.

— Ага, — сказал поэт, — я начинаю понимать. Начинаю соображать, что это такое и для чего оно предназначалось, — для таких, как я, жалких бесприютных скитальцев мира, преисполненных растерянностью и скорбью сразу же по выпадении из материнского чрева, уязвленных христианским понятием вины и свихнувшихся из-за тяги к разрушению, и собирающих, как милостыню, то боль, то шрам и, сверх того, почти непереносимые попреки жены, но несомненно, что все мы хотим умереть, мы хотим быть убиты, и здесь это нам предоставляется в самом удобном виде с немедленной оплатой! Так плати, машина, выдавай, железяка, этот сладкий бред! Выжимай меня досуха, смерть! Я весь твой.

И два локомотива столкнулись и взгромоздились на дыбы. Они вкатились по черной лестнице взрыва, и заклинили свои шатуны, и слепились

своими гладкими негритянскими животами, и потерлись котлами, и эффектно озарили ночь синхронным наклоном вбок и россыпью шрапнели и пламени. Потом локомотивы в тяжеловесном хищном танце схватились и со всем обоюдным неистовством и страстью слились вместе, приветствовали друг друга чудовищными реверансами и упали с обрыва и тысячу лет летели в каменную пропасть.

Поэт очнулся и немедленно ухватился за рычаги. Чувствуя себя полуоглушенным, он что-то напевал себе под нос. Или орал что-то на дурной мотив. Его глаза сверкали. Его сердце часто-часто билось.

— Еще, еще; теперь я понимаю, я знаю, что делать, еще, еще, умоляю, о Боже, еще, ибо истина даст мне свободу, еще!

Он надавил на три, четыре, пять педалей.

Он перебросил шесть выключателей.

В автомобиле-самолете-локомотиве-планере-торпеде-ракете.

Он мчался, он изрыгал пар, он ревел, он парил, он летел.

Ему в лоб выворачивали автомобили. Мчались локомотивы. Его таранили самолеты. Его взрывали ракеты.

На протяжении своего трехчасового загула он разбил две сотни автомобилей, пустил под откос двадцать поездов, разбил десять планеров, взорвал сорок ракет и, далеко в космосе, расстался со своей славной душой в заключительном, пышном, как на празднике Четвертого июля, торжестве смерти, когда межпланетная ракета со скоростью в двести тысяч миль в час налетела на железный метеор и очень живописно отправилась в ад.

В общей сложности, по его прикидкам, за несколько коротких часов его разорвало в клочья и вернуло воедино без малого полтысячи раз.

Кода все закончилось, замер, сидел, не прикасаясь к рулю и не трогая педали.

Просидев так с полчаса, он начал смеяться. Он запрокинул голову назад и издавал оглушительные военные кличи. Потом он встал, потряс головой, чувствуя себя пьяным, как никогда в жизни, теперь уже по-настоящему пьяным, и знал, что теперь останется таким навсегда и спиртное ему больше не понадобится.

Я наказан, думал он, действительно наказан наконец. Я наконец почувствовал боль, и сильную боль, много-много раз, так что больше мне не будет нужно искать боли, не нужно будет

стремиться к разрушению, не нужно будет принимать новые оскорбления или получать новые раны или искать просто обиды. Благослови, Господи, человеческий гений и изобретателей таких машин, что позволяют расплатиться с виной и в конце концов избавиться от темного альбатроса и неподъемного бремени. Спасибо тебе, Город, старый светокопировщик алчущих душ. Спасибо тебе. И где здесь выход?

Сдвинулась, открываясь, дверь.

Там, ожидая его, стояла жена.

— Ну, явился, — сообщила она. — И все еще пьян.

— Нет, — возразил он. — Мертв.

— Пьян.

— Мертв, — сказал он, — восхитительно мертв наконец-то. Что значит: свободен. Я не буду больше нуждаться в тебе, мертвая Мег-Мегги-Меган. Ты тоже выходишь на свободу, как страшное угрызение совести. Тирань кого-нибудь другого, девочка. Разрушай. Я прощаю тебе все грехи передо мною, ибо я, наконец, простил их сам себе. Я сорвался с христианского крючка. Я возлюбленный скитающийся мертвец, который, скончавшись, сможет наконец-то жить. Иди и сделай так же, леди. Да пребудет сущность с то-

бой. Получи наказание и освободись. Пока, Мег. Прощай. Бывай.

Он побрел прочь.

— И куда же ты намерен отправиться? — крикнула она.

— Ну, как же — прочь отсюда к жизни и крови жизни; наконец-то счастливый.

— Вернись! — взвизгнула она.

— Нельзя остановить умерших, ибо они скитаются по Вселенной, счастливые, как дети, в темном поле.

— Харпвелл! — скрипуче воззвала она. — Харпвелл!

Но он вступил на ленту серебристого металла.

И позволил мертвой реке нести его, а сам хохотал, пока на щеках его не заблестели слезы, прочь, прочь, от криков, и визга, и брани этой женщины — как ее звали? — впрочем, неважно, обратно и дальше.

И, достигнув Ворот, он вышел наружу и пошел вдоль канала ясным днем, направляясь к далеким городам.

Теперь он, как шестилетний мальчишка, распевал подряд все старые песенки, какие только знал.

Это была церковь.

Нет, не церковь.

Уайлдер дал двери захлопнуться.

Он стоял в полутемном соборе и ждал, что же будет дальше.

Крыша, если здесь была крыша, дышала великой неизвестностью и текла вверх за пределы поля зрения.

Пол, если здесь был пол, представлял собой просто твердь внизу. Он тоже был черным.

А потом появились звезды. Это было почти точно так же, как в ту, первую, ночь, когда его, еще ребенка, отец взял за город на холм, где огни не заглушали Вселенную. И оказалось, что темноту заполняют тысячи, нет, десятки тысяч, нет, десять миллионов миллиардов звезд. Звезды были очень разными, яркими и равнодушными. Даже тогда он твердо знал: им безразлично. Дышу я или не дышу, живу или не живу — глазам, глядящим со всех сторон, безразлично. И он взял отца за руку и цепко ухватился за нее, как будто мог свалиться в эту бездну.

Теперь же, в этом здании, он был исполнен того же прежнего ужаса, и прежнего ощущения красоты, и прежнего призыва к другим человечествам. Звезды пробуждали в нем жалость к крошечным людям, затерянным в необъятном пространстве.

Потом произошло еще одно событие.

Под ногами у него широко открылось пространство, сияющее еще миллиардом искорок.

Он висел, подобно мухе, замершей в полете перед линзой огромного телескопа. Он шел по водам космоса. Он стоял на прозрачной сфере великанского глаза, и вокруг него, как в зимнюю ночь, под ногами и над головой, везде и всюду, не было ничего, кроме звезд.

Итак, в конце концов это оказалась церковь, собор со множеством повсеместно разбросанных вселенских святилищ: здесь поклоняться туманности Конская голова, здесь туманности Ориона, а здесь — Андромеда, как голова Бога, яростно пронизывает взглядом бесформенное вещество ночи, чтобы пронзить и его душу и приколоть ее, мятущуюся, к изнанке его плоти.

Отовсюду несмыкаемыми и немигающими глазами на него смотрел Бог.

И он, подобная бактерии крошка той же самой Плоти, смотрел на Него и почти не мигал.

Он ждал. И в пустоте проплыла планета. Она обернулась вокруг оси и представила ему широкое, спелое, как осень, лицо. Она прошла по кругу и оказалась у него под ногами.

И он стоял над далеким миром зеленой травы и

высоких пышных деревьев, и воздух был свеж, и бежала река, подобная рекам его детства, и в ней отражалось солнце и играла рыба.

Он знал, что совершил очень далекое путешествие, чтобы попасть в этот мир. Позади остался целый век полета, сна, ожидания, и теперь пришла награда.

— Мое? — спросил он у простого воздуха, простой травы, протяженной простоты воды, журчавшей на песчаных отмелях.

И мир безмолвно ответил: твое.

Твое — без длительного странствия и скуки, твое — без девяноста девяти лет полета с Земли, без сна в тубусах поддержания жизнедеятельности, без внутривенного питания, без кошмаров, в которых будет являться утраченная Земля, твое — без мук, без боли, твое без проб и ошибок, провала и разрушения. Твое — без пота и ужаса. Твое — без горьких слез. Твое. Твое.

Но Уайлдер не протянул руку, чтобы взять предложенное.

И солнце померкло в небе иного мира.

И мир уплыл у него из-под ног.

И еще один мир всплыл и явил впечатляющий парад еще более яркого великолепия.

И этот мир тоже свернул с пути, чтобы принять

на себя его вес. И, если уж на то пошло, луга там были еще зеленее, горы венчали шапки тающих снегов, на дальних полях тучнели неведомые злаки, и косы ждали у края поля, чтобы он мог взять их, и размахнуться, и скосить урожай, и прожить там всю жизнь, как ему заблагорассудится.

Твое. Это говорило легчайшее прикосновение атмосферы к волоскам в его ухе. Твое.

И Уайлдер, даже не покачав головой, попятился. Он не сказал: нет. Он лишь подумал о своем неприятии.

И травы на лугах засохли.

Горы разрушились.

Речные отмели обратились в пыль.

И мир исчез.

И Уайлдер снова стоял в космосе, где Бог стоял перед тем, как сотворить мир их Хаоса.

И наконец он заговорил и сказал себе:

— Это было бы просто. О Всевышний, да, мне хотелось бы этого. Ни трудов, ничего — просто принять. Но… Ты не можешь дать мне то, чего я хочу.

Он посмотрел на звезды.

— Ничего и никогда не дается даром.

Звезды стали меркнуть.

— На самом деле все очень просто. Я должен

брать взаймы, я должен зарабатывать. Я должен добывать.

Звезды потускнели.

— Премного обязан, большое спасибо, но нет.

Звезды исчезли.

Он повернулся и, не оглядываясь, пошел в темноту. Он толкнул дверь ладонью. Он вышел в Город.

Он заставил себя не слышать, как механическая вселенная за его спиной рыдала огромным хором, хныкала и сетовала, как отвергнутая женщина. В просторной роботизированной кухне посыпалась наземь посуда. Но он ушел, прежде чем она упала на пол.

Это был Музей Оружия.

Охотник шел между стендов.

Он открыл витрину и вскинул в руках оружие, похожее на паучью лапку.

Оно загудело, из дула вылетел рой металлических пчел, которые ужалили мишень-манекен, стоявший ярдах в пятидесяти, и безжизненно, с грохотом посыпались на пол.

Охотник удовлетворенно кивнул и положил ружье на место.

Он шел дальше, охваченный детским любопытством, и пробовал то одно, то другое оружие,

которое то испаряло стекло, то заставляло металл растекаться ярко-желтой лужицей расплавленной лавы.

— Замечательно! Отлично! Неподражаемо!

Он восклицал снова и снова, распахивая и закрывая витрины, и в конце концов выбрал себе ружье.

Это оружие без шума и ярости уничтожало материю. Нажал кнопку, голубая вспышка, и мишень просто исчезала. Ни тебе крови. Ни яркой лавы. Ни трассирующей очереди.

— Ладно, — заявил он, покидая Обитель ружей, — оружие у нас есть. Как насчет дичи, крупнейшего зверя для Долгой охоты?

Он прыгнул на движущийся тротуар.

За следующий час он миновал тысячу домов и окинул взглядом тысячу открытых парков, и его палец ни разу не дернулся на спусковом крючке.

Он беспокойно переходил с дорожки на дорожку, менял скорость, ехал то в одну сторону, то в другую.

И в конце концов он увидел металлическую реку, стекавшую под землю.

Инстинктивно он перепрыгнул на нее.

Металлический поток понес его вниз, в потаенное нутро Города.

Здесь царила теплая кровь-темнота. Здесь странные насосы задавали пульс Города. Здесь очищался пот, смазывавший движущиеся дороги, поднимавший лифты и наполнявший конторы и склады движением.

Охотник, слегка пригнувшись, стоял на дорожке. Его глаза сощурились. На ладонях выступила испарина. Спусковой крючок под указательным пальцем сделался скользким.

— Да, — прошептал он. — Видит Бог, это оно. Сам Город… Великий зверь. Как я сразу не подумал об этом? Животное-Город, страшная добыча. Он потребляет людей на завтрак, обед и ужин. Он убивает их машинами. Он хрустит их костями, как хлебными палочками. Он выплевывает их, как зубочистки. Он живет спустя много времени после их смерти. Город, клянусь Богом, Город… Ну, теперь…

Он скользил через темные гроты, усеянные телевизионными глазами, показывавшими ему аллеи в отдаленных парках и высокие башни.

Река спускалась все ниже, и он погружался все глубже в чрево подземного мира. Он миновал стадо тарахтевших маниакальным хором компьютеров. Он вздрогнул, когда из одной из титанических машин вылетело облако конфетти,

образовавшееся при пробивании множества дырок, которые, вероятно, должны были отмечать его передвижения, и опустилось на него шелестящим снегопадом.

Он поднял ружье. Он выстрелил.

Машина исчезла.

Он выстрелил еще раз. Решетчатая консоль под еще одной машиной бесследно исчезла.

Город закричал.

Сначала негромко и басовито, а потом тонко заверещал, и вопил все громче и громче, а потом тише, как сирена.

Замигали лампы. Началась перекличка сигнальных звонков. Металлическая река у него под ногами задергалась и замедлила ход. Он выстрелил в телевизионные экраны, которые теперь светились белым у него над головой. Они моргнули и прекратили существование.

Город вопил все тоньше и отчаяннее, и вскоре охотник сам утратил разум, и мозг из его костей посыпался черной пылью безумия.

Он слишком поздно увидел, что дорога, по которой он мчался, уходила в скрежещущую пасть машины, использовавшейся для каких-то давно забытых надобностей много веков назад.

Он подумал, что, нажав на спуск, заставит ужас-

ную пасть исчезнуть. Она и впрямь исчезла. Но дорога двигалась дальше, и его мотало и подбрасывало, по мере того как она набирала скорость, он понял наконец, что его оружие не уничтожало существующее, цель всего лишь делалась невидимой, но продолжала незримо существовать.

Он испустил ужасающий вопль, не уступающий крику Города. И последним усилием швырнул ружье. Оно разлетелось на шестеренки, колесики и зубья и провалилось вниз.

Последним, что он увидел, была разверзшаяся перед ним шахта, глубиной, наверно, в милю.

Он понял, что падать до самого дна ему придется около двух минут. Он отчаянно завизжал.

Но что хуже всего, нельзя даже надеяться потерять сознание во время падения.

Реки сотряслись. Серебряные реки затрепетали. Тротуары споткнулись, задергались на бегу в своих металлических берегах.

Уайлдер с трудом удержался на ногах.

Он не видел причины сотрясения. Лишь где-то вдали вроде бы раздался дальний крик, слабый отголосок ужасного вопля, но он быстро затих.

Уайлдер ехал дальше. Его несла серебристая дорожка. Но Город словно растерялся и изумился. Город словно насторожился. Его многообразные

могучие мускулы напряглись и застыли.

Почувствовав это, Уайлдер зашагал вперед, хотя дорожка сама быстро несла его в ту сторону.

— Слава Богу. Вот и Ворота. Чем скорее я покину это место, тем счастливее…

Ворота действительно были перед ним, не более чем в сотне ярдов. Но стоило ему произнести вслух свои мысли, как река остановилась. Задрожала. И двинулась в обратную сторону, унося его туда, куда он совершенно не собирался.

Не веря своим ощущениям, Уайлдер повернулся и упал. Его ладони уперлись в поверхность мчавшегося тротуара.

Лицом, прижатым к вибрирующей сетчатой поверхности текучей, как река, мостовой, он ощущал под собой шорох и скрип, гудение и стон вечного течения, вечных лихорадочных путешествий и бессмысленных экскурсий. Под бесстрастным металлом жужжали и жалили батальоны шершней, о чем-то гудели и стихали отставшие пчелы. Не в силах подняться, он видел, как уплывают вдаль Ворота. «Что же мне так тяжело?» — подумал он и сообразил, что за дополнительная тяжесть не дает ему подняться — реактивное снаряжение, способное дать ему крылья.

Он нащупал ладонью выключатель на поясе. И за миг до того, как тротуар увлек бы его в лабиринт крыш и музейных стен, оказался в воздухе.

Он замедлил полет, затем описал в воздухе петлю и завис над беззаботным Паркхиллом; с ног до головы перепачканный смазкой, тот глядел в небо с улыбкой на грязном лице. Неподалеку от Паркхилла, у самых Ворот, стояла перепуганная горничная. Еще дальше, на причале возле яхты, замер, повернувшись спиной к Городу, Ааронсон, тревожно ожидая, когда же можно будет отправиться отсюда.

— Где остальные? — крикнул Уайлдер.

— О, они не вернутся, — небрежно отозвался Паркхилл. — В этом можно не сомневаться. Я имею в виду, что это роскошное место.

— Роскошное?! — повторил Уайлдер, нервно подпрыгивая вверх-вниз и медленно поворачиваясь в воздухе. — Мы должны вытащить их оттуда! Здесь опасно.

— Опасно для тех, кому здесь не нравится, — возразил Паркхилл. — А мне нравится.

Тем не менее все вокруг — и в почве, и в воздухе — вопияло о приближении землетрясения, но Паркхилл предпочитал не обращать на это внимания.

— Ты, конечно, уйдешь, — сказал он как ни в чем не бывало. — Я это предвидел. Но почему?

— Почему? — Уайлдер кружил в воздухе, как стрекоза перед надвигающимся шквалом. То взмывая вверх, то снижаясь, он швырял слова в Паркхилла, который не считал нужным уклоняться, а глядел, улыбаясь, вверх и ловил их. — Помилуй Бог, Сэм, это же ад. Марсианам хватило здравого смысла сбежать отсюда. Они увидели, что построили чудище, с которым не смогли совладать. Проклятый Город делает все, а это чересчур! Сэм!

Но в этот миг они оба посмотрели вокруг и вверх. Потому что небо начало смыкаться. На потолке сползались громадные задвижки. Крыши домов, как огромные цветы, выгибались, складываясь. Окна закрывались. Двери захлопывались. По улицам эхом разносился грохот орудийной канонады.

Ворота дрогнули.

Челюсти-створки Ворот начали с грохотом сходиться.

Уайлдер вскрикнул, резко развернулся и устремился вперед.

Он услышал голос горничной внизу. Увидел, как она воздела к нему руки. И, нырнув вниз,

подхватил ее. Пнул ногами воздух. Реактивный двигатель поднял обоих.

Как пуля к мишени, он мчался к воротам. Но за мгновение до того, как он, отягощенный дополнительной тяжестью, достиг их, Ворота с грохотом сошлись. Он едва успел резким виражом уйти вверх вдоль бездушного металла, как весь Город сотрясся от стального рокота.

Паркхилл внизу что-то кричал, а Уайлдер устремился вверх вдоль стены, кидая быстрые взгляды по сторонам.

Небо повсюду закрывалось. Лепестки опускались, опускались. Лишь справа от него остался последний клочок каменного неба. Он помчался туда. И успел, прорвался, и прямо под его дергавшимися в полете ногами встал на место последний стальной щит, и Город замкнулся в себе.

Он на мгновение завис в воздухе, потрясенный, а затем полетел вдоль внешней стены к причалу, где Ааронсон, стоя возле яхты, взирал на огромные запертые Ворота.

— Паркхилл, — прошептал Уайлдер, глядя на Город, на его стены, на его Ворота. — Ты глупец. Проклятый глупец.

— Все они глупцы, — отозвался Ааронсон и отвернулся. — Глупцы, глупцы.

Они выждали еще немного, прислушиваясь к Городу — гудящему, живому, предоставленному самому себе, его гигантская пасть поглотила несколько крох тепла, несколько заблудших людей, скрытых где-то в его глубинах. Ворота не откроются больше никогда. Город получил то, в чем отчаянно нуждался, и этого ему хватит очень надолго.

Уайлдер глядел назад с яхты, которая несла их по каналу прочь от города и вон из горы.

Где-то через милю они догнали поэта, который шел в одиночестве по берегу канала. Он помахал им.

— Нет. Нет, спасибо. Мне, похоже, надо пройтись. Отличный день. Пока.

Впереди лежали города. Маленькие города. Достаточно маленькие для того, чтобы люди управляли ими, а не оказывались в их власти. Он слышал духовую музыку. Он видел неоновые огни в сумерках. Он различал свалки металлолома на свежем воздухе под усталыми звездами.

В предместьях городов стояли высокие серебристые ракеты, ожидая, когда же можно будет извергнуть пламя и умчаться в звездную пустыню.

— Реальность, — шептали ракеты. — Реаль-

ность. Реальное путешествие. Реальное время. Реальное пространство. Не надо подарков. Ничего не надо даром. Только добрый тяжелый труд.

Яхта прикоснулась к знакомому причалу.

— Мой Бог, ракеты, — пробормотал Уайлдер. — Погодите, вот доберусь до вас…

И он побежал в ночь, чтобы поскорее исполнить обещанное.

1949 г. Опубликовано в 1967 г.

Празднество

Кто-то предложил отведать вина на ужин. И тогда Чарли принес из погребка запыленную бутылку и откупорил.

— Который час? — спросил он.

— Ну-ка, посмотрим. — Билл поднес часы к глазам. — Около семи.

После полудня в горячем безмолвии трое мужчин в каменной комнате пили пиво под бормотание радио. Теперь, после заката, они опять застегнули рубашки.

— Одно радует, что моя сестра сегодня вечером в горах, — сказал Уолтер.

— Все равно она узнает. На вилле есть телеграф?

— По последним сведениям, он вышел из строя. — Уолтер постучал пальцами по каменной столешнице. — Ожидание меня убивает. Я бы предпочел не знать. А только смотреть вверх на то, как это происходит, недоумевать и не иметь времени задуматься.

— Допустим, это случится в этот вечер? — Билл раздал стаканы прохладного вина. Он жарил на офисной плите внушительных размеров яични-

цу с томатным соусом и свежей ветчиной.

— Как знать? — сказал Чарли.

— Говорят, эта радиограмма, возможно, последняя перед молчанием.

Уолтер отворил большое окно. Небо было ясное, темное, насыщалось звездами. Над поселением у подножия холма висело молчаливое тепло, словно от дыхания. Вдалеке, у горизонта, пролегал мерцающий канал.

— Странная планета этот Марс, — заметил Уолтер, выглядывая наружу. — Я даже не мечтал когда-нибудь здесь очутиться, за пару миллионов миль от дома.

Снизу раздались голоса. Два темных силуэта, спотыкаясь, двигались по переулку.

— Это Джонсон и Ремингтон, — сказал Уолтер, — уже напились до чертиков. Боже, как я им завидую!

— Если есть такое время, когда бы мне не захотелось захмелеть, так это сегодня ночью, — сказал Билл, выкладывая ложкой яичницу на три каменные тарелки. — Где твой сын, Уолт?

Уолтер воззвал из окна к темноте вечерней улицы:

— Джо!

Спустя миг ему ответил издалека слабый го-

лосок:

— Пап, ну можно я еще погуляю?

— Нет! — откликнулся Уолтер. — Иди ужинать!

— Но я могу пропустить, — пожаловался Джо, медленно, нехотя поднимаясь по задней лестнице.

— Поешь и снова беги на улицу, — сказал Уолтер, когда все уселись за стол.

Десятилетний русый мальчик поглядывал на дверь и быстро ел, орудуя ложкой.

— Не торопись, — предложил отец. — Еще кому-нибудь вина?

Быстро разлили вино.

За ужином немного разговорились.

— Моя тарелка вычищена; можно я теперь пойду, пап?

Уолтер кивнул, и мальчуган убежал. Его шаги удалялись по переулку.

Билл поинтересовался:

— Он на Земле родился?

— Нет, здесь, в поселении Марс, в 1991 году. Его мать спустя два года со мной развелась. Вернулась на Землю. Джо остался со мной. Психолог утверждал, что космический перелет и смена среды будут труднопереносимы для Джо; так он

и остался у меня.

— Должно быть, эта ночь будет для Джо особенной.

— Да, он взволнован. Конечно, это для него ничего не значит. Только очередное развлечение, что-то новое, невиданное.

— Давайте сменим тему? — Чарльз стукнул ножом и вилкой о стол. — Который час? — Кто-то ему подсказал. — Еще вина. — Он разинул рот, держа бутылку дрожащей рукой.

— Сегодня вечером марсиане у себя в деревне празднуют на всю катушку, — сказал Билл, помогая убирать со стола. — Я их не виню. Мы заявились на своих ракетах колонизовать Марс, не спросив у них, хотят они этого или нет. Сколько землян осталось на Марсе, Чарли?

— Тысяча, не больше.

— Значит, мы ничтожное меньшинство. А два миллиона марсиан, очевидно, заслуживают празднества в такую ночь, как эта. Они объявили всепланетные народные гуляния! Позакрывали школы и все такое. Провозгласили День Великого Фейерверка. Всякие хлопушки-шутихи.

Они вышли посидеть на балконе каменного дома, покурить.

— Наверняка это случится не сегодня вече-

ром, — улыбаясь, сказал Чарли, у которого на верхней губе проступили капельки пота.

— Не будем обманывать себя, — сказал Уолт, доставая свою трубку.

— Мой ребенок сейчас носится по городу и вопит вместе с марсианскими ребятишками в гуще большого торжества. Он и сам почти марсианин. Это случится сегодня, и точка.

— Интересно, как с нами поступят марсиане?

Уолт пожал плечами:

— Никак. Что они сейчас переживают, боже мой! Не прикладывая рук, не притрагиваясь к Фейерверку, марсианин может любоваться Спектаклем. Думаю, они оставят нас в покое из чистого любопытства. Еще бы — ошметки цивилизации, которая сама себе подожгла хвост, так сказать.

Билл медленно выпустил дымок.

— У меня отец живет в Лейк-Блафф, штат Иллинойс. Боже, как он ненавидел коммунистов!

— В самом деле? — усмехнулся Чарли. — Летом 1980 года я трижды проезжал через Лейк-Блафф. Мне было двенадцать.

— Надо же, — сказал Билл.

Они сидели в темноте с тлеющими сигаретами. Шарканье бегущих ног, возгласы, хохот стали доноситься все громче. Играла карнавальная

музыка, со свистом рвались петарды. Чем больше сгущались тени на улицах, тем чаще мерцали огоньки свечей в наклонных каменных домах.

— Они лезут на крыши, чтобы получше разглядеть спектакль, — тихо сказал Билл. — Некоторые поднимаются на холмы. Знатный будет у них вечерок. Можно устроить пикничок с закусками, посидеть на вершине холма, дождаться большого представления и, может, позаниматься любовью. Красота!

— Дивный вечер. Вы бывали летом в Чикаго? — вдруг спросил Чарли. — Такая жара. Я думал, окочурюсь.

Все огни в городе погасли. На притихших холмах люди устремили взоры к небу.

— Странно, — сказал Билл. — Я только что вспомнил Центральную школу в Меллин-тауне, штат Висконсин. Сколько лет о ней не вспоминал. У нас была училка, старая дева по имени Ларриби и… — Он сделал паузу, пригубил вина и не стал продолжать.

По лестнице, задыхаясь, взбежал сын Уолта.

— Уже пора? — Он плюхнулся на папино колено.

— Разве ты не будешь проводить вечер с деревенскими мальчишками? — спросил Уолт.

— Нет. Я останусь с тобой, — сказал Джо. — Ведь ты родился в Нью-Йорке, — объяснил он.

— Спасибо, — сказал Уолт.

— Кто затеял сегодняшнее представление, фейерверки, папа?

— Кабы знать!

На востоке взошла зеленая звезда.

Внизу, по городу пробежал гул.

— Это Земля там, в небе, папа? Расскажешь мне про декорации и фейерверки?

— Их строили много людей, на них ушла куча денег и времени.

— Сколько времени?

— Лет пятьдесят.

— У-у, как долго!

Уолт обнимал сына, и ночной ветер медленно и трепетно поднимался по переулкам.

— Я ничего не вижу, — сказал Джо.

— Тихо, — прошептал отец. Они затаили дыхание.

Земля отчетливо зеленела в небесах.

— Черт, — сказал Чарли. — Это ложная тревога. Откупорю-ка я еще бутылку и… — Он начал привставать.

Небо разорвалось.

— Вон! — вскричал Билл.

Они отпрянули, когда небо обожгло их белизной.

Объятая пламенем Земля бурно разрасталась вдвое, вчетверо. Огонь беззвучно отогнал тьму. Подобно гигантскому красно-зеленому сполоху. Воздетые кверху лица на холмах, в окнах домов, на крышах, в долинах, на речных берегах, и длинных каналах, и мертвых морях. В глазах троих наблюдателей на мгновение вспыхнул белый огонь.

Свечение угасло.

На холмах раздался всеобщий гул ликования, бой барабанов, крики. Джо повернулся к отцу:

— И это все?

Трое мужчин сжимали неприкуренные сигареты в обвисших руках.

— Это все, — сказал Уолт, смежив веки. — Представление окончено.

— А когда будет повтор? — полюбопытствовал Джо.

Уолт резко поднялся:

— Вот ключ от погреба. Сбегай вниз и принеси четыре бутылки вина. Молодчина.

Они сидели, не проронив ни слова, на холодном балконе до тех пор, пока мальчик не принес бутылки из погреба.

1949 г.

Полный расчет

— За Землю.

— За Марс.

— За атомную бомбу!

— За взрыв.

Они снова выпили. Трое мужчин сидели под марсианскими звездами, на дне марсианского моря. Трое из небольшого серебристого ракетного корабля. Трое дрожащих и озлобленных, с губами, обожженными виски. Их бросало то в жар, то в холод. Они вскрикивали. Ракета застыла на месте. В каменных желобах чернели воды марсианского канала. Они откупорили новую бутылку.

— За старую добрую прекрасную дурацкую взорванную и навеки почившую Землю! — воскликнул Джонс.

— Выходи за меня, Уильямс, — предложил Комфорт. — Выходи за меня. И стань моим возлюбленным. И мы с тобой всех радостей вкусим…

[12]

— Заткнись!

— Выходи за меня, и мы возродим цивилизацию.

— Сядь и сиди!

Комфорт сел и заплакал.

Комфорт прикоснулся к своей руке и ощутил слезы на пальцах, быстрые и горючие. Всего шесть часов назад Джонс, Уильямс и он снаряжали ракету для возвращения на Землю. Они оставались последними на Марсе. Они недоумевали: неужели атомная война действительно такая страшная, как утверждало космическое радио. Они еще пошучивали на эту тему. По их прикидкам, через месяц они будут в Нью-Йорке.

И тут — жуткая синяя вспышка в небе.

Горящая Земля — над горизонтом поднялось новое маленькое солнце.

Они тотчас налегли на выпивку.

Они оцепенели от времени и ночи, от пламени и ужаса, от виски и кошмара.

Джонс выпил залпом, глядя в никуда.

---

[12] Примечания: 12

Искаженные начальные строки из стихотворения Кристофера Марло «Пылкий пастушок — своей возлюбленной» («The Passionate Shepherd to His Love» Christopher Marlowe):
Come live with me, and be my love,
And we will all the pleasures prove.

— За Алису и мою сестру, за моего брата Герба, за бабушку и маму, папу и… — он запнулся.

— За милуокский зоопарк и, — тихо усмехнулся Комфорт, — за снег, сметенный с улиц Меллин-тауна в Иллинойсе. За весну в Центральном парке. За спагетти-бар в Венеции, штат Калифорния, апрель 1968…

— За президента Ф. Рузвельта-младшего, за премьера Каволевского, за премьер-министра Баррингтона-Смита. За все атомы мира. За атомы под названием Ванамук-крик и за атомы под названием речная форель, которую я жарил на сковородке в Северных лесах. За атомы, которые пронизывали высокие деревья по ночам, когда я лежал, бодрствовал и прислушивался. За все и всяческие атомы, — сказал Уильямс.

Джонс страшно выругался.

— Черт побери! Я должен что-то предпринять! — Он вперился в небо так, что из глаз покатились слезы.

— И я! — Уильямс разбил свою бутылку. — Мы должны что-то сделать. Должен быть способ отомстить, действовать!

— Ты ничего не можешь поделать, — прошептал Комфорт, смежив веки.

— Мы должны, говорю я тебе, должны!

Спустя минуту возник марсианин.

Он мягко ступал по дну моря, в одиночестве. Он задержался в ореоле света, излучаемого желтыми электрическими факелами. На нем была бронзовая маска, сквозь которую, подобно голубым алмазам, посверкивали его глаза.

— Постойте-ка! — Уильямс с трудом поднялся. — Наверное, я свихнулся. Кажется, я кого-то вижу!

Остальные тоже что-то увидели.

Марсианин их поприветствовал. Без слов. Только в мыслях. Они витали в воздухе, как дыхание.

Комфорт протянул руку.

— Он настоящий. Я его осязаю!

Бронзовая маска кивнула. Мысль посетила их головы.

— Меня зовут Йио.

— Так марсиане все-таки существуют! — Мужчины онемели.

Маска повернулась.

— В высокогорных городах выжила тысяча из нас. Мы видели прибытие ваших кораблей десять лун тому назад. Мы видели, как они вернулись в небеса. Мы ждали, когда вы все улетите. Сегодня ночью мы увидели пожар в небе. Поэтому я здесь. Я пришел предложить вам троим убежище.

— Пошел ты со своим убежищем! — гаркнул Уильямс. — Убирайся, мы и сами как-нибудь перебьемся!

— Но…

— Нам и так хорошо, — сказал Джонс.

— Долго же вы дожидались, — сказал Уильямс. — Почему вы не спустились к нам несколько месяцев назад, подлые трусы? Испугались? Онемели от ужаса небось. Так, Комфорт? Так, Джонс?

— Именно!

— Чего вы боялись? — Спотыкаясь, Уильямс описал круг вокруг марсианина, ощупывая синие шелка, в которые было облачено худое тело пришельца, быстро смерив его взглядом с головы до ног. — Нас? Клянусь Сатурном, не напрасно боялись! Мы — Земля! Земляне! Лучшие люди Вселенной! И ее чертовых окрестностей, если еще где-то остались люди, в чем я лично сомневаюсь! А ты что из себя представляешь? — Он фыркнул. — Ты мужчина или женщина? Ну-ка, гляну, что там у тебя под маской. Терпеть не могу, когда прячутся под маски!

Марсианин отшатнулся:

— Я пришел помочь выжившим.

— Как ты выучил наш язык? Телепатия? Под-

глядывал все эти месяцы, подслушивал наши мысли? Конечно! — Уильямс сплюнул. — Мы тебе не выжившие, мистер. Мы хорошо приспособленные джентльмены с университетским образованием. Нам от тебя ничего не надо!

— Но неужели я ничего не могу сделать?

— Убирайся, — сказал Комфорт. — У меня жутко плохое настроение.

— А у меня еще хуже. — Джонс шмякнул кулаком по влажной ладони другой руки. — Я взбешен, и меня тошнит. И еще много чего, что не выразить словами. Не нарывайтесь, мистер.

Комфорт думал: «Мы должны остановиться. Мы несемся куда-то, к чему-то недоброму. Я должен это прекратить. Мы обезумели. Этого марсианина здесь не может быть. Он возник из нашего страха, из нашей злобы и раздражения. Мы должны положить этому конец и…»

Марсианин пошевелил руками:

— Мы, марсиане, тоже немало выстрадали в свое время. Мы познали мудрость. Мы отказались от атомной энергии во избежание самоуничтожения. Мы выживаем сегодня благодаря библиотекам, городам, мозаикам, фонтанам…

— Возгордились? Да? — сказал Уильямс, хлопнув по пистолетной кобуре. — Зазнались? Нечего

сыпать нам соль на раны, мистер! Не надо говорить, что вы есть, а наших друзей — нет. Вас целая тысяча, а все наши погибли. Хватит с нас такой болтовни, ты...

— Нужен философский подход, — тихо ответил марсианин. — Цивилизации, планеты переживают взлеты и падения. Кому-то везет больше, кому-то меньше. Вооружения — неприемлемы. На Марсе мы не применяем оружие вот уже десять тысяч лет.

— Убирайся, — велел Уильямс.

Они были взвинчены и разгорячены. Их рты дергались, глаза моргали.

Марсианин пожал плечами.

— Мы приглашаем вас жить в нашем городе. Восхитительное место — роза, жемчужина и все оттенки ночи, сокрытые в горах, впервые освещенные этим вечером, ибо опасность миновала. Вы должны увидеть наш маленький город-алмаз: зеленые лужайки; фонтаны взмывают ввысь и насыщают воздух водяным туманом; детский смех над синими мозаичными дорожками; жители наслаждаются редкими винами на верандах своих вилл; золотистые женщины, симпатичные мужчины в бронзовых масках; музыка играет — все это вы должны увидеть.

Комфорт, Джонс и Уильямс тупо надвигались на него с каменными лицами.

Марсианин перечислял достопримечательности: им следует посетить глубокие пруды, в которых разноцветные чернила перемешиваются, ежесекундно сплетая причудливые узоры. Они должны полюбоваться горящими и изменчивыми картинами на стенах. Они должны взобраться на хрустальные минареты, где произрастают вечные цветы, которым десять тысяч лет; они хрупки и нежны, как белые теплые дети. Они должны услышать музыку, сочиненную пятьдесят тысяч лет назад, исполненную на инструментах из струн, ветра и воспоминаний, извлеченную из фарфоровой горловины…

Вся троица зашаталась. Казалось, почва тает под ногами. У них глаза повылезали из орбит, лица взмокли.

— Заткнись, — приказал Уильямс.

Марсианин разинул рот.

— Предупреждаю, хватит! — сказал Уильямс.

Марсианин сделал жест, говоря тихим голосом.

— Ну, ладно, — сказал Уильямс.

Он выхватил пистолет и выстрелил.

Маска вдребезги разлетелась дымящимися

осколками и искрами. Обмякшее тулово марсианина в тунике рухнуло наземь.

Комфорт вытащил свой пистолет и пальнул в неподвижную груду. Джонс сбил в кучу останки и столкнул в воды канала.

— Так, — отрывистым голосом сказал Уильямс, с горящими глазами вцепившись в свой пистолет. — Где город, про который он тут разглагольствовал?

Все трое закивали друг другу.

— Мы его найдем, — сказали они.

Они забрались в ракету.

— Я учился в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, — сказал Комфорт, сидя у пульта управления. Они двинулись на север, перевалив через приземистые синие холмы. Вглядываясь в иллюминаторы, они прочесывали глубокие ущелья.

— Я учился в Мичиганском, — сказал Уильямс.

— Старый добрый Мичиганский, — сказал Джонс. — Я — в Южнокалифорнийском. Выпьем за него.

Их губы плотно сомкнулись. Они были разгорячены и возбуждены, словно в любой миг могло случиться нечто значительное.

«Нельзя этого делать, — думал Комфорт, — так

дальше невозможно. Это безумие и кошмар. Я интеллигентный человек, я этого не допущу. Меня учили не вести себя таким образом. Я должен положить этому конец».

Он промолчал.

— Видно что-нибудь внизу? — спросил Уильямс.

— Я смотрю. — Комфорт облизнул обветренные губы. — Внимательно высматриваю.

— Как найдешь, сразу дай знать.

— Три университетских выпускника. Смех один!

— Что такое университет?

— Не знаю.

— Учебное заведение с кампусом в городе на планете Земля.

— Что такое учебное заведение? Что такое кампус? Что такое город? Что такое планета Земля?

— Атомы.

— В один прекрасный день я вернусь и посмотрю, на что похожа моя старушка альма-матер.

— Обугленные головешки, копоть, пепел, сажа, сера, прах мумий.

— Старый добрый Мичиган; выпьем?

— Заткнись!

Они всматривались в иллюминаторы и мор-

гали.

— Вот он, этот город! — сказал Комфорт, ухмыляясь.

Все посмотрели.

Все заулыбались.

— Ну-ну, — сказал Джонс.

Они посадили серебристую ракету.

Они высадились прямо в центре города, где мужчины в бронзовых масках сопровождали женщин, облаченных в изумрудную дымку. Вокруг носились смеющиеся дети. Фонтаны выбрасывали струи высоко в ночное небо. Все было окрашено в переливчатые, нестойкие цвета роз, гардений, водяных лилий. Откуда-то доносилась изысканная музыка. Ночь была тихая, и воздух благоухал свежестью. Все были счастливы. Исполняли котильон. Танцоры плавно скользили за окном синего хрусталя. Распускались цветы, зеленела трава. В библиотеках посетители сидели за древними книгами, играя на них, как на арфах, вызывая звучание древних голосов, напевающих им о старинных знаниях в сладостной тишине.

Город и не догадывался о прибытии ракеты.

Те, кто заметил раскрытие люка, успели только обернуться и улыбнуться под своими масками.

— Ну-ка, — сказал Комфорт.

— Ну-ка, — сказал Джонс.

— Ну-ка, — сказал Уильямс.

И нажали на гашетки трех пулеметов.

Сверкающими, трескучими очередями пули обрушивали башенки. Пули дырявили фонтаны, выбивая из них потоки звуков и непрокачанной воды. Трое стрелков поворачивались и поворачивались, поливая все вокруг пулями. И повсюду взрывались светильники, падали портьеры, выкорчевывались стеклянные колонны, и стены, и камни; танцы прервались, музыка разлетелась вдребезги! Одна башенка, которую расстреливал Уильямс, взметнулась мириадами кристаллов и опустилась наземь, подобно гигантской бабочке, с хрустальным звоном, напоминающим музыку. В городе не оказалось ничего массивного; пули врезались и крушили все и вся. Маски были изрешечены, горожане полегли, как скошенная трава. Один за другим прогремели взрывы. Марсиане не кричали. Они оставались там, где стояли.

Пули выискивали и приговаривали к молчанию, потом выискивали снова, до тех пор, пока не подавляли один за другим источники музыки, глушили мелодии, разгоняли танцоров, сжигали багровым пламенем библиотеки.

Лица троих стрелков выражали решимость,

застыв в полуухмылке.

В тишине они перезарядили пулеметы и снова открыли огонь.

— Вон ту башню мы пропустили!

Все прицелились в нее.

— Внимание! Один пытается скрыться!

Скосили его.

— Где-то еще музыка играет!

Последний музыкальный инструмент, наверное запись, звучал на одной из хрустальных террас.

Они стреляли наугад, пока музыка не умолкла.

Город затих.

Упала последняя звонкая капля стекла.

А затем завыл всепожирающий огонь пылающих библиотек, в синий воздух взметнулись крылья зарева и жара.

Их пулеметы раскалились, расстреляв все патроны.

Утомленные, обливаясь потом, они покинули город.

Не проронив ни слова.

Они остановились и оглянулись на усеянный обломками город. Вытерли губы.

Протерли глаза, часто, отупело и утомленно моргая. Они опустили стволы пулеметов. Достали

последнюю бутылку и напились. Внезапно на них навалилась такая усталость, что они были не в состоянии идти.

Они рухнули на морской песок и лежали, смежив веки.

— Джонси, Джонси, Джонси, — завыл Уильямс в долгой ночи. — Джонси?

— Чего тебе?

— Выпьешь?

— Можно.

— Держи.

Все жадно набросились на выпивку, проливая ее на грязную униформу и скользкие от пота руки. Задул холодный ночной ветер.

— Мы врезали им по первое число.

— Еще как, еще как, еще как врезали!

Комфорт обхватил руками голову:

— Уильямс, ты еще не сказал, ты еще не дал мне ответ.

— Что?

Они не шевелились. Стояла непроглядная ночь.

— Ты не сказал, выйдешь за меня или нет, Уильямс.

— А-а-а-а!

— И мы с тобой всех радостей вкусим, Вилли.

Нам нужно завести семерых детей, чтобы заложить основу нового мира.

— Да, конечно, конечно, — устало сказал Уильямс. — Новый мир. Целый десяток детей.

— Джонс нас обвенчает, правда, Джонси, старина? Ты будешь пастором, ладно, Джонси?

— Ладно, ладно.

— Вот молодец, — сказал Комфорт. — Ты слышал, Уильямс?

— Слышал. Заткнись и заваливайся спать. Я выйду за тебя. Утром.

— Честное слово?

Его голос прозвучал тонко и жалобно.

— Да! Честное слово!

— Ибо ты нужен мне, Вилли. О-о, как ты мне нужен. Я так боюсь!

— Да, конечно, я знаю. Спи. Устал я. Устал.

Они закрыли глаза и лежали на холодном песке.

— Сладких снов, — сказал Джонс.

1949 г. Опубликовано в “Thrilling Wonder Stories”, февраль 1950 г.

Мессия

— Всем нам в молодости приходила в голову такая странная мысль, — сказал епископ Келли.

Остальные сидящие за столом зашептались и закивали.

— Нет такого христианина, — продолжал епископ, — которому бы однажды ночью не подумалось: а вдруг я — это Он? Вдруг это оно — долгожданное второе пришествие, мое пришествие? А что, если, что, если… о Господи, что, если я и есть Иисус? Вот было бы здорово!

Католические пасторы, протестантские священники и один-единственный раввин тихонько засмеялись, вспоминая каждый свою юность, свои собственные безумные мечты и свою тогдашнюю наивность.

— А что же, — спросил молодой священник, отец Нивен, — еврейские мальчики воображают себя Моисеями?

— Нет, нет, дорогой друг, — ответил рабби Нитт-лер. — Мессиями! Мессиями!

Все опять негромко посмеялись.

— Ах да, конечно. — На лице отца Нивена заиграл молодой румянец. — Какой я дурак. Христос

ведь не был Мессией, так? И ваш народ все еще ждет Его пришествия. Странно. Как все неоднозначно.

— Куда уж неоднозначней. — Епископ Келли поднялся и повел всех на террасу, откуда открывался вид на марсианские холмы, древние марсианские города, старинные автострады, песчаные реки и Землю в шестидесяти миллионах миль отсюда, которая ярко светилась на этом чужом небосклоне.

— Разве мы когда-нибудь, в своих самых безумных мечтах, — произнес преподобный отец Смит, — воображали себе, что однажды у каждого из нас будет своя баптистская молельня, или часовня Святой Марии, или синагога Священной горы Синай здесь, на Марсе?

Все без исключения помотали головами.

Внезапно их тихое спокойствие нарушил еще один вклинившийся между ними голос. Пока они стояли у балюстрады, отец Нивен настроил транзистор, чтобы узнать точное время. Из нового марсиано-американского небольшого поселения, которое находилось среди простиравшейся внизу пустыни, передавали новости. Вот что они услышали:

«…как говорят, в окрестностях города. Это пер-

вое сообщение о марсианине, появившемся в нашей общине в нынешнем году. Мы настоятельно советуем гражданам с уважением относиться к любым подобным гостям. Если…»

Отец Нивен выключил приемник.

— Наша неуловимая паства, — вздохнул преподобный Смит. — Должен признаться, я приехал на Марс не только для того, чтобы работать с христианами, но в надежде пригласить хоть одного марсианина на воскресный ужин, узнать о его богословских учениях, о его нуждах.

— Мы до сих пор слишком в новинку для них, — произнес отец Липскомб. — Думаю, в ближайший год-два они поймут, что мы не какие-то там дикари, охотники за шкурами. И все же любопытство трудно обуздать. В конце концов, фотографии, полученные с «Маринера», не обнаружили здесь никакой жизни. И тем не менее жизнь здесь есть, весьма загадочная и наполовину напоминающая нашу, человеческую.

— Наполовину, ваше преосвященство? — Раввин оторвал от чашки с кофе задумчивый взгляд. — Сдается мне, в них больше человеческого, чем в нас самих. Они ведь позволили нам сюда прийти. Они спрятались среди холмов и появляются среди нас лишь изредка, как мы

предполагаем, принимая обличье землян…

— Так вы действительно считаете, что они владеют телепатией и гипнозом и могут разгуливать по нашим городам, одурачивая нас своими масками и образами, а мы ни сном ни духом?

— Именно так.

— В таком случае, — сказал епископ, раздавая бокалы с бренди и мятным ликером, — у нас сегодня настоящий вечер разочарований. Марсиане, которым мы, Просвещенные, могли бы принести Спасение, куда-то попрятались…

Тут многие улыбнулись.

— …а второе пришествие Христа откладывается на несколько тысяч лет. Господи, сколько же нам еще ждать?

— Что касается меня, — вмешался молодой отец Нивен, — я никогда не желал быть Христом второго пришествия. Мне только всегда страстно хотелось повстречаться с Ним. С тех пор как мне исполнилось восемь, я не переставал думать об этом. Должно быть, это и послужило главной причиной, по которой я стал священником.

— Чтобы внутренне быть готовым на случай, если Он все же когда-нибудь явится? — любезно намекнул раввин.

Молодой священник усмехнулся и кивнул.

Остальные почувствовали необоримое желание подойти к нему и дружески прикоснуться, ибо в каждом из них он затронул какие-то неуловимо тонкие и приятные струны. Они испытали мощный прилив вселенской любви.

— С вашего позволения, рабби, господа, — произнес епископ Келли, поднимая свой бокал. — За первое пришествие Мессии или второе пришествие Христа. Пусть они окажутся не просто старинными глупыми выдумками.

Они выпили и помолчали.

Епископ сморкнулся и вытер глаза.

Остаток вечера для священников, преподобных и раввина был ничем не отличим от многих других таких же вечеров. Они сели играть в карты и затеяли было спор по поводу святого Фомы Аквинского, но вскоре христиане не выдержали напора просвещенной логики рабби Ниттлера. Обозвав его иезуитом, они выпили на ночь по стаканчику и прослушали последние новости по радио:

«...есть опасения, что этот марсианин может почувствовать себя в нашем обществе как в ловушке. Любой, кто встретит его, должен отвернуться, чтобы дать марсианину пройти. Похоже, он пришел из любопытства. Для беспокойства

нет причин. На этом мы завершаем наш…»

Направляясь к выходу, священнослужители, святые отцы и раввин говорили о переводах Ветхого и Нового Завета, которые они сделали на разные языки. И тут молодой отец Нивен снова всех удивил:

— А вы знаете, что однажды меня попросили написать сценарий по мотивам Евангелий? Для фильма нужно было придумать финал!

— Но житие Христа, вне всякого сомнения, имеет лишь один финал! — возразил епископ.

— Однако, ваше святейшество, четыре Евангелия рассказывают о нем в четырех различных вариантах. Я сравнивал. И пришел в полный восторг. Почему? Потому что заново открыл для себя то, что почти забыл. Тайная вечеря на самом деле не была последней!

— Господи свят, а какой же еще?

— Ваше святейшество, она была первой из нескольких. Первой из нескольких! Помните, после распятия и погребения Христа Симон-Петр с другими учениками отправились порыбачить в Галилейское море?

— Помню.

— И в сети попало небывалое количество рыбы?

— Да.

— А увидев на берегу Галилеи бледный свет, они причалили и подошли к тому месту, где, как им показалось, лежали раскаленные добела угли, на которых жарилась свежепойманная рыба?

— Верно, ведь верно же, — сказал преподобный Смит.

— И в этом мягком свечении тлеющих углей, помните, они ощутили присутствие некоего духа и воззвали к нему?

— Да, точно.

— Не получив ответа, Симон-Петр снова прошептал: «Кто здесь?» И тогда неузнанный ими дух над галилейским берегом протянул руку в огонь, и на ладони они увидели рану в том месте, куда вошел гвоздь, незаживающий стигмат, помните?.. Они хотели было бежать, но дух заговорил и сказал: «Возьми эту рыбу и накорми ею братьев своих». И Симон-Петр взял рыбу, которая жарилась на раскаленных добела углях, и накормил апостолов. И тогда призрачный дух Христа сказал: «Возьмите мое слово и распространите его среди народов всего мира и проповедуйте им прощение греха». А потом Христос оставил их. В своем сценарии я написал, что Он идет вдоль берега Галилеи в направлении горизонта. Ведь

когда кто-то удаляется в сторону горизонта, кажется, будто он поднимается ввысь, не так ли? Ибо на расстоянии земля словно возвышается. И Он уходил вдаль по берегу, пока не превратился в маленькую точку, далеко-далеко. А потом совсем исчез из виду… И по мере того как солнце вставало над древним миром, тысячи отпечатков Его ног, оставшиеся на песке вдоль берега, стирались дуновением рассветного бриза и пропадали бесследно… И апостолы оставляют рассыпающийся искрами пепел догорающего костра и уходят, храня на губах вкус подлинной, окончательной и истинной Тайной вечери. И по моему сценарию камера поднимается вверх и с высоты смотрит, как апостолы уходят, кто на север, кто на юг, кто на восток, чтобы рассказать миру то, что нужно рассказать о Сыне Человеческом. И ветер утренней зари стирает с песка расходящиеся во все стороны, будто спицы гигантского колеса, отпечатки их ног. Встает новый день. КОНЕЦ ФИЛЬМА.

Молодой священник стоял посреди своих друзей, щеки его горели ярким румянцем, глаза были закрыты. Внезапно он открыл глаза, словно вспомнив, где находится:

— Простите.

— За что простить?! — вскричал епископ, отирая веки тыльной стороной ладони и часто моргая. — За то ли, что вы дважды за вечер заставили меня прослезиться? Вы что, стесняетесь вашей собственной любви к Христу? Да ведь вы вернули мне Слово Божье, мне! — который, казалось, знает Слово Божье уже тысячу лет! О дорогой мой молодой человек с юным сердцем, вы дали моей душе глоток свежей воды. Ужин с рыбой на берегу Галилеи и есть истинная Тайная вечеря. Браво. Вы заслуживаете того, чтобы встретиться с Ним. Второе пришествие, честное слово, должно предназначаться вам.

— Я недостоин! — возразил отец Нивен.

— Как и все мы! Но если бы было возможно меняться душами, я бы одолжил кому-нибудь свою, чтобы тут же позаимствовать вашу, чистенькую и незапятнанную. Поднимем еще один тост, господа? За отца Нивена! А теперь спокойной ночи, уже поздно, спокойной всем ночи.

Все выпили и разошлись; раввин и протестантские священники спустились в долину к своим приходам, а католические святые отцы остались на пороге, стоя на холодном ветру, чтобы бросить последний взгляд на эту странную планету Марс.

Наступила полночь, затем час, два, а в три,

пронзительно-холодным марсианским утром, отец Нивен заворочался в своей постели. С тихим шепотом всколыхнулось пламя свечей. Трепещущая листва забилась в окошко.

Внезапно он сел в своей кровати, с каким-то испугом вспомнив приснившийся сон, в котором за ним гналась кричащая толпа. Он прислушался.

И услышал, как где-то далеко внизу хлопнула входная дверь.

Накинув домашний халат, отец Нивен спустился по темной лестнице своего пасторского жилища вниз и прошел через церковь, где все еще горели около дюжины свечей, выхватывавших из темноты редкие пятна света.

Он по очереди проверил все двери, думая: «Какая глупость — запирать церкви! Что здесь можно своровать?» И все же крадучись продолжил свой путь в этой спящей тьме…

…и обнаружил, что главная дверь церкви не заперта и тихонько хлопает на ветру.

Он, дрожа, закрыл дверь.

Послышался шорох убегающих ног.

Отец Нивен резко обернулся.

Церковь была безлюдна. Колеблющиеся огоньки свечей ложились то в одну сторону, то в другую. Слышался только древний запах воска и

тлеющего ладана — материй, оставшихся от ярмарки ушедших эпох и истории; иных рассветов, иных закатов.

Скользнув взглядом по распятию над главным алтарем, отец Нивен вдруг остановился и похолодел.

Во мраке слышался звук падающих капель воды.

Он медленно обернулся к баптистерию, расположенному в глубине церкви.

Там не горело ни одной свечи, и все же…

Из небольшого углубления, где стояла купель со святой водой, лился бледный свет.

— Епископ Келли? — едва слышно позвал отец Нивен.

Медленно входя в придел церкви, он вдруг похолодел еще больше и остановился, ибо…

Еще одна капля упала, ударилась о поверхность воды и растворилась в ней.

Как будто где-то протекал кран. Но никаких кранов здесь не было. Лишь сама купель, в которую неторопливо, с промежутком в три удара сердца, падали капля за каплей.

Где-то в заповедном уголке сердце отца Нивена что-то шепнуло ему, бешено забилось, потом замедлило бег и почти остановилось. И внезапно

отца Нивена прошиб жуткий пот. Он чувствовал, что не способен пошевелиться, но надо было идти: шаг за шагом, он подошел к сводчатому проему баптистерия.

В темноте этого укромного местечка действительно виднелось бледное свечение.

Нет, это был не свет. А фигура. Чей-то силуэт.

Он возвышался позади купели. Звуки падающей воды прекратились.

Отец Нивен в ослеплении стоял, онемев, словно язык прилип к гортани, с широко раскрытыми безумными глазами. Наконец видение обернулось к нему, и он осмелился крикнуть:

— Кто!

Одно-единственное слово, эхо которого раскатилось по всем уголкам церкви, заставив бешено заплясать огоньки свечей, взметнув пропитанную ладаном пыль и заставив сердце самого отца Нивена сжаться от страха, мгновенно вернувшись к нему криком: «Кто!»

Единственный свет внутри баптистерия исходил от белых одежд стоящей лицом к нему фигуры. И этого света было достаточно, чтобы он увидел невероятное.

Отец Нивен увидел, как фигура пошевелилась. Она простерла бледную длань над купелью.

Рука повисла в воздухе, словно нехотя, словно она жила отдельно от стоящего позади нее призрака, словно кто-то взял ее и насильно протянул вперед, чтобы показать перепуганному и зачарованному отцу Нивену то, что находилось в центре этой открытой белой ладони.

Там была рана с рваными краями, круглая дырка, из которой постепенно, капля за каплей, вытекала кровь, медленно капая в церковную купель.

Капельки крови ударялись о поверхность святой воды, окрашивая ее в багряный цвет, и расплывались медленной рябью.

На какое-то мгновение рука застыла в воздухе перед глазами ошеломленного, ослепленного и прозревшего священника.

Будто подкошенный ураганным порывом ветра, священник, издав крик то ли отчаяния, то ли озарения, рухнул на колени, одной рукой прикрывая глаза, а другой отгоняя от себя призрак.

— Нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет, этого не может быть!

Словно какой-то ужасный садист зубной врач накинулся на него и одним движением, без наркоза вырвал целиком, как кровоточащий кусок сырого мяса, душу из тела. Он почувствовал себя

пойманным в капкан, жизнь его рванулась прочь, но ее корни, слава богу, оказались глубоки!

— Нет, нет, нет, нет!

И все же — да.

Он снова взглянул сквозь сплетение пальцев.

Фигура была еще там.

И страшная кровавая ладонь, дрожа и роняя капли, простиралась над купелью.

— Довольно!

Рука отодвинулась назад и исчезла. Дух остановился в ожидании.

Лик Его был добрым и знакомым. А эти необычные, прекрасные, глубокие и проницательные глаза были как раз такими, какими он всегда их себе представлял. Мягко очерченные губы, бледное лицо в обрамлении струящихся локонов волос и бороды. Человек был облачен в простые одежды, истрепанные прибрежными и пустынными ветрами Галилеи.

Огромным усилием воли священник сдержал готовые пролиться слезы, умерил мечущееся в своей груди изумление, сомнение, потрясение — все эти бессмысленные чувства, которые всколыхнулись в его душе, грозя вырваться наружу. Он задрожал.

И тут он увидел, что Видение, Дух, Человек,

Призрак-или-Кто-Бы-Он-Ни-Был тоже дрожит.

«Нет, — подумал священник. — Этого не может быть! Он боится? Боится… меня?»

Теперь уже Дух затрясся — подобно ему, будто зеркальный образ его собственных конвульсий, — словно в агонии, широко раскрыл рот, зажмурился и простонал:

— О, пожалуйста, отпусти меня!

Тут молодой священник еще шире открыл глаза и выдохнул. В голове его мелькнуло: «Но ведь ты свободен. Никто здесь тебя не держит!»

И в то же мгновение раздалось.

— Держит! — вскричал Призрак. — Ты держишь меня! Пожалуйста! Отведи свой взгляд! Чем дольше ты смотришь на меня, тем больше я становлюсь этим! Я не тот, каким кажусь!

«Но ведь, — подумал священник, — я ничего не сказал! Мои губы не шевелились! Откуда этот Дух узнал мои мысли?»

— Мне известно все, о чем ты думаешь, — сказал дрожащий и бледный Призрак, отступая во мрак баптистерия. — Каждая фраза, каждое слово. Я не собирался приходить сюда. Я отважился войти в город. И вдруг превратился во множество вещей для множества разных людей. Я побежал. Они — за мной. Я спрятался здесь. Дверь была

открыта. Я вошел. И тут, и тут — ох, — и тут я оказался в ловушке.

«Нет», — подумал священник.

— Да, — плаксиво сказал Дух. — Ты меня поймал.

Медленно, кряхтя под еще более тяжким и ужасным бременем прозрения, священник подтянулся, схватившись за край купели, и, качаясь, встал на ноги. Наконец он осмелился выдавить из себя вопрос:

— Ты не тот… каким кажешься?

— Не тот, — ответил Призрак. — Извини.

«Я сейчас сойду с ума», — подумал священник.

— Не надо, — сказал Призрак, — иначе я тоже сойду с ума.

— Я не могу отпустить тебя — о Господи, — раз уж ты явился после всех этих лет, всех моих мечтаний, — разве не видишь, это для меня слишком. Две тысячи лет все человечество ждало твоего возвращения! И я, я — тот, кто встретил тебя, кто видит тебя…

— Ты встретился лишь со своим собственным мечтанием. Ты видишь только то, что тебе потребно видеть. Без всего этого… — фигура прикоснулась к своим одеждам на груди, — я выгляжу совсем иначе.

— Что же мне делать?! — воззвал священник, глядя теперь уже то на небеса, то на призрака, который вздрогнул от его крика. — Что?

— Отведи взгляд. В это мгновение я выбегу за дверь и скроюсь.

— Вот так… просто?

— Прошу тебя, — сказал Человек.

Священник, дрожа, сделал несколько вдохов.

— О, если б это мгновение могло длиться хотя бы час.

— Ты что, хочешь убить меня?

— Нет, что ты!

— Если ты насильно удержишь меня в этой форме еще немного, моя смерть будет на твоей совести.

Священник прикусил кулак, и дрожь сожаления пронизала его с ног до головы.

— Так, значит, ты… ты марсианин?

— Он самый.

— И я сделал это с тобой моими собственными мыслями?

— Невольно. Когда ты спустился по лестнице вниз, твоя давняя мечта охватила меня и преобразовала. Мои ладони до сих пор кровоточат от ран, которые ты достал из тайных закоулков своего разума.

Священник в изумлении покачал головой.

— Еще секунду… подожди.

Он напряженно и жадно вгляделся в темноту, из которой проступал светлый лик Духа. Лик этот был прекрасен. А эти руки — какая неописуемая нежность была в этих руках.

Священник кивнул, его обуяла такая грусть, словно меньше часа назад он прошел через настоящую Голгофу. И час истек. И гаснущие угли рассыпались по песку у Галилейского моря.

— А если… если я отпущу тебя…

— Отпусти, отпусти меня!

— Если я отпущу тебя, ты обещаешь…

— Что?

— Ты обещаешь мне возвращаться?

— Возвращаться?! — вскричала фигура в темноте.

— Один раз в год, это все, что я прошу, приходить один раз в год сюда, к этой самой купели, в этот же самый ночной час…

— Приходить?..

— Обещай мне! О, я должен снова пережить этот момент. Ты не представляешь, как для меня это важно! Обещай мне, или я тебя не отпущу!

— Я…

— Обещай мне! Поклянись!

— Я обещаю, — сказал бледный призрак во мраке. — Я клянусь.

— Спасибо, о спасибо.

— В какой день года отныне я должен являться?

Теперь уже слезы текли по щекам молодого священника. Он с трудом вспомнил, что хотел сказать, а произнося эти слова, он едва мог их расслышать.

— На Пасху, о Господи, да, на Пасху через год!

— Пожалуйста, не плачь, — сказала фигура. — Я приду. На Пасху, говоришь? Мне известен ваш календарь. Да. А теперь… — Израненная бледная рука простерлась в тихой мольбе. — Можно мне уйти?

Священник до хруста стиснул зубы, сдерживая рвущийся из груди крик горестного отчаяния.

— Благослови меня и уходи.

— Вот так? — спросил голос.

Рука, простершаяся из темноты, прикоснулась к нему с невыразимой нежностью.

— Скорее! — вскричал священник, зажмуривая глаза и крепко прижимая к груди кулаки, чтобы не дать себе схватить эту руку. — Уходи, пока я не пленил тебя навеки. Беги, беги!

Бледная рука в последний раз коснулась его

чела. Послышался тихий топот убегающих босых ног.

Дверь распахнулась в звездное небо и захлопнулась вновь.

И еще долго гулкое эхо носилось по церкви, отдаваясь в каждом алтаре, в каждом алькове и улетая ввысь незрячим метанием одинокой птицы, ищущей и обретающей освобождение под высокими сводами. Наконец церковь перестала содрогаться, и священник возложил на себя руки, словно говоря самому себе, как дальше себя вести, как дышать, хранить спокойствие, молчание, мужество…

В конце концов он, спотыкаясь, подошел к двери и протянул к ней руку, желая распахнуть ее во всю ширь, выглянуть на дорогу, которая в этот час, наверное, была пустынна, и, возможно, увидеть исчезающую вдали белую фигуру. Он не стал открывать дверь.

Он пошел вокруг церкви, радуясь предстоящей работе, завершая ритуал запирания дверей. Немалый путь, чтобы обойти все двери. Немалый путь до следующей Пасхи.

Священник остановился у купели и увидел в ней лишь чистую воду, без всяких следов крови. Он погрузил в нее руку и смочил ею лоб, виски,

щеки и веки.

Затем медленно вошел в придел и пал ниц перед алтарем, дав волю горьким и безутешным рыданиям. Он слышал, как его печаль то взмывает в агонии, то вновь возвращается из-под сводов башни, где висел молчаливый колокол.

Ему было о чем плакать.

О себе.

О человеке, который только что был здесь.

О том, как долго еще ждать, пока вновь откатят камень и найдут могилу пустой.

Пока Симон, названный Петром, снова увидит над марсианским берегом дух и самого себя, Симона-Петра.

Но более всего он плакал оттого, что — увы, увы, — оттого, что… никогда в жизни он не сможет поведать об этой ночи никому…

1971 г.

Ночной звонок, возьми трубку

Он понятия не имел, с чего вдруг в его памяти всплыло это старое стихотворение, но почему-то оно вспомнилось:

Представь, нет, ты только представь,

Что провода, разбежавшиеся по миру на черных ногах телефонных столбов,

Заполнились миллиардами слов, которые текли по ним

Еженощно все ночи напролет —

и сохранили смысл

И форму всего сказанного.

Он остановился. Что же там дальше? Ах да…

Затем в ночи они слагают

Философическую мозаику из этих крошек,

Расставляя слова наугад,

Как отсталый ребенок.

Он снова остановился. Чем же все это кончалось? Погоди…

Так безмозглое чудовище —

Скопленье гласных и согласных —

Творит мистерию дурных советов,

Пропуская сквозь себя шепот и сердца стук

По одной невнятице зараз.

И однажды ночью раздается резкий звонок,

Кто-то садится, поднимает трубку

И слышит Голос Святого Духа,

Канувшего в беспредельность туманностей.

Это чудовище на проводе

С наслаждением хрипит,

Погружаясь в безумную бескрайность времени,

Спрашивает: «Чего?» или «Черт-те чего?».

Он вздохнул и закончил:

Какой ответ найдешь ты

Тупой жестокой твари,

Заблудшей Электрической скотине?

Он сидел молча.

Восьмидесятилетний старик. Сидел в пустой комнате в пустом доме на пустой улице в пустом городе на пустой планете Марс.

Сидел, как сидел уже пятьдесят лет в ожидании.

На столе перед ним стоял телефон, который не звонил уже очень, очень долго.

А сейчас его трясло от каких-то тайных предчувствий. Возможно, этот трепет и вызвал в памяти стихи.

Его ноздри раздулись. Глаза широко раскрылись. Телефон чуть слышно брякнул. Он подался вперед, не сводя глаз с аппарата. Телефон… *зазвонил.*

Он вскочил так резко, что кресло опрокинулось. Он выкрикнул:

— Нет!

Телефон снова зазвонил.

— Нет!

Он захотел протянуть руку, он протянул руку и сшиб трубку с телефона. Она упала из гнезда одновременно с началом третьего звонка.

— Нет… о нет, нет, — чуть слышно проговорил он, прижав ладони к груди, покачивая головой; трубка валялась у него под ногами. — Это невоз-

можно… невозможно…

В конце концов, он ведь был один в пустой комнате в пустом доме в пустом городе на планете Марс, где не было ни одной живой души, кроме него самого, короля без подданных…

И все же…

— …Бартон…

Кто-то назвал его имя.

Нет. Просто что-то жужжало и свиристело, как сверчки и цикады в далекой пустыне.

«Бартон? — подумал он. — Но… но это же я!»

Он так давно не слышал, чтобы кто-то произносил его имя, что напрочь забыл его звучание. Он был не из любителей обращаться по имени к самому себе. Он никогда…

— Бартон, — произнес телефон. — Бартон, Бартон, Бартон.

— Заткнись! — выкрикнул он.

Пнув трубку, он, тяжело дыша и обливаясь потом, нагнулся, поднял ее и положил на рычаг.

Не успел он выпрямиться, как проклятая штуковина зазвонила снова.

На этот раз он обхватил трубку ладонью, стиснул так, будто хотел заглушить звук, но, увидев, что костяшки пальцев побелели от напряжения, заставил себя ослабить хватку и поднес трубку

к уху.

— Бартон, — произнес голос из-за миллиарда миль.

Он выждал три удара сердца и ответил:

— Бартон слушает.

— Ну-ну, — сказал голос, до которого теперь оставалось не больше миллиона миль. — Знаешь, кто это говорит?

— Христос! — воскликнул старик. — Первый телефонный звонок ко мне за полжизни, а мы тут в игрушки играем.

— Извини. Очень глупо с моей стороны. Конечно, ты не мог распознать свой собственный голос по телефону. Никто не узнаёт. Мы все привыкли слышать свой голос искаженным при прохождении через кости головы. Бартон, это говорит Бартон.

— Что?

— А кто, по-твоему, это может быть? — осведомился голос. — Капитан ракеты? Неужели ты надеешься, что кто-нибудь явится сюда, чтобы спасти тебя?

— Нет.

— Какой сегодня день и год?

— 20 июля 2097 года.

— Помилуй Господи. Пятьдесят лет! И ты так и

сидишь здесь все это время и ждешь прибытия ракеты с Земли?

Старик кивнул.

— Ну, старина, теперь ты узнаешь меня?

— Да. — Он содрогнулся всем телом. — Я вспомнил. Мы одно и то же. Я Эмиль Бартон, и ты Эмиль Бартон.

— С одним отличием. Тебе восемьдесят, а мне всего двадцать. Еще вся жизнь впереди!

Старик засмеялся было, но тут же расплакался. Он сидел, держа телефон пальцами, как заблудившийся мальчишка-дурачок. Не следовало продолжать этот немыслимый разговор, и все же он не прерывал его. Совладав с собой, он поднес трубку поближе ко рту и сказал:

— Эй, послушай! Боже, если бы я только мог предупредить тебя! Но разве это возможно? Ты ведь всего-навсего голос. Если бы в моих силах было показать тебе, насколько одиноки все эти годы. Решись, покончи с собой! Не затягивай! Если бы ты только знал, каково превратиться из того, кто ты есть, в то, что я представляю собой сегодня, здесь, сейчас, на *этом* конце…

— Это невозможно! — Где-то вдали голос юного Бартона раскатился смехом. — Я не в состоянии даже сказать, ответил ты на этот звонок или нет.

Все сплошная механика. Ты разговариваешь с записью. Сейчас 2037 год. Шестьдесят лет в глубь твоего прошлого. Сегодня на Земле началась атомная война. Все колонисты улетели с Марса на ракетах. Меня забыли!

— Я помню, — прошептал старик.

— Один на Марсе, — веселился молодой голос. — Месяц, год — какая разница? Здесь полно еды и книг. В свободное время я составлял библиотеку записей из десяти тысяч слов и ответов на них, подключал ее к телефонным сетям. Чтобы через несколько месяцев позвонить и мне было бы с кем поговорить.

— Да.

— И через шестьдесят лет моя собственная запись позвонит мне. Я ведь и подумать не мог, что пробуду на Марсе так долго; это ведь была всего лишь хитроумная ироническая затея, нацеленная исключительно на то, чтобы убить время. Бартон, это правда ты? Это правда *я?*

Из глаз старика покатились слезы.

— Да.

— Я создал тысячи Бартонов, записал пленки, готовые к любым вопросам, и разместил их в тысяче марсианских городов. Пока я ждал возвращения ракет, на Марсе образовалась целая

армия Бартонов.

— Глупец. — Старик устало помотал головой. — Ты ждал шестьдесят лет. Состарился в ожидании, в полном одиночестве. А теперь превратился в меня и все так же одинок в пустом городе.

— Не ожидай от меня сочувствия. Ты все равно что незнакомец, приехавший из другой страны. С чего мне грустить? Я жив, пока делаю эти записи. Ты жив, когда слушаешь их. Мы оба непостижимы друг для друга. Ни ты, ни я не можем предупредить один другого, хотя оба отвечаем друг другу — один автоматически, а другой тепло и человечно. Я человек из сейчас. Ты человек из потом. Это безумие. Я не могу плакать, потому что, не зная будущего, способен быть только оптимистом. Эти спрятанные звукозаписи могут откликаться лишь на ограниченное число твоих реплик. К чему заставлять мертвеца скорбеть?

— Перестань! — крикнул старик. Он ощутил знакомый приступ боли. На него нахлынули тошнота и чернота. — О Боже, ты был бессердечен. Убирайся!

— Разве «был», а, старина? Я *есть*. Покуда пленки перематываются, покуда моторы и невидимые электронные глаза читают, выбирают и преобразовывают слова, чтобы отправить их к тебе, я буду

молодым и жестоким. Ты умрешь, а я еще долго буду оставаться молодым и жестоким. Пока.

— Подожди! — воскликнул старик.

Щелчок.

Бартон долго сидел, держа в руке умолкшую телефонную трубку и ощущая сильную боль в сердце.

Каким же это было безумием. Каким же вдохновенным глупцом он был в молодости, в первые годы своего уединения, когда настраивал телефонные мозги, электронные схемы, записи, устанавливал реле времени для различных звонков.

Телефон звонит.

— С добрым утром, Бартон. Это Бартон. Семь утра. Проснись и пой!

Снова!

— Бартон? Это Бартон говорит. Тебе нужно к полудню быть в Марс-тауне. Устанавливать телефонные мозги. Считай, что я напомнил тебе.

— Спасибо.

Звонок!

— Бартон? Это Бартон. Не желаешь составить мне компанию за ленчем? В «Рокет-инн»?

— Отлично.

— До встречи. Пока!

Дрррррррррр!

— Б., это вы? Рад приветствовать. Выше голову, и все такое. Завтра за нами прилетит спасательная ракета.

— Да, завтра, завтра, завтра, завтра.

Щелк.

Но годы развеялись дымом. Бартон отключил голоса своих остроумных телефонов и их находчивые реплики. Они должны были пробудиться лишь после того, как ему сравняется восемьдесят, если он будет жив к тому времени. И вот сегодня телефон зазвонил, и прошлое, громко шепча, напоминая, дыхнуло ему в ухо.

Телефон!

Пусть звонит.

Звонок!

«Все равно ведь здесь нет больше ни души», — подумал он.

Трезвон!

Это же все равно что говорить с самим собой, подумал он. Все равно, да не совсем. О Боже, совсем не все равно.

Он почувствовал, что его рука подняла трубку.

— Привет, старый Бартон, это молодой Бартон. Мне сегодня исполнился двадцать один год! За минувший год я поселил говорящие мозги еще в

двух сотнях городов. Я заселил Марс Бартонами!

— Да. — Старик помнил, как шестьдесят лет назад ночами, счастливо посвистывая, разъезжал по голубым холмам и железным долинам в машине, набитой всякой электроникой. Еще один телефон, еще одна станция. Хоть чем-то заняться. Чем-нибудь толковым, чудесным, печальным. Спрятанные голоса. Спрятанные, спрятанные. В те молодые годы, когда и смерть не смерть, и время не время, а старость всего лишь слабое эхо, доносящееся из глубокой пещеры предстоящих лет. Тот юный идиот, тот дурачок-садист вовсе не думал о том, что когда-нибудь его посев даст урожай.

— Прошлой ночью, — сказал Бартон двадцати одного года от роду, — я сидел один в кинотеатре пустого города. Я поставил старый фильм с Лорелом и Харди. Боже, я просто ухохотался.

— Да.

— И тут меня осенило. Я тысячу раз записал свой голос на одну пленку. Если воспроизводить ее в городе, получается звук как от тысячи человек. Приятный шум, шум толпы. Я добился такого эффекта, что в городе хлопали двери, пели дети, играли музыкальные шкатулки, били часы. Если не смотреть в окно, а только слушать — просто

замечательно. Но стоит посмотреть, как иллюзия разрушается. Наверно, я начал ощущать одиночество.

— Это был первый знак, — вставил старик.

— Что?

— Ты впервые признал, что одинок.

— Я экспериментировал с запахами. Я шел по пустым улицам, а из домов пахло беконом, яичницей, ветчиной, котлетами. Все это делали спрятанные машины.

— Безумие.

— Самозащита!

— Я устал. — Старик резким движением положил трубку. Это уже чересчур. Прошлое действовало ему на нервы.

Пошатываясь на ходу, он спустился по винтовой лестнице и вышел на улицу.

В городе было темно. Там больше не горели красные неоновые вывески, не играла музыка, не тянуло кухонными запахами. Он давным-давно отказался от самообмана механизированной ложью. Слышишь?! Неужели шаги? Принюхайся! Это же клубничный пирог! Он отказался от всех этих глупостей.

Он направился к каналу, где звезды отражались в лениво колеблющейся воде.

Под водой, рядами, словно замершие рыбьи косяки, покоилось кибернетическое население Марса, роботы, которых он строил несколько лет, а потом, внезапно осознав глубокую неадекватность своего поведения, приказал им: «Шагом марш! Раз, два, три!» — в глубокий канал, где они и утонули, пуская пузыри, как множество пустых бутылок. Он истребил их без малейшей жалости.

В коттедже с темными окнами слабо зазвонил телефон.

Он пошел дальше. Телефон умолк.

И тут же телефон зазвонил в другом коттедже, словно знал, куда он направляется. Старик побежал. Звон стих позади… чтобы послышаться из соседнего дома, потом из другого, следующего, следующего!.. Старик прибавил шагу. Еще один звонок!

— Ладно, — прохрипел он, изнемогая. — Иду!

— Привет, Бартон.

— Чего ты хочешь?

— Мне одиноко. Я живу лишь тогда, когда говорю. Значит, я должен говорить. Ты не сможешь заставить меня умолкнуть навсегда.

— Отвяжись от меня, — в ужасе сказал старик. — О, мое сердце!

— Это двадцатичетырехлетний Бартон. Про-

шла еще пара лет. Ожидание. Одиночество чуть сильнее. Я читал «Войну и мир», пил шерри и ходил по ресторанам, где сам был и посетителем, и официантом, и поваром. Вчера вечером я был кинозвездой в «Тиволи» — Эмиль Бартон исполняет все роли в «Бесплодных усилиях любви»; часть из них в париках!

— Перестань звонить мне, а не то я убью тебя!

— Как же ты меня убьешь? Сначала найди меня!

— Найду!

— Ты же забыл, где прятал меня. Я везде: в коробках, домах, проводах, вышках, подвалах! Ищи! И как ты это назовешь? Телефоноцид? Самоубийство? Может быть, ты завидуешь? Завидуешь мне, которому только двадцать четыре года, ясноглазому, сильному, молодому. Ладно, старик, пусть будет война! Между нами. Между мною! Целый полк нас, всех возрастов, против тебя, одного настоящего. Валяй, объявляй войну!

— Я убью тебя!

Щелчок. Тишина.

Он выбросил телефон в окно.

Прохладной полуночной порой по глубоким ложбинам катился автомобиль. На полу под ногами Бартона лежали револьверы, ружья, ди-

намит. В его тонких усталых костях отдавался рокот мотора.

«Я найду их, — думал он, — и уничтожу всех до одного. Господи, как же он может так поступать со мною?»

Он остановил машину. Под припозднившейся луной лежал незнакомый город. Воздух был неподвижен.

Он сжимал ружье холодными руками и разглядывал столбы, башни, коробки. Где же прячется голос этого города? В этой вышке? Или вон в той? Столько лет прошло. Он крутил головой, пристально глядя то туда, то сюда, во все стороны.

Поднял ружье.

Вышки повалилась от первого же выстрела.

«Все, — думал он. — Нужно снести все вышки этого города. Какие именно, я не помню. Слишком давно это было».

Автомобиль катился по тихим улицам.

Телефонный звонок.

Он посмотрел на заброшенную аптеку.

Телефон.

Выстрелом из пистолета он прострелил замок и вошел.

Щелк.

— Эй, Бартон? Просто чтобы предупредить…

Не пытайся посшибать все башни и взорвать все на свете. Сам себе глотку перережешь. Пожалуй, все…

Щелк.

Он медленно вышел из телефонной будки и пошел по улице, прислушиваясь к жужжанию телефонных вышек высоко над головой — целых и невредимых. Некоторое время он глядел на них, а потом понял.

Вышки, и впрямь, нельзя уничтожать. Предположим, с Земли прилетит ракета — немыслимо, конечно, но допустим, что она все же прилетит этой ночью, завтра, через неделю? И приземлится на другой стороне планеты, возьмется за телефон, чтобы позвонить Бартону, и обнаружит, что сеть не действует?..

Бартон выронил ружье.

— Ракета не прилетит, — негромко сказал он, убеждая себя, — Я стар. Слишком поздно.

А если прилетит, а ты так и не узнаешь об этом? Нет, телефонные линии придется сохранить.

Телефон снова зазвенел.

Он глухо застонал. Он поплелся обратно в аптеку и поднял трубку.

— Алло! — Незнакомый голос.

— Прошу вас, — сказал старик, — не приста-

вайте ко мне.

— Кто это, кто это? Кто вы такой? Кто это говорит? — удивленно вскричал голос.

— Погодите минутку. — Старика шатнуло. — Я Эмиль Бартон, а вы кто?

— Я капитан Рокуэлл, ракета «Аполлон-48». Только что прибыли с Земли.

— Нет, нет, нет.

— Мистер Бартон, вы слушаете?

— Нет, нет, не может быть.

— Где вы находитесь?

— Вы лжете! — Старику пришлось облокотиться на стенку будки. Он ничего не видел. — Бартон, это опять ты лжешь и издеваешься надо мною!

— Говорит капитан Рокуэлл. Мы только что совершили посадку в Нью-Чикаго. Где вы находитесь?

— В Грин-Вилле, — прохрипел он. — В шестистах милях от вас.

— Послушайте, Бартон, вы можете приехать сюда?

— Что?

— Мы ремонтируем ракету после полета. Не могли бы вы приехать и помочь?

— Да, да.

— Мы на посадочной площадке возле города.

Завтра сможете приехать?

— Да, но…

— Что?

Старик погладил телефон.

— Как там Земля? Как Нью-Йорк? Война закончилась? Кто сейчас президент? Что происходит?

— Когда вы приедете, у нас будет неограниченное время для разговоров.

— Но все хорошо?

— Отлично.

— Слава Богу. — Старик прислушался к далекому голосу. — А вы точно капитан Рокуэлл?

— Черт возьми, сэр!

— Прошу прощения!

Он повесил трубку.

Невероятно, но они прилетели, спустя много лет, — соотечественники, которые отвезут его к земным морям, небесам и горам.

Он включил мотор. Придется ехать всю ночь. Опасно, и тем не менее стоит рискнуть, чтобы поскорее увидеть людей, пожать руки, снова услышать голоса.

Автомобиль, рыча, пробирался по холмам.

Этот голос… капитан Рокуэлл… Это просто не может быть он сам сорокалетней давности. Он никогда не делал подобной записи. Или делал?

Не мог ли он в одном из припадков депрессии или под воздействием пьяного цинизма все же сделать лживую запись о вымышленной посадке на Марс ракеты с придуманным капитаном и несуществующим экипажем? Он яростно мотнул головой. Нет. Он просто дурак, со своими подозрениями. Сейчас не время для сомнений. Нужно мчаться всю ночь наперегонки с марсианскими лунами. Какой же праздник они устроят!

Поднималось солнце. Он ужасно устал, все тело ломило, сердце билось с перебоями, пальцы на руле дрожали, но он радовался, представляя себе последний телефонный разговор: «Эй, *молодой* Бартон, это говорит *старый* Бартон. Я сегодня улетаю на Землю! Я спасен». И он слабо улыбался.

Он миновал перечеркнутые длинными тенями пределы Нью-Чикаго на закате. Вышел из машины, уставился на асфальт ракетной посадочной площадки, потер покрасневшие глаза.

Поле было пусто. Никто не бежал ему навстречу. Никто не жал ему руку, не кричал, не смеялся.

Сердце у него в груди оглушительно рокотало. Глаза заволокло тьмой; он чувствовал себя так, будто рушился с небес наземь. Он устало поплелся к домику конторы.

Внутри аккуратным рядком стояли шесть теле-

фонных аппаратов.

Он ждал, хватая ртом воздух.

И наконец звонок.

Он поднял тяжелую трубку.

— Я все думал, доедешь ты живым или нет.

Старик стоял молча, прижимая трубку к уху.

А голос продолжал:

— Капитан Рокуэлл докладывает о готовности. Какие будут приказания, сэр?

— Ты… — простонал старик.

— Как твое сердечко, старина?

— Нет!

— Тебя надо было каким-то образом убрать, чтобы я мог жить, если, конечно, можно назвать жизнью существование в форме магнитных записей.

— Я ухожу отсюда, — перебил его старик. — И плевать, что будет. Я взорву все подряд и уничтожу тебя!

— У тебя сил не хватит. Зачем, по-твоему, я заставил тебя так далеко и так быстро ехать, а? Это твоя последняя поездка!

Старик почувствовал, как сердце у него в груди затрепыхалось. Ему не добраться до других городов. Война проиграна. Он рухнул в кресло, натужно, со всхлипами дыша ртом. Посмотрел

на пять других телефонных аппаратов. И, как по сигналу, они хором заголосили! Гнездо отвратительных визгливых птиц!

Автоматика включила сразу все динамики.

— Бартон, Бартон, Бартон! — разнеслось по кабинету.

Он стиснул трубку ладонью. Он душил ее, а она продолжала смеяться над ним. Он ударил ее. Он пнул ее ногой. Он сгреб горячие провода пальцами, как серпантин, и принялся рвать их. Обрывки падали под его дрожащие ноги.

Он уничтожил еще три телефона. Внезапно наступила тишина.

И, как будто его телу открылся давний заветный секрет, оно словно обвисло на усталых костях. Сморщенные веки упали, как цветочные лепестки.

Его рот расслабился. Мочки ушей расплылись, как восковые. Он ударил себя ладонями в грудь и упал ничком. Он лежал неподвижно. Он не дышал. Его сердце не билось.

После продолжительной паузы два телефона разразились звоном.

Где-то щелкнуло реле. Телефонные голоса заговорили между собой.

— Алло, это Бартон?

— Да. Бартон?

— Мне двадцать четыре.

— Мне двадцать шесть. Мы оба молоды. Что случилось?

— Не знаю. Послушай.

В комнате тишина. Старик на полу не пошевелился. Ветер ворвался в разбитое окно. Сразу похолодало.

— Поздравь меня, Бартон, с моим *двадцать шестым днем рождения!*

— Поздравляю!

Голоса пели дуэтом поздравительную песенку, звуки которой вылетали сквозь выбитое стекло и гасли где-то в мертвом городе.

1949 г.

Синяя бутылка

От каменных солнечных часов осталось лишь мелкое белое крошево. Птицы покинули поднебесье и навеки смолкли, распластав крылья среди скал и песка. По дну мертвых морей перекатывались волны пыли. Стоило ветру уговорить их снова сыграть древнюю мистерию потопа, как они вздымали сухие валы и серые пыльные потоки заливали все окрест.

Города замерли в немоте уснувшего времени, стихли фонтаны, не плескалась вода в озерах… Только тишина и древняя память.

Марс был мертв.

Потом на границах огромного безмолвия в невообразимой дали родился звук — словно бы еле слышно стрекотало какое-то насекомое. Звук приближался, нависал над красноватыми холмами, противно зудел в пронизанном солнцем воздухе. Дрогнуло древнее шоссе, шевельнулась и пошла перешептываться пыль в давным-давно заброшенных городах.

Звук замер.

В сияющей полуденной тишине Альберт Бек и Леонард Крейг сидели в латаном-перелатаном

стареньком вездеходе и разглядывали мертвый город. Город с трудом выдержал человеческий взгляд и будто сжался, ожидая крика.

— Привет!

Хрустальная башня вздрогнула и осыпалась мягким шелестящим дождем мелких обломков.

— Эй, вы там!

Еще одна… Потом башни начали рассыпаться одна за другой. Голос Бека приказывал им умирать.

Каменные химеры с огромными гранитными крыльями ныряли вниз. Короткий полет заканчивался неизменным тяжким ударом о плиты двориков и края фонтанов. Голос приказывал им, словно цирковым животным, и они с протяжными стонами отрывались от каменных фронтонов, наклонялись, заглядывали в пустоту, вздрагивали, сопротивляясь, и рушились вниз с разинутыми пастями, выпученными каменными глазами, оскаленными клыками. Осколки разлетались вокруг, как шрапнель по черепице.

— Э-ге-гей!

Бек подождал. Катастрофический распад прекратился. Ни одна башня больше не упала.

— Теперь можно идти.

Крейг даже не пошевелился.

— Все за тем же?

Бек кивнул.

— Не понимаю. Ради какой-то проклятой бутылки! Зачем она вам всем так понадобилась?

Бек выбрался из машины.

— Те, кто держал ее в руках, не очень-то охотно делились впечатлениями. Известно только, что это древняя вещь. Такая же древняя, как пустыня, как здешние мертвые моря… Все предания говорят: в ней что-то есть. А человек — существо любопытное и алчное.

— Не обобщай. Ко мне это не относится, — отозвался Крейг. Его губы едва шевелились; глаза оставались полуприкрыты. Он лениво потянулся. — Я здесь просто за компанию. Все-таки лучше смотреть, как ты суетишься, чем сидеть без дела в этом пекле.

Старый вездеход Бек раскопал с месяц назад — еще до того, как Крейг вызвался сопровождать его, — среди мусора, оставшегося со времен Первого промышленного вторжения на Марс. Продолжалось оно недолго, поскольку человечество двинулось дальше, к звездам. Бек привел вездеход в порядок и с тех пор мотался на нем от одного древнего города к другому, через земли бездельников и фермеров, мечтателей и лентяев,

людей, отвергнутых космосом, и тех, кто, подобно ему и Крейгу, не любил напрягаться и в конце концов обнаружил, что Марс — самое подходящее для них место.

— Пять, а может, и десять тысяч лет назад марсиане создали Синюю Бутылку, — сказал Бек. — Взяли и выдули из марсианского стекла. А потом ее теряли и находили, и опять теряли, и снова находили…

Он говорил, не отрывая взгляда от колышущегося жаркого марева над мертвым городом. «Всю мою жизнь, — думал Бек, — я занимался ничем, заполнял себя пустотой. Другие, лучше меня, делали большие дела: летали к Меркурию, или к Венере, или еще дальше — за пределы Солнечной системы. Другие — не я. Все, кроме меня. Но Синяя Бутылка может разом все изменить».

Он повернулся и зашагал прочь от остывающего вездехода.

Крейг легко перемахнул через борт и небрежным шагом последовал за ним.

— И чего ты достиг за десять лет охоты? Ты мечешься во сне, просыпаешься в испарине, носишься по планете высунув язык. Так стремишься заполучить эту проклятую бутылку, даже не зная, что в ней? Ты дурак, Бек.

— Эй, полегче на поворотах, — проворчал Бек, сшибая камешек с дороги.

Бок о бок они вошли в разрушенный город и теперь шагали по мозаичным плитам, складывавшимся в каменный гобелен. Под ногами людей разворачивалась история сгинувших марсиан, мелькали образы диковинных животных, ветер то раздергивал пыльную кисею, то вновь накидывал ее на сцены и лики былого.

— Погоди, — сказал Бек. Он сложил ладони рупором и во всю мочь крикнул: — Эй, там!

«Там-м-м», — отозвалось эхо, и снова посыпались башни. Фонтаны и каменные колонны неторопливо складывались, словно уходили в себя. С этими городами всегда так. Иногда башни, прекрасные, как симфония, могут рухнуть от единого слова. Как будто кантата Баха рассыпается на звуки прямо перед тобой.

Мгновение спустя пыль осела. Только две конструкции остались стоять.

Бек кивнул приятелю, и они двинулись на поиски.

Крейг озирался по сторонам, и на губах его играла легкая улыбка.

— Слушай, вдруг в этой бутылке сидит маленькая женщина, — сказал он, — знаешь, такая,

вроде японского цветка, который раскрывается, когда его опускаешь в воду?

— Мне не нужна женщина.

— Может, и нужна. Наверное, у тебя никогда не было настоящей женщины, которая любила бы тебя по-настоящему, вот ты и надеешься отыскать ее в бутылке. — Крейг пожевал губами. — А может, там что-нибудь из твоего детства? Озеро, дерево, на которое ты любил забираться, краб какой-нибудь… и все это свернуто в такой крошечный узелок… Как, звучит?

Бек смотрел вдаль.

— Иногда и мне так кажется. Что-то из прошлого… Земля. Я не знаю.

Крейг кивнул:

— Вполне возможно, что в бутылке каждый находит что-то свое. А вдруг там найдется глоток хорошего виски?

— Лучше смотри-ка повнимательнее вокруг, — посоветовал Бек.

Перед ними было семь комнат, заполненных блеском и сиянием; от пола до потолка стояли амфоры, кувшины, бутыли, урны, вазы красного, розового, желтого, фиолетового, черного стекла. Бек методично разбил все, чтобы раз и навсегда расчистить себе путь и никогда больше не раз-

гребать эти завалы.

Покончив с одной комнатой, он собрался перейти в следующую, но остановился, не дойдя до порога. Он просто боялся идти. Боялся, что на этот раз найдет, что поиск его завершится, а жизнь снова утратит смысл. Десять лет назад, на пути от Венеры к Юпитеру, он впервые услышал о Синей Бутылке от восторженного коммивояжера и почувствовал, что обретает цель. Лихорадка поиска захватила его и с тех пор не отпускала. Если обращаться с ее внутренним жаром осторожно, то желания отыскать Синюю Бутылку может хватить надолго, до самого краешка жизни. Ну хотя бы еще лет на тридцать — конечно, если не очень усердствовать в поисках и не признаваться самому себе, что дело вовсе не в бутылке, не в том, чтобы найти ее, а в азарте поиска, охотничьей страсти, когда не знаешь к тому же, что за трофей поджидает тебя.

Какой-то посторонний звук заставил Бека подойти к окну и выглянуть во двор. По улице к дому почти бесшумно подкатил маленький песчаный мотоцикл. Белокурый толстяк легко соскочил с мягкого сиденья и теперь озирался по сторонам.

Еще один искатель. Бек вздохнул. Их тут тыся-

чи рыщут повсюду. Но беззащитных городков и деревушек на Марсе тоже не одна тысяча. Сотни лет не хватит, чтобы просеять их все.

— Как дела? — В дверном проеме появился Крейг.

— Да вот, не повезло… — начал было Бек, но замолчал и принюхался. — Откуда этот запах?

— Какой? — Крейг огляделся.

— Пахнет словно… хорошим бурбоном.

— Так это от меня! — засмеялся Крейг.

— От тебя?

— Я только что принял. Нашел в соседней комнате. Разгребал всякий хлам, перерыл кучу бутылок, ну, знаешь, как везде, а в одной из них обнаружился бурбон.

Бек смотрел на приятеля и чувствовал, как его начинает колотить нервная дрожь.

— Откуда, черт возьми, взяться бурбону здесь, в марсианской бутылке? — Ладони у него стали влажными и похолодели. Он медленно двинулся вперед. — Где она?

— Да я уверен…

— Проклятье! Покажи мне ее!

Он стоял в углу комнаты — небольшой сосуд из марсианского стекла, синего как небо; легкий, почти невесомый. Бек осторожно поднял его и

перенес на стол.

— Там еще половина осталась, — сказал Крейг.

— Я ничего не вижу внутри, — возразил Бек.

— Ты потряси.

Бек поднял фиал, осторожно встряхнул.

— Слышишь, плещется?

— Нет.

— А я так отчетливо слышу.

Бек снова поставил бутылку на стол. Через окна падал солнечный свет, и под его лучами на стенках изящного сосуда вспыхивали синие огоньки. Так мог бы сиять драгоценный камень на ладони. Так голубеет океанский залив под полуденным солнцем. Так сверкает капля росы поутру.

— Это она, — произнес Бек тихо. — Я знаю, что это она. Нам нечего больше искать. Мы нашли Синюю Бутылку.

Крейг явно не верил:

— Так ты ничего в ней не видишь?

— Ничего… Если только… — Бек нагнулся и заглянул в синюю стеклянную вселенную. — Если только я не открою ее и не выпущу на свободу, что бы там в ней ни было; тогда, может быть, увижу.

— Я закупорил ее как следует, — немного виноватым тоном сказал Крейг.

— Надеюсь, джентльмены простят меня, — раз-

дался голос сзади.

Белокурый толстяк с винтовкой вошел в комнату. Он не смотрел на лица двоих людей, он смотрел только на голубую стеклянную посудину. И улыбался.

— Терпеть не могу таскать с собой винтовку, — пожаловался он, — но вот приходится. Полагаю, вы не будете возражать, если я возьму эту штуку?

Бек был почти доволен. В происходящем явно чувствовалась определенная красота согласованности; он любил подобные повороты сюжета — сокровище уводят прямо из-под носа, прежде чем им успели хотя бы полюбоваться. Открывались неплохие перспективы погони, борьбы, череды удач и потерь, и все это обещало по крайней мере еще четыре-пять лет новых поисков.

— Ну давайте же, — поторопил незнакомец. — Тащите ее сюда.

Он угрожающе шевельнул стволом винтовки. Бек протянул ему бутылку.

— Ну и ну, — покачал головой толстяк. — Даже не верится, что все так просто. Вошел, послушал чужой разговор — и вот уже Синюю Бутылку вручают тебе прямо в руки! Поразительно!

Он вышел из комнаты на залитую солнцем ули-

цу и зашагал к мотоциклу, все еще качая головой и посмеиваясь.

Полночные города в свете двух холодных марсианских лун казались вырезанными из кости. Подскакивая и дребезжа, вездеход полз по разбитому шоссе мимо поселений с фонтанами, припорошенными вездесущей пылью и пыльцой с крыльев бесчисленных насекомых, мимо ажурных зданий, набитых странной утварью, уставленных звенящими металлом книгами, завешанных причудливыми картинами. Древние города давно утратили свое первоначальное назначение; теперь они стали скопищем бесполезных вещей; время обратило их мостовые в прах, и хмельные ветры, играя, перебрасывали его из долины в долину, словно пересыпали песок в гигантских песочных часах, бесконечно создавая одну пирамиду и разрушая другую. Безмолвие неохотно распахивалось на миг, пропускало вездеход и тут же смыкалось снова.

— Мы никогда не найдем его, — вздохнул Крейг. — Проклятые дороги! Столько времени прошло — немудрено, что от них остались одни ухабы да рытвины. На мотоцикле здесь куда сподручнее: по крайней мере, ямы можно объезжать. Черт!

Они круто свернули, срезая изгиб шоссе. Вездеход, словно гигантский ластик, стирал с дороги вековые напластования пыли и открывал изумруды и золото древних марсианских мозаик.

— Стоп! — сам себе скомандовал Бек и сбросил скорость. — Там что-то есть.

— Где?

Они вернулись назад на сотню ярдов.

— Вот. Смотри. Это же он.

В кювете под собственным мотоциклом лежал давешний толстяк. Глаза у него были широко открыты, и, когда Бек посветил фонариком, они невидяще блеснули.

— Где бутылка? — спросил Крейг.

Бек спустился в кювет и забрал винтовку.

— Не знаю. Исчезла.

— От чего он умер?

— Этого я тоже не знаю.

— Мотоцикл вроде в порядке. Не похоже на аварию.

Бек перевернул тело:

— Ран нет. Такое впечатление, словно он вдруг… выключился сам по себе.

— Наверное, сердечный приступ, — пожал плечами Крейг. — Заполучил бутылку и слишком возбудился. Съехал с дороги передохнуть. Наде-

ялся, что обойдется, а сердце не справилось.

— Как-то не вяжется это с Синей Бутылкой.

— Там кто-то есть, — перебил Крейг. — Господи, сколько же здесь этих искателей…

Они всмотрелись в окружающую тьму. Далеко на синих холмах в звездной черноте смутно угадывалось движение.

— Трое. Пешком идут, — уверенно сказал Бек.

— Они, должно быть…

— Боже, ты посмотри!

С телом происходило нечто невероятное. Фигура толстяка словно плавилась у них на глазах. Лицо исчезало. Волосы засветились, как перекалившаяся вольфрамовая нить, и с шипением рассыпались. Пальцы рук вспыхнули и растаяли в пламени. Потом словно гигантский молот обрушился на стеклянную статую: тело взорвалось розовыми сполохами, превратилось в облачко дыма, и ночной ветер мгновенно развеял его над дорогой.

— Они, наверно, что-то с ним сделали, — хрипло произнес Крейг. — Это какое-то новое оружие.

— Так и раньше бывало с теми, кому удавалось найти бутылку, — сказал Бек. — Они исчезали. А бутылка переходила к другим, и те тоже исчезали. — Он покачал головой. — Надо же! Взял и

словно рассыпался на миллион светлячков…

— Ты поедешь за ними?

Бек вернулся к вездеходу, постоял, вслушиваясь в тишину ночных курганов, хранящих истлевшие кости, и, обращаясь к пустыне, убежденно сказал:

— Работенка та еще, но, думаю, пробьемся. Теперь я просто должен до нее добраться. — Он помолчал и снова заговорил, уже совсем тихо: — По-моему, я знаю, что там, в Синей Бутылке… Наконец-то я понял. В ней то, чего я больше всего хочу. Оно ждет меня.

— Я с тобой не поеду, — заявил Крейг, подходя к машине. Бек сидел за рулем, положив руки на колени. — Не стану я гоняться за теми тремя. Я хочу просто жить, Бек. Эта бутылка для меня ничего не значит. Я не собираюсь рисковать из-за нее собственной шкурой. Но позволь пожелать тебе удачи.

— Благодарю, — сказал Бек и повел машину в дюны.

Ночь, словно холодная вода, струилась за бортом машины. Вездеход трясся по руслу древней реки, с трудом прокладывая путь между нависшими берегами. Двойные ленты лунного света окрашивали барельефы богов и животных, вы-

сеченные на скалах, в золотисто-желтые тона. На фасаде высотой с милю разворачивалась марсианская история, запечатленная в нечеловеческих лицах с широко распахнутыми пустыми глазами и зияющими провалами ртов, похожих на пещеры.

Надсадный рев мотора отгонял прочь ночные видения. Вызолоченные лунами фрагменты древних скульптур выплывали из тьмы и снова исчезали в сонной студеной глубине.

Бек думал о прошлом: обо всех ночах за прошедшие десять лет, когда он разжигал красные костры на дне древних морей и готовил простую походную пищу. И мечтал. В мечтах он всегда стремился и никогда не знал — к чему. Так было с самой ранней юности — со времен тяжелой жизни на Земле, с поры великих потрясений 2130-х, ознаменованных голодом, хаосом, бунтами, метаниями. Потом — скитания в космосе, разные планеты, одинокие годы без любви и ласки… Человек выходит из тьмы на свет, из материнского лона в мир, и как понять, чего он действительно хочет?

К чему мог стремиться тот мертвец в кювете? Может, он всегда хотел чего-то сверх? Чего-то такого, чего у него никогда не было?.. А что вооб-

ще есть у людей? Вот у него? Да почему только у него — у кого угодно? Есть ли вообще что-нибудь такое, чего стоило бы искать?

Синяя Бутылка.

Бек мгновенно затормозил, выскочил из машины и снял винтовку с предохранителя. Пригнувшись, побежал к дюнам. Недалеко на холодном песке лежали трое: земляне с задубевшими от ветра и загара лицами, в потрепанной одежде, с узловатыми большими руками. Звездный свет вспыхивал на боках Синей Бутылки, валявшейся в двух шагах от мертвецов.

На глазах у Бека тела начали таять. Трое людей исчезли, превратились в пар, в бисеринки росы. Еще мгновение — и не осталось ничего. Бек замер и похолодел, когда почти невесомые частички праха коснулись его щек, губ…

Толстяк. Умер и исчез. Голос Крейга: «Какое-то новое оружие…»

Нет. Не оружие.

Синяя Бутылка.

Они открыли ее, стремясь обрести то, чего жаждали больше всего на свете. Все эти несчастные и страждущие на протяжении долгих одиноких лет открывали ее и находили то, чего не могли обрести на всех планетах во Вселенной. И все

получили желаемое, так же как эти трое. Теперь понятно, почему бутылка так быстро переходила из рук в руки, от одного к другому, и люди, находившие ее, исчезали бесследно. Кто они, как не плевелы, отделенные от злаков, выброшенные на берега мертвых морей, вспыхнувшие легким пламенем, разлетевшиеся искорками светлячков, истаявшие облачками тумана?

«Вот оно, то, что я искал так долго», — думал Бек. Он повертел бутылку, и синие огни заиграли в лунном свете.

Так вот чего хотят в глубине души все люди? Вот оно, тайное желание, скрытое так глубоко, что мы и не догадываемся о нем? Подсознательное побуждение? Так вот искупление, о котором догадывается и к которому стремится каждый грешник?

Смерть.

Конец сомнениям, пытке, монотонности жизни, стремлениям, одиночеству, страхам — конец всему.

И что же, это относится ко всем?

Нет, не получается. Крейг, пожалуй, удачливее. Похоже, некоторым все-таки удается жить в мире с собой, как животным. Они же не задают вопросов; они пьют из луж, когда испытывают

жажду, плодятся и растят детенышей и ни на миг не усомнятся, что жизнь — благо. Таков Крейг. И еще горстка ему подобных. Счастливые животные в огромной резервации, в руке Господней. Они остаются безмятежными, живя среди миллиардов невротиков. Наверное, они тоже захотят смерти — потом, когда придет время. Не сейчас. Потом.

Бек открыл бутылку. «Как просто, — подумал он, — и как истинно. Оказывается, именно этого я всегда и хотел, этого и ничего больше. Ничего».

Открытая бутылка в свете звезд казалась голубой. Бек поднес бутылку к губам и полной грудью вдохнул наполнявший ее воздух.

«Наконец-то», — подумал он.

И расслабился. Он чувствовал, как его тело становится удивительно прохладным и теплым одновременно. Он знал, что плавно падает сквозь звезды во тьму, радостную, как вино. Он плавал в белом вине, синем вине, красном вине. Свечи горели у него на груди, величественные огненные колеса медленно вращались где-то глубоко внутри. Вот руки покинули тело. Он с восторгом чувствовал, как уплывают ноги. Он смеялся. Он закрыл глаза и смеялся.

Впервые в жизни он был так счастлив.

Синяя Бутылка упала на холодный песок.

На рассвете Крейг, насвистывая, шел по дюнам. В первых розоватых лучах на чистом белом песке блеснула бутылка синего марсианского стекла. Он поднял ее, и воздух вокруг взорвался едва слышным яростным шепотом. Оранжевые, красные, пурпурные светлячки мелькнули в воздухе и унеслись прочь.

Стало очень тихо.

— Черт меня побери! — Крейг посмотрел на мертвые здания близкого города. — Эй, Бек!

Изящная башня рассыпалась в прах.

— Бек, твое сокровище! Мне оно не нужно. Иди и возьми ее!

«…возьми-ии», — отозвалось эхо, и рухнула еще одна башня.

Крейг ждал.

Вот он, заветный клад. Бутылочка — тут как тут, а Бека не видать и не слыхать.

Он встряхнул синий сосуд. Внутри отчетливо булькнуло.

— Да, сэр! Точь-в-точь как тогда. Ей-богу, не меньше пинты бурбона!

Крейг открыл бутылку, сделал несколько хороших глотков и отер губы, без всякого почтения сунув синюю склянку под мышку.

— Столько суеты из-за пинты виски… Пожалуй, подожду Бека и отдам ему его разлюбезную посудину. Ну а пока, чтобы ждать не скучно было, не хотите ли еще глоточек, мистер Крейг? Вот и прекрасно. На здоровье!

В мертвой тишине далеко разносился единственный звук — мелодичное бульканье, с которым жидкость обычно переливается из одного сосуда в другой. Синяя Бутылка вспыхивала на солнце.

Крейг счастливо засмеялся, с шумом перевел дух и снова припал к бутылке.

1949 г. Опубликовано в 1950 г.

Были они смуглые и золотоглазые

Ракета остывала, обдуваемая ветром с лугов. Щелкнула и распахнулась дверца. Из люка выступили мужчина, женщина и трое детей. Другие пассажиры уже уходили, перешептываясь, по марсианскому лугу, и этот человек остался один со своей семьей.

Волосы его трепетали на ветру, каждая клеточка в теле напряглась, чувство было такое, словно он очутился под колпаком, откуда выкачивают воздух. Жена стояла на шаг впереди, и ему казалось — сейчас она улетит, рассеется как дым. И детей — пушинки одуванчика — вот-вот разнесет ветрами во все концы Марса.

Дети подняли головы и посмотрели на него — так смотрят люди на солнце, чтоб определить, что за пора настала в их жизни. Лицо его застыло.

— Что-нибудь не так? — спросила жена.

— Идем назад, в ракету.

— Ты хочешь вернуться на Землю?

— Да. Слушай!

Дул ветер, будто хотел развеять их в пыль. Кажется, еще миг — и воздух Марса высосет его душу, как высасывают мозг из кости. Он словно

погрузился в какой-то химический состав, в котором растворяется разум и сгорает прошлое.

Они смотрели на невысокие марсианские горы, придавленные тяжестью тысячелетий. Смотрели на древние города, затерянные в лугах, будто хрупкие детские косточки, раскиданные в зыбких озерах трав.

— Выше голову, Гарри! — сказала жена. — Отступать поздно. Мы пролетели шестьдесят с лишком миллионов миль.

Светловолосые дети громко закричали, словно бросая вызов высокому марсианскому небу. Но отклика не было, только быстрый ветер свистел в жесткой траве.

Похолодевшими руками человек подхватил чемоданы.

— Пошли.

Он сказал это так, будто стоял на берегу и надо было войти в море и утонуть.

Они вступили в город.

Его звали Гарри Битеринг, жену — Кора, детей — Дэн, Лора и Дэвид. Они построили себе маленький белый домик, где приятно было утром вкусно позавтракать, но страх не уходил. Непрошеный собеседник, он был третьим, когда муж и жена шептались за полночь в постели и просыпались

на рассвете.

— У меня знаешь какое чувство? — говорил Гарри. — Будто я крупинка соли и меня бросили в горную речку. Мы здесь чужие. Мы — с Земли. А это Марс. Он создан для марсиан. Ради всего святого, Кора, давай купим билеты и вернемся домой!

Но жена только головой качала:

— Рано или поздно Земле не миновать атомной бомбы. А здесь мы уцелеем.

— Уцелеем, но сойдем с ума!

«Тик-так, семь утра, вставать пора!» — пел будильник.

И они вставали.

Какое-то смутное чувство заставляло Битеринга каждое утро осматривать и проверять все вокруг, даже теплую почву и ярко-красные герани в горшках, он словно ждал — вдруг случится неладное?! В шесть утра ракета с Земли доставляла свеженькую, с пылу с жару, газету. За завтраком Гарри просматривал ее. Он старался быть общительным.

— Сейчас все — как было в пору заселения новых земель, — бодро рассуждал он. — Вот увидите, через десять лет на Марсе будет миллион землян. И большие города будут, и все на свете!

А говорили, ничего у нас не выйдет. Говорили, марсиане не простят нам вторжения. Да где ж тут марсиане? Мы не встретили ни души. Пустые города нашли, это да, но там никто не живет. Верно я говорю?

Дом захлестнуло бурным порывом ветра. Когда перестали дребезжать оконные стекла, Битеринг с трудом сглотнул и обвел взглядом детей.

— Не знаю, — сказал Дэвид, — может, кругом и есть марсиане, да мы их не видим. Ночью я их вроде слышу иногда. Ветер слышу. Песок стучит в окно. Я иногда пугаюсь. И потом, в горах еще целы города, там когда-то жили марсиане. И знаешь, папа, в этих городах вроде что-то прячется, кто-то ходит. Может, марсианам не нравится, что мы сюда заявились? Может, они хотят нам отомстить?

— Чепуха! — Битеринг поглядел в окно. — Мы народ порядочный, не свиньи какие-нибудь. — Он посмотрел на детей. — В каждом вымершем городе водятся привидения. То бишь воспоминания. — Теперь он неотрывно смотрел вдаль, на горы. — Глядишь на лестницу и думаешь: а как по ней ходили марсиане, какие они были с виду? Глядишь на марсианские картины и думаешь: а на что был похож художник? И воображаешь

себе этакий маленький призрак, воспоминание. Вполне естественно. Это все фантазия. — Он помолчал. — Надеюсь, ты не забирался в эти развалины и не рыскал там?

Дэвид, младший из детей, потупился:

— Нет, папа.

— Смотри держись от них подальше. Передайка мне варенье.

— А все-таки что-нибудь да случится, — сказал Дэвид. — Вот увидишь!

Это случилось в тот же день. Лора шла по улице неверными шагами, вся в слезах. Как слепая, шатаясь, взбежала на крыльцо.

— Мама, папа… на Земле война! — Она громко всхлипнула. — Только что был радиосигнал. На Нью-Йорк сброшены атомные бомбы! Все межпланетные ракеты взорвались. На Марс никогда больше не прилетят ракеты, никогда!

— Ох, Гарри! — Миссис Битеринг пошатнулась, ухватилась за мужа и дочь.

— Это верно, Лора? — тихо спросил Битеринг.

Девушка заплакала в голос:

— Мы пропадем на Марсе, никогда нам отсюда не выбраться!

И долго никто не говорил ни слова, только шумел предвечерний ветер.

«Одни, — думал Битеринг. — Нас тут всего-то жалкая тысяча. И нет возврата. Нет возврата. Нет». Его бросило в жар от страха, он обливался потом, лоб, ладони, все тело стало влажное. Ему хотелось ударить Лору, закричать: «Неправда, ты лжешь! Ракеты вернутся!» Но он обнял дочь, погладил по голове и сказал:

— Когда-нибудь ракеты все-таки прорвутся к нам.

— Что ж теперь будет, отец?

— Будем делать свое дело. Возделывать поля, растить детей. Ждать. Жизнь должна идти своим чередом, а там война кончится, и опять прилетят ракеты.

На крыльцо поднялись Дэн и Дэвид.

— Мальчики, — начал отец, глядя поверх их голов, — мне надо вам кое-что сказать.

— Мы уже знаем, — сказали сыновья.

Несколько дней после этого Битеринг часами бродил по саду, в одиночку борясь со страхом. Пока ракеты плели свою серебряную паутину меж планетами, он еще мог мириться с Марсом. Он твердил себе: если захочу, завтра же куплю билет и вернусь на Землю.

А теперь серебряные нити порваны, ракеты валяются бесформенной грудой оплавленных

металлических каркасов и перепутанной проволоки. Люди Земли покинуты на чужой планете, среди смуглых песков, на пьянящем ветру; их жарко позолотит марсианское лето и уберут в житницы марсианские зимы. Что станется с ним и с его близкими? Марс только и ждал этого часа. Теперь он их пожрет.

Сжимая трясущимися руками заступ, Битеринг опустился на колени возле клумбы. «Работать, — думал он, — работать и забыть обо всем на свете».

Он поднял глаза и посмотрел на горы. Некогда у этих вершин были гордые марсианские имена. Земляне, упавшие с неба, смотрели на марсианские холмы, реки, моря — у всего этого были имена, но для пришельцев все оставалось безымянным. Некогда марсиане возвели города и дали названия городам; восходили на горные вершины и дали названия вершинам; плавали по морям и дали названия морям. Горы рассыпались, моря пересохли, города обратились в развалины. И все же земляне втайне чувствовали себя виноватыми, когда давали новые названия этим древним холмам и долинам.

Но человек не может жить без символов и ярлычков. И на Марсе назвали все по-новому.

Битерингу стало очень-очень одиноко — до чего же не ко времени и не к месту он здесь, в саду, до чего нелепо в чужую почву, под марсианским солнцем сажать земные цветы!

«Думай о другом. Думай непрестанно. О чем угодно. Лишь бы не помнить о Земле, об атомных войнах, о погибших ракетах».

Он был весь в испарине. Огляделся. Никто не смотрит… Снял галстук. «Ну и нахальство, — подумал он. — Сперва пиджак скинул, теперь галстук». Он аккуратно повесил галстук на ветку персикового деревца — этот саженец он привез из штата Массачусетс.

И опять он задумался об именах и горах. Земляне переменили все имена и названия. Теперь на Марсе есть Хормелские долины, моря Рузвельта, горы Форда, плоскогорья Вандербилта, реки Рокфеллера. Неправильно это. Первопоселенцы в Америке поступили мудрее: они оставили американским равнинам имена, которые дали им в старину индейцы: Висконсин, Миннесота, Айдахо, Огайо, Юта, Милуоки, Уокеган, Оссео. Древние имена, исполненные древнего значения.

Расширенными глазами он смотрел на горы. «Может быть, вы скрываетесь там, марсиане? Может быть, вы — мертвецы? Что ж, мы тут одни, от

всего отрезаны. Сойдите с гор, гоните нас прочь! Мы бессильны!»

Порыв ветра осыпал его дождем персиковых лепестков.

Он протянул загорелую руку и вскрикнул. Коснулся цветов, собрал в горсть. Разглядывал, вертел и так и эдак. Потом закричал:

— Кора!

Она выглянула в окно. Муж бросился к ней:

— Кора, смотри!

Жена повертела цветы в руках.

— Ты видишь? Они какие-то не такие. Они изменились. Персик цветет не так!

— А по-моему, самые обыкновенные цветы, — сказала Кора.

— Нет, не обыкновенные. Они неправильные! Не пойму, в чем дело. Лепестком больше, чем надо, или, может, лист лишний, цвет не тот, пахнут не так, не знаю!

Выбежали из дома дети и в изумлении остановились: отец метался от грядки к грядке, выдергивал редис, лук, морковь.

— Кора, иди посмотри!

Лук, редис, морковь переходили из рук в руки.

— И это, по-твоему, морковь!

— Да… нет. Не знаю… — растерянно отвечала

жена.

— Все овощи стали какие-то другие.

— Да, пожалуй.

— Ты и сама видишь — они изменились! Лук не лук, морковка не морковка. Попробуй: вкус тот же и не тот. Понюхай: и пахнет не так, как прежде. — Битеринга обуял страх, сердце колотилось. Он впился пальцами в рыхлую почву. — Кора, что же это? Что же это делается? Нельзя нам тут оставаться. — Он бегал по саду, ощупывал каждое дерево. — Смотри, розы! Розы… они стали зеленые!

И все стояли и смотрели на зеленые розы. А через два дня Дэн прибежал с криком:

— Идите поглядите на корову! Я доил ее и увидел. Идите скорей!

И вот они стоят в хлеву и смотрят на свою единственную корову.

У нее растет третий рог.

А лужайка перед домом понемногу, незаметно окрашивалась в цвет весенних фиалок. Семена привезены были с Земли, но трава росла нежно-лиловая.

— Нельзя нам тут оставаться, — сказал Битеринг. — Мы начнем есть эту дрянь с огорода и сами превратимся невесть во что. Я этого не допу-

щу. Только одно и остается — сжечь эти овощи!

— Они же не ядовитые.

— Нет, ядовитые. Очень тонкая отрава. Капелька яда, самая капелька. Нельзя это есть. — Он в отчаянии оглядел свое жилище. — Дом — и тот отравлен. Ветер что-то такое с ним сделал. Воздух сжигает его. Туман по ночам разъедает. Доски все перекосились. Человеческие дома такие не бывают.

— Тебе просто мерещится!

Он надел пиджак, повязал галстук.

— Пойду в город. Надо скорей что-то предпринять. Сейчас вернусь.

— Гарри, постой! — крикнула вдогонку жена.

Но его уже и след простыл.

В городе на крыльце бакалейной лавки уютно сидели в тени мужчины, сложив руки на коленях; неторопливо текла беседа.

Будь у Битеринга револьвер, он бы выстрелил в воздух.

«Что вы делаете, дурачье! — думал он. — Рассиживаетесь тут как ни в чем не бывало. Вы же слышали — мы застряли на Марсе, нам отсюда не выбраться. Очнитесь, делайте что-нибудь! Неужели вам не страшно? Неужели не страшно? Как вы станете жить дальше?»

— Здорово, Гарри! — сказали ему.

— Послушайте, — начал Битеринг, — вы слышали вчера новость? Или, может, не слыхали?

Люди закивали, засмеялись:

— Конечно, Гарри! Как не слыхать!

— И что вы собираетесь делать?

— Делать, Гарри? А что ж тут поделаешь?

— Надо строить ракету, вот что!

— Ракету? Вернуться на Землю и опять вариться в этом котле? Брось, Гарри!

— Да неужели же вы не хотите на Землю? Видали, как зацвел персик? А лук, а трава?

— Вроде видали, Гарри. Ну и что? — сказал кто-то.

— И не напугались?

— Да не сказать, чтоб очень напугались.

— Дурачье!

— Ну что ты, Гарри!

Битеринг чуть не заплакал:

— Вы должны мне помочь. Если мы тут останемся, неизвестно, во что мы превратимся. Это все воздух. Вы разве не чувствуете? Что-то такое в воздухе. Может, какой-то марсианский вирус, или семена какие-то, или пыльца. Послушайте меня!

Все не сводили с него глаз.

— Сэм, — сказал он.

— Да, Гарри? — отозвался один из сидевших на крыльце.

— Поможешь мне строить ракету?

— Вот что, Гарри. У меня есть куча всякого металла и кое-какие чертежи. Если хочешь строить ракету в моей мастерской, милости просим. За металл я с тебя возьму пятьсот долларов. Если будешь работать один, пожалуй, лет за тридцать построишь отличную ракету.

Все засмеялись.

— Не смейтесь!

Сэм добродушно смотрел на Битеринга.

— Сэм, — вдруг сказал тот, — у тебя глаза…

— Чем плохие глаза?

— Ведь они у тебя были серые?

— Право, не помню, Гарри.

— У тебя глаза были серые, ведь верно?

— А почему ты спрашиваешь?

— Потому что они у тебя стали какие-то желтые.

— Вот как? — равнодушно сказал Сэм.

— А сам ты стал какой-то высокий и тонкий.

— Может, оно и так.

— Сэм, это нехорошо, что у тебя глаза стали желтые.

— А у тебя, по-твоему, какие?

— У меня? Голубые, конечно.

— Держи, Гарри. — Сэм протянул ему карманное зеркальце. — Погляди-ка на себя.

Битеринг нерешительно взял зеркальце и посмотрелся.

В глубине его голубых глаз притаились чуть заметные золотые искорки.

Минуту было тихо.

— Эх ты, — сказал Сэм. — Разбил мое зеркальце!

Гарри Битеринг расположился в мастерской Сэма и начал строить ракету. Люди стояли в дверях мастерской, негромко переговаривались, посмеивались. Изредка помогали Битерингу поднять что-нибудь тяжелое. А больше стояли просто так и смотрели на него, и в глазах у них разгорались желтые искорки.

— Пора ужинать, Гарри, — напомнили они.

Пришла жена и принесла в корзинке ужин.

— Не стану я это есть, — сказал он. — Теперь я буду есть только то, что хранится у нас в холодильнике. Что мы привезли с Земли. А что тут в саду и в огороде выросло — это не для меня.

Жена стояла и смотрела на него.

— Не сможешь ты построить ракету.

— Когда мне было двадцать, я работал на заводе. С металлом я обращаться умею. Дай только начать, тогда и другие мне помогут, — говорил он, разворачивая чертежи, на жену он не смотрел.

— Гарри, Гарри, — беспомощно повторяла она.

— Мы должны вырваться, Кора. Нельзя нам тут оставаться!

По ночам под луной, в пустынном море трав, где уже двенадцать тысяч лет, точно забытые шахматы, белели марсианские города, дул и дул неотступный ветер. И дом Битеринга в поселке землян сотрясала дрожь неуловимых перемен.

Лежа в постели, Битеринг чувствовал, как внутри шевелится каждая косточка, и плавится, точно золото в тигле, и меняет форму. Рядом лежала жена, смуглая от долгих солнечных дней. Вот она спит, смуглая и золотоглазая, солнце опалило ее чуть не дочерна, и дети спят в своих постелях, точно отлитые из металла, и тоскливый ветер, ветер перемен, воет в саду, в ветвях бывших персиковых деревьев и в лиловой траве, и стряхивает лепестки зеленых роз.

Страх ничем не уймешь. Он берет за горло, сжимает сердце. Холодный пот проступает на лбу, на дрожащих ладонях.

На востоке взошла зеленая звезда.

Незнакомое слово слетело с губ Битеринга.

— Йоррт, — *повторил он.* — Йоррт.

Марсианское слово. Но он ведь не знает языка марсиан!

Среди ночи он поднялся и пошел звонить Симпсону, археологу.

— Послушай, Симпсон, что значит «Йоррт»?

— Да это старинное марсианское название нашей Земли. А что?

— Так, ничего.

Телефонная трубка выскользнула у него из рук.

— Алло, алло, алло! — повторяла трубка. — Алло, Битеринг! Гарри! Ты слушаешь?

А он сидел и неотрывно смотрел на зеленую звезду.

Дни наполнены были звоном и лязгом металла. Битеринг собирал каркас ракеты, ему нехотя, равнодушно помогали три человека. За какой-нибудь час он очень устал, пришлось сесть передохнуть.

— Тут слишком высоко, — засмеялся один из помощников.

— А ты что-нибудь ешь, Гарри? — спросил другой.

— Конечно ем, — сердито буркнул Битеринг.

— Все из холодильника?

— Да!

— А ведь ты худеешь, Гарри.

— Неправда!

— И росту в тебе прибавляется.

— Врешь!

Несколько дней спустя жена отвела его в сторону:

— Наши старые запасы все вышли. В холодильнике ничего не осталось. Придется мне кормить тебя тем, что у нас выросло на Марсе.

Битеринг тяжело опустился на стул.

— Надо ж тебе что-то есть, — сказала жена. — Ты совсем ослаб.

— Да, — сказал он.

Взял сандвич, оглядел со всех сторон и опасливо откусил кусочек.

— Не работай больше сегодня, отдохни, — сказала Кора. — Такая жара. Дети затевают прогулку, хотят искупаться в канале. Пойдем, прошу тебя.

— Я не могу терять время. Все поставлено на карту!

— Хоть часок, — уговаривала Кора. — Поплаваешь, освежишься, это полезно.

Он встал весь в поту:

— Ладно уж. Хватит тебе. Иду.

— Вот и хорошо!

День был тихий, палило солнце. Точно исполинский жгучий глаз уставился на равнину. Они шли вдоль канала, дети в купальных костюмах убежали вперед. Потом сделали привал, закусили сандвичами с мясом. Гарри смотрел на жену, на детей — какие они стали смуглые, совсем коричневые. А глаза — желтые, никогда они не были желтыми! Его вдруг затрясло, но скоро дрожь прошла, будто ее смыли жаркие волны, приятно было лежать так на солнце. Он уже не чувствовал страха — он слишком устал.

— Кора, с каких пор у тебя желтые глаза?

Она посмотрела с недоумением:

— Наверное, всегда были такие.

— А может, они были карие и пожелтели за последние три месяца?

Кора прикусила губу:

— Нет. Почему ты спрашиваешь?

— Так просто.

Посидели, помолчали.

— И у детей тоже глаза желтые, — сказал Битеринг.

— Это бывает: дети растут, и глаза меняют цвет.

— Может быть, и мы тоже — дети. По крайней

мере на Марсе. Вот это мысль! — Он засмеялся. — Поплавать, что ли.

Они прыгнули в воду. Гарри, не шевелясь, погружался все глубже, и вот он лежит на дне канала, точно золотая статуя, омытая зеленой тишиной. Вокруг — безмятежная глубь, мир и покой. И тебя тихонько несет неторопливым, ровным течением.

«Полежать так подольше, — думал он, — и вода обработает меня по-своему, пожрет мясо, обнажит кости, точно кораллы. Только скелет и останется. А потом на костях вода построит свое, появятся наросты, водоросли, ракушки, разные подводные твари — зеленые, красные, желтые. Все меняется. Меняется. Медленные, подспудные, безмолвные перемены. А разве не то же делается и там, наверху?»

Сквозь воду он увидел над головою солнце — тоже незнакомое, марсианское, измененное иным воздухом, и временем, и пространством.

«Там, наверху, — безбрежная река, — думал он, — марсианская река, и все мы в наших домах из речной гальки и затонувших валунов лежим на дне, точно раки-отшельники, и вода смывает нашу прежнюю плоть, и удлиняет кости, и…»

Он дал мягко светящейся воде вынести его на

поверхность.

Дэн сидел на кромке канала и серьезно смотрел на отца.

– *Ута,* — сказал он.

— Что такое? — спросил Битеринг.

Мальчик улыбнулся:

— Ты же знаешь. «Ута» по-марсиански — отец.

— Где это ты выучился?

— Не знаю. Везде. Ута!

— Чего тебе?

Мальчик помялся:

— Я… я хочу зваться по-другому.

— По-другому?

— Да.

Подплыла мать:

— А чем плохое имя Дэн?

Дэн скорчил гримасу, пожал плечами.

— Вчера ты все кричала — Дэн, Дэн, Дэн, а я и не слышал. Думал, это не меня. У меня другое имя, я хочу, чтоб меня звали по-новому.

Битеринг ухватился за боковую стенку канала, он весь похолодел, медленно, гулко билось сердце.

— Как же это по-новому?

— Линл. Правда, хорошее имя? Можно, я буду Линл? Можно? Ну пожалуйста!

Битеринг провел рукой по лбу, мысли путались. Дурацкая ракета, работаешь один, и даже в семье ты один, уж до того один…

— А почему бы и нет? — услышал он голос жены.

Потом услышал свой голос:

— Можно.

— Ага-а! — закричал мальчик. — Я — Линл, Линл!

И, вопя и приплясывая, побежал через луга.

Битеринг посмотрел на жену:

— Зачем мы ему позволили?

— Сама не знаю, — сказала Кора. — Что ж, по-моему, это совсем не плохо.

Они шли дальше среди холмов. Ступали по старым, выложенным мозаикой дорожкам, мимо фонтанов, из которых и теперь еще разлетались водяные брызги. Дорожки все лето напролет покрывал тонкий слой прохладной воды. Весь день можно шлепать по ним босиком, точно вброд по ручью, и ногам не жарко.

Подошли к маленькой, давным-давно заброшенной марсианской вилле. Она стояла на холме, и отсюда открывался вид на долину. Коридоры, выложенные голубым мрамором, фрески во всю стену, бассейн для плавания. В летнюю жару тут

свежесть и прохлада. Марсиане не признавали больших городов.

— Может, переедем сюда на лето? — сказала миссис Битеринг. — Вот было бы славно!

— Идем, — сказал муж. — Пора возвращаться в город. Надо кончать ракету, работы по горло.

Но в этот вечер за работой ему вспомнилась вилла из прохладного голубого мрамора. Проходили часы, и все настойчивей думалось, что, пожалуй, не так уж и нужна эта ракета.

Текли дни, недели, и ракета все меньше занимала его мысли. Прежнего пыла не было и в помине. Его и самого пугало, что он стал так равнодушен к своему детищу. Но как-то все так складывалось — жара, работать тяжело…

За раскрытой настежь дверью мастерской — негромкие голоса:

— Слыхали? Все уезжают.

— Верно. Уезжают.

Битеринг вышел на крыльцо:

— Куда это?

По пыльной дороге движутся несколько машин, нагруженные мебелью и детьми.

— Переселяются на виллы, — говорит человек на крыльце.

— Да, Гарри. И я тоже перееду, — подхватывает

другой. — И Сэм тоже. Верно, Сэм?

— Верно. А ты, Гарри?

— У меня тут работа.

— Работа! Можешь достроить свою ракету осенью, когда станет попрохладнее.

Битеринг перевел дух:

— У меня уже каркас готов.

— Осенью дело пойдет лучше. — Ленивые голоса словно таяли в раскаленном воздухе.

— Мне надо работать, — повторил Битеринг.

— Отложи до осени, — возразили ему, и это звучало так здраво, так разумно.

«Осенью дело пойдет лучше, — подумал он. — Времени будет вдоволь…»

«Нет! — кричало что-то в самой глубине его существа, запрятанное далеко-далеко, запертое наглухо, задыхающееся. — Нет, нет!»

— Осенью, — сказал он вслух.

— Едем, Гарри, — сказали ему.

— Ладно, — согласился он, чувствуя, как тает, плавится в знойном воздухе все тело. — Ладно, до осени. Тогда я опять возьмусь за работу.

— Я присмотрел себе виллу у Тирра-канала, — сказал кто-то.

— У канала Рузвельта, что ли?

— Тирра. Это старое марсианское название.

— Но ведь на карте…

— Забудь про карту. Теперь он называется Тирра. И я отыскал одно местечко в Пилланских горах.

— Это горы Рокфеллера? — переспросил Битеринг.

— Это Пилланские горы, — сказал Сэм.

— Ладно, — сказал Битеринг, окутанный душным, непроницаемым саваном зноя. — Пускай Пилланские.

Назавтра, в тихий, безветренный день, все усердно грузили вещи в машину.

Лора, Дэн и Дэвид таскали узлы и свертки. Нет, узлы и свертки таскали Ттил, Линл и Верр — на другие имена они теперь не отзывались.

Из мебели, что стояла в их белом домике, не взяли с собой ничего.

— В Бостоне наши столы и стулья выглядели очень мило, — сказала мать. — И в этом домике тоже. Но для той виллы они не годятся. Вот вернемся осенью, тогда они опять пойдут в ход.

Битеринг не спорил.

— Я знаю, какая там нужна мебель, — сказал он немного погодя. — Большая, удобная, чтоб можно развалиться.

— А как с твоей энциклопедией? Ты, конечно,

берешь ее с собой?

Битеринг отвел глаза:

— Я заберу ее на той неделе.

— А свои нью-йоркские наряды ты взяла? — спросили они дочь.

Девушка посмотрела с недоумением.

— Зачем? Они мне теперь ни к чему.

Выключили газ и воду, заперли двери и пошли прочь. Отец заглянул в кузов машины.

— Немного же мы берем с собой, — заметил он. — Против того, что мы привезли на Марс, это жалкая горсточка!

И сел за руль.

Долгую минуту он смотрел на белый домик — хотелось кинуться к нему, погладить стену, сказать: прощай! Чувство было такое, словно уезжает он в дальнее странствие и никогда по-настоящему не вернется к тому, что оставляет здесь, никогда уже все это не будет ему так близко и понятно.

Тут с ним поравнялся на грузовике Сэм со своей семьей.

— Эй, Битеринг! Поехали!

И машина покатила по древней дороге вон из города. В том же направлении двигались еще шестьдесят грузовиков. Тяжелое, безмолвное

облако пыли, поднятой ими, окутало покинутый городок. Голубела под солнцем вода в каналах, тихий ветер чуть шевелил листву странных деревьев.

— Прощай, город! — сказал Битеринг.

— Прощай, прощай! — замахали руками жена и дети.

И уж больше ни разу не оглянулись.

За лето до дна высохли каналы. Лето прошло по лугам, точно степной пожар. В опустевшем поселке землян лупилась и осыпалась краска со стен домов. Висящие на задворках автомобильные шины, что еще недавно служили детворе качелями, недвижно застыли в знойном воздухе, словно маятники остановившихся часов.

В мастерской каркас ракеты понемногу покрывался ржавчиной.

В тихий осенний день мистер Битеринг — он теперь был очень смуглый и золотоглазый — стоял на склоне холма над своей виллой и смотрел вниз, в долину.

— Пора возвращаться, — сказала Кора.

— Да, но мы не поедем, — спокойно сказал он. — Чего ради?

— Там остались твои книги, — напомнила она. — Твой парадный костюм. Твои лле, — сказа-

ла она. — Твой *йор юеле рре.*

— Город совсем пустой, — возразил муж. — Никто туда не возвращается. Да и незачем. Совершенно незачем.

Дочь ткала, сыновья наигрывали песенки — один на флейте, другой на свирели, все смеялись, и веселое эхо наполняло мраморную виллу.

Гарри Битеринг смотрел вниз, в долину, на далекое селение землян.

— Какие странные, смешные дома строят жители Земли.

— Иначе они не умеют, — в раздумье отозвалась жена. — До чего уродливый народ. Я рада, что их больше нет.

Они посмотрели друг на друга, испуганные словами, которые только что сказались. Потом стали смеяться.

— Куда же они подевались? — раздумчиво произнес Битеринг.

Он взглянул на жену. Кожа ее золотилась, и она была такая же стройная и гибкая, как их дочь. А Кора смотрела на мужа — он казался почти таким же юным, как их старший сын.

— Не знаю, — сказала она.

— В город мы вернемся, пожалуй, на будущий год, — сказал он невозмутимо. — Или, может,

еще через годик-другой. А пока что... мне жарко. Пойдем купаться?

Они больше не смотрели на долину. Рука об руку они пошли к бассейну, тихо ступая по дорожке, которую омывала прозрачная ключевая вода.

Прошло пять лет, и с неба упала ракета. Еще дымясь, лежала она в долине. Из нее высыпали люди.

— Война на Земле кончена! — кричали они. — Мы прилетели вам на выручку!

Но городок, построенный американцами, молчал, безмолвны были коттеджи, персиковые деревья, амфитеатры. В пустой мастерской ржавел жалкий остов недоделанной ракеты.

Пришельцы обшарили окрестные холмы. Капитан объявил своим штабом давно заброшенный кабачок. Лейтенант явился к нему с докладом:

— Город пуст, сэр, но среди холмов мы обнаружили местных жителей. Марсиан. Кожа у них темная. Глаза желтые. Встретили нас очень приветливо. Мы с ними немного потолковали. Они быстро усваивают английский. Я уверен, сэр, с ними можно установить вполне дружеские отношения.

— Темнокожие, вот как? — задумчиво сказал капитан. — И много их?

— Примерно шестьсот или восемьсот, сэр; они живут на холмах, в мраморных развалинах. Рослые, здоровые. Женщины у них красивые.

— А они сказали вам, лейтенант, что произошло с людьми, которые прилетели с Земли и выстроили этот поселок?

— Они понятия не имеют, что случилось с этим городом и с его населением.

— Странно. Вы не думаете, что марсиане тут всех перебили?

— Похоже, что это необыкновенно миролюбивый народ, сэр. Скорее всего, город опустошила какая-нибудь эпидемия.

— Возможно. Надо думать, это одна из тех загадок, которые нам не разрешить. О таком иной раз пишут в книгах.

Капитан обвел взглядом комнату, запыленные окна и за ними — встающие вдалеке синие горы, струящуюся в ярком свете воду каналов и услышал шелест ветра. И вздрогнул. Потом опомнился и постучал пальцами по карте, которую он давно уже приколол кнопками на пустом столе.

— У нас куча дел, лейтенант! — сказал он и стал перечислять. Солнце опускалось за синие холмы, а капитан бубнил и бубнил: — Надо строить новые поселки. Искать полезные ископаемые,

заложить шахты. Взять образцы для бактериологических исследований. Работы по горло. А все старые отчеты утеряны. Надо заново составить карты, дать названия горам, рекам и прочему. Потребуется некоторая доля воображения. Вон те горы назовем горами Линкольна, что вы на это скажете? Тот канал будет канал Вашингтона, а эти холмы… холмы можно назвать в вашу честь, лейтенант. Дипломатический ход. А вы из любезности можете назвать какой-нибудь город в мою честь. Изящный поворот. И почему бы не дать этой долине имя Эйнштейна, а вон тот… да вы меня слушаете, лейтенант?

Лейтенант с усилием оторвал взгляд от подернутых ласковой дымкой холмов, что синели вдали, за покинутым городом.

— Что? Да-да, конечно, сэр!

1949 г.

Неканонические хроники

Флейтист

Из космоса Марс походил на медную лампу, тускло горящую, почти угасшую. Когда к нему приблизился юпитерианский корабль, он напоминал огромный распустившийся цветок.

Марсианин Керак стоял в недрах корабля, глядя, как милый увядший цветок раскрывает нежные лепестки памяти; поглядывая с опаской в иллюминатор, не зная, какие перемены произошли за двадцать лет на родине. На первый взгляд Марс оставался таким же. Его душу тронули пальцы ностальгии. Глаза защипало от странных слез. Но по мере того как корабль иглой пронизывал разреженную атмосферу, лик планеты показался ему израненным. На марсианских лугах раскинулся город; на его замызганной черно-белыми кляксами поверхности проступали очертания идиотской пучеглазой образины.

— Юпитерианское отребье! — выругался Керак, вглядываясь вниз. — Ну и помойка!

Его худые руки напряглись, сжимая тонкими пальцами серебряную флейту, на которой он сочинял свои симфонии и фольклорные мелодии, — единственное, что связывало его с

прошлым и былой славой композитора и музыканта.

Керак затрепетал, словно его продувал беззвучный ветер горечи, страха и странного потаенного гнева. Очертания города стали вырисовываться все резче. Он явил свою безмозглую застройку — скорее доказательство разложения, чем прогресса. Вне сомнений, что город сварганили неуклюжие пьяные лапы юпитерианцев. Нрав этого бледно-голубого сброда с Юпитера и свинство были равноценными понятиями.

Из центра города вырывались шоссейные дороги, выбрасывая железные щупальца на юг, в три других юпитерианских города, каждый из которых оскорблял глаз не меньше, чем первый.

Керак негодовал, отчасти про себя, отчасти, обращаясь к обрюзгшему синекожему коротышке с Юпитера с черными щелями вместо глаз.

— Что же они натворили! — восклицал он. — Эта равнина зеленела и плодоносила миллион лет, давала жизнь. А они выпотрошили ее в погоне за минералами! Горы на юге были стройными и прекрасными. Так они снесли с них вершины и разорили склоны! Это и есть ваш план колонизации Марса? Неужели такими видами я должен наслаждаться по возвращении

из ссылки?

* * *

Керак умолк. Бессловесный и неприметный по сравнению с долговязым худым музыкантом, синекожий юпитерианец не проронил ни слова.

Лицо изгнанника было изрезано тонкой стенкой морщинок. Сухое коричневатое птицеподобное лицо с орлиным профилем и зорким взглядом. От него веяло неизъяснимой таинственностью и печалью. И вот он смотрел на лики десяти миллионов вымерших марсиан, вопиющих, умоляющих его лишь об одном. Об отмщении. Только и всего.

— Вон там, — сказал Керак, показывая рукой. — Видишь, где река стекает с холмов?

Юпитерианец стиснул толстые губы и промолчал. Ссылка продолжалась.

— Я родился неподалеку от устья этой реки, там, где лиловые горы. Посмотри на нее! За двадцать лет ее загадили дымом, копотью, грязью и превратили в канализационный сток!

— На Земле во времена Клондайка было так же плохо, — выпалил юпитерианец, заговорив в первый раз за все время. — Здесь такая же лихорадка, только побольше размахом. Цель оправдывает

средства!

Небольшой юпитерианский корабль пропахал по грунту и, покачиваясь, остановился. Люки распахнулись. Спустя секунды Керак ступил на марсианскую землю впервые за двадцать лет. Это была та же губчатая почва, пропитанная запахом влажности, по которой некогда бегали его детские ступни, но теперь она была завалена мусором, изрыта, искромсана реактивными струями космических кораблей и запятнана машинным маслом.

Керак остановился, оглядываясь по сторонам. Аудиовышки, понатыканные в разных местах посадочной площадки, изрыгали музыку — кошачий концерт из трескучих юпитерианских песен. Керак ругнулся и ударил ногой.

Пустая бутылка из-под *утаны* загремела, подпрыгивая, по полю.

Они покинули космопорт и пришли в город по узким улочкам-переулкам, от которых несло пахучим юпитерианским кормом. Хохот отдавался эхом в горбатых извилистых улицах. Раздавался звон битого стекла. Время от времени грохотал выстрел, несущий смерть, сливаясь с гулом чужого города. Юпитерианец показал на убогое строение.

— Можешь тут переночевать.

— Спасибо, не надо. — Керак развернулся и зашагал прочь, на окраину, где змеилась речка, стекающая с лиловых гор. — Я пойду туда, где дышится.

Юпитерианец не пошел за ним, а только проворчал:

— Если ты не будешь являться раз в день с докладом, Совет тебя посадит в темницу. Жду тебя завтра, марсианин!

— Если я тебе понадоблюсь, иди вдоль реки… — Голос Керака пропал, как птица, улетающая в сгущающиеся сумерки.

Он быстро шагал, сжав челюсти. В его душе поселилось страдание. Резкое освещение обжигало глаза. Музыка Юпитера скрежетала, без умолку обрушиваясь на город с аудиовышек. И лишь раз до его слуха едва долетело женское хихиканье.

Когда он дошел до тихой речки, солнце уже садилось. Он встал на колени там, где плескалась вода, и начал молиться звездам, чтобы с помощью какого-нибудь замысла положить всему этому конец.

Вода была холодной, как некогда кровь марсианского рода-племени, который пошел на самоубийство, лишь бы не покориться наше-

ствию колонистов, хлынувших с Юпитера. Керак думал о первопроходцах, о своей убитой семье, об осквернённой земле. Он стал молиться еще истовее.

— Кам, даруй мне силу, — просил он. — Кам, даруй мне силу.

* * *

Когда город остался лежать распростертым у него за спиной, он зашагал упругой, пружинистой походкой. Он почувствовал прилив приятного возбуждения. С губ слетела песня. Он поднял серебряную флейту и стал наигрывать свою песнь холмам. Они ее тихонько подхватили.

Взошли звезды. Рядом речка зажурчала песенку, перекатываясь по гальке. Внезапно время перестало быть препятствием. Время повернуло вспять. Двадцать лет унеслись, как мглистая пелена. Снова воцарился мир. Не было завоевания, остались лишь красота и эта ночь.

Он обернулся, чтобы взглянуть на юпитерианский город и его огни — монстр с миллионом глаз, уродующий равнину. Мелодию, слетающую с его уст, заглушила другая музыка — из городских аудиовышек, такая громкая, что восточный ветер подхватил и перенес ее на холмы.

Керак еле сдержался, чтобы не выругаться, и прибавил шагу. Дикая музыка преследовала его по пятам. Неужели от *них* негде укрыться?

Ветер подул в другую сторону. Музыка Юпитера канула в безмолвие. Он вздохнул с облегчением. Так долго продолжаться не может, думал он. Он прибыл на родину умирать. Он уже в летах. Юпитерианские ученые прекратили изучать его физически и психологически и отправили на родную мертвую планету, прекрасно осознавая, что в одиночку он не причинит им вреда. Он — последний представитель Золотого племени.

А как же обитатели марсианских гор, неисчислимые полчища студнеобразных, гортанноголосых существ, населяющих пещеры Марса, даже имени которых нельзя произносить? Неужели их тоже безжалостно изничтожили, как Золотое племя?

Отродья Мрака не пошли на самоубийство. Это все, что было известно Кераку. К тому же потребовалось бы много времени, чтобы выкурить их из миллионов пещер. У него забрезжила слабая искорка надежды.

На тускло освещенном пространстве пустыни лежал безжизненный, обезлюдевший марсианский город Кам. Обветшалые шпили Кама

возвышались в разряженном воздухе. Уходили вдаль симметрично прочерченные аллеи, парки распускались, словно хвосты-плюмажи величественных, навечно умолкших птиц, которым не суждено ни ожить, ни взлететь.

В недалеком прошлом этот город дышал, давая жизнь миллионам марсиан, пеленал, растил, одаривал богатством, счастьем, унаследованным от неисчислимых веков идиллического существования.

Керак погладил флейту, которая скрашивала ему долгие годы изгнания на Юпитере.

У него был отсутствующий взгляд. Большая стая взлетела из мертвого города Кам и затмила собою звезды — вереница парящих белых птиц с пронзительным пением в тысячу глоток, которое повторялось снова и снова, непрерывно, затухая, затихая, замирая, пока частицы блуждающего эха не сыграли мягкие финальные ноты.

Они улетели прочь над юпитерианскими улицами из синтетики, за горизонт, из-за которого через несколько часов взойдет солнце.

Затем слух Керака уловил клокочущее рычание. Оно началось еще тогда, когда большие птицы города Кам взмыли ввысь со скорбным пением, и достигло пика, когда они скрылись в да-

леких землях. Теперь же рык стал не так слышен, но Керак успел догадаться, откуда он взялся.

Полет поющих птиц сопровождался рычанием. Но глухое рычание исходило из земли, из мрачных нор в горах. И он знал, чем оно вызвано. Отродьями Мрака! Они выжили в глубинах пещер. Он возликовал. Марсиане все еще существуют, не беда, что они оплывшие, бесформенные и безмозглые Отродья Мрака. Керак обрел союзников!

* * *

У Керака не было никакого плана, когда он приблизился к пещерам Отродий Мрака. Он медленно бродил меж отвесных стен, поднимавшихся на пятьсот футов в небо, словно гранитные плиты города мавзолеев. Стояла бархатная тишина, если не считать легкий шелест его ступней по камням.

Он остановился, испытывая благоговейный трепет и вместе с тем — приступ страха. Прямо впереди что-то зашуршало. Возникла черная фигура. На Керака уставились зеленоватые глаза. Из темноты послышалось низкое гортанное фырканье.

Фигура мешковато переваливалась, словно громоздкая получеловеческая амеба — черная

масса, почти подражающая человеку. Существо встало на толстые черные ножищи, размахивая мясистыми темными руками с крупными голодными пальцами. Оно разинуло безгубую пасть и зарычало.

Керак отпрянул. Страх сдавил ему грудь, словно тисками. Он нащупал серебряную флейту, но не стал подносить к губам. Что толку от музыки против такого ужаса?

Он попытался заговорить с существом.

— Друг мой, — тихо обратился он к нему. — Мы братья. Нас осквернили люди с другой звезды.

Он умолк, потом повторил:

— Мы братья.

Нечеловеческое существо закачалось. Затопало ногами по камням, ужасающе имитируя ходьбу. Некое подобие руки вывернулось в сторону Керака.

— Ты поможешь мне? — взывал к нему Керак. — Звери Юпитера нападают на тебя. Отбирают твои богатства, осушают болота. Скоро они и сюда доберутся, чтобы вас уничтожить. Пока этого не случилось, помоги мне!

Существо зафыркало и обернулось. Дюжина голосов из пещер прокричала в ответ. Керак отступил на шесть шагов.

— Мы же братья, как же ты не понимаешь? У нас есть долг. Нам предстоит выполнить задачу. Помоги мне сейчас.

Из глубоких пещер вырвался ревущий рокот голосов. Над головой облачком пролетели поющие птицы Кам. Завидев их, Отродья Тьмы извергли вулкан раздирающих уши воплей. Они сотнями повылазили из своих душных дыр, спотыкаясь, вперевалочку, на ощупь.

Керак увидел тысячу пожиравших его зеленых глаз. В его сердце вселились поражение, отчаяние и озлобленность. Они надвигались на него. Он ретировался.

* * *

Он добежал туда, где стены расступались. Здесь он перевел дух. Отродья Тьмы дальше не выползали. Они никогда не пересекали эту границу. Никогда. Только их голоса — холодные, мерзкие, угрожающие — вырывались за эту черту.

И теперь они прекратили короткую погоню и расползлись по своим пещерам. Ночь стала спокойной, как далекие точечки-звезды. В небе злорадствовал Юпитер.

Вдоль мерцающей реки Керак вернулся на усталых ногах в город Юпитера. Его осанка, каждый

его шаг, слово и помыслы выражали глубочайшее отчаяние…

— Эй!

Керак продолжал идти по узкому проулку.

— Эй! Ты! — огромный длиннорукий юпитерианец вышел на нетвердых ногах из ярко-красной иллюминации притона для любителей *утаны*.

— Эй!

Керак не останавливался.

Человек сграбастал Керака, завертел его и запустил катиться кубарем вдоль по улице.

— Я говорю, ты — слушать! — рявкнул он, огромных размеров и обрюзгший. От него несло травкой-*оамой* и уродующим мозги пойлом — *утаной*.

Керак попытался встать на ноги, но тяжелый ботинок незнакомца толкнул его обратно. Лиловая рожа скорчилось в гримасе.

— Ты марсианин?

Керак кивнул, чтобы избежать очередного пинка занесенным ботинком.

— Так я и думал, — нетрезво хохотнул юпитерианец. — Теперь ты будешь меня развлекать. Очень меня обяжешь.

Керак уставился на юпитерианца. Стала собираться толпа. Юпитерианец обернулся к

сборищу.

— Это тот самый марсианин, музыкант, про которого вы слышали.

По толпе пробежал гул. Кто-то сказал:

— Так это и есть марсианин? Клянусь зубами Джобара, до чего же он хлипкий!

Первый юпитерианец приложился к фляге, как следует отхлебнув *утаны*.

— Этот музыкант будет для нас играть. Внутрь его.

Его толкнула рука. Керак споткнулся, негодуя. Удар кулака пришелся ему по губам. Его схватили крепкие пальцы. Горячие потные туши втолкнули его в притон, залитый режущим глаза алым светом ламп и насыщенный дымной мглой от сигарет с *оамой*.

Стены были размалеваны чудовищно желтым цветом, потолок был низкий и кричащий от сотни кошмарных картинок, а помещение в целом почти моментально вызывало у посетителя опьянение.

— Садись тут. — Юпитерианский главарь поднял Керака за шиворот и плюхнул на низкий стул. — Теперь, — сказал он, тыкая пальцем, — играй.

* * *

Керак обнаружил перед собой странный, замысловатый музыкальный юпитерианский инструмент, нечто вроде безумной разновидности древнего органа.

Керак пожал плечами:

— Я не могу. Я не знаю, как на нем играть.

Чудовищных размеров юпитерианец набычился:

— Когда я, Брондар, приказываю кому-нибудь играть…

— Он выдохся, — выкрикнул кто-то. — Дай ему травки курнуть, *утаны* хлебнуть.

— Уа! Уа! — согласились все хором.

Брондар повернулся:

— Угости его грезами, Нар. Я плачу.

Нар быстро достал бутыль *утаны*, предлагая Кераку, но тот от нее отказался.

Нар, аномально низкорослый худосочный юпитерианец, зловеще покосился. Его синее лицо, повторяющее очертания черепа, задвигалось.

— Отказываешься?

— Я не пью.

— Ты не пьешь! Марсианин, когда Нар наливает *утану*, он ожидает, что ее выпьют. — Стакан

уткнулся в губы Кеарку. — Пей, а не то скормлю тебе стакан.

Губы Керака сжались в тонкую линию. Все его тело содрогалось от возмущения.

— Пей, — взревел Брондар.

Нар пришел в ярость. Он размахнулся и выплеснул выпивку в лицо Кераку под одобрительный вой толпы. Нар затопал обратно в свой закут для *утаны*. А марсианин остался отплевываться и вытирать лицо накидкой.

— Теперь будешь играть? — раскомандовался Брондар. — А не то нам придется…

Керак взял себя в руки. Он молча вытащил из недр накидки флейту.

— Я умею играть только на ней, — сказал он.

— Что? — раздался рев. — На флейте?

— Уа! Уа! — заглушили остальные Брондара. — Пускай играет, а мы послушаем.

Брондар грозно нахмурился. Наконец он уселся за низкий стол и гаркнул:

— Играй!

Керак заиграл. Он играл до изнеможения. Они заставляли его играть еще и еще. А один раз Брондар выстрелил из электропистолета под ноги Кераку, заставляя его плясать и в то же время играть.

Ему не удалось отдохнуть до самого рассвета. Курительный притон наконец опустел. Пол был замусорен черенками травки-оамы. Юпитериан-цы завалились в углы и храпели. Нар лежал на стойке своего закута, а осоловелый Брондар бодр-ствовал, изрыгая проклятия в адрес варварски размалеванного потолка.

И как раз в этот момент флотилия Кам-птиц пролетела над горами и юпитерианским городом навстречу восходящему солнцу. Они пели свою песнь, высоко, сладкоголосо и настойчиво. Им в ответ сразу же раздалось негромкое рычание.

Керак испытал первое вдохновение, нащупал первую зацепку. Он прислушивался. Флейта, стуча, скатилась на пол. Нагнувшись, чтобы ее подобрать, он замер, странно посмотрел на нее, лежащую там, и вытаращил глаза. Потом он взглянул на Брондара, который вздрагивал, бормоча хриплым голосом.

— Это что… — Брондар икнул, — …за шум?

— Птицы, — пробормотал Нар. — Кам-птицы.

— Ау. Ау. — покачал Брондар одурманенной башкой. — Нет, не этот шум, а другой.

— Марсотрясение, — сказал Нар, с трудом под-нимаясь. — Движение пластов в горах.

Керак вскочил, сжимая флейту, с замыслами,

прорастающими и расцветающими в его голове. Эти невежественные юпитерианцы даже не *знали*, что в горах обитают Отродья Тьмы.

А Кам-птицы! Они стали частью грандиозного замысла, вспыхнувшего неожиданным озарением в голове у Керака.

Брондар встал, пошатываясь, корча лицо от рвотных позывов.

— Оа. Куда ты идешь, марсианин?

Брондар загородил собой путь к двери.

В отчаянии Керак схватил пустой кувшин из-под *утаны* и обрушил его на череп Брондара.

Брондар больше не загораживал ему путь.

Раскрашенные указатели не так бросались в глаза ночью, когда Керак в первый раз проходил этой дорогой, зато они были установлены через каждые сто ярдов, и черные буквы раскалились под утренним солнцем:

ОПАСНО!

МАРСОТРЯСЕНИЯ!

ПОДВИЖКА ПЛАСТОВ!

Мелкий шрифт гласил: «Любой работник «Юпитерианских Минералов», застигнутый за этой чертой, будет немедленно уволен».

Керак довольно долго простоял там, подвергая свое худощавое тело истязанию солнцем. Горы

были не очень далеко, пеклись в духовке раннего утра. Река сверкала, словно миллион блестящих кинжальных лезвий. Он попытался собрать воедино головоломку из указателей и невежества, царившего в юпитерианском городе.

Отродья Мрака живут себе в горах, целые и невредимые. Юпитерианские работяги называют рокот гор «марсотрясением». Есть лишь одно возможное объяснение. На юге идут грандиозные земляные работы. Из Южных гор Отродья Тьмы уже вычищены. Скоро очистят и Северные хребты, как только юпитерианцы будут готовы начать там работы.

А до этого времени, решили власти, не следует рядовым трудягам знать то, что причинит им дискомфорт. Поэтому существование Отродий Тьмы держат в тайне. Если работники узнают об угрозе, то многие немедленно уволятся. Эти юпитерианцы — суеверный народец.

В любом случае Отродья Тьмы не представляли реальной угрозы. У них не хватало мозгов организоваться и атаковать. Они сами убивались. Даже такой разумный человек, как Керак, не смог бы их организовать. Юпитерианский Совет знал это, иначе Кераку ни за что бы не позволили вернуться.

Керак ускорил шаг на изнуряющей жаре.

На вершине горы было прохладнее. С этого места ему открывался вид на оба города, древний и новый. Вдалеке на юге раздавался грохот экскаваторов в Желтых горах.

Он терпеливо дожидался пролета Кам-птиц над пещерами, вызывающего колебания почвы от марсотрясения.

Когда птицы исчезли, Керак с уверенной улыбкой поднял флейту и сыграл те же самые ноты, что птицы посылали с небес. Десять нот — коротких, жалостливых. За ними следовали шесть длинных сладкоголосых аккордов, а затем более низкие и настойчивые ноты — призыв, не терпящий отлагательств. Снова и снова он играл ночному ветру.

Горы откликнулись на его песнь. Но отзыв был слабым и тусклым, как последняя утренняя звезда.

Отродья Тьмы ответили сотрясением почвы. Но Керак знал, что они не осмелятся вылезти на ненавистный солнцепек.

Они слышали его песнь, и она их возбудила. В какой-то степени это обнадеживало. Он будет упражняться, снова и снова прислушиваться к Кам-птицам, запечатлевать их мелодии в своей

памяти, делая свои интерпретации более выразительными, призывными. А потом, когда настанет ночь…

* * *

В сумерках Керак расположился поближе к подножию гор. Он играл музыку, доверяя ее ветерку, порхавшему среди черных стен и подземелий, в которых засели твари, таращась на него.

Твари внимали музыке, и она подталкивала их. Они медленно выползали, ставя мокрые ступни на камни, неуклюже жестикулировали, издавая циклопические стоны.

Керак бежал, чтобы занять новую позицию. Твари медленно выползали, завороженные принесенной ветром мелодией, по узким лощинам и малым утесам.

— Идите, братья мои! — яростно кричал Керак. — Идите убейте юпитерианцев. — Он играл дьявольскую мелодию, которая взметалась стрелою к звездам, сотрясая их орбиты.

Керак спускался по крутым склонам предгорий; взбудораженные полчища настороженно прислушивались к его музыке. И тут из юпитерианского города налетал разящий шквал ветра, принося другую музыку. Юпитерианскую. Карка-

ющую, сводящую с ума симфонию.

Она пожирала до обидного слабую песнь Керака, кулачищами грохота молотила Тварей Тьмы, заставляя их отступать с воем в пещеры, в горы, в адский мрак.

Керак опешил и стоял, обескураженный чудовищной юпитерианской музыкой, пожиравшей воздух, которым он дышал. Музыка, порожденная аудиовышками города, процветала за счет восточного ветра, отдавалась эхом, требовала внимания. Требовала и получала.

Керак убрал флейту. На его лице проступили письмена поражения. Его последняя надежда, последний замысел разбили вдребезги ветер востока и музыка Юпитера.

Он постоял немного на ветру, который трепал полы его накидки и швырял в глаза песок.

Ветер.

Ветер?

Керак обернулся, воспрянув от нового решения, навеянного ветром. Он побежал, отталкиваясь то от одной скалы, то от другой, борясь с ветром, возвращаясь в город Юпитера. В последний раз.

* * *

Керак спешил по узким улицам, раздумывая над своей задачей. Ее нельзя было решить без решительных действий. Придется вести себя мирно, психологически естественно, чтобы на него не пало подозрение, а потом уже будет слишком поздно.

Массивный двадцатиколесный рудовоз, шипя, притормозил на улице. Мясистый юпитерианец, человек-утес, выпрыгнул из кабины, громогласно горланя:

— Эй, марсианин!

Оказалось, это Брондар, возвращающийся с работы в Южных горах. Но он улыбался.

Его синяя ручища молниеносно схватила Керака за куртку.

— Я обыскался тебя с тех пор, как ты сбежал. Ты мне нужен, и твоя флейта в придачу. Идем.

Он зашагал прочь, волоча за собой Керака по ухабистой улочке.

— Отпусти меня, — гневно требовал Керак. — Я под надзором юпитерианского правительства.

— Под надзором? — Гомерический гогот исказил его синюшную физиономию. — Правительства? Здесь нет правительства. Шагай. — И он

заставил Керака идти перед собой в полутьме.

— Мы с тобой заработаем деньжат, марсианин, — сказал он. — После твоего побега, сегодня утром в притон зашел начальник аудиобазы. Я рассказал ему про твою музыку. Он заинтересовался. Ему нужен такой человек, как ты. И вот я снова тебя нашел, и я потребую, чтобы аудионачальник хорошенько заплатил мне за то, что я отыскал тебя и твою флейту! Сворачивай сюда.

Керака запихнули за угол на площади, в центре которой стояло желтоватое здание со словом «АУДИО», начертанным большими юпитерианскими письменами над крышей.

Они поднялись по лестнице и вошли в дверь. Внутри за столом совещались шестеро юпитерианцев — возле каждого локтя по бутылке *утаны*, сигареты с *оамой* в каждом кобальтовом рту. Они повернули к нему безобразные лица. Он понял по знакам различия на их мундирах, что они — высшее руководство местной власти. Они тоже отвечали за уничтожение Марса.

Человек во главе стола вскочил.

— Брондар, — резко сказал он. — Ты помешал совещанию. Что у тебя?

Брондар подтолкнул вперед Керака, помахал своей лапищей собравшимся и сказал:

— Он не сбежал, Граннд. Он будет играть для тебя музыку, как я и обещал. А ты хорошенько мне заплатишь за то, что я его нашел.

Граннд, невысокий юпитерианец, быстро подошел к Кераку, обшаривая блестящими черными глазками высокую фигуру марсианина в накидке.

— Ты марсианин. — Это было утверждение. — Мне сообщили о тебе с Юпитера, когда ты был сослан. Там ты делал, что тебе хотелось. Здесь же меньше законности и больше предрассудков, и ты будешь делать так, как хочется нам. Говорят, ты хорош. Я, Граннд, буду судить. Играй.

Керак взглянул на Граннда, зная, что он — начальник аудиобазы, здания, из которого транслируются все передачи через аудиовышки на весь город.

Итак, если он, Керак, правильно разыграет свою партию, то юпитерианцы сами же и посодействуют своему уничтожению.

Следующие несколько минут станут решающими. Следующий час ознаменует либо успех, либо провал всех его замыслов. Он был немного напуган, потому что его большой шанс настал слишком быстро.

Керак сел, притворяясь угрюмым. Достал флей-

ту и принялся извлекать из нее мелодии.

* * *

Мелодия звучала так тихо, и печально, и сладкоголосо, что дымок от *оамы* перестал плавать по комнате, а застыл в воздухе.

Юпитерианские чиновники со щелями вместо глаз оцепенели в различных позах, позабыв про *утану* с *оамой*, подавленные магической силой. Это был музыкальный гипноз. Каждая нота проникала в уши, которые болезненно требовали еще и еще. То была грустная песнь Кам-птиц, в самом замедленном и печальном исполнении.

Когда Керак закончил, он сыграл ее снова, потому что тишина, которая последовала за нею, не воспринималась нервной системой. Он сыграл еще раз, немного быстрее. В комнате стало тихо. Даже Брондар находился под впечатлением и молчал.

Закончив играть во второй раз, Керак не услышал никаких аплодисментов. Во Вселенной встречаются чудеса, которым нельзя отдавать дань шумом, а лишь — почтительным молчанием. Это все равно что кричать «Браво!» во время величественной литургии в церкви или хлопать в ладоши при виде грандиозной спиральной

туманности.

Стояла тишина.

Брондар смущенно вздрогнул, словно впервые в жизни познал красоту и огорчился по этому поводу. Наконец, он чертыхнулся и прикурил сигарету с *оамой*.

Пятеро чиновников вышли из транса, сконфуженно переговариваясь, покурили, подняли и осушили бутылки с выпивкой.

Граннд задумчиво потягивал *утану*. Он взглянул на чиновников. Чиновники кивнули. Граннд взглянул на Керака.

— Сыграешь снова, чтобы я сделал аудиозапись.

Керак подавил появившуюся было улыбку. Граннд продолжал вещать:

— Ты хорошо играл. Тебе должно льстить, что я, Граннд, так говорю. — Его речь была такой же короткой, как его рост. Его так и распирало от гордыни. Он ожидал мгновенно услышать «благодарю вас».

Керак нарочно тянул время, погрузившись в свои мысли. Ему не хотелось, чтобы складывалось такое впечатление, будто он горит желанием сотрудничать.

— Я не знаю, — проговорил он медленно. —

Раньше я всегда отказывался от звукозаписи.

Глаза Граннда метнули искры.

— Но теперь ты запишешься. Для меня. Сей же час. Немедленно.

— Почему?

— Почему? — синие щеки Граннда раздулись. — Я, Граннд, буду транслировать твою музыку на Юпитер, передавать ее через аудиовышки по всему Марсу, может быть, на Землю. Ты сочинишь симфонию. Она принесет прибыль. — Его голос звучал твердо. — Иди. Мы сделаем звуковые пробы. Если они будут удачными, мы подпишем контракты.

Граннд направился к двери, ведущей в звукоизолирующую кабину, думая, что Керак следует за ним. Керак не двигался.

Брондару пришлось применить силу.

* * *

Керак стоял перед замысловатыми акустическими приборами. Граннд ругался в лабиринте инструментов в кабине звукозаписи. Юпитерианские чиновники наблюдали за происходящим из застекленной кабины. Брондар находился поблизости, грезя о больших деньгах.

Установили небольшую звуковую бобину.

Граннд поднял взгляд.

— По моему сигналу начинаешь играть. Готов? Тишина!

Пауза. Затем сигнал.

Никогда еще за свою жизнь Керак так не играл. Он исполнял мелодию медленно, а затем при каждом повторе ускорял темп, играл выше и пронзительнее. Он сыграл песню восемь раз, раз за разом все настойчивее. При восьмом исполнении звуки музыки стали настолько высоки, что почти перестали быть слышными. Но песнь звучала неумолимо, ужасающе повелительно.

— Хорошо! — Граннд выключил записывающее устройство. — Ты талантлив. Это принесет много денег.

Керак изумился:

— Что такого интересного ты находишь в моей музыке?

— Интересного? — радиочиновник похлопал себя по груди. — Она что-то со мной делает… вот здесь.

— Но понравится ли она остальным… работягам?

— Ты же видел, как она действует на пьющих *утану* и курящих *оаму*. Если им нравится, то кому угодно понравится.

— Сомневаюсь. Что-то мне не верится.

Все это жутко надоело Граннду.

— Я докажу.

Он схватил бобину. Перенес на другой прибор, настроил и сказал:

— У нас аудиовышки стоят на каждой улице города.

— Да, я видел их несколько раз.

— Чтобы доказать, как ты талантлив, я прямо сейчас транслирую твою музыку на аудиовышки для работяг и всякого прочего люда.

— И не забудь, — вмешался Брондар, — что это я его нашел.

Граннд нажал на кнопку, бобина завертелась.

— Если хочешь, — сказал он, — можешь выйти наружу и послушать свою песню с уличных аудиовышек.

Керак кивнул и направился к двери в сопровождении Брондара. На ночном воздухе он остановился и улыбнулся. Повернулся к Брондару.

— Пойдем в притон, послушаем? — предложил он.

Брондар хохотнул и согласился.

Керак ощутил, как ветер треплет полы его накидки.

— Хорошо. Хорошо, — сказал он, когда они за-

шагали. — Сегодня в востока дует сильный ветер. Восточный ветер.

* * *

Этой ночью из аудиовышек лилась другая музыка. Та же самая, которую Керак еле слышно исполнял на холмах, но теперь уже чудовищно усиленная. Она доносилась из Юпитер-сити. Ветер востока подхватывал ее, переносил через гряду холмов, как саранчу в наказание за прегрешения, и ронял, словно огромный гипнотический занавес, на черные пещеры.

Через пять минут, по зову музыки, по тропам и расщелинам, по горам и холмам заелозили амебоподобные, бесформенные твари, хлынули вниз нескончаемой лавиной, которая пересекла реку, прохлюпала по шоссе.

Не только Отродья Тьмы оказались завороженными. Каждый юпитерианец в городе стоял в оцепенении, прислушиваясь к волшебной красоте музыки.

Марсотрясение катилось по холмам с нарастающим гулом. Музыка кричала все выше и выше, быстрее и быстрее, безумнее и безумнее, посылая удар за ударом в ночной воздух.

Керак стоял возле черного хода в притон. Брон-

дар — сбоку. Марсотрясение прекратилось по мере приближения Отродий Тьмы, которые каким-то шестым чувством почуяли, что шуметь нельзя.

Весь город замер, и только слышалось внезапное шлепанье чужеродных ступней по узким улочкам на окраинах.

* * *

Керак ждал, готовый моментально пуститься наутек.

Нар, хозяин курительного заведения, был поглощен розливом *утаны* по бутылям, зачарованно слушая музыку и рокот холмов.

— Марсотрясение, — прорычал он.

Дверь в притон с грохотом распахнулась. В дверном проеме замаячили черные мешковатые создания, зыркая зелеными глазищами. Последовал миг наэлектризованного неверия. В это самое мгновение Керак тихонько юркнул в заднюю дверь.

Нар поднял глаза с бутылей. Его синий лоб наморщился.

— Эй! — вскрикнул он. — Это еще что?

Опрокинулись три стола. Шесть синих рук потянулись за пистолетами. Двое упали в обморок.

Двадцать бутылей грохнулись об пол, описывая безумные круги и расплескивая *утану* по половицам. Брондар выхватил электропистолет и выстрелил.

Отродья Тьмы ввалились навстречу пулям. Пули не берут черное месиво. От электропистолетов никакого толку. Твари прошлепали напролом, живые-невредимые. Они изголодались и отощали.

И получили что хотели.

Керак бегом свернул в боковой проулок и затаился, переводя дух. Он присел на корточки, тяжело дыша и обливаясь потом от натуги. И на него снизошло великое спокойствие. Треволнения прошли, страхи улетучились. Он был слегка одурманен своей властью. Теперь он направится в другие юпитерианские города на бескрайних голубых равнинах на обратной стороне Марса.

Наконец порыв ветра донес голоса: прохладный воздух раздирали вопли целой армии. Эхо вторило выстрелам. Тысячами. В переулке неподалеку послышался приглушенный топот. Прижатый к стене, Керак понял, что путь к отступлению отрезан. Почему-то ему было не страшно. Он сделал свое дело. Теперь Отродья Тьмы было не остановить. Они покончат со всем и без него.

Спотыкаясь, мимо него с воем бежали юпитерианцы. Они столкнулись с волной, которая перла на них по улице. Они остановились чуть ниже того места, где залег Керак, их обволокла и подмяла под себя и придушила стая Отродьев Тьмы!

Керак откинулся назад, взял флейту и приложил к губам.

Звезды победно сверкали в его глазах.

Он заиграл песнь Кам-птиц.

Жизнь в гигантском городе-осьминоге умирала. Щупальца отсыхали одно за другим. Гигантские желтые глазищи моргали, тускнели, угасали, оставляя после себя черноту. Даже музыку убила черная лавина.

Керак продолжал играть до тех пор, пока не почувствовал, как черные туши напирают на него, толстые голодные пальцы хватаются за флейту, за накидку, за горло…

1940 г.

«Некоторые из моих друзей – марсиане»

Вечером Марло Стивенс объявила о своей помолвке.

— Мы с Иилом женимся на той неделе, — сказала она.

— Что? — воскликнула мама.

— Господи! — сказал папа.

— Ты выходишь за марсианина? — уточнил дедушка.

— Конечно нет, — заявила бабушка.

— Всем пока, — только и сказала Марло и хлопнула дверью.

Через час папа возник в телевизоре. Лицо его было ало, как рассвет на плохой фотографии.

— Марло, немедленно домой!

— Пап, прости, я все решила. Я его люблю.

Волосы у нее походили на первые весенние одуванчики, а губы — на выращенные на гидропонике вишни.

— Ты не можешь влюбиться в марсианина, это неприлично.

— Мне нравится, что у него зеленая кожа. Ни у

кого такой нет.

— Господи. Мне придется полгода лечиться у психиатра. Меня разорвет.

— Тогда тебя похоронят в нескольких гробах, — сказала Марло отцу.

— Бессердечная. И что вы планируете?

— Ну, медовый месяц мы проведем, разумеется, на Марсе, потом немного поездим по метеорному рою и отправимся на Юпитер.

— Что ты в нем только нашла? У него четыре руки!

— Папа, хватит. Мне двадцать один. Я прекрасно понимаю, что мужчина с четырьмя руками в два раза лучше как любовник. Кроме того, у него…

— Замолчи! Не желаю этого слышать! — в ужасе закричал он.

— Я отправлю тебе видеосъемку нашего медового месяца, — пригрозила она, — цветную.

— У меня начинается депрессивная фаза, — простонал папа, закрывая глаза, — у тебя психическое расстройство! Это очевидное извращение! Но я тебя прощу, если ты немедленно вернешься домой.

— А ты знал, что… — поинтересовалась она и выложила ему еще несколько подробностей, от

которых он чуть не взбесился.

— Почему бы тебе не выйти замуж за игуану? — завопил он. — Я найду на тебя управу!

— Ага. — И она оборвала связь.

* * *

— Папочка, — сказала мама, — ты предвзят.

— Милая моя, — отозвался он, попеременно то дрожа, то вскипая, — я многие годы был членом общества за продвижение меньшинств. Я возражал против вивисекции над ирландскими сеттерами и доберман-пинчерами, я читал лекции в институте имени Букера Т. Вашингтона и помогал монгольским ламам, когда они оказались под угрозой. Я мирился с южными демократами и восточными республиканцами. Вот мое профсоюзное удостоверение и квитанция, подтверждающая отправку денег голодным рабочим Нирапута. Но когда моя дочь, мое милое нежное дитя выходит замуж за зеленого человека с четырьмя руками и розовыми глазами, мне остается только завернуться в мокрую простыню, связать себе руки за спиной, заклеить рот, чтобы не орать, и залезть в клетку! Четыре руки! Когда я с ним встретился, у нас час ушел, чтобы поздороваться!

— Пристрели сукиного сына, — предложил дедушка, любовно дыша табаком на старый пистолет, и прищурил мутный глаз, словно бы целясь.

— Нам нужно объединиться, — сказала бабушка, — у меня был роман с мужчиной с Урана. Но он был, конечно, не зеленый. Он был ярко-фиолетовый и очень красивый, особенно на желтом фоне. У него было всего три руки, но мое увлечение прошло, когда я поняла, что девушка, отправившаяся кататься ночью с трехруким мужчиной, совершенно беззащитна. Ну, две руки я остановила, но третьей была предоставлена полная свобода движений. Когда я вернулась домой, с меня можно было хоть отпечатки пальцев снимать! А потом…

— Заткнись, женщина! — прикрикнул дедушка. — У нас тут настоящая проблема.

— Я как-то была влюблена в мужчину с Меркурия, — задумчиво сказала мама, — там очень тепло, и поэтому он все время как будто… дымился. Это было лестно, но потом он объяснил, что это его естественное поведение, никак не связанное со мной. Он был… вишневый. И вообще походил на кусок раскаленной стали, вынутый из горна. Но потом, Генри, я познакомилась с тобой и за-

была про него.

— Короче, — напряженно сказал папа, — если бы нашли ей парня с Земли… здоровяка, похожего на бронтозавра… с огромным… в общем, даже без мозгов.

— Наверное, дело в руках, — подумала вслух бабушка.

— Что?

— Что, если Марло больше всего нравятся руки? Тогда нужно только приделать к земному парню еще две руки и…

— Что ты несешь? — фыркнул дедушка.

— Я серьезно. Сейчас все умеют делать. Если мы найдем человека, которому нужны лишние руки, мы…

Папа щелкнул пальцами:

— А идея недурна. Надо подумать. Пошли.

И они вылетели из дома.

* * *

Если он останется на Земле…

Зеленые руки отвалятся.

— Я уверена, — говорит Марло.

— Ты где, Марло?

— На Венере.

— И с кем?

— С венерианцем. Он очень милый.

— А какого он цвета?

— Ярко-синего, пожалуй. И у него красивые жабры. Фуша, скажи что-нибудь.

В телевизоре раздался булькающий шум.

— Нет! — закричал папа.

Следующие пять лет они раз в неделю навещали его в психушке.

1947 г. Опубликовано в 2009 г.

Акведук

Он нависал над страной, опираясь на огромные каменные арки. Пока что он был пуст, лишь ветер свистел в шлюзах; чтобы довести его из земель севера в земли юга понадобился год.

— Скоро, — сказала мать детям, — уже скоро акведук будет совсем готов. Тогда на севере, за тысячу миль отсюда, откроют ворота, и хлынет свежая вода для нас, для наших посевов, наших цветов, наших ванн и наших столов.

На глазах у детей, складывая камень к камню, строили Акведук. Он возносился к небу на тридцать футов, через каждые сто ярдов на нем красовались большие горгульи, которым предстояло направлять в дворовые бассейны крохотные водопады.

На севере имелась не одна, а две страны. Они уже много лет лязгали саблями и грохотали щитами.

Теперь же, в Год завершения строительства Акведука, северные страны выпустили друг в дружку миллион стрел и подняли миллион щитов, как бесчисленные сияющие солнца. Крики гремели, как океанский прибой у отдаленного

берега.

К концу года строительство Акведука завершилось. Жители Жаркого юга ждали и спрашивали: «Когда же придет вода? Неужели из-за войны на севере у нас продолжится засуха и посевы погибнут?»

Прибежал запыхавшийся курьер.

— Ужасная война, — сказал он. — Просто невероятная бойня. Более миллиона убитых.

— Из-за чего?

— Две северные страны не поладили между собой.

Вот и все, что нам известно. Не поладили.

Народ толпился на всем протяжении каменного Акведука. Посыльные с желтыми вымпелами бегали мимо пустых арыков и кричали: «Несите вазы и чаши, готовьте поля и плуги, открывайте краны ванн, доставайте посуду для воды!».

Тысяча миль Акведука, которые вот-вот заполнятся, и звонкое шлепанье босых ног курьера, бегущего впереди воды. Десятки миллионов людей собрались со всей обожженной зноем местности, открыли арыки и ждали, подставив горшки, урны, кувшины под пасти горгулий, где лишь бесплодно свистел ветер.

— Идет! — пронеслась весть от человека к че-

ловеку по всему тысячемильному пути.

И из далекого далека донеслись плеск, журчание и рокот, те звуки, которые издает жидкость, текущая по каменному туннелю. Сначала медленно, потом быстрее, потом еще быстрее, она стремилась на южную землю, под палящее солнце.

— Пришла! Ну, еще секундочку… Слушайте! — переговаривались люди и размахивали стаканами над головами.

Жидкость лилась из водостоков, из пастей горгулий, на землю, в каменные бассейны, в стаканы, на поля. Поля тучнели к урожаю. Люди купались. Песни разносились над полями и поселениями.

— Мама, мама! — Ребенок покачивал стакан с лениво колышущейся жидкостью. — Это же не вода!

— Тссс! — сказала мать.

— Она красная, — не унимался малыш. — И густая.

— Вот тебе мыло, пойди умойся, только заткнись и не задавай вопросов, — перебила его мать. — Беги в поле, открой арыки и начинай сажать рис!

В полях громко хохотали отец и два его сын.

— Если такое положение продержится, нас

ждет прекрасная жизнь. Набитые силосные ямы и чистое тело.

— Не волнуйся, отец, — отозвались двое сыновей. — Президент посылает на север своих людей, которые позаботятся о том, чтобы раздоры между тамошними странами не прекращались.

— Кто знает… Может, война и на пятьдесят лет растянется!

Они пели и смеялись.

Ночью, в постелях, все они счастливо прислушивались к славным звукам, доносившимся от заполненного, изобильного Акведука, стремившегося через их земли навстречу утру.

1949 г. Опубликовано в 1979 г.

Бетономешалка

Под открытым окном, будто осенняя трава на ветру, зашуршали старушечьи голоса:

— Эттил — трус! Эттил — изменник! Славные сыны Марса готовы завоевать Землю, а Эттил отсиживается дома!

— Болтайте, болтайте, старые ведьмы! — крикнул он.

Голоса стали чуть слышными, словно шепот воды в длинных каналах под небом Марса.

— Эттил опозорил своего сына, каково мальчику знать, что его отец — трус! — шушукались сморщенные старые ведьмы с хитрыми глазами. — О стыд, о бесчестье!

В дальнем углу комнаты плакала жена. Будто холодный нескончаемый дождь стучал по черепичной кровле.

— Ох, Эттил, как ты можешь?

Эттил отложил металлическую книгу в золотом проволочном переплете, которая все утро ему напевала, что он пожелает.

— Я ведь уже пытался объяснить, — сказал он. — Вторжение на Землю — глупейшая затея. Она нас погубит.

За окном — гром и треск, рев меди, грохот барабанов, крики, мерный топот ног, шелест знамен, песни. По камням мостовых, вскинув на плечо огнеструйное оружие, маршировали солдаты. Следом бежали дети. Старухи размахивали грязными флажками.

— Я останусь на Марсе и буду читать книгу, — сказал Эттил.

Громкий стук в дверь. Тилла отворила. В комнату ворвался Эттилов тесть.

— Что я слышу? Мой зять — предатель?!

— Да, отец.

— Ты не вступаешь в марсианскую армию?

— Нет, отец.

— О, чтоб тебя! — Старик побагровел. — Опозоришься навеки. Тебя расстреляют.

— Так стреляйте — и покончим с этим.

— Слыханное ли дело, марсианину — да не вторгнуться на Землю! Где это слыхано?

— Неслыханное дело, согласен. Небывалый случай.

— Неслыханно! — зашипели ведьмы под окном.

— Хоть бы ты его вразумил, отец! — сказала Тилла.

— Как же, вразумишь навозную кучу! — вос-

кликнул отец, гневно сверкая глазами, и подступил к Эттилу. — День на славу, оркестры играют, женщины плачут, детишки радуются, все как нельзя лучше, шагают доблестные воины, а ты сидишь тут… О стыд!

— О стыд! — всхлипнули голоса в кустах поодаль.

— Вон из моего дома! — вспылил Эттил. — Надоела мне эта дурацкая болтовня! Убирайся ты со своими медалями и барабанами!

Он подтолкнул тестя к выходу, жена взвизгнула, но тут дверь распахнулась, на пороге — военный патруль.

— Эттил Врай? — рявкнул голос.

— Да.

— Вы арестованы!

— Прощай, дорогая жена! Иду воевать заодно с этими дураками! — закричал Эттил, когда люди в бронзовых кольчугах поволокли его на улицу.

— Прощай, прощай! — скрываясь вдали, эхом отозвались ведьмы.

Тюремная камера была чистая и опрятная. Без книги Эттилу стало не по себе. Он вцепился обеими руками в решетку и смотрел, как за окном уносятся в ночное небо ракеты. Холодно светили несчетные звезды; каждый раз, как среди них

вспыхивала ракета, они будто кидались врассыпную.

— Дураки! — шептал Эттил. — Ах дураки!

Дверь камеры распахнулась. Вошел человек, вкатил подобие тележки, навалом груженной книгами. Позади выросла фигура Военного наставника.

— Эттил Врай, отвечайте, почему у вас в доме хранились запрещенные земные книги. Все эти «Удивительные истории», «Научные рассказы», «Фантастические повести»? Объясните.

И он стиснул руку Эттила повыше кисти. Эттил вырвал руку.

— Если вы намерены меня расстрелять, стреляйте. Именно из-за этой литературы я и не желаю воевать с Землей. Из-за этих книг ваше вторжение обречено.

— Как так? — Наставник хмуро покосился на пожелтевшие от времени журналы.

— Возьмите книжку, — сказал Эттил. — Любую, на выбор. С тысяча девятьсот двадцать девятого — тридцатого и до тысяча девятьсот пятидесятого года по земному календарю в девяти рассказах из десяти речь шла о том, как марсиане вторглись на Землю…

— Ага!.. — Военный наставник улыбнулся и

кивнул.

— … а потом потерпели крах, — докончил Эттил.

— Да это измена! Держать у себя такие книги!

— Называйте как хотите. Но дайте мне сделать кое-какие выводы. Каждое вторжение неизменно кончалось пшиком по милости какого-нибудь молодого человека по имени Мик, Рик, Джик или Беннон; как правило, он худощавый и стройный, родом ирландец, действует в одиночку и одолевает марсиан.

— И вы смеете в это верить!

— Что земляне и правда на это способны, не верю. Но поймите, Наставник, у них за плечами традиция, поколение за поколением в детстве зачитывалось подобными выдумками. Они просто напичканы книжками о безуспешных нашествиях. У нас, марсиан, таких книг нет и не было, верно?

— Ну-у…

— Не было.

— Пожалуй, что и так.

— Безусловно так, сами знаете. Мы никогда не сочиняли таких фантастических выдумок. И вот теперь мы поднялись, мы идем в бой — и погибнем.

— Странная логика. При чем тут старые журналы?

— Боевой дух. В этом вся соль. Земляне знают, что они не могут не победить. Это знание у них в крови. Они не могут не победить. Они отразят любое вторжение, как бы великолепно его ни организовать. Книжки, которых они начитались в юности, придают им неколебимую веру в себя, где нам с ними равняться! Мы, марсиане, не так уж уверены в себе; мы знаем, что можем потерпеть неудачу. Как мы ни бьем в барабаны, как ни трубим в трубы, а дух наш слаб.

— Это измена! Я не желаю слушать! — закричал Военный наставник. — Через десять минут все эти книжонки сожгут и тебя тоже. Можешь выбирать, Эттил Врай. Либо ты вступишь в Военный легион, либо сгоришь.

— Выбирать из двух смертей? Что ж, лучше сгореть.

— Эй, люди!

Эттила вытолкали во двор. И он увидел, как были преданы огню книги, которые он так любовно собирал. Посреди двора зияла яма в пять футов глубиной, в яму налито горючее. Его подожгли, с ревом взметнулось пламя. Через минуту Эттила втолкнут в яму.

А в конце двора, в тени, одиноким мрачным изваянием застыл его сын, большие желтые глаза полны горечи и страха. Мальчик не протянул руку, не вымолвил ни слова, только смотрел на отца, точно умирающий зверек, бессловесный зверек, что молит о пощаде.

Эттил поглядел на яростное пламя. Грубые руки схватили его, сорвали с него одежду и подтащили к огненной черте, за чертой — смерть. И только тут Эттил проглотил ком, застрявший в горле, и крикнул:

— Стойте!

Лицо Наставника — в рыжих пляшущих отсветах, в дрожащем жарком мареве — придвинулось ближе.

— Чего тебе?

— Я вступаю в Военный легион, — сказал Эттил.

— Хорошо! Отпустите его!

Грубые руки разжались.

Эттил обернулся — сын стоял в дальнем конце двора и ждал. Не улыбался, просто ждал. В небо взметнулась яркая бронзовая ракета — и звезды померкли…

— А теперь пожелаем доблестным воинам счастливого пути, — сказал Наставник.

Загремел оркестр, ветер ласково брызнул слезами дождя на потных, распаренных солдат. Запрыгали ребятишки. Среди пестрой толчеи Эттил увидел жену, она плакала от гордости, рядом, молчаливый и торжественный, стоял сын.

Строевым шагом смеющиеся отважные воины вошли в межпланетный корабль. Легли в сетки, пристегнулись. По всему кораблю в сетках расположились солдаты. Все что-то лениво жевали и ждали. Захлопнулась тяжелая крышка люка. Где-то в клапане засвистел воздух.

— Вперед, к Земле и гибели, — прошептал Эттил.

— Что? — переспросил кто-то.

— Вперед, к славной победе, — скорчив подобающую мину, сказал Эттил.

Ракета рванулась в небо.

«Бездна, — думал Эттил. — Вот мы летим в медном котле через бездны мрака и алые сполохи. Мы летим — наша прославленная ракета запылает в небе над землянами, и сердца их исполнятся страхом. Ну а самому тебе каково сейчас, когда ты далек, так страшно далек от дома, от жены, от сына?»

Он пытался понять, почему его бьет дрожь. Словно все внутренности, все самое сокровенное,

самое важное в твоем существе, без чего нельзя жить, — все накрепко привязал к родному Марсу, а сам прыгнул прочь на миллионы миль. Сердце все еще на Марсе, там оно бьется и пылает. Мозг все еще на Марсе, там он мыслит, трепещет, как брошенный факел. И желудок еще там, на Марсе, сонно переваривает последний обед. И легкие еще там, в прохладном, голубом, хмельном воздухе Марса, — мягкие, подвижные мехи, что жаждут освобождения.

«Вот часть тебя, которой так нужен покой. Ибо теперь ты лишь автомат без винтов и гаек, ты труп, те, у кого над тобою власть, вскрыли тебя и выпотрошили и все, что было в тебе стоящего, бросили на дно пересохших морей, раскидали по сумрачным холмам. И вот ты — опустошенный, угасший, охладелый, у тебя остались только руки, чтоб нести смерть землянам. Руки — вот и все, что от тебя осталось, — подумал он холодно и отрешенно. — Лежишь в сетке, в огромной паутине. Не один, вас много, но другие целы и невредимы, тело и душа у них — одно. А все, что от тебя осталось живого, бродит там, позади, под вечерним ветерком среди пустынных морей. Здесь же, в ракете, только холодный ком глины, в котором уже нет жизни».

— Штурмовые посты, штурмовые посты, к штурму!

— Готов! Готов! Готов!

— Подъем! Встать из сеток! Живо!

Эттил повиновался команде. Где-то отдельно, впереди него, двигались его онемевшие руки.

«Как быстро все это получилось, — думал он. — Только год назад на Марс прилетела ракета с Земли. Наши ученые — ведь они наделены потрясающим телепатическим даром — в точности ее скопировали; наши рабочие на своих потрясающих заводах соорудили сотни таких же ракет. С тех пор больше ни один земной корабль не достиг Марса, и однако мы в совершенстве овладели языком людей Земли, мы знаем их культуру, ход их мыслей. И мы дорого заплатим за столь блистательные успехи...»

— Орудия к бою!

— Есть!

— Прицел! Дистанция в милях?

— Десять тысяч!

— Штурм!

Гудящая тишина. Тишина скрытого в ракете улья. Гудят и жужжат крохотные катушки, бесчисленные приборы, рычаги, вертящиеся колеса. И молча ждут люди. В молчании застыли тела,

только пот проступает под мышками, на лбу, под остановившимися, выцветшими глазами.

— Внимание! Приготовиться!

Изо всех сил держится Эттил — только бы не потерять рассудок! — и ждет, ждет…

Тишина, тишина, тишина. Ожидание.

Ти-и-и-и!

— Что это?

— Радио с Земли!

— Дайте настройку!

— Они пробуют с нами связаться, они нас вызывают. Дайте настройку!

И-и-иии!

— Вот они! Слушайте!

— Вызываем марсианские военные ракеты!

Тишина затаила дыхание, гудение улья смолкло и отступило, и в ракете над застывшими в ожидании солдатами раздался резкий, отрывистый чужой голос:

— Говорит Земля! Говорит Уильям Соммерс, президент Объединения американских промышленников!

Эттил стиснул рукоятку боевого аппарата, весь подался вперед, зажмурился.

— Добро пожаловать на Землю!

— Что? — закричали в ракете. — Что он ска-

зал?

— Да, да, добро пожаловать на Землю.

— Это обман!

Эттил вздрогнул, открыл глаза и ошалело уставился в потолок, откуда исходил невидимый голос.

— Добро пожаловать! Зеленая Земля, планета цивилизации и промышленности, приветствует вас! — радушно вещал голос. — Мы вас ждем с распростертыми объятиями, да обратится грозное нашествие в дружественный союз на вечные времена.

— Обман!

— Тсс, слушайте!

— Много лет назад мы, жители Земли, отказались от войн и уничтожили наши атомные бомбы. И теперь мы не готовы воевать, нам остается лишь приветствовать вас. Наша планета к вашим услугам. Мы просим только о милосердии, наши добрые милостивые завоеватели.

— Этого не может быть! — прошептал кто-то.

— Уж конечно, это обман!

— Итак, добро пожаловать! — закончил представитель Земли мистер Уильям Соммерс. — Опускайтесь, где вам угодно. Земля к вашим услугам, все мы — братья!

Эттил засмеялся. На него оглянулись, уставились в недоумении.

— Он сошел с ума!

А Эттил все смеялся, пока его не стукнули.

Маленький толстенький человечек посреди раскаленного ракетодрома в Гринтауне, штат Калифорния, выхватил белоснежный платок и отер взмокший лоб. Потом со свежесколоченной дощатой трибуны подслеповато прищурился на пятидесятитысячную толпу, которую сдерживала плотная цепь полицейских. Все взгляды были устремлены в небо.

— Вот они!

Толпа ахнула.

— Нет, это просто чайки!

Ропот разочарования.

— Я начинаю думать, что напрасно мы не объявили им войну, — прошептал толстяк мэр. — Тогда можно было бы разойтись по домам.

— Ш-ш! — остановила его жена.

— Вот они! — загудела толпа.

Из солнечных лучей возникли марсианские ракеты.

— Все готовы? — Мэр беспокойно огляделся.

— Да, сэр, — сказала «Мисс Калифорния 1965 года».

— Да, — сказала и «Мисс Америка 1940 года» (она примчалась сюда в последнюю минуту, чтобы заменить «Мисс Америка 1966-го», — та, как на грех, слегла).

— Ясно, готовы, сэр! — подхватил «Мистер Крупнейший Грейпфрут из долины Сан-Фернандо за 1956 год».

— Оркестр готов?

Оркестранты вскинули трубы, точно ружья на изготовку.

— Так точно!

Ракеты приземлились.

— Давайте!

Оркестр грянул марш «Я иду к тебе, Калифорния» и сыграл его десять раз подряд.

С двенадцати до часу дня мэр говорил речь, простирая руки к безмолвным, недоверчивым ракетам.

В час пятнадцать герметические люки ракет открылись.

Оркестр трижды сыграл «О штат золотой!». Эттил и еще полсотни марсиан с оружием наготове спрыгнули наземь.

Мэр выбежал вперед, в руках у него были ключи от Земли.

Оркестр заиграл «Приходит в город Санта-

Клаус», и певческая капелла, нарочно для этого случая доставленная с Лонг-Бич, запела на этот мотив новые слова о том, как «приходят в город марсиане».

Видя, что все вокруг безоружны, марсиане поуспокоились, но огнестрелы не убирали.

С часу тридцати до двух пятнадцати мэр повторял свою речь специально для марсиан.

В два тридцать «Мисс Америка 1940 года» вызвалась перецеловать всех марсиан, если только они станут в ряд.

В два часа тридцать минут и десять секунд оркестр заиграл «Здравствуйте, здравствуйте, как поживаете», чтобы замять неловкость, возникшую по вине «Мисс Америка».

В два тридцать пять «Мистер Крупнейший Грейпфрут» преподнес в дар марсианам двухтонный грузовик с плодами своих садов.

В два тридцать семь мэр роздал всем марсианам бесплатные билеты в театры «Элита» и «Маджестик», при этом он произнес речь, которая длилась до начала четвертого.

Заиграл оркестр, и пятьдесят тысяч человек запели «Все они славные парни».

В четыре часа торжество закончилось.

Эттил уселся в тени ракеты, с ним были двое

его товарищей.

— Так вот она, Земля!

— А я считаю, всю эту дрянь надо перебить, — заявил один марсианин. — Не верю я землянам. Что-то они замышляют. Ну с чего они так уж нам радуются? — Он поднял картонную коробку, в ней что-то шуршало. — Что это они мне сунули? Говорят, образчик. — Он прочел надпись на этикетке: — «БЛЕСК. Новейшая Мыльная Стружка».

Вокруг сновала толпа, земляне и марсиане вперемешку, точно на карнавале. Стоял неумолчный говор, радушные хозяева пробовали на ощупь обшивку ракет, засыпали гостей вопросами.

Эттил словно окоченел. Его пуще прежнего била дрожь.

— Неужели вы не чувствуете? — шепнул он. — Тут таится что-то недоброе, противоестественное. Нам не миновать беды. Все это неспроста. Какое-то ужасное вероломство. Я знаю, они готовят нам худое.

— А я говорю, их надо перебить — всех до единого!

— Как же убивать тех, кто называет себя другом и приятелем? — спросил второй марсианин.

Эттил покачал головой:

— Они не притворяются. И все-таки у меня та-

кое чувство, будто нас бросили в чан с кислотой и мы растворяемся, превращаемся в ничто. Мне страшно. — Он нацелил мозг на толпу, силясь нащупать ее настроение. — Да, они и вправду к нам расположены, у них это называется «на дружеской ноге». Это огромное сборище самых обыкновенных людей, они равно благосклонны что к собакам и кошкам, что к марсианам. И все же… все же…

Оркестр сыграл «Выкатим бочонок». Компания «Пиво Хейгенбека» (город Фресно, штат Калифорния) угощала всех даровым пивом.

Марсиан начало тошнить.

Их неудержимо рвало. Даровое угощение фонтанами извергалось обратно.

Давясь и отплевываясь, Эттил сидел в тени платана.

— Это заговор… гнусный заговор… — стонал он и судорожно хватался за живот.

— Что вы такое съели? — Над ним стоял Военный наставник.

— Что-то непонятное, — простонал Эттил. — У них это называется «кукурузные хлопья».

— А еще?

— Еще какой-то ломоть мяса с булкой, и пил какую-то желтую жидкость из бочки со льдом,

и ел какую-то рыбу и штуку, которую они называют пирожное, — вздохнул Эттил, веки его вздрагивали.

Со всех сторон раздавались стоны завоевателей-марсиан.

— Перебить подлых предателей! — слабым голосом выкрикнул кто-то.

— Спокойнее, — остановил Наставник. — Это просто гостеприимство. Они переусердствовали. Вставайте, воины. Идем в город. Надо разместить повсюду небольшие гарнизоны, так будет вернее. Остальные ракеты приземляются в других городах. Пора браться за дело.

Солдаты кое-как поднялись на ноги и растерянно хлопали глазами.

— Вперед шагом… марш!

Раз, два, три, четыре! Раз, два, три, четыре!

Городок, весь белый, дремал, окутанный мерцающим зноем. Все раскалилось — столбы, бетон, металл, полотняные навесы, крыши, толь — все дышало жаром.

Мерный шаг марсиан гулко отдавался на улицах.

— Осторожней! — вполголоса предупредил Наставник.

Они проходили мимо салона красоты.

Внутри украдкой хихикнули:

— Смотрите!

Из окна выглянула медно-рыжая голова и тотчас скрылась, будто кукла в театре марионеток. Блеснул в замочной скважине голубой глаз.

— Заговор! — шептал Эттил. — Так и знайте, это заговор!

В жарком воздухе тянуло духами из вентиляторов, что бешено кружились в пещерах, где под электрическими колпаками, точно какие-то морские дива, сидели женщины — волосы их закручивались неистовыми вихрями или вздымались, будто горные вершины; глаза то пронизывали, то стекленели, смотрели и тупо и хитро, накрашенные рты алели, как неоновые трубки. Крутились вентиляторы, запах духов истекал в неподвижный знойный воздух, вползал в зеленые кроны деревьев, исподтишка окутывал изумленных марсиан.

Нервы Эттила не выдержали.

— Ради всего святого! — вдруг закричал он. — Скорее по ракетам — и домой! Эти ужасные твари нас погубят! Вы на них только посмотрите! Эти женщины в стылых пещерах, в искусственных скалах — злобные подводные чудища!

— Молчать!

«Только посмотрите на них, — думал Эттил. — Ноги как колонны, и платья над ними шевелятся, будто холодные зеленые жабры».

Он снова закричал.

— Эй, кто-нибудь, заткните ему глотку!

— Они накинутся на нас, забросают коробками шоколада и модными журналами, их жирно намазанные, ярко-красные рты оглушат нас визгом! Они затопят нас потоками пошлости, все наши чувства притупятся и заглохнут. Смотрите, их терзают непонятные электрические машины, а они что-то жужжат, и напевают, и бормочут! Неужели вы осмелитесь войти к ним в пещеры?

— А почему бы и нет? — раздались голоса.

— Да они изжарят вас, потравят, как кислотой, вы сами себя не узнаете! Вас раздавят, сотрут в порошок, каждый обратится в мужа — и только, в существо, которое работает и приносит домой деньги, чтоб они могли тут сидеть и пожирать свой мерзкий шоколад. Неужели вы надеетесь их обуздать?

— Конечно, черт побери!

Издалека долетел голос — высокий, пронзительный женский голос:

— Поглядите на того, посередке, — правда, красавчик?

— А марсиане, в общем-то, ничего. Право слово, мужчины как мужчины, — томно протянул другой голос.

— Эй вы! Ау! Марсиане! Э-эй!

Эттил с воплем кинулся бежать…

Он сидел в парке, его трясло. Он перебирал в памяти все, что видел. Поднимал глаза к темному ночному небу — как далеко он от дома, как одинок и заброшен! Даже и сейчас, сидя в тишине под деревьями, он издали видел: марсианские воины ходят по улицам с земными женщинами, скрываются в маленьких храмах развлечений — там, в призрачном полумраке, они следят за белыми видениями, скользящими по серым экранам, и прислушиваются к странным и страшным звукам, а рядом сидят маленькие женщины в кудряшках и жуют вязкие комки резины, а под ногами валяются еще комки, уже окаменевшие, и на них навеки остались отпечатки острых женских зубов. Пещера ветров — кинематограф.

— Привет!

Он в ужасе вскинул голову.

Рядом на скамью опустилась женщина, она лениво жевала резинку.

— Не убегай, — сказала она. — Я не кусаюсь.

— Ох! — вырвалось у Эттила.

— Сходим в кино? — предложила женщина.

— Нет.

— Да ну, пойдем, — сказала она. — Все пошли.

— Нет, — повторил Эттил. — Разве вам тут, на Земле, больше нечего делать?

— А чего тебе еще? — Она подозрительно его оглядела, голубые глаза округлились. — Что же мне, по-твоему, сидеть дома носом в книжку? Ха-ха! Выдумает тоже!

Эттил изумленно смотрел на нее, спросил не сразу:

— А все-таки чем вы еще занимаетесь?

— Катаемся в автомобилях. У тебя автомобиль есть? Непременно заведи себе новый большой «Подлер-шесть» с откидным верхом. Шикарная машина! Уж будь уверен, у кого есть «Подлер-шесть», тот любую девчонку подцепит! — И она подмигнула Эттилу. — У тебя-то денег куча, раз ты с Марса, это уж точно. Была бы охота, можешь завести себе «Подлер-шесть» — и кати куда вздумается, это уж точно.

— Куда, в кино?

— А чем плохо?

— Нет, нет, ничего…

— Да вы что, мистер? Рассуждаете прямо как коммунист! — сказала женщина. — Нет, сэр, та-

кие разговорчики никто терпеть не станет, черт возьми! Наше общество очень даже мило устроено. Мы люди покладистые, позволили марсианам нас завоевать, даже пальцем не шевельнули, верно?

— Вот этого я никак не пойму. Почему вы нас так приняли?

— По доброте душевной, мистер, вот почему! Так и запомни: по доброте душевной!

И она пошла искать себе другого кавалера.

Эттил собрался с духом — надо написать жене; разложил бумагу на коленях и старательно вывел: «Дорогая Тилла!» Но тут его снова прервали. Чуть не под носом застучали в бубен, пришлось поднять голову — перед ним стояла тщедушная старушонка с детски круглым, но увядшим и сморщенным личиком.

— Брат мой! — закричала она, глядя на Эттила горящими глазами. — Обрел ли ты спасение?

Эттил вскочил, уронил перо.

— Что? Опасность?

— Ужасная опасность! — завопила старуха, затрясла бубном и возвела очи горе. — Ты нуждаешься в спасении, брат мой, ты на краю гибели!

— Кажется, вы правы, — дрожа, согласился Эттил.

— Мы уже многих нынче спасли. Я сама принесла спасение троим марсианам. Мило, не правда ли? — Она широко улыбнулась.

— Пожалуй, что так.

Она впилась в Эттила пронзительным взглядом. Наклонилась к нему и таинственно зашептала:

— Брат мой, был ли ты окрещен?

— Не знаю, — ответил он тоже шепотом.

— Не знаешь?! — крикнула она и высоко вскинула бубен.

— Это вроде расстрела, да? — спросил Эттил.

— Брат мой, ты погряз во зле и грехе, — сказала старушонка. — Не тебя осуждаю, ты вырос во мраке невежества. Я уж вижу, ваши марсианские школы ужасны, вас совсем не учат истине. Вас развращают ложью. Брат, если хочешь быть счастливым, дай совершить над тобой обряд крещения.

— И тогда я буду счастлив даже здесь, в этом мире? — спросил Эттил.

— Не требуй сразу многого, — возразила она. — Здесь довольствуйся малым, ибо есть другой, лучший мир и там всех нас ждет награда.

— Тот мир я знаю, — сказал Эттил.

— Там покой, — продолжала она.

— Да.

— И тишина.

— Да.

— Там реки текут молоком и медом.

— Да, пожалуй, — согласился Эттил.

— И все смеются и ликуют.

— Я это как сейчас вижу, — сказал Эттил.

— Тот мир лучше нашего.

— Куда лучше, — подтвердил он. — Да, Марс — великая планета.

Старушонка так и вскинулась, чуть не ударила его бубном по лицу.

— Вы что, мистер, насмехаетесь надо мной?

— Да нет же! — Эттил смутился и растерялся. — Я думал, вы это про…

— Уж конечно не про ваш мерзкий Марс! Вот таким, как вы, и суждено вечно кипеть в котле, вы покроетесь язвами, вам уготованы адские муки…

— Да, признаться, Земля — место малоприятное. Вы очень верно ее описываете.

— Опять вы надо мной насмехаетесь, мистер! — разъярилась старушонка.

— Нет, нет, прошу прощения. Это я по невежеству.

— Ладно, — сказала она. — Ты язычник, а язычники все невоспитанные. На, держи бумажку.

Приходи завтра вечером по этому адресу — и будешь окрещен и обретешь счастье. Мы громко распеваем, без устали шагаем, и, если хочешь слышать всю нашу медь, все трубы, и флейты, и кларнеты, ты к нам придешь. Придешь?

— Постараюсь, — неуверенно сказал Эттил.

И она зашагала прочь, колотя на ходу в бубен и распевая во все горло: «Счастье мое вечно со мной!»

Ошеломленный Эттил снова взялся за письмо.

«Дорогая Тилла! Подумай только, по своей naiveté [13] я воображал, будто земляне встретят нас бомбами и пушками. Ничего подобного! Я жестоко ошибался. Тут нет никакого Рика, Мика, Джика, Беннона, никаких таких молодцов, которые в одиночку спасают всю планету. Вовсе нет.

Тут только и есть что белобрысые розовые роботы с телами из резины; они вполне реальные и все-таки чуточку неправдоподобны, живые — и все-таки говорят и действуют как автоматы и весь свой век проводят в пещерах. У них немыслимые, необъятные derrir`es [14]. Глаза неподвижные, застывшие, ведь они только и делают, что смот-

---

[13] Примечания: 13
Простоте душевной *(фр.).*

[14] Примечания: 14
Зады *(фр.).*

рят кино. И никакой мускулатуры, развиты лишь мышцы челюстей, ведь они непрестанно жуют резинку.

Таковы не отдельные люди, дорогая моя Тилла, такова вся земная цивилизация, и мы брошены в нее, как горсть семян в громадную бетономешалку. От нас ничего не останется. Нас сокрушит не их оружие, но их радушие. Нас погубит не ракета, но автомобиль...»

Отчаянный вопль. Треск, грохот. И тишина.

Эттил вскочил. За оградой парка на улице столкнулись две машины. В одной было полно марсиан, в другой — землян. Эттил вернулся к письму.

«Милая, милая Тилла, вот тебе кое-какие цифры, если позволишь. Здесь, на Американском континенте, каждый год погибают сорок пять тысяч человек — превращаются в кровавый студень в своих жестянках-автомобилях. Красный студень, а в нем белые кости, точно нечаянные мысли — смешные и страшные мысли — замирают, застывают в желе. Автомобили сплющиваются в этакие аккуратненькие консервные банки, а внутри все перемешалось и все тихо.

Везде на дорогах кровавое месиво, и на нем

жужжат огромные навозные мухи. Внезапный толчок, остановка — и лица обращаются в карнавальные маски. Есть тут у них такой праздник — карнавал в День Всех Святых. Видимо, в этот день они поклоняются автомобилю или, во всяком случае, тому, что несет смерть.

Выглянешь из окна, а там лежат двое, соединились в тесном объятии, еще минуту назад они не знали друг друга, а теперь оба мертвы. Я предчувствую, наша армия будет перемолота, отравлена, всякие колдуньи и жевательная резинка заманят воинов в капканы кинотеатров и погубят. Завтра же, пока не поздно, попытаюсь сбежать домой, на Марс.

Тилла моя, где-то на Земле есть некий Человек, и у него рычаг, довольно ему нажать на рычаг — и он спасет эту планету. Но человек этот сейчас не у дел. Заветный рычаг покрывается пылью. А сам он играет в карты. Женщины этой зловещей планеты утопили нас в потоках пошлой чувствительности и неуместного кокетства, они предаются отчаянному веселью, потому что скоро здешние парфюмеры переварят их в котле на мыло. Спокойной ночи, Тилла моя. Пожелай мне удачи, быть может, я погибну при попытке к бегству. Поцелуй за меня сына».

Эттил Врай сложил письмо, немые слезы кипели в груди. Не забыть бы отправить письмо с почтовой ракетой. Он вышел из парка. Что остается делать? Бежать? Но как? Вернуться попозже вечером на стоянку, забраться одному в ракету и улететь? Возможно ли это? Он покачал головой. Ничего не поймешь, совсем запутался.

Ясно одно: если остаться на Земле, тобой живо завладеют бесчисленные вещи, которые жужжат, фыркают, шипят, обдают дымом и зловонием. Пройдет полгода — и у тебя заведется огромная, хорошо прирученная язва, кровяное давление астрономических масштабов, и совсем ослепнешь, и каждую ночь будут душить долгие, мучительные кошмары, и никак из них не вырвешься. Нет, ни за что!

Мимо с бешеной скоростью несутся в своих механических гробах земляне — лица застывшие, взгляд дикий. Не сегодня завтра они наверняка изобретут автомобиль, у которого будет шесть серебряных ручек!

— Эй, вы!

Взвыла сирена. У обочины остановилась огромная, точно катафалк, зловещая черная машина. Из нее высунулся человек.

— Марсианин?

— Да.

— Вас-то мне и надо. Влезайте, да поживей! Вам крупно повезло. Влезайте! Свезу вас в отличное местечко, там и потолкуем. Ну же, не стойте столбом!

Ошеломленный Эттил покорно открыл дверцу и сел в машину.

Покатили.

— Что будете пить, Э Вэ? Коктейль? Официант, два «Манхэттена»! Спокойно, Э Вэ. Я угощаю. Я и наша студия. Нечего вам хвататься за кошелек. Рад познакомиться, Э Вэ. Меня зовут Эр Эр Ван Пленк. Может, слыхали про такого? Нет? Ну все равно, руку, приятель.

Он зачем-то помял Эттилу руку и сразу ее выпустил. Они сидели в темной пещере, играла музыка, плавно скользили официанты. Им принесли два бокала. Все произошло так внезапно. И вот Ван Пленк, скрестив руки на груди, разглядывает свою марсианскую находку.

— Итак, Э Вэ, вы мне нужны. У меня есть идея — благороднейшая, лучше не придумаешь! Даже не знаю, как это меня осенило. Сижу сегодня дома, и вдруг — бац! — вот это, думаю, будет фильм! ВТОРЖЕНИЕ МАРСИАН НА ЗЕМЛЮ. А что для этого нужно? Нужен консультант. Ну, сел я в

машину, отыскал вас — и вся недолга. Выпьем! За ваше здоровье и за наш успех. Хоп!

— Но… — возразил было Эттил.

— Знаю, знаю, ясно, не задаром. Чего-чего, а денег у нас прорва. И еще у меня при себе книжечка, а в ней золотые листочки, могу ссудить.

— Мне не очень нравятся ваши земные растения и…

— Э, да вы шутник. Так вот, слушайте, как мне мыслится сценарий. — В азарте он наклонился к Эттилу. — Сперва шикарные кадры: на Марсе разгораются страсти, огромное сборище, марсиане кричат, бьют в барабаны. В глубине — громадные серебряные города…

— Но у нас на Марсе города совсем не такие…

— Тут нужно красочное зрелище, сынок. Красочное. Папаше Эр Эру лучше знать. Словом, все марсиане пляшут вокруг костра.

— Мы не пляшем вокруг костров…

— В этом фильме придется вам разжечь костры и плясать, — объявил Ван Пленк и даже зажмурился, гордый своей непогрешимостью. Покивал головой и мечтательно продолжал: — Затем понадобится марсианка, высокая златокудрая красавица.

— На Марсе женщины смуглые, с темными

волосами и…

— Послушай, Э Вэ, я не понимаю, как мы с тобой поладим. Кстати, сынок, надо бы тебе сменить имя. Как бишь тебя зовут?

— Эттил.

— Какое-то бабье имя. Подберем получше. Ты у меня будешь Джо. Так вот, Джо. Я уже сказал, придется нашим марсианкам стать беленькими, понятно? Потому что потому. А то папочка расстроится. Ну, что скажешь?

— Я думал…

— И еще нам нужна такая сцена, чтоб зрители рыдали, — в марсианский корабль угодил метеорит или еще что, — словом, катастрофа, но тут прекрасная марсианка спасает всю ораву от верной смерти. Сногсшибательная выйдет сценка. Знаешь, Джо, это очень удачно, что я тебя нашел. Для тебя это дельце выгодное, можешь мне поверить.

Эттил перегнулся к нему через столик и крепко сжал его руку.

— Одну минуту. Мне надо вас кое о чем спросить.

— Валяй, Джо, не смущайся.

— Почему вы все так любезны с нами? Мы вторглись на вашу планету, а вы… вы все при-

нимаете нас, точно родных детей после долгой разлуки. Почему?

— Ну и чудаки же вы там, на Марсе! Сразу видно, святая простота. Ты вот что сообрази, Мак. Мы тут люди маленькие, верно?

И он помахал загорелой ручкой в изумрудных перстнях.

— Мы люди самые заурядные, верно? Так вот, мы, земляне, этим гордимся. Наш век — век Заурядного Человека, Билл, и мы гордимся, что мы — мелкая сошка. У нас на Земле, друг Билли, все жители сплошь сарояны. Да, да. Этакое огромное семейство благодушных сароянов, и все нежно любят друг дружку. Мы вас, марсиан, отлично понимаем, почему вы вторглись на Землю. Ясное дело, вам одиноко на вашем маленьком, холодном Марсе и завидно, что у нас такие города…

— Наша цивилизация гораздо старше вашей…

— Уж пожалуйста, Джо, не перебивай, не расстраивай меня. Дай я выскажу свою теорию, а потом говори хоть до завтра. Так вот, вам там было скучно и одиноко, и вы прилетели к нам повидать наши города и наших женщин — и милости просим, добро пожаловать, ведь вы наши братья, вы тоже самые заурядные люди. А кстати, Роско, тут есть еще одна мелочь: на этом

вашем вторжении можно и подзаработать. Вот, скажем, я задумал фильм — он нам даст миллиард чистой прибыли, это уж будь покоен. Через неделю мы пустим в продажу куклу-марсианку по тридцать монет штука. Это тоже, считай, еще миллионы дохода. И у меня есть контракт, выпущу какую-нибудь марсианскую игру, она пойдет по пять монет. Да мало ли чего еще можно напридумывать.

— Вот оно что, — сказал Эттил и отодвинулся.

— Ну и, разумеется, это отличный новый рынок. Мы вас завалим товарами, только хватайте: и средства для удаления волос дадим, и жевательную резинку, и ваксу — прорву всего.

— Постойте! Еще один вопрос.

— Валяй.

— Как ваше имя? Что это означает — Эр Эр?

— Ричард Роберт.

Эттил поглядел в потолок:

— А может быть, иногда случайно кто-нибудь зовет вас… м-м… Рик?

— Угадал, приятель. Ясно, Рик, как же еще.

Эттил перевел дух и захохотал, и никак не мог остановиться. Ткнул в собеседника пальцем.

— Так вы — Рик? Рик! Стало быть, вы и есть Рик!

— А что тут смешного, сынок? Объясни папочке!

— Вы не поймете… вспомнилась одна история… — Эттил хохотал до слез, задыхался от смеха, судорожно стучал кулаком по столу. — Так вы Рик! Ох, забавно! Ну совсем не похожи. Ни тебе огромных бицепсов, ни волевого подбородка, ни ружья. Только туго набитый кошелек, кольцо с изумрудом да толстое брюхо!

— Эй, полегче на поворотах, Мак! Может, я и не Аполлон, но…

— Вашу руку, Рик! Давно мечтал познакомиться. Вы тот самый человек, который завоюет Марс, ведь у вас есть машинки для коктейля, и супинаторы, и фишки для покера, и хлыстики для верховой езды, и кожаные сапоги, и клетчатые кепи, и ром.

— Я только скромный предприниматель, — сказал Ван Пленк и потупил глазки. — Я делаю свой бизнес и получаю толику барыша. Но я уже говорил, Джо, я давно подумывал: надо поставлять на Марс игрушки дядюшки Уиггили и комиксы Дика Трейси, там все будет в новинку! Огромный рынок сбыта! Ведь у вас и не слыхивали о политических карикатурах, так? Так! Словом, мы вас засыплем всякой всячиной. Наши товары будут

нарасхват. Марсиане их просто с руками оторвут, малыш, верно говорю! Еще бы, духи, платья из Парижа, модные комбинезоны — чуешь? И первоклассная обувь.

— Мы ходим босиком.

— Что я слышу? — воззвал Р. Р. Ван Пленк к небесам. — На Марсе живет одна неотесанная деревенщина? Вот что, Джо, уж это наша забота. Мы всех застыдим, перестанут шлепать босиком. А тогда и сапожный крем пригодится!

— А-а…

Ван Пленк хлопнул Эттила по плечу.

— Стало быть, заметано? Ты технический директор моего фильма, идет? Для начала получаешь двести долларов в неделю, а там дойдет и до пяти сотен. Что скажешь?

— Меня тошнит, — сказал Эттил. От выпитого коктейля он весь посинел.

— Э, прошу прощения. Я не знал, что тебя так разберет. Выйдем-ка на воздух.

На свежем воздухе Эттилу стало полегче.

— Так вот почему Земля нас так встретила? — спросил он и покачнулся.

— Ясно, сынок. У нас на Земле только дай случай честно заработать, ради доллара всякий расстарается. Покупатель всегда прав. Ты на меня

не обижайся. Вот моя карточка. Завтра в девять утра приезжай в Голливуд, на студию. Тебе покажут твой кабинет. Я приеду в одиннадцать, тогда потолкуем. Ровно в девять, смотри не опаздывай. У нас порядок строгий.

— А почему?

— Чудак ты, Галлахер! Но ты мне нравишься. Спокойной ночи. Счастливого вторжения!

Автомобиль отъехал.

Эттил поглядел ему вслед, поморгал растерянно. Потом потер лоб ладонью и побрел к стоянке марсиан.

— Как же теперь быть? — вслух спросил он себя.

Ракеты безмолвно поблескивали в лунном свете. Издали, из города, доносился гул, там буйно веселились. В походном лазарете хлопотали врачи: с одним молодым марсианином случился тяжелый нервный припадок; судя по воплям больного, он чересчур всего нагляделся, чересчур много выпил, слишком много наслушался песен из красно-желтых ящичков в разных местах, где люди пьют, и за ним без конца гонялась от столика к столику женщина, огромная, как слониха. Опять и опять он бормотал:

— Дышать нечем… заманили, раздавили…

Понемногу всхлипывания затихли. Эттил вышел из густой тени и направился к кораблям, надо было пересечь широкую дорогу. Вдалеке вповалку валялись пьяные часовые. Он прислушался. Из огромного города долетали музыка, автомобильные гудки, вой сирен. А ему чудились еще и другие звуки: приглушенно урчат машинки в барах, готовят солодовый напиток, от которого воины обрастут жирком, станут ленивыми и беспамятными; в пещерах кинотеатров вкрадчивые голоса убаюкивают марсиан, нагоняют крепкий-крепкий сон — от него никогда уже не очнешься, не отрезвеешь до конца дней.

Пройдет год — и сколько марсиан умрет от цирроза печени, от камней в почках, от высокого кровяного давления, сколько покончат с собой?

Эттил стоял посреди пустынной дороги. За два квартала из-за угла вывернулась машина и понеслась прямо на него.

Перед ним выбор: остаться на Земле, поступить на службу в киностудию, числиться консультантом, являться по утрам минута в минуту и начать понемногу поддакивать шефу — да, мол, конечно, бывала на Марсе жестокая резня; да, наши женщины высокие и белокурые; да, у нас есть разные племена и у каждого свои пляски и

жертвоприношения, да, да, да. А можно сейчас же пойти и залезть в ракету и одному вернуться на Марс.

— А что будет через год? — сказал он вслух.

На Марсе откроют Ночной Клуб Голубого канала. И Казино Древнего города. Да, в самом сердце марсианского Древнего города устроят игорный притон! И во всех старинных городах пойдут кружить и перемигиваться неоновые огни реклам, и шумные компании затеют веселье на могилах предков — да, не миновать.

Но час еще не пробил. Через несколько дней он будет дома. Тилла и сын ждут его, и можно напоследок еще несколько лет пожить тихо и мирно — дышать свежим ветром, сидеть с женой на берегу канала и читать милые книги, порой пригубить тонкого легкого вина, мирно побеседовать — то недолгое время, что еще остается им, пока не свалится с неба неоновое безумие.

А потом, быть может, они с Тиллой найдут убежище в синих горах, будут скрываться там еще год-другой, пока и туда не нагрянут туристы и не начнут щелкать затворами фотоаппаратов и восторгаться — ах, какой дивный вид!

Он уже точно знал, что скажет Тилле:

— Война ужасна, но мир подчас куда страш-

нее.

Он стоял посреди широкой пустынной дороги. Обернулся — и без малейшего удивления увидел: прямо на него мчится машина, а в ней полно орущих подростков. Мальчишки и девчонки лет по шестнадцати, не больше, гонят открытую машину так, что ее мотает и кидает из стороны в сторону. Указывают на него пальцами, истошно вопят. Мотор ревет все громче. Скорость — шестьдесят миль в час.

Эттил кинулся бежать. Машина настигала.

«Да, да, — устало подумал он. — Как странно, как печально… и рев, грохот… точь-в-точь бетономешалка».

1949 г.

Ракета

Ночь за ночью Фиорелло Бодони просыпался и слушал, как со свистом взлетают в черное небо ракеты. Уверясь, что его добрая жена спит, он тихонько поднимался и на цыпочках выходил за дверь. Хоть несколько минут подышать ночной свежестью, ведь в этом домишке на берегу реки никогда не выветривается запах вчерашней стряпни. Хоть ненадолго сердце безмолвно воспарит в небо вслед за ракетами.

Вот и сегодня ночью он стоит чуть не нагишом в темноте и следит, как взлетают ввысь огненные фонтаны. Это уносятся в дальний путь неистовые ракеты — на Марс, на Сатурн и Венеру!

— Ну и ну, Бодони.

Он вздрогнул.

На самом берегу безмолвно струящейся реки на корзине из-под молочных бутылок сидел старик и тоже следил за взлетающими в полуночной тиши ракетами.

— А, это ты, Браманте!

— И ты каждую ночь так выходишь, Бодони?

— Надо же воздухом подышать.

— Вон как? Ну а я предпочитаю поглядеть на

ракеты, — сказал Браманте. — Я был еще мальчишкой, когда они появились. Восемьдесят лет прошло, а я так ни разу и не летал.

— А я когда-нибудь полечу, — сказал Бодони.

— Дурак! — крикнул Браманте. — Никогда ты не полетишь. Одни богачи делают что хотят. — Он покачал седой головой. — Помню, когда я был молод, на всех перекрестках кричали огненные буквы: *«Мир будущего — роскошь, комфорт, новейшие достижения науки и техники — для всех!»* Как же! Восемьдесят лет прошло. Вот оно, будущее. Мы, что ли, летаем в ракетах? Держи карман! Мы живем в хижинах, как жили наши предки.

— Может быть, мои сыновья… — начал Бодони.

— Ни сыновья, ни внуки, — оборвал старик. — Вот богачам, тем все можно — и мечтать, и в ракетах летать.

Бодони помолчал.

— Послушай, старина, — нерешительно заговорил он. — У меня отложены три тысячи долларов. Шесть лет копил. Для своей мастерской, на новый инструмент. А теперь вот уже целый месяц не сплю по ночам. Слушаю ракеты. И думаю. И нынче ночью решился окончательно. Кто-нибудь

из моих полетит на Марс!

Темные глаза его блеснули.

— Болван! — отрезал Браманте. — Как ты будешь выбирать? Кому лететь? Сам полетишь — жена обидится: как это, ты побывал в небесах, немножко поближе к Господу Богу! Потом ты станешь годами рассказывать ей, какое замечательное это было путешествие, — и думаешь, она не изойдет злостью?

— Нет, нет!

— Нет да! А твои ребята? Они на всю жизнь запомнят, что папа летал на Марс, а они торчали тут как пришитые. Веселенькую задачку задашь ты своим сыновьям. До самой смерти они будут думать о ракетах. По ночам глаз не сомкнут. Изведутся с тоски по этим самым ракетам. Вот как ты сейчас. До того, что если не полететь разок, так хоть в петлю. Лучше ты им это в голову не вбивай, верно тебе говорю. Пускай примирятся с бедностью и не ищут ничего другого. Их дело — мастерская да железный лом, а на звезды им глазеть нечего.

— Но…

— А допустим, полетит твоя жена. И ты будешь знать, что она всего повидала, а ты нет, — что тогда? Молиться на нее, что ли? Да тебе захочется

утопить ее в нашей реке! Нет уж, Бодони, купи ты себе лучше новый резальный станок, без него тебе и впрямь не обойтись, да пусти свои мечты под нож, изрежь на куски и истолки в порошок.

Старик умолк и уставился неподвижным взглядом на реку — в глубине мелькали отражения проносящихся по небу ракет.

— Спокойной ночи, — сказал Бодони.

— Приятных снов, — отозвался старик.

Из блестящего тостера выскочил ломоть поджаренного хлеба, и Бодони чуть не вскрикнул. Всю ночь он не сомкнул глаз. Беспокойно спали дети, рядом возвышалось большое сонное тело жены, а он все ворочался и всматривался в пустоту. Да, Браманте прав. Лучше эти деньги вложить в дело. Стоило ли их откладывать, если из всей семьи может полететь только один, а остальные станут терзаться завистью и разочарованием?

— Ешь свой хлеб, Фиорелло, — сказала Мария, жена.

— У меня в глотке пересохло, — ответил Бодони.

В комнату вбежали дети — трое сыновей вырывали друг у друга игрушечную ракету, в руках у обеих девочек были куклы, изображающие жителей Марса, Венеры и Нептуна, — зеленые

истуканчики, у каждого по три желтых глаза и по шесть пальцев на руках.

— Я видел ракету, она пошла на Венеру! — кричал Паоло.

— Она взлетела и как зашипит: ууу-шшшш! — вторил Антонелло.

— Тише вы! — прикрикнул Бодони, зажав ладонями уши.

Дети с недоумением посмотрели на отца. Он нечасто повышал голос.

Бодони поднялся.

— Слушайте все, — сказал он. — У меня есть деньги, хватит на билет до Марса для кого-нибудь одного.

Дети восторженно завопили.

— Вы поняли? — сказал он. — Лететь может только один из нас. Так кто полетит?

— Я, я, я! — наперебой кричали дети.

— Ты, — сказала Мария.

— Нет, ты, — сказал Бодони.

И все замолчали. Дети собирались с мыслями.

— Пускай летит Лоренцо, он самый старший.

— Пускай летит Мириамна, она девочка!

— Подумай, сколько ты всего повидаешь, — сказала мужу Мария. Но посмотрела как-то странно, и голос дрогнул. — Метеориты — будто стаи ры-

бешек. Небо без конца и края. Луна. Пускай летит тот, кто потом все толком расскажет. А ты хорошо умеешь говорить.

— Чепуха. Ты тоже умеешь, — возразил муж.

Всех била дрожь.

— Ну, так, — горестно сказал Бодони. Взял веник и отломил несколько прутиков разной длины. — Выигрывает короткий. — Он выставил стиснутый кулак. — Тяните.

Каждый по очереди сосредоточенно тащил прутик.

— Длинный.

— Длинный.

Следующий.

— Длинный.

Вот и все дети. В комнате стало очень тихо.

Остались два прутика. У Бодони защемило сердце.

— Теперь ты, Мария, — прошептал он.

— Короткий, — сказала она.

— Ну вот, — вздохнул Лоренцо и с грустью, и с облегчением. — Мама полетит на Марс.

Бодони силился улыбнуться:

— Поздравляю! Сегодня же куплю тебе билет.

— Обожди, Фиорелло.

— На той неделе и полетишь, — пробормотал

он.

Дети смотрели на мать — у всех крупные прямые носы, и все губы улыбаются, а глаза печальные. Медленно она протянула прутик мужу.

— Не могу я лететь.

— Да почему?!

— Я должна думать о будущем малыше.

— Что-о?

Мария отвела глаза:

— В моем положении путешествовать не годится.

Он сжал ее локоть:

— Это правда?

— Начните сначала. Тяните еще раз.

— Почему же ты мне раньше ничего не говорила? — недоверчиво сказал Бодони.

— Да как-то к слову не пришлось.

— Ох, Мария, Мария, — прошептал он и погладил ее по щеке. Потом обернулся к детям: — Тяните еще раз.

И тотчас Паоло вытащил короткий прутик.

— Я полечу на Марс! — Он запрыгал от радости. — Вот спасибо, папа!

Другие дети бочком, бочком отошли в сторону.

— Счастливчик ты, Паоло!

Улыбка сбежала с лица мальчика, он испыту-

ющe посмотрел на мать с отцом, на братьев и сестер.

— Мне правда можно лететь? — неуверенно спросил он.

— Правда.

— А когда я вернусь, вы будете меня любить?

— Конечно.

Драгоценный короткий прутик лежал у Паоло на ладони, рука его дрожала, он внимательно поглядел на прутик и покачал головой. И отбросил прутик.

— Совсем забыл. Начинаются занятия. Мне нельзя пропускать школу. Тяните еще раз.

Но никто больше не хотел тянуть жребий. Все приуныли.

— Никто не полетит, — сказал Лоренцо.

— Это самое лучшее, — сказала Мария.

— Браманте прав, — сказал Бодони.

После завтрака, который не доставил ему никакого удовольствия, Фиорелло принялся за работу: разбирался в старом хламе и ломе, резал металл, отбирал куски, не разъеденные ржавчиной, плавил их и отливал в чушки, из которых можно будет сделать что-нибудь толковое. Инструмент совсем развалился; двадцать лет бьешься как рыба об лед, чтоб выдержать конкуренцию, и

ежечасно тебе грозит нищета.

Прескверное выдалось утро.

Среди дня во двор вошел человек и окликнул хозяина, который хлопотал у старого резального станка.

— Эй, Бодони! У меня есть для тебя кое-какой металл.

— Что именно, мистер Мэтьюз? — рассеянно спросил Бодони.

— Ракета. Ты что? Разве тебе ее не надо?

— Надо, надо! — Фиорелло схватил посетителя за рукав и, растерявшись, осекся.

— Понятно, она не настоящая, — сказал Мэтьюз. — Ты же знаешь, как это делается. Когда проектируют ракету, сперва изготовляют модель из алюминия в натуральную величину. Если ты расплавишь алюминий, кое-какой барыш тебе очистится. Уступлю за две тысячи.

Рука Бодони бессильно опустилась.

— Нет у меня таких денег.

— Жаль. Я хотел тебе помочь. В последний раз, когда мы разговаривали, ты жаловался, что все перебивают у тебя лом. Вот я и подумал — шепну тебе по секрету. Ну что ж…

— Мне позарез нужен новый инструмент. Я скопил на него деньги.

— Понятно.

— Если я куплю вашу ракету, мне даже не в чем будет ее расплавить. Моя печь для алюминия на той неделе прогорела…

— Ясно.

— Если я и куплю у вас эту ракету, я ничего не смогу с ней сделать.

— Понимаю.

Бодони мигнул и зажмурился. Потом открыл глаза и посмотрел на Мэтьюза:

— Но я распоследний дурак. Я возьму свои деньги из банка и отдам вам.

— Так ведь если ты не сможешь расплавить алюминий…

— Привозите вашу ракету, — сказал Бодони.

— Ладно, раз тебе так хочется. Сегодня вечером?

— Чего лучше, — сказал Бодони. — Да, сегодня вечером мне ракета будет очень кстати.

Светила луна. Ракета высилась во дворе среди металлического лома — большая, белая. Она вобрала в себя белое сияние луны и голубой свет звезд. Бодони смотрел на нее с нежностью. Ему хотелось погладить ее, приласкать, прижаться к ней щекой, поведать ей свои самые заветные мечты.

Он смотрел на нее, закинув голову.

— Ты моя, — сказал он. — Пускай ты никогда не извергнешь пламя и не сдвинешься с места, пускай будешь пятьдесят лет торчать тут и ржаветь, а все-таки ты моя.

От ракеты веяло временем и далью. Это было все равно что войти внутрь часового механизма. Каждая мелочь отделана и закончена с ювелирной тщательностью. Эту ракету можно бы носить на цепочке, как брелок.

— Пожалуй, сегодня я в ней и переночую, — взволнованно прошептал Бодони.

Он уселся в кресло пилота.

Тронул какой-то рычаг.

Стал то ли напевать, то ли гудеть с закрытым ртом, с закрытыми глазами.

Гудение становилось все громче, громче, все тоньше и выше, все странней и неистовей, оно ликовало, нарастало, наполняя дрожью все тело, оно заставило Бодони податься вперед, окутало его и весь воздушный корабль каким-то оглушительным безмолвием, в котором только и слышался визг металла, а руки Бодони летали над пультом управления, плотно сомкнутые веки вздрагивали, а звук все нарастал — и вот уже обратился в пламя, в мощь, в небывалую силу,

которая поднимает его, и несет, и грозит разорвать на части. Бодони чуть не задохнулся. Он гудел и гудел не переставая, остановиться было невозможно — еще, еще, он крепче зажмурил глаза, сердце колотится, вот-вот выскочит.

— Старт! — пронзительно кричит он.

Толчок! Громовой рев!

— Луна! — кричит он. — Метеориты! — кричит он, не видя, зажмурясь изо всех сил.

Неслышный головокружительный полет в багровом пляшущем зареве.

— Марс, да-да. Марс! Марс!

Задыхаясь, он без сил откинулся на спинку кресла. Трясущиеся руки сползли с пульта управления, голова запрокинулась. Долго он сидел так, медленно и тяжело дыша; реже, спокойнее стучало сердце.

Медленно, медленно он открыл глаза.

Перед ним был все тот же двор.

С минуту он сидел не шевелясь. Неотрывно смотрел на груды металлического лома. Потом подскочил, яростно ударил по рычагам.

— Старт, черт вас подери!

Ракета не отозвалась.

— Я ж тебя!

Он вылез наружу, его обдало ночной прохла-

дой; спеша и спотыкаясь, он запустил на полную мощность мотор грозной резальной машины и двинулся с нею на ракету. Ловко ворочая тяжелый резак, задрал его вверх, в лунное небо. Трясущиеся руки уже готовы были обрушить всю тяжесть на эту нахальную, лживую подделку, расколоть, искромсать дурацкую выдумку, за которую он заплатил так дорого, а она не желает работать, не желает повиноваться!

— Я тебя проучу! — заорал он.

Но рука его застыла в воздухе.

Лунный свет омывал серебристое тело ракеты. А поодаль, за ракетой, золотились окна его дома. Там слушали радио, до него доносилась далекая музыка. Полчаса он сидел и думал, глядя на ракету и на огни своего дома, и глаза его то становились как щелки, то раскрывались во всю ширь. Потом он оставил резак и пошел прочь и на ходу засмеялся, а подойдя к черному крыльцу, перевел дух и окликнул жену:

— Мария! Собирайся, Мария! Мы летим на Марс!

— Ой!

— Ух ты!

— Даже не верится!

— Вот увидишь, увидишь!

Дети топтались во дворе на ветру под сверкающей ракетой, еще не решаясь до нее дотронуться. Только кричали, перебивая друг друга.

Мария посмотрела на мужа.

— Что ты наделал? — спросила она. — Потратил все наши деньги? Эта штука никогда не полетит.

— Полетит, — сказал он, не сводя глаз с ракеты.

— Межпланетные корабли стоят миллионы. Откуда у тебя миллионы?

— Она полетит, — упрямо повторил Бодони. — А теперь идите все домой. Мне надо позвонить по телефону, и у меня много работы. Завтра мы летим! Только никому ни слова, понятно? Это наш секрет.

Спотыкаясь и оглядываясь, дети пошли прочь. Скоро в окнах дома появились их тревожные, разгоряченные рожицы.

А Мария не двинулась с места.

— Ты нас разорил, — сказала она. — Ухлопать все деньги на это… на такое! Надо было купить инструмент, а ты…

— Погоди, увидишь, — сказал Фиорелло.

Она молча повернулась и ушла.

— Господи, помоги, — прошептал он и взялся за работу.

За полночь приходили грузовики, привозили

все новые ящики и пакеты. Бодони, не переставая улыбаться, выкладывал еще и еще деньги. С паяльной лампой и полосками металла в руках он опять и опять набрасывался на ракету, что-то приделывал, что-то отрезал, колдовал над нею огнем, наносил ей тайные оскорбления. Он запихал в ее пустой машинный отсек девять старых-престарых автомобильных моторов. Потом запаял отсек наглухо, чтоб никто не мог подсмотреть, что он там натворил.

На рассвете он вошел в кухню.

— Мария, — сказал он, — теперь можно и позавтракать.

Она не стала с ним разговаривать.

Солнце уже заходило, когда он позвал детей:

— Идите сюда! Все готово!

Дети безмолвствовали.

— Я заперла их в чулане, — сказала Мария.

— Это еще зачем? — рассердился Бодони.

— Твоя ракета разорвется и убьет тебя, — сказала она. — Какую уж там ракету можно купить за две тысячи долларов? Ясно, что распоследнюю дрянь.

— Послушай, Мария…

— Она взорвется. Да тебе с ней и не совладать, какой ты пилот!

— А все-таки на *этой* ракете я полечу. Я ее уже приспособил.

— Ты сошел с ума.

— Где ключ от чулана?

— У меня.

Он протянул руку:

— Дай сюда.

Мария отдала ему ключ:

— Ты погубишь детей.

— Не бойся.

— Погубишь. У меня предчувствие.

Он посмотрел ей в глаза:

— А ты не полетишь с нами?

— Я останусь здесь, — сказала Мария.

— Тогда ты все увидишь и поймешь, — сказал он с улыбкой. И отпер чулан. — Выходите, ребята! Пойдем со мной.

— До свиданья, мама! До свиданья!

Она стояла у кухонного окна, очень прямая, плотно сжав губы, и смотрела им вслед.

У входного люка отец остановился.

— Дети, — сказал он, — это очень быстрая ракета. Мы будем в полете только неделю. Потом вам надо в школу, а меня ждет работа. — Он оглядел одного за другим, крепко сжал маленькие руки. — Слушайте внимательно. Эта ракета очень старая,

она годится только еще на один раз. Больше ей уже не взлететь. Это будет единственное путешествие за всю вашу жизнь. Так что глядите в оба!

— Хорошо, папа.

— Слушайте, старайтесь ничего не пропустить. Все почувствовать и на запах и на ощупь. Смотрите! Запоминайте! Когда вернетесь, вам до конца жизни будет о чем порассказать.

— Хорошо, папа.

Корабль был тих, как сломанные часы. Со свистом закрылся входной люк. Бодони уложил детей, точно маленькие мумии, в резиновые подвесные койки, пристегнул широкими ремнями.

— Готовы?

— Готовы! — откликнулись все.

— Старт!

Он щелкнул десятком переключателей. Ракета с громом подпрыгнула. Дети завизжали, их подбрасывало и раскачивало.

— Летим! Взлетели!

— Смотрите! Уже Луна!

Луна призраком скользнула мимо. Фейерверком проносились метеориты. Время уплывало змеящейся струйкой газа. Дети кричали от восторга. Несколько часов спустя отец помог им выбраться из гамаков, и они прилипли носами к

иллюминаторам.

— Вот, вот Земля!

— А вот Марс!

Кружили по циферблату стрелки часов, за кормой ракеты розовели и таяли лепестки огня; у детей уже слипались глаза. И наконец, точно опьяневшие бабочки, они снова улеглись в коконы подвесных коек.

— Вот так-то, — шепнул Бодони.

Он на цыпочках вышел из рубки и долго в страхе стоял у выходного люка. Потом нажал кнопку.

Люк распахнулся. Он ступил за порог. В пустоту? Во тьму, пронизанную метеоритами, озаренную факелом раскаленного газа? В необозримые пространства, в стремительно уносящиеся дали?

Нет. Бодони улыбнулся.

Дрожа и сотрясаясь, ракета стояла посреди двора, заваленного металлическим хламом.

Здесь ничего не изменилось — все те же ржавые ворота и на них висячий замок, тот же тихий домик на берегу реки, и в кухне светится окошко, и река течет все к тому же далекому морю. А на самой середине двора дрожит и урчит ракета, и прядет волшебный сон. Содрогается, и рычит, и укачивает спеленатых детей, точно мух в упругой паутине.

В окне кухни — Мария.

Он помахал ей рукой и улыбнулся.

Отсюда не разглядеть, ответила она или нет. Кажется, чуть-чуть махнула рукой. И чуть-чуть улыбнулась.

Солнце встает.

Бодони поспешно вернулся в ракету. Тишина. Ребята еще спят. Он вздохнул с облегчением. Лег в гамак, пристегнулся ремнями, закрыл глаза. И мысленно помолился: только бы еще шесть дней ничто не нарушало волшебства. Пусть проносятся мимо бескрайние пространства, пусть всплывут под нашим кораблем багровый Марс и его спутники, пусть не будет ни единого изъяна в цветных фильмах. Пусть все происходит в трех измерениях, только бы не подвели хитро скрытые зеркала и экраны, что создают этот блистательный обман. Только бы должный срок прошел без помех.

Он проснулся.

Неподалеку в пустоте плыла багровая планета.

— Папа! — Дети старались вырваться из гамаков.

Бодони посмотрел в иллюминатор — багровый Марс был великолепен, без единого изъяна. Какое счастье!

На закате седьмого дня ракета перестала дрожать и затихла.

— Вот мы и дома, — сказал Бодони.

Люк распахнулся, и они пошли через захламленный двор, оживленные, сияющие.

Быть может, они поняли, что сделал отец. Быть может, разгадали чудесный волшебный обман. Но если и поняли, если и разгадали, никто ни словом не обмолвился. А сейчас они со смехом бежали к дому.

— Я вам нажарила яичницы с ветчиной, — сказала Мария с порога кухни.

— Мама, мама, ну почему ты с нами не полетела! Ты бы увидала Марс, мама, и метеориты, и все-все.

— Да, — сказала Мария.

Когда настало время спать, дети окружили Бодони.

— Спасибо, папа! Спасибо!

— Не за что.

— Мы всегда-всегда будем про это помнить, папа. Никогда не забудем!

Поздно ночью Бодони открыл глаза. Он почувствовал, что жена, лежа рядом, внимательно смотрит на него. Долго, очень долго она не шевелилась, потом вдруг стала целовать его лоб

и щеки.

— Что с тобой? — вскрикнул он.

— Ты самый лучший отец на свете, — прошептала Мария.

— Что это ты вдруг?

— Теперь я вижу, — сказала она. — Теперь я понимаю.

Не выпуская его руки, она откинулась на подушку и закрыла глаза.

— Это было очень приятно — так полетать? — спросила она.

— Очень.

— А может быть… может быть, когда-нибудь ночью ты и со мной слетаешь, хоть недалеко?

— Ну, недалеко — пожалуй, — сказал он.

— Спасибо. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — сказал Фиорелло Бодони.

1950 г.

О скитаньях вечных и о Земле

Семьдесят лет кряду Генри Уильям Филд писал рассказы, которые никто никогда не печатал, и вот однажды в половине двенадцатого ночи он поднялся и сжег десять миллионов слов. Отнес все рукописи в подвал своего мрачного старого особняка, в котельную, и швырнул в печь.

— Вот и все, — сказал он и, раздумывая о своих напрасных трудах и загубленной жизни, вернулся в спальню, полную всяческих антикварных диковинок, и лег в постель. — Зря я пытался изобразить наш безумный мир, это была ошибка. Год 2257-й, ракеты, атомные чудеса, странствия к чужим планетам и двойным солнцам. Кому же это под силу! Пробовали-то все. И ни у одного современного автора ничего не вышло.

Космос слишком необъятен, думал он, межзвездные корабли слишком быстры, открытия атомной науки слишком внезапны. Но другие с грехом пополам все же печатались, а он, богатый и праздный, всю жизнь потратил впустую.

Целый час он терзался такими мыслями, а потом побрел через ночные комнаты в библиотеку и зажег фонарь. Среди книг, к которым полвека

никто не прикасался, он наудачу выбрал одну. Книге минуло три столетия, ветхие страницы пожелтели, но он впился в эту книгу и жадно читал до самого рассвета…

В девять утра Генри Уильям Филд выбежал из библиотеки, кликнул слуг, вызвал по телевизору юристов, друзей, ученых, литераторов.

— Приезжайте сейчас же! — кричал он.

Не прошло и часа, как у него собралось человек двенадцать; Генри Уильям Филд ждал в кабинете — встрепанный, небритый, до неприличия взбудораженный, переполненный каким-то непонятным лихорадочным весельем. Высохшими руками он сжимал толстую книгу и, когда с ним здоровались, только смеялся в ответ.

— Смотрите, — сказал он наконец, — вот книга, ее написал исполин, который родился в Эшвилле, штат Северная Каролина, в тысяча девятисотом году. Он давно уже обратился в прах, а когда-то написал четыре огромных романа. Он был как ураган. Он вздымал горы и вбирал в себя вихри. Пятнадцатого сентября тысяча девятьсот тридцать восьмого года он умер в Балтиморе, в больнице Джона Хопкинса, от древней страшной болезни — пневмонии, и после него остался чемодан, набитый рукописями, и все написаны

карандашом.

Собравшиеся посмотрели на книгу: «Взгляни на дом свой, ангел».

Старик Филд выложил на стол еще три книги: «О времени и о реке», «Паутина и скала», «Домой возврата нет».

— Их написал Томас Вулф, — сказал он. — Три столетия он покоится в земле Северной Каролины.

— Неужели же вы созвали нас только затем, чтобы показать книги какого-то мертвеца? — изумились друзья.

— Нет, не только! Я созвал вас, потому что понял: Том Вулф — вот кто нам нужен! Вот человек, созданный для того, чтобы писать о великом, о Времени и Пространстве, о галактиках и космической войне, о метеорах и планетах. Он любил и описывал все вот в таком роде, величественное и грозное. Просто он родился слишком рано. Ему нужен был материал поистине грандиозный, а на Земле он ничего такого не нашел. Ему следовало родиться не сто тысяч дней назад, а сегодня.

— А вы, боюсь, немного опоздали, — заметил профессор Боултон.

— Ну нет! — отрезал старик. — Я-то не дам действительности меня обокрасть. Вы, профессор,

ставите опыты с путешествиями во времени. Надеюсь, вы уже в этом месяце доделаете свою машину. Вот вам чек, сумму проставьте сами. Если понадобятся еще деньги, скажите только слово. Вы ведь уже путешествовали в прошлое, так?

— Да, на несколько лет назад, но не на столетия…

— А мы добьемся столетий! И вы все, — он обвел присутствующих неистовым сверкающим взором, — будете помогать Боултону. Мне необходим Томас Вулф.

Все ахнули.

— Да-да, — подтвердил старик. — Вот что я задумал. Вы доставите мне Вулфа. Сообща мы выполним великую задачу: полет с Земли на Марс будет описан так, как способен это сделать один лишь Томас Вулф!

И все ушли, а Филд остался со своими книгами, он листал ветхие страницы и, кивая, бормотал про себя:

— Да-да, конечно! Том — вот кто нам нужен. Том самый подходящий парень для этого дела.

Медленно влачился месяц. Дни упорно не желали расставаться с календарем, нескончаемо тянулись недели, и Генри Уильям Филд готов был взвыть от отчаяния.

На исходе месяца он однажды проснулся в полночь. Трезвонил телефон.

В темноте Филд протянул руку:

— Слушаю.

— Говорит профессор Боултон.

— Что скажете?

— Я отбываю через час.

— Отбываете? Куда? Вы что, бросаете работу? Это невозможно!

— Позвольте, мистер Филд. Отбываю — это значит отбываю.

— Так вы и вправду отправляетесь?

— Через час.

— В тысяча девятьсот тридцать восьмой? Пятнадцатое сентября?

— Да.

— Вы точно записали дату? Вдруг вы прибудете, когда он уже умрет? Смотрите не опоздайте! Постарайтесь попасть туда загодя, скажем, за час до его смерти.

— Хорошо.

— Я так волнуюсь, насилу держу в руках трубку. Счастливо, Боултон! Доставьте его сюда в целости и сохранности.

— Спасибо, сэр. До свидания.

В трубке щелкнуло.

Генри Уильям Филд лежал без сна, ночь отсчитывала минуты. Он думал о Томе Вулфе как о давно потерянном брате, которого надо поднять невредимым из-под холодного могильного камня, возвратить ему плоть и кровь, горение и слово. И всякий раз он трепетал при мысли о Боултоне — о том, кого ветер Времени уносит вспять, к иным календарям, к иным лицам.

«Том, — в полудреме думал он с бессильной нежностью, словно старик отец, взывающий к любимому, давно потерянному сыну, — Том, где ты сейчас? Приходи, мы тебе поможем, ты непременно должен прийти, ты нам так нужен! Мне это не под силу, Том, и никому из нас, теперешних, не под силу. Раз уж я сам не могу с этим справиться, так хоть помогу тебе. У нас ты можешь играть ракетами, Том, вот тебе звезды — пригоршни цветных стеклышек. Бери все, что душе угодно, у нас все есть. Тебе придутся по вкусу наше горение и наши странствия — они созданы для тебя. Мы, нынешние, — жалкие писаки, Том, я всех перечел, и ни один тебя не стоит. Я одолел многое множество их сочинений, Том, и нигде ни на миг не ощутил Пространства — для этого нам нужен ты! Дай же старику то, к чему он стремился всю жизнь, ведь, Бог свидетель, я всегда ждал, что сам

ли я или кто другой напишет наконец поистине великую книгу о звездах, — и ждал напрасно. Каков ты ни есть, сегодня ночью, Том Вулф, покажи, на что ты способен. Эту книгу ты готовился создать. Критики говорят — эта прекрасная книга уже сложилась у тебя в голове, но тут жизнь твоя оборвалась. И вот выпал случай, Том, ты ведь его не упустишь? Ты ведь послушаешься и придешь к нам, придешь сегодня ночью и будешь здесь утром, когда я проснусь? Ведь правда, Том?»

Веки Филда смежились; смолк язык, лихорадочно лепетавший все ту же настойчивую мольбу; уснули губы.

Часы пробили четыре.

Он пробудился ясным трезвым утром и ощутил в груди нарастающий прилив волнения. Он боялся мигнуть — вдруг то, что ждет его где-то в доме, кинется бежать, хлопнет дверью и исчезнет навеки. Он прижал руки к худой старческой груди.

Вдалеке… шаги…

Одна за другой отворялись и затворялись двери. В спальню вошли двое.

Филд слышал их дыхание. И уже различал походку. У одного мелкие аккуратные шажки, точно у паука, — это Боултон. Поступь второго выдает человека рослого, крупного, грузного.

— Том? — вскрикнул старик. Он все еще не открывал глаз.

— Да, — услышал он наконец.

Едва Филд увидел Тома Вулфа, образ, созданный его воображением, лопнул по всем швам, как слишком тесная одежка на большом, не по возрасту, ребенке.

— Дай я на тебя погляжу, Том Вулф! — снова и снова твердил Филд, неуклюже вылезая из постели. Его трясло. — Да поднимите же шторы, дайте на него посмотреть! Том Вулф, неужели это ты?

Огромный, плотный Том Вулф смотрел на него сверху вниз, растопырив тяжелые руки, чтобы не потерять равновесие в этом незнакомом мире. Он посмотрел на старика, обвел глазами комнату, губы его дрожали.

— Ты совсем такой, как тебя описывали, Том, только больше.

Томас Вулф засмеялся, захохотал во все горло — решил, должно быть, что сошел с ума или видит какой-то нелепый сон; шагнул к старику, дотронулся до него, оглянулся на профессора Боултона, ощупал свои плечи, ноги, осторожно покашлял, приложил ладонь ко лбу.

— Жара больше нет, — сказал он. — Я здоров.

— Конечно здоров, Том!

— Ну и ночка! — сказал Том Вулф. — Тяжко мне пришлось. Я думал, ни одному больному на свете не бывало так худо. Вдруг чувствую — плыву — и подумал: ну и жар у меня! Чувствую, меня куда-то несет — и подумал: все, умираю. Подходит ко мне человек. Я подумал — гонец Господень. Взял он меня за руки. Чую — электричеством пахнет. Взлетел я куда-то вверх, вижу — медный город. Ну, думаю, прибыл. Вот оно, Царство небесное, а вот и врата! Окоченел я с головы до ног, будто меня держали в снегу. Смех разбирает, надо мне что-то делать, а то я окончательно решу, что спятил. Вы ведь не Господь Бог, а? С виду что-то не похоже.

Старик рассмеялся:

— Нет-нет, Том, я не Бог, только прикидываюсь. Я Филд. — Он опять засмеялся: — Надо же! Я так говорю, как будто он может знать, кто такой Филд. Том, я Филд, финансовый туз, — кланяйся пониже, целуй руку. Я Генри Филд, мне нравятся твои книги. Я перенес тебя сюда. Подойди-ка.

И старик потащил Вулфа к широченному зеркальному окну.

— Видишь в небе огни, Том?

— Да, сэр.

— Фейерверк видишь?

— Вижу.

— Это совсем не то, что ты думаешь, сынок. Нынче не Четвертое июля. Не как в твое время. Теперь у нас каждый день — Праздник независимости. Человек объявил, что он свободен от Земли. Власть земного притяжения давным-давно свергнута. Человечество победило. Вон та зеленая «римская свеча» летит на Марс. А тот красный огонек — ракета с Венеры. И еще — видишь, сколько их? — желтые, голубые. Это межпланетные корабли.

Томас Вулф смотрел во все глаза, точно ребенок-великан, завороженный многоцветными огненными чудесами, что сверкают и кружат в июльских сумерках, и вспыхивают, и разрываются с оглушительным треском.

— Какой теперь год?

— Год ракеты. Смотри! — Старик коснулся каких-то растений, и у него под рукой они вдруг расцвели. Цветы были точно белое и голубое пламя. Они пламенели, искрились прохладными удлиненными лепестками. Венчики их были два фута в поперечнике и холодно голубели, словно осенняя луна. — Это лунные цветы, — сказал Филд. — С обратной стороны Луны. — Он чуть коснулся их, и они осыпались серебряным дождем, брызнули белые искры и растаяли в воздухе. —

Год ракеты. Вот тебе подходящее название, Том. Вот почему мы перенесли тебя сюда: ты нам нужен. Ты единственный человек, способный совладать с Солнцем и не обратиться в жалкую горсточку золы. Мы хотим, чтобы ты играл Солнцем, как мячом, — Солнцем, и звездами, и всем, что увидишь по пути на Марс.

— На Марс? — Томас Вулф обернулся, схватил старика за плечо, наклонился, недоверчиво всматриваясь ему в лицо.

— Да. Ты летишь сегодня в шесть.

Старик поднял затрепетавший в воздухе розовый билетик и ждал, когда Том догадается его взять.

Было пять часов.

— Да-да, конечно, я очень ценю все, что вы сделали! — воскликнул Томас Вулф.

— Сядь, Том. Перестань бегать из угла в угол.

— Дайте договорить, мистер Филд, дайте мне кончить, я должен высказать все до конца.

— Мы уже столько часов спорим, — в изнеможении взмолился Филд.

Они проговорили с утреннего завтрака до полудня и с полудня до вечернего чая, переходили из одной комнаты в другую (а их была дюжина) и от одного довода к другому (а их было десять

дюжин); обоих бросало в жар, и в холод, и снова в жар.

— Все сводится вот к чему, — сказал наконец Томас Вулф. — Не могу я здесь оставаться, мистер Филд. Я должен вернуться. Это не мое время. Вы не имели права вмешиваться…

— Но…

— Моя работа была в самом разгаре, а лучшую свою книгу я еще и не начинал — и вдруг вы хватаете меня и переносите на три столетия вперед. Вызовите профессора Боултона, мистер Филд. Пускай он посадит меня в свою машину, какая она ни есть, и отправит обратно в тысяча девятьсот тридцать восьмой, там мое время и мое место. Больше мне от вас ничего не надо.

— Неужели ты не хочешь увидеть Марс?

— Еще как хочу! Но я знаю — это не для меня. Вся моя работа пойдет прахом. На меня навалится груда ощущений, которые я не смогу вместить в мои книги, когда вернусь домой.

— Ты не понимаешь, Том, ты просто не понимаешь.

— Прекрасно понимаю, вы эгоист.

— Эгоист? — переспросил старик. — Да, конечно, и еще какой! Ради себя и ради других.

— Я хочу вернуться домой.

— Послушай, Том…

— Вызовите профессора Боултона!

— Том, я очень не хотел тебе говорить… Я надеялся, что не придется, что в этом не будет нужды. Но ты не оставляешь мне выбора.

Старик протянул руку к завешенной стене, отдернул занавес, открыв большой белый экран, и начал вращать диск, набирая какие-то цифры; экран замерцал, ожил, огни в комнате медленно померкли — и перед глазами возникло кладбище.

— Что вы делаете? — резко спросил Вулф, шагнул вперед и уставился на экран.

— Я совсем этого не хотел, — сказал старик. — Смотри.

Кладбище лежало перед ними в ярком свете летнего полдня. С экрана потянуло жарким запахом летней земли, разогретого гранита, свежестью журчащего по соседству ручья. В ветвях дерева свистела какая-то пичуга. Среди могильных камней кивали алые и желтые цветы, экран двигался, небо поворачивалось, старик вертел диск, увеличивая изображение… и вот посреди экрана выросла мрачная гранитная глыба — она растет, близится, заполняет все, они уже ничего больше не видят и не чувствуют, и в полутемной

комнате Томас Вулф, подняв глаза, читает высеченные на граните слова — раз, другой, третий и, задохнувшись, перечитывает вновь, ибо это его имя:

ТОМАС ВУЛФ

и дата его рождения, и дата смерти, и в холодной комнате пахнет душистым зеленым папоротником.

— Выключите! — сказал он.

— Прости, Том.

— Выключите, ну! Не верю я этому.

— Это правда.

Экран почернел, и комнату накрыл полуночный небосвод, она стала склепом, едва чувствовалось последнее дыхание цветов.

— Значит, я уже не проснулся, — сказал Томас Вулф.

— Да. Ты умер тогда, в сентябре тысяча девятьсот тридцать восьмого.

— И не дописал книгу.

— Ее напечатали другие, они отнеслись к ней очень бережно, сделали за тебя все, что надо.

— Я не дописал свою книгу, не дописал!

— Не горюй так.

— Вам легко говорить!

Старик все не зажигал света. Ему не хотелось

видеть Тома таким.

— Сядь, сынок.

Молчание.

— Том?

Никакого ответа.

— Сядь, сынок. Хочешь чего-нибудь выпить?

Вздох, потом сдавленное рычание, словно застонал раненый зверь.

— Это несправедливо, нечестно! Мне надо было еще столько сделать!

Он глухо зарыдал.

— Перестань, — сказал старик. — Слушай. Выслушай меня. Ты еще жив, так? Здесь, сейчас — ты живой? Ты дышишь и чувствуешь, верно?

Томас Вулф ответил не сразу:

— Верно.

— Так вот. — В темноте Филд подался вперед. — Я перенес тебя сюда, Том, я даю тебе еще одну возможность. Лишний месяц или около того. Думаешь, я тебя не оплакивал? Я прочел твои книги, а потом увидел надгробный камень, который триста лет точили ветер и дождь, и подумал: «Такого таланта не стало!» Эта мысль меня просто убила, поверь. Просто убила! Я не жалел денег, лишь бы найти какой-то путь к тебе. Ты получил отсрочку — правда, короткую, очень короткую.

Профессор Боултон говорит: если очень повезет, мы сумеем продержать каналы Времени открытыми два месяца. Он будет держать их для тебя два месяца, но не дольше. За этот срок ты должен написать книгу, Том, ту книгу, которую мечтал написать, — нет-нет, сынок, не ту, которую ты писал для современников: они все умерли и обратились в прах, этого уже не изменить. Нет, теперь ты создашь книгу для нас, живущих, она нам очень-очень нужна. Ты оставишь ее нам ради себя же самого, она будет во всех отношениях выше и лучше твоих прежних книг… ведь ты ее напишешь, Том? Можешь ты на два месяца забыть тот камень, больницу и писать для нас? Ты напишешь, правда, Том?

Комнату медленно заполнил свет. Том Вулф стоял и смотрел в окно — большой, массивный, а лицо бледное, усталое. Он смотрел на ракеты, что проносились в неярком вечереющем небе.

— Я сперва не понял, что вы для меня сделали, — сказал он. — Вы мне даете еще немного времени, а время мне всего дороже и нужней, оно мне друг и враг, я всегда с ним воевал, и отблагодарить вас я, видно, могу только одним способом. Будь по-вашему. — Он запнулся. — А когда я кончу работу? Что тогда?

— Вернешься в больницу, Том, в тысяча девятьсот тридцать восьмой год.

— Иначе нельзя?

— Мы не можем изменить Время. Мы взяли тебя только на пять минут и вернем тебя на больничную койку через пять минут после того, как ты ее оставил. Таким образом мы ничего не нарушим. Все это уже история. Тем, что ты живешь сейчас с нами, в будущем, ты нам не повредишь. Но если ты откажешься вернуться, ты повредишь прошлому, а значит, и будущему: там многое перевернется, будет хаос.

— Два месяца, — сказал Томас Вулф.

— Два месяца.

— А ракета на Марс летит через час?

— Да.

— Мне нужны бумага и карандаши.

— Вот они.

— Надо собираться. До свиданья, мистер Филд.

— Счастливо, Том.

Шесть часов. Заходит солнце. Небо алеет, как вино. В просторном доме тишина. Жарко, но старика знобит, и вот наконец появляется профессор Боултон.

— Ну как, Боултон? Как он себя чувствовал, как держался на космодроме? Да говорите же!

Профессор улыбается:

— Он просто чудище — такой великан, ни один скафандр ему не впору, пришлось спешно делать новый. Жаль, вы не видали, что это было: все-то он обошел, все ощупал, принюхивается, как большой пес, говорит без умолку, глаза круглые, ненасытные, и от всего приходит в восторг — прямо как мальчишка!

— Дай-то бог, дай бог! Боултон, а вы и правда продержите его тут два месяца?

Профессор нахмурился:

— Вы же знаете, он не принадлежит нашему времени. Если энергия здесь хоть на миг ослабнет, Вулфа разом притянет обратно в прошлое, как бумажный мячик на резинке. Поверьте, мы всячески стараемся его удержать.

— Это необходимо, поймите! Нельзя, чтобы он вернулся, не докончив книгу! Вы должны…

— Смотрите! — прервал Боултон.

В небо взмыла серебряная ракета.

— Это он? — спросил старик.

— Да, — сказал профессор. — Это Вулф летит на Марс.

— Браво, Том! — завопил старик, потрясая кулаками над головой. — Задай им жару!

Ракета утонула в вышине, они проводили ее

глазами.

К полуночи до них дошли первые страницы.

Генри Уильям Филд сидел у себя в библиотеке. Перед ним на столе гудел аппарат. Аппарат повторял слова, написанные далеко, по ту сторону Луны. Он выводил их черным карандашом, в точности воспроизводя торопливые каракули Тома Вулфа, нацарапанные за миллион миль отсюда. Насилу дождавшись, чтобы на стол легла стопка бумажных листов, старик схватил их и принялся читать, а Боултон и слуги стояли и слушали. Он читал о Пространстве и Времени, о полете, о большом человеке в большом пути, о долгой полуночи и о холоде космоса, о том, как изголодавшийся человек с жадностью поглощает все это и требует еще и еще. Он читал, и каждое слово полно было горения, и грома, и тайны.

«Космос — как осень», — писал Томас Вулф. И говорил о пустынном мраке, об одиночестве, о том, как мал затерянный в космосе человек. Говорил о вечной, непреходящей осени. И еще — о межпланетном корабле, о том, как пахнет металл и какой он на ощупь, и о чувстве высокой судьбы, о неистовом восторге, с каким наконец-то отрываешься от Земли, оставляешь позади все земные задачи и печали и стремишься к задаче

куда более трудной, к печали куда более горькой. Да, это были прекрасные страницы, и они говорили то, что непременно надо было сказать о Вселенной и человеке и о его крохотных ракетах, затерянных в космосе.

Старик читал, пока не охрип, за ним читал Боултон, потом остальные — до глубокой ночи, когда аппарат перестал писать и все поняли, что Том уже в постели, там, в ракете, летящей на Марс… наверно, он еще не спит, нет, еще долго он не уснет, так и будет лежать без сна, словно мальчишка в канун открытия цирка: ему все не верится, что уже воздвигнут огромный, черный, весь в драгоценных каменьях балаган, и представление начинается, и десять миллиардов сверкающих акробатов качаются на туго натянутых проволоках, на незримых трапециях Пространства.

— Ну вот! — выдохнул старик, бережно откладывая последние страницы первой главы. — Что вы об этом скажете, Боултон?

— Это хорошо.

— Черта с два хорошо! — заорал Филд. — Это великолепно! Прочтите еще раз, сядьте и прочтите еще раз, черт вас побери!

Так оно и шло, день за днем, по десять часов

кряду.

На полу росла груда желтоватой исписанной бумаги — за неделю она стала огромной, за две недели неправдоподобной, к концу месяца совершенно немыслимой.

— Вы только послушайте! — кричал старик Филд и читал вслух. — А это?! — говорил он. — А вот еще глава, Боултон, а вот повесть, она только что передана, называется «Космическая война», целая повесть о том, каково это — воевать в космосе. Он говорил с разными людьми, расспрашивал солдат, офицеров, ветеранов Пространства. И обо всем написал. А вот еще глава, называется «Долгая полночь», а эта — о том, как негры заселили Марс, а вот очерк — портрет марсианина, ему просто цены нет!

Боултон откашлялся:

— Мистер Филд...

— После, после, не мешайте!

— Дурные новости, сэр.

Филд вскинул седую голову:

— Что такое? Что-нибудь с Элементом Времени?

— Передайте Вулфу, пускай поторопится, — мягко сказал Боултон. — Вероятно, на этой неделе связь с Прошлым оборвется.

— Я дам вам еще миллион долларов, только поддерживайте ее.

— Дело не в деньгах, мистер Филд. Сейчас все зависит от самой обыкновенной физики. Я сделаю все, что в моих силах. Но вы его предупредите на всякий случай.

Старик съежился в кресле, стал совсем крохотный.

— Неужели вы сейчас отнимете его у меня? Он так великолепно работает! Видели бы вы, какие эскизы он передал только час назад — рассказы, наброски. Вот, вот это — про космические течения, а это — о метеоритах. А вот начало повести под названием «Пушинка и пламя»…

— Что поделаешь…

— Но если мы сейчас его лишимся, может быть, вы сумеете доставить его сюда еще раз?

— Неумеренное вмешательство в Прошлое слишком опасно.

Старик будто окаменел.

— Тогда вот что. Устройте так, чтобы Вулф не тратил ни минуты на канитель с карандашом и бумагой, пускай печатает на машинке либо диктует, словом, позаботьтесь о какой-нибудь механизации. Непременно!

Аппарат стрекотал без устали — за полночь,

и потом до рассвета, и весь день напролет. Старик Филд провел бессонную ночь; едва он смежит веки, как аппарат вновь оживает, — и он встрепенется, и снова космические просторы, и странствия, и необъятность бытия хлынут к нему, преображенные мыслью другого человека.

«…Бескрайние звездные луга космоса…»

Аппарат запнулся, дрогнул.

— Давай, Том! Покажи им!

Старик застыл в ожидании.

Зазвонил телефон.

Голос Боултона:

— Мы больше не можем поддерживать связь, мистер Филд. Еще минута — и контакт Времени сойдет на нет.

— Сделайте что-нибудь!

— Не могу.

Телетайп дрогнул. Словно заколдованный, похолодев от ужаса, старик следил, как складываются черные строчки:

«…марсианские города — изумительные, неправдоподобные, словно камни, снесенные с горных вершин какой-то стремительной, невероятной лавиной и застывшие наконец сверкающими россыпями…»

— Том! — вскрикнул старик.

— Все, — прозвучал в телефонной трубке голос Боултона.

Телетайп помедлил, отстучал еще слово и умолк.

— Том! — отчаянно закричал Филд.

Он стал трясти телетайп.

— Бесполезно, — сказал голос в трубку. — Он исчез. Я отключаю Машину Времени.

— Нет! Погодите!

— Но…

— Слышали, что я сказал? Погодите выключать! Может быть, он еще здесь.

— Его больше нет. Это бесполезно: энергия уходит впустую.

— Пускай уходит!

Филд швырнул трубку.

И повернулся к телетайпу, к незаконченной фразе.

— Ну же, Том, не могут они вот так от тебя отделаться, не поддавайся, мальчик, ну же, продолжай! Докажи им, Том, ты же молодчина, ты больше, чем Время и Пространство и все эти треклятые механизмы, у тебя такая силища, у тебя железная воля, Том, докажи им всем, не давай отправить тебя обратно!

Щелкнул клавиш телетайпа.

— Том, это ты?! — вне себя забормотал старик. — Ты еще можешь писать? Пиши, Том, не сдавайся, пока ты не опустил руки, тебя не могут отослать обратно, не могут!!!

«В», — стукнула машина.

— Еще, Том, еще!

«Дыхании», — отстучала она.

— Ну, ну?!

«Марса», — напечатала машина и остановилась. Короткая тишина. Щелчок. И машина начала сызнова, с новой строчки:

«В дыхании Марса ощущаешь запах корицы и холодных пряных ветров, тех ветров, что вздымают летучую пыль, и омывают нетленные кости, и приносят пыльцу давным-давно отцветших цветов…»

— Том, ты еще жив!

Вместо ответа аппарат еще десять часов кряду взрывался лихорадочными приступами и отстучал шесть глав «Бегства от демонов».

— Сегодня уже полтора месяца, Боултон, целых полтора месяца, как Том полетел на Марс и на астероиды. Смотрите, вот рукописи. Десять тысяч слов в день, он не дает себе передышки, не знаю, когда он спит, успевает ли поесть, да это мне все равно, и ему тоже, ему одно важно — дописать,

он ведь знает, что время не ждет.

— Непостижимо! — сказал Боултон. — Наши реле не выдержали, энергия упала. Мы изготовили для главного канала новые реле, которые обеспечивают надежность Элемента Времени, но ведь на это ушло три дня — и все-таки Вулф продержался! Видно, это зависит еще и от его личности, тут действует что-то такое, чего мы не предусмотрели. Здесь, в нашем времени, Вулф живет — и, оказывается, Прошлому не так-то легко его вернуть. Время не так податливо, как мы думали. Мы пользовались неправильным сравнением. Это не резинка. Это больше похоже на диффузию — взаимопроникновение жидких слоев. Прошлое как бы просачивается в Настоящее… Но все равно придется отослать его назад, мы не можем оставить его здесь: в Прошлом образуется пустота, все сместится и спутается. В сущности, Вулфа сейчас удерживает у нас только одно — он сам, его страсть, его работа. Дописав книгу, он ускользнет из нашего Времени так же естественно, как выливается вода из стакана.

— Мне плевать, что, как и почему! — возразил Филд. — Я знаю одно: Том заканчивает свою книгу! У него все тот же талант, и вдохновение, и есть что-то еще, что-то новое, он ищет ценности, кото-

рые превыше Пространства и Времени. Он написал психологический этюд о женщине, которая остается на Земле, когда отважные космонавты устремляются в Неизвестность, это прекрасно написано, правдиво и тонко; Том назвал свой этюд «День ракеты», он описал всего лишь один день самой обыкновенной провинциалки: она живет у себя в доме, как жили ее прабабки, — ведет хозяйство, растит детей… невиданный расцвет науки, грохот космических ракет, а ее жизнь почти такая же, как была у женщин в каменном веке. Том правдиво, тщательно и проникновенно описал ее порывы и разочарования. Или вот еще рукопись, называется «Индейцы», тут он пишет о марсианах: они — индейцы космоса, их вытеснили и уничтожили, как в старину индейские племена чероков, ирокезов, черноногих. Выпейте, Боултон, выпейте!

На исходе второго месяца Том Вулф возвратился на Землю.

Он вернулся в пламени, как в пламени улетал, шагами исполина он пересек космос и вступил в дом Генри Уильяма Филда, в библиотеку, где на полу громоздились кипы желтой бумаги, исчирканной карандашом либо покрытой строчками машинописи: груды эти предстояло разделить на

шесть частей, они составляли шедевр, созданный с невероятной быстротой нечеловечески упорным трудом, в постоянном сознании неумолимо уходящих минут.

Том Вулф возвратился на Землю, он стоял в библиотеке Филда и смотрел на громады, рожденные его сердцем и его рукой.

— Хочешь все это прочесть, Том? — спросил старик.

Но он покачал массивной головой, широкой ладонью откинул назад гриву темных волос.

— Нет, — сказал он. — Боюсь начинать. Если начну, захочу взять все это с собой. А мне ведь нельзя это забрать домой, правда?

— Нельзя, Том.

— А очень хочется.

— Ничего не поделаешь: нельзя. В тот год ты не написал нового романа. Что написано здесь, должно здесь и остаться, что написано там, должно остаться там. Ничего нельзя изменить.

— Понимаю. — С тяжелым вздохом Вулф опустился в кресло. — Устал я. Ужасно устал. Нелегко это было. Но и здорово! Который же сегодня день?

— Шестидесятый.

— Последний?

Старик кивнул, и долгие минуты оба молчали.

— Назад, в тысяча девятьсот тридцать восьмой, на кладбище, под камень, — сказал Том Вулф, закрыв глаза. — Не хочется мне. Лучше бы я про это не знал, страшно знать такое…

Голос его замер, он уткнулся лицом в широкие ладони да так и застыл.

Дверь отворилась. Вошел Боултон со склянкой в руках и остановился за креслом Тома Вулфа.

— Что это у вас? — спросил старик Филд.

— Давно уничтоженный вирус, — ответил Боултон. — Пневмония. Очень древний и очень свирепый недуг. Когда мистер Вулф прибыл к нам, мне, разумеется, пришлось его вылечить, чтобы он мог справиться со своей работой; при нашей современной технике это было проще простого. Культуру микроба я сохранил. Теперь, когда мистер Вулф возвращается, надо будет заново привить ему пневмонию.

— А если не привить?

Том Вулф поднял голову.

— Если не привить, в тысяча девятьсот тридцать восьмом году он выздоровеет.

Том Вулф встал:

— То есть как? Выздоровлю, встану на ноги — там, у себя, — буду здоров и натяну могиль-

щикам нос?

— Совершенно верно.

Том Вулф уставился на склянку, рука его судорожно дернулась.

— Ну а если я уничтожу этот ваш вирус и не дамся вам?

— Этого никак нельзя!

— Ну… а если?

— Вы все разрушите.

— Что — все?

— Связь вещей, ход событий, жизнь, всю систему того, что есть и что было, что мы не вправе изменить. Вы не можете все это нарушить. Безусловно одно: вы должны умереть, и я обязан об этом позаботиться.

Вулф поглядел на дверь.

— А если я убегу и вернусь без вашей помощи?

— Машина Времени у нас под контролем. Вам не выйти из этого дома. Я вынужден буду силой вернуть вас сюда и сделать прививку. Я предвидел, что под конец осложнений не миновать, и сейчас внизу наготове пять человек. Стоит мне крикнуть… сами видите, это бесполезно. Ну вот, так-то лучше. Вот так.

Вулф отступил, обернулся, поглядел на старика, в окно, обвел взглядом просторную комнату.

— Простите меня. Очень не хочется умирать. Ох как не хочется!

Старик подошел, стиснул его руку.

— А ты смотри на это так: тебе удалось небывалое — выиграть у жизни два месяца сверх срока, и ты написал еще одну книгу — последнюю, новую книгу! Подумай об этом — и тебе станет легче.

— Спасибо вам за это, — серьезно сказал Томас Вулф. — Спасибо вам обоим. Я готов. — Он засучил рукав. — Давайте вашу прививку.

И пока Боултон делал свое дело, Вулф свободной рукой взял карандаш и на первом листе первой части рукописи вывел две строчки, потом вновь заговорил:

— В одной моей старой книге есть такое место. — Он нахмурился, вспоминая: — «...о скитаньях вечных и о Земле... Кто владеет Землей? И для чего нам Земля? Чтобы скитаться по ней? Для того ли нам Земля, чтобы не знать на ней покоя? Всякий, кому нужна Земля, обретет ее, останется на ней, успокоится на малом клочке и пребудет в тесном уголке ее вовеки...»

Вулф минуту помолчал.

— Вот она, моя последняя книга, — сказал он потом и на чистом желтом листе огромными черными буквами, с силой нажимая каранда-

шом, вывел:

ТОМАС ВУЛФ О СКИТАНЬЯХ ВЕЧНЫХ И О ЗЕМЛЕ.

Он схватил кипу исписанных листов, на миг прижал к груди.

— Хотел бы я забрать ее с собой. Точно расстаешься с родным сыном!

Отложил рукопись, хлопнул по ней ладонью, наскоро пожал руку Филда и зашагал к двери; Боултон двинулся за ним. На пороге Вулф остановился, озаренный предвечерним солнцем, огромный, величественный.

— Прощайте! — крикнул он. — Прощайте!

Хлопнула дверь. Том Вулф исчез.

Наконец его нашли: он брел по больничному коридору.

— Мистер Вулф!

— Да?

— Ну и напугали вы нас, мистер Вулф, мы уж думали, вы исчезли!

— Исчез?

— Где вы пропадали?

— Где? Где пропадал? — Его вели полуночными коридорами, он покорно шел. — Ого, если б я и сказал вам где… все равно вы не поверите.

— Вот и ваша кровать, напрасно вы встали.

И он опустился на белое смертное ложе, от которого исходило слабое, чистое веяние уготованного ему конца, близкого конца, пахнущего больницей; он едва коснулся этого ложа — и оно поглотило его, окутало больничным запахом и холодной крахмальной белизной.

— Марс, Марс, — шептал исполин в тишине ночи. — Моя лучшая, самая лучшая, подлинно прекрасная книга, она еще будет написана, будет напечатана, в иной год, через три столетия…

— Вы слишком возбуждены.

— Вы думаете? — пробормотал Томас Вулф. — Так это был сон? Может быть… Хороший сон…

Его дыхание оборвалось. Томас Вулф был мертв.

Идут годы. На могиле Тома Вулфа опять и опять появляются цветы. И казалось бы, что тут странного, ведь немало народу приходит ему поклониться. Но эти цветы появляются каждую ночь. Будто с неба падают. Огромные, цвета осенней луны, они пламенеют, искрятся прохладными, удлиненными лепестками, они словно белое и голубое пламя. А едва подует предрассветный ветер, они осыпаются серебряным дождем, брызжут белые искры и тают в воздухе. Прошло уже много-много лет с того дня, как умер Том

Вулф, а цветы появляются вновь и вновь...

1949 г. Опубликовано в 1950 г.

В путь недолгий

Имелось два немаловажных обстоятельства. Первое — ее весьма преклонный возраст. Второе — то, что мистер Тиркель собирался препроводить ее к Господу Богу. Разве не он поглаживал ее руку, приговаривая: «Миссис Беллоуз, мы с вами вместе полетим в космос на моей ракете на поиски Бога»?

Значит, так тому и быть. Ах, прежние группы, к которым раньше примыкала миссис Беллоуз, этой и в подметки не годились. В своем рвении осветить путь своим миниатюрным нетвердым стопам она чиркала спичками в темных переулках, прокладывая дорогу к мистикам-индусам, которые мерцали ресницами над хрустальными шарами. На лужайках она прогуливалась по тропинкам в компании импортных индийских философствующих аскетов, выписанных духовной родней и обожательницами мадам Блаватской. Она совершала паломничество в оштукатуренные джунгли Калифорнии, выслеживая ясновидящего астролога в его естественной среде обитания. Она даже согласилась уступить право собственности на один из своих домов в пользу

ордена вопиющих евангелистов, которые взамен пообещали ей золотистый дымок, хрустальное пламя и большую ласковую Божью длань, которая отнесет ее домой.

Они не пошатнули веру миссис Беллоуз, даже когда у нее на глазах их увозили в черных фургонах, под вой сирен в ночную мглу или же когда она обнаруживала их бесцветные, пустые, неодухотворенные, неромантичные физиономии в утренних таблоидах. Их травят и упрятывают с глаз долой за то, что они слишком много знают. Это же ясно!

И тут, две недели назад, в Нью-Йорк Сити ей на глаза попалось объявление мистера Тиркеля:

ПРИЛЕТАЙТЕ НА МАРС!

Проведите неделю в пансионате Тиркеля. Затем отправляйтесь в космос навстречу величайшему приключению вашей жизни!

Обращайтесь за бесплатным буклетом «Ближе к Тебе, мой Господь!»

Экскурсионные расценки. Билет туда и обратно несколько дешевле.

— Туда и обратно, — подумала миссис Беллоуз. — Кто же захочет возвращаться после встречи с Ним?

И вот она приобрела билет и полетела на Марс,

где провела несколько приятных деньков в пансионате мистера Тиркеля, на котором красовалась вывеска:

НА КОСМИЧЕСКОМ КОРАБЛЕ ТИРКЕЛЯ В ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ!

Она совершала омовения в прозрачных водах, избавляя свои хрупкие косточки от забот и треволнений, но вот у нее стали появляться признаки беспокойства. Она жаждала быть помещенной в частную ракету мистера Тиркеля, чтобы ею выстрелили, как пулей, в космос, за пределы Юпитера, Сатурна и Плутона. И тем самым — кто бы сомневался? — разве не становишься все ближе и ближе к Богу? Разве не начинаешь ощущать Его приближение? Не чувствуешь Его дыхание? Его пристальный взгляд? Его Присутствие?

— Посмотрите на меня, — сказала миссис Беллоуз, — я — древний, скрипучий, готовый к подъему лифт. Богу остается лишь нажать на кнопку.

На седьмой день осторожного хождения вверх-вниз по ступенькам пансионата в ее голову начали закрадываться сомнения.

— Начнем с того, — воскликнула она во всеуслышание, не обращаясь ни к кому конкретно, — что Марс вовсе не такая уж земля обетованная, как

нас уверяли! Моя комната смахивает на тюремную камеру, а плавательный бассейн никуда не годится. К тому же много ли найдется грибовидных и скелетообразных вдовушек, изъявляющих желание поплавать? И, наконец, весь этот пансионат насквозь пропах тушеной капустой и кедами!

Она отворила парадную дверь и хлопнула ею не без раздражения.

Ее изумляли старушки, собравшиеся в зале, который напоминал карнавальный зеркальный лабиринт, где непрерывно сталкиваешься с самим собой — то же мучнистое личико, цыплячьи ручонки и бренчащие браслеты. Перед ней проплывала вереница ее же собственных отражений. Она протянула руку, но оказалось, что это не зеркало, а дама с тряскими пальцами, которая промолвила:

— Мы ждем мистера Тиркеля. Ш-ш-ш!

— Ах! — прошелестели все собравшиеся.

Бархатный занавес раздвинулся.

Возник невообразимо безмятежный мистер Тиркель. Взглядом египетских глаз он охватил всех присутствующих. И все же его внешность позволяла заподозрить, что он сейчас воскликнет «Всем приветик!», и лохматые собачонки

примутся перепрыгивать через его ноги, спину и сквозь сомкнутые обручем руки. После чего он спляшет в компании своей живности, улыбаясь ослепительным зубным рядом, наподобие фортепьянных клавиш, и упорхнет со сцены на невидимых крыльях.

Потаенные мысли миссис Беллоуз, ею всегда подавляемые, подсказывали ей, что сейчас дешевый китайский гонг возвестит о явлении мистера Тиркеля. Его большущие водянистые глаза были до того неестественны, что одна старушенция легкомысленно заявила, что видела перед ними завесу из мошкары, точь-в-точь как над бадьей с летней дождевой водой. А миссис Беллоуз уловила запашок театрального нафталина и пар из ярмарочного парового органа — каллиопы, источаемый его тщательно отутюженным костюмом.

Но с тем же неистовым рационализмом, с каким она встречала все прежние разочарования в своей неустроенной жизни, она, отринув все подозрения, прошептала:

— На этот раз все *по-настоящему*! На этот раз все получится. Разве у нас нет *ракеты*?

Мистер Тиркель отвесил поклон и внезапно расплылся в улыбке комедийной маски. Пожилые дамы присмотрелись к его кадыку и почуяли

неладное.

Не успел он раскрыть рот, как миссис Беллоуз приметила, что он, взвешивая каждое слово, смазывает его маслом, обеспечивая ему плавное скольжение. Ее сердечко сжалось в кулачок, и она заскрежетала своими фарфоровыми зубками.

— Друзья, — молвил мистер Тиркель, и стало слышно, как сердца всего благородного собрания сковало холодом.

— Нет! — вскрикнула миссис Беллоуз раньше времени.

Она слышала, как на нее стремительно накатывают недобрые вести, как угрожают огромные черные колеса и истошно воет гудок, а она, беспомощная, привязана к рельсам.

— Ожидается небольшая задержка, — объявил мистер Тиркель.

В следующий миг мистер Тиркель мог бы воскликнуть, либо испытывал соблазн воскликнуть, в духе менестрелей:

— Дамы, оставайтесь на своих местах!

Ибо дамы повскакали с кресел и со всех сторон надвигались на него, сотрясаясь от негодования.

— Совсем крохотная задержка. — Мистер Тиркель всплеснул руками, поглаживая воздух.

— На сколько?

— Всего на неделю.

— На неделю!

— Да. Вы ведь можете провести в пансионате еще семь дней? Что вам небольшая задержка, в конечном счете? Вы же ждали всю жизнь. Всего несколько дней.

«*За двадцать долларов в сутки*», — мрачно подумала миссис Беллоуз.

— В чем дело? — вопрошала одна из женщин.

— Юридическая заминка, — ответил мистер Тиркель.

— У нас есть ракета?

— М-м-да.

— Я тут торчу целый месяц — все ожидаю, — сказала одна пожилая дама. — Задержки, задержки!

— Да, именно, — подхватили все.

— Дамы, дамы, — бормотал мистер Тиркель, лучезарно улыбаясь.

— Предъявите ракету!

Это уже миссис Беллоуз пошла в наступление в одиночку, потрясая кулачком, словно игрушечным молоточком.

Мистер Тиркель посмотрел в глаза пожилой дамы, как миссионер в окружении людоедов-альбиносов.

— Знаете ли, сейчас… — промямлил он.

— Сейчас же! — вскричала миссис Беллоуз.

— Я опасаюсь… — начал было он.

— Это я опасаюсь! — отрезала она. — Поэтому мы хотим увидеть корабль!

— Нет, нет, миссис… — Он щелкнул пальцами, чтобы вспомнить ее имя.

— Беллоуз! — рявкнула она.

Она являла собой небольшое вместилище, но теперь все, что накипело у нее на душе за долгие годы, вырывалось струями пара сквозь тончайшие поры. Ее щеки раскалились. С протяжным стоном заводского гудка миссис Беллоуз выбежала вперед и вцепилась в мистера Тиркеля чуть ли не зубами, как шпиц, сбрендивший от летней жары. Она ни за что бы не выпустила его, пока он живой. Ее примеру последовали остальные дамы. Они запрыгали и загалдели, словно обитатели собачьего приюта, напавшие на своего дрессировщика, того самого, кто их поглаживал, к кому они ластились, повизгивая от удовольствия еще час назад, а теперь окружили его, хватая за рукава, и от его египетской невозмутимости не осталось ни следа.

— Сюда! — вопила миссис Беллоуз, воображая, будто она мадам Лафарг. — За кулисы! Мы слишком долго ждали, чтобы увидеть наш корабль.

Каждый день он откладывал, каждый день мы ждали. А теперь посмотрим!

Они хлынули за сцену и выбежали в дверь, увлекая за собой беднягу в подсобку, а потом, к своему удивлению, в заброшенный спортзал.

— Вот она! — сказал кто-то. — Ракета!

И тут воцарилась невыносимая тишина.

Ракета.

Миссис Беллоуз взглянула на нее, и у нее опустились руки, державшие мистера Тиркеля за воротник.

Ракета напоминала помятую медную кастрюлю. На ней тыщами зияли прорехи и вмятины, из нее торчали ржавые трубы и глаза мозолили замусоренные отдушины. Под слоем пыли иллюминаторы напоминали кабаньи бельма.

У всех единым духом вырвался стон.

— Это и есть корабль «Во Славу Божию»? — в ужасе закричала миссис Беллоуз.

Мистер Тиркель кивнул, потупив очи долу.

— Это за нее мы выложили по тысяче своих кровных долларов и притащились на Марс, чтобы взойти с вами на ее борт и лететь на поиски Бога? — вопрошала миссис Беллоуз.

— Да она же гроша ломаного не стоит, — заключила миссис Беллоуз.

— Хлам!

Хлам, прошептали все, впадая в истерику.

— Держи его!

Мистер Тиркель пытался вырваться и убежать, но был зацапан со всех сторон множеством капканов и поник головою.

Все ходили кругами, как ослепшие мыши. От хождения вокруг ракеты и прикосновения к ней минут на пять воцарилось смятение и полились слезы, пока они кружились и ощупывали Ракету, Дырявый Чайник, Ржавую Лоханку для Дщерей Божьих.

— Так-так, — сказала миссис Беллоуз.

Она поднялась к перекошенному люку ракеты и повернулась ко всем лицом.

— Похоже, с нами приключилось ужасное происшествие, — сказала она. — У меня нет денег на возвращение на Землю, но я слишком горда, чтобы обращаться к правительству и признаваться в том, что какой-то ничтожный человечишка обвел нас вокруг пальца и прикарманил все наши сбережения. Не знаю, что вы все думаете об этом, но мы все очутились тут, потому что мне — восемьдесят четыре, вам — восемьдесят девять, а вам — семьдесят восемь, и все мы, расталкивая друг друга локтями, стремимся к своему

столетию. А на Земле нам ничего не светит, да и на Марсе, по всей видимости, тоже. Мы все надеялись, что не будем вдыхать слишком много воздуха или вышивать множество салфеточек, иначе мы бы никогда не добрались сюда. Так что я просто предлагаю — давайте рискнем!

Она протянула руку и прикоснулась к ржавой ракетной обшивке.

— Эта ракета *наша*. Мы заплатили за свой полет, и мы *отправимся* в этот полет!

Все заволновались, привстав на цыпочки и раскрыв от изумления рты.

Мистер Тиркель заплакал, причем это получалось у него очень легко и эффектно.

— Мы взойдем на этот корабль, — продолжала миссис Беллоуз, не обращая на него внимания, — и полетим туда, куда он нас понесет.

Мистер Тиркель прекратил лить слезы ровно на столько времени, чтобы сказать:

— Но это же была афера. Я не имею никакого понятия о космосе. К тому же все равно Его там нет. Я солгал. Не знаю, где Он, и не смог бы отыскать, даже если бы захотел. А вы, дурехи, мне поверили.

— Да, — призналась миссис Беллоуз, — мы дурехи. Ничего не скажешь. Но нас нельзя в этом

винить, ведь мы старые, а замысел был такой отличный, замечательный, превосходный, самый гениальный замысел на свете. Ах, на самом деле мы не обманулись в том, что можем приблизиться к Нему телесно. Это трогательная, сумасбродная старческая мечта, которой мы тешимся по нескольку минут на дню, хоть и знаем, что она несбыточна. Итак, все, кто хочет лететь, — за мной, на корабль!

— Вы не можете лететь, — возразил мистер Тиркель. — У вас нет навигатора. К тому же корабль ни на что не годится.

— Вы, — изрекла миссис Беллоуз, — будете навигатором.

Она взошла на корабль, и спустя мгновение за ней валом повалили остальные старушки. Мистер Тиркель преграждал им путь, лихорадочно размахивая руками, как крыльями ветряка, но через минуту люк захлопнулся. Под всеобщий гвалт мистер Тиркель был обездвижен и пристегнут к креслу навигатора. На каждую седую голову был надет особый шлем для снабжения кислородом, на тот случай, если корпус корабля прохудится. Наконец час пробил, и миссис Беллоуз, встав за спиной мистера Тиркеля, произнесла:

— Мы готовы, сэр.

Он не проронил ни слова, а безмолвно умолял их, прибегая к помощи своих большущих черных влажных глаз, но миссис Беллоуз покачала головой и ткнула в приборную доску.

— Взлетаем, — мрачно согласился мистер Тиркель и нажал на кнопку.

Все попадали. Оставляя за собой огненный шлейф, ракета стартовала с планеты Марс, грохоча, словно кухонная утварь, спихнутая в шахту лифта вкупе с кастрюльками, сковородками, чайниками, кипящим и булькающим варевом на огне, источая запах жженого ладана, резины и серы, с желтым пламенем и тянущейся за ракетой красной лентой, под хоровое пение старушек, взявшихся за руки, с миссис Беллоуз, ползущей вверх внутри стонущего, дрожащего от напряжения корабля.

— Курс на космос, мистер Тиркель!

— Она не выдержит, — сказал печально мистер Тиркель. — Ракета не выдержит. Она может…

Так и случилось.

Ракета взорвалась.

Миссис Беллоуз подбросило и головокружительно швырнуло, словно куклу. Она услышала истошные вопли и увидела тела, мелькающие вперемешку с ошметками металла в свете, просе-

янном сквозь частицы пыли.

— Помогите! На помощь! — кричал мистер Тиркель издалека на слабой радиоволне.

Корабль рассыпался на миллион частиц, и все сто старушек полетели вперед с той же скоростью, что и корабль.

А мистера Тиркеля, видимо, по причине траектории, выбросило с другого борта. Миссис Беллоуз видела, как он падает отдельно, в сторону ото всех остальных, и кричит, кричит…

«Вот и мистер Тиркель полетел» — подумала миссис Беллоуз.

И она догадывалась, куда именно он летит. Туда, где он как следует поджарится, обуглится и сгорит.

Мистер Тиркель падал на Солнце.

«А вот летим мы, — думала миссис Беллоуз. — Летим все дальше, и дальше, и дальше».

Движение едва ли ощущалось ею, но она знала, что летит со скоростью пятьдесят тысяч миль в час и будет лететь с такой скоростью целую вечность — до тех пор, пока…

Она видела, как остальные женщины кружатся вокруг нее, каждая по своей траектории. Кислорода в шлемах оставалось на несколько минут. Все смотрели туда, куда они летят.

«Конечно, — думала миссис Беллоуз, — мы летим все дальше и дальше в космос, во мглу, как в грандиозную церковь, где звезды горят, как свечи. И вопреки всему — мистеру Тиркелю, ракете и мошенничеству — мы летим навстречу Господу».

И действительно, в своем падении она почти разглядела очертания Того, Кто приближается к ней — Его могущественной золотой длани, протянутой, чтобы принять ее и утешить, словно напуганного воробья…

— Я миссис Амелия Беллоуз, — промолвила она тихо своим лучшим светским голосом, — с планеты Земля.

1951 г.

Лети домой

— Аккуратно. Вот так, вот так.

Ценнейший груз собирали и разбирали с величайшими предосторожностями и передали работникам космопорта в громадных ящиках и коробах величиной с комнату, наложили один, потом второй слой обертки, прошили ватой, перетянули шпагатом и сверху, во избежание поломок, обтянули бархатом. При всем бережном обращении с тюками, картонками и упакованным имуществом все спешили.

— Поторапливайся! Шевелись!

Это пришел черед второй, аварийно-спасательной ракеты. Первая ракета взмыла к Марсу вчера. В этот миг она, исчезнув из виду, рокотала по великим черным прериям космоса. Второй ракете предстояло, словно ищейке на заколдованном торфянике, выслеживать по пятам первую, вынюхивая мельчайшие следы стали, выжженных атомов и фосфора. Этой второй, неуклюжей тучноватой ракете с чудаковатыми людьми на борту никак нельзя было опоздать.

Вторая ракета была забита до отказа. Она билась в судорогах и содрогалась, сжалась в пру-

жину, как небесная гончая, и сорвалась изящным прыжком в небо. По пути из ракеты извергались лавины огня. Она обрушила вниз град раскаленных угольев и пламени, словно внезапно взлетевший горн. На бетонке еще дымились зола, пепел и окалина, а ракеты уже и след простыл.

— Будем надеяться, она благополучно долетит, — сказал ассистент психолога, вглядываясь в небо.

Первая ракета прибыла из ночного неба и села на планету Марс. Машины сделали богатырский глоток прохладного воздуха. Ракета принюхалась к нему механическими ноздрями, продула сквозь легкие и провозгласила сей воздух изысканным, десяти миллионов лет выдержки, пьянящим, но чистым.

Космонавты шагнули наружу.

Они оказались в одиночестве.

Тридцать человек с командиром очутились в краю, где вечно дул ветер над морями пыли и мертвыми городами, вымершими, когда Земля еще только распускалась, словно цветок джунглей за трижды по двадцать миллионов миль отсюда. Небо было неправдоподобно прозрачным, будто кристально чистый спирт из куба, и на нем не мерцая горели звезды. Воздух щекотал

горло и легкие как ножом. Его приходилось хватать ртом. Он был разреженный, призрачный, неуловимый; требовал за собой погони. Люди почувствовали головокружение и тягучую тоску. Песок завывал над ракетой. Дайте срок, говорил ночной ветер, и я похороню вас, если будете стоять не двигаясь, как я похоронил каменные города и запрятанные там человеческие мумии, запорошу, заровняю, как иголку с ниткой — и следов своих оставить не успеете.

— Внимание! — вмешался командир.

Ветер унес его голос, словно кувыркающийся лоскут невидимой газеты.

— В одну шеренгу становись! — скомандовал он назло одиночеству.

В движениях людей чувствовалась заторможенность. Они беспорядочно толклись, пока наконец не встали на свои места.

Командир встал к ним лицом. Планета лежала у них под ногами и повсюду. Они стояли на дне пересохшего моря. Приливные волны многих лет и столетий обрушились на них. Они были здесь единственными живыми существами. Марс был безжизнен и так далек ото всего, что у них аж забегали мурашки по коже.

— Ну, — жизнерадостно воскликнул коман-

дир, — вот мы и здесь!

— И здесь, — отозвался призрачный голос.

Люди оглянулись. У них за спиной — стены города, наполовину занесенного пылью, песком и древними мхами, стены города, погрязшего во времени по самые высокие шпили, ответили эхом. Черные стены расплывались, как песок под струей воды.

— Каждый из вас знает, что делать! — кричал командир.

— Что делать, что делать, — вторили ему городские стены.

Командир был заметно раздражен. Экипаж не стал снова оборачиваться, но по их затылкам пробежал холодок, и они почувствовали каждый свой вставший дыбом волосок.

— Шестьдесят миллионов миль, — прошептал в конце шеренги капрал Энтони Смит.

— Разговорчики в строю! — закричал командир.

— Шестьдесят миллионов миль, — повторил про себя Энтони Смит, оборачиваясь.

В вышине холодного темного неба сияла Земля — звезда, ни дать ни взять — звезда, далекая, прекрасная, но всего лишь звезда. Ничто в ее очертаниях или свечении не выдавало существо-

вания морей, стран, городов.

— А ну, тихо! — гневно заорал командир, сам удивившись своей злости.

Все посмотрели на Смита в конце шеренги.

А он смотрел в небо. Они перехватили его взгляд и узрели Землю, недосягаемо далекую, на расстоянии полугода во времени и в миллионах миллионов миль. Их мысли беспорядочно заметались. Много лет назад человечество на судах и кораблях, аэростатах и самолетах вышло на арктические просторы Земли. Брали храбрейших, как на подбор, энергичных, несгибаемых, чистых душой, притертых друг к другу. Но сколько ни отбирай, кто-то ломался, погружался в арктическую белизну, в долгие ночи, безумие суток, тянувшихся месяцами. Было так одиноко. Одиноко. Стадный человек, оторванный от жизни, от женщин, мнил, будто мозг его размякает. Как все гнусно и тоскливо!

— Шестьдесят миллионов миль! — произнес Энтони Смит уже громче.

А теперь возьмем тридцать человек. Сколотим, выстроим по ранжиру, расфасуем, разложим по полочкам. Впрыснем им противоядие в душу и тело, рафинируем, пропсихоанализируем, зарядим этими крепкими орешками пистолет и

— огонь по мишеням! И что получим в конечном счете? Тридцать человек в шеренге, один из которых сначала забормотал себе под нос, потом заговорил громче. Тридцать человек вперились в небеса и видят далекую звезду, зная, что Иллинойс, Айова, Огайо и Калифорния канули в бездну. А ты очутился в каком-то жутком мире, где ветер никогда не перестает, где все умерло, где командир пытается строить из себя добряка. И тут, как будто тебе это раньше не приходило в голову, ты говоришь себе: «Черт возьми, я же на Марсе!»

А Энтони Смит это сказал вслух.

— Я не у себя дома. Я не на Земле. Я на Марсе! Где Земля? Вон она! Видишь, светится чертова булавочная головка? Так это она и есть! Какая глупость! А тут мы что делаем?

Люди напряглись. Командир резко повернулся к психоаналитику Уолтону. Они быстро прошлись вдоль шеренги, пытаясь выглядеть непринужденно.

— Ну что, Смит, какие проблемы?

— Я не хочу здесь находиться. — Смит побледнел. — Боже праведный, ну зачем я сюда прилетел? Это же не Земля.

— Ты же сдавал все экзамены. Ты знал, что

тебя ждет.

— Нет, я закрывал на это глаза.

Командир метнул сердитый взгляд на психиатра, как будто доктор был виноват. Последний пожал плечами.

«Каждый может ошибаться», — хотел было он сказать, но сдержался.

Молодой капрал готов был расплакаться.

Психиатр мгновенно сориентировался.

— Все за работу! Развести костер! Ставить палатки! Не терять времени!

Люди расходились и роптали. Они уходили нехотя, оглядываясь назад.

— Вот чего я опасался, — сказал психиатр. — Этого! Космические путешествия, черт бы их побрал, штука новая, *слишком* новая. Никому не дано знать, что могут сделать с человеком шестьдесят миллионов миль.

Он взял в оборот молодого капрала.

— Так вот. Все в порядке. Вам лучше приниматься за свою работу, капрал. Займите себя чем-нибудь, да поскорее.

Капрал закрыл лицо руками:

— Это жуткое ощущение — знать, что ты так далеко от всего. И вся планета мертва. Никого, кроме нас.

Ему поручили разгружать коробки с замороженным провиантом.

Психиатр и командир стояли невдалеке на песчаной дюне, наблюдая за работой людей.

— Конечно, он прав, — сказал психиатр. — Мне тут тоже не нравится. Это опустошает, совершенно подавляет. Здесь одиноко. Все до чертиков мертво и далеко. Еще этот ветер. Опустевшие города. Мне паршиво.

— Я и сам не в своей тарелке, — сказал командир. — Что вы думаете насчет Смита? Выдержит или загнется?

— Я присмотрю за ним. Ему сейчас нужны друзья. Если он загнется, то, боюсь, потянет со собой остальных. Мы все связаны одной веревкой, даже если она незримая. Я только уповаю на то, что вторая ракета прорвется. Увидимся позже.

Психиатр удалился; ракета стояла в ночи на морском дне посреди Марса, и тут, без предупреждения, выскочили две белые марсианские луны, словно кошмарные воспоминания, и понеслись по небу, вдогонку друг за другом. Командир стоял, глядя в небеса, где сияла Земля.

Ночью Смит свихнулся. Рассудок у него помрачился, но он никого не потянул за собой. Он изо всех сил дергал за эту веревку, всю ночь вызывая

потаенные страхи, крики, вопли, предсказания ужасной погибели. Но остальные держались крепко, трудились, обливаясь потом, в темноте. Он никого не смог увлечь за собой в свое убежище у подножия высоченного утеса. Он падал всю ночь. Утром долетел до дна. Под воздействием успокоительных средств Смита, с закрытыми глазами, свернувшегося калачиком, уложили в постель на корабле, откуда его вопли доносились как шепоты. Воцарилась тишина. Трудились только ветер и люди. Психиатр раздавал дополнительные пайки еды, шоколада, сигарет и бренди. Они с командиром неусыпно вели наблюдение.

— Не знаю, что и сказать. Я начинаю подозревать…

— Что?

— Человек не был создан для того, чтобы забираться так далеко, в одиночестве. Путешествия в космосе требуют слишком многого. Изоляция, оторванность совершенно противоестественная; космос сам по себе, если призадуматься, — сумасшествие наяву, — сказал командир. — Будьте начеку — я и сам слетаю с катушек.

— Не молчите, — сказал доктор.

— Что скажете? Выдержим мы здесь?

— Справимся. Признаю, людям тошно. Если в

течение суток не будет улучшения и спасательный корабль не появится, нам придется уходить в космос: одно осознание того, что мы летим домой, выведет людей из этого состояния.

— Боже, все пойдет прахом. Какая досада! Миллиард долларов — в трубу. Что мы скажем сенаторам, когда вернемся, — что струсили?

— Иногда трусость — единственное, что нам остается. Человек способен выдерживать до определенного предела. Потом нужно убегать. Если только не найдется никого, кто побежит вместо него. Посмотрим.

Взошло солнце. Две луны исчезли. Но и при дневном свете Марс оказался ничуть не гостеприимнее, чем ночью. Кто-то выстрелил в животное, которое ему померещилось за спиной. Кто-то бросил работу из-за ослепляющей головной боли и ушел на корабль. Хотя большую часть дня они проспали, сон их только измотал. Многие просили доктора дать им успокоительное и бренди. С наступлением темноты доктор и командир подвели итоги.

— Нам лучше сматываться отсюда, — сказал Уолтон. — Еще один случай — Соренсон. Бернард — то же самое. Очень жаль. Оба — отличные ребята. Замечательные. Но мы не смогли воспро-

извести Марс в наших лабораториях на Земле. Никакое испытание не может воспроизвести незнаемое. Шок от изоляции, от одиночества. В *тяжелой* форме. Что ж, это была достойная попытка. Лучше быть счастливыми трусами, чем бесноватыми психами. Что до меня, так мне здесь плохо. Как сказал тот бедняга, я хочу домой.

— Итак, должен ли я отдать приказ? — спросил командир.

Психиатр кивнул.

— Боже мой, я не хочу сдаваться без борьбы.

— Не с чем бороться — только ветер и пыль. Мы могли бы дать настоящий бой, если бы прибыл спасательный корабль, а его все нет и нет…

— Капитан, сэр!

— Да? — командир и психиатр обернулись.

— Взгляните, сэр! В небо! Спасательный корабль!

Ничего, кроме правды. Люди высыпали из корабля, из палаток. Солнце село, и подул холодный ветер, но никто не расходился, все до рези в глазах смотрели, как в вышине разгорается огонь. Вторая ракета возвестила о своем прибытии длинным шлейфом красного пламени, которое ширилось, и ширилось, и ширилось. Она приземлилась. Она остыла. Люди из первой ракеты с

криком побежали к ней по морскому дну.

— Ну? — спросил командир, отступая. — Что это значит? Уходим или остаемся?

— Пожалуй, остаемся, — сказал психиатр.

— На сутки?

— Немного дольше, — ответил Уолтон.

Из второй ракеты кранами поднимали огромные контейнеры.

— Осторожней! Осторожней!

Держали наготове чертежи, кувалды, ломы и рычаги. Психиатр верховодил.

— В эту сторону! Ящик № 75? Туда. Контейнер № 067? *Сюда*! Вот так. Вскрывайте. Язычок «А» в прорезь «В». Язычок «В» в прорезь «С». Хорошо, отлично, *замечательно*!

Все было собрано до рассвета. За восемь часов из ящиков и контейнеров они смонтировали чудеса. Убрали долой шпагат, вощанку и картон. В отдельности протерли и перебрали каждую деталь целого. Когда подошло время, люди из первой ракеты выстроились на подступах к этому чуду, не веря своим глазам, в благоговейном ужасе.

— Готовы, капитан?

— Еще бы!

— Включайте рубильник.

Капитан включил рубильник.

Маленький город засветился.

— Бог ты мой! — вырвалось у командира.

Он вступил на единственную главную улицу города.

С каждой стороны улицы стояло по шесть домов: бутафорские фасады, сияющие гирлянды красных, желтых, зеленых огоньков. Из полудюжины потайных музыкальных автоматов лилась музыка. Хлопали двери. Из парикмахерской возник некто в белом халате с синими ножницами и черной расческой в руках. За его спиной медленно вращался символ всех цирюльников — красно-белый полосатый шест. Рядом — закусочная с журнальной стойкой у порога; ветер трепал газетные полосы, на потолке крутился вентилятор, изнутри раздавалось змеиное шипение газировки. Мимоходом они заглянули внутрь. Им улыбнулась девушка в зеленом хрустящем накрахмаленном колпаке.

Бильярдная — зеленые столы, как прогалины в лесу, мягкие, манящие. Разноцветные бильярдные шары, выложенные треугольниками, замерли в ожидании. Напротив церковь — окна из имбирного, земляничного, лимонного стекла. А в ней — человек в черном костюме

с белым воротничком. Дальше — библиотека. Поодаль — отель. МЯГКИЕ ПОСТЕЛИ. ПЕРВАЯ НОЧЬ БЕСПЛАТНО, КОНДИЦИОНЕР. За конторкой служащий — рука на серебристом колокольчике. Но то место, куда они шли, притягивало их, как запах воды приманивает скот в пыльных прериях, — здание в начале улицы.

САЛУН «МИЛД БАК»

Человек с напомаженными курчавыми волосами, рукавами, засученными выше волосатых локтей и схваченными красными подвязками, стоял там, подпирая столб. Он исчез за качающимися дверями. Когда они стояли в дверях, он уже начистил стойку бара и теперь разливал виски в тридцать сверкающих стаканчиков, выстроенных в линейку на прекрасном длинном баре. Над головой уютно светила хрустальная люстра. Наверх вела лестница — а там, на балконе, из нескольких дверей струился тончайший аромат духов.

Все молча подошли к бару. Взяли виски и залпом осушили, не вытирая губ. В глазах защипало.

Стоя в дверях, командир прошептал психиатру:

— Подумать только! Какие затраты!

— Студийные декорации, сборно-разборно-складные. Священник в церкви по соседству, конечно, настоящий. Трое брадобреев тоже. Да еще тапер.

Человек за пианино с пожелтевшими клавишами-клыками заиграл «Женщину из Сент-Луиса с бриллиантовыми кольцами».

— Аптекарь, две девушки — продавщицы газировки, хозяин бильярдной, чистильщик обуви, гардеробщик, два библиотекаря, то да се, работники, электрики и так далее. Это еще два миллиона долларов. Отель всамделишный — *сверху донизу*. В каждом номере душ. Комфорт. Отменные кровати. У остальных зданий внешние стены на три четверти ложные. Все аккуратно выстроено, со своими пазами и выступами. Даже ребенок за час соберет эту игрушку.

— А она сработает?

— Взгляните на их лица. Они уже успокаиваются.

— Почему вы раньше мне не сказали?!

— Потому что если бы они прознали, на какую ерунду тратятся деньги, газеты разорвали бы меня на куски — вмешались бы сенаторы, Конгресс, Господь Бог. Все это глупо и наивно до чертиков, но ведь *работает*. Это — *Земля*. Больше меня ни-

чего не интересует. Это — *Земля*. Клочок Земли, к которому человек может прикоснуться и сказать: «Это Иллинойс. Город, который я *знавал*. И *здания* мне знакомы. Это уголок Земли, перенесенный сюда ради меня, чтобы я мог за него держаться, пока сюда не привезут *еще* и не прогонят одиночество навсегда».

— Дьявольски изощренно.

Улыбаясь, люди заказали виски на всех по второму кругу.

— Командир, члены экипажа на нашем корабле родом из четырнадцати маленьких городов. Их так специально отбирали. На этой улочке из каждого городка взято по одному зданию. Бармен, священники, бакалейщик, все тридцать человек экипажа второй ракеты — из этих городков.

— Тридцать? *Не считая* спасательного экипажа?

Психиатр не без удовольствия пробежался взглядом по лестнице на балкон, по запертым дверям. Одна из них чуть приоткрылась, и в щелочке на мгновение мелькнуло прекрасное синее око.

— Каждый месяц мы будем привозить все больше огней и городов, все больше людей — больше земного. Все должно быть знакомое. То, что зна-

комо, здравому уму на пользу. Первый раунд мы выиграли. Не будем стоять на месте — будем выигрывать и дальше.

Люди начали смеяться, разговаривать, хлопать друг друга по плечу. Некоторые вышли и направились в дом напротив — подстричься, поиграть в бильярд, в бакалейную лавку; кто-то скрылся в церковной тиши, и органная музыка послышалась как раз перед тем, как пианист в салуне, освещенном хрустальной люстрой, заиграл «Фрэнки и Джонни». Двое, смеясь, поднялись по лестнице к дверям, что на балкончике.

— Командир, я человек непьющий. Как насчет ананасного коктейля в закусочной напротив?

— Что? А-а. Я вот думаю… про Смита. — Командир повернулся к нему. — Он остался на корабле. Как вы считаете… может, привести Смита сюда, к нам? Будет ли от этого толк? Понравится ли ему здесь? *Осчастливит* ли его?

— Во всяком случае, попытаемся, — сказал доктор.

Пианист очень громко заиграл «Мою старую компанию». Все запели. Некоторые затанцевали. И городок, словно алмаз, сверкал в темноте пустыни. Одинокий Марс, черное небо, полное звезд, напор ветра, луны восходят, моря и древние

города мертвы. Но лучезарный полосатый шест над парикмахерской вращался, и окна церкви окрасились в цвета кока-колы, лимонада и ежевичного напитка.

На пианино кто-то тренькал «Skip to My Lou» — через полчаса после того, как командир, психиатр и некто третий вошли в закусочную и сели.

— Три ананасных коктейля, — сказал командир.

Они сидели, почитывая журналы и медленно покручиваясь на винтовых табуретах, пока девушка за стойкой не принесла и не поставила к локтю каждого из них по стакану коктейля.

И все трое разом потянулись к соломинкам.

1952 г. Опубликовано в 2009 г.